ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2017 № 6

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2017. No. 6

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2017. № 6

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – № 6. – 416 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова (редактор)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2017. – No. 6. – 416 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors
Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova (Editor)

Editorial Board
Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, Kosygin Russian State University of Design and Technology (Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council
Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia) Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

А.А. Бабиков. Неподошедшие конечности и недоделанные торсы. Рукопись «Райской птицы» и ранняя редакция «Solus Rex» в замысле «Лолиты» 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

М.В. Строганов. Литературный быт как литературный факт. Дневник А.В. Маркова-Виноградского…..... 30

А.А. Бестужев-Марлинский в дневнике А.В. Маркова-Виноградского. *Подготовка текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово. Примечания Е.В. Петренко, М.В. Строганова* 48

БИОГРАФИКА

А.В. Бакунцев. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937)..... 70

В. Хазан. Довид Кнут: Новые материалы 92

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

А.А. Костин. Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева («Смотри Белев словарь, статью Акиба») 167

Л.В. Тимофеев. Комментарии к комментариям. Дневник и воспоминания А.А. Олениной 173

П.А. Дружинин. О первой книге А.С. Пушкина..... 220

А.И. Рейтблат. Булгарин и вокруг. 4. Неудавшийся Булгарин (М.А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф.В. Булгариным)..... 229

В.В. Филичева. «Все испортили “обои”» (Сборник Н. Гумилева, представленный на Пушкинскую премию) 250

В.Б. Зусева-Озкан. «Заметки к Гондле» Н. Гумилева..... 258

А.С. Аристова (Тинникова). И.А. Бунин и М.А. Волошин: К истории взаимоотношений..... 267

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе. *Вступительная статья Н.А. Дровалевой, К.И. Плотникова. Подготовка текста и комментарии Е.В. Безмен*..... 281

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Т.М. Двинятина. Авторские экземпляры сборника И.А. Бунина «Избранные стихи» (1929) в контексте источников научного издания..... 338

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники. Материалы энциклопедии. *Составление и вступительная заметка Е.Н. Строгановой*..... 360

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Е.Е. Вахненко. «Ни в одном русском писателе не было такого слияния человека с писателем...». Художественно-эстетический феномен А.М. Ремизова в рецепции современных исследователей 387

Contents

FROM THE LITERARY HERITAGE

Andrei A. Babikov. Discarded limbs and unfinished torsos. The manuscript of "Rayskaia Ptitsa" and the first version of "Solus Rex" in the conception of "Lolita" 8

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Mikhail V. Stroganov. Literary life as a literary fact. A.V. Markov-Vinogradsky's diary…. 30

A.A. Bestuzhev-Marlinsky in A.V. Markov-Vinogradsky's diary. *Editing by Anna K. Mikhailova, Lidiya K. Khitrovo. Notes by Evgeny V. Petrenko, Mikhail V. Stroganov* 48

BIOGRAPHY

Anton V. Bakuntsev. I.A. Bunin and the Russian Cultural Committee in Belgrade (1928–1937) 70

Vladimir Khazan. Dovid Knout: New materials 92

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Andrey A. Kostin. A Commentary to A.N. Radishchev's "Journey from St. Petersburg to Moscow" ("See Bayle's dictionary, entry Akiba") 167

Lev V. Timofeev. Comments on comments. Diary and memoirs of A.A. Olenina ... 173

Petr A. Druzhinin. On the first book by A.S. Pushkin 220

Abram I. Reitblat. Bulgarin and others. 4. Unsuccessful Bulgarin (M.A. Bestuzhev-Ryumin and His Relations with F.V. Bulgarin) 229

Vera V. Filicheva. "Wallpaper ruined it all" (Nikolay Gumilev's Book of Poems Submitted for the Pushkin Prize) 250

Veronika B. Zuseva-Özkan. "Notes on Gondla" by Nikolay Gumilyov 258

Anastasia S. Aristova (Tinnikova). I.A. Bunin and M.A. Voloshin: On the history of relationships 267

ON THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

Discussion on Andrei Bely's lecture about the play "Dead souls" staged by the Art Theatre. Introduction by *Natalia A. Drovaleva*, *Konstantin I. Plotnikov*. *Editing by Ekaterina V. Bezmen* 281

TEXTOLOGY ISSUES

Tatiana M. Dvinyatina. Ivan Bunin's copies of his poetry collection «Selected Poems» (1929) as sources for a critical edition of his works 338

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries. Encyclopedia materials. Compilation and introductory note by *Evgenija N. Stroganova* 360

REVIEWS. CHRONICLE

Ekaterina E. Vakhnenko. "There was no such a merging of a writer and a man in any other Russian writer…" Modern Scholars on the Artistic and Aesthetic Phenomenon of Alexey Remizov 387

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-8-29
УДК 821.161.1

Неподошедшие конечности и недоделанные торсы. Рукопись «Райской птицы» и ранняя редакция «Solus Rex» в замысле «Лолиты»

А.А. Бабиков

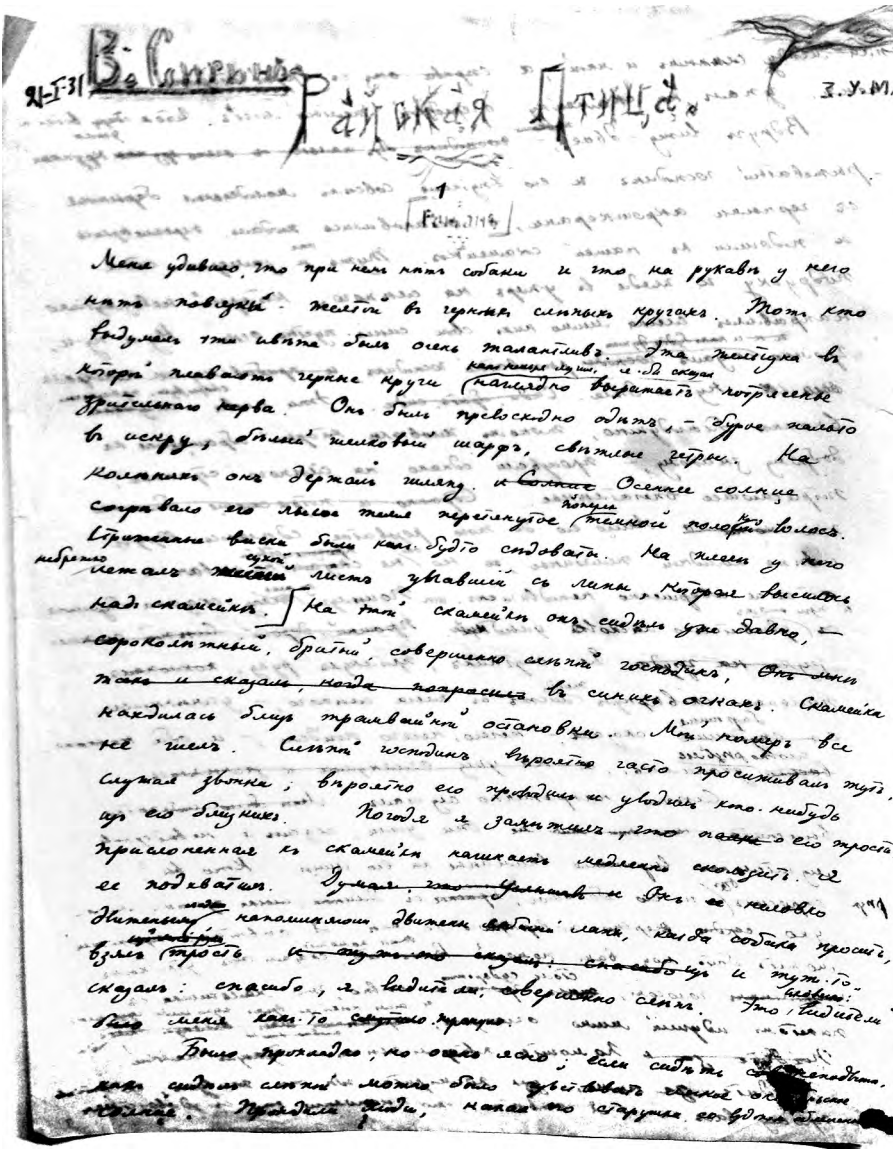
Аннотация: В статье рассматриваются и впервые публикуются два архивных материала В.В. Набокова: сохранившиеся страницы рукописи начальной редакции романа «Камера обскура» (1933), относящиеся к 1931 г., и фрагмент из машинописного текста «Solus Rex» (1939–1940). Оба текста соотнесены друг с другом и с замыслом романа «Лолита» (1955).

Ключевые слова: Владимир Набоков, архивные материалы, незавершенные сочинения, «Лолита», «Камера обскура», литература русской эмиграции

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабиков, независимый исследователь, Москва. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

1. Страницы рукописи «Райской птицы»

Разыскания в области начал и превращений художественных замыслов – увлекательное, почти детективное занятие, подразумевающее обратное авторскому ретроспективное движение исследователя от законченного произведения к промежуточным и первичным стадиям его воплощения. Исследователь начал, обладающий целым, как данностью, дедуцирует те частности, которые в сопоставлении с новыми данными имеют значение для понимания различных сторон изучаемого произведения и глубже освещают его замысел. Подготовительные материалы и ранние редакции позволяют рассматривать произведение в его динамическом становлении, раскрывают его первостепенные и второстепенные тематические, стилистические, композиционные, автобиографические и другие составляющие, выявляют общие для нескольких произведений сквозные мотивы. И, разумеется, еще более важным оказывается изучение подготовительных материалов и ранних редакций незавершенных произведений, замысел которых приходится реконструировать по тем более или менее разрозненным и отделанным фрагментам, которые доступны исследователю.

Первая страница рукописи «Райской Птицы».
The New York Public Library / Berg collection

Набоков принадлежал к числу тех писателей, начальные замыслы которых претерпевали значительные изменения, а окончательные редакции сочинений зачастую существенно отличались от первых вариантов и набросков. Одним из таких сочинений, подвергнутых коренной переделке (сначала в русской, а затем и в английской версиях) стал роман «Камера обскура», написанный в Берлине в 1931 году. О начальном этапе работы над этой книгой имеется на удивление мало сведений. Брайан Бойд в своей монументальной биографии писателя приводит слова Набокова в письме к матери от 25 февраля 1931 года относительно романа, носившего в то время название «Райская птица»: «[…] роман кончен, сейчас повел его в Institut de Beauté делать ему маникюр, личико там массирую, морщинку вывожу, то да се, – скоро увидишь его во всей красоте»[1]. Однако, как сообщает Бойд, Набоков вскоре пришел к выводу, что роман нуждается в серьезной переделке и только спустя три месяца он закончил его новую редакцию. Роман вышел «под другим названием – “Камера обскура” и […] не имел ничего общего с двумя дошедшими до нас страницами “Райской птицы”, кроме темы обманутого слепца»[2].

Мы не знаем какой вид имел этот «оконченный роман» три месяца спустя, т.е. в конце мая 1931 года, – едва ли тот, который известен читателю, поскольку первые публикации отрывков из него появились только еще год спустя, сначала в газете «Последние новости» (В. Сирин. «Камера обскура» (Глава из романа). 17 апреля 1932. С. 2–3), затем в журнале «Современные записки», и трудно представить себе, что рукопись завершенной книги пролежала у Набокова целый год без существенных изменений, тем более, что и после журнальной публикации он подверг роман значительной переделке для книжного издания, состоявшегося в следующем году[3]. Судя по всему, опубликованный в журнале в 1932 году текст романа под названием «Камера обскура» значительно отличался от редакции весны 1931 года. В архиве Набокова, однако, не удалось обнаружить завершенной рукописи сочинения под названием «Райская птица», обнаружены лишь шесть страниц с началом произведения, озаглавленного: «“Райская птица” (романъ)», и фрагментом из другой части книги, в которых излагается история,

[1] *Бойд Брайан*. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 423.

[2] Там же. С. 424. Рукопись «Райской птицы» хранится в архиве Набокова в Публичной библиотеке Нью-Йорка (The New York Public Library / Vladimir Nabokov papers / Berg collection).

[3] См.: *Яновский А*. Примечания // *Набоков В*. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3. С. 742–743.

напоминающая сюжет «Камеры обскура»[4]. Указанная Набоковым дата на первой странице начала романа, «21–I–31», согласуется с его письмом к матери от 25 февраля 1931 года о завершении работы над ним, поскольку одного месяца было вполне довольно для окончания первого варианта небольшого романа, даже если предположить, что эта дата относится к начальному этапу работы.

Начало романа на двух страницах (карандаш, чернила, листы писчей бумаги), представляет собой предназначенный для ремингтонирования отделанный черновик; продолжение романа на четырех страницах, представляющее собой, по-видимому, начало новой главы, судя по листам бумаги и чернилам, принадлежит к той же рукописи, написано тем же разборчивым почерком, но несет следы более значительной правки. Герои «Камеры обскура» – богатый немец Бруно Кречмар, художник Роберт Горн, шестнадцатилетняя немецкая девушка Магда Петерс, в которую Кречмар влюбляется с катастрофическими для себя и своей семьи последствиями и которая безжалостно обманывает его вместе с Горном – в рукописи «Райской птицы» безымянны; зато в отрывке из середины книги возникают три новых героя: «берлинский художник Онезорге» (этот «полнокровный лысый» человек, для которого Набоков избрал известную немецкую фамилию, – один из начальных образов Горна и последующих, сходных с ним фигур), не названный по имени русский художник и молодая замужняя русская дама по имени Таня. Помимо сюжета и содержания, Набоков изменил композицию (в «Райской птице» события излагаются ретроспективно) и саму форму повествования, которое в «Камере обскура» ведется от третьего лица, а в «Райской птице» от первого – от лица того самого русского художника, которому посвящены страницы из второго

[4] Указание Бойда о двух начальных страницах этой рукописи, вероятно, объясняется тем, что ко времени его работы над биографией Набокова другая часть рукописи еще не была идентифицирована в архивных материалах писателя. В настоящее время в нью-йоркском архиве Набокова папка с рукописью «Райской птицы» содержит шесть страниц текста (на трех листах, исписанных recto verso), однако, в описании рукописи ошибочно указано 10 листов: Manuscript box 2. Rayskaya ptitsa. Holograph draft of begining of unfinished novel, signed V. Sirin. In Russian. 1931 Jan. 21 (10 leaves). По моей просьбе смотритель архива Мэри Кэтрин Киннибург проверила материалы «Райской птицы» и подтвердила ошибочность описания. В вашингтонском архиве Набокова хранится финал более поздней черновой редакции романа (подписанной «В. Сиринъ» и датированной, насколько можно разобрать, «21–III–31», т.е. ровно спустя два месяца после даты на первой странице «Райской птицы»), девять страниц рукописи (Library of Congress / Manuscript Division / Vladimir Nabokov Papers / Writings 1918–1964, box 2). Эта редакция значительно отличается от замысла «Райской птицы», будучи намного ближе опубликованному тексту романа и, возможно, относится к тому переделанному весной 1931 г. варианту романа, о котором пишет Бойд. Я сердечно благодарен проф. Ольге Ворониной, приславшей мне для сравнения с рукописью «Райской птицы» копию страниц рукописи этой редакции романа из вашингтонского архива Набокова.

отрывка. Что в начале романа рассказчик – тот же русский художник, следует из первых же строк, в которых он профессионально описывает сочетание желтого и черного цветов, которое «как нельзя лучше […] выражает потрясенье зрительного нерва».

Причины, по которым Набоков отказался от замысла романа об обманутом слепце с русским героем-художником (который, по-видимому, должен был противостоять по подлинности своей души и искусства талантливому, но жестокому и насмешливому «рыжеватому» господину из начала рукописи – будущему Горну), были продиктованы, вероятно, тем, что книга с острым сюжетом и адюльтером приобретала в таком виде слишком личный, почти лиричный уклон, и само название ее, «Райская птица», прямо указывало на мифическую райскую птицу Сирин[5]. Вероятно, по замыслу «Райской птицы» русский художник, случайно встретивший слепого на берлинской улице, должен был узнать его чудовищную историю и сыграть некую важную роль в его драме (начальный отрывок обрывается на том, что он соглашается по просьбе слепца проследить за самодовольным господином и «совсем молоденькой барышней» и узнать, где они живут), в то время как вторым главным сюжетным планом книги должен был стать его собственный роман с «Таней». Причем и сам слепец и девушка с «рыжеватым» своим спутником также были русскими, вероятно, эмигрантами: русский рассказчик передает их разговор на улице и свой разговор со слепым как обычную русскую речь, ничем не отмечая иностранного или туземного происхождения этих героев. В опубликованной версии романа вся русская и эмигрантская линия «Райской птицы» была тщательно вытравлена, остались лишь такие незначительные штрихи, как, например, в описании романтических невзгод молодого Кречмара: «Затем в Бад-Гамбурге – молодая русская дама с чудесными зубами, которая как-то вечером, в ответ на любовные увещевания, вдруг сказала: “А ведь у меня вставная челюсть, я ее на ночь вынимаю. Хотите сейчас покажу, если не верите”» (гл. II). О другом русском штрихе речь пойдет ниже. Однако тему живописи в «Камере обскура», связанную в «Райской птице» с образом одаренного русского художника, Набоков хотя и видоизменил, но сохранил: Кречмар – знаток живописи, Горн – талантливый карикатурист, в котором живописец изредка «торжествовал над зубоскалом».

Если начальный импульс к замыслу «Райской птицы» был вызван зрительными впечатлениями Набокова на берлинских улицах (к чему

[5] Набоков, кроме того, мог отказаться от романа из эмигрантской жизни в пользу немецкого антуража, как и придать кинематографичность своему повествованию, ради видов (оправдавшихся) на переводы книги и экранизацию в западных странах.

подталкивает начало этой рукописи с наблюдательным русским художником), то вполне возможно, что он относится к лету 1926 года, когда Набоков писал жене о Германии и берлинских улицах так:

> Моя душенька, я теперь особенно живо чувствую, что с того самого дня, когда ты в маске пришла ко мне, – я удивительно счастлив, наступил золотой век для души […] и, право, я не знаю, что мне еще нужно кроме тебя… Моя душенька, из побочных маленьких желаний могу отметить вот это, давнее: уехать из Берлина, из Германии, переселиться с тобой в южную Европу. Я с ужасом думаю об еще одной зиме здесь. Меня тошнит от немецкой речи, – нельзя ведь жить одними отраженьями фонарей на асфальте, – кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, – есть еще вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство[6].

Во втором сохранившемся отрывке из «Райской птицы» повествователь романа, живущий в Берлине известный русский художник (воплощенный позднее в «Даре» в фигуру художника Романова, наделенного таким же «резким и своеобразным даром») рассказывает о своем ремесле. Он говорит о своем отношении к критике и славе и затем описывает разнузданную берлинскую вечеринку из недавнего прошлого, на которой он знакомится с некой Таней, единственной русской среди пестрой полуартистической публики, по отношению к которой герой Набокова применяет оксюморон «богатенькая богема». Что Набоков по крайней мере учитывал в этой сцене традицию посвященной богемной жизни литературы, следует из прямого упоминания в ней зачинателя жанра Анри Мюрже.

Впервые на этот архивный текст обратил внимание А. Долинин в примечании к письмам Набокова к Г.П. Струве. Он воспроизвел фрагмент из этой второй части рукописи (с рядом неверных прочтений и неотмеченных пропусков) от слов: «Мне говорили, что мои картины…» до слов: «…острой современности данного художника», относящийся к жизни и творчеству русского художника, и не коснулся продолжения со сценой вечеринки. Долинин атрибутировал эту рукопись как «черновой автограф рассказа без заглавия и даты, который по некоторым признакам может быть отнесен к 1931 г.»[7]. По каким признакам Долинин определил, что рукопись является рассказом и отнес ее к 1931 году, он не сообщает. К январю 1931 года этот текст может

[6] Письмо от 4 июля 1926 г. (*Набоков В.* Письма к Вере / Предисл. Б. Бойда; Коммент. Б. Бойда и О. Ворониной. М.: Колибри, 2017. С. 142.

[7] Письма В.В. Набокова к Г.П. Струве. Часть вторая (1931–1935). Публ. Е.Б. Белодубровского и А.А. Долинина. Комм. А. Долинина // Звезда. 2004. № 4. С. 142–143.

быть отнесен только в силу его принадлежности к датированной рукописи начала «Райской птицы», которой Долинин не упоминает.

Второй отрывок из «Райской птицы» чрезвычайно любопытен во многих отношениях – и как ранний набоковский самоанализ («[…] я пишу, как Бог на душу положит, – хочется взять – беру – и баста […] хорош бы я был, ежели задавался целью что-нибудь доказать или кого-нибудь обидеть»), и как его собственное возражение на критики («Мне говорили, что мои картины неприятны своей бесстыдной праздностью, что занимаюсь я только одним: ловлю жизнь на слове […]»), и как начало серии, которую можно назвать богемным сюжетом у Набокова, поскольку сцена вечеринки в «Райской птице» получит свое продолжение и развитие в самом конце 30-х годов в незавершенном романе «Solus Rex», а затем, еще многие годы спустя, писатель вернется к ней в «Лолите». К обнаружению и раскрытию этой неявной преемственности между «Райской птицей», «Solus Rex» и «Лолитой» приводит сопоставление двух архивных текстов, предлагаемых вниманию читателей.

[Отрывок I]

21–I–31 В. Сирин

З.У.М.[8]

Райская птица
(роман)

1

Меня удивило, что при нем нет собаки и что на рукаве у него нет повязки – желтой, в черных слепых кругах. Тот, кто выдумал эти цвета, был очень талантлив. Эта желтизна, в которой плавают черные круги, как нельзя лучше, я бы сказал наглядно, выражает потрясенье зрительного нерва. Он был превосходно одет – бурое пальто в искру, белый шелковый шарф, светлые гетры. На коленях он держал шляпу. Осеннее солнце согревало его лысое темя, перетянутое поперек темной полоской волос. Стриженные виски были как будто седоваты. На плече

[8] Так в рукописи. Над этой аббревиатурой (посвящением?) Набоков нарисовал карандашом в углу страницы большую летящую птицу.

у него небрежно лежал сухой лист, упавший с липы, которая высилась над скамейкой.

На этой скамейке он сидел уже давно – сорокалетний, бритый, совершенно седой господин ~~Он мне так и сказал, когда попросил~~ в синих очках. Скамейка находилась близ трамвайной остановки. Мой номер все не шел. Слепой господин, вероятно, часто просиживал тут, слушая звонки; вероятно, его приводил и уводил кто-нибудь из его близких. Погодя я заметил, что ~~палка~~ его трость, прислоненная к скамейке, начинает медленно скользить. Я ее подхватил. ~~Думая, что услышав и~~ Он неловким движением ладони, напоминающим движенье собачьей лапы, когда собака просит, взял ~~из моей руки~~ трость и тут-то сказал: спасибо, я, видите ли, совершенно слеп. Это словечко: «видите ли», меня как-то ~~смутило~~ тронуло.

Было прохладно, но очень ясно; если сидеть совсем неподвижно, как сидел слепой, можно было чувствовать легкое октябрьское солнце. Проходили люди, какая-то старушка со вздохом облегчения села между слепым и мной, а ~~справа от~~ с другой стороны от меня упал на скамейку очередной желтый лист. Потом старуш[ка] встала и ушла.

Вдруг вижу – двое – ~~господин без пальто с очень крупны~~ крупный рыжеватый господин и его спутница, совсем молоденькая барышня с черными акрошкерами[9] – остановились поодаль, переглянулись и подошли к нашей скамейке. Тут они замерли, стоя под ручку и глядя в упор на слепого, который невозмутимо направлял слегка мимо них свои синие пустые очки. Ну-и, ну-и, – громко ~~и как будто дружески~~ сказал рыжеватый господин; ~~и прибав[ил] ну и постарел же ты~~ ну и дела. ~~Сиди, брат, сиди.~~ Эти слова, скорее звуки, произнесенные вполне благодушно, тоном человека, который обращается к доброму знакомому, произвели, однако, на сидящего странное, потрясающее впечатленье. ~~Странно и потрясающе было то, что хотя~~ Лицо его, до того розоватое, сделалось вдруг цвета холодной телятины, но он не ~~сказал произнес~~ ответил ни слова и остался совершенно неподвижен. Поцелуй от меня жену, – сказала барышня и при этом удивительно ласково улыбнулась. ~~Прощай, дорогой. Слепой сложил руки на груди.~~ Ее спутник протянул руку, ~~похлопал~~ пальцем [от]швырнул желтый лист с плеча слепого, – усмехнулся, ~~его спутница~~ барышня сказала – ничего, ничего, пойдем, – и оба ~~не спеша~~, словно резвясь, удалились ~~а на улице оглянулись и засмеялись~~.

[9] Завитки на висках или на затылке гладко зачесанных волос. В «Камере обскура» это слово встречается в описании Магды: «Она сняла шляпу, посмотрелась в зеркало и, послюнив палец, пригладила на висках темно-каштановые акрошкеры» (Гл. IV).

Слепой напряженно слушал. ~~Мне было любопытно выяснить кто эти люди не.~~ Они ушли, – сказал я, не выдержав мучительного выражения внимания на его лице. Кто вы? – резко спросил он и его большое, ~~красное~~ полное, с ~~длинной, слегка~~ пушистой мочкой ухо ~~серди[то]~~ нервно повернулось ко мне. Я ответил: прохожий, – может быть, могу вам помочь? ~~Вот что~~ Так помогите, – сказал он утробным ~~неприятным~~ голосом, ~~так громко~~ столь судорожно и гневно, что мальчишка с пакетом, идущий мимо, оглянулся ~~переменил шаг, оглянулся опять~~ и шел какое-то время глупо глядя через плечо. ~~Пойдите за~~ Помогите, повторил слепой и стукнул палкой. Пойдите за ними, ~~узн[айте]~~ посмотрите, где они живут, я настойчиво прошу вас. Я ответил, что исполню это с удовольствием.

[Отрывок II]

Мне говорили, что мои картины неприятны своей бесстыдной праздностью, что занимаюсь я только одним: ловлю жизнь на слове, норовлю застать врасплох предметы и людей, пользуюсь слабостью мира, настигаю его как раз тогда, когда он принял неловкую позу, отбросил неприглядную тень, пишу красавицу, когда она собирается чихнуть, – т.е. в минуту какой-то бессмысленной сосредоточенности, судорожного ожиданья, ~~мнимой грусти, сузившей ей нос~~ – образ тем более нелепый, что ничем я не подчеркиваю его и никак не разрешаю. Стеклянные вещи на моих картинах, – а я чрезвычайно люблю стекло и все на стекло похожее, – ~~например~~ Танины ногти, скажем, или крышу после дождя, – производили на моих зоилов впечатленье высокомерной насмешки – трудно объяснить, но это так, – ~~у меня есть~~ среди моих работ есть например окно, – синее, ночное, превращенное внешней темнотой в тусклое зеркало и отразившее часть освещенного стола – больше ничего, – так вот это представлялось им почему-то холодным развратным обманом, между тем как это есть в худшем случае обман оптический. Но вот что совершенно примирило меня с ними, что возбудило во мне чувство лукавого удовлетворенья: ~~это то, что~~ никто из них не мог усомниться в том, что это действительно отраженье предмета, находящегося где-то по сю сторону окна, в подразумеваемой комнате, – а не блеск предмета, находящегося по другую сторону стекла и сквозь него просвечивающего. Другие художники до меня писали отсветы, солнечное колебанье на сваях, нефтяные радуги на воде, – им просто не попадались, но могли попасться, мои карлики, мои калеки, мой горбун в ванне (т.е. опять же забавные кривые отраженья наших,

природой узаконенных черт), – однако этим другим все как-то сходило с рук, – быть может потому что они были осторожны, [д]авали как бы паспорт своим вещам, – господа, это не самый предмет, а его тень или, смотрите, это уродство, я изобразил уродство, – мне же не могли простить как раз мою беспаспортность и то, что плевок на панели, который нищий принимает за драгоценность, ~~кажется~~ действительно рисуется мне (в ту минуту, как он наклонился) ярче, прелестнее всех алмазов мира. А главное вот что: я пишу, как Бог на душу положит, – хочется взять ~~то-то и то-то~~ – беру – и баста, – и уж конечно мысли, которые я сейчас кое-как изложил, отсутствуют пока идет работа, – хорош бы я был, ежели задавался целью что-нибудь доказать или кого-нибудь обидеть. Как устроен мой глаз, так вижу, – как вижу, так и пишу. Но мне не везет. За порою хулы – а терзали меня, должен признаться, мастерски, – палачами моими были все люди важные, опытные, и с тихим удовольствием, опустив ресницы и голубцем [sic] сложа пальцы, внимали скрипу дыбы и другим приятным звукам мои собратья по ремеслу, – вот за этой порой – наступила другая – нечаянная пора пошлейших похвал, – кое-кому померещилось, что началась мода на мои картины, – что покупать их и о них толковать – модно, – так что моими поклонниками оказались как раз те люди, коих не терплю, – изысканные модники, богатенькая богема, сливки утонченной культуры, – la crème de la crème, как выражается мой знакомый ~~приятный~~ берлинский художник Онезорге, полагающий, что знает все тонкости французского языка ~~изъясняющийся с трубным американским выговором~~. Из меня они сделали «художника для немногих», обсуждая меня, они говорят о торжестве эстетического начала, об искусстве ради искусства, – а как известно, от этого самого эстетического начала один шаг до социального или мистического поворота, до задушевных речей о моральной сущности или острой современности данного художника.

Таню я встретил в первый раз именно в самой гуще такой богемы, – помню с ~~каким ужасом~~ какой мольбой я подумал, взглянув на нее, – ~~неужели она~~ Господи, сделай так, чтобы она не оказалась художницей, сделай так, чтобы она не имела никакого отношения ни к искусству, ни к истории искусства ~~и главное, главное, сделай так, чтобы~~. Меня подбадривало то, что она единственная из всех ~~на этом вечере была~~ явилась не в маскарадном наряде, а просто в вечернем платье – и почти сразу по приходе сняла бархатный свой баут, придававш[ий] ее профилю нечто волчье. У нее была длинная голая спина, и ~~мне было стало как-то неприятно когда ее испугался~~ я все боялся, что она ею прикоснется к чему-нибудь, к спинке стула или к одной из разноцветных подушек, раскидан[ных] по огромному ателье. Я сам был, при-

знаюсь, в ~~несвежей~~ старой пижаме, в ночных туфлях, запачканных птичьи[м] пометом, зубной пастой, и меня весь вечер удручало отсутствие карманов, – а, главное, я переборщил – меня действительно подняли с постели – и привезли в том виде, как нашли – и было что-то ~~неудачное~~ неосторожное в моем костюм[е], отсутствие маскарадног[о] шик[а] что ли – домашняя, сонная складка, – которой, конечно, не было бы, если бы я задумал за несколько дней явиться именно в этом виде ~~на маскарад на бал~~.

Мы с Таней были там единственные русские, но по неведенью некоторое время ~~говорили~~ переговаривались на немецком языке. ~~Оказалось~~ Она ответила ~~на мой вопрос~~ – несколько неуверенно, – что ~~в первое~~ одно время ~~жизни~~ в Берлине ~~она делала~~ мастерила из тряпок куклы, но бросила, когда вышла замуж и хочет теперь заняться этим опять. Я стал ее отговаривать. Потом, – ~~точно кто-то~~ и это было точно в полутемном помещении ~~зажег электричество вспыхнул свет~~ открыли ставни – мы перешли на русский язык. Кругом жарко двигались апаши и паши, ~~неаполитанки и даже просто танки~~ женщин[а]-ночь и женщин[а]-город, скелет, мужчина, изображ[ающий] теорию относительности и другие ~~очень посредственные~~ обычные маски. ~~Все это были люди с достатк[ом]. Был один юноша, изображавший время. Он был совершенно голый, с круглыми~~ Лапали друг друга ужасно – ~~и~~ пили прямо из бутылок; к утру внезапно появилось вместе с солнц[ем] ~~в изобилии~~ светлое пиво в стеклянных кувшинах и кого-то на балконе стало тошнить, ~~двое юношей дамы целовались на тахте,~~ бедный, бедный призрак Мюрже взял свою шляпу и ушел[10]. Мы ~~с Таней~~ скоро за ним последовали.

Самое забавное вот что: всю ночь я старался оставаться подле нее неотступно – во-первых, потому что я боялся, что кто-нибудь вдруг положит пятерню на ее чудесную пудрёную [sic] спину, а во-вторых, потому что мне самому хотелось это сделать – и ~~не только это, а что-нибудь как-нибудь замять, разломать, истребить ее – т.е. истребить не только это~~ меня удерживала не только робость (хотя и робость тоже была, я никогда не мог ее вытравить), но какое-то странное чувство, что тут, в среде иностранных забавников, мы с ней – зрители и не можем себя ~~держать~~ вести вольно ~~как эти забавники как они~~ – а между тем ~~клянусь, что~~ я многое бы дал, чтобы ~~как коллега мой~~ обладать своб[одой] речи ~~ловкостью рук~~ и непринужденностью тостов Онезорге, полнокровного, лысого ~~мужчины~~, в ~~красном~~ пунцовом купальном трико. Когда же мы ~~оказались с ней в автомобиле~~ выш-

[10] Имеется в виду Анри Мюрже (1822–1861), писатель и поэт, прославившийся своими «Сценами из жизни богемы» (1849).

ли с ней на улицу – я в макинтоше поверх пижам[ы] (словно выбежал из горящего дома[)] и Таня без шляпы в ~~черной~~ синей шел[ковой] накид[ке] с большим воротником, – и щурясь от низкого утреннего солнц[а], пошли к автомобильной стоянке, – у меня было ~~чувство как~~ ощущение какой-то гнетущей неловкост[и] – и душевной и телесной, – душевной потому что мы перестали быть зрителя[ми] и следовало вернуться к прежним каким-то нашим отношени[ям], – однако не известно к каким – мы видел[ись] в первый раз.

2. Ранняя редакция «Solus Rex»

Архивный текст незавершенного романа в целом незначительно отличается от опубликованного в последнем номере «Современных записок» (вышедшем в марте 1940 года) отрывка[11], за исключением эпизода оргии у принца Адульфа. Редактор журнала выпустил по соображениям пристойности два места: описание полового контакта принца с Ондриком в сцене вечеринки у принца Адульфа (с. 23) и упоминание «дурных женщин» в разговоре Кр. (как по шахматной нотации именуется этот «одинокий король») с опекуном.

Приглашенный принцем молодой Кр., не подозревающий, что его ожидает на этой вечеринке, изучает собравшееся там полусветское, полуартистическое общество и среди незнакомых женщин и мужчин «[…] Кр. вдруг узнал знаменитого молодого акробата, хмурого блондинчика с какой-то странной тихостью в движениях и поступи, точно выразительность его тела, столь удивительная на арене, была одеждой приглушена»[12]. В журнальном тексте Ондрик, которого принц призывает начать оргию, и знаменитый акробат – разные персонажи. В архивном же тексте это одно лицо. В опубликованной версии этот фрагмент изложен следующим образом:

«Вдруг принц посмотрел на часы и обратился к молодому человеку, пившему в углу оранжад: “Ондрик, – проговорил он с озабоченным видом, – кажется, пора”. Тот угрюмо облизнулся, поставил стакан и подошел к принцу.

“Сначала мне показалось, – рассказывал Кр., – что я сошел с ума, что у меня галлюцинация…” – больше всего его потрясла естественность процедуры» (с. 22–23).

[11] В. Сиринъ. Solus Rex. Романъ. С. 5–36.

[12] *Набоков В.* Полное собрание рассказов. Сост., прим. А. Бабикова. Изд. 3-е, уточн. СПб.: Азбука. 2016. С. 540. Далее цитаты из «Solus Rex» и «Ultima Thule» приводятся по этому изданию без указания страниц.

Двумя рядами отточий редактор «Современных записок» отметил выпущенный им фрагмент текста. Исключение второго фрагмента («что принц всего лишь хотел» etc.) редактором не было отмечено. Набоков впоследствии восстановил оба места на полях своего экземпляра журнала, но поскольку русское переиздание «Solus Rex» при жизни автора не состоялось, эти вставки оставались долгое время неизвестными. Набоков перевел их на английский язык для своей английской публикации «Solus Rex» в 1973 году и тогда же они стали известны западному читателю. Эти восстановленные Набоковым фрагменты впервые были воспроизведены нами в «Полном собрании рассказов» Набокова по тексту, написанному Набоковым на полях журнала против купюры следующим образом:

«Выпущенные строки читались так:

“Толстыми пальцами расстегнув ему панталоны, принц извлек всю розовую массу срамных частей и, выбрав главную, стал равномерно тереть ее глянцевитый стержень”.

За этим следовало: “что принц всего лишь хотел путем некоторого режима помешать молодому другу тратить силы на дурных женщин” (изъято в связи с предыдущим пропуском)»[13].

Однако в архивной машинописи «Solus Rex»[14] этот эпизод изложен иначе (с. 21–22). Вместо неопределенного «молодого человека» принц обращается к «молодому акробату», а вместо короткого, в одно предложение, описания действий принца по отношению к Ондрику, следует развернутое изложение иного способа его ублажения:

> Вдруг принц посмотрел на часы и обратился к молодому акробату, пившему в углу оранжад: «Ондрик, – проговорил он с озабоченным видом, – кажется, пора». Акробат угрюмо облизнулся, поставил стакан и подошел к принцу, который, продолжая толковать об интегральной гармонии, немедленно приступил к операции. При этом ни оператор, ни присутствующие, ни сам Ондрик, с коровьим равнодушием стоявший перед усевшимся принцем, на плечо которому рыжеволосая небрежно опустила бескровную руку, не выказали ни малейшего интереса к происходившему, словно это была обычная и даже несколько надоедливая вещь, периодически необходимая для здоровья мрачного акробата.

[13] Экземпляр журнала в собрании набоковских книг и периодики компании Glenn Horowitz Bookseller (Нью-Йорк), возможностью ознакомится с которым, как и с другими автографами Набокова, я обязан Саре Функе.

[14] Озаглавленной как в «Современных записках»: «Solus Rex. Романъ»; 38 страниц с рукописными исправлениями и добавлениями (Berg collection).

В этом, по-видимому, изначальном, варианте скабрезной сцены наиболее любопытно, на наш взгляд, замечание об «интегральной гармонии». Оно относится к разговору принца с неназванным по имени гостем вечеринки, который за минуту до этого «сел за рояль, беспорядочно ударил по клавишам, пародируя чью-то игру, тотчас встал опять и между ним и принцем завязался спор о таланте какого-то третьего лица, – вероятно, автора оборванной мелодии […]» Можно предположить, что принц (о котором известно, что он «знал толк в музыке»), в отличие от гостя, стоит за признание таланта этого нового композитора. За несколько дней до этой вечеринки, во время верховой прогулки, он делился с Кр. своими представлениями о ценности своих разрозненных, случайных связей: «[…] если бы в моем случае это законное удовлетворение просто сводилось все к одному и тому же однообразному приему, общественное мнение с этим бы примирилось, – разве что пожурило бы меня за слишком частую смену любовниц… но Боже мой, какой поднимается шум оттого, что я не придерживаюсь канонов распутства, а собираю мед повсюду, люблю все – и тюльпан, и простую травку, – потому что, видишь ли, докончил принц, улыбаясь и щурясь, – я, собственно, ищу только *дробь прекрасного, целое предоставляю добрым бюргерам*, а эта дробь может найтись и в балерине и в грузчике, в пожилой красавице и в молодом всаднике» (курсив мой. – *А.Б.*).

По-видимому, и на похабной вечеринке принц продолжал развивать свои взгляды о ценности отрывочных резких ощущений, какие вызывает новая экспрессивная музыка, споря с гостем, державшимся мнения о главенстве гармонии и целостности впечатления (пародируя игру неизвестного композитора, он «беспорядочно ударил по клавишам»). Этот спор о музыке и интегральной (т.е. стремящейся к единству, к целому, в отличие от дифференциальной, разрозненной или, говоря словами принца, раздробленной) гармонии несколько проясняет примечание Набокова к английскому переводу «Solus Rex». В нем он делает любопытное признание: «Принц Адульф, чья внешность, придуманная мной, почему-то напоминает С.П. Дягилева (1872–1929), остается одним из моих любимых персонажей в частном музее набитых ватой человеческих фигур, стоящих где-нибудь в доме каждого плодовитого писателя»[15]. С историей дягилевских «Русских сезонов» связан скандальный

[15] *Набоков В.* Полное собрание рассказов. С. 710. В английской рецензии на книгу С. Лифаря «Дягилев и с Дягилевым», Набоков, отдавая должное энергии и таланту знаменитого антрепренера, вместе с тем обратил внимание на его безнравственность, без обиняков отметив, что он запугивал своих танцовщиков, предавал друзей и отвратительно оскорблял женщин (New Republic. 1940. Vol. 103. November 18, p. 700).

успех постановки в Париже балета «Весна священная» (1913) Игоря Стравинского, эксперименты которого в области атональной музыки не были приняты широкой публикой. Не случайно, Адульф, оправдывая свое распутство, упоминает «балерину» и проявляет наклонность к мужеложству (как и Дягилев). Вполне возможно, что создавая эту сцену и вводя в нее эпизод со спором о классической музыкальной гармонии и новой атональной технике, Набоков мог подразумевать композитора и пианиста Стравинского или Сергея Прокофьева (еще одного модерниста-экспериментатора из окружения Дягилева, друга Николаса Набокова, кузена писателя), музыка которых, и пианистическая техника в частности, вызывали бурные споры в 20-е и 30-е годы.

Как можно видеть, более пространное изложение в архивном тексте непристойного эпизода сохраняет важную линию к предыдущему разговору принца с Кр. и шире характеризует образ и представления пестро образованного, но по природе своей грубого и поверхностного Адульфа. Неизвестно, по каким именно соображениям Набоков отказался от этой редакции сцены, введя безликого «молодого человека» вместо колоритного «акробата», которого он тем самым оставил безымянным. С точки зрения журнальной цензуры тех лет, ни короткий, ни длинный вариант не были приемлемы, публикация же английского перевода в 70-х годах позволяла Набокову восстановить первоначальный, более выразительный вариант по сохранившийся машинописи. Вероятнее всего, возникновение нового описания на полях «Современных записок» объясняется тем, что машинописный текст этого сочинения не был найден Набоковым к моменту начала работы над переводом (как, например, до 1959 года, когда «Лолита» уже была опубликована, считалось утерянным другое сочинение 1939 года – рассказ «Волшебник», прообраз будущего романа, – пока он не был случайно обнаружен Набоковым среди бумаг), и поскольку он имел под рукой лишь журнальный текст с купюрами, Набоков по памяти восстановил исключенный фрагмент, который и приобрел известный теперь краткий вид в русской и в переводной английской версиях. Это предположение подтверждается тем, что к своим русским вставкам на полях журнала Набоков добавил частичный перевод их на английский язык, а значит занимался восстановлением текста во время подготовки его английской версии. К тому же никаких следов поздних пометок на машинописи «Solus Rex» нет.

Вместе с тем, замечание Набокова в его автокомментарии о том, что Адульф – один из его любимых персонажей, ведет к наблюдению более важному и широкому, чем поиски прототипических черт и раскрытие предмета музыкального спора в сцене вечеринки. Первое та-

кое наблюдение внимательный читатель сделает, сопоставив две главы незавершенного романа, и придет к заключению, что этот дородный распутник с «маленькими гадкими усами», «красивыми глазами навыкате», «всегда лоснящимися губами» и «темными, густыми, неприятно пахнущими и […] слегка маслянистыми волосами», несколько похожий на Дягилева, является преображенным сознанием художника Синеусова персонажем из другой, реалистичной части романа, «Ultima Thule», а именно Адамом Ильичом Фальтером. Этот удачливый делец с большими способностями к математике искушает героя не островным колдовством и сладострастными образами, в отличие от принца, а разгадкой некой великой тайны жизни, с помощью которой Синеусов надеется снестись со своей умершей женой (как Кр. – воскресить погибшую Белинду, что следует из автокомментария Набокова). Кр. и Синеусов, как и Адульф и Фальтер – одни и те же лица в реалистическом и фантастическом планах романа, причем в сценах Кр. с Адульфом в «Solus Rex» время действия отнесено в прошлое в сравнении с «настоящим» Синеусова и Фальтера в «Ultima Thule»: воображая островное государство, в котором он станет королем, Синеусов переносится в пору своих студенческих лет (девятнадцатилетний Кр. описывается как «долговязый, сумрачный юноша»), соответственно «молодеет» и Фальтер в образе принца Адульфа.

В описании наружности и манеры Фальтера Набоков напирает на те же стороны, что и в описании Адульфа: «[…] он […] превратился в осанистого, довольно полного господина, сохранив при этом и живость взгляда, и красоту крупных рук, но только я бы никогда не узнал его со спины, т. к. вместо толстых, гладких, в скобку остриженных волос виднелась посреди черного пуха коричневая от загара плешь почти иезуитской формы […]»; «экзотическое франтовство» Фальтера соотнесено с «не по-островному франтовским видом» Адульфа. Фальтер, бывший репетитор юного Синеусова, старше его, по-видимому, на столько же лет, насколько Адульф старше Кр. И хотя Фальтер не маниакальный распутник, как принц Адульф, он тоже повеса: свое баснословное открытие он делает после посещения «небольшого женского общежития на Бульваре Взаимности». Кстати оказываются и рассуждения Адульфа о дробях и интегральной гармонии: Фальтер – талантливый математик, состоящий в переписке со шведским ученым (линия к исчезнувшему заказчику Синеусова: «Ты помнишь, не правда ли, этого странного шведа, или датчанина, или исландца, чорт его знает […]»). После метаморфозы, приключившейся с Фальтером в результате внезапно открывшейся ему главной тайны мироздания, следует его новое описание, в котором Набоков акцентирует внимание на утрате

им способности к обычному человеческому участию: «[…] любить кого-нибудь, жалеть, даже только самого себя, благоволить к чужой душе и ей сострадать при случае, посильно и привычно служить добру, хотя бы собственной пробы, – всему этому Фальтер совершенно разучился […]» О принце же Адульфе сообщается, что несмотря на живость его характера, «[…] блаженно сопя, теребя и пощипывая жизнь, он постоянно шел на то, чтобы причинить каким-то третьим душам, о существовании которых не помышлял, какое-то далеко превышающее размер его личности постороннее, почти потустороннее горе». Душа Фальтера в результате его умозрительного «открытия» разъята, раздроблена, лишена человеческой гармонии чувств и рассудка. Он же в образе Адульфа ради собственного удовольствия и из собственной пытливости не задумываясь причиняет зло другим.

Помимо наружности и характеров, Фальтер и Адульф (следует отметить также изобретательную перекличку имен с лат. «alter» – «другой (из двух)» в первом имени) соотнесены друг с другом и по своему влиянию на Синеусова и Кр. Странные рассуждения Адульфа о магическом начале власти и островном волшебстве, в которых Кр. находит выражение собственных неясных мыслей, призваны напомнить о тех блестящих парадоксах, коими Фальтер очаровывает Синеусова, обещая косвенным путем сообщить ему разгадку мироздания, которую он «не там и не так ищет». Причем одним из талантов Адульфа оказывается «[…] особого рода чутье, позволявшее ему угадывать лучшую приманку для всякого свежего слушателя». Свой логический поединок с Синеусовым Фальтер начинает с вопроса о том, где его жена и на ответ, что она умерла, равнодушно замечает: «Что же, царствие ей небесное, – так, кажется, полагается в обществе говорить?». Рассказывая об островном волшебстве, Адульф питает глубокую веру Кр. в таинственные силы, о которых «в книгах […] не сказано», а Фальтер, угадав «лучшую приманку» для Синеусова – питает его надежду на обретение такой силы с помощью открывшегося ему знания сущности вещей. В новую встречу с Кр. Адульф завершает тему магии и волшебства, говоря, что теперь «сила чар, и народных и королевских, как-то сдала, улетучилась, и наше отечественное волхвование превратилось в пустое фокусничанье». Мысль о том, что Фальтер «шарлатан» посещает и Синеусова, но слова Фальтера «Можно верить в поэзию полевого цветка или в силу денег», повторяющие шутливую запись умирающей жены Синеусова о том, что она больше всего в жизни любит «стихи, полевые цветы и иностранные деньги»[16], доказывают если не факт его неве-

[16] Наблюдение Д. Джонсона, см.: *Джонсон Д.Б.* Миры и антимиры Владимира Набокова. СПб.: Симпозиум, 2011. С. 277–280.

роятного открытия, то по крайней мере, что он медиум, через которого умершая жена Синеусова пытается передать мужу важное сообщение.

Другой вопрос, отчего Адульф назван Набоковым одним из любимых его персонажей? Разумеется, оттого, что он удался ему на редкость, и что его образ, раздвоенный в незавершенном романе на Адульфа и Фальтера и намеченный сперва в художнике Онезорге, а потом в Роберте Горне, злом духе слепого Кречмара, будет затем окончательно воплощен в колоритной фигуре столь же порочного, сколько и талантливого драматурга Клэра Куильти. Некоторые черты Куильти буквально списаны с Фальтера / Адульфа: «влажные черные волосы, вернее, остатки волос – прилипли к его круглому черепу, усики над красной губой казались мокрой кляксой» (Ч. II, гл. 21)[17], причем ко времени финального визита к нему Гумберта и их кошмарного диалога (сопоставимого в композиционном и некоторых иных отношениях с логическим поединком Синеусова с Фальтером) энергичный широкоплечий Куильти («его усики и открытый ворот – или его плешь и широкие плечи», Ч. II, гл. 19) претерпевает телесную метаморфозу, подобную той, какая происходит с обмякшим после своего открытия Фальтером: «С серым лицом, с мешками под глазами, с растрепанным пухом вокруг плеши […]»; «он был более порывист, нежели могуч, и я без труда пихнул его обратно в кресло»; «пухлое тело» и т.д. (Ч. II, гл. 35). Вероятно, в силу того, что начальный замысел романа о преступной страсти мужчины средних лет к юной особе (в «Камере обскура» присутствуют все элементы этого состава с тем отличием, что Магда не ребенок) был неразрывно связан у Набокова с образом талантливого и жестокого распутника, каждая из этих фигур испытывает пристрастие к маленьким или юным девочкам (у Горна связь с юной Магдой, у Куильти с Лолитой, Адульф соблазняет или насилует крестьянскую девочку: «[…] когда однажды проездом […] через глухое село принц, заметив смазливую девчонку, предложил ее покатать и, несмотря на […] ужас ее родителей, умчался с ней на коне, а старый дед долго бежал по дороге, пока не упал в канаву, вся деревня […] не поскупилась на озорные расспросы, когда спустя час девочка явилась, держа в одной руке сотенную бумажку […]»). Образ Гумберта строится иначе, и человеческое в нем в конце концов побеждает демонское, как и искусство его, если судить по его «Исповеди», достигает подлинной гармонии и глубины, в отличие от шулерских пьес Куильти, написанных ради славы и денег. Примечательно, что журнальный художник Роберт Горн (в облике которого Набоков также выделяет «воспаленные губы» и черные

[17] Здесь и далее цитаты из «Лолиты» приводятся без указания страниц по изданию: *Набоков В.* Лолита. N.Y.: Phaedra Publishers, 1967.

волосы) извращает первоначальную идею своего знакомого физиолога, посоветовавшего ему изобразить морскую свинку так, чтобы пробудить чувство милосердия к бедному животному, терзаемому учеными в лабораториях по всему миру. До страданий животного и черствости людской Горну, бросившему без помощи свою полоумную мать, никакого дела нет. Несмотря на претенциозно интеллектуальные подписи к своим карикатурам с изображением морской свинки Cheepy («Бедный Йорик!», «Noli me tangere») он, потакая обывательскому представлению о науке и искусстве, следует всем законам журнальной и коммерческой пошлости, и озабочен лишь доходами и славой, каковые приносит ему созданный им образ: «[…] Чипи на лабораторном столе, лежащая брюшком вверх и пытающаяся делать модную гимнастику – ноги за голову […] Чипи стоймя, беспечно обстригающая себе коготки подозрительно тонкими ножницами, – причем вокруг валяются: ланцет, вата, иголки, какая-то тесьма… Очень скоро, однако, нарочитые операционные намеки совершенно отпали, и Чипи начала появляться в другой обстановке и в самых неожиданных положениях, – откалывала чарльстон, загорала до полного меланизма на солнце и т.д.» (Гл. I). Сочетанию бездушия и неглубокого таланта, той Сальериевской черте характеров Горна, Адульфа и Куильти, которая приводит к злодеянию, сопутствует разделяемое ими и очень точно определенное Набоковым обывательское представление об искусстве.

Цепкость деталей, связанных с образами Горна, Фальтера, Адульфа и Куильти тем более удивительна, что и музыкально-балетная или точнее дягилевская тема находит применение в отношении и первого и последнего мерзавца. Уже влюбившийся в молоденькую капельдинершу Магду, но еще не сознающий этого Кречмар видит как «На экране, одетая в тютю, резвилась морская свинка Чипи, изображая русский балет» (Гл. I). Именно так, Les Ballets Russes, называлась дягилевская балетная антреприза, созданная на основе «Русских сезонов» в 1911 году с ведущим танцовщиком Вацлавом Нижинским. В сцене экзекуции Куильти происходит нечто в высшей степени странное и даже необъяснимое внутри-романными мотивами и логикой сюжета: убегая от стреляющего в него Гумберта, Куильти вдруг «сел за рояль и взял несколько уродливо-сильных, в сущности истерических, громовых аккордов […]» (что напоминает беспорядочные удары по клавишам гостя на вечеринке Адульфа), а после нового ранения он «стал подниматься с табурета все выше и выше, как в сумасшедшем доме старик Нижинский […]». Даже если эта балетная элевация Куильти – пьяное видение Гумберта, она все же представляется далеко не случайной, поскольку не исчерпывается насмешкой над потугами Гумберта уничтожить то, что

как Фальтер для Синеусова или Адульф для Кр. олицетворяет загадку, иную, непостижимую сторону бытия. Вместе с тем, безотносительно к самой сцене расправы, она служит знаком того общего, отвратительного Гумберту, представления об искусстве, которое разделяется и другим порочным толстяком в романе, «пухлявым, рыхлым» уранистом Гастоном Годэном, державшим в своем доме юных катамитов, которых завлекал шоколадными конфетами, и фотографию «Нижинского (многолягого и всего обвитого фиговыми листьями)». Примечательно, что Гастон Годэн (иная сторона образа Клэра Куильти и еще одна поздняя версия Адульфа) мнит себя художником и пишет в духе Пикассо «срезанные гитары, синие сосцы, геометрические узоры», и скорее обманывает окружающих, чем самого себя, поскольку прямо назван в романе «шарлатаном» (Часть 2, гл. 6).

Финальная сцена убийства Куильти разворачивается на другой день после ночной попойки, следы которой то там, то здесь замечает Гумберт, описывающий и «особую комнату, почти без мебели, но с просторными и глубокими зеркалами и белыми медвежьими шкурами на скользком паркете». Так фривольный богемный маскарад из «Райской птицы», полуартистическая оргия принца Адульфа из «Solus Rex» и вечеринка в доме Куильти с растлением несовершеннолетних (описывая гостей Куильти, Набоков обращает внимание на двух девушек: «В кресле развалился огромный толстяк; две черноволосых, бледных молодых красотки, несомненно сестры, одна побольше, другая (почти ребенок) поменьше, скромно сидели рядышком на краю тахты») оказываются в одном ряду отстоящих на десятилетия, но гомологичных эпизодов в сочинениях Набокова, связанных с этими монструозными фигурами поборников новейших течений в искусстве. Ходульный символизм и нестерпимая манерность в стиле М. Метерлинка, Т.С. Элиота и Ю. О'Нила отличают и драматургию Клэра Куильти, более или менее умело подражающего самым крикливым и модным образчикам, и Гумберт противопоставляет его животной страсти не только свою любовь к повзрослевшей и осунувшейся Лолите, но и свое зрелое искусство.

Позднее примечание Набокова к «Solus Rex» о набитых ватой фигурах в доме писателя, еще больше упрочивая связь Адульфа с Куильти, обращает внимание читателя на более раннее сходное замечание в послесловии Набокова к американскому изданию «Лолиты» (1958): «[…] один из моих немногих близких друзей, прочитав "Лолиту", был искренне обеспокоен тем, что я (я!) живу "среди таких нудных людей", меж тем как единственное неудобство, которое я действительно испытываю, происходит от того, что живу в мастерской, среди неподошедших конечностей и недоделанных торсов». В то же время обращение

Синеусова в конце «Ultima Thule» к своей умершей жене: «Но все это не приближает меня к тебе, мой ангел. […] Мой бренный состав – единственный, быть может, залог твоего идеального бытия: когда я скончаюсь, оно окончится тоже» – иными словами будет повторено много лет спустя в обращении Гумберта к Лолита в конце романа: «Но покуда у меня кровь играет еще в пишущей руке, ты остаешься столь же неотъемлемой, как я, частью благословенной материи мира, и я в состоянии сноситься с тобой, хотя я в Нью-Йорке, а ты в Аляске» (Ч. II, гл. 36). Прозрение Гумберта – то заключительное и самое главное в его жизни открытие, какое он делает в сцене свидания с беременной Лолитой, вдохновляет его на создание истинного шедевра, которого ни Горн, ни Куильти, лишенные высокой цели искусства, создать не могут. Достижение Гумберта сближает его с художником Синеусовым, продолжающим работу над иллюстрациями к поэме своего таинственного заказчика в силу той же потребности воскресить утраченное: «ее призрачная беспредметная природа, отсутствие цели и вознаграждения, уводила меня в родственную область с той, в которой для меня пребываешь ты, моя призрачная цель […]». И тем же королевским одиночеством и такой же утратой вдохновлен Федор Годунов-Чердынцев, потерявший в Париже Зину Мерц и сочиняющий продолжение пушкинской «Русалки» в другом незавершенном романе Набокова («Дар. Часть II»), над которым он работал после переезда в Америку[18].

В одном из поздних интервью, делая неожиданное признание, Набоков повторил свое стойкое убеждение о бесплодности искусства для искусства и ответил всем тем, кто в его сочинениях с начала 30-х годов видел лишь блестящий стиль, ловко закрученный сюжет и игру вымыслов, а в нем самом неглубокого и черствого писателя: «Я верю, что однажды явится переоценщик, который объявит, что я был вовсе не легкомысленной жар-птицей, но суровым моралистом, бичующим порок, клеймящим глупость, высмеивающим пошлость и жестокость, и утверждающим верховную власть нежности, таланта и чести»[19].

[18] См.: *Бабиков А.* «Дар» за чертой страницы // Звезда. 2015. № 4. С. 131–156. Там же: *Набоков В.* Дар. Часть II / Публ. и прим. А. Бабикова. С. 157–175.

[19] *Nabokov Vladimir*. Strong Opinions. N.Y.: Vintage Books, 1990. P. 193. Перевод мой – *А.Б.*

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 720 с.

Набоков В. Письма к Вере / Предисл. Б. Бойда; Коммент. Б. Бойда и О. Ворониной. М.: Колибри, 2017. 704 с.

Набоков В. Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабикова. Изд. 3-е, уточн. СПб.: Азбука, 2016. 752 с.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3. 784 с.

Nabokov V. Strong Opinions. N.Y.: Vintage Books, 1990. 360 p.

References

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody. Biografiia* [Vladimir Nabokov. The Russian years. A Biography]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Pis'ma k Vere* [Letters to Vera], predisl. B. Boyda, komment. B. Boyda i O. Voroninoi. Moscow, Kolibri Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Polnoe sobranie rasskazov* [Collected Stories], sost., primech. A. Babikova. Izd. 3-e, utochn. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: V 5 t.* [Collected works of the Russian period, in 5 vol.], sost. N.I. Artemenko-Tolstoi. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2000. T. 3. 784 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Strong Opinions*. N.Y., Vintage Books, 1990. 360 p.

Discarded limbs and unfinished torsos. The manuscript of "Rayskaia Ptitsa" and the first version of "Solus Rex" in the conception of "Lolita"

Andrei A. Babikov

Abstract: The article focuses on two Vladimir Nabokov's archival materials, the partially preserved manuscript of the *Rayskaia Ptitsa* (1931, the first version of *Camera Obscura*, 1933), and the excerpt from the typescript of *Solus Rex* (193ж1955).

Keywords: Vladimir Nabokov, archival materials, unfinished works, *Lolita*, *Camera Obscura*, Russian émigré literature.

Information about the author: Andrei A. Babikov, independent researcher. Moscow, Russia. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-30-47
УДК 821.161.1

Литературный быт как литературный факт
Дневник А.В. Маркова-Виноградского

М.В. Строганов

Аннотация: Литературный факт не существует вне литературного быта, а литературный быт может существовать только вокруг литературного факта. Более того, в эпоху массовой культуры литературный факт находится в фокусе интересов специалиста, а неспециалист предпочитает литературный быт литературному факту и вместо стихов Пушкина читает биографические книги о Пушкине. Такая ситуация сложилась уже в XIX в. и даже в той среде, которая, казалось бы, должна была хранить высокие принципы «пушкинского круга» писателей и противостоять всему, что связано с «торговым направлением» в литературе. В результате литературный быт становится в центре литературного внимания – литературным фактом.

Ключевые слова: Литературный факт, литературный быт, массовая культура, А.В. Марков-Виноградский, А.П. Керн (Маркова-Виноградская), А.А. Бестужев-Марлинский

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина. Москва / Тверь. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Литературный факт находится в фокусе интересов специалиста. Неспециалист же любит и ценит то, что находится вокруг да около; в фокусе интересов неспециалиста находится литературный быт. Но как литературный факт не существует вне литературного быта, так и литературный быт может существовать только вокруг литературного факта. В принципе, то же самое можно сказать и о других (нелитературных) явлениях культуры. В обществе потребления, в эпоху массовой культуры неспециалист предпочитает литературный быт литературному факту и вместо стихов Пушкина читает биографические книги о Пушкине.

Мы наивно мним, что такая ситуация сложилась в наши дни, по крайней мере, не ранее XX в. За это мы обличаем и XX век, и наши грешные дни. Но «чем хуже этот век предшествующих»? Если приглядеться повнимательнее, окажется, что абсолютно ничем. Настоящая публикация наглядно подтверждает, что уже в XIX в. и даже в

той среде, которая, казалось бы, должна была хранить высокие принципы «пушкинского круга» писателей и противостоять всему, что связано с «торговым направлением» в литературе, – даже в это время и в этой среде отчетливо проявилось предпочтение литературного быта литературному факту.

Речь пойдет о дневнике Александра Васильевича Маркова-Виноградского (далее Виноградский), второго мужа знаменитой своими связями в области русской культуры Анны Петровны Керн, урожденной Полторацкой (далее Анна Петровна). Его мать была двоюродной сестрой отца Анны Петровны, которая, следовательно, приходилась ему троюродной сестрой. Виноградский был на двадцать лет моложе своей жены, но Анна Петровна была единственной женщиной в его жизни, и любил он ее безмерно.

Записки Виноградского, которые охватывают время с мая 1840 по январь 1879 г., сохранили историю его отношений с Анной Петровной. Они показывают, как он преобразил ее жизнь и позволил состояться ее таланту. В них запечатлено множество подробностей литературного быта XIX в. – как уже описанных, так и вовсе неизвестных. Этот памятник мемуарной литературы долгое время был невостребованным. Внучка Виноградского в 1904 г. передала его дневник Императорской Академии наук, и он сто лет пролежал непрочитанным[1]. Как следует полагать, это произошло потому, что особенно новых и свежих материалов, на взгляд тогдашних историков литературы и культуры, он не содержал.

Современники знали о записках только понаслышке. Так, Н.А. Толстой писал 7 февраля 1899 г. Б.Л. Модзалевскому, который в то время собирал архивные материалы для очерка об А.П. Керн к 3-му тому Венгеровского издания собрания сочинений А.С. Пушкина: «Виноградский гораздо моложе ее был и до самой смерти был влюблен в свою жену. Был очень милый, как говорят, человек, очень образованный и всю жизнь вел “Записки” самого живого и исключительного интереса. Туда же вошло всё, что ему жена рассказывала о Пушкине. Эти записи надо разыскивать во что бы то ни стало, но я не могу быть Вам в этом полезен»[2]. После этого письма прошло почти 120 лет. Наконец справедливость восторжествовала. Дневник

[1] См.: Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Наука, 2001. С. 479–532.

[2] Толстой Николай Алексеевич (1856–1918) – писатель, публицист, переводчик, художник; владелец сельца Новинки Тверской губ.; внучатый племянник Якова Николаевича Толстого (1791–1867), знакомого А.С. Пушкина, в 1819–1820 гг. председателя общества «Зеленая лампа», члена Союза благоденствия, тайного агента русского правительства в Париже. А.П. Керн – троюродная сестра деда Н.А. Толстого.

Виноградского найден и подготовлен к печати А.К Михайловой и Л.К. Хитрово с примечаниями Е.В. Петренко и М.В. Строганова.

Любой читатель несомненно заметит искренность автора, который начинает записки фразой: «Кто пишет дневник и вписывает в него всё, что думает, чувствует, и всё, что делает, тот поостережется думать, чувствовать и действовать дурно. Как записать порочное движение души и бесчувственное ее проявление? Совестно! Но, записывая всё, нельзя пропустить и грязного!.. Прочувствовав и поняв это вполне, человек, пишущий дневник, постарается сдерживать себя так, чтобы не пришлось ему записывать ничего дурного про себя и, постоянно следя за собою, выработается, наконец, в порядочного субъекта».

Эта позиция напоминает молодого Л.Н. Толстого, который в 1847 г., через семь лет после Виноградского, начнет писать свой «дневник слабостей» и поставит перед собой задачу быть открытым и честным. Но читатель заметит не только это сходство, но и отличие авторов друг от друга. Толстой грешил и, как следствие, каялся – это составляло драматургию его дневника (и всей жизни вообще). А Виноградский не грешил, поэтому каяться ему было не в чем, «дневника слабостей» у него быть не могло, не могло быть и драматургии. То есть сам по себе Виноградский никого не заинтересует. Но это не значит, что дневник никому не интересен. Современный интерес дневника Виноградского сосредоточен на литературных фактах и литературном быте.

Но сначала несколько слов об авторе.

***

Виноградский родился 30 августа 1820 г. в местечке Кричеве Черниговской губернии, где его отец Василий Терентьевич (ум. 1829), полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, находился по долгу службы. По линии матери, Дарьи Петровны, урожденной Полторацкой (ум. 1837), Марковы-Виноградские родством и знакомством были связаны с Олениными, Львовыми, Романовыми, Вульфами и другими известными дворянскими фамилиями первой половины XIX в.

Первые годы жизни Александр провел вместе с родителями в провинциальных городах юга России, где квартировал полк отца. Затем родители отдали его на воспитание тетке, Ф.П. Полторацкой[3],

[3] Полторацкая Феодосия Петровна (ум. 1858) – родная сестра Д.П. Полторацкой; двоюродная сестра Петра Марковича Полторацкого (ок. 1775 – после 1851) – отца Анны Пе-

которую считали «образованною и способною учить других», и жил вместе с ней в Соснице, маленьком городке Черниговской губернии, в имении бабушки, Е.В. Полторацкой. В отрочестве Александр интересовался литературой, искусством, историей. Он пробовал рисовать, мечтал стать художником, но, не имея для этого достаточного домашнего и специального образования, в 1834–1839 гг. под давлением родственников и вопреки собственным желаниям вынужден был учиться в Первом Кадетском корпусе в Петербурге.

12 апреля 1834 г. Виноградский приехал в Петербург. К этому времени Анна Петровна уже рассталась со своим первым мужем Е.Ф. Керном. Время от времени она навещала своего кузена, а Александр, получая увольнение, бывал у Анны Петровны: других родственников в Петербурге у него не было. В ходе этого общения возникла взаимная симпатия, основанная на общих интересах к литературе и искусству, но прежде всего – на общих обстоятельствах жизни. Симпатия эта со временем переросла в самую искреннюю любовь, которой не мешала даже двадцатилетняя разница в возрасте.

По окончании Кадетского корпуса Виноградский несколько месяцев 1840 г. учился на офицерских курсах Артиллерийского училища, но, не окончив их, поступил на военную службу в 7-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в городах Полтавской губернии Лохвице, Лубнах и Хороле, рядом с имением П.М. Полторацкого в Лучке, в котором в то время жила Анна Петровна с сыном.

У Виноградского не было ни малейшей склонности к военной карьере, а женитьба на Анне Петровне стимулировала увольнение со службы. Они стали супругами с 1838 г., еще при жизни первого мужа Анны Петровны. 28 апреля 1839 г. в селе Моцковец Лубенского уезда у них родился сын Александр. Через полтора года после смерти генерала Е.Ф. Керна, 25 июля 1842 г., у Виноградских состоялось официальное бракосочетание. И тогда Виноградский подделал документы о рождении сына на 22 сентября 1842 г. в метрической книге села Золотуха Лубенского уезда, о чем простодушно рассказал в записи от 14 марта 1853 г.

В опубликованных дневниках и воспоминаниях Анны Петровны Виноградский практически не упоминается – его имя возникает в них очень редко, иногда и вовсе случайно. В дневнике, который вел Виноградский, мы видим совсем другую картину: записи, посвященные Анне Петровне, проникнуты неподдельным чувством, любовью, уважением. Это самые поэтичные страницы дневника. Весной 1840 г.

тровны; в 1810–1820-х гг. жила в имении П.М. Полторацкого Лубны, где подружилась с А.П. Керн.

Виноградский пишет: «Какая тихая любовь счастливит мою душу, сознающую их (жену и сына. – *М.С.*) близ моего сердца. Лепет его так красноречив, так понятен мне, полному поэзией его нежности к нам. Он милое наше дитятко <…> Хорошо любить! Есть в сердце родное: есть что обнять, крепко, прижать к сердцу и в грустное время сказать: “Душенька, мне грустно!” Даже ссориться с близким душе приятно! Это всё равно, что ссориться с самим собой за что-нибудь и убеждать себя в том или другом! Вообще хорошо любить! Я ее, мою Анеточку, очень люблю!» Но после этого Виноградский в дневнике больше уже не называет Анну Петровну по имени, а только «мамаша», «старушка», «голубушка моя родная», «моя милая голубушка».

Виноградскому было хорошо с Анной Петровной. Он не устает повторять об этом на страницах дневника. Он пишет о жене с восторгом, с упоением. Он, кажется, готов прокричать всему миру о своем счастье: «Да, я отыскал то, что и другие ищут, да редко находят потому, что идут окольными путями; а я отыскал счастье! Господи, не отыми от меня его!» Жена отвечала ему взаимностью: «Она много восхищалась, хвалила меня». А после этого в дневнике вновь звучит пламенный гимн любви: «Благодарю тебя, Господи, что я женат. Без нее, моей душечки, я бы изныл, скучая. Всё надоедает, кроме жены… Нет ничего лучше, как моя жена. Семейная жизнь, освещенная любовью, есть величайшее счастье».

Анна Петровна была единственной женщиной в жизни Виноградского. Он не скрывал это ни от родных, ни от друзей. Он открыто признавался, что бесконечно предан и верен ей, в ответ же над ним подшучивали: «Уверяю всех, что не изменяю ей никогда, и мне не верят и все-таки подшучивают. Это уже начинает меня оскорблять, и я прекращу плоские шутки! Что людям за дело, что я люблю свою жену и не могу ей изменять?.. Странны многие люди!»

Виноградский считал, что счастья в семейной жизни можно достичь только в том случае, если не будешь делать супругу «ни выговоров, ни наставлений, то есть не должен оскорблять самолюбие, чтобы не охладить чувства и не сделать эту жизнь цепью пошлых неприятностей. Спокойствие лучше всего; тот неблагоразумен, кто питает семейную жизнь ссорою. Супруги должны смотреть на недостатки один другого снисходительно. Они не должны стеснять друг друга, а должны только заботиться об общем удовольствии, общей пользе. Надо помогать взаимно жить, а не мешать». В дневнике Виноградского нет описаний его конфликтов с женой и всего того, без чего семейная жизнь не обходится. Трудно предположить, что они никогда не ссорились, но еще труднее – что они ссорились.

Впрочем, без ревности все-таки не обходилось. 25 января 1846 г. Виноградский недоумевает: «Она, моя голубушка, боится, чтобы я не разлюбил, не изменил ей. В начале нашей связи она этого же боялась, и опасения ее в течение девяти лет преследовали ее, как необходимый спутник счастья! Но моя любовь срослась со всем моим организмом и сделалась необходимым элементом моей жизни. Мы так счастливы друг с другом, что, разумеется, боимся перемены. Кому нечего терять, тот и не страшится потери! Я извиняю ее ревнивые выходки, но в себе уверен, потому что знаю себя, – моя к ней любовь неизменна, как свет солнца!.. Я люблю ее, мою душечку, люблю со всею нежностью, и нет сил в природе, которые бы могли разрушить мою горячую привязанность к ней!» К концу жизни Анна Петровна «в припадке хандры» продолжала ревновать мужа. Одна из причин названа Виноградским в дневниковой записи в декабре 1874 г. – якобы он «сорок лет назад поцеловал свою кузину и назвал ее хорошенькой». Эти несправедливые подозрения больно ранили Виноградского, все стремления которого были всегда посвящены только Анне, который «не знал ни одной женщины, кроме ее, не интересовался никем и никогда».

После сорока лет супружества он так же любил ее, как и в молодости. И, как стоит полагать, никогда не ревновал жену, имевшую, как известно, богатый опыт любовных и сексуальных связей. Трудно предположить, что Виноградский не знал о них, скорее, он закрывал на них глаза. Вспоминая о взаимоотношениях Анны Петровны и Пушкина, Виноградский замечает, что Пушкин уважал тех женщин, «которые держали себя вдали от него, как, например, моя жена и некоторые другие. Она, моя голубка, своим светлым, чистым взглядом, своими скромными манерами и речами, своею простотою, исполненною невинности сердечной, своим поэтическим идеализмом и высшими воззрениями на жизнь исключала возможность грязных поползновений и была воспета Пушкиными “как мимолетное виденье”, “как гений чистой красоты”». Сложно понять, догадывался ли Виноградский о романе Анны Петровны со своим двоюродным братом Алексеем Вульфом[4], начало которого относится к лету 1825 г., когда Вульф, студент Дерптского университета, приехал на каникулы в Тригорское и познакомился с Пушкиным. Но это и не важно. Виноградский, безмерно любя и идеализируя свою жену, не придавал особого значения ее прежним сердечным увлечениям, что доказывает довольно откровенная дневниковая запись о связи Керн с кузеном.

[4] Вульф Алексей Николаевич (1805–1881) – сын Николая Ивановича и Прасковьи Александровны (урожд. Вындомская, во втором браке Осипова; 1781–1859) Вульфов.

***

Супругам, которые прожили вместе сорок лет и умерли в один год, выпало пережить многие невзгоды и лишения. Сначала они жили в имении отца Анны Петровны Лучке, но накануне 1844 г. П.М. Полторацкий, не принимая брак дочери с Виноградским, выгодно продал принадлежавшую ему Лучку. Виноградские переехали в наследственное имение Сосницы, завещанное Д.П. Марковой-Виноградской не сыну, а сестре, Ф.П. Полторацкой, которая до второго замужества Анны Петровны была с ней в самых дружеских и доверительных отношениях: ей Анна Петровна адресовала письма-дневники, которые вела в 1820 г. в Пскове, где находилась тогда бригада Е.Ф. Керна. Но в 1840-е гг. отношения изменились, и под «мучительным игом капризной, тщеславной, завистливой» тетки Виноградские жили до конца 1854 г., хотя Сосницы уже не могли прокормить своих владельцев. С большой радостью Виноградский получил в 1846 г. место заседателя уездного суда, но, не успев толком вникнуть в должность, попал под суд заодно с проворовавшимися судьями. Виноградского вскоре оправдали, но в Соснице из-за судимости получить другое место службы он уже не мог. Виноградские испытывали отчаянную нужду, и Анна Петровна, которая когда-то блистала в салонах Петербурга и на балах в Полтаве, шила на заказ рубашки для мастеровых, вязала чулки; Виноградский подрабатывал карточной игрой. С робкой надеждой на возможные перемены к лучшему Анна Петровна сообщала 17 августа 1851 г. родной сестре Виноградского Е.В. Бакуниной[5] в Прямухино: «Скажу тебе еще нечто радостное, но так как всё радостное неверно и всё ожидаемое редко сбывается, то я и боюсь полагаться: мужу обещают дать какое-то значительное имение в опеку; и он будет получать 10 копеек с рубля, что, говорят, составит 250 рублей серебром в год. Если это сбудется, то можно будет чай пить по утрам и вечерам и иногда кофе. Теперь же, признаюсь тебе, один преферанс поддерживает наше существование»[6].

С середины декабря 1854 г. до ноября 1857 г. Виноградский служил в семье князя С.А. Долгорукова[7] и был невольным свиде-

[5] Бакунина Елизавета Васильевна (урожд. Маркова-Виноградская; 1823 – 5.05.1853) – родная сестра Виноградского; с 11 января 1852 г. жена Александра Александровича Бакунина (1821–1908), пятого из шести сыновей А.М. Бакунина; умерла вскоре после рождения сына Алексея.

[6] *Керн А.П.* (Маркова-Виноградская). О Пушкине и о себе: Воспоминания, дневники, переписка / Сост., вступ. ст., примеч. А.М. Гордина. Тула: Приокское кн. изд-во, 1993. С. 306.

[7] Долгоруков Сергей Александрович, князь (1809–1891) – тайный советник, в 1849–1856 гг. – член комиссии по принятию прошений, в 1857–1861 гг. по состоянию здоровья

телем «романтических отношений» между его дочерью Александрой Сергеевной[8] и императором Александром II. Осенью 1857 г. Долгоруковы выехали за границу, и их домашний учитель был рад расстаться с семейством «мрачного, злого, ограниченного аристократа». В феврале 1858 г. при помощи М. Н. Муравьева[9], состоявшего в родстве с Анной Петровной по линии бабушки, А.Ф. Вульф, урожденной Муравьевой[10], Виноградскому удалось получить место в Департаменте уделов. До ноября 1865 г. супруги жили в Петербурге, где обрели, наконец, материальную независимость.

Анна Петровна большую часть времени посвящала писанию и публикации «Воспоминаний о Пушкине» (1859), «Воспоминаний о Пушкине, Дельвиге и Глинке» (1864), вела дневник о событиях в столице, связанных со студенческими волнениями осенью 1861 г. Виноградские возобновили отношения и переписку с композитором М.И. Глинкой, сестрой и братом Пушкина О.С. Павлищевой и Л.С. Пушкиным. Они тесно сблизились с Н. Н. Тютчевым (1815–1878), который в 1840-х гг. был переводчиком, сотрудником «Отечественных записок», участником кружка В.Г. Белинского, а в 1850–1870-х гг. – видным чиновником Департамента уделов. Он познакомил семью сослуживца со своими родственниками и друзьями: П.В. Анненковым, И.С. Тургеневым, младшей сестрой своей жены К.П. де Додт, С.Н. Цветом[11].

Бедность, неустроенность, излишние тревоги и волнения, которые сопровождали Виноградского на протяжении многих лет, способствовали развитию у него хронических желудочных заболеваний. Он пытался лечить их на водах за границей, куда отправлялся трижды за счет Департамента уделов: в 1861 (вместе с женой), 1862 и 1865 гг. Там болезни на короткое время отступали, а при возвращении в сырой петербургский климат «злобно разыгрывались» вновь.

и семейным обстоятельствам находился в отставке.

[8] Долгорукова Александра Сергеевна, княжна (в замуж. Альбединская; 1836–1913) – дочь С.А. Долгорукова, фрейлина императрицы Марии Александровны, в середине 1850-х гг. фаворитка Александра II.

[9] Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – граф Виленский, «Вешатель», с 1856 г. председатель Департамента уделов, с 1857 г. министр государственных имуществ, с 1863 г. губернатор Северо-Западного края.

[10] Вульф Анна Федоровна (урожд. Муравьева, ум. 1810) – бабушка Анны Петровны по материнской линии; жена Ивана Петровича Вульфа (ум. 1817).

[11] Цвет Семен Николаевич (1829–1900) – управляющий акцизными сборами с питейных домов в Полтаве; муж Екатерины Алексеевны, дочери старшего брата Н.Н. Тютчева. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. жил в столице, оттуда в сентябре 1861 г. в качестве секретаря отправился в морскую экспедицию, руководимую адмиралом А.А. Поповым; за либеральные выступления был высажен в Англии и самостоятельно возвратился в Петербург. К нему обращены письма-дневники А.П. Керн, которые она вела с 20 ноября по 18 декабря 1861 г.

20 ноября 1865 г. Виноградский вышел в отставку. Проживать в столице на пенсию коллежского асессора Виноградские, обремененные заботами о семье сына, не могли, а имение в Соснице они продали еще в январе 1858 г. сразу после смерти тетки.

Так начался последний период в их совместной жизни, когда они не раз были вынуждены обращаться за помощью и продавать автографы Пушкина. 1 апреля 1871 г. Виноградский писал: «…добрый кузен жены Алексей Николаевич Вульф прислал ей 100 рублей, и мы могли расплатиться с мелкими долгами <…> Спасибо ему большое!! Он, хотя и консерватор, но исполнен доброты и честности. Он был друг Пушкина и отчасти верен пушкинскому духу времени и не последовал за веком. Многим он был обязан моей доброй старушке и помнит старое добро. Кстати, о Пушкине. Жена продала недавно Семевскому 9-ть писем Пушкина за 45 рублей[12], и это нам порядочно помогло. Думал ли Пушкин, что его поэтическая, исполненная чувства и игривого остроумия любезность поможет предмету его на старости лет сшить себе кое-что и купить вина и лакомств?»

Бездомные, нуждавшиеся в приюте и материальной поддержке, Виноградский и его далеко не молодая жена кочевали из одного дома в другой, от одних родственников или добрых знакомых к другим. Из Петербурга они выехали в Митино к Т.С. Львовой, затем жили в Ковно, Киеве, Лубнах, Березоточе. В 1877 г. Виноградские выехали в Москву и остановились по соседству с сыном в меблированных комнатах на углу Тверской и Грузинской улиц. А в апреле 1878 г. на пособие, полученное от Тютчевых, супруги перебрались в Торжок. И, наконец, 13 октября 1878 г. по приглашению Бакуниных[13] прибыли в их усадьбу Прямухино.

Виноградский приезжал в Новоторжский уезд несколько раз: в 1840 г. один, а в 1866 и 1870 г. вместе с супругой. В 1878–1879 гг. они жили в Торжке и Прямухине, навещали и усадьбы своих родственников Василёво и Митино: «17 июня <1878>. Жаркий день. Вчера я был в Василёве, на роскошной усадьбе Дм<итрия> Серг<еевича> Львова с великолепным вековым садом, прудами на террасах, цинкованным мостом из громадных камней циклопического стиля, с массой редких цветов, с оранжереями и персиками в них и прочее. Какая поэтическая лестница подымается из гущи столетних деревев к дому! Она с развесистой липой, осеняющей ее, достойна кисти Калаша! Дом с террасой в сад, от которой расстилается вид с одной стороны – на лужайку сада, с другой – на Тверцу».

[12] Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк, журналист, издатель-редактор журнала «Русская старина».

[13] Сыновья А.М. Бакунина, которые со своими семьями жили в одной усадьбе.

Статский советник Дмитрий Сергеевич Львов был старшим сыном Сергея Дмитриевича Львова (1781–1857), потомственного дворянина и откупщика, создателя усадеб в Митине и Василёве. Его отец Сергей Дмитриевич Львов состоял в браке с Татьяной Петровной Марковой-Виноградской (урожд. Полторацкой, 1791–1848), родной теткой мемуариста и двоюродной теткой Анны Петровны[14]. Виноградские приезжали в Митино несколько раз и до этого: в 1866 г. и весной 1870 г. Сестра Д.С. Львова Татьяна Сергеевна (1822–1903) была учительницей, организатором и попечительницей земской школы, подругой Марко Вовчок, жила в Митине и Торжке. Другая сестра Аграфена Сергеевна (ум. 1903, в дневнике ее часто называют Грушей), жена Дмитрия Ивановича Романова (1809–1854), жила в Митине постоянно. И когда в 1878 г. Виноградские поселились в Торжке, 2 мая они приехали в Митино навестить двоюродных сестер Виноградского и троюродных – Анны Петровны. Это были очень близкие родственные связи, и отношение к Виноградским со стороны Львовых было самым родственным. Последним владельцем Митина был Н.Д. Романов[15]. В начале 1900-х гг. он, выпускник Училища правоведения, был известным в столичных кругах библиофилом и коллекционером. Именно он познакомил внучку Виноградских А.А. Кулжинскую с Б.Л. Модзалевским[16], в результате чего семейный архив был передан в Императорскую Академию наук.

Усадьбы Василёво, принадлежавшее Д.С. Львову, и Митино, владелицей которого была А. С. Романова, составляли при их отце единый «Прутенский» комплекс, так как находились вблизи погоста Прутня. Они были построены в 1780-е гг. по проекту Н. А. Львова, который создал этот уникальный ансамбль, включающий две усадьбы, разделенные рекой Тверцой[17].

Виноградский, не имевший своего дома, смотрел на тверскую дворянскую усадьбу как на выражение собственных мыслей о гар-

[14] См.: Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С алфавитным указателем и приложением / Сост. М. Чернявский. [Тверь, 1870]. № 690. Гектогр. изд.

[15] Романов Николай Дмитриевич (1883–1917?) – сын Дмитрия Дмитриевича и Марии Александровны (урожд. Цвылевой; ум. 1903) Романовых, правнук Татьяны Петровны Львовой. См. о нем подробно: Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому… С. 479–532.

[16] Модзалевский Борис Львович (1874–1928) – историк литературы, пушкинист; первый биограф Виноградских, автор обширного очерка об А.П. Керн. См.: *Модзалевский Б.Л.* А.П. Керн // Пушкин А.С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1909. Т. 3. С. 585–606; *Модзалевский Б.Л.* Анна Петровна Керн (по материалам Пушкинского Дома). [Л.]: М. и С. Сабашниковы, 1924. (Друзья Пушкина / Под общ. ред. М. О. Гершензона. Вып. 1).

[17] О проблеме авторства архитектурно-ландшафтного ансамбля Митина и Василёва см.: *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Гений вкуса: Н. А. Львов: Итоги и проблемы изучения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. С. 61.

монии и упорядоченности внутренней и внешней жизни, что весьма напоминает позицию В. Г. Белинского, видевшего в Прямухине воплощение идеальной мечты. Вместе с тем автор «Записок» не идеализировал жизнь в Митине, об этом свидетельствует запись от 10 сентября 1878 г.: «…вчера вернулись из Митина, от суеты, от беспорядка которого бежали как угорелые <…> нам тяжела митинская суетливая, рассеянная жизнь, зависящая от прислуг, гостей и разных внешних случайностей». Вместе с тем Виноградский признает: «Но в Митине мы имели много отрадных минут».

Последние месяцы жизни Виноградский вместе с женой провел в Прямухине, где 28 января 1879 г. умер от рака желудка. Его похоронили в семейном склепе Бакуниных, один из которых (как мы уже говорили) первым браком был женат на сестре Виноградского Елизавете. Анна Петровна пережила его на четыре месяца и умерла в Москве. Сын хотел похоронить ее рядом с отцом, но из-за весенней распутицы смог довести тело только до Торжка. Анна Петровна похоронена на погосте Прутня около сельца Митино. Неразлучные в жизни, Виноградский и Анна Петровна оказались разлучены после смерти. К могиле Анны Петровны теперь ездят новобрачные и праздные экскурсанты. Могила Виноградского, как почти весь прямухинский некрополь, не сохранилась.

***

У Анны Петровны было богатое воспоминаниями прошлое, в ее памяти оживали император Александр Павлович, царь поэтов Александр Сергеевич и многие другие замечательные лица. По словам мужа, она «хранила в себе непочатый, освященный уголок – алтарь преданий и памяти». У Виноградского таких царских встреч не было. Однако жизнь дворянских фамилий давала богатый материал для воспоминаний исторических. Лишенные яркого настоящего, Виноградские вспоминали прошлое. Анна Петровна написала воспоминания, которые были напечатаны при ее жизни. Александр Васильевич написал воспоминания, которые оказались никому не нужны. Вместе с тем в них вошли фрагменты мемуаров самой Анны Петровны, записанные с ее слов, которые в силу разных причин не могли быть включены в ее воспоминания. Это и сюжеты о музыкальной импровизации А. Мицкевича, и записи о С.А. Соболевском с приведением текстов его шуточных стихотворений, адресованных Анне Петровне (некоторые не опубликованы). Это рассказы и о женитьбе А.М. Бакунина, и о намерениях Е.А. Боратынского жениться на О.С. Пуш-

киной. Это и воспоминания о Л.С. Пушкине с записью текстов двух сатирических экспромтов, адресованных Ф.Ф. Вигелю, и др.

Со слов современников Виноградский записывал остроты, шуточные стихи и политические эпиграммы, широко бытовавшие в 1860-е гг. в обществе и приписываемые А.С. Пушкину. Среди них: «Когда в столице нет царя…», «Жил в дороге, умер в Таганроге», «В России нет закона…», «Немного царствовал, но много куролесил…», «Когда б на место фонаря…», «Люблю тебя, моя комета…». Виноградский записал целую легенду о создании псевдопушкинского стихотворения «Входя в небесные селенья…». Таковы многочисленные литературные факты, которыми крайне интересен дневник Виноградского. Большая часть этого материала уже опубликована в разных изданиях. Но только совокупная публикация их в составе дневника может по-настоящему представить их значение.

Любил Виноградский описывать и литературный быт. Он вспоминал о И.А. Крылове, В.А. Жуковском, М.Ю. Вильегорском, Николае I, Александре II, С.А. Долгоруком, А.С. Долгорукой, М.Н. Муравьеве (Виленском), А.Н. Муравьеве, Н.Н. Тютчеве, Ф.Ф. Вигеле... А также о своих родственниках – представителях семей Полторацких, Вульфов, Марковых-Виноградских, Вревских, Мамоновых, Понафидиных, Романовых, Львовых, Олениных, Безобразовых. Виноградский дает живые портреты современников и родственников, многие из которых в 1820–1830-х гг. входили в круг общения Пушкина, а в 1840–1860-х гг. состояли в дружеских отношениях с В.Г. Белинским и И.С. Тургеневым. Повторим, что делал он это не без помощи супруги.

Виноградские много читали: они перечитывали Пушкина, читали Лермонтова, Гончарова, Герцена, Толстого, Майкова, произведения зарубежных писателей. Мемуарист дает оценку прочитанному, но и в данном случае высказывает, кажется, не только свое мнение о нем, но и мнение Анны Петровны, с которой он живо обсуждал не только появляющиеся новинки, но и ранее вышедшие произведения. В своих оценках литературных произведений Виноградский довольно лаконичен, достаточно развернутого обсуждения удостоен только роман «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, с которым супруги знакомились по журналу «Русский вестник».

В работе над воспоминаниями Анна Петровна, «беспомощная, слабая… полуслепая старушка», из-за развивавшейся катаракты нуждалась в помощи. Непонимание сложных обстоятельств, в которых она находилась, вызывало у Виноградского чувства горечи и острой обиды. Так, совсем недолго прожив в Киеве вместе с семьей

брата Анны Петровны, Павла Полторацкого, он записал 13 ноября 1868 г.: «Досадно, что они не понимают моей поэтической, симпатично оригинальной, любящей и умудренной мышлением старушки, нашей милой мамаши. Они ей оказывают почтение, снисхождение, а ей нужна только любовь. Какие глупцы! Они не соболезнуют тому, что она почти ничего не видит и очень этим несчастлива, так как не может читать, писать, работать, что наполняло ее жизнь и чем она была счастлива, и смотрят на нее как на капризную старуху. Бессердечные пошляки! Я заметил: кто не понимает, не любит моей жены и не сочувствует ей, тот очень пошлый, бездушный, сухой, холодный эгоист».

Сам же Виноградский, как преданный и заботливый супруг с бережным вниманием относившийся к таланту жены, фактически стал ее чтецом и литературным секретарем. «Целые два месяца я писал, – пишет он 22 октября 1870 г. – Писал сначала под диктовку воспоминание моей доброй старушки А<нны> П<етровны>, потом переписывал его и, наконец, усиленно работал над своими “Записками”. Так устал, что несколько дней не мог взяться ни за перо, ни за книгу».

Записки Виноградского содержат бытовые, биографические подробности жизни Анны Петровны, ее известных современников и многочисленных родственников. Дневник, впрочем, интересен не поденными записями, а мемуарными фрагментами. Часто поденная запись включает в себя констатацию погодных условий в одну-две строки и пространную мемуарную заметку, последние касаются разных лиц и тех, кого лично Виноградский не знал. Очевидно, что в таких случаях главным информатором для него была Анна Петровна. Однако и ее память не могла бы ничего сообщить, например, о М.В. Остроградском. Значит, то, что Виноградский записывал об Остроградском, представляет собой слухи и сплетни. Вот тут и начинается то, что следовало бы назвать «вокруг да около литературного факта».

Мемуарная проза (вне зависимости от желания автора) всегда тяготела и тяготеет к собиранию и построению сплетен, поскольку воспоминания всегда стремятся к тому, чтобы раскрыть частную жизнь человека, ту сторону, которая проходит вне поля зрения большинства людей. В зависимости от предмета воспоминаний в мемуарном жанре выделяются разновидности, которые внешне не укладываются в предложенную дефиницию: записки путешественника, воспоминания о войне, история семейства. Однако и эти жанровые разновидности можно интерпретировать как сплетни – о другом чудно́м народе,

о настоящих причинах военных событий (большой истории), о собственных родственниках. Но воспоминания о жизни знаменитых людей принадлежат к числу наиболее востребованных. О чем только не писала Анна Петровна, но при издании свод ее воспоминаний непременно получит название «О Пушкине».

Виноградский хорошо понимал, что его метод работы над биографическими заметками – это собирание слухов и распространение сплетен. В этом отношении весьма показательна его работа над биографией математика М.В. Остроградского, про которого он писал: «Все эти черты жизни Остроградского записаны мною на основании рассказов. В них, я думаю, много легендарного. Да и не естественно ли окружать жизнь гения вымыслами?» (19 января 1873). Вскоре Виноградский встретился со старым знакомым А.А. Мартосом, который помог ему получить от брата математика А.В. Остроградского уточненные сведения о жизни ученого. Записав их, Виноградский простодушно замечает: «Из этого очерка, сообщенного братом покойного, видно, что многое в первом моем очерке об Остроградском можно отнести к области вымыслов, кроме промена жены и других черт, не опровергаемых настоящим очерком» (20 мая 1873).

Но узнав истинную биографию Остроградского, искренне обрадовавшись этому и уличив самого себя в ошибках, Виноградский не скрыл свои ошибки, не вырвал листы со сплетнями, но оставил и спле́тенную, и «истинную» биографии (если какая-то биография может быть истинна). В «жизни замечательных людей» его интересует анекдот, он сам понимает, что его метод работы над биографическими заметками – это собирание слухов и сплетен, но не пытается изменить или прикрыть его. Разного рода повторы мемуарных фрагментов известны у разных мемуаристов: А.А. Ахматова[18], Л.М. Леонов, В.В. Быков[19]. Речь должна идти, таким образом, о некотором общем принципе построения воспоминаний, который проявляет себя и у Виноградского. Примеров такой «жизни замечательных людей» в его дневнике читатель найдет много[20].

Наделенный слогом и постоянно нуждающийся в деньгах, Виноградский мог бы публиковать свои записки, тем более что у него был из-

[18] *Михайлова Г.* «Амедео Модильяни» Анны Ахматовой: виды памяти и структура текста // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra.

[19] *Лыков А.* К воспоминаниям о Леониде Леонове // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 93.

[20] *Строганов М.В.* Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saule”, 2009. С. 34–42.

дательский опыт, хотя и в области учебной литературы (о неудаче с этой книгой он рассказал в дневнике)[21]. Впрочем, в 1870-е гг. трудно было найти столь смелого издателя, который согласился бы печатать такие сенсации: пресса еще сохраняла видимость приличий. Но Александр Васильевич ни разу не попытался направить свои сочинения в печать и при жизни опубликовал только небольшой отрывок о своих детских годах[22]. Так зачем же он их писал? Про Белинского, Мицкевича, Муравьева-Вешателя, Муравьева-Апостола, Пушкина, Надеждина и многих других? Еще можно понять, зачем он оставлял в своем дневнике непристойные стихи, приписываемые Пушкину: в печати они появиться не могли, а зафиксировать их следовало. Но зачем он писал историю ссылки Пушкина на Юг, уже неоднократно описанную историками литературы?

Практически не общаясь со знаменитостями, Виноградский постоянно слышал о них от своей жены, читал об их жизни и творчестве в журналах и активно использовал эти публикации в своей мемуарной работе. Записывая свой вариант их биографий, он хотел приблизить себя к ним, а их освещенную успехом и славой жизнь – к своей жизни. Слухи и сплетни помогали Виноградскому творить уникальный по своей природе миф и писать о незнакомых людях как о близко знакомых. В записываемых мемуаристом биографиях часто нет никаких «открытий», о чем свидетельствует, например, запись от 4 апреля 1873 г., посвященная И.А. Крылову. Но она очень ярко характеризует мемуариста – внимательного, дотошного, скрупулезного, для которого даже известный факт из биографии писателя важен и ценен, и он стремится его записать. В других случаях Виноградский, не акцентируя внимание на слухах, тем не менее обращается именно к ним, и именно они становятся едва ли не главным средством характеристики человека.

Написанию биографических записок предшествовала большая, основательная подготовка, чтение разного рода литературы. Хорошо известно, сколь велика роль прецедентного текста в мемуарной литературе. Огромное число мемуаров возникло не само по себе, а именно на полях и по поводу других мемуарных и документальных текстов. Почти все мемуаристы, рассказывая свою предысторию, опираются на документальные материалы по истории своего рода и на воспоминания предков, а некоторые просто пересказывают чужие воспоминания. Это дело обычное.

---

[21] Очерк греческой литературы / Сост. А. В. Марков-Виноградский. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1863.

[22] *Марков-Виноградский А. В.* Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120–125, 167–179.

Но случай Виноградского – особый. Виноградский представляет знания, почерпнутые из книг, так, как будто это его собственные воспоминания. Он не был знаком с А.А. Бестужевым, но рассказывает о нем так, как будто бы хорошо знал его. Фактически это не собственно мемуарный, а, напротив, псевдомемуарный текст. Виноградский имитирует (и очень удачно имитирует) мемуары. То, чего он не видел, изображается им как лично пережитое и достоверно рассказанное, как собственный опыт. В качестве псевдомемуара записки Виноградского можно просто дезавуировать, за их недостоверностью ими можно просто пренебречь. Но это отношение было бы большой ошибкой, так как, не будучи собственно мемуарными, эти страницы весьма интересны с другой стороны, поскольку представляют нам тот объем знаний, которым владел средний культурный человек середины XIX в.

Но кроме печатных источников Виноградский использовал источники устные и даже в большинстве случаев отдавал им предпочтение. Вместе с тем он симулирует строго научный метод: весь дневник составляет тридцать две большие тетради, последняя из которых представляет собой сводный указатель имен, составленный самим автором. Такой скрупулезности трудно было бы ожидать даже от профессионально работающего исследователя. Однако этот нормальный для исторического сочинения прием Виноградский соединяет с приемами, основанными на сплетнях и анекдотах.

Виноградский надеялся, что когда-нибудь его записки появятся в печати в более полном объеме, и предварял их следующими словами: «Я их завещаю сыну или кому другому, чтоб их напечатать, если признаются они достойными печати тогда, когда находящиеся в них очерки нравов, характеристики и биографии не смогут никого задеть и сделаются занимательными и поучительными, как безыскусственное сказание о прошлом». И он прав, называя свое сказание поучительным, хотя едва ли его можно признать безыскусственным.

В его дневнике литературный быт сам становится литературным фактом, весьма занимательным и имеющим самостоятельное значение. Это новое качество мемуарной литературы, основанной на литературных источниках, не было у Виноградского осознанным, отрефлектированным, собственно художественным приемом. В его тексте литературный быт только собирается стать литературным фактом, но огромные художественно-познавательные потенции этого явления у него уже налицо. Это и делает дневник Виноградского исключительно интересным явлением литературы.

Ниже мы публикуем те страницы дневника Виноградского, которые посвящены А.А. Бестужеву (Марлинскому), поскольку в них хождение вокруг да около литературного факта проявило себя в максимальной полноте. Виноградский читал и хорошо знал прозу Марлинского, но не был знаком с ним лично. Однако Виноградскому интересен не писатель Марлинский, но его семья, быт, любовные похождения и социальное поведение, о чем он имел представление только с чужих слов. Оценки творчества Бестужева у Виноградского близки к критическим суждениям В.Г. Белинского, хотя у Анны Петровны они восходили, скорее, к Пушкину и писателям его круга. В своих рассказах Виноградский опирался на еще не опубликованные материалы, которые узнавал от знакомых, в частности от М.И. Семевского.

Литература

Керн (Маркова-Виноградская) А.П. О Пушкине и о себе: Воспоминания, дневники, переписка / Сост., вступ. ст., примеч. А.М. Гордина. Тула: Приокское кн. изд-во, 1993. 447 с.

Лыков А. К воспоминаниям о Леониде Леонове // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 80–94.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса: Н.А. Львов: Итоги и проблемы изучения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. 278 с.

Михайлова Г. «Амедео Модильяни» Анны Ахматовой: виды памяти и структура текста // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 33–43.

Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Наука, 2001. С. 479–532.

Строганов М.В. Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saule”, 2009. С. 34–42.

References

Kern A.P. (Markova-Vinogradskaia). *O Pushkine i o sebe: Vospominaniia, dnevniki, perepiska* [On Pushkin and myself: Memoirs, diaries, correspondence], sost., vstup. st., primech. A.M. Gordina. Tula, Priokskoye knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1993. 447 p. (In Russ.)

Lykov A. K vospominaniiam o Leonide Leonove [Revisiting the memoirs of Leonid Leonov]. In: *Opus № 1–2: Russkii memuar. Soavtorstvo*, red. G. Mikhailova. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas, Mokslo darbai, 2005. № 47 (5), Literatūra, pp. 80–94. (In Russ.)

Mikhailova G. "Amedeo Modil'iani" Anny Akhmatovoi: vidy pamiati i struktura teksta ["Amedeo Modigliani" by Anna Akhmatova: memory types and text structure]. In: *Opus № 1–2: Russkii memuar. Soavtorstvo*, red. G. Mikhailova. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas, Mokslo darbai, 2005, № 47 (5), Literatūra, pp. 33–43. (In Russ.)

Miliugina E.G., Stroganov M.V. *Genii vkusa: N.A. L'vov: Itogi i problemy izucheniia* [Genius of taste: N.A. Lvov: Results and problems of studying]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2008. 278 p. (In Russ.)

Pis'ma N.D. Romanova k B.L. Modzalevskomu [N.D. Romanov's letters to B.L. Modzalevsky], publ. L.K. Khitrovo. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1996 god. B.L. Modzalevskii. Materialy k nauchnoi biografii*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 479–532. (In Russ.)

Stroganov M.V. Dnevnik A.V. Markova-Vinogradskogo kak istochnik istorii russkoi usad'by [A.V. Markov-Vinogradsky's diary as a source on Russian manor house history]. In: *Slavianskie chteniia. VII*. Daugavpils, Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds "Saule", 2009, pp. 34–42. (In Russ.)

Literary life as a literary fact
A.V. Markov-Vinogradsky's diary

Mikhail V. Stroganov

Abstract: Literary fact does not exist outside literary life, and literary life can exist only around the literary fact. Moreover, in the era of mass culture, the literary fact is in the focus of specialist's interests, and a layman prefers literary life to the literary fact and reads biography books on Pushkin instead of Pushkin's poetry. This situation has already developed in the XIX century, even in an environment that, it would seem, should have kept the lofty spirit of the "Pushkin circle" writers and resisted everything connected with the "trade direction" in literature. As a result, literary life becomes the center of literary attention – literary fact.

Keywords: Literary fact, literary life, mass culture, A.V. Markov-Vinogradsky, A.P. Kern (Markova-Vinogradskaya), A.A. Bestuzhev-Marlinsky.

Information about the autor: Mikhail V. Stroganov, Doctor Hab, Professor, Kosygin Russian State University, Moscow / Tver. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-48-69
УДК 821.161.1

А.А. Бестужев-Марлинский в дневникеА.В. Маркова-Виноградского

Подготовка текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово
Примечания Е.В. Петренко, М.В. Строганова

Аннотация: Собирая в своем дневнике биографические сведения о А.А. Бестужеве-Марлинском, А.В. Марков-Виноградский предпочитал описывать литературный быт в ущерб литературному факту. Бытовые анекдоты находятся в центре внимания и затмевают анализ и оценку литературных произведений. Кроме того, будучи сам не знаком с писателем, Марков-Виноградский строит свой рассказ в основном на уже опубликованных источниках, но иногда – на слухах, циркулировавших в обществе, близким к журнально-литературным кругам. Не давая новых фактов из жизни А.А. Бестужева, Марков-Виноградский создает образ писателя-декабриста, каким он складывался в общественном сознании времени.

Ключевые слова: Вторичные источники, мемуары, декабристы, А.В. Марков-Виноградский, А.А. Бестужев-Марлинский

Информация об авторах:

Анна Константиновна Михайлова, научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). E-mail: annamikhailova@mail.ru

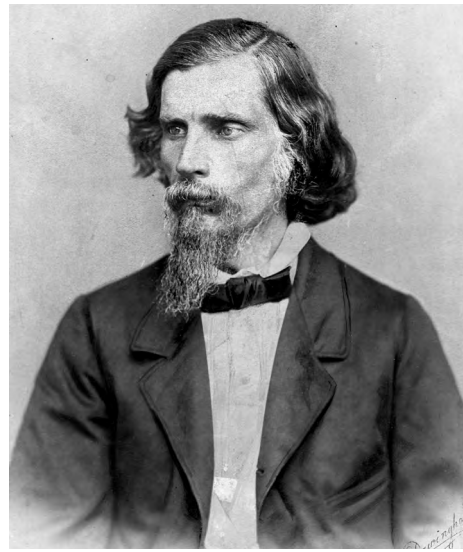
Евгений Викторович Петренко, к.ф.н., журналист, газета «Тверская жизнь» (Тверь). E-mail: petr_1977@mail.ru

Михаил Викторович Строганов, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина. Москва / Тверь. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Лидия Константиновна Хитрово, научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). E-mail: annamikhailova@mail.ru

Настоящая публикация представляет собой фрагмент подготовленного ее авторами текста «Записок» А.В. Маркова-Виноградского, второго мужа, литературного секретаря и первого биографа А.П. Керн. Готовя «Записки» к печати, мы ставили перед собой главную цель – познакомить читателя с этим интереснейшим документальным памятником эпохи, который в значительной степени дополняет широко известные мемуары и дневники А.П. Керн и проливает свет на семейную жизнь супругов Марковых-Виноградских.

«Записки» представляют собой 32 тетради большого формата и охватывают время с мая 1840 по январь 1879 г. Они озаглавлены: «Дневник А.В. Маркова-Виноградского с апреля 1840 до марта 1844 года». Первая, вводная запись сделана на вставном листе, без даты и, судя по почерку и цвету чернил, в более позднее время.

Как известно, при жизни автора «Записки» не были опубликованы, в печати появился только небольшой отрывок из них, посвященный детству Маркова-Виноградского[1]. На протяжении более чем ста лет фрагменты из него в печати не появлялись. Настоящей публикации предшествовал ряд других[2].

[1] *Марков-Виноградский А.В.* Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120–125, 167–179.

[2] *Михайлова А.К., Строганов М.В., Хитрово Л.К.* А.С. Пушкин и Бакунины // Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы. Тверь: Марина, 2005. С. 232–252; *Михайлова А.К., Хитрово Л.К.* А.П. и А.В. Марковы-Виноградские // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 5–26; *Марков-Виноградский А.В.* Из дневника 1878 г. / Подгот. текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово; вступ. заметка М.В. Строганова; примеч. Е.В. Петренко, М.В. Строганова // «Мысль семейная» в русской литературе: Сб. статей и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 139–168; *Петренко Е.В.* Н.В. Гоголь в дневнике А.В. Маркова-Виноградского // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 182–185; *Петренко Е.В.* А.В. Марков-Виноградский – читатель (по материалам дневника 1847–1877 гг.) // Встречи в библиотеке: авторы и читатели: Сб. статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 149–158; *Строганов М.В.* Заметки о берновской жизни (Из дневника А.В. Маркова-Виноградского) // Берновская осень: Лит. альм. № 2. М.; Берново, 2009. С. 57–64; *Петренко Е.В., Строганов М.В.* «Записки» А.В. Маркова-Виноградского и история тверских дворянских усадеб // Проблемы развития гуманитарного научного потенциала Тверской области: II-я региональная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития гуманитарной науки: по результатам регионального конкурса 2009 года “Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее”»: Сб. научных трудов… Тверь, 2009. С. 67–71; *Строганов М.В.* Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saule”, 2009. С. 34–42; А.И. Герцен в дневнике А.В. Маркова-Виноградского / Вступ. заметка, коммент. Е.В. Петренко, М.В. Строганова // Памяти Герцена. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 9–18.

Собирая в своем дневнике биографические сведения о А.А. Бестужеве-Марлинском (1797–1837), А.В. Марков-Виноградский предпочитал описывать литературный быт в ущерб литературному факту. Бытовые анекдоты находятся в центре внимания и затмевают анализ и оценку литературных произведений. Кроме того, не будучи сам знаком с писателем, Марков-Виноградский строит свой рассказ в основном на уже опубликованных источниках, но иногда – на слухах, циркулировавших в обществе, близком к журнально-литературным кругам. Не давая новых фактов из жизни А.А. Бестужева, Марков-Виноградский создает образ писателя-декабриста, каким он складывался в общественном сознании времени.

Текст дневника печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой, сохранены лишь немногие специфические формы правописания.

***

5 марта 1844 года

[…] Марлинский в XII томах своих разнообразных произведений, состоящих из 140 больших и малых статей[3], в которых особенно замечательны критические статьи и повести, […] блещет пышностью выражений, яркостью сравнений, прикрывающих иногда пустоту мыслей, и игривостью неистощимого остроумия. В них много претензий на эффект. В сочинениях, хотя и мало встречается обдуманных и резко очерченных характеров, но зато досыта можно насладиться богатыми описаниями внешности. В них весьма часто попадаются изящные картины, как, например, красное покрывало[4]. Во многих повестях он увлекается игривыми описаниями местности и домашнего быта, но иногда читатель спотыкался в них на вздутые фразы, исполненные тщеславия. Он хлопотал об оригинальности и писал в духе времени. Он лучше критиковал, чем повествовал. Но что бы он ни производил, на всё клал печать своего благородного, свободолюбивого духа и во всем проявлял ум, начитанность, честность, благоразумие и всё то, что внушает сочувствие и симпатию в благородных душах.

Начитанность его была громадна. В этом ему помогало знание языков: французского, немецкого, английского и итальянского.

[3] Речь может идти о двух изд.: *Марлинский А*. Полное собрание сочинений. Ч. 1–12. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835–1839; *Марлинский А*. Полное собрание сочинений. Ч. 1–12. СПб.: Тип. III Отделения собственной Е. и. в. канцелярии, 1838–1840.

[4] Имеется в виду рассказ «Красное покрывало (Сцены из походной жизни)» (1831).

Сверх этих языков он знал татарские языки[5]. Занятия литературою и службою, изучение языков и чтение не мешали ему блистать в свете и побеждать женщин. Они были без ума от его красоты и любезности, и он пользовался этим и наслаждался ими до пресыщения. Он был большой бабник![6] Такие увлечения не разоряли его. Он был очень благоразумен и сумел составить небольшой капитал из доходов от литературы[7]. Независимо от этого он много помогал братьям, когда они были в нужде, особенно Павлу, изобретателю знаменитого висячего прицела для пушек.

Марлинский, то есть Александр Александрович Бестужев, родился в 1797 году. Отец его, Александр Федосеевич Бестужев, был замечательно умный, свободомыслящий человек и литератор[8]. Име-

[5] Ср.: «Бестужев знал очень хорошо персидский и татарский языки, на которых говорил совершенно свободно; поэтому он был знаком почти со всем народонаселением Дербента» (*Костенецкий Я.И.* Из «Воспоминаний», до 1885 // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. С. 168). Сам Бестужев в примечании к рассказу «Красное покрывало» писал: «Татарский язык Закавказского края мало отличен от турецкого, и с ним, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию» (*Бестужев (Марлинский) А.А.* Ночь на корабле: Повести и рассказы / Сост., подгот. текста, послесл. и примеч. А.Л. Осповата. М.: Худ. лит., 1988. С. 173–181).

[6] Ср.: «Брат Павел и другие, хорошо знавшие А. Бестужева, рассказывали, что, будучи адъютантом принца Александра Виртембергского, он был принят в высшем обществе; при интересной наружности своею любезностию и бойкостию языка производил большое впечатление в салонах; светские женщины его обожали и страшились его язвительных речей»; «Женщины, как воздух, были его стихией» (*Андреев В.* Воспоминания из кавказской старины, 1876 // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников… Т. 2. С. 158–159); «И как такой красивый и очаровательный мужчина нравился почти каждой женщине, то в предметах своей страсти он никогда не имел недостатка. […] И действительно, много было женщин, увлекшихся то его мужественностью, то его обаятельным умом, то его славою, наконец, его отвагою и решительной предприимчивостью, и я уверен, что на другой сцене действия, при другой обстановке, Бестужев сделался бы настоящим Дон-Жуаном. Да и на Кавказе немало было у него обожательниц… […] Разумеется, всё это были мимолетные увлечения» (*Костенецкий Я.И.* Из «Воспоминаний»… С. 166–167).

[7] Гонорары Бестужева были на самом деле весьма значительны (см.: Александр Александрович Бестужев (Марлинский). Из воспоминаний Я.И. Костенецкого // Русская старина. 1900. Т. 104. № 11. С. 448). За три части «Русских повестей и рассказов» (Ч. 6–8. СПб.: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1832–1834; вышли в свет анонимно) А.Ф. Смирдин заплатил ему 10 000 рублей. После этого издания Бестужев поручил сестре Елене откладывать часть денег, в том числе для братьев Николая и Михаила, находившихся на каторге в Сибири.

[8] Александр Федосеевич Бестужев (1761–1810), артиллерист, в 1789 г. в битве со шведами был опасно ранен, но выздоровел благодаря уходу крепостного слуги и девушки-мещанки Прасковьи Михайловны, на которой он по выздоровлении женился. Выйдя в отставку, издавал вместе с И.П. Пниным «Санкт-Петербургский журнал» (1798), где опубликовал книгу «О воспитании военном относительно благородного юношества». Почти одновременно с этим стал начальником канцелярии при графе А.С. Строганове, который назначил его также главноуправляющим екатеринбургскою гранильною фабрикою, а потом и бронзовою; по собственному проекту Бестужев устроил первую в России фабрику холодного оружия, занимался собиранием полной, систематически расположенной коллекции минералов России.

ния Бестужевых были в Псковской губернии и Новгородской[9]; но они были небогаты и жили службою и литературными трудами. Александр Алекс[андрович] учился в Горном корпусе, а служил в лейб-гвардии драгунском полку… Квартира его в Петергофе была близ пруда Марли. От этого пруда он и назвался – Марлинским. Потом он был адъютант принца Вюртембергского, управлявщего Путями сообщений, того самого, у которого была на носу шишка и которого звали по этому случаю Принц-шишка[10]. Бестужев увлекся масонством, стремившим уничтожить всякого рода зло и разврат, а потом революционными идеями, силившимися, в свою очередь, подорвать всех возможных родов деспотизм и, в конце концов, пострадал с прочими декабристами[11].

Когда он шел на лобное место для выслушивания приговора и когда снимали с обвиненных мундиры, чтобы их сжечь, то он первым бросил свою шляпу с большими перьями в огонь и был очень эффектен своею смелою осанкою и воодушевленною красотою[12]. Во время совершения казни на заре пошел дождик, и народ говорил: «Сам Бог их прощает! Но люди не прощали»[13].

Бестужев был сослан сначала в Якутск, но потом, во внимание к молодым его летам, таланту и ходатайству близких к царю, его перевели на Кавказ солдатом[14].

---

[9] После смерти А.Ф. Бестужева его вдова Прасковья Михайловна (1775–1846) владела сельцом Сольцы Новоладожского уезда Новгородской губернии.

[10] Вюртембергский Александр-Фридрих, герцог (1771–1833), брат императрицы Марии Федоровны, генерал от кавалерии; главноуправляющий ведомством путей сообщения и публичных зданий (1822–1833), член Государственного совета (1826).

[11] Бестужев не числится в списках ни одной масонской ложи, но его брат Николай был членом ложи «Избранного Михаила»; был масоном и К.Ф. Рылеев, издававший с Бестужевым альманах «Полярная звезда», в символике которой ощущается масонская традиция. В масонских ложах состояло более тридцати декабристов. См. об этом: *Строганов М.* «Полярная звезда». К символике альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева // Литературное обозрение. 1994. № 11–12. С. 69–72.

[12] Буквально такой факт в мемуарной литературе не зафиксирован. Однако многие декабристы говорили «эффектные» сентенции и делали исторические жесты. В частности, М.С. Лунин «по окончании чтения сентенции, обратясь ко всем прочим, сказал: „Messsieurs, la belle sentence doit être arrosée“ [*фр*. Господа, красивую сентенцию до́лжно обмыть] – и преспокойно исполнил сказанное» (*Цебриков Н.Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников… Т. 1. С. 247).

[13] Согласно воспоминаниям полицейского, присутствовавшего при казни, в ночь на 13 июля 1826 г. дождя не было; «погода была чудная, а тут солнце всходит» (Из рассказа полицейского // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников… Т. 1. С. 264). Однако известно, что трое из пяти приговоренных к повешению декабристов сорвались с виселицы. Существовало мнение, что «вешать в другой раз не следовало» (Там же. С. 266), между тем казнь была проведена повторно.

[14] Бестужева приговорили к каторжным работам на 20 лет, срок был сокращен до 15-ти лет; после приговора отправлен сначала в Роченсальм, затем в Якутск. Перевод на Кавказ относится к августу 1829 г.

Братья его, Николай[15] и Михаил[16], попали на каторгу… Петр на Кавказ, тут сошел с ума[17]. Уцелел только Павел. Он остался офицером в артиллерии[18].

Обаяние Александра Александровича на людей было так сильно, что с ним водили знакомство даже генералы… Но не все. Многие косились, встречая его у своих одноэполетников. Раз один из таких за завтраком у товарища подошел с закускою в руках к сидевшему в солдатской шинели за маленьким столом и евшему что-то Бестужеву, остановился против него и нагло спросил: «Какая разница между ослом и человеком?» – «Весьма небольшая, – отвечал Бестужев. – Осел ест стоя, а человек сидя!»

Другого из подобных господ, утверждавшего в жарком споре о целях службы, что он служит из чести, Бестужев срезал замечанием, что всякий служит из того, чего нет у него: один из денег, другой из чести! Много подобных анекдотов приписывают Бестужеву, но едва ли справедливо. Он сам любил их рассказывать другим. Но достоверно, однако, что он раз за свое неосторожное слово должен был драться. В 1825 году он однажды приехал в один дом вслед за майором Р-м и назвал его квартирьером… Майор, из немцев, обиделся и сказал, что квартирьерами бывают только нижние чины, вызвал на дуэль. Он первый стрелял и промахнулся; тогда Бестужев отказался стрелять и объявил, как объявлял и прежде, что он не имел намерения оскорбить майора. Майор бросился ему на шею.[19]

---

[15] *Бестужев* Николай Александрович (1791–1855), капитан-лейтенант, писатель, художник, член Северного общества; приговорен к вечным каторжным работам, срок сокращен до 20-ти лет. Был заключен в Шлиссельбургской крепости, с 1827 г. содержался в Читинском остроге. Умер в ссылке в городе Селенгинске Иркутской губернии.

[16] *Бестужев* Михаил Александрович (1800–1871), мемуарист, член Северного общества декабристов; приговорен по тому же разряду, что и Н.А. Бестужев. Заключен в Шлиссельбургской крепости, с 1827 г. содержался в Читинском остроге, жил на поселении в Селенгинске. После амнистии (1856) жил в Сибири, в Москву переехал в 1867 г.

[17] *Бестужев* Петр Александрович (1804–1840), мемуарист, мичман, член Северного общества декабристов; разжалован в рядовые на Кавказ (1826). В мае 1832 г. уволен в отставку по причине тяжелой душевной болезни и отдан на попечение матери. Умер в больнице для душевнобольных.

[18] *Бестужев* Павел Александрович (1806–1846), артиллерийский офицер, участник Кавказских войн, литератор; был арестован как брат декабристов якобы из-за найденного у него экземпляра «Полярной звезды». Служил в Бобруйской крепости, затем на Кавказе; с 1835 г. в отставке за изобретение прицела к пушкам, который был введен во всей артиллерии под названием «бестужевский».

[19] М.А. Бестужев, отвечая на вопросы редактора «Русской старины» М.И. Семевского, писал: «Я, в описании *детства брата Александра*, вам упоминал о его первой дуэли с офицером лейб-гвардии драгунского полка за его карикатурные рисунки, где всё общество полка было представлено в образе животных. Вторая его дуэль была затеяна из-за танцев. Третья – с инженером штаб-офицером, находившимся при герцоге Вюртембергском, и это происходило во время поездки герцога, где брат и инженер составляли его свиту, и брат был вызван им за какое-то слово, понятое оскорбительным» (Воспоминания Бесту-

Читал он свои произведения, как только они выходили из-под его пера, товарищу по палатке, весьма тупоумному и едва грамотному добряку… Но все его странности бледнели, стушевывались пред высокими достоинствами его доблестной души, исполненной правды, любви, изящества и безукоризненной честности. Кто не любил и не уважал его! Вследствие этого всего и отчаянной храбрости его барон Розен убедительно просил И<мперато>ра, в частном письме, простить заблуждавшегося, но омывшего свои заблуждения слезами многолетних страданий и своею кровью на войне. В ответ на это письмо вышло запрещение ходатайствовать о Бестужеве, так как он личный враг царя и И<мперат>ор сам знает, когда его простить[20].

Строптивого царя смущала трагическая история, случившаяся в квартире Бестужева в Дербенте. К нему ходила за шитьем белья Ольга, дочь вдовы-солдатки Несторцовой, и он часто беседовал с нею. Раз она расшалилась, бросилась на постель Бестужева и, кувыркаясь там, толкнула пистолет, лежавший под подушками, и пуля пронзила ее легкие. Она умерла через 50 часов. Утверждали при снятии с нее показаний прибежавшими на зов Бестужева офицерами, что она застрелилась нечаянно и что никого не подозревали в ее смерти. То же повторяла она и в бреду, но враги Бестужева старались воспользоваться случаем, чтобы ему насолить, и коверкали дело на все манеры; но истина восторжествовала, и Бестужев был оправдан[21]. Вскоре после этого он произведен в у<н-

жевых / Ред., статья и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 222). Ср. также: «Рассказ Ел. Алек. о дуэли Ал. Ал.: „На бале, между кадрилями был вызван, вернулся беспокойный, но кадриль кончил; рано утром исчез из комнаты, приехала дочь одного моряка, – брат ваш дерется. Беспокоились, но он вернулся скоро и объявил, что кончилась дуэль шутками. Он три раза на дуэлях стрелял в воздух“» (Е.А. Бестужева. Рассказы в записях М.И. Семевского // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников… Т. 1. С. 217).

[20] Розен Андрей Евгеньевич, барон (1800–1884), поручик лейб-гвардии Финляндского полка, мемуарист; в тайных обществах не состоял, но присутствовал на совещаниях членов Северного общества 11 и 12 декабря 1825 г. у Н.П. Репина и Е.П. Оболенского, а 14 декабря 1825 г. пытался нейтрализовать Финляндский полк, вызванный Николаем I для подавления восстания. Приговорен к 10 годам каторги (срок сокращен до 6 лет), которую отбывал в Нерчинских рудниках, с 1832 г. на поселении. В 1837 г. служил рядовым на Кавказе; с 1839 г. по состоянию здоровья в отставке, жил в Эстляндской губернии под надзором полиции; с 1855 г. в Харьковской губернии, где участвовал в проведении крестьянской реформы 1861 г. «Записки декабриста» писались в основном в 1840-е гг., в конце 1850-х – начале 1860-х гг. были существенно дополнены материалами эмигрантской и российской печати. Попытки напечатать мемуары Розен предпринимал с середины 1860-х гг. за границей; в 1870 г. изданы анонимно в Лейпциге; в России: Отечественные записки. 1876, февр.-нояб.

[21] Живя в Дербенте, Бестужев испытывал симпатию к дочери унтер-офицерской вдовы Ольге Нестерцовой, которая часто бывала в его доме. 23 февраля 1833 г. она, будучи у Бестужева, получила смертельную рану случайным выстрелом из его пистолета. См. об этом: *Семевский М.* Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1798–1837. Статья первая // Отечественные записки. 1860. Т. 130. № 5. С. 161–163 (письмо Бестужева к брату Павлу от 2 марта 1833 г.); *Андреев В.* Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник, издаваемый по указанию главнокомандующего Кавказской армией. Тифлис,

тер>-о<фицеры>, получил вместо заслуженных им 3-х Георгиев – одного и, наконец, прапорщичьи эполеты[22]. Окрыленный радостью, хотя и больной болезнями головы, кишок и легких, он сел на корабль десантом и отправился к мысу Адлеру, высунувшемуся в Черное море на юге его близ Поти, и вместе с другими высадился на берег и кинулся впереди стрелковой цепи в лес, наполненный черкесами… Пули жужжали, как пчелы. Наших били враги нещадно из[-за] деревьев и завалов. Первую нашу атаку не подкрепили, и после жаркого дела с горцами Бестужев исчез. На поле сражения было найдено ружье его, а через несколько времени перстень его на руке мертвого чеченца. Он исчез. Но добрая слава его живет в сердцах образованных людей, и память о нем не исчезнет никогда!

У него было предчувствие смерти, и он пред экспедицией написал завещание[23] […]

25 февраля 1869 г.

<…> Карамзин в «Истории гос[ударства] Рос[сийского]» красноречиво повествует о развитии правительства, о государственных деятелях, о царях; но совсем забывает народ. Это дало тему Пушкину, в молодости сильно либеральничавшему и преследовавшему консерватизм и прочее – для нескольких эпиграмм. Вот они:

1. «Послушайте меня, я сказку вам скажу
   Про Игоря и про его жену,
   Про Новгород и время золотое,
   И, наконец, про Грозного царя».
   И, бабушка, затеяла пустое:
   Докончи нам «Илью-богатыря».[24]

1876. С. 95–96; Александр Александрович Бестужев (Марлинский). Из воспоминаний Я.И. Костенецкого… С. 444–445 (примеч. Н.Ф. Дубровина, содержащие выписки из следственного дела, – там же. С. 445–447); *Козубский Е.* К биографии А.А. Бестужева-Марлинского. Очерки из старокавказской жизни // Русский архив. 1905. № 11. С. 458–470.

[22] Бестужев был произведен в унтер-офицеры 3 мая 1836 г., после чего был причислен к одному из Черноморских линейных батальонов, находившихся в экспедиции против горцев, через одиннадцать месяцев произведен в прапорщики, через полтора года переведен в Черноморский пятый батальон, стоявший в Гаграх. О смерти Бестужева см.: *Шелига-Поцоцкий В.А.* Последние минуты Марлинского // Иллюстрация. 1848. № 24. С. 376–378; *Семевский М.* Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1797–1837. Статья третья // Отечественные записки. 1860. Т. 131. № 7. С. 99 (воспоминания *Ф.Д. К...*); *Штрайх С.* Новое о гибели Бестужева-Марлинского // Огонек. 1947. № 46. С. 22–23 (из воспоминаний И.А. Шестакова). Легенды об исчезновении Бестужева легли в основу рассказа: *Савинов В.* Куда девался Марлинский // Семейный круг. 1858. № 1. С. 1–21.

[23] Бестужев погиб в стычке с горцами на мысе Адлер, труп его не был обнаружен. Духовное завещание он написал 7 июня 1837 г. «против мыса Адлера, на фрегате „Анна“». См.: *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения: В 2 т. / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Худ. лит., 1981. Т. 2. С. 524.

[24] Виноградский (со слов А.П. Керн?) неточно приводит текст эпиграммы, написанной на появление в «Сыне Отечества» (1816. № 12. С. 239) анонса издания «Истории государства российского» Карамзина. Приводим канонический текст:

2. В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута[25].

«История» Карамзина – это, по новейшим взглядам, русский алкоран консерватизма. Об авторе ее, противнике реформ и защитнике крепостного права, А.А. Бестужев писал друзьям: «Никогда не любил я бабушки-Карамзина, – человека без всякой философии, который писал свою историю страница за страницей, не думая о будущей и не справляясь с предыдущей. – Он был пустозвон красноречивый, трудолюбивый, мелочный, скрывавший под шумихою сентенций чужих свою собственную ничтожность»[26]. К такому мнению близок был и Пушкин, когда говорил про Карамзина:

3. Своей «Историей» вычу́рной
Он постарался доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать[27].

«Послушайте меня, я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя…»
«И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам „Илью-богатыря“»

(*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 174). Варианты списка Виноградского не учтены в специальной литературе.

[25] Версия эпиграммы «На Карамзина» (1816), не учтенная в литературе. Первый стих должен читаться: «В его „Истории“ изящность, простота» (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. С. 28).

[26] Впервые эту оценку Карамзина из письма Бестужева к матери от 19 января 1831 г. напечатал М.И. Семевский: Александр Бестужев на Кавказе. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям. 1829–1837 // Русский вестник. 1870. Т. 87, июнь. С. 506. Виноградский опирается на неопубликованные материалы, которые были получены им, как следует полагать, от М.И. Семевского. Ср. сходное суждение в письме к К.А. Полевому от 22 сентября 1832 г.: «Я знал Карамзина хорошо, и, несмотря на заботы его поклонников, решительно отказался от знакомства с ним. Двуличность в писателе его достоинства казалась мне отвратительною» (Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах / [Публ. К. Полевого] // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 333). Однако в печатных выступлениях Бестужев делал акцент не на исторической концепции Карамзина, а на его заслугах как писателя. В статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823), когда вопрос стоял еще очень остро, Бестужев писал: «Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переворот в русском языке на лучшее» (*Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения… Т. 2. С. 381). А в статье о романе Н.А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832) Бестужев говорил: «Карамзин заохотил нас к преданиям нашей старины» (Там же. С. 447).

[27] Известные варианты эпиграммы не имеют никакого отношения к Карамзину:
Решившись хамом стать пред самовластья урной,
Он нам решился доказать…;
и:
Благих законов враг, добра противник бурный,
Умел он ясно доказать…

Писал он, действительно, хорошо. Он преобразовал стихотворный и прозаический язык, сняв его с ходуль латинской конструкции, тяжелой славянщины и приблизив к разговорной речи; но все-таки он не мог *вполне* отрешиться от старых приемов и холодной напыщенности старой школы и всё еще *пел*, а *не писал*. Державин верно охарактеризовал Карамзина в стихах:

И ты, сидя при розе,
Как дней весенних сын,
Пой, Карамзин! и в прозе
Глас слышен соловьин![28]

К эпиграмматисту Карамзина, к нашему великому Пушкину, Бестужев относился очень строго. Он не находил в больших произведениях поэта идеи, цели и целого и наз<ывал> их – пустоцветом.[29] В «Годунове» он видел *только* ряд прекрасных картин, но без связи, без последствия; их соединила, кажется, всемогущая игла переплетчика, а не мысль поэта.[30] – Характер *Онегина*, по мнению *Бестужева*, «просто гадок, это бесстрастное животное со всеми пороками страстей. Недостаток хорошего чтения и излишек дурного весьма вредят Пушкину», – писал Бестужев друзьям.[31] О самом же Пушкине говорил, что он

Во второй редакции эпиграмма опубликована под названием «К портрету N.N.» (Благонамеренный. 1823. Ч. 22. № 9. С. 215). Эпиграмму принято считать не принадлежащей Пушкину: Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений / [Сост. Н.В. Гербель]. Берлин, 1861. С. IX–X; *Вацуро В.Э.* Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 85–109.

[28] Неточная цитата из «Прогулки в Сарском селе» (1791) Г.Р. Державина.

[29] Бестужев высоко оценивал дарование Пушкина, но строго судил его сочинения. 26 января 1833 г. он писал К.А. Полевому: «Я готов, право, схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: стыдись! Тебе ли, как болонке, спать на солнышке перед окном, на пуховой подушке детского успеха? Тебе ли поклоняться золотому тельцу, слитому из женских серег и мужских перстней, – тельцу, которого зовут немцы мамон, а мы, простаки, свет?» (Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 4. С. 429). А в письме от 9 марта 1833 г. Бестужев просил Н.А. Полевого: «Скажите ему от меня: ты надежда Руси – не измени ей, не измени своему веку; не топи в луже таланта своего; не спи на лаврах; у лавров для гения есть свои шипы – шипы вдохновительные, подстрекающие; лавры лишь для посредственности мягки как маки» (Там же. С. 436).

[30] Единственное известное высказывание Бестужева о «Борисе Годунове» трудно соотнести с данным суждением. В письме Н.А. Полевому от 9 июня 1831 г. Бестужев писал: «Я получил „Годунова“, получил „Петра Ивановича [Выжигина]“: поглотил первого – и не сыт; грызу второго – и не варится в желудке» (Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 302), т.е. «поглотил» (было вкусно) – и хочется еще.

[31] Имеется в виду письмо Бестужева М.А. и Н.А. Бестужевым от 25 декабря 1828 г.: «Я не пугаю строфами своими даже диких уток, как это делает Пушкин, который, мимоходом сказать, ведет своего „Онегина“ чем далее, тем хуже. В трех последних главах не найти полдюжины поэтических строф. Стихи игривы, но обременены пустяками и нередко небрежны до неопрятности. Характер Евгения просто гадок. Это бесстрастное животное со всеми пороками страстей. Дуэль описана прекрасно, но во всем видна прежняя школа

бесхарактерен и что по его душе пора петь панихиду, так как она из либеральной [18] 20-х годов сделалась в [18]30-х годах консервативною, когда он связался с императором и женился на Гончаровой.[32] О себе Бестужев судил еще строже и вообще он был строгий, но замечательно умный критик. Он в своей «Полярной звезде» положил прочный фундамент нашей критике, а также и романтизму.[33] […]

13 августа 1872 г.

Декабристы, по большей части члены Союза благоденствия (6-я часть 60 стр.)[34], хотели помочь правительству Александра I, стремившемуся в начале к общественному благу и проникнутому либеральными, конституционными взглядами[35]. Они хотели помочь

и самая плохая логика. Со всем тем Пушкин – поэт и недюжинный, недостаток хорошего чтения и излишество дурного весьма вредят ему» (Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным. 1827–1829 // Русский вестник. 1870. Т. 87, май. С. 249).

[32] У Бестужева нет прямых высказываний о перемене политической позиции Пушкина в связи с женитьбой на Н.Н. Гончаровой (1831). Однако в письме К.А. Полевому от 26 января 1833 г. Бестужев писал: «Но богаче ли он или хочет только стать богаче? или, как он сам говорил:

Я влюблен, я очарован,
Я совсем огончарован?

Таинственный сфинкс, отвечай! или я отвечу за тебя: ты во сто раз лучшее существо, нежели сам веришь, и в тысячу раз лучше, нежели кажешься» (Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. Т. 32. № 4. С. 430). Более того, в письме брату Павлу от 23 февраля 1837 г. он положительно оценил «милости», оказанные императором семье покойного Пушкина: «Высочайшая милость, столь щедро оказанная семье покойного, должна заставить покраснеть наших недоброжелателей за границей» (*Семевский М.* Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1797–1837. Статья третья… С. 71; оригинал по-французски). Возможно, Виноградский переносит на Пушкина известную эпиграмму Бестужева на В.А. Жуковского (1824):

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял лавровый свой венец,
С указкой втерся во дворец;
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею…

Бедный певец! (*Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения… С. 368).

[33] Обзорные статьи Бестужева, которые открывали все три выпуска альманаха «Полярная звезда», были высшим достижением русской критики до В.Г. Белинского.

[34] Возможно, речь идет о работе А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», см. раздел о либеральном периоде царствования Александра I и стремлении ранних декабристов стать помощниками правительству: Вестник Европы. 1870. Ч. 6. № 12. С. 690 (у Виноградского ошибочно 60).

[35] Сами декабристы считали, что некоторые нововведения возникли после знакомства Николая I с их мнениями. Например, В.С. Толстой писал, что «мысль учредить корпус жандармов родилась в Южном обществе, но не была развита: в общих чертах на жандармских офицеров в губерниях полагалось возложить официальное заступничество, защиту всех угнетаемых кривдою и самовластием местных властей. Правительство же императора Николая I обратило этот корпус в политическую полицию, отчасти сыскную, и вроде ликторов древнего Рима» (*Толстой В.С.* Воспоминания / Публ., вступ. статья и примеч.

свободомыслящему, гуманному царю водворить в страстно любимом ими отечестве закон на место царствовавшего тогда произвола; распространить образование в народе, освободив его от крепостной зависимости и возвысив его нравственность и мышление посредством школ, свободной печати, земских учреждений, гласного суда и прочее. Словом, делом и общественными учреждениями они предполагали рассеять мрак невежества, противодействовать разврату, взяточничеству, казнокрадству, гнету бюрократии и всему тому, от чего стонала тогда Россия. Они всеми силами своего высоко развитого общественного смысла и своего великого духа, исполненного самоотвержения и любви к людям, страстно желали того, чего желал Александр I и что осуществляет рядом благодетельных реформ Александр II. Когда же взгляды правительства изменились,

---

С.В. Житомирской // Декабристы: Новые материалы. М.: [ГБЛ], 1955. С. 32). Это мнение разделяли и в обществе; А.А. Толстая в письме Л.Н. Толстому от 10 апреля 1878 г. писала: «Перед судом декабристов государь призывал многих из них к себе в кабинет глаз на глаз и спрашивал их, что́ именно послужило поводом к заговору. Они отвечали, что первоначально и не было мысли сделать переворот и что цель их собраний и общества состояла в том, чтобы делать отпор всем злоупотреблениям, посвятить себя на защиту бессильных и страждущих, но видя и испытав всю неисполнимость этой задачи при заведенных порядках или беспорядках, мало-помалу они пришли к убеждению, что надобно всё перевернуть» (Толстовский музей. СПб.: Изд. Общества Толстовского музея, 1911. Т. 1: Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой: 1857–1903. С. 302). Текст Виноградского близок запискам Розена: «Французская революция 1789 года выгнала к нам тысячи выходцев, между ними людей весьма образованных из высших классов, но также много умных аббатов и всяких учителей. […] последние вперемежку с аббатами заняли места воспитателей и, сами убежав от революции, посеяли в русском дворянском юношестве первые семена революции. Это юношество возмужало, участвовало в войнах 1813, 1814 и 1815 годов, ознакомилось с учреждениями других государств и вступило в союзы или общества для преобразования своего отечества. […] мудрено ли, что наблюдатели, жаждавшие познаний, искавшие занятий и значения в обществе, пристали к ним и сделались членами сперва литературных и ученых обществ, а потом тайных политических? Можно сказать утвердительно, что все образованные люди или имевшие притязание быть такими принадлежали к тайному обществу если не по спискам, то по цели и по собственному стремлению. Они были также подстрекаемы крайнею необходимостью: они видели ясно, что император, спаситель Европы, восстановитель Польши, освободитель крепостных людей прибалтийских губерний, поощритель просвещения, распространитель Евангелия, вдруг начал по наущениям Меттерниха подавлять всякое народное движение к вещественному и умственному улучшению. […] При таких данных они видели, что частное, одиночное, тайное их действие на пользу народа обратится в ничто, и потому решились на действие совокупное и явное. На помощь государя пропала вся надежда, а зло, самоволие высших и самоуправство низших начальников обнаруживали страшную наглость, так что А.А. Бестужев мог правдиво ответить комиссии на вопрос, в чем же состояли эти злоупотребления: “У нас кто смел, тот грабит, а кто не смел, тот крадет!”» (*Розен А.Е.* Записки декабриста. С прилож. восьми видов и одного плана. В 3 ч. Ч. 1. Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1870. С. 188–189). Слова А.А. Бестужева восходят к его письму Николаю I «Об историческом ходе свободомыслия в России»: «В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов – везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал» (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М.: Госкомиздат, 1951. Т. 1. С. 496).

когда оно подпало под ферулу узколобого Меттерниха,[36] лезшего из своей сухой, пропитанной табачным дымом кожи, чтобы подавить либеральные движения и всюду восстановить средневековый деспотизм; жестокосердного невежды, подлого эгоиста и злобного временщика Аракчеева[37] и, наконец, под посох непроглядно темного фанатика Фотия,[38] тогда декабристы увидели, что им нечего полагаться на правительство при водворении в России тех благих начал, о которых они мечтали, и стали группироваться в тайные общества.[39] Причину составления этих обществ А.А. Бестужев объявлял пред судом желанием искоренить злоупотребления, развившиеся до того, что «кто смел, тот грабит; а кто не смел, тот крадет». Брат его, обаятельный по уму и сердцу Н.А. Бестужев (про которого вел[икий] кн[язь] Михаил выразился, поговорив с ним в день ареста: «Слава Богу, что я не познакомился с ним прежде. Он, пожалуй, втянул бы и меня»[40]) указал на причину составления тайных обществ в ответе

[36] Меттерних Клемент Венцель Логар, князь (1773–1859), дипломат, министр иностранных дел (1809–1848), канцлер Австрийской империи (до 1821), вдохновитель Священного союза, который во имя сохранения существующих режимов преследовал освободительные движения в Европе.

[37] Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), военный министр (1808–1810), председатель департамента военных дел Государственного совета (с 1810), главный начальник военных поселений при Николае I. Полицейский порядок в армии был назван аракчеевщиной.

[38] Фотий (Спасский Петр Никитич; 1792–1838), священник и законоучитель в 2-м кадетском корпусе (1818), настоятель Деревяницкого монастыря (1820), архимандрит Сковородского монастыря (1822), настоятель первоклассного Юрьевского монастыря. Сторонник А.А. Аракчеева, имел большое влияние на Александра I.

[39] Ранние продекабристские организации (офицерские артели в Семеновском полку и офицеров Главного штаба «Священная артель», кружок В.Ф. Раевского в Каменце-Подольском и «Орден русских рыцарей» М.Ф. Орлова и М. Дмитриева-Мамонова) возникли под влиянием общественного и патриотического подъема в Отечественной войне 1812 г. Полковник Генерального штаба А.Н. Муравьев основал Союз спасения (1816), который после утверждения устава, разработанного П.И. Пестелем, был назван Обществом истинных и верных сынов Отечества. Сначала целью общества было освобождение крестьян, позднее была добавлена борьба с самодержавием, не исключая цареубийство. После роспуска в 1821 г. Союза благоденствия появились Северное и Южное общества (на базе Тульчинской управы Союза благоденствия в местах, где квартировала 2-я армия). В Южном обществе была принята программа «Русская правда» (1823): республика в форме централизованного государства, ликвидация крепостного права и безвозмездное отчуждение значительной части помещичьей земли в пользу крестьян, упразднение сословных порядков, введение гражданских свобод и избирательное право для мужчин. Северное общество (1823) опиралось на «Конституцию» Н. Муравьева: конституционная монархия, помещичье землевладение и зависимость крестьян от помещиков. С 1824 г. Северное общество сближается с Южным, совместное выступление планировалось на 1826 г. Смерть Александра I спровоцировала восстание 14 декабря 1825 г. с целью принудить Сенат объявить о свержении правительства и созвать Учредительное собрание для решения вопроса о конституции и форме правления в России.

[40] Ср. у А.Е. Розена: Н.А. Бестужев «был измучен и голодом, и холодом. На счастье его проходил в это время великий князь Михаил Павлович, так что Бестужев мог обратиться к нему с просьбой, чтобы он приказал дать ему пищи для подкрепления силы, иначе он не будет в состоянии отвечать на допросе. Кстати, в этой же комнате стоял ужин для дежурных флигель-адъютантов, и великий князь приказал ему сесть за стол и во время его

Николаю, предлагавшему ему прощение, если он согласен <быть> верным его слугою, сказав: Ваше в<еличест>во! В том и несчастие, что Вы всё можете сделать, что Вы – выше закона: желаю, чтобы впредь жребий Ваших подданных зависел от закона, а не от Вашей угодности».[41] В этом же духе говорили и другие. Все они выражали, что тайное общество желало блага отечеству и, не видя, чтобы этого же желало правительство, которому декабристы хотели только помогать, – решило произвести переворот, согласно указаниям «Русской правды», написанной Пестелем, найденной впоследствии, по указанию обвиненных, в земле близ Тульчина[42] и хранящейся ныне в Госуд<арственном> архиве. Составитель «Правды» Пестель, когда был схвачен и привезен в П<етербур>г, то сначала отказался от нее и от участия в заговоре. Но потом, уличенный, страшно путал, старался запутать в дело как можно больше лиц, чтобы правительство испугалось и смягчилось к главным заговорщикам.[43] Вел себя

ужина беседовал с ним несколько минут. Известны юмор великого князя и способность составлять каламбуры. Говорили, что он, по уходе Бестужева, обратился к адъютантам своим, Бибикову и Анненкову, и сказал им, перекрестившись: "Слава богу, что я с ним не познакомился третьего дня, он, пожалуй, втянул бы и меня!"» (*Розен А.Е.* Записки декабриста… С. 143–144).

[41] Рассказ о первой беседе Н.А. Бестужева с Николаем I довольно распространен. Изложение А.Е. Розена наиболее вероятно: «Государь принял Н.А. Бестужева ласково, был тронут его выражениями и чувствами, исполненными высокой любви к отечеству, и сказал ему: "Вы знаете, что всё в моих руках, что могу простить вам, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, то готов простить вас". – "Ваше величество! в том и несчастье, – ответил Бестужев, – что вы всё можете сделать; что вы выше закона: желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности"» (*Розен А.Е.* Записки декабриста… С. 144; Воспоминания Бестужевых… С. 717–718).

[42] Узнав о разгроме восстания 14 декабря, А.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины зарыли оригинал «Русской правды» во второй половине декабря 1825 г. «Она была уложена в железном ящике и зарыта в землю близ Тульчина. Место было известно только Пушкину и Заикину, последнего отправили туда с фельдъегерем, где после долгих поисков в мерзлой земле, наконец, нашли и прямо передали в собственные руки императора» (*Розен А.Е.* Записки декабриста… С. 167). «Русская правда» была обнаружена 6 февраля 1826 г. (Восстание декабристов: Документы. Т. 7: «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / К печати подгот. М.Н. Покровский, вступ. статьи М.В. Нечкиной и А.А. Покровского. М.: Госполитиздат, 1958. С. 72–74).

[43] Пестель Павел Иванович (1793–1826), полковник, командир Вятского пехотного полка, член Союза спасения, Союза благоденствия, организатор и глава Южного общества, автор «Русской правды». После доноса А.И. Майбороды Пестеля вызвали в Тульчин и арестовали 13 декабря. Сначала он отрицал причастность к тайному обществу: «Не принадлежа к здесь упоминаемому обществу и ничего не знав о его существовании, тем еще менее могу сказать, к чему стремится истинная его цель и какие предполагало оно меры к достижению оной» (Восстание декабристов: Материалы. Т. 4: Следственные дела о преступниках, принадлежащих к Южному тайному обществу / К печати пригот. Б.Е. Сыроечковский. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 47). Но после признательных показаний других арестованных стал давать подробные ответы. Показания Пестеля см.: Из писем и показаний декабристов: Критика и современное состояние России и планы будущего устройства / Ред. А.К. Бороздин. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906.

совершенно противоположно Рылееву, который чистосердечно признался.[44] Царь сказал: «В Пестеле – все пороки заговорщика, в Рылееве – все добродетели».

Хотя в тайном общ<естве> были суждения о цареубийстве, но они были отвергнуты; предполагался только арест фамилии; учреждение временного правительства до собрания Земского собора, который должен был установить новое правление и положить основание государственному благоустройству в смысле «Русской правды».

Первоначальный допрос снимал с декабристов сам Николай Павлович.[45] Он много наслушался при этом правды и часто был удивлен и озадачен ответами доблестных членов тайного общества. Так, его поразил Булатов, сказав ему, что 14-го декабря он всё время от 8-ми часов утра до позднего вечера находился вблизи его в<еличест>ва и четыре раза брался за пистолет, чтобы застрелить его; но всякий раз сердце возмущалось, и он опускал пистолет. Царь был этим очень поражен, поместил Булатова в крепости не только комфортабельно, но даже роскошно и отпускал ему обед и вино со своего стола. Но Булатов не желал пользоваться милостями и, пережив неудачу своих начинаний, уморил себя голодом, изгрызши свой кулак.[46] Каков характер! Но каков характер и у царя Николая, чтобы храбро выстоять целый день среди мятежников, подвергаясь опасности быть убитым ими? Он был сила и был бы велик и возвеличил бы Россию, если бы простил их, приблизил бы к себе лучших и воспользовался их умом и деятельностью на благо России.

О существовании тайного общества известно было Александру в Таганроге; но он сказал, что он сам виноват в его существовании и сжег донесение. Открыл, собственно, заговор и донес о нем в Таганрог Майборода.[47] Но царь был на небе. На земле оста-

[44] Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), отставной подпоручик, поэт. С осени 1823 г. член Северного общества, после отъезда С.П. Трубецкого в конце 1824 г. в Киев руководил обществом. Один из организаторов восстания на Сенатской площади.

[45] Арестованных декабристов доставляли в Зимний дворец, где их допрашивал Николай I, после чего направляли в Петропавловскую крепость.

[46] Булатов Александр Михайлович (1793–1826), полковник, командир 12 егерского полка, соученик К.Ф. Рылеева по первому кадетскому корпусу; член Северного общества, на совещаниях накануне восстания избран одним из военных руководителей. После восстания сам явился в Зимний дворец. 10 января 1826 г. с целью самоубийства разбил голову о стену тюремной камеры; умер в госпитале в ночь с 18 на 19 января.

[47] Майборода Аркадий Иванович († 1844), капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества (1824). Написал императору донос 25 ноября 1825 г., за что был переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, затем перешел в армию. В 1840-х гг. служил в карабинерном фельдмаршала князя Барятинского полку, командовал Апшеронским пехотным полком. Покончил жизнь самоубийством. Донос Майбороды был столь же обсто-

вался Дибич.[48] Он послал в Тульчин, центр заговорщиков, Чернышева[49] арестовать их, и заговор не удался. Майборода был казначеем в полку у Пестеля, промотал казенные деньги, и Пестель внес за него свои, не предав его суду. В благодарность он своего благодетеля предал ужасному суду! Его скоро повысили в чинах, но ничто не могло повысить его в глазах совести и общ[ественного] мнения, и он, мучимый ими, застрелился на Кавказе, командуя полком! О существовании т[айного] общества, состоящего из двух отделов: Северного и Южного, или Соединенных славян, связанного с польским обществом, заявлял также и Я.И. Ростовцов,[50] не называя членов его и предварив их, что он донесет. Он действовал по убеждению и без подлости и искупил свой донос усердною работою по освобождению крестьян, которое ему обязано своим осуществлением. Это был добрый деятель!

Тайное общество петербургское хотело воспользоваться недоумением народным, что сначала велено было присягать Константину,[51] давно отрекшемуся от престола актами, известными Николаю, митрополиту Филарету[52] и хранившимися в Совете и Синоде, но неизвестными народу; а потом, когда Константин подтвердил отречение Николаю, члены тайного общества надеялись увлечь солдат и убедить их отказаться от присяги Николаю, так как они присягали уже Константину, и, опираясь на солдат, восстановить народ про-

---

ятелен, как у И.В. Шервуда и А.К. Бошняка, но Майборода не проникал специально в тайны заговора, а использовал доверие своего командира Пестеля. Об истории доносов см.: *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы»: Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988.

[48] Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785–1831), генерал-адъютант, после Лайбахского конгресса постоянный спутник Александра I, начальник Главного штаба (1823); в 1825 г. сопровождал Александра I в Таганрог и присутствовал при его кончине; донес Николаю I об открытии заговора декабристов.

[49] Чернышев Александр Иванович, светлейший князь (1785/86–1857), военный министр (1827–1852), председатель Государственного совета и кабинета министров (1848–1856).

[50] Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), подпоручик лейб-гвардии Егерского полка, член Северного общества (1825). 12 декабря 1825 г. донес Николаю I о подготовке восстания. Член (1857), председатель (1858) секретного Комитета по крестьянскому делу, председатель редакционных комиссий (1859).

[51] Константин Павлович Романов, великий князь (1779–1831), цесаревич. По настоянию Александра I в 1823 г. отрекся от права на престол в пользу брата Николая, акт отречения держался в тайне. После смерти Александра I 19 ноября 1825 г. все, в том числе и Николай, присягнули Константину как наследнику, он же отрекся от престола. Формальным поводом восстания была защита прав Константина.

[52] Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782–1867), в монашестве с 1808 г., ректор Петербургской духовной академии (1812), член Св. Синода (1819), архиепископ Московский и Коломенский и священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры (1821), митрополит (1826). Автор манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян.

тив восшествия на престол Николая. Он не был любим ни солдатами, у которых он отрывал на учениях бакенбарды, ни народом, пред которым не заявлял себя ничем добрым. И легко было взбунтовать и войско, и народ. 14-го декабря восстание состоялось и сосредоточилось на Сенатской площади. В нем участвовало до 2 000 войск и огромная толпа народа. Но у восставших не было единства, не было связи и силы, не было предводителя. Выбранный в эту должность кн[язь] Трубецкой не явился на Сенатскую площадь, другие отказались от нее.[53] Восставшие не знали, с чего начать, что делать и чем кончить. Правительство старалось убедить разойтись. Сам митрополит Серафим уговаривал смириться.[54] Но ему отвечали, что это не его дело. Мятежники отказывались упорно от присяги Николаю, требовали конституции и стояли на своем с раннего утра до сумерек. Наконец, картечь, положив несколько десятков из них, разогнала их. В течение двух-трех дней виновные были схвачены. А.А. Бестужев явился сам, разодевшись как на бал.[55] По прошествии же нескольких месяцев произведено над ними следствие. А потом суд. Обвиняемых стесняли в пище, лишали света, нарушали сон с целью вынудить показания о сообщниках. Когда же увидели, что их тысячи и что всё лучшее России и Европы сочувствовало тайному обществу, то сосредоточили обвинения на 121 л<ице>. Впоследствии многие из членов общества были генерал-губернаторами и стояли высоко на иерархической лестнице, как Дубельт,[56]

[53] Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790–1860), полковник лейб-гвардии Семеновского, Преображенского полков, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия. Накануне 14 декабря 1825 г. избран диктатором восстания; считая его неподготовленным, на Сенатскую площадь не явился.

[54] Серафим (Глаголевский Стефан Васильевич; 1763/1757–1843), в монашестве с 1787 г., ректор Московской духовной академии (1799), член Св. Синода (1814), митрополит Московский и Коломенский (1819), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский и священноархимандрит Александро-Невской лавры (1821). Во время восстания безуспешно вел переговоры с восставшими.

[55] Ср. в воспоминаниях А.Е. Розена: «Из-за стеклянной двери мы видели, как конвой преображенцев окружил А.А. Бестужева 2-го (Марлинского), который сам явился во дворец с повинною головою: он был одет как на бал, и когда конвою велели идти с ним, то сам скомандовал: “Марш!” – и пошел с ним в ногу» (*Розен А.Е.* Записки декабриста… С. 139–140). Этот эпизод сам Бестужев сообщил Н.С. Щукину в 1829 г. (*Щукин Н.С.* Неопубликованные воспоминания об А.А. Бестужеве-Марлинском / Вступ. статья, коммент. и публ. Г. Невелева // Вопросы литературы. 1976. № 2. С. 214–216). Об этом же вспоминал и Николай I: «Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый» (Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б.Е. Сыроечковский. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 32).

[56] Дубельт Леонтий Васильевич (1793–1862), подполковник (1817), командир Старооскольского пехотного полка (1822–1828), начальник штаба корпуса жандармов (1835), управляющий III отделением (1839–1856). Масон, член ложи «Соединенных славян». Следствие установило непричастность его к тайным обществам.

Граббе.[57] Избранников же из них, заранее осужденных по личным императорским соображениям, допрашивали с целью узнать только степень их виновности. Одному из них Чернышев в следственной комиссии сказал: «Вы здесь не для оправдания, а для обвинения»[58]. Доклад следственной комиссии составлял Блудов. Он в нем выпустил всё, что могло оправдать декабристов в глазах России и Европы, и силился выставить их смешными безумцами, фанатиками, цареубийцами. Можно ли оправдать такую гнусную ложь? По-моему, нельзя! Разумеется, правительству мудрено было объявить пред народом, что осужденные им были осуждены за то, что хотели освободить крестьян от рабства, суды от тайны, во мраке которой совершались несправедливости за взятки; народные повинности и подати от бесконтрольного распоряжения и как вообще Россию от произвола, невежества и разврата! Народ восстал бы! Но зачем известному либералу, гуманисту, просвещенному и совершенно независимому человеку пятнать было себя возмутительною ложью и унижать ею тех, которыми сам восхищался? Непростительно гадко!![59]

[57] Граббе Павел Христофорович (1789–1875), полковник Северского конно-егерского полка (1823). Член Союза благоденствия, но считал тайное общество незаконным и опасным; под арестом с 18 декабря 1825 г. по 2 января 1826 г. и с 3 января до июля 1826 г.

[58] Слова А.И. Чернышева см.: *Розен А.Е.* Записки декабриста... С. 198.

[59] Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), литератор, дипломат, член общества «Арзамас» (1815); статс-секретарь, помощник министра народного просвещения (1826). Как делопроизводитель Следственной комиссии по делу декабристов готовил обвинительные документы и влиял на характер приговоров. Это вызвало резкую критику Н.И. Тургенева; А.Е. Розен писал: «…в Донесении Следственной комиссии не сказано ни слова об истинной цели тайных обществ, о средствах, принятых к истреблению зла, об освобождении крестьян, обо всех подробностях нововведений по всем частям государственного устройства, особенно по части народного образования. Н.И. Тургенев в своем сочинении “Россия и русские” в трех томах, на французском языке, развернул все существовавшие недостатки по правде без преувеличений. Уверяю, что редактор Донесения Следственной комиссии знал о цели обществ гораздо лучше и подробнее многих, потому что был в дружбе и в связи со многими главнейшими членами тайного общества, и вот одна из главных причин, почему Н.И. Тургенев так беспощадно отделал докладчика […]. Подсудимые никакого притязания не имели на то, чтобы он был их адвокатом или защитником; но они имели право требовать, чтобы главные показания, относящиеся к делу, были непременно выставлены с полным беспристрастием, без пропуска важнейших обстоятельств. […]. Донесение составлено с беспримерным легкомыслием, с лихорадочною торопливостью и с угождением верховной власти. […]. Не вхожу ни в какое личное обвинение, сделанное Н.И. Тургеневым: он хорошо знает и твердо помнит, что было между ним и Д.Н. Блудовым; но прочтите всё, что напечатано в Донесении Следств[енной] ком[иссии], тогда вы должны согласиться с Н.И. Тургеневым, что Донесение написано как эпиграмма, в шуточном тоне» (*Розен А.Е.* Записки декабриста… С. 173–174).

Литература

А.И. Герцен в дневнике А.В. Маркова-Виноградского / Вступ. заметка, коммент. Е.В. Петренко, М.В. Строганова; подгот. текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово // Памяти Герцена. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 9–18.

Андреев В. Воспоминания из кавказской старины, 1876 // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. С. 158–159.

Бестужев (Марлинский) А.А. Ночь на корабле: Повести и рассказы / Сост., подгот. текста, послесл. и примеч. А.Л. Осповата. М.: Худ. лит., 1988. 366 с.

Вацуро В.Э. Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 85–109.

Воспоминания Бестужевых / Ред., статья и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 891 с. (Лит. памятники).

Восстание декабристов: Документы. Т. 7: «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / К печати подгот. М.Н. Покровский; вступ. статьи М.В. Нечкиной и А.А. Покровского. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.

Восстание декабристов: Материалы. Т. 4: Следственные дела о преступниках, принадлежащих к Южному тайному обществу / К печати пригот. Б.Е. Сыроечковский. М.; Л.: Госиздат, 1927. XII, 488 с.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М.: Госкомиздат, 1951. Т. 1. 731 с.

Костенецкий Я.И. Из «Воспоминаний», до 1885 // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. С. 161–169.

Марков-Виноградский А.В. Из дневника 1878 г. / Подгот. текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово; вступ. заметка М.В. Строганова; примеч. Е.В. Петренко, М.В. Строганова // «Мысль семейная» в русской литературе: Сб. статей и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 139–168.

Марков-Виноградский А.В. Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120–125, 167–179.

Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б.Е. Сыроечковский. М.; Л.: Госиздат, 1926. 246 с.

Михайлова А.К., Строганов М.В., Хитрово Л.К. А.С. Пушкин и Бакунины // Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы. Тверь: Марина, 2005. С. 232–252.

Михайлова А.К., Хитрово Л.К. А.П. и А.В. Марковы-Виноградские // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 5–26.

Петренко Е.В. Н.В. Гоголь в дневнике А.В. Маркова-Виноградского // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 182–185.

Петренко Е.В. А.В. Марков-Виноградский – читатель (по материалам дневника 1847–1877 гг.) // Встречи в библиотеке: авторы и читатели: Сб. статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 149–158.

Петренко Е.В., Строганов М.В. «Записки» А.В. Маркова-Виноградского и история тверских дворянских усадеб // Проблемы развития гуманитарного научного потенциала Тверской области: II-я региональная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития гуманитарной науки: по результатам регионального конкурса 2009 года „Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее“»: Сб. научных трудов… Тверь, 2009. С. 67–71.

[*Розен А.Е.*]. Записки декабриста. С прилож. восьми видов и одного плана. В 3 ч. Ч. 1. Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1870. XII, 416 с.

Строганов М. «Полярная звезда». К символике альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева // Литературное обозрение. 1994. № 11–12. С. 69–72.

Строганов М.В. Заметки о берновской жизни (Из дневника А.В. Маркова-Виноградского) // Берновская осень: Лит. альм. № 2. М.; Берново, 2009. С. 57–64.

Строганов М.В. Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saule”, 2009. С. 34–42.

Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы»: Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. 298 с.

Цебриков Н.Р. Воспоминания о Кронверкской куртине // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 1. С. 240—249.

Щукин Н.С. Неопубликованные воспоминания об А.А. Бестужеве-Марлинском / Вступ. ст., коммент. и публ. Г. Невелева // Вопросы литературы. 1976. № 2. С. 207–217.

References

A.I. Gertsen v dnevnike A.V. Markova-Vinogradskogo [A.I. Gertsen in A.V. Markov-Vinogradsky’s diary], vstup. zametka, komment. E.V. Petrenko, M.V. Stroganova, podgot. teksta A.K. Mikhailovoi, L.K. Khitrovo. In: *Pamiati Gertsena*. Tver’, Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2012, pp. 9–18. (In Russ.)

Andreev V. Vospominaniia iz kavkazskoi stariny, 1876 [Memories from the Caucasian antiquity, 1876]. In: *Pisateli-dekabristy v vospominaniiakh sovremennikov: V 2 t*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, t. 2, pp. 158–159. (In Russ.)

Bestuzhev (Marlinskii) A.A. *Noch’ na korable: Povesti i rasskazy* [Night on the ship: Novellas and short stories], sost., podgot. teksta, poslesl. i primech. A.L. Ospovata. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988. 366 p. (In Russ.)

Fedorov V.A. *«Svoei sud’boi gordimsia my»: Sledstvie i sud nad dekabristami* [“We are proud of our destiny”: The investigation and trial of the Decembrists]. Moscow, Mysl’ Publ., 1988. 298 p. (In Russ.)

Izbrannye sotsial’no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia dekabristov: V 3 t. [Selected socio-political and philosophical works by the Decembrists, in 3 vol.]. Moscow, Goskomizdat Publ, 1951. T. 1. 731 p. (In Russ.)

Kostenetskii Ia.I. Iz «Vospominanii», do 1885 [From “Memoirs”, before 1885]. In: *Pisateli-dekabristy v vospominaniiakh sovremennikov: V 2 t*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, t. 2, pp. 161–169. (In Russ.)

Markov-Vinogradskii A.V. Iz dnevnika 1878 g. [From the diary of 1878], podgot. teksta A.K. Mikhailovoi, L.K. Khitrovo, vstup. zametka M.V. Stroganova, primech. E.V. Petrenko, M.V. Stroganova. In: *«Mysl’ semeinaia» v russkoi literature: Sb. statei i materialov*. Tver’, Marina Publ., 2008, pp. 139–168. (In Russ.)

Markov-Vinogradskii A.V. Iz zapisok i zhurnala neizvestnogo cheloveka [From the notes and journal of an unknown person]. In: *Semeinye vechera, starshii vozrast*, 1868, № 8, pp. 120–125, 167–179. (In Russ.)

Mezhdutsarstvie 1825 g. i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem’i [Interregnum of 1825 and Decembrist revolt in the royal family members’ correspondence and memoirs], podgot. k pechati B.E. Syroechkovskii. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1926. 246 p. (In Russ.)

Mikhailova A.K., Khitrovo L.K. A.P. i A.V. Markovy-Vinogradskie [A.P. and A.V. Markov-Vinogradsky]. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2002 god*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 5–26. (In Russ.)

Mikhailova A.K., Stroganov M.V., Khitrovo L.K. A.S. Pushkin i Bakuniny [A.S. Pushkin and Bakunins]. In: *Lazhechnikov i Tverskoi krai: Stat'i i materialy*. Tver', Marina Publ., 2005, pp. 232–252. (In Russ.)

Petrenko E.V. A.V. Markov-Vinogradskii — chitatel' (po materialam dnevnika 1847–1877 gg.) [A.V. Markov-Vinogradsky as a reader (based on the diary of 1847–1877)]. In: *Vstrechi v biblioteke: avtory i chitateli: Sb. statei*. Tver', Izdatel'stvo M. Batasovoi Publ., 2009, pp. 149–158. (In Russ.)

Petrenko E.V. N.V. Gogol' v dnevnike A.V. Markova-Vinogradskogo [Gogol in A.V. Markov-Vinogradsky's diary]. In: *Trudy VIEM. Novotorzhskii sbornik. Vyp. 2*. Tver', Izdatel'stvo M. Batasovoi Publ., 2009, pp. 182–185. (In Russ.)

Petrenko E.V., Stroganov M.V. «Zapiski» A.V. Markova-Vinogradskogo i istoriia tverskikh dvorianskikh usadeb [A.V. Markov-Vinogradsky's "Notes" and the Tver manor houses history]. In: *Problemy razvitiia gumanitarnogo nauchnogo potentsiala Tverskoi oblasti: II-ia regional'naia nauchno-prakticheskaia konferentsiia «Sovremennye problemy razvitiia gumanitarnoi nauki: po rezul'tatam regional'nogo konkursa 2009 goda „Tsentral'naia Rossiia: proshloe, nastoiashchee, budushchee"»: Sb. nauchnykh trudov*... Tver', 2009, pp. 67–71. (In Russ.)

[Rozen A.E.]. *Zapiski dekabrista* [The Decemrist's notes], s prilozh. vos'mi vidov i odnogo plana. V 3 ch. Ch. 1. Leipzig, Dunker i Gumblot, 1870. XII, 416 p. (In Russ.)

Shchukin N.S. Neopublikovannye vospominaniia ob A.A. Bestuzheve-Marlinskom [Unpublished memoirs on A.A. Bestuzhev-Marlinsky], vstup. st., komment. i publ. G. Neveleva. In: *Voprosy literatury*, 1976, № 2, pp. 207–217. (In Russ.)

Stroganov M. «Poliarnaia zvezda». K simvolike al'manakha K.F. Ryleeva i A.A. Bestuzheva ["Polar Star". Revisiting the symbolism of the almanac edited by K.F. Ryleev and A.A. Bestuzhev]. In: *Literaturnoe obozrenie*, 1994, № 11–12, pp. 69–72. (In Russ.)

Stroganov M.V. Dnevnik A.V. Markova-Vinogradskogo kak istochnik istorii russkoi usad'by [A.V. Markov-Vinogradsky's diary as a source on Russian manor house history]. In: *Slavianskie chteniia. VII*. Daugavpils, Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds "Saule", 2009, pp. 34–42. (In Russ.)

Stroganov M.V. Zametki o bernovskoi zhizni (Iz dnevnika A.V. Markova-Vinogradskogo) [Notes on life in Bernovo (From A.V. Markov-Vinogradsky's diary)]. In: *Bernovskaia osen': Lit. al'm. № 2*. Moscow, Bernovo, 2009, pp. 57–64. (In Russ.)

Tsebrikov N.R. Vospominaniia o Kronverkskoi kurtine [Memories of the Kronverk curtain wall]. In: *Pisateli-dekabristy v vospominaniiakh sovremennikov: V 2 t*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, t. 1, pp. 240–249. (In Russ.)

Vatsuro V.E. Epigrammy Pushkina na Karamzina [Pushkin's epigrams on Karamzin]. In: Vatsuro V.E. *Pushkinskaia pora*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 85–109. (In Russ.)

Vospominaniia Bestuzhevykh [Bestuzhevs' Memoirs], red., stat'ia i komment. M.K. Azadovskogo. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951. 891 p. (Literaturnye pamiatniki). (In Russ.)

Vosstanie dekabristov: Dokumenty. T. 7: «Russkaia pravda» P.I. Pestelia i sochineniia, ei predshestvuiushchie [Decembrist revolt: Documents. Vol. 7: P.I. Pestel's "Russian Truth" and precedent works], k pechati podgot. M.N. Pokrovskii, vstup. stat'i M.V. Nechkinoi i A.A. Pokrovskogo. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 692 p. (In Russ.)

Vosstanie dekabristov: Materialy. T. 4: Sledstvennye dela o prestupnikakh, prinadlezhashchikh k Iuzhnomu tainomu obshchestvu [Decembrist revolt: Materials. Vol. 4: Investigative cases on criminals belonging to the Southern Secret Society], k pechati prigot. B.E. Syroechkovskii. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. XII, 488 p. (In Russ.)

A.A. Bestuzhev-Marlinsky in A.V. Markov-Vinogradsky's diary

Editing by Anna K. Mikhailova, Lidiya K. Khitrovo
Notes by Evgeny V. Petrenko, Mikhail V. Stroganov

Abstract: A.V. Markov-Vinogradsky, collecting biographical information on A.A. Bestuzhev-Marlinsky in his diary, preferred to describe literary life at the price of the literary fact. Household jokes, being the major focus of interest, overshadow the analysis and evaluation of literary works. In addition, being unacquainted with the writer, Markov-Vinogradsky builds his story mainly on already published sources, but sometimes on rumors circulating in a society close to journalistic and literary circles. Without giving new facts from A.A. Bestuzhev's life, Markov-Vinogradsky creates an image of the writer-decembrist such as formed in the social consciousness of time.

Keywords: Secondary sources, memoirs, Decembrists, A.V. Markov-Vinogradsky, A.A. Bestuzhev-Marlinsky

Information about the authors:

Anna K. Mikhailova, Research Associate, Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House). E-mail: annamikhailova@mail.ru

Evgeny V. Petrenko, PhD, journalist, "Tver Life" (Tver). E-mail: petr_1977@mail.ru

Mikhail V. Stroganov, Doctor Hab., professor, Kosygin Russian State University. Moscow / Tver. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Lidiya K. Khitrovo, Research Associate, Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House). E-mail: annamikhailova@mail.ru

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-70-91
УДК 821.161.1

И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937)

А.В. Бакунцев

Аннотация: О Русском культурном комитете в Белграде и его отдельных «структурных подразделениях» – Русском научном институте, Русской публичной библиотеке, Издательской комиссии, музыкальной, художественной и театральной студиях – существует довольно обширная исследовательская литература. Однако персональному участию представителей русской эмиграции в деятельности Комитета исследователи уделяют очень мало внимания. Наша статья, по существу, является одной из первых работ на данную тему. Ее цель – рассказать о попытках Русского культурного комитета привлечь к сотрудничеству И.А. Бунина. В статье использованы материалы отечественных и зарубежных архивохранилищ, в том числе: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ), Архива Сербской академии наук и искусств (САНУ), Русского архива в Лидсе (LRA).

Ключевые слова: И.А. Бунин, А. Белич, В.Д. Брянский, русская эмиграция, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев / Югославия, Русский культурный комитет в Белграде, Русский научный институт, Издательская комиссия, «Грамматика любви».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

Русский культурный комитет в Белграде (по-сербски – *Руски културни одбор*) был образован в мае 1928 г. Его учредителями стали три югославских ведомства: Державная (Государственная) комиссия по делам русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (так Югославия официально именовалась в 1918–1929 гг.), Министерство иностранных дел и Министерство народного просвещения. Фактически Комитет состоял всего из 6 человек, которые и представляли названные ведомства. Правом присутствовать на его заседаниях обладал также «делегат, ведающий интересами русской эмиграции в Королевстве СХС» (в 1919–1924 гг. – глава Российской миссии в Белграде) В.Н. Штрандтман. Председателем Русского культурного комитета был избран ученый-лингвист, профессор Белград-

ского университета, председатель Державной комиссии по делам русских беженцев, будущий президент Сербской академии наук и искусств Александр Белич (1876–1960).

Этот человек, оставивший значительный след как в истории собственной страны, так и в истории русского зарубежья, обладал почти неограниченным влиянием на жизнь русской эмиграции в Королевстве СХС / Югославии. Державная комиссия по делам русских беженцев (1920–1941), которой он руководил с 1922 г.[1], выполняла ряд гуманитарных функций, стремясь облегчить адаптацию русских беженцев к условиям существования в Королевстве. В частности, именно через Державную комиссию, финансируемую из государственной казны, в Югославии осуществлялась так называемая «русская акция» (аналогичная той, что имела место в Чехословакии), в результате чего тысячам эмигрантов, нашедшим приют в Королевстве (а в некоторых случаях – и в других странах Европы), была оказана материальная помощь в виде разовых и ежемесячных субсидий. Кроме того, благодаря содействию Державной комиссии очень многие беженцы смогли трудоустроиться; была создана система среднего образования для русских детей, а русское студенчество получило доступ в высшие учебные заведения югославского Королевства[2]. Современники приписывали Беличу и некоторые другие общественно-культурные инициативы – в частности, строительство Русского дома имени императора Николая II, куда в 1933 г., сразу после его открытия, переместились Державная комиссия и Русский культурный комитет со всеми их подразделениями[3].

Белич, который был главным «отцом-основателем» Русского культурного комитета, важнейшую цель этой организации видел в том, чтобы «поднять и развить те грани жизни, без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни, – науку, литературу и искусство, в ко-

[1] До этого времени работой Державной комиссии руководил инициатор ее основания, председатель Народной Скупщины Л. Йованович, А. Белич же был его заместителем. По другим данным, Белич стал председателем Державной комиссии в 1927 г. (см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; науч. ред. А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. С. 285). Но, возможно, это ошибка.

[2] Подробнее о деятельности Державной комиссии по делам русских беженцев в Югославии см.: *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19; *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Там же. С. 20–26; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах… С. 285–286; *Танин С.Ю.* Русский Белград. М.: Вече, 2009. С. 75–81 и др.

[3] Подробнее о деятельности А. Белича и его контактах с русской эмиграцией см.: *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «русский Белград» // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 578–586.

торых он занимает достойное к общей чести Славянства место»[4]. Для достижения этой цели при Комитете был создан ряд учреждений культурно-просветительского характера (почти все они действовали вплоть до захвата Белграда гитлеровскими войсками в апреле 1941 г.): Русский научный институт, Русская публичная библиотека, Издательская комиссия, музыкальная, художественная и театральная студии. Предполагалось также раз в 2 месяца выпускать литературно-художественный журнал, аналогичный русским дореволюционным «толстым» журналам, однако этому проекту не суждено было осуществиться.

В своей деятельности Русский культурный комитет намеревался опираться на «местную», осевшую в Королевстве СХС эмигрантскую научную и литературно-художественную элиту. Однако Белич, задумавший превратить Белград в своего рода культурную «столицу» русской эмиграции, считал необходимым привлечь к сотрудничеству и тех представителей эмигрантской литературы и науки, которые обосновались за пределами Королевства, и даже надеялся рано или поздно уговорить их переехать на постоянное жительство в Югославию[5]. Огромные надежды в этом смысле Белич возлагал на предстоявшие в Белграде во второй половине сентября 1928 г. и следовавшие один за другим IV Съезд русских академических организаций зарубежья и I Съезд русских писателей и журналистов за границей; он сам, в качестве председателя Державной комиссии, принял весьма деятельное участие в подготовке и проведении этих съездов. Впрочем, с отдельными потенциальными партнерами Русского культурного комитета Белич завязал контакты еще в ходе своей частной поездки во Францию в конце лета – начале осени того же года. Среди тех, с кем ему тогда довелось встретиться и в общих чертах договориться о будущем сотрудничестве, был И.А. Бунин, которому в трех основных проектах Комитета отводилось одно из центральных мест. Проекты эти были суть Русский научный институт, литературно-художественный журнал и книгоиздательство (Издательская комиссия).

Судя по разным документальным свидетельствам, Белич и его коллеги по Русскому культурному комитету рассчитывали на то, что Бунин станет для них «легкой добычей», однако, к их удивлению, а

[4] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 4–4 об.

[5] См. письмо председателя Издательской комиссии при Русском культурном комитете В.Д. Брянского к И.А. Бунину от 25 октября 1928 г. (LRA. MS. 1066/1977). По-видимому, эта идея «витала в воздухе»: недаром она нашла отражение и в некоторых материалах местной русской прессы (см., напр.: *[Б. п.]* Столица русского зарубежья // Новое время (Белград). 1928. 3 окт. № 2225. С. 1).

порой и замешательству, писатель оказался совсем не так покладист, как они ожидали.

* * *

Русский научный институт был создан в июне 1928 г. при содействии русских университетских преподавателей и ученых, осевших в Королевстве СХС. Изначально Институт мыслился как «учреждение русских кафедр по специально русским предметам, часть коих будет постоянно, а некоторое количество свободных, временно замещаемых приезжающими из-за границы русскими учеными или крупными литературными именами»[6]. С течением времени в Институте было открыто 5 отделений: философское; языка и литературы; общественных и исторических наук; естественных, агрономических и медицинских наук; математических и технических наук, а также военная секция. Лекции читали корифеи русской научной мысли, вынужденно оказавшиеся на чужбине: Ант. Д. Билимович, Н.Н. Головин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Г.Н. Пио-Ульский, Д.П. Рябушинский, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, Ф.В. Тарановский, С.Л. Франк и др. Недаром в эмигрантской среде, причем как в Югославии, так и за ее пределами, Русский научный институт имел репутацию «зарубежной русской Академии наук». В разные годы выступали перед его студентами и писатели: К.Д. Бальмонт, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, И. Северянин, Е.Н. Чириков[7].

Идея пригласить Бунина читать лекции или свои произведения в течение одного семестра (равнявшегося 3 месяцам) родилась уже на первом заседании Совета Института – 24 июня 1928 г.[8]. Пять дней спустя, 29 июня, уже на заседании Русского культурного комитета,

[6] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 5.

[7] Подробнее о Русском научном институте см.: *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 62–64; *Косик В.И.* Русская Югославия… С. 27; *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии. 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. С. 144–145; Русские в Сербии: Взаимоотношения России и Сербии с конца XII века до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии – последних 60 лет и сегодня / Отв. ред. А.А. Максаков. Белград: Весна инфо; Координационный совет российских соотечественников в Сербии; Ателье Богдановић, 2009. С. 129–131; *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14. С. 3–27; *То же* // Русский Белград / Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 184–211; *Танин С.Ю.* Русский Белград. С. 289–292; *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 172–182 и др.

[8] Наряду с Буниным предполагалось также пригласить: на один семестр – профессоров Н.О. Лосского и Д.П. Рябушинского, на один год – академика П.Б. Струве.

эту идею озвучил в своем докладе первый председатель Русского научного института, профессор Белградского университета Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951). Комитет постановил доклад Е.В. Спекторского «принять к сведению и просить председателя профессора А.И. Белича[9] переговорить об одновременном с академиком И.А. Буниным приглашении Д.С. Мережковского». Каждому из приглашаемых лекторов назначался «ежемесячный оклад в 6000 динар»[10].

На том же заседании при рассмотрении вопроса о литературно-художественном журнале было признано желательным привлечь «в состав редакционной комиссии […] г. Д.С. Мережковского, академика И.А. Бунина и в качестве технического редактора П.Б. Струве. Вопрос как о составе редакции, так и прочих деталях изданий решить в окончательной форме по возвращении из-за границы профессора А.И. Белича, коего уполномочить повести все нужные переговоры и посетить тех лиц, коих он найдет полезным привлечь к работе»[11].

Труд уведомить Бунина об этих решениях взяли на себя Е.В. Спекторский и А. Белич. Судя по тону и содержанию их посланий к писателю, датированных июлем и августом 1928 г.[12], в Русском культурном комитете были твердо уверены, что писатель не сможет отказаться от сделанных ему предложений. Для Белича и его коллег это было столь же несомненным, как и то, что Бунин почтит своим присутствием белградские съезды – академический и литературный. Однако все эти замыслы, ожидания и расчеты оказались напрасными: и от лекторства, и от соредакторства, и от поездки в Белград Бунин уклонился.

Несмотря на то, что, как почетный член Императорской академии наук, Бунин обладал правом «занять профессорскую кафедру

[9] Все русские, знавшие Белича лично или хотя бы по переписке, звали его, в соответствии с русским речевым этикетом, по имени-отчеству: Александр Иванович.

[10] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12.

[11] Там же. Л. 13–13 об.

[12] LRA. MS. 1066/1820; MS. 1066/1821; MS. 1066/5269; MS. 1066/5270. В новом, готовящемся к изданию томе «Литературного наследства» будет опубликована вся выявленная на сегодня переписка Бунина с А. Беличем и В.Д. Брянским. До настоящего времени была предана гласности лишь ее небольшая часть (см.: *Драшкоци С.* Писма Ивана Алексејевича Буњина Александру Белићу и краљу Александру Карађорђевићу // Зборник матице српске за славистику / Славистический сборник. Нови Сад, 1997. Кн. 53. С. 255–272; «Ваша слава есть слава России»: Переписка И.А. Бунина с Издательской комиссией в Белграде. 1929–1933 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // Исторический архив. 1999. № 1. С. 193–199; От чужих к своим: Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / Под общ. ред. К. Ичин; сост., подгот. текста и коммент. Н. Благоевича, А. Мичич и И. Мрджа. Белград: Логос, 2016. С. 108–118). Переписка Бунина со Спекторским также готовится к печати. .

в любом европейском университете»[13], подобное поприще его никогда не прельщало. За всю жизнь он попробовал себя в роли лектора не более четырех раз – дважды в Одессе в 1919 г. и дважды в Париже в начале 1920-х гг. Правда, как было отмечено выше, Русский научный институт не настаивал на том, чтобы он читал именно лекции, предоставляя ему полную свободу в выборе жанра выступлений. Это обстоятельство позволило Бунину пересмотреть свое отношение к перспективе взойти на профессорскую кафедру в Белграде. Однако воспользоваться предложением Института писатель предполагал не раньше зимы 1928–1929 гг.: после долгих колебаний он решил отказаться от участия в белградских съездах – из-за большой занятости (в ту пору он работал над 3-й книгой «Жизни Арсеньева») и страха перед разного рода неудобствами, связанными с добыванием виз и долгой дорогой[14]. Но и в указанный период Бунин не нашел возможности выбраться в Белград. Югославскую столицу и ряд других городов Королевства он посетил лишь в августе 1937 г. – в рамках своего большого европейского турне (1935–1938), которое он совершал в качестве нобелевского лауреата[15].

Столь же прохладно Бунин отнесся и к планам Русского культурного комитета выпускать литературно-художественный журнал. Беличу, который встречался с писателем 31 августа – 1 сентября и 5 сентября 1928 г. (в Грассе на вилле «Бельведер» и в Ницце соответственно), не удалось уговорить его войти в редакцию этого издания[16]. Свой отказ Бунин мотивировал опять-таки отсутствием времени и значительными расхождениями с Мережковским во взглядах на литературу. Кроме того, он считал, по словам Г.Н. Кузнецовой, что создавать в эмиграции еще один толстый журнал (подобный «Современным запискам») – «значит разбивать силы, размельчать материал и губить уже имеющийся и хорошо поставленный журнал и вообще пускаться в плаванье, обреченное на гибель»[17].

---

[13] *Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии (Письмо из Софии) // Сегодня (Рига). 1933. 24 нояб. № 325. С. 2.

[14] См. его письма от 12 и 30 августа 1928 г. соответственно к Е.В. Спекторскому (ГАРФ. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 5. Л. 10) и к Б.К. Зайцеву (Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Звеерса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 134. С. 174).

[15] Подробнее об этом см.: *Рыбинский Н.* И.А. Бунин в Югославии (Письмо из Белграда) // Сегодня (Рига). 1937. 1 сент. № 239. С. 2; *Чурич Б.* Из жизни русского Белграда / Пер. с сербск. А. Тарасьева и М. Тарасьевой. Белград: Белградский ун-т, 2015. С. 181–191.

[16] Подробнее об этом см. дневниковые записи В.Н. Буниной (Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. ст. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2005. Т. 2. С. 147–148) и Г.Н. Кузнецовой (*Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 75–76).

[17] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник… С. 76.

Тем не менее Бунин был готов печататься в белградском журнале в качестве «простого» автора. И когда в конце сентября 1928 г. П.Б. Струве, на правах «технического редактора», попросил писателя прислать что-нибудь в первый номер[18], тот, несомненно, не преминул бы выполнить эту просьбу. Однако ее выполнению помешали начавшиеся вскоре в отношении Струве интриги со стороны З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Не желая работать бок о бок со Струве по соображениям чисто политического свойства, чета Мережковских сумела настроить против него и персонально Белича, и Русский культурный комитет, и ряд влиятельных югославских сановников. В итоге Струве отошел от дел; найти ему замену и сформировать редакционное ядро Белич, несмотря на рекомендации Мережковских[19], не смог; и журнал заглох, так и не родившись.

Эта история и особенно афронт, которому столь незаслуженно подвергся Струве, заметно подорвали бунинское доверие к Беличу, что не могло не сказаться и на отношении писателя к идее сотрудничества с Русским культурным комитетом[20]. Тем не менее до полного разрыва дело не дошло: вероятно, Бунин в каком-то смысле чувствовал себя обязанным Беличу за те субсидии по «русской акции» (1 тыс. франков в месяц), которые он получал от югославского правительства с 1926 г.[21]. Эти субсидии выплачивались 8 писателям-эмигрантам (в том числе Бунину) именно с подачи Белича – как председателя Державной комиссии по делам русских беженцев. Выходом из сложившейся, весьма щекотливой для Бунина ситуации стало его решение участвовать в книгоиздательском проекте Русского культурного комитета: очевидно, в глазах писателя это была единственная приемлемая форма взаимодействия с Беличем и его коллегами.

О создании в Белграде русского книгоиздательства с широкой программой (т.е. Издательской комиссии) Бунин узнал от Белича, когда тот приезжал к нему знакомиться. Трудно сказать, насколько это известие заинтересовало писателя. Тем не менее Беличу уда-

[18] См. письмо Струве к Бунину от 27 сентября 1928 г. (Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. New York, 1968. Т. II. С. 94–95).

[19] См. письмо Мережковского к Беличу от 11 ноября 1928 г. (От чужих к своим... С. 56–57).

[20] См. запись в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой от 20 октября 1928 г. (*Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник… С. 83) и бунинское письмо к Б.К. Зайцеву от 25 октября 1928 г. (Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым. С. 175).

[21] См. запись в дневнике В.Н. Буниной от 16 апреля 1926 г. (Устами Буниных. Т. 2. С. 127).

лось заручиться его согласием предоставить для издания книгу стихов – и вскоре она была включена в перспективный план Издательской комиссии, о чем свидетельствует, например, протокол заседания Комиссии от 15 октября 1928 г.[22]. Однако примерно в это же время Бунин передумал печатать «изборник» своих стихотворений в Белграде. И дело тут было не только в том, что после «низложения» Струве писатель резко остыл к Беличу и его затеям. В не меньшей (если не большей) степени Бунина возмутила просьба Издательской комиссии, эпистолярно «транслированная» Беличем 18 октября 1928 г., «ограничиться сотней страниц»[23]. В ответ, спустя 6 дней, Бунин писал: «Что до моей книги стихов, то от издания таковой у Вас отказываюсь. Доводить ее до ста страничек, то есть менять весь ее облик и цель, не могу; она будет издана “Совр[еменными] записками”. Вам, может быть, дам книгу рассказов»[24]. Тем самым Бунин как бы вернулся к первоначальному замыслу – выпустить свой поэтический «изборник» именно в издательстве «Современные записки», которому эта книга была обещана еще весной 1928 г. – в ту пору, когда оно только зарождалось[25]. Можно лишь предполагать, что заставило Бунина через несколько месяцев, при личных встречах с Беличем, изменить этому своему обещанию, – то ли заразительный энтузиазм председателя Русского культурного ко-

[22] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–99 об.

[23] LRA. MS. 1066/1822.

[24] САНУ. 14386-IV-260. Любопытно, что издавать свой поэтический «изборник» в «Современных записках» Бунин окончательно решил до того, как получил от И.И. Фондаминского, который был одним из «отцов-основателей» издательства, письмо с изложением доводов в пользу именно такого решения. В этом письме от 26 октября 1928 г., в частности, говорилось: «Мое мнение: / Если Ваше финансовое положение не очень тугое, лучше издавать у нас. Вот по каким соображениям: / Белградское издательство – Х! Боюсь, что все это будет плохо, нелепо и кончится впустую (как чешское “Пламя”). Издадут плохо, распространить не сумеют, пресса будет молчать. А с прекращением издательства книга умрет в подвалах. / У нас другое. Мы начинаем издательство, которому, по моему глубокому убеждению, предстоит большое будущее. Судя по шуму, по предложениям со всех сторон, по отзывам компетентных лиц, мое убеждение имеет очень серьезные основания. Издадим мы прекрасно, пресса будет говорить без конца, а, главное, т.к. издательство будет расти и шириться, то каждая последующая книга будет тянуть и предыдущие – книга будет жить долгие годы. На этом останавливаюсь. Ибо не смею Вас убеждать – дело финансовое, а я сам хорошо знаю, как трудно с финансами справляться. Если решитесь издавать у нас, к этому можно приступить в любой момент» («Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы, вступит. ст. О.А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 778). Как показала история издания сборника «Грамматика любви», прогнозы Фондаминского в отношении особенностей эдиционной практики Издательской комиссии оказались весьма точны.

[25] См. письмо И.И. Фондаминского к М.В. Вишняку от 16 мая 1928 г. (Там же. Т. 1. С. 433).

митета[26], то ли собственное искреннее желание «поддержать молодое дело»[27].

Судя по дневниковым записям В.Н. Буниной, ее муж, по крайней мере, до начала декабря 1928 г. колебался в выборе литературного материала для Издательской комиссии: «Что послать? ”Избранные рассказы”, “Окаянные дни”, ”Книжку новых рассказов”?»[28] В конце концов писатель остановился все-таки на «избранных рассказах», о чем и сообщил Беличу письмом от 5 декабря 1928 г.[29]. С этого времени, вплоть до ноября 1929 г., когда была выпущена «Грамматика любви», в протоколах заседаний и в других служебных документах Издательской комиссии книга избранных рассказов Бунина значилась постоянно[30].

* * *

Издательская комиссия de jure была учреждена на заседании Русского культурного комитета 29 июня 1928 г., а ее собственное первое заседание состоялось почти месяц спустя – 23 июля того же года. Своей главной задачей Комиссия считала помощь в воспитании и образовании эмигрантской молодежи и в соответствии с этим поставила себе целью обеспечить русские библиотеки, школы, высшие учебные заведения «хорошей и недорогой книгой, которая бы содействовала заложению в душах молодежи здоровых моральных, национальных и чисто человеческих начал»[31].

В первый состав Комиссии вошли следующие лица: юрист, общественно-политический деятель, участник Белого движения на юге России Виктор Диодорович Брянский (1868–1944); профессора Белградского университета: упоминавшийся уже Е.В. Спекторский – как председатель Русского научного института и Александр Павлович Доброклонский (1856–1937) – как председатель Совета по русской школе при Державной комиссии; инженер, общественный деятель, секретарь Русского культурного комитета Борис Михайлович Орешков (1884–?); полковник Генерального штаба, началь-

[26] См. дневниковую запись В.Н. Буниной от 3 сентября 1928 г.: «На днях у нас был Белич. Первое впечатление – русский молодой профессор, но, приглядевшись, видишь, что он постарше, а главное – энергия и темперамент у него не русские, а если и бывает такая энергия у русских, то редко у профессоров, а скорее, у инженеров…» (Устами Буниных. Т. 2. С. 147).

[27] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 10. Л. 54

[28] Устами Буниных. Т. 2. С. 153.

[29] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.

[30] См., напр., «Справку о деятельности Издательской комиссии», составленную В.Д. Брянским и датированную 24 декабря 1928 г. (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 20 об.; копия: ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 90 об.).

[31] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

ник канцелярии Державной комиссии, а также издатель «Военных сборников», редактор газеты «Русский голос» (1931–1941), один из учредителей русского Военно-научного института в Белграде, преподаватель белградского отделения Высших военно-научных курсов генерала Н.Н. Головина Василий Михайлович Пронин (1882–1965).

Председателем Издательской комиссии был избран В.Д. Брянский; функции секретаря были поручены В.М. Пронину; за реализацию книжной продукции стал отвечать Б.М. Орешков.

В дальнейшем состав Издательской комиссии неоднократно менялся. Уже с 1928 г. вместо отказавшегося участвовать в ее работе профессора А.П. Доброклонского Совет по русской школе в Издательской комиссии стал представлять Лев Михайлович Сухотин (1879–1948) – историк, земский деятель, преподаватель Русской гимназии и директор Русско-сербской женской гимназии. В конце 1930 г. профессора Е.В. Спекторского, получившего назначение в Люблянский университет, в Издательской комиссии сменил новый председатель Русского научного института профессор Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Тогда же в состав Издательской комиссии по решению Русского культурного комитета вошел редактор-издатель белградской русской газеты «Новое время» Михаил Алексеевич Суворин (1860–1936), сын знаменитого газетного магната А.С. Суворина. М.А. Суворину, среди прочего, была поручена своего рода литературная экспертиза поступавших в Комиссию произведений. В 1936 г. членом Издательской комиссии снова стал профессор А.П. Доброклонский, сменивший умершего профессора Ф.В. Тарановского.

Такой, довольно «пестрый» состав Издательской комиссии позволил современному сербскому эмигрантологу О. Джуричу усомниться в профессиональной состоятельности ее членов – как *организаторов* издательского процесса. По мнению исследователя, члены Издательской комиссии, будто бы не обладавшие ни достаточным опытом эдиционной практики, ни безупречным литературным чутьем, в своей деятельности руководствовались не универсальными литературными критериями, а «преходящими политическими целями», что якобы и «предопределило неудачу, постигшую отличный замысел»[32]. Нам подобное утверждение представляется весьма спорным. По крайней мере, если судить по материалам фондов Русского культурного комитета, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Архиве внешней политики Российской империи при МИД РФ (АВПРИ), то «преходящие политические цели»

[32] *Ђурић О.* Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци, издања). Београд: Дечје новине; Српски фонд словенске писмености и словенских култура, 1990.С. 186.

никогда не рассматривались Комиссией в качестве критериев при отборе произведений для издания. В действительности, как было указано выше, такими критериями были не политические, а, скорее, *прагматико-дидактические* соображения.

Первоначально план действий Издательской комиссии включал следующие пункты: «1) издание русских классиков и [современных] писателей; 2) издание книг для юношества и детей и 3) издание учебников»[33]. В целом этот план был реализован – за исключением пункта о переиздании русских классиков, хотя такое переиздание предполагалось осуществить «в первую очередь»[34]. По-видимому, решающую роль здесь сыграла история с литературно-художественным журналом: поняв, что этот замысел провалился, Белич и его коллеги по Русскому культурному комитету решили переориентировать новообразованное книгоиздательство в лице Издательской комиссии на выпуск произведений писателей-эмигрантов, тем более что с некоторыми из них (в частности, с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, Вас.И. Немировичем-Данченко, Е.Н. Чириковым, А.И. Куприным, Б.К. Зайцевым, И.А. Буниным) к тому времени уже удалось договориться о сотрудничестве. И хотя для русских классиков все-таки была сохранена небольшая «квота»[35], на практике Издательская комиссия ею так и не воспользовалась. В итоге, за время своего существования Комиссия выпустила 58 книг (как произведений печати), которым соответствует 41 наименование. Большая их часть увидела свет в составе трех серий: «Русская библиотека» (43 книги), «Детская библиотека» (11 книг) и «Библиотека для юношества» (2 книги). Кроме того, были изданы 2 учебника, которые предназначались для русских средних школ[36].

---

[33] ГАРФ. Ф. Р.-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

[34] В фонде Русского культурного комитета в АВПРИ сохранился не датированный и не подписанный «Список авторов, труды коих надлежало бы переиздать в первую очередь», он содержит следующие позиции: «1. Лесков. Полное собрание сочинений или избранные произведения отдельными книгами или брошюрками. 2. Салтыков-Щедрин. То же. 3. А. Толстой. То же. 4. Некрасов. Полное собрание сочинений. 5. Полонский. То же. 6. Тютчев. То же. 7. Надсон. То же. 8. Фонвизин. Избранные сочинения. 9. Розанов. То же. 10. Бальмонт. Полное собрание сочинений. 11. Вс. Соловьев. То же. 12. Загоскин. То же. 13. Лажечников. То же» (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 16).

[35] В частности, предполагалось издать «Евгения Онегина» с комментариями В.Ф. Ходасевича, лермонтовского «Демона» и сборник рассказов Н.С. Лескова (Там же. Л. 20 об.; копия: ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 90 об.).

[36] Подробнее об Издательской комиссии см.: *Бакунцев А.В.* К истории книжного дела Русского зарубежья: Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 3. С. 30–43; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија... С. 185–215; *Качаки И.Н.* Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии). 1920–1945 гг. / *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia). 1920–1945. Arnhem, 1991; *Качаки Ј.* Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиогр. радова, 1920–1944: поку-

Переписку с авторами от имени Издательской комиссии вел обычно ее председатель В.Д. Брянский. До революции он сделал довольно успешную карьеру, дослужившись по «партикулярной части» до чина статского советника (согласно другим данным – действительного статского советника). На рубеже веков Брянский был земским деятелем, затем – товарищем Московского городского головы (1909–1912, 1914–1917) и исполняющим должность Московского городского головы (1912–1914), гласным Московской городской думы (1917–1918), почетным мировым судьей Московского городского по воинской повинности присутствия, вице-председателем физкультурного Общества «Богатырь». Возглавлял также Совет Московского частного коммерческого банка и Всероссийский союз городов. В годы Гражданской войны Брянский входил в состав Совета начальника Управления внутренних дел Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России; служил также при Правительстве Главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Эмигрировал в октябре 1920 г. После недолгого пребывания в русском военном лагере в Галлиполи поселился в Болгарии, затем, в конце декабря 1920 г., переехал в Королевство СХС. Здесь Брянский возглавил местное Представительство Всероссийского союза городов и параллельно поступил на службу в Державную комиссию, став инспектором русских начальных школ. Издательской комиссией он руководил вплоть до ее упразднения в феврале 1937 г.

Бунин знал Брянского еще до революции – благодаря тому, что В.Н. Бунина и вторая жена Брянского – М.А. Брянская с юности были довольно близкими подругами. А с сыном Брянского от первого брака – В.В. Брянским, которого близкие звали попросту «Волей», Бунины регулярно общались в Одессе во второй половине 1919 г. – начале 1920 г., когда тот, будучи белым офицером, занимал высокую должность в Штабе командующего войсками Новороссийской области, являвшимися частью деникинской армии.

Несмотря на то, что по роду своей основной деятельности Брянский был далек от литературы, работа в Издательской комиссии всерьез увлекла его. В письмах М.А. Брянской к В.Н. Буниной конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. то и дело встречаются такие строки: «В[иктор] Д[иодорович] страшно поглощен издатель-

---

шају реконструкције. Београд, 2003; *Косик В.И.* Русская Югославия… С. 27; *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биогр. словарь русского зарубежья. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. С. 139; *Шомракова И.А.* Белградские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940 / Сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 21–22 и др.

ством, очень его это интересует, но зато я его совсем не вижу, он уезжает в 8 утра и возвращается в 8 веч[ера]…»; «В[иктор] Д[иодорович] очень увлечен издательством, но я должна сказать, что большинство присланных произведений весьма слабы…»; «В[иктор] Д[иодорович] совсем погружен в свою издательскую работу, ему все время присылают разные рукописи; сейчас он читает рассказики кн. Барятинского…»[37].

* * *

Книга, которую Бунин в конце концов предоставил Издательской комиссии, включала 10 рассказов, написанных в 1912–1925 гг., и была озаглавлена по первому из них – «Грамматика любви».

За составление этого «изборника» писатель принялся после января 1929 г. Однако он не слишком торопился – в том числе потому, что был не доволен теми условиями, которые Издательская комиссия предлагала авторам, изъявлявшим желание печататься у нее. Условия эти были таковы: вознаграждение «за впервые появляющиеся в печати труды или только появившиеся до сего времени в виде отрывков» составляло «20% от обложечной цены» книги, «с выдачей аванса при начале печатания в размере 50% всей причитающейся данному писателю суммы»[38]; при переиздании «ранее печатавшихся трудов» гонорар оставался тем же, но размер аванса уменьшался до 25%. Так называемая «обложечная цена» устанавливалась в размере 25–30 динар (по курсу 1929 г. – около 12–13 франков) за экземпляр, а обычный тираж – в количестве 2 тыс. экз. (впоследствии из-за финансовых трудностей он был сокращен вдвое).

Таким образом, за свою книгу Бунин мог получить максимум 12 тыс. динар, или чуть более 5 тыс. франков. Для писателя подобные условия были «крайне печальны», т.е. невыгодны. При всем своем желании «поддержать молодое дело», которое с самого начала принципиально строилось не на коммерческих началах (Издательская комиссия получала дотации из казны в размере 25 тыс. динар ежемесячно), Бунин не хотел себя «продешевить». Потому-то, надо полагать, он в конце концов, в июне 1929 г., передал Издательской комиссии собрание не новых, еще не известных публике, а «старых», ранее уже обнародованных рассказов, не соглашаясь в то же время признавать *переизданием* факт их очередного – пусть и в составе предложенного им «изборника» – печатания, поскольку, как он настаивал, этот «изборник» *сам по себе* был «совершенно новой»

[37] LRA. MS. 1067/1560; MS. 1067/1561; MS. 1067/1566.
[38] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 96–96 об.

книгой. Брянскому – как, вероятно, и другим членам Издательской комиссии, а также Беличу, который периодически участвовал в ее заседаниях и, в силу своего статуса, влиял на ее решения, – подобные доводы не казались достаточно убедительными. Однако от споров с одним из самых маститых писателей русского зарубежья они воздерживались. В итоге «Грамматика любви» была признана «новой» книгой, и расчет вознаграждения ее автору был произведен по максимальным ставкам: при себестоимости издания в 16,5 динара его «обложечная цена» составила 30 динар[39], а Бунину в виде аванса было выплачено «2693,50 фр[анка], равных 6000 динар»[40].

Рукопись «Грамматики любви» поступила в Издательскую комиссию в июне 1929 г. и спустя 5 месяцев, в ноябре того же года, книга увидела свет в серии «Русская библиотека» под № 12.

Как ни странно, совместная работа над этим изданием нисколько не сблизила Бунина с Беличем и Брянским – скорее, наоборот. Руководители Русского культурного комитета и Издательской комиссии отдавались служению русской культуре за рубежом самоотверженно и бескорыстно; их, несомненно, раздражала нескрываемая бунинская меркантильность. Не были им по душе и некоторые другие свойства натуры писателя – например, его исключительная художническая взыскательность к самому себе, из-за которой нарушался график чтения корректур и соответственно замедлялся процесс допечатной подготовки издания. В свою очередь Бунин был далеко не в восторге от того, как делалась его книга и тем более – как она впоследствии распространялась. Вероятно, Издательская комиссия была настолько уверена в коммерческом успехе «Грамматики любви», что не сочла нужным озаботиться ее, как сейчас говорят, «продвижением»: в белградской русской прессе сборник не анонсировался и не рецензировался. Единственное известное на сегодня объявление о его выходе было напечатано в парижских «Последних новостях»: «Русская “Издательская комиссия” в Белграде только что выпустила в свет “Избранные рассказы” Ив. А. Бунина (под общим заглавием “Грамматика любви”)»[41]. Отзывы о книге появились в газетах «Сегодня», «Россия и славянство», «Руль»[42], хотя у Издательской комис-

[39] Там же. Д. 26. Л. 3, 4.

[40] Письмо Брянского к Бунину от 11 июня 1929 г. (Там же. Д. 10. Л. 49).

[41] *[Б. п.]* Новые книги Ив. А. Бунина // Последние новости (Париж). 1929. 5 дек. № 3179. С. 3.

[42] См.: *П[иль]ский П.* Ив. Бунин. Грамматика любви. Избранные рассказы. Белград // Сегодня (Рига). 1929. 9 дек. № 341. С. 6; *Зайцев К.* Избранные рассказы Бунина // Россия и славянство (Париж). 1930. 11 янв. № 59. С. 3; *Савельев А.* [Шерман С.Г.] О Бунине. «Грамматика любви» // Руль (Берлин). 1930. 29 янв. № 2789. С. 2. Не исключено, что другие эмигрантские газеты и журналы не заинтересовались «Грамматикой любви» именно потому,

сии были связи и с другими органами печати русского зарубежья – в том числе с газетами «Новое время», «Возрождение», «Последние новости», «За свободу!», с еженедельником «Иллюстрированная Россия», с журналом «Современные записки»[43].

Отсутствие должной рекламы и эффективной системы распространения[44] стало одной из главных причин не просто низких, а, по сути, провальных продаж: согласно отчетам, которые Брянский присылал Бунину вплоть до ликвидации Издательской комиссии в начале 1937 г., к этому времени из 2 тыс. экз. «Грамматики любви» разошлось всего-навсего 678 экз., т.е. менее трети тиража[45]. Причем не исключено, что в это число входили и те 32 экз. (помимо 25 авторских), которые 4 «траншами» (10+6+6+10) за плату были высланы писателю, по его просьбе, в 1931–1934 гг. Таким образом, в денежном отношении сотрудничество с Издательской комиссией оказалось для Бунина еще менее выгодным, чем ему первоначально представлялось: ведь он недополучил половину гонорара, предусмотренного по договору с Издательской комиссией.

Тем не менее, в конце 1932 г. (вероятно, из-за финансовых трудностей) Бунин подумывал об издании в Белграде еще одного «изборника», однако соответствующие переговоры писателя с Издательской комиссией закончились ничем. Об этой ненапечатанной книге известно только то, что Бунин собирался включить в нее, так же как в «Грамматику любви», уже опубликованные к тому времени рассказы[46]. Ранее, в 1929 г., он предлагал Издательской комиссии переиздать и свой перевод «Песни о Гайавате» Г.-У. Лонгфелло, однако Комиссия через Брянского отклонила это предложение, сославшись на свой принцип издавать только оригинальные произведения[47].

Не удалось достигнуть согласия и по некоторым другим вопросам, лично Бунина уже не касавшимся. Так, в 1930 г. Издательская комиссия не вняла настойчивой просьбе писателя напечатать книгу рассказов Л.Ф. Зурова, из которых состояли сборники «Кадет» и «Отчина» (оба впервые увидели свет в Риге в 1928 г.)[48], а Бунин, со

что в сборнике не было *действительно* новых рассказов – следовательно, и информационный повод для откликов на него был весьма относительным.

[43] См. письмо В.Д. Брянского к А.И. Куприну от 28 сентября 1929 г. (ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 15. Л. 48).

[44] Книги, выпущенные Издательской комиссией, реализовывались через склад-магазин при Отделе труда Державной комиссии, причем значительная часть тиражей не продавалась, а обменивалась на книги других издательств.

[45] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

[46] Там же. Л. 15–19 об., 21–21 об.

[47] Там же. Л. 45–46 об.

[48] Там же. Л. 37–40.

своей стороны, оправдываясь занятостью, наотрез отказался редактировать один из сборников произведений молодых авторов-эмигрантов, которые вознамерилась выпустить Издательская комиссия[49].

* * *

Ничем конкретным Бунин не смог помочь Издательской комиссии и в 1931 г., когда Белич и Брянский обратились к нему с просьбой о посредничестве в поиске партнеров для создания собственного представительства Комиссии в Париже[50]. Письма с аналогичной просьбой были направлены также К.Д. Бальмонту, Б.К. Зайцеву, А.И. Куприну, Д.С. Мережковскому, А.М. Ремизову и И.С. Шмелеву. По мысли Брянского, наличие представительства позволило бы Издательской комиссии сделать систему книгораспространения более эффективной и коммерчески успешной. Бунин, не будучи искушенным в издательских и книготорговых делах, посоветовал своим белградским корреспондентам обратиться к соредактору «Современных записок» И.И. Фондаминскому как к человеку в этом отношении хорошо осведомленному[51]. От других писателей поступили более четкие предложения и советы[52]. Однако «по ряду причин, главным образом формального порядка» (так, весьма неопределенно, выразился в одном из отчетных документов Брянский), Издательская комиссия не смогла ими воспользоваться, ей пришлось остановиться «на назначении представителя для продвижения своих изданий»[53]. Таковым в итоге стал белградский книготорговец И.И. Строганов. Этого человека Брянский в своем «Очерке о деятельности Издательской комиссии при Русском культурном одборе в 1928–1937 гг.» характеризует как «лицо, которое с самого приезда в Югославию имело книжную торговлю, имело сношения с главными центрами, имело опыт в книжной торговле»[54]. Но, несмотря на все это, сотрудниче-

[49] Там же. Л. 32–32 об., 34–36 об.

[50] Там же. Л. 25–26 об., 27–28.

[51] Там же. Л. 2–3 об.

[52] Так, в коллективном недатированном письме к Беличу, которое подписали Мережковский, Б. Зайцев, Куприн и (заочно) Ремизов, Издательской комиссии предлагалось наладить контакт с книжным складом при редакции газеты «Возрождение». По мнению авторов письма, выгодность подобного партнерства была несомненна: «Условия таковы: 1) 50% скидки (после всех наведенных нами справок выяснилось, что это условие нормальное и единственно возможное в Париже) [,] 2) хорошая реклама в газете за их счет, что мы считаем чрезвычайно важным» (Там же. Д. 13. Л. 12). Шмелев в своем пространном, обстоятельном письме от 1 июня 1931 г. к Беличу также упоминает книжный склад при «Возрождении» – наряду с книжными магазинами «Москва» и «La Source – Родник» (Там же. Д. 20. Л. 120).

[53] Там же. Д. 4. Л. 6.

[54] Там же.

ство со Строгановым не улучшило ситуацию с продажей книг, выпущенных Издательской комиссией, – напротив, усугубило ее: уже в 1934 г. у Комиссии возникли серьезные нарекания к Строганову, который в конце концов запутался в расчетах с ней и задолжал ей изрядную сумму. В 1936 г. договор со Строгановым был расторгнут. К этому времени Издательская комиссия уже находилась на грани финансового краха, который и предопределил ее участь.

23 февраля 1937 г. Брянский получил следующее уведомление, подписанное дежурным членом Державной комиссии С.Н. Смирновым: «Согласно постановлению Державной комиссии [от] 17.II. с. г. имею честь Вам сообщить, что вследствие отсутствия в настоящее время необходимых средств для издания новых книг, Издательская комиссия подлежит ликвидации; весь архив и денежные средства надлежит сдать в Державную комиссию»[55].

Брянский, будучи опытным юристом, пытался возражать – исходя из того, что Издательская комиссии не подчинялась комиссии Державной. Так, 1 марта 1937 г. он писал Беличу: «Ввиду того, что Издательская комиссия имеет ряд обязательств перед третьими лицами, я лишен возможности выполнить это постановление по нижеследующим юридическим основаниям: 1) Издательская комиссия есть орган Русского культурного одбора, а не Державной комиссии; 2) Русский культурный одбор есть совершенно самостоятельная организация; 3) я не имею никаких данных, что Русский культурный одбор ликвидирован и все его права и обязанности переданы в Державную комиссию. Поэтому необходимо или постановление Русского культурного одбора, или распоряжение Ваше, как председателя Русского культурного одбора, дабы я мог с полным юридическим правом закрыть Издательскую комиссию»[56]. Однако протесты Брянского ни к чему не привели.

Между тем коммерческие неудачи Издательской комиссии сыграли роковую роль не только в ее собственной судьбе, но и в судь-

[55] Там же. Д. 1. Л. 2.

[56] Там же. Л. 1. Еще в начале 1937 г. Брянский составил что-то вроде служебной записки, в которой с плохо сдерживаемым раздражением отмечал: «Вообще наше общее положение становится чрезвычайно трудным. Издательская комиссия была учреждена Русским культурным одбором, организацией совершенно самостоятельной и другого состава, чем Державная комиссия. Только председатель проф. А.И. Белич объединял обе организации. Но вот уже почти два года, как Русский культурный одбор себя не проявляет, а вместо него появляется голос Державной комиссии. […] Вместе с этим Державная комиссия распоряжается суммами Издательской комиссии и Культурного одбора, не спрашивая никакого согласия юридических лиц; так, вся наличность склада снимается распоряжением дежурного члена Державной комиссии Смирнова, даже без извещения меня, при этом не только свободные суммы, но даже имеющие назначение, напр., на выдачу вознаграждения авторам, а равно за печатание книг проф. [И.А.] Ильина» (Там же. Л. 3).

бе Русского культурного комитета. В середине марта 1937 г. Комитет был расформирован, а подведомственные ему учреждения (за вычетом Издательской комиссии, упраздненной месяцем раньше), перешли в ведение Державной комиссии по делам русских беженцев в Югославии[57].

* * *

За неоценимую помощь, оказанную при подготовке данной статьи, ее автор благодарит сотрудников ГАРФ, АВПРИ, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (LRA), В. Крестича (САНУ), О.А. Коростелева (ИМЛИ РАН), С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), Н.А. Мартынову (Москва).

Литература

Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 46–71.

Бакунцев А.В. К истории книжного дела Русского зарубежья: Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 3. С. 30–43.

[Б. п.] Новые книги Ив. А. Бунина // Последние новости (Париж). 1929. 5 дек. № 3179. С. 3.

[Б. п.] Столица русского зарубежья // Новое время (Белград). 1928. 3 окт. № 2225. С. 1.

«Ваша слава есть слава России»: Переписка И.А. Бунина с Издательской комиссией в Белграде. 1929–1933 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // Исторический архив. 1999. № 1. С. 193–199.

Зайцев К. Избранные рассказы Бунина // Россия и славянство (Париж). 1930. 11 янв. № 59. С. 3.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; науч. ред. А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005.

Качаки И.Н. Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии). 1920–1945 гг. / *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia). 1920–1945. Arnhem; Kampen: Proteus; Mondiss, 1991.

Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19.

Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32.

Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995.

Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии. 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии: Сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 136–147.

[57] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 73.

От чужих к своим: Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / Под общ. ред. К. Ичин; сост., подгот. текста и коммент. Н. Благоевича, А. Мичич и И. Мрджа. Белград: Логос, 2016.

Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. New York, 1968. Т. II. С. 61–109.

П[иль]ский П. Ив. Бунин. Грамматика любви. Избранные рассказы. Белград // Сегодня (Рига). 1929. 9 дек. № 341. С. 6.

Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Звеерса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 134. С. 172–186.

Русские в Сербии: Взаимоотношения России и Сербии с конца XII века до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии – последних 60 лет и сегодня / Отв. ред. А.А. Максаков. Белград: Весна инфо; Координационный совет российских соотечественников в Сербии; Ателье Богдановић, 2009.

Рыбинский Н. И.А. Бунин в Югославии (Письмо из Белграда) // Сегодня (Рига). 1937. 1 сент. № 239. С. 2.

Савельев А. [Шерман С.Г.] О Бунине. «Грамматика любви» // Руль (Берлин). 1930. 29 янв. № 2789. С. 2.

«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2011–2012. Т. 1, 2.

Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института. Белград, 1939. Вып. 14. С. 3–27.

Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Русский Белград / Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 184–211.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биогр. словарь русского зарубежья. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996.

Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009.

Тесемников В.А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 172–182.

Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. ст. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2005. Т. 2.

Федоров А. Злоключения Бунина в Болгарии (Письмо из Софии) // Сегодня (Рига). 1933. 24 нояб. № 325. С. 2.

Чурич Б. Из жизни русского Белграда / Пер. с сербск. А. Тарасьева и М. Тарасьевой. Белград: Белградский ун-т, 2015.

Шешкен А.Г. Александр Белич и «русский Белград» // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 578–586.

Шомракова И.А. Белградские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940 / Сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 21–22.

Драшкоци С. Писма Ивана Алексејевича Буњина Александру Белићу и краљу Александру Карађорђевићу // Зборник матице српске за славистику / Славистический сборник. Нови Сад, 1997. Кн. 53. С. 255–272.

Ђурић О. Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци, издања). Београд: Дечје новине; Српски фонд словенске писмености и словенских култура, 1990.

Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиографија радова, 1920–1944: покушају реконструкције. 2-е изд., доп. и прер. Београд: Жагор: Унив. библ. «Светозар Марковић», 2003.

References

Arsen'ev A. Russkaya diaspora v Yugoslavii [The Russian diaspora in Yugoslavia]. *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii: Sbornik statey*. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 46–71.

Bakuntsev A.V. K istorii knizhnogo dela Russkogo zarubezh'ya: Izdatel'skaya komissiya Russkogo kul'turnogo komiteta v Belgrade (1928–1937) [To history of book business of the Russian abroad: The publishing commission of the Russian cultural committee in Belgrade (1928–1937)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika*, 2016, no 3, pp. 30–43.

[B. p.] Novye knigi Iv. A. Bunina [New books by I.A. Bunin]. *Poslednie novosti* (Paris), 1929, Dec., 5, no 3179, p. 3.

[B. p.] Stolitsa russkogo zarubezh'ya [Capital of the Russian abroad]. *Novoe vremya* (Belgrad), 1928, Oct., 3, no 2225, p. 1.

«Vasha slava est' slava Rossii»: Perepiska I.A. Bunina s Izdatel'skoy komissiey v Belgrade. 1929–1933 gg. ["Your glory is glory to Russia": I.A. Bunin's correspondence with the Publishing commission in Belgrade. 1929-1933]. Publ. A.L. Raykhtsauma. *Istoricheskiy arkhiv*, 1999, no 1, pp. 193–199.

Zaytsev K. Izbrannye rasskazy Bunina [Chosen stories by Bunin]. *Rossiya i slavyanstvo* (Parizh), 1930, Jan., 11, no 59, p. 3.

Yovanovich M. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [The Russian emigration in the Balkans: 1920–1940]. Per. s serbsk. A.Yu. Timofeeva; nauch. red. A.V. Gromova-Kolli, E.V. Mikhaylova. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e»; Russkiy put' Publ., 2005.

Kachaki I.N. *Bibliografiya russkikh bezhentsev v Korolevstve S.Kh.S. (Yugoslavii). 1920–1945 gg.* [Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia). 1920–1945]. Arnhem, Kampen, Proteus Publ., Mondiss Publ., 1991.

Kozlitin V.D. Rossiyskaya emigratsiya v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev (1919–1923) [The Russian emigration in the Kingdom of Serbians, Croats and Slovenes (1919–1923)]. *Slavyanovedenie*, 1992, no 4, pp. 7–19.

Kosik V.I. Russkaya Yugoslaviya: fragmenty istorii, 1919–1944 [Russian Yugoslavia: fragments of history, 1919–1944]. *Slavyanovedenie*, 1992, no 4, pp. 20–32.

Kuznetsova G.N. *Grasskiy dnevnik. Rasskazy. Olivkovyy sad* [Grasse diary. Stories. Olive garden]. Sost., podgot. teksta, predisl. i comment. A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1995.

Milenkovich T. Obshchestvo russkikh uchenykh v Yugoslavii. 1920–1941 [Society of the Russian scientists in Yugoslavia. 1920–1941]. *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii: Sbornik statey*. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 136–147.

Ot chuzhikh k svoim: Pis'ma vydayushchikhsya predstaviteley russkoy intelligentsii nachala XX veka Aleksandru Belichu [From strangers to friends: Letters of outstanding representatives of Russian intelligentsia of the beginning of the 20th century to Alexander Belich]. Pod obshch. red. K. Ichin; sost., podgot. teksta i comment. N. Blagoevicha, A. Michich i I. Mrdzha. Belgrad, Logos Publ., 2016.

Perepiska I.A. Bunina i P.B. Struve (1920–1943). K 100-letiyu so dnya ikh rozhdeniya. Publikatsiya G.P. Struve [I.A. Bunin's correspondence and P.B. Struve (1920–1943). To the 100 anniversary from the date of their birth]. *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SShA*. New York, 1968, vol. II, pp. 61–109.

P[il']skiy P. Iv. Bunin. Grammatika lyubvi. Izbrannye rasskazy. Belgrad [I. Bunin. The Love Grammar. Chosen stories. Belgrade]. *Segodnya* (Riga), 1929, Dec., 9, no 341, p. 6.

Pis'ma I.A. Bunina k B.K. i V.A. Zaytsevym [I.A. Bunin's letters to B.K. and V.A. Zaytsevs]. Publikatsiya A. Zveersa. *Novyy zhurnal* (New York), 1979, kn. 134, pp. 172–186.

Russkie v Serbii: Vzaimootnosheniya Rossii i Serbii s kontsa XII veka do nachala XX veka. Russkaya emigratsiya v Serbii. Rossiyane v Serbii – poslednikh 60 let i segodnya [Russians in Serbia: Relationship of Russia and Serbia since the end of the 12th century before the beginning of the 20th century. The Russian emigration in Serbia. Russians in Serbia – the last 60 years and today]. Otv. red. A.A. Maksakov. Belgrad, Vesna info Publ., Koordinatsionnyy sovet rossiyskikh sootechestvennikov v Serbii, Atel'e Bogdanovich Publ., 2009.

Rybinskiy N. I.A. Bunin v Yugoslavii (Pis'mo iz Belgrada) [I.A. Bunin in Yugoslavia (The letter from Belgrade)]. *Segodnya* (Riga), 1937, Sent., 1, no 239, p. 2.

Savel'ev A. [Sherman S.G.] O Bunine. «Grammatika lyubvi» [About Bunin. "The Love Grammar"]. *Rul'* (Berlin), 1930, Jan., 29, no 2789, p. 2.

«Sovremennye zapiski» (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redaktsii: V 4 t. ["Sovremennye zapiski" ("Modern notes") (Paris, 1920–1940). From archive of edition] Pod red. O. Korosteleva i M. Shruby. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011–2012, vol. 1, 2.

Spektorskiy E.V. Desyatiletie Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade (1928–1938) [Decade of the Russian Scientific Institute in Belgrade (1928–1938)]. *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta*. Belgrad, 1939, vyp. 14, pp. 3–27.

Spektorskiy E.V. Desyatiletie Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade (1928–1938) [Decade of the Russian Scientific Institute in Belgrade (1928–1938)]. *Russkiy Belgrad*. Sost. V.A. Tesemnikov, V.I. Kosik. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2008, pp. 184–211.

Struve G.P. *Russkaya literatura v izgnanii* [The Russian literature in exile]. 3-e izd., ispr. i dop.; *Kratkiy biograficheskiy slovar' russkogo zarubezh'ya*. Paris, Moscow, YMCA-Press Publ., Russiy put' Publ., 1996.

Tanin S.Yu. *Russkiy Belgrad* [The Russian Belgrade]. Moscow, Veche Publ., 2009.

Tesemnikov V.A. Deyatel'nost' Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade (1928–1941 gg.) [Activity of the Russian Scientific Institute in Belgrade (1928–1941)]. *Razvitie obshchestvennoy mysli v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: Sbornik statey*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1991, pp. 172–182.

Ustami Buninykh: Dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye materialy: V 2 t. [By Bunins: Diaries of I.A. and V.N. Bunins and other archival materials]. Pod red. M.E. Grin; vstupit. st. Yu.V. Mal'tseva. Moscow, Posev Publ., 2005, vol. 2.

Fedorov A. Zloklyucheniya Bunina v Bolgarii (Pis'mo iz Sofii) [Bunin's misadventures in Bulgaria (The letter from Sofia)]. *Segodnya* (Riga), 1933, Nov., 24, no. 325, p. 2.

Churich B. *Iz zhizni russkogo Belgrada* [From life of the Russian Belgrade]. Per. s serbsk. A. Taras'eva i M. Taras'evoy. Belgrad, Belgradskiy universitet, 2015.

Sheshken A.G. Aleksandr Belich i «russkiy Belgrad» [Alexander Belich and "the Russian Belgrade"]. *Slavyanskiy vestnik*, Moscow, 2004, vyp. 2, pp. 578–586.

Shomrakova I.A. Belgradskie izdatel'stva [Belgrad Publishing Houses]. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya, 1918–1940*. Sost. A.N. Nikolyukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2: Periodika i literaturnye tsentry, pp. 21–22.

Drashkotsi S. Pisma Ivana Aleksejevicha Bunina Aleksandru Belichu i kral'u Aleksandru Karadzhordzhevichu [Letters of Ivan Alexeevich Bunin to Alexander Belich and King Alexander Karadjordjevich]. *Zbornik matitse srpske za slavistiku / Slavisticheskiy sbornik*. Novi Sad, 1997, kn. 53, pp. 255–272.

Dzhurich O. *Ruska literarna Srbija: 1920–1941 (pistsi, kruzhotsi, izdan'a)* [Russian literary Serbia: 1920–1941 (writers, circles, issues)]. Beograd, Dechje novine Publ.; Srpski fond slovenske pismenosti i slovenskikh kultura, 1990.

Kachaki J. *Ruske izbeglitse u Kral'evini SKhS / Jugoslaviji: Bibliografiya radova, 1920-1944: pokushaju rekonstruktsije* [Russian refugees in the Kingdom of SHS / Yugoslavia: Bibliography, 1920–1944: an attempt to reconstruct]. 2-e izd., dop. i prer. Beograd, Zhagor Publ., Univ. bibl. «Svetozar Markovich», 2003.

I.A. Bunin and the Russian Cultural Committee in Belgrade (1928–1937)

Anton V. Bakuntsev

Abstract: There is a large body of research literature on the Russian Cultural Committee in Belgrade and its separate "structural divisions" – the Russian Scientific Institute, the Russian Public Library, the Publishing Commission, music, art and theatre schools. However too little attention is paid to Russian émigré representatives' personal engagement in Committee's activity. Our article is, essentially, one of the first works on that subject. It tells about the attempts of the Russian Cultural Committee to achieve I.A. Bunin's cooperation. The article uses materials of national and foreign archives, including: the State Archive of the Russian Federation, Russian Empire Foreign Policy Archive at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Serbian Academy of Sciences and Arts Archive, Leeds Russian Archive.

Keywords: I.A. Bunin, A. Belich, V.D. Briansky, Russian Emigration, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia, the Russian Cultural Committee in Belgrade, the Russian Scientific Institute, the Publishing Commission, «The Love Grammar».

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-92-166
УДК 821.161.1 83.3

Довид Кнут: Новые материалы

В. Хазан

Аннотация: Литературное и эпистолярное наследие известного эмигрантского поэта Довида Кнута (Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) уже не раз становилось предметом публикации и научного изучения. Однако значительная и до сих пор неизвестная часть его архива (неопубликованные стихи, проза, статьи, дневник, письма и др.), обнаруженная относительно недавно в Израиле, где Кнут прожил последние годы жизни, где умер и похоронен, придает исследованию его жизни и творчества новую актуальность. Можно сказать, что перед специалистами и широким читателем открывается отчасти совершенно неизвестный (или малоизвестный) Кнут. Для данной публикации отобрано несколько писем из новонайденного архива – самого Кнута (к первой и второй женам: Саре-Софье Грабойс и Ариадне Скрябиной) и к нему (Г. Адамовича, Д. Гликберга, Р. Гринберга и др.).

Ключевые слова: Довид Кнут, Георгий Адамович, Роман Гринберг, русская эмиграция, переписка.

Информация об авторе: Владимир Хазан, Ph. D. Профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Имя адресата нескольких новонайденных писем, которые составляют основу настоящей публикации, – эмигрантского поэта, прозаика, журналиста и общественного деятеля Давида Мироновича Фиксмана, известного как Довид Кнут (1900–1955)[1], – как кажется, в особом представлении не нуждается: оно получило широкое признание самых утонченных ценителей литературы. «Настоящим поэтом» считал его, по воспоминаниям И. Одоевцевой, Г.В. Адамович[2]; «одно из наиболее подлинных дарований среди поэтов, начав-

[1] Считается, что в качестве псевдонима Д. Фиксман якобы использовал девичью фамилию матери – Перл Кнут (об этом среди прочих писал и автор настоящих строк). Предпринятые попытки проверить достоверность данной информации, однако, не увенчались успехом. Установлено, что мать Кнута звали не Перл, а Хая (за это уточнение приносим благодарность кишиневскому журналисту О. Тиховской); не исключено, что носимая ею фамилия Кнут также является фикцией.

[2] *Одоевцева И.* На берегах Сены. М.: Худ. лит., 1989. С. 108. Впрочем, это мнение Г. Адамовича существует и в лишенной какого-либо опосредования форме: «Кнут – поэт подлинный, прирожденный. Он им остается всегда» (*Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1938. № 6179, 24 февр. С. 3). Анонсируя в «Последних новостях» вечер Кнута, состоявшийся 29 октября 1936 г. , тот же критик писал: «Сегодня Довид Кнут выступает с чтением своих стихов и рассказов. Нередко литературные вечера оставляют смутное впечатление. Слишком пестр состав участников: внимание рассеивается. Едва вслушаешься в чей-либо голос, едва вникнешь в слова – на эстраде другой автор. А за

ших печататься в последние годы», видел в нем М. Цетлин[3]; ровно тот же эпитет – «подлинный поэт» – прикладывал к Кнуту Н. Оцуп[4]; как поэта «с настоящим чутьем жизни», на примере которого, «пожалуй, ярче всего видно, как можно, оставаясь на высоте истинной поэзии, перекликаться с действительностью», оценивал его А. Бем[5]; «чудесным поэтом» назвал Кнута историк, литературовед и философ Н.Е. Андреев[6]; а русский и польский поэт, эссеист, критик, литературовед и художник-график Л. Гомолицкий небеспричинно полагал, что именно Кнут первым в русской поэзии показал «национальное лицо» еврея[7]. Этот перечень можно продолжать и далее.

Когда Кнута не стало, В.Н. Бунина, узнав об этом, писала 23 февраля 1955 г. супругам Кодрянским: «Только что узнала о кончине Кнута и потрясена ею. Мы все, начиная с Ивана Алексеевича и кончая Лялей <Жировой>, очень его любили и ценили»[8].

То, что Кнут – «один из наиболее способных эмигрантских поэтов», признавал и «другой берег» – обычно недружелюбная по отношению к изгнанникам советская критика. Разбирая его стихи, помещенные в «Воле России» (1926. № 3)[9], Борис Волин (собст. И.Е. Фрадкин) реагировал на них относительно миролюбиво, без обычного идеологического скрежета зубовного, и писал, что поэт

> …рассказывает, какие необыкновенные эмоции он получает, когда «в веселии, семижды окаянном», с самим собой вступает он в «бесплотный пляс»; обработав заново сологубовско-арцыбашевско-бальмонтовскую тему «хочу быть дерзким», он сообщает, что всё его «верую» заключается в том, чтоб:
>
> Лежать в ночи – дышать простором свежим,
> Плыть в мир невыносимой красоты…
> Свой малый путь пройти стопой медвежьей,
> С медвежьим сердцем, легким и простым…[10]

ним – третий, четвертый… Кнут читает один. Пропустят ли истинные друзья поэзии случай войти в непосредственное общение с одним из даровитейших ее представителей и поблагодарить его за всё, что он им дал и дает?» (1936. № 5697, 29 окт. С. 3).

[3] Современные записки. 1928. Кн. 35. С. 537.

[4] *Оцуп Н.* Довид Кнут // Русская мысль. 1955. № 742, 4 марта. С. 5.

[5] *Бем А.Л.* Письма о литературе / Сост. и авторы предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ůstav, Eurislavica, 1996. С. 266, 113.

[6] *Андреев Ник.* «По памяти, по записям» А. Бахраха // Русская мысль. 1980. № 3302, 3 апр. С. 11.

[7] *Гомолицкий Л.* Сочинения русского периода: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Флейшмана. М: Водолей, 2011. Т. 3. С. 659.

[8] НИОР РГБ. Ф. 503. Карт. 1. Ед. хр. 7. Л. 5.

[9] По существу, это был фрагмент 3-й главы поэмы «Испытание».

[10] *Волин Бор.* Эмигрантская поэзия // На литературном посту. 1926. № 3. С. 21. При публикации поэмы «Испытание» во «Второй книге стихов» (1928) первые два стиха были заменены.

Вернувшийся из эмиграции в Советский Союз А. Вертинский среди наиболее заметных поэтов-беженцев, кто особенно остро переживал разрыв с родиной: К. Бальмонта, Г. Иванова, В. Ходасевича, Г. Адамовича, Б. Поплавского, В. Смоленского, – называет также имя Кнута и приводит его стихи:

О том, что дни
мои глухонемые,
О том, что ночью я –
порой в аду.
О том, что ночью
снится мне Россия,
К которой днем
дороги не найду[11].

Если за некоторую – вполне, разумеется, условную – единицу упоминания стихотворных строк поэта принять, скажем, такой показатель, как их использование в качестве эпиграфа к текстам других авторов, то и в этом случае можно говорить о довольно впечатляющей репрезентации кнутовского имени. Вот только несколько примеров.

Строка «О лай о чем-то знающих собак!» (стихотворение «О чем сказать: о сини безвоздушной…») взята эпиграфом к стихотворению И. Кнорринг 1933 г. «Собаки»[12]. В повести «Туннель», к каждой главке которой подобран эпиграф, а в некоторых случаях даже несколько, автор, подписавшийся «Алетрус» (кто скрылся за этим именем, неизвестно), дважды использовал в этом качестве стихи Кнута: ко 2-й главке (из стихотворения «Ночь»):

Я знал тебя давно, предвидел и предслышал,
Я знал, что ты придешь и улыбнешься мне…

И к главке 12-й (из стихотворения «Измена»):

…И ушел. И вступил в очистительный круг
Одиночества, грусти, свободы, победы…[13]

Самые знаменитые кнутовские строки: «Особенный еврейско-русский воздух… / Блажен, кто им когда-либо дышал!» («Кишиневские

[11] *Вертинский А.* Дорогой длинною… М.: Правда, 1990. С. 206.

[12] *Кнорринг И.* После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Предисл., сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л. Жовтиса. Алма-Ата, 1993. С. 90–91.

[13] *Алетрус.* Туннель // Современник (Торонто). 1961. № 3. С. 9, 22.

похороны»)[14] – стали эпиграфом к трехтомной мемуаризованной повести С. Прегель «Мое детство» (Париж: Новоселье, 1973–1974). «Индекс цитирования» Кнута не ограничивается эпиграфической зоной, а нередко проникает непосредственно в «текстовое тело», становясь в нем своего рода конвенционально-узнаваемым эмблематическим знаком еврейской черты оседлости, как, предположим, в очерковом цикле Г. Иванова «По Европе на автомобиле» (1933–1934):

> Ожидая сосисок из Ковно, я пошел пройтись. Была суббота. Сплошная густая толпа медленно двигалась по правой стороне главной улицы Шавель. Я вспомнил, как за несколько дней до объявления войны я так же гулял в субботний день в таком же еврейско-литовском городке Лиде. Ничего не переменилось с тех пор. И тот же прозрачный серо-синий с розоватым отливом воздух обнимает всё это.
>
> «Особенный еврейско-русский воздух»[15].

Или в воспоминаниях Ф. Степуна:

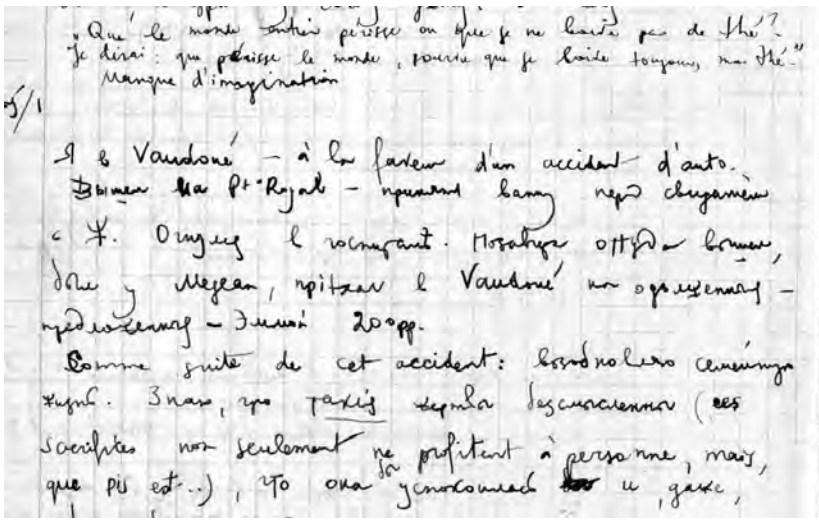
> В результате моего довольно долгого пребывания в черте оседлости во мне не только возникло чувство исключительной трагичности еврейской истории, но и зародился вопрос, не является ли

[14] Об этом стихотворении всё тот же Г. Адамович писал: «Как здесь всё хорошо! Как много внутренней музыки в этих белых стихах, лишенных всякой декоративности и обычных словесных клише. Это уже не черновик, не “проба пера”, это, действительно, поэзия… Всё, что Кнут писал и печатал после “Похорон”, лишь подтверждало, что он нашел себя» (Последние новости. 1932. № 4040, 14 апр. С. 2). При всей известности, которой стихотворение пользовалось среди эмигрантов, не стоит, однако, путем ложных утверждений создавать ему недостоверно-преувеличенную славу, ср., например: «“Кишиневские похороны” Кнута (чаще их называют по первой строке “Я помню тусклый кишиневский вечер...”), с точки зрения выдающегося литературоведа (и поэта) Георгия Адамовича, – лучшее стихотворение в русско-еврейской литературе XX века. <...> Написанное в 1929 году в Париже, стихотворение получило мировую известность: его перевели вначале на французский, а позже на другие европейские языки, оно вошло во все антологии зарубежной русской поэзии» (*Гейзер М.* Сплетение миров: Заметки о жизни и творчестве Довида Кнута // Лехаим (Москва). 2003. № 4. С. 40. URL: https://lechaim.ru/ARHIV/132/imena.htm). Г. Адамович не писал о том, что «Кишиневские похороны» – «лучшее стихотворение в русско-еврейской литературе XX века»; мировая известность кнутовского текста полностью лежит на совести автора этого гиперболизированного и абсолютно бездоказательного замечания; из переводов данного стихотворения на другие языки известен лишь английский перевод «A Kishinev Burial», выполненный М. Шраером (An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007. P. 452–454); «Кишиневские похороны» действительно представлены в большинстве антологий эмигрантской поэзии, однако далеко не во всех: так, они отсутствуют в послевоенной «Эстафете» (Париж; Нью-Йорк, <1948>) или в «Содружестве» (Вашингтон: Изд-во V. Kamkin, 1966), в котором стихов Кнута вообще нет.

[15] *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. С. 328–329.

Еврейский запах нищеты и пота,
Селедки, моли, жареного лука,
Священных книг, пеленок, синагоги… (Довид Кнут)

бытовым осадком раздирающей душу еврейства борьбы между призванностью ко вселенскому делу и узким национализмом[16].

Дневник Д. Кнута. Запись от 5 января 1935 г.

Нельзя сказать, чтобы «труды и дни» Кнута остались без исследовательского внимания: ему посвящены две монографии[17], издан двухтомник его текстов и писем[18]. И всё же публикация кнутовского литературного и эпистолярного наследия и, соответственно, его изучение далеки даже от относительной полноты. Справедливость данного утверждения становится особенно очевидной в свете того, что нам удалось обнаружить в Израиле неизвестную до нынешнего времени часть архивного собрания этого талантливого художника слова, в которой имеется немало принадлежащих ему поэтических, прозаических и даже драматургических текстов (о Кнуте-драматурге до сих пор ничего известно не было); обширный, охватывающий несколько десятилетий, дневник; огромное количество черновых записей; не

[16] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся: [В 2 т.]. Изд. 2-е. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. Т. 1. С. 129.

[17] *Хазан В.* Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle; Université Jean-Moulin, 2000; *Федоров Ф.П.* Довид Кнут. М.: МИК, 2005.

[18] *Кнут Д.* Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Хазана; Вступ. ст. Д. Сегала. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998.

предназначавшихся для печати, однако не лишенных интереса эпиграмм и пр. Из этого обилия разнообразных материалов для данной публикации отобрано несколько писем, адресованных Кнуту известными деятелями русской эмиграции, а также теми, чьи имена ни о чем, наверное, не скажут широкому читателю, однако связанные с ними документы важны для установления некоторых новых фактов кнутовской биографии. Помимо этого в настоящую подборку включены письма Кнута к обеим женам – первой (Саре-Софье Грабойс) и второй (Ариадне Скрябиной).

Все письма приводятся по автографам из собрания публикатора, именуемого далее НАК (новонайденный архив Кнута). Письма печатаются с соблюдением современных орфографических норм.

1. «…поэт подлинный, прирожденный»

Письмо Г.В. Адамовича

Георгий Викторович Адамович (1892–1972) – поэт, литературный критик, переводчик, беллетрист, публицист. Не считая отдельных, менее развернутых высказываний о Кнуте и его поэзии, Адамович явился автором трех рецензий на сборники его стихов. В его рецензии на три новые поэтические книги, увидевшие свет в 1932 г. – кнутовские «Парижские ночи», «Верность» Ю. Мандельштама и «Горький цвет» Ю. Карелина, говорилось:

> Новый, только что вышедший сборник Кнута «Парижские ночи» – книга небольшая. Но, бесспорно, это один из самых ценных сборников, появившихся за время эмиграции, – один из самых чистых, честных и глубоких.

Давая почти безоговорочно высокую оценку стихам Кнута, собранным в «Парижских ночах», и в особенности выделяя среди них, как было сказано выше, «Кишиневские похороны»[19], Адамович закруглял рецензию на максимально сочувственной ноте:

> <…> стихи Кнута – менее всего стихи декадентские. В них нет ни эгоистической позы, ни самолюбования. Они в самой основе своей серьезны и как бы «социальны». Оттого тема одиночества и звучит в них трагически: разъединение людей поэт воспринимает как нечто в высшей степени тягостное. Он не знает, как от этого несча-

[19] Это стихотворение, пожалуй, лучшее из всего написанного Кнутом, критик оценил еще раньше – в рецензии на 41-ю книжку «Современных записок» за 1930 г. (Последние новости. 1930. № 3249, 13 февр. С. 3).

стия уйти, но его влечет к миру, и он ищет связи с ним. Есть в стихах Кнута какая-то скрытая, неистощимая лучистая энергия… Старинный критик сказал бы: «душевная теплота» – и, в сущности, был бы прав[20].

Среди дневниковых записей Ант. Ладинского, относящихся именно к тому периоду, когда книга стихов Кнута увидела свет, имеется одна, от 29 марта 1932 г. , в особенности любопытная:

> Р. рассказывал мне, что молодой поэт К<нут>, недавно выпустивший свою книгу, написал критику А<дамовичу>: «Дорогой друг, я был бы счастлив, если бы я мог дать вам взаймы денег». Вот нравы[21].

Под «Р.» почти наверняка имеется в виду Н. Рейзини[22], который впоследствии, через много лет, несколько иначе рассказывал об этом эпизоде:

---

[20] Последние новости. 1932. № 4040, 14 апр. С. 2.

[21] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 25 об. Ср. с тем, что он писал в дневнике позднее, 13 января 1933 г. , намекая, по всей видимости, на ту же историю или сплетню: «…но и про него (Д<овида> К<нута>) я тоже знаю вещи не весьма джентльменские, вроде письма Адамовичу» (Там же. Л. 66).

[22] Николай Рейзини (собств. Наум Георгиевич Рейзин; 1905–1979?) в разные эпохи своей жизни выступал под разными социальными масками: литератор (живя в Париже, был участником объединения писателей-эмигрантов «Кочевье», например, рецензировал 39-ю книжку «Современных записок» [Воля России. 1929. № 7, июль. С. 106–113], участвовал в вечере устных рецензий, где говорил о романе Ю. Олеши «Зависть» [Воля России. 1929. № 8/9, авг.–сент. С. 206]), международный авантюрист, биржевой игрок, торговец оружием и наркотиками, превратившийся в конце концов в американского миллионера. В довоенное время был одним из создателей журнала «Числа» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 155); ср. в дневнике Ант. Ладинского (запись от 15 мая 1932 г.): «— Почему “Числа” так странно называются? – спросил кто-то. – Потому что их задумали два нуля, Оцуп и Рейзини, – ответила Одоевцева. Рейзини ей отомстил: в газете “Сегодня” появилось “интервью” с Ирин<ой> Одоевцевой, уехавшей в Ригу к умирающему отцу. К заглавию интервью “Ир. Одоевцева о парижских людях” Р<ейзи>ни прибавил “или папаша при смерти”» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 43 об.; по всей видимости, имеется в виду заметка К.А. Верховского, см.: *Ки-Ра* [К.А. Верховской]. Ирина Одоевцева рассказывает о себе и о Париже // Сегодня вечером (Рига). 1932. № 127, 9 июня. С. 3). См. еще одну небезынтересную запись о Рейзини в том же дневнике (от 5 января 1932 г.): «Был с Т<атьяной> (подруга Ладинского. – *В.Х.*) и с Рейзини в “Coupole”. Он собирается жениться. Кажется, это единственная возможность поправить его запутанные делишки. Но за невестой вместо ожидаемого миллиона – 100.000. Пока в счет будущего приданного он заказывает себе костюм и даже берет у того же портного деньги в долг. Интересно, чем кончится эта история. Невеста (разводка) мила, но немолода и красотой не блещет» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 2 об.). Тот же Ладинский посвятил Рейзини стихотворение 1928 г. «Средь приключений и романов…» (Воля России. 1929. № 5/6, май–июнь. С. 36). Во время Гражданской войны в Испании Рейзини под фамилией Рейзен (возможно, его настоящая фамилия) занимался поставкой на греческих судах оружия генералу Франко. Его скандальное дело прогремело на всю Европу. Вот что говорилось о нем в заметке «Авантюрист Николай Рейзен»: «В течение недели в греческом парламенте обсуждалось скандальное “дело Рейзена”. Несмотря на усилия министров замять это дело, в прениях выяснилось, что международный аферист Николай Рейзен, который во время гражданской

> Проиграли с Г.В. <Адамовичем> всё. Уже утро. Не на что заказать кофе. Пошел в магазин или мастерскую Довида Кнута[23], а Г.В. велел прогуливаться издали. Говорю Кнуту: «Хотите, чтобы о вашей новой книге отозвался Адамович?» – «Ой, хочу...» – «Выйдемте, я вам что-то покажу». – «Что же вы мне покажете?» – «Кто там гуляет?» – «Ой, Адамович гуляет...» – «Не подходите к нему, я всё объясню, дайте 50 франков». – Кнут дал[24].

Насколько эта история – приобретение Кнутом положительного отзыва, судя по всему, на «Парижские ночи» – соответствует реальности, установить, по-видимому, уже никогда не удастся. Сильное недоверие, однако, вызывает передаваемая мемуаристом – кстати сказать, евреем по рождению – кнутовская интонация, стилизованная под классический тип «запуганного еврея». Эти забавно звучащие в устах Кнута пугливо-радостные «ой»: «Ой, хочу», «Ой, Адамович гуляет…», – мало подходят ему, человеку далеко не робкого десятка, и явно взяты напрокат из антисемитского беллетристического потока – анекдотического представления о еврее как об исключительно ловком меняле и торговце, чье неизменно коммерческое credo про-

войны в Испании поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах, а во время последней войны сотрудничал с японцами и числился в черных списках США, получил греческое подданство. Рейзен прибыл в Грецию из Шанхая три месяца назад и вел переговоры с министром авиации относительно основания “греческой” авиационной компании, а также совещался с министрами Гонатасом и Мавромихалисом. Хотя греческое министерство иностранных дел имело сведения о том, что Рейзен сотрудничал с японцами, оно в течение десяти дней выдало ему служебный заграничный паспорт, после чего Рейзен выехал в Соединенные Штаты в роли экономического советника правительства» (Русские новости. 1946. № 81, 29 нояб. С. 2). В дополнение к своим талантам Рейзини был способным имитатором-пародистом. В. Сосинский называл его «зарубежным Ираклием Андрониковым» и в своих воспоминаниях рассказывал, что он «удивительно точно» изображал супружескую пару Гингера и Присманову (*Сосинский В*. Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) / Публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 194). Под фамилией Рагдаев Рейзини выведен в прозе В. Варшавского. Касаясь рассказа «Отрывок», в котором он появляется у В. Варшавского впервые, Г. Адамович, близко друживший с Рейзини, писал Ю. Иваску 7 июля 1954 г. : «Мне жаль только, что Варшавский вывел с презрением и злобой человека, который этого не заслужил. Портретность очевидна с первого слова» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. СПб.: Феникс, 2003. С. 424).

[23] То есть в мастерскую по раскраске тканей, владельцем которой был Кнут. Современные комментаторы, кстати сказать, на этом основании ошибочно утверждают, что Кнут «был также и художником» (*Берберова Н.Н*. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. С. 663). Художником Кнут не был – дело он вел, опираясь исключительно на свою специальность химика, полученную в начале 1920-х гг. в университете города Кан.

[24] Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 168.

фанирует и разлагает самый дух «святого искусства». Да и трудно поверить, чтобы Адамович лишь после того, как положил в карман пятидесятифранковую купюру, писал о Кнуте, призывая в качестве референта лермонтовский образ:

> <…> поэзии Кнута «без волненья внимать невозможно». Ее искренность примиряет с тем, что есть в ней спорного. Живая воодушевляющая тоска о совершенном, счастливом, прекрасном и праведном мире в поэзии этой тем явственнее, чем глуше становятся ее полубормотания, полузаклинания[25].

Написано это, правда, несколько позднее, после выхода в свет следующего сборника Кнута «Насущная любовь» (1938). Однако общественное мнение о масштабах его поэтического дарования сложилось гораздо раньше и имело достаточно укорененный в литературной среде и, уж во всяком случае, не подкупной характер.

На «Насущную любовь» Адамович отозвался одним из первых. Назвав автора *поэтом подлинным, прирожденным*, он подчеркнул в этой книге черты «статичного» повествования – переплетающиеся между собой лирические сцены и мотивы, как бы создающие в результате единый сюжет «романа-исповеди». Подчеркивая эту особенность новой книги стихов, он писал в своем отзыве:

> Сборник стихов Довида Кнута «Насущная любовь» можно читать как повесть или роман, настолько переплетены в этих стихах мотивы, постоянно возвращающиеся и друг друга дополняющие. Правда, как роман без действия. Зато такой, где психологический рисунок вполне ясен, а откровенность в определении порывов и желаний доведена до фотографической наглядности. Бывают «романы-реки», бывают и «романы-исповеди»: лирическому поэту доступен, конечно, лишь этот, второй жанр[26].

Наконец, в рецензии на последний сборник Кнута, «Избранные стихи», увидевший свет в Париже в 1949 г. , перед самым отъездом поэта в Израиль, Адамович писал:

> В *Избранных стихах* Довида Кнута представлено всё лучшее, что написано им за четверть века. Книга стройна и в развитии своем последовательна как повесть. Каждое стихотворение Кнута живет отдельной своей жизнью, но при этом каждое из них дополняет пре-

[25] *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1938. № 6179, 24 февр. С. 3.

[26] Там же.

дыдущее и как бы подготовляет или объясняет дальнейшее. В книге отражена личность, в книге есть голос. Короче и проще: в книге есть человек[27].

Денежные расчеты между Адамовичем и Кнутом, как показывает публикуемое ниже письмо, и в самом деле существовали, но они вовсе не носили той карикатурной формы, которая им приписана в приведенном мемории Рейзини. Судя по содержанию, речь идет о каком-то карточном проигрыше Кнута и попытке Адамовича поправить его финансовые дела[28]. Кроме того, в письме имеется любопытное указание на одну из творческих граней Кнута – переводческую[29] (имеются в виду его переводы с русского на французский язык), о чем, кроме глухих и не очень частых упоминаний, практически ничего не известно.

Итак, в письме, находящемся в составе НАК, Адамович писал:

Дорогой Давид Миронович

Я чувствую какой-то грех перед Вами – и не знаю точно, какой.

Сейчас я пишу Я.Я. Кобецкому насчет Кассы Взаимопомощи[30]. Простите, что с опозданием.

Пишу я ему вот что: пусть они дадут ссуду Вам, удерживая у меня по 25 фр<анков> в неделю. Думаю, что это можно. Я не могу взять для себя по двум причинам: 1) я не имею права на это до 5-го февраля, т. к. нужен двухмесячный срок с прошлой ссуды, и Кобецкий это обнаружил бы при подсчете! 2) мне нужно платить 5-го или 6-го вексель в 650 фр<анков> – и мне ссуда будет необходима лично. Voilà. Но надеюсь, выйдет так, как я предлагаю. Имейте в виду, что А.А. Поляков[31] – председатель Кассы, и поговорите с ним, в случае чего.

С грустью вижу, что Ваши письма не появляются. М<ожет> б<ыть>, нужно будет придумать что-нибудь новое.

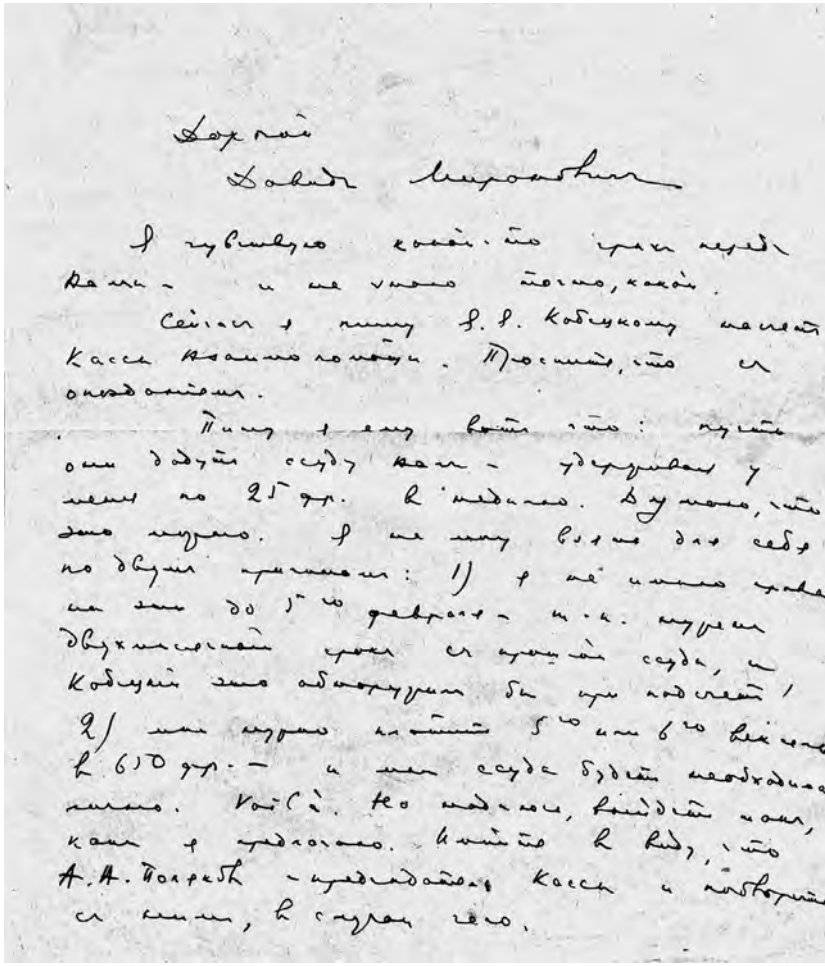
[27] *Адамович Г.* Четыре поэта // Русские новости. 1949. № 215, 15 июля. С. 4; кроме «Избранных стихов» Кнута в рецензии шла речь о «Деньке» Ю. Одарченко, «Соли» А. Присмановой и «В потоке света» В. Мамченко.

[28] О Кнуте – карточном игроке какие-либо подробные сведения отсутствуют. Хотя, по-видимому, эта страсть не была ему чужда, на что намекает и его рассказ «Дама из Монте-Карло» (1938), и сохранившееся письмо А. Гингеру от 19 ноября 1932 г. , в котором он покаянно просит у приятеля прощения за «позорную историю» – проигрыш не только своих денег, но и 200 «гингеровских» франков, приготовленных для возвращения долга (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 346).

[29] Речь идет о его переводах с русского на французский язык, инициатива которых, по крайней мере частично, исходила от Адамовича (см. ниже).

[30] Яков Яковлевич Кобецкий (1883–1945) – журналист, общественный деятель, до эмиграции банковский работник. Работал в редакции газеты «Последние новости», организовал там кассу взаимопомощи, о которой и идет речь.

[31] Александр Абрамович Поляков (1879–1971) – в 1922–1940 гг. секретарь редакции «Последних новостей».

Письмо Г. Адамовича Д. Кнуту

Но ради Бога, не бросайте перевода. По приезде в Париж я передам Вам полностью свой бумажник и кошелек – и буду у Вас просить на metro.

До свидания. Очень искренно желаю Вам выпутаться из трудных дел – или, вернее, отсутствия дел. И не опускайте понапрасну чемодан в грязь!

Только не играйте. Всё, что было *до* игры, кажется пустяками, раем и красивой жизнью – *после* игры. Но это, впрочем, знаете сами.

До свидания. Я буду в Париже дней через 10–12.

Ваш Г. Адамович

6, avenue Gustave Nadaud
Cimiez
Nice (A.M.) 16/I–1936

О каких письмах идет речь и где они должны были появиться, установить не удалось. Однако весьма вероятно, что речь идет о какой-то переводческой работе, к которой Адамович привлек Кнута. В дневнике последнего имеется запись от 26 мая 1935 г. , в которой говорится: «Возвращаясь, встретил Адамовича. Говорили о Башк<ирове>[32]. Предлагает перевод»[33]. По-видимому, Адамович предлагал осуществить перевод романа Е.В. Бакуниной «Любовь к шестерым» на французский язык, см. далее запись от 6 июня 1935 г. : «Сегодня отнес Адам<овичу> перевод двух страниц “Любви к шестерым”. Дал еще 5 стр<аниц>»[34].

2. «Мучительно открыть в себе злодея…»

Письмо М. Алейниковой

Мирьям (Маруся, Мария) Семеновна Алейникова (1889–1966), профессиональная пианистка, сестра известного сионистского деятеля Михаила Семеновича Алейникова (1880–1938), высшее образование получила в Лозаннском университете, где входила в Союз студентов-сионистов, выходцев из России[35]. После репатриации в Палестину поселилась в Хайфе, где была одним из основателей хайфского отделения Палестинского симфонического оркестра[36]. В течение ряда лет преподавала в Хайфском музыкальном училище[37].

[32] Борис Николаевич Башкиров (псевдонимы: Верин, Алтаир; 1891–?) – поэт из окружения И. Северянина, участник его поэзоконцертов. В 1919 г. эмигрировал из Петрограда в Финляндию, жил в Гельсингфорсе. Затем благодаря стараниям его близкого друга композитора С.С. Прокофьева перебрался во Францию, жил в Париже и на снятой Прокофьевым даче в окрестностях Нанта. Оттуда отправился в Америку к своему брату, крупному бизнесмену В.Н. Башкирову. В 1922 г. вместе с Прокофьевым вернулся в Европу и поселился в Германии, под Мюнхеном. Впоследствии перебрался в Париж, где работал шофером такси. Изредка появлялся на страницах журнала «Иллюстрированная Россия» и во французской периодической печати. Принимал участие в создании Русской фашистской партии. Ср. запись в дневнике Кнута от 13 мая 1935 г. : «В пятницу всю ночь гулял с Башкировым (до 5 ут<ра>). Темы: фашизм, сионизм, позиция еврейства. Было интересно подтверждение второсортности евр<ея->гражданина» (*Хазан В.* «Некая бухгалтерия жизни»: Дневник Довида Кнута 1934–1937 // Новый журнал. 2014. № 274. С. 173).

[33] *Хазан В.* «Некая бухгалтерия жизни»… С. 204.

[34] Там же. С. 206.

[35] См. фотографию, где она запечатлена в группе членов этого Союза вместе с еврейским писателем Менделе Мойхер-Сфоримом (1906): *Zenziper A. (Rafaeli).* Paamey ha-geula: Sefer hatsionut harusit. Tel Aviv: Sfarim N. Tversky, 1951. Am. 197.

[36] The Palestine Post. 1938, June 17. P. 2.

[37] Ha-boker. 1949, June 26. Am. 4.

Много сил и времени посвящала организации просветительской работы. В архиве известного историка философии, культуролога, художественного критика, музыканта и музыкального педагога Евсея Давидовича Шора (1891–1974), поселившегося в Палестине в начале 1935 г. и активно включившегося в лекционно-культурную деятельность, сохранилось два его письма к Алейниковой (вторые машинописные экземпляры) и столько же Алейниковой к нему[38], которые – из-за крайнего дефицита других сведений об адресате – имеет смысл привести полностью. 19 марта 1936 г. Шор писал Алейниковой из Тель-Авива в Хайфу, где он незадолго до этого читал лекцию о Л. Толстом:

Многоуважаемая Мария Семеновна,

по приезде своем в Тель-Авив я еще раз просмотрел внимательно программу моих лекций и решил ее немножко упростить. Посылаю Вам ее в новой редакции и буду очень рад, если Вам удастся быть в одну из сред в Тель-Авиве.

Мне было бы очень приятно прочесть в Хайфе, в конце апреля или начале мая, еще одну лекцию. Темой ее могла бы быть либо одна из тем моего цикла; может быть, тема первой лекции: «Гибель Запада, судьба России и будущее Палестины» – так, как я ее сформулировал в старой программе; либо можно было бы прочесть лекцию снова о Толстом на тему «Трагедия Толстого», дать общий обзор его творческого и духовного пути. Буду Вам очень признателен, если Вы обсудите с Вашими друзьями этот вопрос.

Во всяком случае мы ждем Вас и Вашего брата к себе, на Пинскер 20. Когда будете в Тель-Авиве, непременно заезжайте к нам.

Шлю Вам и Михаилу Семеновичу наши самые сердечные приветы.

Искренне преданный Вам

<Е. Шор>

Лекции, которые Шор предлагал прочитать, не состоялись из-за начавшихся арабских беспорядков, и больше года спустя, 16 апреля 1937 г. , он вновь обратился к Алейниковой с предложением вернуться к прерванному предприятию:

Многоуважаемая Мария Семеновна,

около года тому назад, после моей лекции о Толстом, в организации которой Вы любезно приняли такое деятельное участие, мы бе-

[38] National Library of Israel. Dept. of Manuscripts and Rare Books. Arc 4° 1521/358.

седовали с Вами о возможности дальнейших чтений. Беспорядки помешали осуществлению этих предложений. Быть может, теперь возможно было снова подумать об этом.

Если в Ваших кругах в Хайфе есть интерес к Пушкину, то я с удовольствием прочел бы лекцию о нем. Темою могло бы быть либо «Личная драма Пушкина», либо «Пушкин и Достоевский».

Был бы Вам очень признателен, если Вы взяли бы на себя инициативу в этом деле. Я буду очень рад, если лекция о Пушкине доставить мне возможность повидаться с Вами, с Михаилом Семеновичем и Вашим кругом.

С сердечным приветом и искренним уважением

<Е. Шор>

Мой новый адрес: Бен-Егуда 159. Телефон 3327.

10 мая Алейникова отвечала на это письмо:

Многоуважаемый Евсей Давидович,

Простите, что я так долго не отвечала на Ваше письмо. Я была очень занята всякими делами, а кроме того, я всё время подыскивала подходящее место для Вашей лекции. Сначала я думала устроить ее у нас, но, к сожалению, из-за моего брата, который занимает такое общественное положение, как председатель Vaad Hadar Hacarmel[39], неудобно в его квартире устраивать лекцию на русском языке. И вот мы с Марией Израилевной Мюллер начали подыскивать другое место и решили устроить это на Кармеле в доме нашей знакомой Mme Каган. У нее имеется пансион, и места много.

Теперь о времени. Лучше всего устроить лекцию в субботу после обеда, когда все свободны, и наши хайфцы любят этот день проводить на Кармеле. В какую субботу Вы могли бы приехать? Я лично думаю, что было бы неплохо это устроить 29-го мая, и я думаю, что у нас тогда будет достаточно времени послать пригласительные билеты. Если же Вам почему-либо неудобен этот день, то отложим на начало июня.

Буду ждать Вашего ответа. А пока шлю Вам и Вашему отцу[40] мой сердечный привет, также от моего брата.

М. Алейникова

«Личная драма Пушкина» публике будет интересней, чем «Пушкин и Достоевский».

[39] Совет по административному управлению одного из районов Хайфы – Hadar Hacarmel.

[40] Давид Соломонович Шор (1867–1942) – пианист, музыкальный педагог и культурно-общественный деятель; создатель (1892) знаменитого «московского трио», в которое входили скрипач Д. Крейн и виолончелист М. Альтшулер (впоследствии Р. Эрлих). В 1927 г. поселился в Палестине, где основал Институт музыкального просвещения и образования.

Во втором письме Алейниковой Шору год не указан, но поскольку в качестве даты проведения его лекции названо 29-е число (а само оно датировано 24 мая), очевидно, правомерно отнести его к тому же 1937 г.

Алейникова похоронена на хайфском кладбище Hof Hacarmel рядом с братом. Сведения о том, где и когда она познакомилась с Кнутом, отсутствуют, однако, как вытекает из публикуемого ниже письма, они хорошо знали друг друга. Поводом к его написанию послужило малоджентльменское поведение Кнута, не явившегося на вокзал проводить Алейникову, которая оказалась в Париже. Более того, в качестве оправдания он привел какую-то явно надуманную историю таинственно-мистического свойства, чем вызвал у автора письма еще большее удивление и досаду. Итак, Алейникова писала Кнуту:

Ob<erer> Graben 46 St. Gallen[41]
1–8.<19>39

Я тоже ничего не понимаю, милый Давид Миронович, и это скорее у Вас я должна спросить, что случилось.

Никто от моего имени Вам в редакцию[42] не мог звонить, т.к. я никому ничего не поручала Вам передать. Накануне моего отъезда, т.е. 7-го <июля>, в пятницу вечером, я Вам сама звонила, и подошла сначала Ваша жена, а потом позвала Вас, и я с Вами говорила, и Вы сказали, что придете меня провожать на вокзал. На другой день в 2 часа дня я уже была на вокзале и полчаса Вас напрасно ждала. И вместо того, чтобы извиниться передо мною, что не смогли приехать, Вы вдруг пишете мне про какую-то необыкновенную историю с телефоном, о каком-то таинственном голосе и т.п. Очень, очень странная вещь, и я ничего не понимаю…

Я послала вырезку из газеты уже давно и очень удивляюсь, что только несколько дней тому назад Вы ее получили. Я Вам умышленно ничего не приписала, т.к. была обижена Вашим невниманием.

И вовсе я таинственно не исчезла и накануне вечером с Вами попрощалась по телефону. Как видно, у Вас очень, очень короткая память и большие фантазии…

Я здорова, отдыхаю, гуляю, читаю, играю на рояле и в конце сентября собираюсь домой, в Палестину.

[41] Письмо написано из города Санкт-Галлен, расположенного невдалеке от Констанцского (Боденского) озера на северо-востоке Швейцарии, где в это время отдыхала М. Алейникова.

[42] Имеется в виду редакция франко-еврейского еженедельника «Affirmation», см. о нем: *Хазан В.* Довид Кнут… С. 98–100.

Возможно, что буду в Женеве на конгрессе[43].

В Париже быть больше не собираюсь, а я, если даже была бы, то весточку о себе не дала. Странная и таинственная и фантастическая история…

Привет Вам и Вашей жене.

М. Алейникова

По-видимому, сам Кнут испытал от произошедшего острый укол совести, выразившийся в обращенном к Алейниковой – пусть и прикрытом шутливой интонацией – эпиграмматическом акростихе «Марусе А.», в котором начальные буквы каждого стиха складываются в имя-посвящение: Марусе (этот текст, как и другие кнутовские опыты в области акростихов, остался неопубликованным и отложился в НАК).

Марусе А.

Мучительно открыв в себе злодея,
Антихриста с рожками, Асмодея,
Признаюсь я: мне совестно, Madame!
Укрыться негде, защищаться нечем,
Снедает стыд, сгрызает мне он печень,
Еще немного и – концы отдам.

Несколько месяцев спустя, 18 апреля 1940 г. , он писал своей близкой приятельнице Е. Киршнер, репатриировавшейся в Палестину:

Рядом живет (10 или 12 <Avenue Jerusalem, Tel Aviv>) моя пятидесятилетняя приятельница Алейникова, которую я, впрочем, чудовищно обидел в Париже. Если ты на нее наткнешься, рискни – передай сердечный привет. Но береги драгоценную головку от цветочного или иного какого-нибудь горшка[44].

3. «Я была бы очень рада познакомиться с Вами»

Письмо Е.Э. Беленсон

Крайне мало известно о переводчице русской литературы и философских сочинений на французский язык и религиозно-обще-

[43] Речь идет о 21 сионистском конгрессе, проходившем в Женеве с 16 по 25 августа 1939 г. Кнут и Скрябина присутствовали на нем, см. сохранившуюся фотографию, сделанную в дни его проведения, на которой запечатлены Кнут, Д. Текучиано (вице-президент Союза еврейской молодежи во Франции), Е. Киршнер и Скрябина (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 1. С. 203 об.). Судя по всему, М. Алейникова этот конгресс не посещала.

[44] *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 211.

ственном деятеле Елизавете Эммануиловне Беленсон (1887 – конец 1950-х?). Беленсон была старшей сестрой поэта и прозаика Александра Эммануиловича Бе(й)ленсона (1890–1949), подписывавшего свои произведения псевдонимом «Александр Лугин», – ей посвящен его «опыт гностического повествования» «Египетская предсказательница» (Пг., 1922; рис. Ю. Анненкова, марка Д. Бурлюка).

В 1919 г. Елизавета Беленсон эмигрировала из России в Германию, откуда перебралась во Францию. В Париже она входила в круг философа Н.А. Бердяева[45], печаталась в его журнале «Путь»[46] (крещеная еврейка, она оказалась одним из инициаторов создания при этом журнале иудео-христианского центра) и переводила на французский язык его статьи и книги: «Мир творчества» (La Sens de l'acte créateur // Esprit. 1948. № 8. P. 179–194), «О свободе творчества» (De la liberté de l'acte créateur // L'Âge nouveau. 1949. № 42. P. 8–13), сборник статей (De l'esprit bourgeois: Essais / Introd. d'Eugène Porret. Neuchâtel; Paris: Delachaux et Niestlé, 1949), брошюру «О самоубийстве» (Le suicide: Étude psychologue. Paris: Le Cep, 1953), «Самопознание» (Essai d'autobiographie spirituelle. Paris: Buchet-Chastel, 1958). Издание переведенной ею на немецкий язык книги Бердяева «Новое средневековье» не состоялось. Некоторые свои тексты Беленсон подписывала псевдонимом «Эли Эльсон».

По всей видимости, о ней идет речь в следующем газетном объявлении (название газеты не установлено) под заголовком «Помогите!», подписанном Н. Бердяевым и С. Франком:

> Обращаем внимание отзывчивых русских людей на безысходную нужду одной выдающейся по интеллигентности и одаренности русской женщины, лично нам хорошо известной. Нужда особенно настоятельна ввиду болезни и необходимости операции. Пожертвования просят направлять: N. Berdiaeff, 83, rue Moulin des Pierres, Clamart (Seine). Николай Бердяев, С. Франк.

---

[45] См., например, одно из упоминаний о ней в дневнике Л.Ю. Бердяевой-Рапп, жены философа: «Утром приехала Эли. Долго беседовали с ней на разные темы, больше о внутренней жизни. Ей живется по-прежнему очень трудно – нет работы. Перебивается изо дня в день с помощью друзей. [Но духом бодра и даже бывает веселой, что очень удивляет ее знакомых. Ежедневно бывает в церкви.] За это время она очень выросла духовно, несмотря на нищенскую жизнь» (*Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / Сост., предисл. и коммент. Е.В. Бронниковой. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 46).

[46] Е. Беленсон опубликовала в «Пути» шесть статей: «Безумие и вера» (1926. № 2, янв. С. 137–138; под псевд. Эли Эльсон), «О подвиге юродства» (1927. № 8, авг. С. 89–98; в оглавлении: «О юродстве во Христе»), «Тайный Христос у евреев» (1928. № 13, окт. С. 87–92), «Путь неисповедимый (Мария де Валлэ)» (1929. № 17, июль. С. 96–103), «О женской католической мистике XIX–XX века» (1931. № 28, июнь. С. 69–86), «Призвание Израиля» (1936, нояб. – 1937, март. № 52. С. 56–66).

Объявление было вложено в письмо Л.Ю. Бердяевой другу их семьи, швейцарскому протестантскому философу-теологу, культурному и общественному деятелю Фрицу Либу (1892–1970); она писала (в подлиннике по-французски):

> Дорогой Федор Иванович![47] Посылаю Вам это объявление <…> Вы могли бы разослать несколько <…>, чтобы помочь этой больной, которая находится в бедственном положении. Мы очень хорошо знаем ее и пытаемся сделать всё возможное, чтобы помочь ей[48].

В НАК сохранилось короткое письмо Беленсон Кнуту, предлагающее знакомство и встречу. Письмо не датировано, однако по содержанию можно установить, что оно написано в ноябре 1929 г. Беленсон говорит о кнутовских «стихах в газете», в которых звучит еврейская тема. По-всей видимости, имеются в виду стихи, которые печатались в газете «Дни» в 1925–1926 гг., а затем составили «Вторую книгу стихов» Кнута. Беленсон пишет, что прочитала эти стихи 3 года назад, – стало быть, письмо ее относится к 1928 или к 1929 г. 10 ноября, когда она предлагает Кнуту ее посетить, приходилось на воскресенье в 1929 г.

> 8, rue François Villon III эт<аж>
> Paris XV
>
> Милый Довид Кнут!
>
> Уже 3 года тому назад, прочитав Ваши стихи в газете, я хотела написать Вам. Это стихи «беспокойной о Боге», тоскующей по Истине еврейской души. Я была бы очень рада познакомиться с Вами. Хотите прийти ко мне в воскресенье 10 ноября в 4 часа? Если не получу отказа, буду ждать Вас, а пока шлю незнакомым образом привет!
>
> Елизавета Беленсон

4. «…чувствую, как вам будет больно получить эту страшную весть»

Письма Д.Л. и А.С. Гликбергов

Журналист, предприниматель, общественный деятель, библиофил Даниил Львович Гликберг (1881–1952) был заметной фигу-

[47] Фрица Либа, большого знатока и ценителя русской культуры, его русские друзья именовали Федором Ивановичем.

[48] *Янцен В.* Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2002. С. 350. См. ее письмо тому же адресату от 11 декабря 1945 г. , в котором она, отправляя статью Е. Беленсон, просит похлопотать о публикации в швейцарских журналах (Там же. С. 352).

рой в культурной жизни русского Парижа. Уроженец Одессы, он по окончании петербургского Технологического института два года (1905–1907) проработал как хроникер «Биржевых ведомостей», после чего занялся банковской деятельностью. Будучи неутомимым книгочеем и многолетним собирателем книжных раритетов, состоял членом Общества Друзей русской книги[49]. Написал некролог банкира и мецената А.Ю. Доброго[50], позже включенный в мемориальное издание[51]. В годы оккупации немцами Франции Гликберг с женой скрывался на юге, см. в письме О. Марголиной-Ходасевич к Н. Берберовой от 23 августа 1940 г. :

> С югом теперь никаких сообщений нет, да и мало кто уже возвращается. Должен вернуться Даниил Львович. Вернулся ли теперь, после событий Ch. Élysées – я не знаю[52].

С Кнутом, которого он высоко ценил как поэта, Гликберга скрепляла многолетняя дружба. Так, в одном из писем А.С. Гингеру (12 августа 1949 г.) Кнут сообщал, что «Д.Л. Гликберг, по старой дружбе, “распространил” немало книг: в Париже, в Нью-Йорке и в Лондоне»[53], имея в виду свою книгу «Избранные стихи». Да и, как вытекает из публикуемого ниже письма, Даниил Львович старался помочь поэту, когда тот находился уже в Израиле. Незадолго до смерти Гликберг стал председателем одесского землячества в Париже, о чем и сообщил в приводимом ниже письме, написанном всего лишь за две недели до внезапной кончины – он умер 21 марта 1952 г. [54] В стихотворном посвящении ушедшему Гликбергу Л.Д. Червинская писала:

> На кладбище уже почти весна,
> а на земле у вырытой могилы
> лежат венки из жарких зимних роз,
> и странная – как ночью – тишина.

---

[49] См.: Временник Общества Друзей русской книги. Вып. IV. Париж, 1938. С. 290.

[50] Последние новости. 1936. № 5648, 10 сент. С. 2.

[51] Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж: Кружок А.Ю. Доброго, 1939. С. 32–33.

[52] *Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O*. Unpublished Letters to Nina Berberova / Ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979. P. 103. На Елисейских полях в это время прошла массовая антисемитская демонстрация.

[53] *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 350.

[54] См. его некролог: Новое русское слово. № 14576, 23 марта. С. 1. Находившаяся в то время в США и прочитавшая этот некролог С.Ю. Прегель писала на следующий день А.В. Бахраху: «<…> развернула воскресную газету и сразу бросилось в глаза объявление о смерти Даниила Львовича Гликберга. Понимаю, что тебе уже сообщили, и представляю себе, как ты огорчен» (*Прегель С.* Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. Т. 2, кн. 1. С. 160).

Мы, отзываясь на чужое горе,
хороним мир отцов, родной и милый,
доверчиво не сдерживая слез.

О чем же было волноваться споря,
к чему стремиться столько долгих лет,
когда так ясно: смысла жизни нет,
как нету смысла воздуха и моря.
есть времени законное теченье.
есть смерть-разлука. Замкнутость могил.

И есть непостижимость воскресенья
даже для тех, кто верит и любил[55].

Автором второго письма является жена Гликберга Анна Степановна (Стефановна; проживала в Париже по адресу: 16 rue Eugène Manuel, Paris 16e[56]).

1

7.3.<19>52

Дорогой Кнут,

Я не ответил Вам, всё поджидая оказии на Израиль, чтобы послать костюм – посылкой Вы не хотели во избежание кражи! – но случая не было. Теперь едет Lucien[57], и я ему передам его для Вас. Вы сразу станете франтом, да, кроме того, материя англ<ийская> исключ<ительного> качества.

Кроме этого, я говорил о Вас тут с моим другом Tarnopol из New York, который там занимается Одесским земл<ячеством>. Я же с недавнего времени возложил на свои старые плечи обязанности предс<едателя> одесск<ого> земл<ячества> во Франции. Считая Кишинев сателлитом Одессы, полагаю, что Одесск<ое> земл<ячество> в N<ew> Y<ork>, располагающее долларами – и без плана Маршалла[58], может оказать Вам помощь как «земляку», не говоря уже о других Ваших титулах, заслуживающих внимания.

Надеюсь, что они пошлют Вам в ближайшее время 20 долларов. Я предпочел денежный перевод посылке, исходя из очень выгодного нового курса доллара в Израиле. Сообщите сейчас же по получении

[55] *Червинская Л.* Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. С. 25.
[56] См.: *Прегель С.* Разговор с памятью… Т. 2, кн. 2. С. 1444.
[57] Неустановленное лицо.
[58] План Маршалла (Marshall Plan) – программа восстановления послевоенной Европы (European Recovery Program), выдвинутая в 1947 г. государственным секретарем США Джорджем К. Маршаллом.

всего для моей ориентации. Письмо это я также вручаю Люсьену, который улетает послезавтра.

Очень, очень был рад был <sic> узнать по-дружески, что у Ватания прекрасные отношения с молодой женой, особенно принимая во внимание разницу в возрасте[59]. Из наших старых поэтов один только тот же Тютчев сумел сохранить до преклонного возраста юношеский пыл. Судьба других наших гениев, увы, была роковой и не позволила им испытать те чувства, когда

…полнеба обхватила тень
И лишь на западе брезжит сиянье…[60]

Если Вы купили его стихи, то рекомендую среди других перлов прочесть его посвящение К.Б. (баронессе Крюденер, которую он не видал… 50 лет после встречи, когда ей было лет 18, а ему 23).

Я встретил вас, и всё былое
В ожившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло.
И кончает он эти стихи:
…И то же в вас очарованье
И та ж в душе моей любовь…

Нужно было родиться 100 лет тому назад, в иной век, чтобы быть способным на такие чувства.

По газетам Вы знаете, что у нас жизнь запутанная, сложная, а будущее «angoissant»[61].

Меня на моей «подмосковной»[62] ограбили дочиста, так что сейчас едем на week end с грустью, перенося с собой всякий раз простыню, полотенца и даже пост radio. Стало неуютно там после этого ночного визита взломщиков, которые посетили дом в ночь после нашего отъезда в понедельник.

Но слава Богу – и Гитлеру: мы научились не придавать значения материальным потерям.

Буниных не видаю. Он лежит и хворает, а В<ера> Н<иколаевна> так же хлопотлива и набожна.

Всего хорошего. Привет Вашей мечте и ангелу[63].

Ваш Д. <Гликберг>[64]

---

[59] По-видимому, этим арабским именем Гликберг в шутку называл Кнута, который был на 29 лет старше своей третьей жены Леи (Вергинии) Шаровской (род. 1929; в 1-м замужестве – Кнут, во 2-м – Арав); они официально оформили отношения в 1948 г. перед репатриацией в Израиль.

[60] Из стихотворения Ф. Тютчева «Последняя любовь» (1851–1854); в оригинале: «бродит сиянье».

[61] тревожно, мучительно (*фр.*).

[62] Глигберг в шутку называл свой дом под Парижем «подмосковной дачей».

[63] Т.е. молодой жене.

[64] Рукой Кнута: «Ответ 15.3.<19>52. Люсьен обещал в след<ующий> приезд. Спасибо за инициативу америк<анскую>: у жены <угол страницы оторван> Тютчев и еще. Обнимаю Вас».

То ли Кнут отказался от предложенной Гликбергом американской помощи, то ли из нью-йорского Одесского землячества ему сообщили, что у них заведено оказывать материальную поддержку не деньгами, а продуктовыми посылками, но в письме Г. Тарнополю он, по-видимому, сообщал, что их экономическое положение в Израиле постепенно выправляется и необходимость в продуктовой посылке отпадает. В архиве Кнута сохранилось ответное письмо от Г. Тарнополя следующего содержания (отпечатано на машинке на почтовой бумаге Одесского землячества):

Fellows of Odessa, Inc.
Одесское землячество
124 West 72 Street, New York 23, N.Y.

June 8, 1954

Mr. David Knut
Bitsaron A,
ap. 68 b
Tel Aviv

Dear Mr. Knut,

Thank you so much for your letter of May 22.

We all, of our committee, are glad to hear about your improved situation and we appreciate your frank statement.

We hope this situation will improve even more, so that our parcels can be sent to other friends.

Very truly yours,
G. Tarnopol
(G. Tarnopol, President of the Relief Committee)[65]

2

13–6–1952

Дорогой Кнут, чувствую, как вам будет больно получить эту страшную весть: ушел от нас навеки ваш верный друг – Даниил Львович Гликберг.

[65] Дорогой господин Кнут,
Большое спасибо за Ваше письмо от 22 мая.
Все мы, члены комитета, рады слышать, что Ваше положение улучшилось, и ценим Ваше прямое заявление.
Надеемся, что положение станет еще лучше и мы сможем отправлять посылки другим друзьям.
Искренне Ваш,
Г. Тарнополь
(Г. Тарнополь, президент Комитета помощи) (*англ.*).

Вы знаете, что́ унес с собою этот светлый человек, какую сокровищницу ума и сердца.

Знаю, что вы плачете со мной…

Об его последнем дне, полном веселья, интереса к людям, к животным, ко всему прекрасному, – напишу вам в другой раз. Может быть, и вы найдете в этом то утешение, которым друзья стараются облегчить мои страдания.

Но мне не жаль себя. Не могу справиться только с сознанием, что это юношеское сердце не насладится больше солнцем, цветами, новыми знаниями, радостью от творимого вокруг себя добра…

Искренне ваша Анна Гликберг

20-го июня уезжает в Тель-Авив Сара Гостинская[66] – даю ей ваш адрес, по приезде она сейчас же вам даст знать и передаст пакет для вас[67].

5. «Сарра, мой мед…»

Обмен письмами между Кнутом и его первой женой. Два письма Я.М. Грабойса

О первой жене Кнута – Саре(Суре)-Софье Мееровне Грабойс (Гробойс[68]; начало 1900-х – 1948) – известно крайне мало. Между тем именно она явилась музой поэта, вдохновившей его на создание произведений, составивших сборники «Моих тысячелетий» (1925) и «Вторая книга стихов» (1928). В некоторых из них дистанция между лирическим образом и реальной, невымышленной женщиной практически устранена, недаром автор называет героиню подлинным именем жены: «Сарра, мой мед…» Дело, впрочем, не в омонимическом сближении двух миров – реального и художественного (в конце

[66] Неустановленное лицо.

[67] На письме помета рукой Кнута: «Ответ 20 Анне Степановне».

[68] Варианты имени и фамилии жены Кнута (разные версии их написания) – следствие «документальной неустойчивости». Имея по еврейской традиции от рождения двойное имя – Сара(Сура)-Софья, она, поскольку отца звали Меер-Герш, имела также «двойное» отчество: в одном случае Мееровна, в другом Гершевна. Мать, Геня Волиович, как и Кнут, была уроженкой Оргеева. Довольно странным выглядит утверждение современного исследователя И.М. Невзоровой, будто бы Грабойс «получила от мужа <т.е. от Кнута> второе, библейское имя Сара» (*Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: В 2 т. / Подгот. текста Н.Н. Кнорринг, Н.М. Черновой; коммент., аннот. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2013. Т. 2. С. 500). Вопросом о том, с какой стати и по какому праву Кнут стал бы давать жене второе имя, автор не задается. Помимо этого, в той же книге жизнь Сары-Софьи «продлена» на 16 лет.

концов, литературный образ, несмотря на максимальную идентификацию с действительными именами, событиями и явлениями, всегда условен), а в том, что кнутовская эротическая лирика черпалась из эротики жизненной, семейной.

В середине 1930-х поэт, однако, расстался со своей музой, хотя фактически их брак начал распадаться и того раньше: даже суперэротичнейший Кнут не мог соперничать с Сарой-Софьей по части любвеобильности (эта тема – вереницы супружеских измен, прощений, сближений и новых кругов незадавшейся семейной жизни – подробно отражена в его дневнике).

Помимо двух ранних писем Кнута будущей жене из Берлина в Париж и ее письма мужу, в котором она сообщает о своем приезде по завершении отдыха, представляется вполне логичным включить в публикацию два письма Кнуту его шурина Якова Грабойса, брата Сары-Софьи.

Яков Грабойс родился в Кишиневе в 1899 г. Уже в молодые годы он стал относиться к употреблению мяса животных как к величайшему человеческому греху. После окончания кишиневской гимназии Яков Грабойс отправился получать высшее образование в Германии, где выучился на инженера-механика. Некоторое время после этого жил в Париже и работал на заводе «Рено». Параллельно с этим обучался секретам гомеопатии и лечения травами. В 1936 г. репатриировался в Эрец-Исраэль, поначалу поселился в Иерусалиме (откуда написано его первое из публикуемых писем Кнуту) и в 1938 г. был одним из инициаторов создания в селении Кфар-Йона (неподалеку от города Нетания) группы вегетарианцев. В годы Второй мировой войны устроился на завод «Yikhin» в городе Петах-Тиква и проработал там до конца 1950-х гг. (этот завод упомянут в его втором письме Кнуту, написанном через некоторое время после получения известия о смерти Сары-Софьи, которой не стало в конце июня 1948 г.). Перешагнув рубеж своего 60-летия, Яков отдался делу, которое любил больше всего: лечению болезней природными средствами. Вместе с супругой Мирьям он превратил свой дом в центр альтернативной медицины и стал одним из учредителей журнала «Teva ve-briyut» (Природа и здоровье), который начал выходить в свет в 1960 г. (с 1962 по 1988 гг. был его редактором). Убежденный вегетарианец, Яков Грабойс прожил 90 лет: он умер в Израиле 5 августа 1989 г. Через год после смерти Грабойса увидел свет подготовленный им вместе с женой двухтомник «Ima teva» (Мать-природа), посвященный культуре питания, диетической эстетике и исцелению от болезней методами и средствами, обнаруженными в природной «аптеке».

1

Кнут – Саре-Софье Грабойс

Берлин, 15 или 16 окт<ября> 1922
Полдень. Ресторан

Здравствуй, Сурочка.

Получил от тебя 4 письма – 1 из Кишинева, 3 у Drak-h[69] – представляешь себе мою радость. А только что узнал по телефону, что получилось для меня еще одно письмо у Dr-h. Сейчас туда поеду.

Удивительно – нам в голову приходят одинаковые мысли.

Деньги мамы я и до твоего приказания порешил потратить без остатка, перчатки купил тебе, не ждя твоей об этом просьбы, прост<ых> чулок купил не 3 пары, а пять, белья купил больше, чем ты наказывала, комн<атные> туфли ищу всё время, хотя ты об этом раньше не просила, по вязаной кофточке вздыхаю все дни и недели – трудно провезти, не знаю, что сделать – и вообще многое накупил бы, если б дело с границей обстояло благополучнее. Придираются, черти. Кофточку все-таки куплю.

Пиши всё время – письма приходят на 3-ий день, твое письмо от 12-го <октября> я получил 14-го.

О комнате не заботься. Приеду – увидим, не пропадем. Живу хорошо, хожу в фешенебельные кафэ. Дым, музыка – люблю я это очень – и так жалко, что нет у меня тут рядом, на бархатном диване, тебя, чтоб обнять твои плечи, пить ликер, слушать музыку, звон и – курить. Кстати, сильно полюбил курение. Не будешь ругать?

Думаю пробыть еще недельку, хотя очень уж хочется тебя увидеть, расцеловать.

Грешить будем несомненно. И даже – часто. А то – такое свинство: «не позволю, предупреждаю». Дорого заплатишь ты за попытку посадить Дэрика под свой башмак – 20 ночей подряд. Тоже – «предупреждаю». Я тебе покажу «не позволю»!

Как у тебя с деньгами? Исповедуйся, сколько у тебя будет de cote[70] к 1 декабря. Надоедай маме, чтоб высылала – не давай ей спуску.

Решил уже, когда поженимся. Тебе ведь хочется?

Привет всем. Особенный Розе.

Целую медовую.

Д<овид>

[69] По всей видимости, Кнут передает в сокращенной форме фамилию каких-то своих знакомых, живших в Берлине, на чей адрес приходила его корреспонденция.

[70] Котировка, финансовый курс (*фр.*); здесь: размер денежной суммы.

2

Сара-Софья Грабойс – Кнуту

Пятница

Мой милый,

Я выезжаю во вторник вечером, в среду утром я в Париже. Надоело мне здесь до черта. Опять начала нервничать и не дождусь уже возвращения. Если папа не пойдет меня встречать, мама это будет знать, приходи на вокзал. Если нельзя, условься с мамой, когда ты к нам придешь. Воображаю, как вы там выглядите, измученные жарой. Мне будет стыдно за мой цветущий вид. Я очень, очень рада вернуться.

Эти 5-ть дней будут мне в тягость. Я чувствую, что ты обижен и сердишься, твое последнее письмо звучит страшно сухо. Но через несколько дней мы объяснимся устно, а пока я целую нежно.

До скорого и радостного свиданья.

Твоя Сара

3

Яков Грабойс – Кнуту[71]

27–10–<19>37 מקור חיים[72]

Милый Давид,

очень рад, что посетили те места, которые так «дороги сердцу моему», – я влюблен в Галилею. Вашу предыдущую открытку я получил, – она прибыла в тот день, когда я был у Вас в Т<ель->А<виве>.

---

[71] Написано на почтовой карточке, адресованной Mr. S. Rosoff (D<ovid> K<nut>, Haifa. P.O.B. 12). Архитектор Самуил Розов (1900–1975), у которого Кнут жил в Хайфе и на адрес которого получал корреспонденцию, когда летом–осенью 1937 г. посетил Землю обетованную, упомянут в его очерковом «Альбоме путешественника» (1938): «Талантливый архитектор Р<озо>в, в меру сил своих борющийся с этим злом <утилитарно-казарменной эстетикой назойливой модернистской архитектуры – *В.Х.*>, – как прекрасна его синагога в Пардес-Хана! – большой любитель мексиканской архитектуры, которая, по его мнению, чрезвычайно “к лицу” Палестине, рассказывал мне, как, открыв недавно мексиканский специальный журнал, он с ужасом и отвращением наткнулся на ту же рационалистическую, обезличивающую мир архитектуру, что, как проказа, распространяется по свету» (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 1. С. 234). Письма В. Набокова к его однокашнику по Тенишевскому училищу С. Розову, в 1924 г. репатриировавшемуся в Палестину, см.: *Левинг Ю.* Набоков, который рядом (Письма к С.И. Розову: 1945–1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. С. 142–160.

[72] Мекор (Макор) Хаим (*ивр.* Источник Хаима) – район на юго-западе Иерусалима, в котором поселился Я. Грабойс. Возник в 1924 г. , назван в честь харьковского купца Хаима Коэна, на деньги которого были приобретены земли в этой части города; предназначался под застройку для религиозных евреев, преимущественно из Польши.

От Софы я в последний раз имел письмо 3 недели тому назад, датированное 22-ым сент<ября>. Послал тысячу франков и жду не дождусь подтверждения получения денег.

Что ж это Вы: в Хайфу и затем в Марсель – или еще заглянете в наши «Палестины»? У нас тут в Иерусалиме довольно тревожно. Палили из револьвера недалеко от места моей работы (200 м).

Писать все-таки лучше на P.O.B. 502, так как часть писем, идущих на Макор Хаим, пропадает.

Конечно, Софа понаделала глупостей и с квартирой, и с шомажем[73], и, вероятно, в других вещах другого порядка.

Ваш Яков.

4
Яков Грабойс – Кнуту

2.10.<19>48 כפר גנים א [74]

Дорогой Давид,

простите, что не ответил до сих пор на Ваше письмо. Не только Вам – никому не был, вот уже более двух месяцев, в состоянии строчки написать. Я сам того не знал, насколько мы, несмотря на время разлуки, «расстояние», в свое время крупные разлады, крепко были спаяны с Софой меж собой. Ее смерть, столь неожиданная для меня, не сразу, а так через недели две, после того как был оповещен о ней, вызвала у меня столь страшную и незаживающую душевную рану, которая мучила меня несказуемыми страданиями днем и ночью. Я не мог забыться ни в покое, ни в работе, которая, кстати, буквально «падала с рук». Я получил длительный отпуск на заводе и занялся другой работой, чтобы переменить обстановку. Ездить ни за границу, ни в самой стране не было никакой возможности из-за войны. Кончилось в конце концов тем, что я заболел, и заболел очень тяжелой болезнью с высокой температурой и очень продолжительной, самой продолжительной на всем протяжении моей полувековой жизни. Врачи не могли точно определить – что это за болезнь. Я назвал ее «пожар в кишках». Я явственно ощущал адское пламя, сжигающее мне кишечник, и невыносимую боль в голове. Более двух месяцев решительно ничего не ел и почти ничего не пил. Здешний натуристический врач уверял меня, что причина болезни кроется в тяжелых диетических ошибках, коим давность много десятков лет, и разразилась она именно сейчас благодаря какой-то таинственной психической ассоциации с болезнью Софы (тоже кишечник). Вылечил он

[73] От *фр*. chômage – безработица; имеется в виду пособие по безработице.
[74] Кфар-Ганим алеф, район города Петах-Тиква.

меня тем, что заставил пить три дня подряд по 4 стакана… морской воды. И действительно, сейчас же после двух стаканов как «по мановению жезла» огонь в кишках погас, голова стала легкой, температура сразу спала, и я заснул «сном праведника». Со вчерашнего дня я вернулся на завод.

Вы пишете, Давид, что Софа выразила пожелание, чтобы я был опекуном Дани[75]. Но какая в том польза, если между опекуном и опекаемым расстояние в тысячи километров. Если б Даня был здесь, то я бы уж о нем заботился, да Мириям[76] готова быть ему второй матерью. Но Даня в Палестину не собирается, и тому причина глубокая: отчасти благодаря тому, что Софа воспитала его в духе «хорошего француза». Кроме того, отсутствует, по-видимому, у Дани совершенно чувство, столь присущее юности: «неутолимо манит меня даль». Напротив, мне кажется, что тяжело ему проститься с привычками, обстановкой, людьми, языком. Оно и понятно! И для того, чтоб порвать со всем этим, нужен импульс совершенно другого порядка, нужно «воспламениться» идеей служения родине, готовности страдать и любой жертвой принести пользу, – благородство высшего порядка, столь присущее молодым из лучших. И сколько таких мальчиков понаехало сейчас со всех концов мира: южной Америки, Африки, Гонолулу, Португалии (где мне казалось, что после инквизиции не остался ни один еврей!), Китая. Оставили уютные уголки около зажиточных родителей, чтобы лежать в окопах под знойным солнцем, готовые отдать всё ради чести племени Израилева, столь гнусно поруганной цивилизованными народами XX столетия. А после войны эти культурные и изнеженные мальчики, говорящие на всех языках мира, не думают вернуться «домой». Они останутся дома у нас, у себя, пойдут в кибуцим[77], чтобы создавать и строить для всех, для себя. А мысль Дани приехать сюда на несколько недель и «посмотреть» мало соблазнительна. Он должен «посмотреть» и увидеть, что тут лучше, чем в Париже. А тут нет ничего того, к чему привык Даня там, и ему здесь не понравится. Ибо те мальчики, что приехали сюда, не приехали сравнивать и «смотреть», – они уже «сравнили» там перед отъездом, и большая любовь «веселит их сердце»[78]. С другой стороны, есть причина, благодаря которой Дане нечего торопиться с приездом сюда сейчас, – ведь у нас война, Дане придется участвовать в ней, а рисковать жизнью не каждому хочется и, *по-моему*, не каждый обязан. Впрочем, там, во Франции, скоро-скоро и его возьмут на военное обучение, да кроме того, не очень-то пацифистским «духом» пахнет и у вас. Тревожит меня очень материальное положение Дани. Мне почему-то кажется, что дело «peintre»[79] у него не пойдет и что

[75] Сын Кнута от первого брака (1929).
[76] Жена Я. Грабойса.
[77] Автор употребляет ивритскую форму множественного числа: кибуц – кибуцим.
[78] Цитата из стихотворения Кнута «Кишиневские похороны».
[79] Художника, живописца (*фр.*).

он может потерять тот малый капитал – всё, что осталось после столь долгого и неустанного Софиного труда.

Просьба у меня к Вам, Давид! У Софы были кой-какие вещи, связанные с Кишиневом и родными нашими (ковер молдавский и прочее), а также вещи, к которым Софа особенно была привязана. Если бы Даня пожелал с частью этих вещей расстаться и продать их мне! Мне так хочется внести в дом что-нибудь напоминающее мне родных, сестер. Ведь остался я один из всей семьи. Эти вещи можно переслать с родственником Мирьям Рахмиэль Едвав (R. Yedwav) Château Bois du Rocher par Bièvres (S et O), который скоро приедет в Израиль. Он же уплатит Дане по Вашей оценке за вещи, и я ему верну тут в фунтах. Желаю Вам и Вашей семье здоровья и всего хорошего.

Едвав понимает только идиш.

Ваш Яков

P.S. Прилагаю вырезку о приезде Елизаветы Лазарус-Кнут[80].

К письму приложена небольшая вырезка-информация из израильской газеты:

Среди прибывших – Элизабет Лазарус Кнут

Элизабет Лазарус (Кнут), имя которой упоминалось в прошлогодних публикациях в связи с начиненными взрывчаткой конвертами, рассылаемыми по почте англичанам, и которая была из-за этого судима в Бельгии и приговорена к нескольким месяцам тюрьмы, прибыла в пятницу в Израиль на пароходе «Кедма». Элизабет Лазарус – приемная дочь живущего в Париже еврейского писателя Довида Кнута и внучка знаменитого русского композитора Скрябина.

6. «Я Вас разыскивал, чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие»

Р.Н. Гринберг: письмо от него и к нему[81]

Несмотря на то, что имя Романа Николаевич Гринберга, или Бобы, как его называли близкие друзья (2.11.1896[82] [по всей ви-

[80] Жильбер-Элизабет (Елизавета, Бетти) Лазарус-Кнут (1926–1965) – литератор, журналист, участница еврейского Сопротивления в годы Второй мировой войны (ей принадлежит книга: *Knout Elisabeth*. La Ronde des mouches. Paris: J. Vigneau, 1947), впоследствии член еврейской подпольной организации Лехи (Лохамей Херут Исраэль – Борцы за свободу Израиля), действовавшей в 1940–1948 гг. против Британского мандата на Палестину; дочь Ариадны Скрябиной и ее первого мужа, французского композитора и музыкального педагога Даниэля Лазаруса (1898–1964), удочеренная Кнутом.

[81] Выражаем благодарность П.А. Трибунскому за ряд уточнений, касающихся биографии Р.Н. Гринберга.

[82] Установление точной даты рождения Гринберга, основанной на документальном свидетельстве, принадлежит П.А. Трибунскому. Указываемый обычно годом его рожде-

димости, Киев; в младенческом возрасте перевезен в Москву] – 25.12.1969, Нью-Йорк), широко известно в истории послевоенной эмиграции, прежде всего по редакторско-издательской деятельности: в 1953–1954 гг. он (вместе с В.Л. Пастуховым) редактировал первые три номера журнала «Опыты»[83], а позднее был редактором-издателем альманаха «Воздушные пути» (1960–1967; свет увидели пять выпусков), – его биография относится к разряду «айсберговых»: значительный фактографический массив остается до сих пор скрытым, непроясненным и неописанным[84]. Тем важнее продолжить публикацию его архивных коллекций, сосредоточенных в Manuscript Division, Library of Congress (Washington), The Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (New York) и Amherst Center for Russian Culture[85].

ния 1893, а также приводимый в некоторых источниках 1897 (*Ржевский Л.* Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского // Новый журнал. 1976. № 122. С. 163; *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. С. 217; *Берберова Н.Н.* Курсив мой… С. 652 и др.), являются ошибочными, а 1883 г. (*Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е.М. Царенковой; примеч. И. Колосова и Н. Крайневой // Минувшее: Исторический альманах. 23. СПб.: Athenaeum-Феникс, 1998. С. 591) – очевидно, простая опечатка.

[83] Об издававшемся М.С. Цетлиной журнале «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958, всего вышло 9 номеров; №№ 4–9 [1955–1958], ред. Ю.П. Иваск) см.: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–182.

[84] В кругу наиболее референтных работ, служащих главными источниками биографических сведений о Гринберге, см. некрологи, написанные А. Седых (Памяти Р.Н. Гринберга // Новое русское слово. 1969. № 21746, 27 дек. С. 3) и Г. Адамовичем (Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // Русская мысль. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11); опирающаяся на них статья Л. Дымерской-Цигельман (Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 135–152) ничего принципиально нового к известным биографическим сведениям о Гринберге не прибавляет; см. еще: *Толстой И.* Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 159–161; *Валюженич А.В.* Рядом с Маяковским // Нива (Астана). 1999. № 1. С. 57–66. Наиболее полную биографическую информацию о Гринберге содержат работы Р. Янгирова (см. далее).

[85] Среди основных публикаций эпистолярного наследия Гринберга: Роман Гринберг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212; «Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Athenaeum, 2000. С. 345–397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2001. С. 477–556; Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом… С. 97–181 (то же: «Если чудо вообще возможно за границей…»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 355–422; десять писем Адамовича, включенные в данную публикацию, были опубликованы прежде: *Адамович Г.* Письма Роману Гринбергу / Публ. Вадима и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 141–151); *Янгиров Р.* К истории «встречи двух эмиграций». Документ из архива Р.Н. Гринберга // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 1/2. С. 121–131; *Янгиров Р.* «Пример

Деля свое время и жизненную энергию между биржей и литературой (что касается последней, то главным образом в виде редакторско-издательской деятельности, а временами – литературно-критических статей и мемуарных очерков), Гринберг и там и там сумел добиться ощутимых результатов: благодаря своим деловым способностям он был человек состоятельный, а по эмигрантским меркам так и просто богатый, ср. в письме Г. Адамовича к И. Одоевцевой от 27 июня 1957 г. , после встречи с приехавшими провести время во Франции Гринбергами:

> Относительно кружения в сливках света, Вас интересующих, могу сообщить немного: видел Гингеров, Прегельшу, Лиду <Червинскую>, – всё то же. Видел еще американцев – Гринбергов, Женю Клебанову. Гринберги спрашивали о Вас, они приехали со своим автомобилем и собираются разъезжать по Франции![86]

Другой его страстью было библиофильство и коллекционирование предметов старины, в чем он также преуспел. Об антикварных пристрастиях Гринберга свидетельствует, например, его переписка с А. Струве, тоже известным собирателем антиквариата, отложившаяся в его архивном собрании в Library of Congress.

К достопримечательным фактам семейной биографии Гринберга относится, например, то, что его отец, выпускник Киевского университета Св. Владимира, впоследствии, с 19 февраля 1903 г. , присяжный поверенный Московской судебной палаты, Николай Абрамович (1866–1919), был одногодок и друг детства философа Л.И. Шесто-

---

тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2005. С. 596–618; *Гринберг Р.* Вечер поэзии Набокова глазами современника / Вступ., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190; «…Там у нас самый жадный и благодарный читатель…»: Переписка редакторов журналов «Грани» и «Мосты» с редактором альманаха «Воздушные пути» / Предисл., публ. и примеч. Г. Глушанок // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 282–312; «Мы служим не партиям, не государству, а человеку»: Из истории журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. 2009. № 29. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml; *Хазан В.* «Семь лет»: история издания (Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом) // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224; *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013. Т. 2. С. 120–131.

[86] «Если чудо вообще возможно за границей…»… С. 504. Добавим сюда фразу из письма самого Романа Николаевича М. Алданову (от 11 января 1953 г.): «<…> пишет Вам один из двух редакторов <журнала “Опыты”>, человек, с которым Вы встречались, правда, редко, в последний раз на крыше его дома, в Нью-Йорке» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. MS Mark Aldanov Coll. Box 4).

ва[87]. В письме А. Ремизову Гринберг-младший 25 февраля 1953 г. рассказывал:

> <...> мой отец и Лев Исакович были товарищами детства, учились вместе на Подоле, в Киеве, и кончали университет св. Владимира там же; когда я был ребенком, уже в Москве, где я родился, он часто бывал у нас, дружил с моим отцом, а меня увлек на греческий и латынь и после на филологический факультет; в Париже я у него был раз в Булони; семьи его я не знал, кроме старшего сына его, и то мельком, незадолго до его гибели в <П>ервую войну, когда он жил в доме Варвары Морозовой и Веселовского на Воздвиженке, в Москве <…>[88]

О том, что Шестов посещал их семейство в Москве, Гринберг также рассказал в очерке «Неправда разума: К годовщине смерти Льва Шестова»[89].

В четырехлетнем возрасте (10 сентября 1900) Роман был крещен в московской евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла (тот же обряд крещения в евангелическо-лютеранское исповедание прошел когда-то его отец; мать, Фанни Биркган, принадлежала к англиканской церкви).

В 1907 г. подросток Гринберг поступил в московскую частную мужскую гимназию П.Н. Страхова, в 1915 г. окончил ее и был зачислен на историко-филологический факультет Московского университета.

В некрологе Гринберга А. Седых, не упоминая историко-филологического, писал, что тот сразу поступил на юридический факультет[90], наследующие ему авторы называют оба факультета одновременно[91]. Объяснение этому противоречию следующее: проучившись на историко-филологическом факультете два года, 30 июня 1917 г. Гринберг подал прошение об отчислении его из списка студентов и, по-видимому,

[87] 24 сентября 1919 г. , после прихода к власти большевиков, Н.А. Гринберг был арестован по политическим мотивам, однако через без малого два месяца, 21 ноября, на основании постановления коллегии МЧК от 17 ноября 1919 г. , освобожден (реабилитирован в июне 2003), см.: http://lists.memo.ru/d9/f467.htm. Вслед за выходом из чекистской тюрьмы скончался.

[88] Library of Congress. The Records of «Vozdushnye puti». Box 1.

[89] Новый журнал. 1958. № 54. С. 248–256. Отметим попутно ошибочное указание Р. Янгирова на отсутствие Гринберга среди авторов «Нового журнала» (Роман Гринберг и Роман Якобсон… С. 207). Кроме указанного очерка см. также написанное им предисловие к русскому переводу воспоминаний Б. Фондана о Л. Шестове (*Фондан Б.* Разговоры с Львом Шестовым // Новый журнал. 1956. № 45. С. 195–196).

[90] *Седых А.* Памяти Р.Н. Гринберга…

[91] *Адамович Г.* Письма Роману Гринбергу… С. 141; Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина [et al.]. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой. Т. 1: А–К. 2008. С. 429; «…Там у нас самый жадный и благодарный читатель…»… С. 283.

пытался поступить в Александровское военное училище. Однако через несколько дней, 5 июля 1917 г. , подал прошение о восстановлении на историко-филологическом факультете, которое было удовлетворено. Спустя два месяца, 5 сентября 1917 г. , он перевелся на юридический факультет.

В этот и последующие периоды жизни в России Гринберг был близок к футуристам – Д. Бурлюку, В. Маяковскому, В. Хлебникову (последний, как он сообщал В. Маркову в письме от 21 февраля 1953 г. , жил в его квартире в 1922 г. [92]), был дружен со своим однокурсником Р. Якобсоном.

Двоюродной сестрой Гринберга была Мери Александровна Блюменталь, которая в 1945 г. стала женой поэта М. Талова (1892–1969), вернувшегося в 1922 г. из Франции в Советскую Россию[93], когда будущий издатель «Воздушных путей» как раз намеревался оттуда бежать и совершить обратный Талову путь. Его бегству предшествовали драматические события: заняв после революции непримиримую антибольшевистскую позицию, он поплатился за это арестом и провел некоторое время на Лубянке, неподалеку от своего дома (Гринберги жили в Водопьяном переулке, д. 3), где на практике познакомился с понятием «красный террор». Фигурирующий во многих источниках, включая справочные издания, 1918 г. как время эмиграции Гринберга[94] является ошибочным, см. в письме Л. Брик О. Брику и В. Маяковскому от начала января 1922 г. , где Гринберг упоминается как сосед по коммунальной квартире в Водопьяном переулке (Брики, а с ними Маяковский вселились в квартиру Гринбергов в результате проводившейся в те годы политики «уплотнения»):

> Вы конечно понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь что вы так веселитесь – вам перед моим приездом придется открыть

[92] См.: Роман Гринберг и Роман Якобсон… С. 204.

[93] *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005; Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой; предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 330–338; *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье… Т. 2. С. 283–304, 404–467.

[94] *Вильданова Р., Кудрявцев В., Лаппо-Данилевский К.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 303; Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ. Т. 2: Г–З. 1999. С. 235; *Адамович Г.* Письма Роману Гринбергу… С. 141; *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. С. 397; Российское зарубежье во Франции… Т. 1: А–К. 2008. С. 429 и др. Г. Глушанок называет временем отъезда Гринберга в эмиграцию начало 1924 г. , до этого срока он, по ее ошибочному мнению, якобы скрывался в Петрограде, ставшем Ленинградом («…Там у нас самый жадный и благодарный читатель…»… С. 283).

> все окна и произвести дезинфекцию. Такие микробы как Боба и дамы типа Юлии Григорьевны, так же, как и клопы в стенах, – должны быть радикально истреблены[95].

О деталях бегства Гринберга из России мы не располагаем надежными сведениями. Известно, что с 1922 г. он обитал в Германии[96], затем в Италии (1926–1929), после чего окончательно перебрался в изредка посещавшийся им ранее Париж – факт, который среди других, кстати сказать, весьма немногочисленных документальных свидетельств удостоверен в «Камер-фурьерском журнале» В. Ходасевича[97] или, скажем, в письме О. Марголиной-Ходасевич к Н. Берберовой и Н. Макееву от 24 февраля 1940 г. , где идет речь о жене (с 1926 г.) Гринберга, художнице-любительнице Софье Михайловне (урожд. Кадинской; 1902–1980)[98]:

> Никак не могла застать дома Соню Гринб<ерг> и только сегодня до нее дозвонилась; она просила зайти к ней в понедельник <письмо написано в субботу – *В.Х.*>[99].

См. еще дневниковую запись Д. Кнута от 19 декабря 1934 г. :

> На Монпарнассе <sic> встретил Гринбергов: угостили дивными устрицами и вином. Обещали какую-то службу в январе. Милый Гринберг отказался взять одолженные мне 50 f.[100].

О встречах в довоенном Париже с Романом Николаевичем и Софьей Михайловной вспоминал много лет спустя Г. Адамович:

> С покойным Романом Николаевичем Гринбергом связывала меня долгая дружба, начавшаяся давно, еще в «монпарнасский» период нашей эмигрантской литературы. Да и не я один тогда с ним дружил и рад был с ним и с Софией Михайловной, его женой, встречаться. Были бесконечные ночные разговоры за чашкой «кафе-крема» или за

[95] *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего… С. 90.

[96] См., например, очерк Б. Пильняка «Заграница», написанный 9 апреля 1922 г. , где упоминается имя Гринберга (Заграница (Воспоминания Г.В. Алексеева и очерк Б.А. Пильняка) / Публ. Е.И. Горской // Встречи с прошлым. 7. М.: Сов. Россия, 1990. С. 194).

[97] *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал…, по указ.

[98] Рассказывая о которой, хорошо знавший ее по Нью-Йорку художник С. Голлербах пишет: «Софья Михайловна Гринберг <…> была в молодости очень красива <…> Рыжеволосая, с бледным, слегка веснушчатым лицом. Она очень гордилась тем, что за ней когда-то ухаживал Маяковский» (*Голлербах С.* Нью-Йоркский блокнот: Книга воспоминаний. Нью-Йорк: The New Review Publishing, 2013. С. 93).

[99] *Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O.* Unpublished Letters to Nina Berberova... P. 94.

[100] *Хазан В.* «Некая бухгалтерия жизни»… С. 186.

стаканом вина; были споры, литературные пререкания, проекты, планы, и хотя тогда время это вряд ли кому-нибудь из нас казалось прекрасным, хотя трудно было бы тогда поверить, что о встречах этих мы будем вспоминать как о дорогом прошлом, теперь чувство возникает именно такое[101].

Парижских следов Гринберга, повторяем, сохранилось немного, но они всё же существуют. Так, – факт, кажется, никем не отмеченный, – он состоял одним из членов-учредителей Клуба еврейских писателей и художников, возникшего в феврале 1926 г. , куда наряду с ним входили другие известные еврейские общественные деятели, выходцы из России и Франции: Ж. Адлер, Ш. Аш, О. Камхи, А. Коген, Н. Франк, Э. Гиттес, Б. Гагани, А. Герц, В. Якобсон, М. Ярблюм, И. Ефройкин, М. Левентель, И. Лазар, Р. Леман, Л. Моцкин, С. Перельман, Д. Раппопорт и П. Рафаэль[102].

В конце 1930-х гг. у Гринбергов умерла от менингита дочь-младенец. А вскоре разразившаяся Вторая мировая война вынудила их покинуть Францию и перебраться в США. Вопреки тому, что утверждается в справочной литературе[103], Гринберг приехал и поселился в США не в 1918 г. или начале 1920-х гг., а, как многие, бежал из Парижа в 1940 г. , перед угрозой оккупации его нацистами. Именно с американским периодом жизни связан основной его вклад в историю русской культуры в изгнании. Он оказался в центре литературной жизни, будучи сначала привлечен М.С. Цетлиной (1882–1976), известной меценаткой, женой поэта, прозаика, литературного критика, переводчика и издателя М.О. Цетлина (1882–1945), к редактированию журнала «Опыты», а впоследствии – в силу независимого характера, самостоятельности суждений и не в последнюю очередь диктовавших всё это финансовых возможностей – решил основать собственное «дело» в виде альманаха «Воздушные пути».

Давая представление о политической идентификации Гринберга, вообще крайне существенной для эмигрантов, В. Варшавский в письме Р. Чеквер от 18 февраля 1950 г. писал о нем как о бывшем парижане, близком к «Социалистическому вестнику»[104] и «Ли-

[101] *Адамович Г.* Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // Русская мысль. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11.

[102] Рассвет (Париж). 1926. № 10, 7 марта. С. 12.

[103] Незабытые могилы… Т. 2: Г–З. С. 235; Российское зарубежье во Франции… Т. 1: А–К. С. 429 и др.

[104] Относительно «близости» беспартийного Гринберга к «Социалистическому вестнику» следует выразить законное сомнение: он не только никогда в нем не печатался и, скажем, не принимал участие в «вечерах» (см., напр.: *Г.А.* Вечер «Социалистического вестника» (Отчет) // Социалистический вестник. 1950. № 4, 27 апр. С. 75), но и сверх того – его имя отсутствует в более чем уместном для такого рода «близости» перечне тех,

ге»[105], причем эстет Гринберг не преминул сделать в письме самому В. Варшавскому от 31 декабря 1949 г. следующую ремарку по поводу этого меньшевистского органа: «Скучный он, вестник. Особенно язык и<з> сырого дерева, но за честность можно ручаться»[106].

Как это часто бывает, когда какие-то живые черточки внешности или характера человека всплывают в памяти знакомых с ним людей после его смерти, Ю. Иваск, сменивший Гринберга на посту редактора «Опытов», писал И. Чиннову 31 декабря 1969 г. :

> …узнал о смерти Романа Николаевича и на другой день был на собрании памяти. Раввин говорил минут семь, и потом Седых, конечно, по-русски, – о покойном. Вспомнил начало «Опытов». Веселые поездки в какую-то неприличную таверну МАРИЯ на 2-ой улице, где журнал обсуждался. Тогда Р<оман> Н<иколаевич> был еще живчик, рассказчик, выпить не дурак: его, такого, вспоминаю с любовью[107].

Заслугой Гринберга стало то, что он явился собирателем литературных сил российской диаспоры – в еще большей степени рассеянной по миру после Второй мировой войны, чем до нее, – дабы сосредоточить в «Опытах», а затем в «Воздушных путях» весь цвет зарубежной и потаенной метропольной русской литературы. Так родился издательский феномен Гринберга, заслуживающий внимания и благодарной памяти потомков хотя бы потому, что именно по его инициативе читатель на Западе и одновременно – по каналам «тамиздата» – в Советском Союзе познакомился в 1960-е гг. с «Поэмой без героя» А. Ахматовой, «воронежскими тетрадями» О. Мандельштама[108], некоторыми неопубликованными рассказами И. Бабеля,

кто поздравил с 70-летием Р. Абрамовича, одного из основателей журнала и его ключевой фигуры. Между тем, согласно информации «Волна приветствий» (Социалистический вестник. 1950. № 11/12, дек. С. 227–229), среди поздравлявших были не только «русские американцы» (А. Керенский, В. Чернов, М. Карпович, Д. Чижевский, М. Вейнбаум, А. Поляков, Аргус (М. Айзенштадт), И. Штейнберг, Р. Гуль, Ю. Делевский, М. Цетлина и мн. др.), но и «русские парижане» (Н. Вольский, Б. и В. Зайцевы, Н. Берберова, из Ниццы – М. и Т. Алдановы и др.). Как кажется, слухи об этой «близости» сильно преувеличены. Гринберг просто выписывал этот журнал (годовая подписка стоила 4 доллара), что для состоятельного человека вроде него было, разумеется, не очень накладно.

[105] BAR. MsColl. Chekver. Box 3. Имеется в виду «Лига борьбы за народную свободу» – демократическая организация, созданная русскими эмигрантами в Нью-Йорке в 1948 г. , целью которой являлась «борьба против коммунистической диктатуры во имя установления в России свободного, подлинно демократического строя»; в нее входил по существу весь актив «Социалистического вестника»: Р. Абрамович, Д. Далин, Б. Двинов, Ю. Деннике, Б. Николаевский и др.

[106] *Хазан В.* «Семь лет»: история издания… С. 198.

[107] Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 608.

[108] См. реакцию на публикацию в «Воздушных путях» (1961. Вып. II) более полусотни мандельштамовских стихотворений: «В “Воздушных путях” есть еще 57 стихот-

Лея и Довид Кнуты в Тель-Авиве. 1949

текстами М. Цветаевой, В. Ходасевича, Л. Шестова, М. Кузмина, фрагментами из воспоминаний М. Чехова, стенографическим отчетом процесса И. Бродского и пр. 1-й выпуск «Воздушных путей» (1960) был посвящен Б. Пастернаку, по названию одного из рассказов которого альманах получил свое имя[109]. По выражению Вяч. Завалишина,

> …в альманахе «Воздушные пути» сошлись те, которых судьба и революция поселила в двух различных мирах[110].

Краткая переписка Кнута с Гринбергом возникла по инициативе последнего, разыскавшего его в Израиле в 1950-е годы через свою родственницу Дору Лапину. Гринберг, который намеревался привлечь Кнута для сотрудничества в «Опытах», передавал ему привет и просил списаться с ним по сообщенному адресу. Откликаясь на эту просьбу, Кнут писал ему 5 февраля 1953 г. :

> Дорогой Роман Гринберг (простите, забыл Ваше отчество), я очень обрадовался, узнав, что Вы с Софьей Михайловной живы и процветаете. Странно даже, что до сих пор ничего о Вас не слышал – ни в Париже, ни от парижан. В моей жизни, после больших потрясений и бурь, – значительная перемена: я осел в Израиле с двумя сыновьями от Ариадны[111] (Вы, верно, знаете, что она приняла иудей-

ворений Мандельштама, также полученных когда-то из Советского Союза, где они не были опубликованы. В “Опытах”, во всех девяти книжках, просмотренных мною, материалов, полученных непосредственно из России, нет. Есть лишь два стихотворения Мандельштама, переданных редакции Г. Адамовичем. В “Возрождении”, если не ошибаюсь, таких материалов тоже не было, по крайней мере, в тех 40–50 номерах, которые мне удалось просмотреть» (*Самарин В*. Голоса России. 2 // Новое русское слово. 1963. № 18240, 16 февр. С. 4.). Существенно при этом отметить, что в «Воздушных путях» появлялись именно неопубликованные в Советском Союзе поэтические тексты Мандельштама, в отличие от того, что Гринберг помещал в других печатных изданиях, например в «Новом русском слове», где он знакомил эмигрантского читателя с позаимствованными из советского альманаха «День поэзии» за 1962 г. стихами «Ариосто» и «После полуночи сердце ворует…» (*Эрге* [Р. Гринберг]. Осип Мандельштам в советской печати // Новое русское слово. 1963. № 18227, 3 февр. С. 8.).

[109] Ср. в письме Гринберга Ю. Анненкову от 12 января 1959 г. : «Я сейчас занят “нанизыванием” альманаха в честь Пастернака. Сборник выйдет как-нибудь осенью, возможно, к его 70-летию. Сборник будет не о нем, но для него от эмигрантских артистов как дань нашего признания за то, что он сделал там в дичайших условиях. Нужно ли объяснять, что этот человек пытался один отстоять то самое, за что мы отсиживаемся здесь вот уже 42-ой год. И это, известно, первый такой случай за эти годы. Наш альманах назван – “ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ” – пользуясь именем его раннего рассказа и намекая на нашу с ним связь» («…Там у нас самый жадный и благодарный читатель…»… С. 283).

[110] *Завалишин Вяч*. Третья книга «Воздушных путей» // Новое русское слово. 1963. № 18374, 30 июня. С. 8.

[111] Эли Кнут (собств. Межан (Маген); род. 1935), сын Ариадны от брака с французским писателем Рене Межаном (Rene Méjean), и Йоси Кнут (род. 1943), сын Ариадны и Довида; оба в настоящее время живут в Израиле.

ство и погибла в рядах подпольной Еврейской Боевой Организации, которую мы с ней и основали во Франции) и молодой женой, актрисой, на которой женился в 1948 году в Париже. Критика и публика устроили жене исключительный прием (она сначала играла в Габима[112], но ушла оттуда в «авангардный» молодой театр), я же копаюсь в своем огороде и, не спеша, пишу книгу (прозу). Вы, быть может, видели книгу моих стихов («Избранные стихи»), вышедшую в <19>48 г. в Париже. Ныне, после того, что Вы ознакомлены со всеми подробностями моей биографии, напишите о себе и расскажите, с кем Вы в Н<ью-> Й<орке> знаетесь (из русских) и, вообще, что да как. Расскажите заодно и о Вашем журнале, дабы мне виднее было, могу ли я Вам на старости лет чем-нибудь пригодиться. В ожидании чего сердечно Вас с С<офьей> М<ихайловной> приветствую.

Итак, пишите.

Ваш Д. К<нут>[113]

Ответ Р. Гринберга на это письмо, отложившийся сразу в двух архивах – автора (второй машинописный экземпляр) и адресата, пришел незамедлительно. Письмо, датированное 17 февраля, отпечатано на бланке журнала «Опыты» («Experiments») с указанием имени и адреса издательницы:

Dr. M.E. Zetlin, Publisher
112 West 72nd Street
New York 23, N.Y.
Tel. Endicott 2 – 9893, 4800

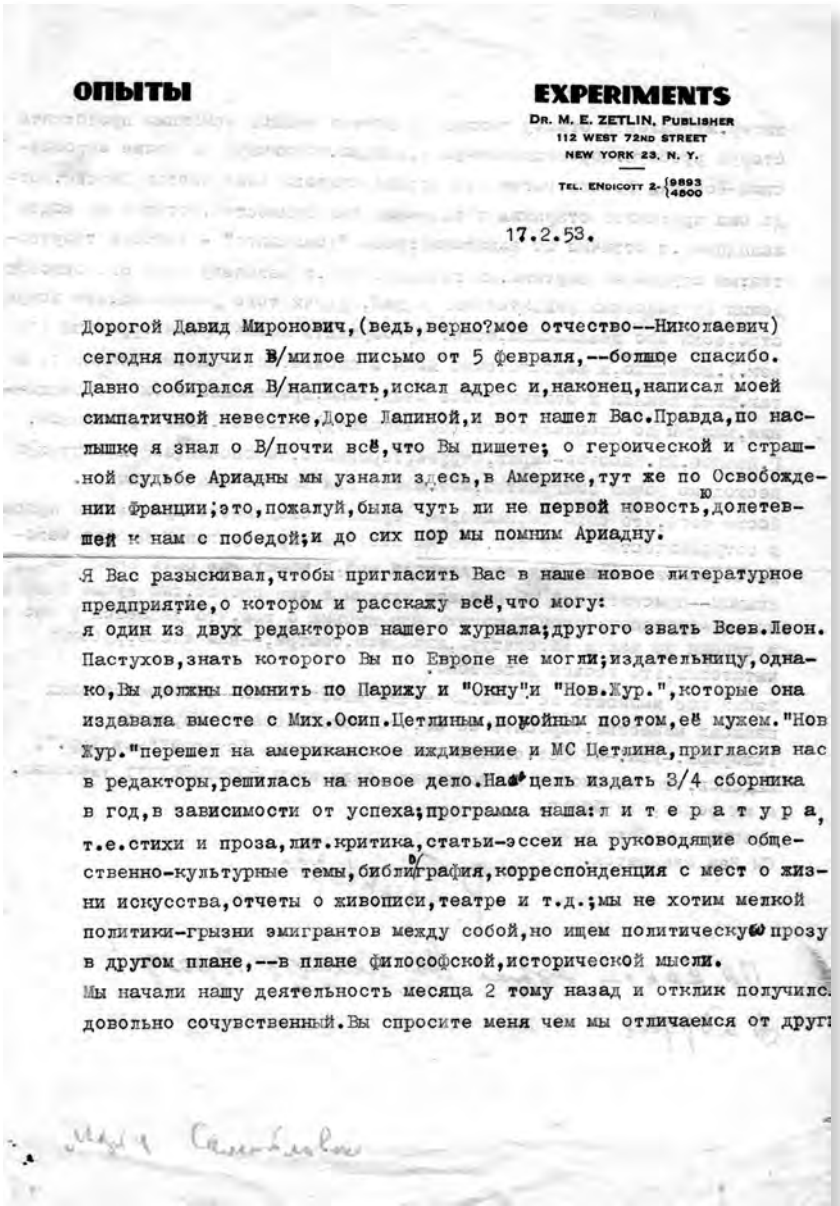
17.2.53.

Дорогой Давид Миронович (ведь верно? мое отчество – Николаевич), сегодня получил В<аше> милое письмо от 5 февраля, – большое спасибо. Давно собирался В<ам> написать, искал адрес и, наконец, написал моей симпатичной невестке, Доре Лапиной, и вот нашел Вас. Правда, понаслышке я знал о В<ас> почти всё, что Вы пишете; о героической и страшной судьбе Ариадны мы узнали здесь, в Америке, тут же по Освобождении Франции; это, пожалуй, была чуть ли не первой новостью <так!>, долетевшей к нам с победой; и до сих пор мы помним Ариадну.

Я Вас разыскивал, чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие, о котором и расскажу всё, что могу: я один из двух редакторов нашего журнала; другого звать Всев<олод> Леон<идович> Пастухов, знать которого Вы по Европе не могли; издательни-

[112] Национальный израильский театр, возникший в 1913 г. в Российской империи; во второй половине 1920-х перебрался в Палестину. По приезде в Израиль Лея Кнут, в рекордные сроки изучив иврит, была принята в труппу этого театра.

[113] Library of Congress (Washington). «Vozdushnye puti». Box 1.

ОПЫТЫ **EXPERIMENTS**

DR. M. E. ZETLIN, PUBLISHER
112 WEST 72ND STREET
NEW YORK 23, N. Y.

TEL. ENDICOTT 2-{9893 4800

17.2.53.

Дорогой Давид Миронович,(ведь,верно?мое отчество--Николаевич) сегодня получил В/милое письмо от 5 февраля,--большое спасибо. Давно собирался В/написать,искал адрес и,наконец,написал моей симпатичной невестке,Доре Лапиной,и вот нашел Вас.Правда,по наслышке я знал о В/почти всё,что Вы пишете; о героической и страшной судьбе Ариадны мы узнали здесь,в Америке,тут же по Освобождении Франции;это,пожалуй,была чуть ли не первой новость,долетевшей к нам с победой;и до сих пор мы помним Ариадну.

Я Вас разыскивал,чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие,о котором и расскажу всё,что могу:
я один из двух редакторов нашего журнала;другого звать Всев.Леон. Пастухов,знать которого Вы по Европе не могли;издательницу,однако,Вы должны помнить по Парижу и "Окну"и "Нов.Жур.",которые она издавала вместе с Мих.Осип.Цетлиным,покойным поэтом,её мужем."Нов Жур."перешел на американское иждивение и МС Цетлина,пригласив нас в редакторы,решилась на новое дело.Наша цель издать 3/4 сборника в год,в зависимости от успеха;программа наша:л и т е р а т у р а, т.е.стихи и проза,лит.критика,статьи-эссеи на руководящие общественно-культурные темы,библиография,корреспонденция с мест о жизни искусства,отчеты о живописи,театре и т.д.;мы не хотим мелкой политики-грызни эмигрантов между собой,но ищем политическую прозу в другом плане,--в плане философской,исторической мысли.
Мы начали нашу деятельность месяца 2 тому назад и отклик получился довольно сочувственный.Вы спросите меня чем мы отличаемся от други

Письмо к Кнуту Р. Гринберга

цу, однако, Вы должны помнить по Парижу и «Окну»[114] и «Нов<ому> Жур<налу>», которые она издавала вместе с Мих<аилом> Осип<овичем> Цетлиным, покойным поэтом, ее мужем. «Нов<ый> Жур<нал>» перешел на американское иждивение, и МС Цетлина, пригласив нас в редакторы, решилась на новое дело. Наша цель издать 3/4 сборника в год, в зависимости от успеха; программа наша: *литература*, т.е. стихи и проза, лит<ературная> критика, статьи-эссеи на руководящие общественно-культурные темы, библиография, корреспонденция с мест о жизни искусства, отчеты о живописи, театре и т.д.; мы не хотим мелкой политики-грызни эмигрантов между собой, но ищем политическую прозу в другом плане – в плане философской, исторической мысли.

Мы начали нашу деятельность месяца 2 тому назад, и отклик получился довольно сочувственный. Вы спросите меня, чем мы отличаемся от других литер<атурных> журналов? Я отвечу так: мы бы хотели нашими усилиями продолжить старую русскую дореволюционную традицию, возникшую на почве европейской истории России, когда эта страна считала себя частью Европы, когда она приложила старания в создании тех ценностей, которые мы зовем западными в отличие от азиатских; наша «доминанта» – свобода творчества; мы служим не партиям, не государствам, а человеку ради его освобождения от подобных унизительных служб, будучи того убеждения, что искусство, если оно независимо, может преобразить жизнь (пример, русский XIX век). Возможно, я недостаточно ясен в письме, но думаю, Вы понимаете и так. Меня поняли и откликнулись след<ующие> лица, приславшие свои произведения, каждый по специальности (по алфавиту): Адамович, Вейдле, Газданов, Г. Иванов, Вл. Набоков-Сирин, Струве, Терапиано, Маковский* (алф<авит> я спутал) и несколько новых эмигрантов, кот<орых> имена для Вас не значат ничего.

После того, что было пережито, мы держимся следующего правила: мы просим в сотрудничество всех тех, кто не совершал преступлений против человечества – это ясно. Так вот, дорогой мой, я прошу Вас быть нашим сотрудником – прислать всё, что Вы найдете нужным, и чем скорее, тем лучше, и быть нашим корреспондентом и писать нам письма о том, что делается у вас в стране по части литературы, живописи, театра – нам здесь, русским читателям, это весьма интересно.

Забыл еще написать об анкетах среди иностранцев – об этом на днях написал невестке, спросите ее, это тоже касается Израиля.

Гонорары – увы! – М.С. Цет<лина> платит те же, что платил «старый» «Нов<ый> Жур<нал>», надеюсь, что мы сможем их поправить, если наши «ОПЫТЫ» будут удачливы, а мы верим, что будут.

[114] «Трехмесячник литературы», издавался в Париже М.О. и М.С. Цетлиными в 1923 г.; всего вышло в свет три номера.

Крепко жму Вашу руку.
С<офья> М<ихайловна> Вам кланяется.

<далее от руки>

Р. Гринберг

На каком языке Вы пишете прозу?

* и другие (прим. Р. Гринберга).

Кнут не сумел принять участие в «Опытах»: в скором времени у него обнаружилась опухоль мозга, и 15 февраля 1955 г. его не стало.

7. «Я хочу, чтобы Вы написали поэтическую ораторию о сегодняшней еврейской жизни»

Письмо Ицхака Даниэля

Театральный режиссер и драматург Ицхак Даниэль вошел в историю как болгарского, так и еврейского театра, связав своим искусством разные страны и народы: родившись и сформировавшись как театральный деятель в Болгарии и став на родине одним из популярных и востребованных режиссеров, он после репатриации в Эрец-Исраэль вошел в число наиболее ярких и значительных пионеров еврейской сцены.

Ицхак Моше Даниэль родился 12 ноября 1895 г. в болгарском городе Русе в зажиточной семье евреев-сефардов. Выросший в атмосфере поклонения еврейской учености и сионистским идеалам (одним из его предков был известный своей образованностью и ученостью Шмуэль Даниэль, автор книги «Zaken Shmuel» [Старец Шмуэль]), он с юношеских лет отличался подчеркнутым интересом к своей национальной идентичности и возглавлял молодежное сионистское движение в родном городе[115]. Окончив гимназию, Ицхак подался в Берлин, где посещал лекции в Академии драматических искусств, а затем поселился в Вене, избрав в качестве продолжения своего образования занятия философией. Любовь к театру, которая жила в нем с детских лет, вскоре, однако, пересилила все другие увлечения. В Вене, одной из блистательных европейских столиц и центров мирового театрального искусства, Даниэль сблизился со знаменитым режиссером Мак-

[115] Encyclopedia shel galuyot. Vol. 10: Yehudei Bolgaria / Ed. Dr. A. Romano <et al.>. Jerusalem; Tel Aviv: The Encyclopedia of the Jewish Diaspora Co. LTD, 1967. Am. 760.

сом Рейнхардтом и в течение двух лет состоял его помощником[116]. После этого работал с одесской труппой, нашедшей приют в Вене.

В Вене Даниэль познакомился с такими же, как и он, молодыми евреями, с одной стороны, пылавшими любовью к сцене, а с другой, преисполненными сионистской мечты попасть в Землю обетованную и строить там национальный театр. С этой целью они обратились в Еврейское агентство, занимавшееся проблемами репатриации в Эрец-Исраэль, с просьбой выделить им там небольшой участок земли, где они могли бы поселиться и воплотить в жизнь свой театральный проект. Тем, к кому эта просьба была обращена, идея молодых театральных энтузиастов показалась утопической и далекой от насущных проблем реальной жизни. Не найдя поддержки своим планам, группа сама собой распалась, и Даниэль вернулся в родную Болгарию.

Здесь он был принят поначалу на должность режиссера театра в Варне, а позднее, проявив свои способности и завоевав некоторую известность, приглашен в государственный Софийский театр. Тогда же организовал в Софии театральную студию, в которой обучал молодежь актерскому мастерству. Наряду с этим – совместно с болгарским поэтом Теодором Траяновым – Даниэль принимал участие в издании журнала «Гиперион», посвященного вопросам искусства. Не оставлял он в это время и деятельности, связанной с еврейскими интересами, являясь членом объединения, боровшегося за сохранение языка и ивритской культуры. Так, в частности, Даниэль имел непосредственное отношение к выходу на болгарском языке книги стихов национального еврейского поэта Х.-Н. Бялика (1921).

Проработав в столичном болгарском театре два с половиной года, он был вынужден его оставить: причиной, по всей видимости, послужили антисемитские настроения нового руководства. Даниэль вновь отправился в Вену и там присоединился к театральной труппе из Вильно, которая перебралась в Бухарест.

В Бухаресте произошла знаменательная встреча Даниэля с одним из основоположников ивритского театра в Эрец-Исраэль, актрисой Мириам Бернштейн-Коген (1895–1991), которой он изложил свое художественнее *credo* и концепцию сценического искусства. С первых же слов она поняла, что имеет дело с оригинально мыслящим театральным режиссером, а главное – с единомышленником. Им еще предстояло встретиться как двум крупным деятелям ивритской сцены[117].

---

[116] Ibid.

[117] М. Бернштейн-Коген упоминает Даниэля в написанной ею на иврите энциклопедической «Истории театрального искусства»: *Bernshtein-Cohen M*. Toldot ha-teatron mreshito ve-ad yomav. Tel Aviv, <n/y>. Am. 140, 142.

В 1926 г. Даниэль репатриировался в Эрец-Исраэль. Первоначально он явился основоположником театра, получившего имя Sadan (Наковальня), в котором удалось поставить всего три спектакля: из-за финансовых трудностей театр прекратил свое существование.

Одно из показанных театром Sadan представлений, текст которого принадлежал Авигдору Хамеири, было посвящено трагическому безумию Первой мировой войны и так и называлось – «Shigaon gadol» («Великое безумие»). Действие, относящееся к 1914 г., начинается в одном из дешевых будапештских кабаре. Главный герой – бывший ученый, а ныне журналист, еврей Марголит – уволен редакцией газеты за то, что не передал в печать телеграмму, в которой сообщалось о разразившейся войне. Для Марголита невыносимой является сама мысль о том, что миллионы людей будут мобилизованы в армию и превратятся в пушечное мясо. Однако у тех, кто его окружает, иной взгляд на вещи. Его бывший коллега, профессор философии Гарай, и другие издевательски смеются: «Разве ты, еврей, способен испытать подлинное патриотическое чувство?» Однако разглагольствующий о гражданском долге д-р Гарай, описывающий войну как «священное испытание для того, чтобы у общества появились новые устремления вместо прогнившей старой жизни», делает всё возможное, чтобы улизнуть от отправки на фронт, в то время как Марголит записывается добровольцем на военную службу и становится героем отечества.

После того как Sadan прекратил свое краткое существование, Даниэль возглавил возникший в Тель-Авиве Художественный театр. Он, чьи культурные предпочтения имели в своей основе европейский вектор, обращается в это время к репертуару, который давал бы ему возможность проявить свои творческие амбиции и лучшие режиссерские умения. Так, одним из самых заметных спектаклей в сезоне 1926/27 гг. оказался «Костер» («Пеликан»), поставленный Даниэлем по пьесе Августа Стриндберга (на иврите – «Madura», пер. Якова Горовица). Другим спектаклем, шедшим в том же сезоне, стал мольеровский «Гарпагон».

Следующим этапом в театральной карьере Даниэля было создание Национального театра (Teatron leumi), который своим появлением не в последнюю очередь был обязан серьезным расхождениям в вопросах театральной политики, возникшим между ветеранами ивритской сцены в Эрец-Исраэль Менахемом Гнесиным (1882–1951) и упоминавшейся выше М. Бернштейн-Коген. В результате М. Берштейн-Коген обратилась к Даниэлю как отчетливой перспективе выхода из трудного положения, в котором

оказалась еврейская сцена в это время. Инициативный и энергичный Даниэль, не скрывавший своих реформаторских притязаний, возглавил Национальный театр в качестве художественного руководителя.

Преимущество приехавшего в Эрец-Исраэль режиссера перед теми, кто поселился здесь достаточно давно и пытался на свой страх и риск строить на древней земле предков современный еврейский театр, заключалось не только в том, что он обладал высокой образованностью, острым сценическим чутьем и развитым художественным вкусом, но главным образом в профессиональной театральной школе, имевшейся за его плечами. Иными словами, в отличие от тех, кто старался приобщиться к искусству сцены зачастую любительским, дилетантским способом, Даниэль являлся подлинным профессионалом. В этом, однако, наряду с совершенно очевидными достоинствами, скрывался исток трагического разлада между его блестящими режиссерскими замыслами и проектами и тем культурным материалом – актерским и зрительским, – который имелся в наличии для превращения талантливых идей в реальное театральное зрелище и затем – в резонансное явление социальной жизни. Почти все без исключения, кто впоследствии вспоминал о Даниэле и его вкладе в строительство культуры молодого еврейского *ишува* (еврейская община до образования Государства Израиль), указывали на это драматическое противоречие, которым были отмечены титанические усилия режиссера преодолеть объективные трудности при обучении грамматике сценического искусства людей, лишенных равного его собственному опыта художественной жизни.

Это – с одной стороны. С другой же, однако, сам Даниэль был нередко крайне сбивчив и непоследователен в своих творческих исканиях, кидался из стороны в сторону, пробовал одновременно экспериментировать и оставаться в рамках традиции, начинал и бросал, не завершив начатое. Его захлестывали свежие и оригинальные идеи, однако режиссерскому методу временами недоставало четкости и строгости – качеств, совершенно необходимых для осуществления коллективного творчества, которым живет театр.

Актер Ш. Финкель, говоря о нем как о человеке, «обладавшем высокими душевными качествами, неисчерпаемым воображением, необыкновенной музыкальностью, колоссальной энергией, сердце которого было преисполнено горячей любви к искусству игры», в то же время подчеркивал, что

было жаль того, как сила его могучего воображения не всегда замечала разницу между реальностью и грезами. Это злосчастие сопровождало его и в жизни, и на сцене: бурный и горячий темперамент направлял его зачастую то в одну, то в другую сторону и делал всеядным. Он был могучим древом без глубоких корней: если бы не этот недостаток, он, без сомнения, мог бы стать крепкой основой для «актерского театра» на наших сценах[118].

В каком-то смысле почти в тон ему вспоминала о Даниэле упоминавшаяся выше М. Бернштейн-Коген, отмечая его противоречивость и непоследовательность как режиссера-практика:

Даниэль прибыл <в Эрец-Исраэль> бурный, кипучий, поджигающий других, его единственный глаз излучал огненный блеск[119]. Он бурлил двадцать четыре часа в сутки. Он был полон энергии, темпераментного неистовства бунтаря, пребывающего в театральных снах и грезах. В самом деле, он мечтал о европейском театре, европейской культуре. Он владел несколькими языками, пробовал играть на скрипке, рояле, работал, не зная усталости, с максимальной душевной и физической отдачей. Не могу сказать, чтобы этот крупнотелый человек, с единственным глазом, имел простой характер. С одной стороны, он был в состоянии днями углублять, оттачивать и полировать какую-то одну-единственную сцену и наряду с этим игнорировать многие другие, ничуть не менее важные. Он досконально знал театр, однако как организатор рабочего процесса был нервным, не имел перспективного взгляда на вещи, мгновенно возбуждался и так же быстро остывал. Временами близорукий, временами смотрящий далеко вперед. Это был характер интересного и творческого человека. Художника[120].

После смерти Даниэля один из тех, кто хорошо его знал, в будущем известный израильский поэт, композитор-песенник, переводчик и составитель словарей Эммануэль Харусси (собств. Новогребельский; 1903–1979), в некрологе, приуроченном к седьмому дню со дня кончины[121], писал о творческих взлетах и падениях, достижениях и неудачах этого человека, обрекшего себя на невозможность до кон-

[118] Цит. по: *Eder A*. Teatronim, liahakot, sakhkanim ve-bamaim [Театры, труппы, актеры и режиссеры] // Esrim ha-shanim ha-rishonot: Safrut ve-amanut be-Tel-Aviv ha-ktana, 1909–1929 [Двадцать первых лет: Литература и искусство в малом Тель-Авиве, 1909–1929]. Tel Aviv: Ha-kibuts ha-meukhad, 1980. Am. 86.

[119] Даниэль с юности был слеп на один глаз.

[120] *Bernshtein-Cohen M*. Toldot ha-teatron... Am. 140.

[121] По еврейской традиции, после похорон близкие родственники покойного в течение семи дней держат траур («шив'а»): не выходят из дома, не работают, принимают соболезнования и пр.; в эти дни запрещены любые развлечения, игры, бритье, стрижка волос, приобретение новых вещей и пр.

ца воплотить свои самые заветные художественные планы и проекты. Э. Харусси, который в поставленном Даниэлем спектакле «Вне закона» («Mikhuts lekhok») исполнял роль разбойника Хинеса, имел возможность наблюдать его с близкого расстояния. Он трагически нес свой профессиональный крест, говорилось в некрологе Э. Харусси: сами условия работы – неопытные актеры, неподготовленные зрители, отсутствие условий, необходимых для организации сложного театрального дела, прежде всего экономических, социальных и психологических, – всё это в совокупности не давало проявиться художественному таланту Даниэля в должной мере. Более того, возможно, это ускорило его смерть в неполные 47 лет[122].

Поставленный по пьесе Л. Лунца (пер. М. Харизмана) спектакль «Вне закона», который упоминал Э. Харусси, – первый из поставленных Даниэлем на подмостках Национального театра (1928). Ключевым для режиссера-постановщика явился тот аллегорический концепт, которой автор всячески акцентировал в предисловии к пьесе: «Я хотел написать пьесу, – писал Л. Лунц, – вне точно установленного времени и пространства. Испания – условна» (предисловие к пьесе и биографическая справка о Л. Лунце были включены Даниэлем в программку спектакля наряду с перечнем действующих лиц и исполнителей). Судя по всему, этот спектакль не сумел стать крупным событием в культурной жизни еврейского *ишува*. Годы спустя актер Я. Тиман, исполнявший в нем роль Алонсо Энрикэса, признавался в одном из интервью, что его игра была малоудачной. «Сейчас мне ясно, – продолжал он, – что тогда я был слишком молод, чтобы понять всю глубину этого образа. Для актера великое счастье, если он получает такую роль даже раз в десять лет, но только в подходящем для нее возрасте»[123].

Вторым спектаклем, поставленным Даниэлем в Национальном театре, была «Юдифь» по пьесе Ф. Геббеля (сам режиссер сыграл роль Олоферна).

Следует указать на то, что активность Даниэля как театрального деятеля не сводилась в Эрец-Исраэль исключительно к режиссерскому и актерскому творчеству, но преследовала более широкие культурно-образовательные и культурно-просветительные задачи. Одним из проявлений его просветительской политики явилось то, что в программках к поставленным им спектаклям, помимо обычных

[122] *Harusi E.* Yitskhak M. Daniel (shiv'a le-ptirato) [Ицхак М. Даниэль (семь дней после смерти)] // Davar (Tel Aviv). 1942. № 5236, 24.09. Am. 2.

[123] «Ani rotse she-hakagal sheli yutsakhek»: Sikha <Ofra Aligon> im Yakov Timan [«Я хочу, чтобы мой зритель смеялся»: Беседа <Офры Алигон> с Яаковом Тиманом] // Davar. 1950. 17.03. Am. 3.

рубрик, дающих информацию о ролях и их исполнителях, сообщавших какие-то сведения об авторе и его пьесе и пр., присутствовали общеобразовательные тексты, рассчитанные на популярные объяснения природы сценической игры, значения театра в жизни общества, фрагменты из истории драматического искусства и пр. Но главное – в них формулировалось творческое *я верую* Даниэля как идеолога нового еврейского театра и, пусть в самой общей и скорее в эмоциональной, нежели конкретно-конструктивной форме, манифестировалась его программа. Так, в статье «Likrat teatron mekori» (букв.: Навстречу подлинному театру), включенной в программку упомянутого спектакля «Юдифь», Даниэль объяснял, что представлял собой театр в древности, как были устроены зал и сцена, каковы были декорации и приемы актерской игры, популярно растолковывал понятия амфитеатра, орхестры, авансцены, просцениума и пр., т.е., по существу, знакомил публику с азами театра как такового. Давая далее краткий обзор истории театра, он переходил к современности, и именно к театральной современности Эрец-Исраэль. Основная мысль автора статьи содержалась в ее заключительной части: речь шла о создании своего, еврейского, театра, хотя и связанного с мировой театральной традицией, но «не <древне>греческого и не европейского», а опирающегося на собственный национальный репертуар, психологию и культуру. «Это и будет подлинно еврейский театр», – завершал Даниэль свою статью, указывая на то, что невозможно заранее предугадать и с предельной точностью определить дорогу, ведущую к этой цели, и только каждодневная упорная работа сумеет ответить на этот вопрос.

Еще одним спектаклем, поставленным Даниэлем в Национальном театре Эрец-Исраэль, был «Шабтай Цви» по пьесе польского прозаика, поэта и драматурга Ежи Жулавского – одна из многочисленных драматических интерпретаций судьбы прославленного еврейского лжемессии. В заметках, напечатанных в программке к спектаклю, Даниэль дает интерпретацию Шабтая Цви как исторической фигуры и свое понимание того художественного образа, в который она воплощена драматургом. Рассуждая о том, кто такой Шабтай Цви, он писал, что для него как режиссера первостепенное значение имели не исторические факты, а само явление этого человека как таковое. Таким образом, задумывая данный спектакль, Даниэль подходил к проблеме мессианства не с точки зрения конкретно-биографической, не как к индивидуальной практике, пусть и имевшей широкий и звучный исторический резонанс, но прежде всего как к социально-нравственному феномену, захватывающему и за-

кручивающему в свою воронку разнообразные аспекты философии еретизма, который, в его глазах, выходил далеко за пределы определенных географических и исторических границ.

К сожалению, творческий энтузиазм Даниэля был не в состоянии преодолеть реальные сложности экономического порядка, и после четырех спектаклей новое театральное предприятие, по существу, завершило свою краткую историю. Пережив минуты нешуточного отчаяния, Даниэль был вынужден оставить Эрец-Исраэль – он отправился сначала в Германию, потом в США. Однако через год вновь вернулся в Землю обетованную[124].

В апреле 1928 г. Даниэль основал театр Matate (Метла) и стал его первым директором. Основным идейным направлением театра стала политическая и социальная сатира, и он приобрел огромную зрительскую популярность. Несмотря, однако, на вроде бы известное признание, которого он добился, Даниэль, который жил в постоянном неудовлетворении достигнутым, в 1932 г. оставил Matate. Впоследствии он вернется в этот театр, в прямом и переносном смысле созданный его руками, однако жить ему останется после этого совсем недолго – лишь несколько месяцев.

Творческие метания Даниэля, являвшиеся следствием того, что он не находил полного удовлетворения практически ни в чем, за что брался, были, конечно, хорошо видны и понятны его окружению. И наиболее чувствительные и преданные из друзей не могли, разумеется, не относиться с сочувствием к этим мучительным попыткам талантливого художника преодолеть немыслимые трудности и препятствия на пути культурных инвестиций. Одним из них был поэт Александр Пэнн (1906–1972), человек с весьма причудливой биографией, для кого драма Даниэля в каком-то смысле напоминала его собственные житейские и творческие взлеты и падения.

А. Пэнн родился в Якутии, в Нижнеколымске, воспитывался без родителей, у деда, после смерти которого, в 10-летнем возрасте, начал скитаться по России. С 1920 г. он осел в Москве, окончил там среднюю школу, учился в Институте слова, занимался в техникуме по кинематографии, выступал боксером на ринге. Особое место в его жизни, начиная с юных лет, занимала русская поэзия – он сам писал стихи (стихотворение «Беспризорный» было опубликовано в журнале «Крестьянская нива»), боготворил современных ему поэтов: С. Есенина (которого, как вытекает из публикуемого ниже

[124] Об этом периоде в его жизни см.: *Zar-Zion Sh*. Ha-teatron ha-aretrsisraeli: tnua bein periferiyot tarbutiyot [Театр в Эрец-Исраэль: развитие между культурными перифериями] // Zmanim. 2007. № 99. Am. 16–25.

письма, он знал лично), Б. Пастернака и особенно В. Маяковского, что впоследствии нашло яркое отражение в его поэтическом стиле и переводческой деятельности. Пэнн покинул Россию и перебрался в Эрец-Исраэль в 1927 г. , т.е. спустя не очень продолжительное время после того, как здесь появился Даниэль. Иврита он с детства не знал, стал изучать его только в Эрец-Исраэль и изучил так, что начал писать на нем стихи.

Когда и как Даниэль познакомился с Пэнном, точно неизвестно. Однако сохранился любопытный документ – письмо Пэнна Вс. Мейерхольду, датированное 12 октября 1931 г. , в котором он обращается к выдающемуся режиссеру и просит того оказать содействие или, по крайней мере, помочь советом, чтобы Даниэль мог попасть в Советский Союз, как выразились бы позднее, «на стажировку».

Политическая наивность письма Пэнна была, конечно, налицо. Представить, что в 1931 г. в СССР мог въехать человек из Эрец-Исраэль, далекий от социалистических убеждений, лишь ради того, чтобы развивать и оттачивать свое режиссерское мастерство, мог только неисправимый идеалист. Рекомендация Даниэля как революционера театра ничего, конечно, по существу не меняла: режим нуждался не в бунтарях, а в верноподданных слугах. Если аттестация Даниэля как революционного художника и могла произвести впечатление на Мейерхольда, то этим впечатлением всё и завершилось бы: импортировать в страну подобного рода «смутьянов» советские власти, безусловно, не стали.

Мы не знаем, как Мейерхольд отнесся к этому письму, однако почти нет сомнений в том, что он на него не ответил. Да и отвечать, собственно, было нечего, а тем более предпринимать какие-либо усилия и обращаться с ходатайством в «высшие инстанции». Однако сам по себе этот документ крайне небезынтересен и заслуживает быть приведенным здесь полностью.

Tel Aviv 12–10–1931 г.

Добрый день, уважаемый тов. Мейерхольд!

Сразу же оговариваюсь: не удивляйтесь всему письму по мере того, как Вы будете его читать. Мне хочется, обратившись к Вам, выяснить ряд вопросов, связанных с Вашей профессией – театром. Здесь, в Палестине, сейчас находится молодой болгарский режиссер (еврей) И.М. Даниэль, который после двухлетнего пребывания здесь был приглашен Народным Государственным театром Софии для постановки «Кориолана», который (Вам, вероятно, об этом известно)

произвел сенсацию. Не только там, но и большая часть европейской теат<ральной> печати в течение продолжительного времени находила, что постановка «Кориолана» И.М. Даниэля <—> это шаг вперед в театре, в революционном смысле. Этот человек с высшим театральным образованием, по нутру своему бунтарскому и по всему своему способу понимания театрального искусства, революционен до мозга костей и выражает сильное желание работать в «настоящем», как он говорит, театре, который бы был следствием практической, жизненной революции. Он думает о современном русском театре и о его потенциальных возможностях. Этот человек, не имеющий прямой связи с С.С.Р <sic>, обратился ко мне. Я со своей стороны решил, что самое правильное будет обратиться с таким вопросом к Вам, ибо мне памятен 22-ой год, когда я имел возможность убедиться в Вашей искренности и честности в вопросах искусства.

Весь вопрос заключается в следующем: каким образом смог бы этот молодой талантливый режиссер попасть в С.С.Р., дабы он смог там посмотреть, поучиться и сделать несколько экспериментов в этой области?

Вы – человек, стоящий так близко ко всему этому, смогли бы дать надлежащий совет и посодействовать этому.

Я глубоко убежден, что Вы отнесетесь к этому с достойной Вас серьезностью и ответите на письмо. Таким образом мне хотелось бы связать Вас непосредственно с И.М. Даниэлем.

Крепко жму Вашу руку.

Заранее благодарный за ответ

Александр Пэн

P.S. Приветствуйте тов. З. Райх. С ней мы встречались в Банковском переулке у Сергея <Есенина>.

Мой адрес:
Palestina
Tel-Aviv
P.O.B. 238
Alexandr Pen[125]

К одному из новых начинаний Даниэля после Matate относится организация театральных зрелищ в тель-авивском кафе «Smadar» и превращение его в некую разновидность кабаретного театра. Когда в 1939 г. «Smadar» прекратило свое существование, упрямый Даниэль продолжал развивать идеи кабаретного искусства в другом тель-авивском кафе – «Herkia ha-shishi» («Шестое небо»).

С Кнутом Даниэль, по всей видимости, познакомился, когда тот впервые посетил Палестину осенью 1937 г. Январем 1939 г. датировано его письмо Кнуту (в подлиннике по-французски).

[125] РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2280. Л. 1–1 об.

Дорогой г-н Кнут,

Надеюсь, что Вы не совсем забыли меня, как не забыли наши веселые тель-авивские посиделки. Мы все о Вас часто вспоминаем, свидетельством чему является это мое письмо и то предложение, которое я хочу Вам сделать.

Помните наш последний разговор о судьбах еврейского театра, когда Вы сказали, что национальный театр нельзя представить без соответствующей ему национальной формы? Я тогда прямо возликовал, увидев в Вас единомышленника. И вот теперь Вы должны доказать, что это были не только красивые слова, но и Ваше *credo* еврейского поэта и человека, живущего теми же творческими грезами, которыми живем мы.

Я хочу, чтобы Вы написали поэтическую ораторию о сегодняшней еврейской жизни. Это должно быть произведение, в котором выразился бы дух современного еврея, где бы он ни жил – в Марокко, Палестине, Европе, России или США. Поэма о еврейском духе, преодолевающем автономность и ограниченность каждого из нас и рассказывающая о нас как о едином народе.

Я хотел бы, чтобы Вы написали такую вещь, а я поставлю ее здесь, в Палестине, на сцене. С будущим переводчиком этого текста на иврит, Авраамом Шленским, я уже говорил, и он дал свое полное согласие участвовать в таком предприятии. Очень надеюсь, что я сумею и Вас воспламенить своим замыслом и Вы почувствуете творческую потребность в написании такого произведения, а следом за ней придет вдохновение, необходимое для воплощения столь грандиозного замысла.

Простите, дорогой Кнут, что я, наверное, изъясняюсь недостаточно конкретно. Однако я верю в Вашу поэтическую интуицию и в Вашу еврейскую душу, которая не нуждается в долгих и скучных объяснениях, – Вы, конечно же, сразу поймете, о каких символических масштабах я говорю, и по достоинству оцените мое предложение. Мне кажется, что Вас не может не взволновать эта тема. И у меня нет сомнения, что Вы с ней справитесь, как никто другой. Вы один из немногих еврейских поэтов сегодняшнего дня, кому она по силам. И это вовсе не красивые слова, а мое искреннее убеждение.

Жду от Вас скорого и положительного ответа.

Ваш Исаак Даниэль

Следует заметить, что в творческой копилке Кнута уже имелся прецедент поэтической оратории – хорового чтения его стихов «Героический марш», которому были приданы черты театрального представления. Этот своеобразный поэтический спектакль был поставлен режиссером парижского театра d’Odeon Ицхаком Сидерским

(Свидерским) и показан на вечере Кнута в Союзе молодых поэтов и писателей 20 июня 1925 г. Знал ли об этом Даниэль – история умалчивает. Не исключено, что Кнут во время их встречи мог упомянуть о своеобразном опыте связать его поэзию со сценическим зрелищем, хотя более вероятно, что для Даниэля, обычно ни у кого не заимствовавшего свои творческие идеи, это было вполне самостоятельное решение. Как можно думать, он воспринял личность и творчество Кнута как явление глубоко национальное, лежащее в едином русле с собственными художественными исканиями, и именно эта интуитивно ощущаемая связь подвигла его, одного из самых неистовых строителей еврейского театра в Эрец-Исраэль, обратиться к поэту с приведенным выше письмом. К сожалению, на реализацию данного проекта у обоих уже недоставало времени: через несколько месяцев после этого письма началась Вторая мировая война, а 16 сентября 1942 г. Даниэля не стало: он умер в тель-авивской больнице Хадаса, заразившись тифом. Похоронен на кладбище Нахалат Ицхак в Тель-Авиве.

8. «Мы из разных миров – на друг друга вдруг стали похожи»

Четыре письма к А.А. Скрябиной

Вторая жена Кнута Ариадна Александровна Скрябина (1905–1944) была дочерью выдающегося русского композитора А.Н. Скрябина. Будучи человеком художественно одаренным – поэтесса (в 1924 г. в Париже вышел ее сборник «Стихи»[126]), прозаик (во второй половине 1930-х гг. ею писалась повесть «Лея Лившиц», пропавшая в годы войны вместе со всеми другими бумагами), блестящая пианистка, человек, не лишенный сценического дара, – она, будучи максималисткой и в жизни и в искусстве, заметных творче-

[126] 29 апреля 1924 г. Ариадна принимала участие в вечере, посвященном поэту Б. Божневу, на котором, кроме нее, выступали А. Гингер, Г. Евангулов, В. Кемецкий, В. Познер, Б. Поплавский и др. (Последние новости. 1924. № 1235, 3 мая). Стихи Ариадна начала писать в юношеском возрасте, см. запись в дневнике близко ее знавшей О. Бессарабовой, датированную 1 марта 1922 г. , т.е. еще до того, как она попала в эмиграцию: «Ариадне Скрябиной 16 лет. Она пишет мистерию, которая кончается смертью всех участвующих в ней. Настоящей смертью на костре на Красной площади. Хочет пойти к патриарху, чтобы он благословил ее на эту мистерию и смерть, добровольную жертву и искупление за все зло и весь ужас, который царствует в мире, в России, на Поволжье – всюду. И на Западе, в Европе и особенно у нас. Она очень красива» (Марина Цветаева – Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925 / Вступ. ст., подгот. текста, сост. Н.А. Громовой; коммент. Н.А. Громовой, Г.П. Мельник, В.И. Холкина. М.: Эллис Лак, 2010. С. 441).

Д. Кнут и А. Скрябина. Лето 1938

ских следов после себя не оставила, живя, с одной стороны, в тени величия собственного отца, а с другой, не испытывая достаточных сил для тяжбы с художественными гигантами. А ее устраивала лишь роль первой во всем.

Попав в эмиграцию после смерти матери, Т.Ф. Шлецер, невенчанной вдовы композитора, которой не стало в 1922 г. , Ариадна, как уже говорилось, первым браком была замужем за Д. Лазарусом[127],

[127] См. в письме К. Бальмонта к Д. Шаховской от 18 августа 1924 г. из Шатейлена (к тому времени Ариадна уже была замужем и беременна старшей дочерью Татьяной-Мирьям): «Сейчас Мирка <дочь Бальмонта, близкая подруга Скрябиной> хохочет с Ариад-

вторым – за дружившим с Кнутом французским писателем Р. Межаном. Именно совместная, Межана и Кнута, творческая работа привела к тому, что последний стал зачастую бывать в их доме, где во второй половине 1930-х гг. сблизился с Ариадной. 30 марта 1940 г. они официально оформили свои отношения[128], а в апреле она прошла *гиюр* (переход в еврейство) и обрела новое имя Сарра. Перед самой оккупацией немцами Парижа Кнут и Ариадна с тремя детьми от ее первых двух браков бежали в Тулузу, где создали подпольную Еврейскую Боевую Организацию, ставшую частью движения Сопротивления. В ее рядах Ариадна и погибла: она была убита 22 июля 1944 г. в перестрелке с французской милицией, раскрывшей явочную квартиру подпольщиков.

Пережив расставание с Кнутом, который, спасаясь от преследовавшего его гестапо, был вынужден бежать в Швейцарию и укрыться там, Ариадна, не сумев превозмочь женское одиночество, вступила в любовную связь с одним из подпольщиков, молодым бельгийским евреем Раулем Леоном (Raoul Leons). Когда до Кнута дошли слухи об этой связи, его реакция была сурово-безжалостной. 7 июля 1944 г., за две недели до смерти Ариадны, он писал в Палестину упоминавшейся Е. Киршнер:

> Огрррромная любовь (я покинул ее невероятно влюбленной в своего мужа) не пережила нашей разлуки. Пошлая история об уехавшем муже, которому… нашли замену. Замена – мальчик 26 лет, по-видимому, необыкновенно соблазнительный: высокий, белокурый, аристократичный, героичный.
>
> Я бы, может быть (вероятно), простил Ариадне (это значит, что я смог бы расстаться с ней по-дружески), но она погрузилась в грязное болото низких обманов, дурацких хитростей (ее авантюра оглупила ее до смешного), и я даже не знаю, какое чувство из двух, которые меня охватили, сильнее: отвращение или презрение. Это не слова, поверь.
>
> Sic transit…

ной Скрябиной-Лазарюс. Сегодня препожаловала с мужем»; через два дня, 20 августа, ей же: «У нас гостит Ариадна. Муж ее вернулся в Париж на 10 дней, потом возвратится, и они будут жить в вилле напротив нас. Я рад хорошей музыке. Конечно, он не Прокофьев, но действительно талантлив. Пишет музыку к одной любопытной Индусской сказке»; в письме от 29 августа всё тому же адресату Бальмонт величает Лазаруса «музыкально-буржуазным мужем» («Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014. С. 495, 497, 504).

[128] См. в письме Скрябиной от 2 апреля 1940 г. , адресованном в Палестину их с Кнутом близкой приятельнице Е. Киршнер: «Евуличка, золотко родное, в субботу <т.е. 30 марта> состоялась наша свадьба» (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 204).

Она не остановилась перед разрушением семьи, принеся в жертву двух невинных (Эли носит мое имя и думает, что он мой сын).

Меня от этого так тошнит, что я даже не стал ее упрекать: много чести. Прекратил переписку совершенно[129].

Признаюсь тебе: таков уж я. Открыв, что она такая низкая, такая вульгарная (обычная самка, подобно многим другим), я ощутил облегчение своей боли, но удар был жестокий и в моей истории не помещается.

Говоришь себе: Ариадна – всего-навсего *это*? Чего же стоит мир? Я пережил трудные месяцы[130].

Их «примирение» – не житейское, а духовное, то, что находится не на земных, а на «воздушных путях», – произошло только перед смертью Кнута и отразилось в его строках, написанных в Израиле в 1950-е гг. и обращенных к Ариадне (стихи публикуются впервые):

Лишь с годами постиг: всё на свете устроено сложно,
Лишь с годами узнал, что вернуть никого не дано…
Мы из разных миров – на друг друга вдруг стали похожи
И из двух половин вдруг составили что-то одно.

О, как призрачно здесь – на планете глухой и громадной,
Как непрочен покой и незначим душевный порыв!..
Ты вошла в этот мир юной девочкой, чистой, нарядной,
И ушла из него, своей кровью его обагрив.

Как изменчиво всё… Но и всё же, и всё же, и всё же –
Открывается это не сразу, не вовсе, не вдруг, –
Но всё больше и больше я чувствую собственной кожей,
Как меня наполняет твой огненно-дышащий дух.

А прощание наше? Едва ли то было прощанье…
И пронзительной боли хоть чувствую я острие,
До конца моих дней в мировом сохранится дыханье
И прощальный твой взгляд, и последнее слово твое.

Публикуемые четыре письма Кнута Ариадне написаны им во время путешествия в Палестину, которое он, как было отмечено выше (см. примеч. 71), совершил летом – осенью 1937 г.

[129] Три письма Ариадны Кнуту, относящиеся к этому периоду (от 23 октября 1943 г., 9 января и 13 мая 1944 г.), опубликованы: *Хазан В.* Довид Кнут, Александр Гингер и другие // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 года) / Сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. С. 333–336.

[130] *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 249.

1

26/7/<19>37
Понедельник

Генуя

6 ч<асов> утра

Милая Арочка,

Начну с деловой коммерческой части, ибо – вечером должен приехать Гельперн[131], и тогда допишу некоммерческую часть.

У меня к тебе важные просьбы:

1) Отвечай всегда на все поставленные мной вопросы (дабы не повторял я их в след<ующем> письме)

2) Точно выполняй мои указания и подтверждай их: так, напр<имер>, сказано ли Варшавскому, *чтоб он не говорил Кернесу*, что работает со мной? Если Kernès про это уже знает, ни в коем случае не говорить, где наши дойные коровы пасутся. Есть причины. Со

[131] Иеремия (Иермиягу) Гальперин (Гальперн, Гельперн), или, как все его называли, Ирма, родился в Смоленске в семье Михаэля и Сары Гальпериных в 1901 г. В 12-ти летнем возрасте приехал с матерью в Палестину (отец, с юности проникнутый сионистско-социалистическими идеями, уже находился здесь). Учился в первой еврейской гимназии в Тель-Авиве, получившей название Герцлия. В 1919–1920 гг. занимался организацией отрядов еврейской самообороны в Иерусалиме, тогда же познакомился с одним из сионистских лидеров В. Жаботинским, жившим в то время в Святом городе. В середине 1920-х гг. стал членом Бейтара (Брит [Союз] Йосеф Трумпельдор) – военно-молодежной сионистской организации, созданной в 1923 г. в Риге и получившей имя героя еврейского народа Йосефа (Иосифа) Трумпельдора. Почти сразу выдвинулся на одно из лидирующих мест в этой организации, возглавив тель-авивскую бейтаровскую дружину. С 1931 по 1935 гг. являлся слушателем парижских Высших военно-научных курсов, созданных по инициативе видного теоретика-баталиста и военного историка генерала Н.Н. Головина. Именно тогда произошло его знакомство с Кнутом, см. фотографию, относящуюся к этому периоду, где они запечатлены вместе с парижской возлюбленной Ирмы (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2 <фотовкладка, с. 469>). Живя в Париже, Гальперин хорошо был известен в русской эмигрантской среде: именно его имел в виду В. Яновский, когда писал о Скрябиной, принявшей «еврейство, причем с таким “черносотенным” оттенком, что бывавший на Монпарнасе капитан единственного израильского учебного судна с отвращением зажимал уши, когда Ариадна начинала проповедовать и убеждать “иноверцев”» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельникова; коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Астрель, 2012. С. 358). Именно тогда, в Париже, оформилась идея организации еврейской Морской школы Бейтара, местом базирования которой стал итальянский город Чивитавеккья, а Гальперин стал ее руководителем. Морская школа владела собственным судном, получившим название «Сара Алеф» (или «Сара I», «Sara Primo») в честь Сары Яковлевны Киршнер, жены промышленника Ефима Марковича Киршнера, пожертвовавшего деньги на его приобретение; именно на нем Кнут совершил путешествие в Палестину. Более подробно об этом см.: *Хазан В.* Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле обетованной. М.: Дом еврейской книги, 2007.

своей стороны, я в точности выполняю наше с Кернесом соглашение (о чем подтвердил ему открыткой)[132]

3) Скажи П[133], чтоб он заменил объявление (в витрине) на rue Poncelet: наклеил извещение, что «le dollar vaut 50 jetons<»>[134] (висит: 25 jetons)

4) Посылать мне подробные relevé des comptes[135]. Может быть, потребуются указания (видишь, что я правильно распорядился насчет обмена аппаратами и rue Boutebrie. Ты – умница, что выполнила директивы начальства. Пользуюсь случаем, целую за это).

На том и остановлюсь, чтоб пойти пить какао и вернуться к письму вечером, а то и завтра утром, после приезда капитана.

5 часов вечер

Солнышко, Гельперн приедет через три дня (теоретически можно тогда немедленно сняться с якоря). К большой своей радости получил сегодня твое второе письмо.

Знаешь ли ты, что в Vivrots можно поехать поездом (до St. Sulpice près Bernouil), оттуда «taxi» отвезет тебя за 10 фр<анков> к Mady[136]. «Запреты» снимаю. Надеюсь, что ничем не рискую (т.е. что не уронишь нашего достоинства в нетрезвом состоянии).

Спроси Тамару[137], каталась ли она на «парусе» (парусной лодке) в Средиземном море. Это – почище переживаний на деревянных горках выставки. Можешь не беспокоиться: я трусливо захватил с собою спасательный пояс.

Купи, солнышко, приемлемую бумагу, дабы не писать на бумажках иного назначения. Я же, со своей стороны, обещаю сделать то же.

---

[132] Речь идет о попытках Кнута учредить собственный печатный орган и найти под него финансирование; в конце концов ему это удалось: в 1939 г. он стал редактором еврейского еженедельника на французском языке «Affirmation». Борис Игнатьевич Варшавский (1885–1960) – журналист; представитель газеты «Последние новости» в Софии; с 1924 г. жил в Париже, где служил в торговом доме Мерцль и Ко и занимался журналистской деятельностью. По всей видимости, Кнут привлек его в качестве потенциального соучредителя печатного органа (или временного компаньона). Однако, возможно, речь идет о прозаике, публицисте, литературном критике Владимире Сергеевиче Варшавском (1906–1978), см. финал кнутовского письма Ариадне от 31 августа – 1 сентября 1937 г. , где речь идет именно о нем.

[133] Неустановленное лицо.

[134] Доллар сто́ит 50 жетонов (*фр*.). Речь идет об одном из финансовых предприятий Кнута, в котором участвовала и Скрябина.

[135] выписки по счетам (*фр*.).

[136] По-видимому, имеется в виду художник-карикатурист Михаил Александрович Дризо (1887–1953), подписывавший свои работы Mad. О связях Кнута с Mad'ом ничего не известно; возможно, они контактировали по поводу намечающегося печатного издания, см. примеч. 132.

[137] Близкая приятельница Кнута и Ариадны. Возможно, с ней как-то связан отложившийся в НАК черновой набросок аллитерационного и даже отчасти палиндромного толка: «Мара – Тамара – Марат – Тарарам / В раме мараю портрет по утрам».

Посмотри в annuaire [138] адрес B. Kaufman, cinéaste[139], rue Geoffroy-St.-Hilaire, и спроси от моего имени: хочет и может ли он сделать documentaire или небольшой фильм (сценарий состряпаем вместе, у меня имеется идея) из жизни «Sara Primo» и путешествия в Палестину – и дальше (минимум – Палестина)[140]. Объясни, что «Sara Primo» – судно еврейской морской школы, что это – живописный парусник с мотором.

В случае положительного ответа – *сколько для этого нужно денег*. Школа очень бедна! (С Кауфманом можешь говорить по-русски.)

Заодно – пошли мне его адрес – т<о> есть номер дома. Мой телеграфный адрес (сообщи ему):

Carmina
Knout
Genova
Italie

Лодка едет в город. Кончаю письмо. Привет всем. Целую.
Д<овид>

2

Море. Воскресенье. 22 августа

8 час<ов> вечера

Милая женушка,

сегодня всего пятый день плавания, мне не верится, что еще несколько дней назад я с тобой беседовал, гулял, мог обнять… Причем это не литературная метафора: я, действительно, не могу усвоить этого. Кажется, долгие месяцы отдаляют меня от моего итальянского счастья[141].

Вздумал писать тебе время от времени, хоть это и будет отвлекать меня от других занятий. А я и так разленился до неприличия. De la correspondance en conserve![142]

---

[138] справочнике, адресной книге (*фр*.).

[139] Имеется в виду известный кинооператор Борис Абрамович (Абелевич) Кауфман (1906–1980), брат советских кинематографистов Д. Вертова и М. Кауфмана, приехавший во Францию в 1927 г. и работавший с целым рядом крупных французских кинорежиссеров, включая Ж. Виго, Кристиан-Жака, М. Аллегре и др. В годы Второй мировой войны перебрался за океан (США, Канада, снова США), работал вместе с кинорежиссером Э. Казаном: наибольший успех выпал на долю их фильма «В порту» («On the Waterfront», 1954), удостоенного Оскара и Золотого глобуса. Кнут, судя по дневнику (см.: *Хазан В*. «Некая бухгалтерия жизни»…), поддерживал с ним приятельские отношения.

[140] Такой фильм снят не был.

[141] Ариадна сопровождала Кнута из Парижа до Генуи, откуда отплывала «Сара Алеф» и где они расстались.

[142] Из законсервированной корреспонденции! (*фр*.)

До сих пор – не плавание, а курорт, как говорит капитан. Или, выражаясь, словами судового журнала: calme de mer et de vent[143].

Ребятцы, полуголые, иные с ножами за поясом – очень похожи на пиратов.

Старик брюзжит, расстроил себе желудок, но – в общем, кроток – еще выбросят в море, пойди потом доказывай, что ты не верблюд[144].

А ты, верно, намучилась без курева. С другой стороны, как бы я обрадовался, если б ты ограничила себя пятью папиросами в день!

Один матросик сказал мне: видно, что Ваша супруга малокровная. В этом, увы, сходятся все: начиная с Бьянки и кончая Маршаком[145], а ты всё куришь.

Униженно прошу, окажи милость: кури пять штук в день, не больше, окажи уважение!

Прочел у Мориака:

«Le comble de l'éducation pour un homme extraordinaire est d'avoir l'air le plus ordinaire possible»[146]. Ты поймешь, зачем я это тебе пишу (продолжение одного из последних генуэзских разговоров). Знаю и твой ответ!

Мы прошли Корсику, Сардинию, подошли к Сицилии (пред Сциллой и Харибдой!)

Прошли мимо маленького вулканического острова – Stromboli. Зрелище воистину потрясающее: у подножья дымящегося вулкана – прелестная (в бинокль) деревушка, где люди живут, работают, поют?!?

Час утра (значит, уже 23 число).

Только что проснулся, вышел на палубу и узнал, что у Мессины к нам, может быть, подойдут рыбаки (с близкого берега) и возьмут корреспонденцию.

Солнышко мое, всё идет прекрасно, «Сарочка» скользит, как на рельсах; и как я смеюсь – до сих пор не понадобились волшебные пилюли! Надеюсь, ты не изводишь себя недостойным беспокойством (Бьянки рассказывал, что отлучался на 2 года – и на 28 месяцев!!).

Умоляю, будь умницей, развлекайся, жди письма, как нормальный человек.

Понеси, пожалуйста, немедленно! прилагаемую заметку в «<Последние> Новости<»>. Газету много читают в Палестине – заметка может оказать услугу[147].

---

[143] спокойствие моря и ветра (*фр.*).

[144] Под «стариком» подразумевается итальянец Бьянки, профессиональный мореход, которого Еврейская морская школа наняла на службу в качестве капитана «Сары Алеф».

[145] Речь идет о ком-то из широко известной в русском эмигрантском Париже медицинской династии Маршаков.

[146] Вершина образованности для незаурядного человека – выглядеть до предела заурядно (*фр.*). Локализовать цитируемый Кнутом текст Ф. Мориака не удалось.

[147] Этой не появившейся в «Последних новостях» заметкой был сохранившийся в НАК очерк «Безумие Израиля».

Следующее мое письмо отправлю, *по-видимому*, через 10–12 дней, т.е. уже в сентябре.

Прижимаю тебя к сердцу.

Д<овид>

Гельперн усиленно кланяется. Знаешь, кто тут самый интересный мой собеседник – Димон[148].

Привет Люсе[149], Еве[150], Тамаре[151].

<на полях 1-й страницы> Knout Sara-Primo boite postale 918
Haïfa
Palestine

Крайне важно: мы сначала прибываем в Хайфу, где пробудем дней 15. Это – первый мой адрес[152]. Второй ты знаешь (на всяк<ий> случай сообщи и Еве). Целую, целую,

Д<овид>

<на полях 2-й страницы> *29 или 30* <августа>. Как видишь, не удалось передать письмо мессинским рыбакам – мы проходили в неудобное время.

Приближаемся к Кипру. Ничего не добавляю к письму, чтоб не отяжелить его, хочу отправить воздушной почтой. Передай заметку в газету Александру Абрамовичу Полякову (à partir de 2¼ h<eure> пополудни)[153]. Скажешь, что она отправлена из Мессины. После Кипра – 30 часов до Хайфы. Жду писем, корректур и, скажем, 500 фр<анков>. (А может, дать их жене палестинского кузена Евы, что теперь в Париже, а он мне даст их в Палестине?![154]) С капитаном

[148] Неустановленное лицо.

[149] Одна из родственниц Кнута, ее имя многократно встречается в его дневнике.

[150] Ева (Хава) Яковлевна Киршнер (1913–2006), психолог; ближайшая приятельница Кнута и Ариадны. В 1940 г. репатриировалась из Парижа в Палестину. Ей принадлежит заслуга сохранения кнутовского архива.

[151] См. примеч. 137.

[152] О хайфском адресе Кнута см. примеч. 71.

[153] Об А.А. Полякове см. примеч. 31.

[154] Речь идет об И.Н. Шапиро, который в это время был одним из главных специалистов по электроэнергетике в Палестине. В письме к Е. Киршнер от 15 ноября 1937 г. Кнут пишет о нем как человеке замечательном, краеугольным, одном из «тайных и скромных героев Палестины» и – за аристократические манеры и душевное благородство – называет «халуцом в белом воротничке, или халуцом в смокинге» (*Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 172; халуц [*ивр.*] – первопроходец, пионер). Сохранился экземпляр кнутовских «Избранных стихов» с дарственной надписью: «Дорогому Иосифу Шапиро – в знак дружбы и исключительного уважения. Д. Кнут. Тель-Авив, ноябрь 49 г. » (Tel Aviv Public Library).

Бьянки решил комбинации не делать *ни в коем случае*. Нежно тебя целую = свет моей жизни, sois sage[155]!

Твой Д<овид>

3

31 августа 1937
Между Кипром и Хайфой

Милая Арочка,

Ты ничего не видела – ты не была со мной на Кипре! Ты не была со мной в Лимассоле и не ужинала в турецкой харчевне – то есть прямо на улице, где твой стул задевают проходящие мимо мулы и ослики с кладью. А турецкий арак <–> великое изобретение и тоже презрения твоего не заслуживает.

Не знаю, получила ли ты уже письмо, отправленное с острова Кипр. Между прочим: с «correspondanse en conserve» ничего не вышло! Терзаюсь тем, что из скупости не подписал телеграмму: ты способна переволноваться из-за пустяка.

Путешествие – великая вещь, Арочка, и я понимаю презрение путешественников к оседлому населению. Не надо только путешествовать по-куковски[156]. Как и во всем остальном, и тут требуется – талант и удача. В крайнем случае, одна – из двух этих вещей. (Существуют, например, люди, способные приехать в Геную и не пойти в гости к Ван-Дейку!!!)[157]

1 сент<ября>
1 час утра (т.е. ночь)

С минуты на минуту должны открыть маяк с горы Кармел[158]. Над нами палестинское небо, т.е. полное «неслыханного» количества ярких звезд.

5 ч<асов> утра
Не спал всю ночь – не спалось

[155] будь умницей (*фр*.).

[156] Джеймс Кук (1728–1779) – английский военный моряк, путешественник-исследователь и картограф.

[157] Рассказывая в «Альбоме путешественника» о времени, проведенном с Ариадной в Генуе, Кнут пишет: «Не забыты: Мурильо в тесной лавке старьевщика, собор, церковь Вознесения, дворцы знати, разбогатевших генуэзских пиратов, стеснительный тяжеловесный комфорт кладбища, неотступные – на всю жизнь запомнившиеся – глаза ван-дейковского “Христа, несущего крест”». По всей видимости, фраза о людях, способных «приехать в Геную и не пойти в гости к Ван-Дейку», связана с ее нежеланием посещать музеи и картинные галереи.

[158] Кармел (Кармель) – горная гряда на северо-западе Палестины (Израиля), на которой расположен город Хайфа.

Только что открыли маяк (мы подходили под таким углом, что он не был виден). Ясны береговые очертания Галилеи.

5½ утра

Из-за Галилейских гор поднимается солнце.

На корабле лихорадка утренней уборки. Бросаю перо, чтоб помыться, побриться, отдохнуть. Последующие палестинские впечатления пойдут в дневник путешествия. Обнимаю Арочку. Путешествовали безболезненно, одну только ночь швыряло людей и предметы!

4 часа дня (пополудни: 16 ч<асов>)

Часов в 10 бросили якорь перед Хайфой. На набережной огромная толпа. Но их заставили разойтись (английская полиция). Всё это – происки левых, ссорящиеся <sic> с ревизионистами[159]. (Кстати, основа Новой Сионистской Организации Жаботинского: борьба за еврейское государство по *обеим сторонам* Иордана и *насаждение* духа Торы [приблизит<ельный> перевод их формулы].)

После разгона публики часть ее, добившись специальных полицейских пропусков, подошла к «Сарре» на шлюпках и моторных лодках с пением еврейского гимна.

Торжественная минута. После – суматоха, толкотня, кинооператор (местн<ые> актюалите[160]) заставили постоять перед аппаратами.

Вот и торчим шесть часов на «Сарре», но скоро, кажется, сойдем в город. Призываю себя к порядку, чтоб не поддаваться сантиментальничанью и – трезво во всё вникнуть en évitant la facilité et l'attendrissement[161]: все-таки здесь жили те люди, далеким потомком которых я являюсь, случайно продолжив бесконечную многотысячелетнюю цепь.

Супруга Гельперна[162] (она сейчас на борту) сообщила, что для меня имеется несколько писем в Tel-Aviv. К сожалению, она забыла их в Tel-Aviv, а мы – пока – в Хайфе.

Если не удастся заполучить их сегодня-завтра, отправлю тебе сие письмецо до прочтения твоего (твоих?!)

---

[159] В середине 1920-х гг. сионистское движение раскололось на два лагеря – на левых (рабочее, социалистическое направление) и – во главе с В. Жаботинским – правых (ревизионистов, программа которых предполагала установление еврейского большинства в Палестине и в конечном счете создание еврейского государства по обе стороны Иордана). Кнут, не будучи формально членом ревизионистской партии, духовно принадлежал именно этому движению: был близок к В. Жаботинскому, печатался в ревизионистском издании на русском языке – парижском еженедельнике «Рассвет». Сама Морская школа в Чивитавеккья и парусник «Сара Алеф», на котором он отправился в Палестину, были ревизионистской собственностью и ревизионистскими предприятиями.

[160] От actualité (*фр.*) – новости, хроника, текущие события.

[161] избегая верхоглядства и умиления (*фр.*).

[162] Рахель Гальперин (Гальперн, Гельперн [урожд. Беркович]; 1902–1988), жена Ирмы.

Прижимаю к сердцу. Помню Люсю, Еву, детенышей, Тамару, Варш<авского>[163], Червинскую[164].

Д<овид>

4

Тель-Авив. 16/11/<19>37

Женушка,

на следующий – после последнего к тебе письма – день, ответив Еве на письмо, просил ее сообщить тебе, что я решил не ехать в Иерусалим до введения военных судов[165]. Кроме этого, останусь в Иерусалиме не более двух дней. Таким образом, беспокоиться тебе оснований нет. Впрочем, Ева получит письмо накануне получения тобой настоящего извещения и, пожалуй, не успеет тебя предупредить.

Я совершенно уверен, что у Миркина сегодня найдется для меня письмо от тебя (а то – где же справедливость, уже неск<олько> дней, как я его жду). Сейчас пойду к нему и продолжу письмо.

Был у Миркина – никаких писем. Грустно и беспокойно. Забываешь мужа. А муж помнит – всегда, в любую минуту, наполненную до отказа палестинского дня.

Был сегодня в тель-авивском «Гайд-Парке». Представь себе чахлый пыльный садик, где целый день толкутся оборванные грязные евреи. В центре каждой кучки – пламенный жестикулирующий оратор. Нередко их – два, а то и несколько, перебивают друг друга. Это – еврейское дно, но пьяны они не от вина, а от нищеты и разговоров. Нескончаемые беседы и споры – политика, священные книги, – нередко большой субтильности и высокой философии. В большинстве случаев – русские местечковые евреи; идиш этих ораторов весь пересыпан русскими словечками, а то – и целыми фразами.

Я туда попал случайно, au hasard d'une promenade[166], очутившись, в виде исключения, один (вечно окружают люди!). Оказывается, они там собираются ежедневно, тель-авивские мудрецы. Типы, типы, типы. Представь себе мое удивление, когда старый грязный оборванец закричал на идиш:

Да пусть весь мир идет к черту за мой компот! А вы говорите: стрелять, рисковать жизнью. Я не знаю вещи в мире, которая стоила

[163] См. примеч. 132.

[164] Лидия Давидовна Червинская (1907–1988) – поэтесса, литературный критик.

[165] В письме, датированном предыдущим днем, 15 ноября, Кнут писал Е. Киршнер: «Евочка, сообщите Ариадне, что я отложил поездку в Иерусалим до 18-го <ноября>, когда вступят в силу военные законы (смерть – за ношение оружия) и безопасность. Спасибо заранее» (*Шапиро Г.* Десять писем Довида Кнута // Cahiers du monde russe et sovetique. 1986. Vol XXVII. № 2. Avril–juin. P. 199; *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 2. С. 173).

[166] во время случайной прогулки (*фр.*).

бы моей драгоценной жизни. Я слишком молод, <–> орал старик, – я еще вовсе не жил.

И вдруг – потомок библейских пророков:

Все вы, слушающие сейчас меня, и те, кого вы оставили дома, грязные, лживые, подлые псы, а я ниже самого низкого из вас… Кто такой еврейский народ? Вор – на воре, сволочь.

Я отозвал его в сторону после бесконечной его речи и спросил, не согласится ли он оказать мне честь – взять 5 пиастров (явно – умирает с голоду, он выразился – по ходу речи – «да, я был богат, а сейчас славлюсь тем, что живу, ничем не питаясь»). Он взял, прибавив: Вы напрасно не дали их мне при всем народе. Я не стыжусь брать у людей деньги. Я стыжусь вещей, которые другие обыкновенно не стыдятся, а взять у человека деньги на хлеб – мне не стыдно…»

Другой ораторствовал об еврейском избранничестве, развивая тему в сторону покорности Богу, приятия изгнания, вечного страдания, мученичества…

Преинтересно. Жаль, что у меня нет времени их послушать. Справедливость требует отметить, что стоять в их толпе страшновато: грязные и вонючие.

Вот тебе – кусочек впечатлений. С трудом урвал на это время. Концерт был очень хорош (вернее, оркестр – а вещи были, в общем, мимоидущие: Ritmica, Ostinato – Vogel, concert in D-minor с солистом скрипачом (Вассерман, хорошо) Bruch'а и фантастич<еская> симфония Berlioz'а. Публика – жадная (дорогие места, в стране – кризис, а было – полно!) и жалкая в вестиментарном отношении (фраки, смокинги и кухаркин стиль – разнобой!)

Будь здорова и благоразумна. Напиши честно – о делах. Отвечай всегда на вопросы. Ставь запятую перед «что». («Датам» ты научилась.)

Твой Д<овид>

И.Г. Миркин – приятель Кнута, тель-авивским адресом которого он пользовался для получения почты во время своего палестинского путешествия. И.Г. Миркин служил в Ипотечном банке в Тель-Авиве, упомянутом в «Альбоме путешественника»:

<Палестина –> Страна высокой культуры. Стандарт жизни высок – комфортабельной гигиене позавидует Европа. В Ипотечном банке в Тель-Авиве служащие сушат руки горячим воздухом, летом дышат охлажденным воздухом. Я заглянул в кооперативный ресторан для служащих – уютные стеклянные столики, изящная обстановка, на каждом столике цветы. Банк этот не специальная достопримечательность, и я посетил его по собственному почину[167].

[167] *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 1. С. 245.

Позднее Миркин переселился в Иерусалим, где продолжал заниматься банковской деятельностью. Вместе с тем живо интересовался проблемами искусства, о чем, например, свидетельствует его письмо Е.Д. Шору, в архиве которого сохранилось письмо И. Миркина к нему и ответ на него (1521/19). Для расширения сведений о круге кнутовских палестинских знакомств имеет смысл привести их полностью.

<1>[168]

11.II.<19>44

Многоуважаемый Шор,

Я говорил с Вами некоторое время тому назад о моем желании прочесть доклад на русском яз<ыке> на тему «Антиеврейские мотивы в христиан<ском> религиозном искусстве» (живопись, скульптура etc.). Может быть, Вы могли бы помочь мне в этом отношении? Был бы очень благодарен. Я здесь в Т<ель> А<виве> до конца будущей недели. Живу в Ерусалиме, но приехал сюда побыть с моим сыном, приехавшим в отпуск. Буду благодарен за ответ, либо письменный, либо по телефону, лучше всего с утра до 10 ч<асов> утра.

С уважением

J. Миркин

<на полях> Привет Надежде Рафаиловне[169].

<2>[170]

Многоуважаемый г. Миркин

сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 11 2 <19>44. Я несколько раз пытался дозвониться Вам в Тальпиот, но ни разу не удалось мне застать Вас дома. Вскоре после этого мы оба, моя жена и я, заболели сильным гриппом и только теперь начинаем оправляться от него. Просил я также и свою сестру позвонить Вам по телефону в гостиницу, но и ей тоже не удалось побеседовать с Вами.

С большим удовольствием я исполню Ваше желание и помогу в устройстве доклада. Будьте добры, сообщите мне, когда Вы снова будете в Тель-Авиве и где и когда можно будет застать Вас по телефону, чтобы сговориться о свидании.

Шлю Вам самые лучшие приветы.

С искренним уважением

<Е. Шор>

[168] Написано на почтовой бумаге Hotel Talpioth (Tel Aviv, 52, Achad Haam St., P.O.B. 601; Phone 3183).

[169] Жена Шора.

[170] 2-й машинописный экземпляр.

Рассказ о «еврейских мудрецах», собирающихся в «тель-авивском Гайд-парке», Кнут включил в «Альбом путешественника»:

> С Тель-Авивом у меня связано замечательное воспоминание. Я как-то забрел в единственный, пыльный и чахлый, общественный садик.
>
> Оказалось, что это – род тель-авивского «Гайд-Парка», где целый день толкутся оборванные, грязные люди.
>
> В центре каждой кучки – пламенный жестикулирующий оратор, а то и два или – даже – несколько, то и дело перебивающих друг друга.
>
> Эти люди кажется пьяными, но пьяны они не от вина, а от нищеты и разговоров.
>
> Нескончаемые беседы и споры – политика, священные тексты – нередко большой субтильности.
>
> В большинстве своем – местечковые русские евреи. Идиш ораторов пересыпан русскими словечками, а то и целыми фразами.
>
> Собираются тель-авивские мудрецы ежедневно.
>
> Велико было мое удивление, когда старый оборванец закричал на идиш, невольно перефразируя Достоевского:
>
> – Да пусть весь мир идет к черту за мой компот! Вы говорите, иди стрелять, рисковать жизнью. Я не знаю такой вещи в мире, которая бы стоила моей драгоценной жизни. Слишком я себе дорог, чтоб рисковать собой. Я слишком молод, – злобно орал старик, – я еще вовсе не жил![171]
>
> И вдруг – прямой потомок библейских пророков:
>
> – Все вы, и слушающие сейчас меня, и те, кого вы оставили дома, – грязные, подлые псы, а я – ниже самого низкого из вас. Что такое еврейский народ? Вор на воре, сволочь. Хорошим вещам учил вас Моисей. Обмануть египтян перед исходом из Египта. Одолжите, пожалуйста, подсвечник на два, мол, дня, а там – пиши пропало! Хорошо это? А?[172]
>
> Кто-то ему вкрадчиво возразил:
>
> – А что? Им много платили за их каторжные работы? Так это они забрали в счет жалованья!
>
> Все расхохотались.

[171] Аллюзия на следующий фрагмент из «Записок из подполья» Достоевского: «Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866. Л.: Наука, 1973. С. 174).

[172] Имеется в виду следующее место в Ветхом Завете, где Господь, обращаясь к Моисею, говорит: «И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками. Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд, и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян» (Исх. 3: 21–22).

В другой кучке худенький старичок ораторствовал о еврейском избранничестве, развивая тему в смысле необходимости покориться Богу, приятия изгнания, вечного странствования, мученичества…

– Если мы избраны, как вы говорите, то почему мы так страдаем? – спросил голос сзади.

– Потому и страдаем, что избраны, – грустно ответил старичок.

В тот день я уезжал из Тель-Авива и больше к тель-авивским мудрецам не возвращался[173].

Литература

Адамович Г. Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // Русская мысль. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11.

Адамович Г. Письма Роману Гринбергу / Публ. Вадима и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 141–151.

Басалаев И. Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е.М. Царенковой; примеч. И. Колосова и Н. Крайневой // Минувшее: Исторический альманах. 23. СПб.: Athenaeum-Феникс, 1998. С. 561–593.

Бем А.Л. Письма о литературе / Сост. и авторы предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ůstav, Eurislavica, 1996.

Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996.

Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., предисл. и коммент. Е.В. Бронниковой. М.: Мол. гвардия, 2002.

Валюженич А.В. Рядом с Маяковским // Нива (Астана). 1999. № 1.

Вильданова Р., Кудрявцев В., Лаппо-Данилевский К. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 276–386.

Гейзер М. Сплетение миров: Заметки о жизни и творчестве Довида Кнута // Лехаим (Москва). 2003. № 4. С. 40–43. URL: https://lechaim.ru/ARHIV/132/imena.htm.

Гингер А.С. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013.

Голлербах С. Нью-Йоркский блокнот: Книга воспоминаний. Нью-Йорк: The New Review Publishing, 2013.

Гомолицкий Л. Сочинения русского периода: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Флейшмана. М: Водолей, 2011.

Гринберг Р. Вечер поэзии Набокова глазами современника / Вступ., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190.

Заграница (Воспоминания Г.В. Алексеева и очерк Б.А. Пильняка) / Публ. Е.И. Горской // Встречи с прошлым. 7. М.: Сов. Россия, 1990. С. 157–195.

«Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Athenaeum, 2000. С. 345–397.

[173] *Кнут Д.* Собрание сочинений… Т. 1. С. 235–236.

Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2001. С. 477–556.

Дымерская-Цигельман Л. Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 135–152.

«Если чудо вообще возможно за границей…»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008.

Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили.

Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Предисл., сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л. Жовтиса. Алма-Ата: Вариант, 1993.

Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: В 2 т. / Подгот. текста Н.Н. Кнорринг, Н.М. Черновой; коммент., аннот. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2013.

Кнут Д. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Хазана; вступ. ст. Д. Сегала. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998.

Левинг Ю. Набоков, который рядом (Письма к С.И. Розову: 1945–1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. С. 142–160.

Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой; предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 330–338.

Марина Цветаева – Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925 / Вступ. ст., подгот. текста, сост. Н.А. Громовой; коммент. Н.А. Громовой, Г.П. Мельник, В.И. Холкина. М.: Эллис Лак, 2010.

«Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014.

«Мы служим не партиям, не государству, а человеку»: Из истории журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. 2009. № 29. URL. http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml.

Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ, 1999–2007.

Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–182.

Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Прегель С. Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017.

Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 140–180.

Роман Гринберг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212.

Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина [et. al]. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой, 2008–2010.

Седых А. Памяти Р.Н. Гринберга // Новое русское слово. 1969. № 21746, 27 дек. С. 3.

Сосинский В. Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) / Публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 167–207.

Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. СПб.: Феникс, 2003. С. 402–557

Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005.

«…Там у нас самый жадный и благодарный читатель…»: Переписка редакторов журналов «Грани» и «Мосты» с редактором альманаха «Воздушные пути» / Предисл., публ. и примеч. Г. Глушанок // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: Институт российской истории РАН, 2009.

Толстой И. Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

Федоров Ф.П. Довид Кнут. М.: МИК, 2005.

Хазан В. Довид Кнут, Александр Гингер и другие // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 года) / Сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. С. 333–336.

Хазан В. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle; Université Jean-Moulin, 2000.

Хазан В. «Некая бухгалтерия жизни»: Дневник Довида Кнута 1934–1937 // Новый журнал. 2014. № 274.

Хазан В. Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле обетованной. М.: Дом еврейской книги, 2007.

Хазан В. «Семь лет»: история издания (Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом) // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.

Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002.

Шапиро Г. Десять писем Довида Кнута // Cahiers du monde russe et sovetique. 1986. Vol XXVII. № 2. Avril–juin.

Янгиров Р. К истории «встречи двух эмиграций». Документ из архива Р.Н. Гринберга // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 1/2. С. 121–131.

Янгиров Р. «Пример тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2005. С. 596–618.

Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991.

Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельникова; коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Астрель, 2012.

Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2002. С. 227–563.

An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007.

Khodasevich V, Margolina-Khodasevich O. Unpublished Letters to Nina Berberova / Ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979 (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 3).

References

Adamovich G. Pamiati ushedshikh. R.N. Grinberg [In Memory of the Departed. R.N. Grinberg]. In: *Russkaia mysl'* [Russian Thought], 1970, № 2774, 22 ianv, p. 11. (In Russ.)

Adamovich G. Pis'ma Romanu Grinbergu [Letters to Roman Grinberg], publ. Vadima i Very Kreid. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2000, № 218, pp. 141–151. (In Russ.)

An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007.

Basalaev I. Zapisi besed s Akhmatovoi (1961–1963) [Records of Conversations with Akhmatova], publ. E.M. Tsarenkovoi; primech. I. Kolosova i N. Krainevoi. In: *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical almanac]. 23. Saint Petersburg: Athenaeum-Feniks Publ., 1998, pp. 561–593. (In Russ.)

Bem A.L. *Pis'ma o literature* [Letters on Literature], sost. i avtory predisl. M. Bubenikova, L. Vakhalovska, otv. red. L. Beloshevskaia. Praha: Slovanský ůstav, Eurislavica, 1996. (In Russ.)

Berberova N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia* [The Italics are Mine: Autobiography], vstup. st. E.V. Vitkovskogo, komment. V.P. Kochetova, G.I. Moseshvili. Moscow, Soglasie Publ., 1996. (In Russ.)

Berdiaeva L.Iu. *Professiia: zhena filosofa* [Profession: Philosopher's Wife], sost., predisl. i komment. E.V. Bronnikovoi. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 2002. (In Russ.)

«Drebezzhanie moikh rzhavykh strun...»: Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967) ["The Rattling of My Rusty Strings…": From Vladimir and Vera Nabokov's Correspondence with Roman Grinberg (1940–1967)], publ., predisl. i komment. R. Iangirova. In: *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In Memoriam: A historical collection in memory of A.I. Dobkin]. Saint Petersburg, Parizh, Feniks-Athenaeum Publ., 2000, pp. 345–397. (In Russ.)

Druz'ia, babochki i monstry: Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh s Romanom Grinbergom (1943–1967) [Friends, Butterflies and Monsters: From Vladimir and Vera Nabokov's Correspondence with Roman Grinberg (1943–1967)], vstup. st., publ. i komment. R. Iangirova. In: *Diaspora: Novye materialy. I* [Diaspora: New materials. I]. Parizh, Saint Petersburg, Athenaeum, Feniks Publ., 2001, pp. 477–556. (In Russ.)

Dymerskaia-Tsigel'man L. Al'manakh «Vozdushnye puti» i ego izdatel'-redaktor Roman Grinberg [The Almanac "Airways" and its Publisher-editor Roman Grinberg]. In: *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Stat'i, publikatsii, memuary i esse. T. 5* [Jews in Russian Émigré Culture: Articles, publications, memoirs and essays. Vol. 5], sost. i izd. M. Parkhomovskii. Ierusalim, 1996, pp. 135–152. (In Russ.)

«Esli chudo voobshche vozmozhno za granitsei…»: Epokha 1950-kh gg. v perepiske russkikh literatorov-emigrantov ["If a Miracle Is Possible Abroad After All…": The era of 1950s in the correspondence of Russian émigré men of letters], sost., predisl. i primech. O.A. Korosteleva. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'e», Russkii put' Publ., 2008. (In Russ.)

Fedorov F.P. *Dovid Knut* [Dovid Knout]. Moscow, MIK Publ, 2005. (In Russ.)

Geizer M. Spletenie mirov: Zametki o zhizni i tvorchestve Dovida Knuta [The Interweaving of the Wolds: Notes on Dovid Knout's Life and Works]. In: *Lekhaim* (Moscow), 2003, № 4, pp. 40–43. URL: https://lechaim.ru/ARHIV/132/imena.htm. (In Russ.)

Ginger A.S. Stikhotvoritel'noe oderzhan'e: Stikhi, proza, stat'i, pis'ma: V 2 t. [Poetic Possession: Poems, prose, articles, letters. In 2 vol.], sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. Khazana. Moscow, Vodolei Publ., 2013. (In Russ.)

Gollerbakh S. *N'iu-Iorkskii bloknot: Kniga vospominanii* [The New York Notebook: A book of memoirs]. N'iu-Iork: The New Review Publishing, 2013. (In Russ.)

Gomolitskii L. *Sochineniia russkogo perioda: V 3 t.* [Works of the Russian Period. In 3 vol.], pod obshch. red. L. Fleishmana. Moscow, Vodolei Publ., 2011. (In Russ.)

Grinberg R. Vecher poezii Nabokova glazami sovremennika [Nabokov's Poetry Evening Through Contemporary's Eyes], vstup., publ. i komment. Iu. Levinga. In: *Oktiabr'* [October]. 2007. № 7, pp. 185–190. (In Russ.)

Iangfel'dt B. *Liubov' eto serdtse vsego: V.V. Maiakovskii i L.Iu. Brik: Perepiska 1915–1930* [Love Is the Heart of Everything: V.V. Mayakovsky and L.Yu. Brik: Correspondence 1915–1930]. M.: Kniga Publ., 1991. (In Russ.)

Iangirov R. K istorii «vstrechi dvukh emigratsii». Dokument iz arkhiva R.N. Grinberga [To the History of the "meeting of two émigrés": A docunment from R.N. Grinberg's papers]. In: *Canadian-American Slavic Studies*, 2003, vol. 37, № 1/2, pp. 121–131. (In Russ.)

Iangirov R. «Primer tavtologii»: Zametki o voine Vladimira Nabokova s Georgiem Ivanovym ["An Example of Tautology": Notes on Vladimir Nabokov's War With Georgy Ivanov]. In: *Diaspora: Novye materialy. VII* [Diaspora: New materials. VII]. Parizh, Saint Petersburg, Athenaeum–Feniks Publ., 2005, pp. 596–618. (In Russ.)

Ianovskii V.S. *Polia Eliseiskie: Kniga pamiati* [Champs-Élysées: A book of memory], predisl. N.G. Mel'nikova, komment. O.A. Korosteleva, N.G. Mel'nikova. Moscow, Astrel' Publ., 2012. (In Russ.)

Iantsen V. Pis'ma russkikh myslitelei v bazel'skom arkhive Fritsa Liba [Letters of Russian philosophers in Fritz Lieb's Basel collection]. In: *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2001–2002 gody* [Studies on the history of Russian thought: Annual for 2001–2002], pod red. M.A. Kolerova. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2002, pp. 227–563. (In Russ.)

Ivanov G.V. *Sobranie sochinenii: V 3 t*. [Collected Works in 3 vol.]. Moscow, Soglasie Publ, 1994. *T. 2: Proza* [Vol. 2: Prose], sost., podgot. teksta E.V. Vitkovskogo, V.P. Kreida, komment. V.P. Kreida, G.I. Moseshvili. (In Russ.)

Khazan V. Dovid Knut, Aleksandr Ginger i drugie [Dovid Knout, Alexander Ginger and others]. In: *Russkoe zarubezh'e i Vtoraia mirovaia voina: IV Kul'turologicheskie chteniia «Russkaia emigratsiia XX veka» (Moskva, 28–29 marta 2011 goda)* [Russian Émigré and Second World War: The 4th culturological readings "Russian Émigré of the XX th Century" (Moscow, March 28–29, 2011)], sost. I.Iu. Beliakova. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2013, pp. 333–336. (In Russ.)

Khazan V. *Dovid Knut: Sud'ba i tvorchestvo* [Dovid Knout: Life and Works]. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle; Université Jean-Moulin, 2000. (In Russ.)

Khazan V. «Nekaia bukhgalteriia zhizni»: Dnevnik Dovida Knuta 1934–1937 ["A Sort of Life Accounting": Dovid Knout's Diary 1934–1937]. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2014, № 274. (In Russ.)

Khazan V. *Odisseia kapitana Boevskogo: Russkii moriak v Zemle obetovannoi* [Captain Boevsky's Odyssey: A Russian Sailor in the Promised Land]. Moscow, Dom evreiskoi knigi Publ., 2007. (In Russ.)

Khazan V. «Sem' let»: istoriia izdaniia (Perepiska V.S. Varshavskogo s R.N. Grinbergom) ["Seven Years": Publishing History (V.S. Varshavsky's Correspondence with R.N. Grinberg]. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2010, № 258, pp. 177–224. (In Russ.)

Khodasevich V. *Kamer-fur'erskii zhurnal* [The Chamber-Fourier Journal], vstup. st., podgot. teksta, ukaz. O.R. Demidovoi. Moscow, Ellis Lak Publ, 2002. (In Russ.)

Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O. *Unpublished Letters to Nina Berberova*, ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 3). (In Russ.)

Knorring I. *Posle vsego: Stikhi 1920–1942 gg.* [After All: Poems 1920–1942], Predisl., sost., podgot. teksta k pechati i primech. A.L. Zhovtisa. Alma-Ata, Variant Publ., 1993. (In Russ.)

Knorring I.N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: V 2 t.* [A Story From My Own Life. In 2 vol.], podgot. teksta N.N. Knorring, N.M. Chernovoi, komment., annot. ukaz. imen I.M. Nevzorovoi. Moscow, Agraf Publ., 2013. (In Russ.)

Knout E. *La Ronde des mouches*. Paris, J. Vigneau, 1947.

Knut D. *Sobranie sochinenii: V 2 t*. [Collected Works in 2 vol.], sost. i komment. V. Khazana, vstup. st. D. Segala. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998. (In Russ.)

Leving Iu. *Nabokov, kotoryi riadom (Pis'ma k S.I. Rozovu: 1945–1976)* [The Nabokov Nearby (Letters to S.I. Rozov. 1945–1976)]. In: *Ierusalimskii zhurnal* [The Jerusalem Review], 1999, № 2, pp. 142–160. (In Russ.)

Mandel'shtamovskie materialy v arkhive M. Talova [Mandelstam Materials in M. Talov's Papers], publ. M. Talovoi pri uchastii A. Chulkovoi, predisl. i komment. L. Vidgofa. In: *Voprosy literatury* [Literary Issues], 2007, № 6, pp. 330–338. (In Russ.)

Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov: Khronika 1921 goda v dokumentakh. Dnevniki Ol'gi Bessarabovoi. 1916–1925 [Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov: 1921 chronicle according to documents. Olga Bessarabova's diaries. 1916–1925], Vstup. st., podgot. teksta, sost. N.A. Gromovoi, komment. N.A. Gromovoi, G.P. Mel'nik, V.I. Kholkina. Moscow, Ellis Lak Publ., 2010. (In Russ.)

«My sluzhim ne partiiam, ne gosudarstvu, a cheloveku»: Iz istorii zhurnala «Opyty» i al'manakha «Vozdushnye puti» ["Our Service Is not for Parties, not for a State, but for a Person": Excerpts on the history of "Experiments" and "Airways"], publ., vstup. st. i primech. V. Khazana. In: *Toronto Slavic Quarterly*, 2009, № 29. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml. (In Russ.)

«My vstretimsia v solnechnom luche»: Pis'ma Konstantina Bal'monta k Dagmar Shakhovskoi: 1920–1926 ["We'll Meet in the Sunbeam": Letters from Konstantin Balmont to Dagmar Shakhovskaya: 1920–1926], vstup. st. R. Berda i F. Cherkasovoi; predisl. S. Sheilz, publ., sost., podgot. teksta, primech. R. Berda, F. Cherkasovoi. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. (In Russ.)

Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh'e: Nekrologi 1917–1997: V 6 t. [Unforgotten Graves: Russians abroad: Obituaries 1917–1997. In 6 vol.], sost. V.N. Chuvakov. Moscow, RGB Publ., 1999–2007. (In Russ.)

Perepiska G.V. Adamovicha s R.N. Grinbergom: 1953–1967 [G.V. Adamovich's Correspondence with R.N. Grinberg], publ., podgot. teksta i komment. O.A. Korosteleva. In: *Literaturovedcheskii zhurnal* [The Literary Review], 2003, № 17, pp. 97–182. (In Russ.)

Pis'ma zapreshchennykh liudei: Literatura i zhizn' emigratsii: 1950–1980-e gody: Po materialam arkhiva I.V. Chinnova [Letters of Forbidden People: Émigré's literature and life: 1950s–1980s: Following I.V. Chinnov's papers], sost. O.F. Kuznetsova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Pregel' S. *Razgovor s pamiat'iu: Poeziia, proza, ocherki i stat'i: V 2 t.* [A Talk with Memory: Poetry, prose, essays and articles], sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. Khazana. Moscow, Vodolei Publ., 2017. (In Russ.)

Proekt «Akmeizm» ["Acmeism" as a Project], vstup. st., podgot. teksta i komment. N.A. Bogomolova. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Review], 2002, № 58, pp. 140–180. (In Russ.)

Roman Grinberg i Roman Iakobson: Materialy k istorii vzaimootnoshenii [Roman Grinberg and Roman Jakobson: Materials on the history of their relationship], vstup. st., publ. i primech. R. Iangirova. In: *Roman Iakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts,

documents, studies], otv. red. Kh. Baran, S.M. Gindin. Moscow, RGGU Publ., 1999, pp. 201–212. (In Russ.)

Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii 1919–2000: Biograficheskii slovar': V 3 t. [Russian Émigré in France 1919–2000: Biographical dictionary. In 3 vol.], pod obshch. red. L. Mnukhina [et. al]. (In Russ.)Moscow, Nauka Publ., Dom-muzei M. Tsvetaevoi Publ., 2008–2010. (In Russ.)

Sedykh A. *Pamiati R.N. Grinberga* [In memory of R.N. Grinberg]. In: *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word], 1969, № 21746, 27 dek., p. 3. (In Russ.)

Shapiro G. Desiat' pisem Dovida Knuta [Ten Letters of Dovid Knout]. In: *Cahiers du monde russe et sovetique*, 1986, vol XXVII, № 2, avril–juin. (In Russ.)

Sosinskii V. Konurka (Ob Aleksee Remizove, Aleksandre Alekhine, brat'iakh Modil'iani i drugikh) [The Dog-hutch (On Aleksey Remizov, Alexander Alekhine, Modigliani brothers and others)], publ. S. Sosinskogo-Semikhata. In: *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 1991. № 6. S. 167–207. (In Russ.)

Sto pisem Georgiia Adamovicha k Iuriiu Ivasku (1935–1961) [Georgy Adamovich's 100 Letters to Yuri Ivask], predisl., publ. i komment. N.A. Bogomolova. In: *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Saint Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 402–557. (In Russ.)

Talov M. *Vospominaniia. Stikhi. Perevody* [Memoirs. Poems. Translations], Sost. i komment. M.A. Talovoi, T.M. Talovoi, A.D. Chulkovoi. Moscow, MIK Publ.; Parizh, Al'batros Publ., 2005. (In Russ.)

«…Tam u nas samyi zhadnyi i blagodarnyi chitatel'…»: Perepiska redaktorov zhurnalov «Grani» i «Mosty» s redaktorom al'manakha «Vozdushnye puti» ["...There we have the most greedy and grateful reader ...": Correspondence between the editors of "Facets" and "Bridges" with the editor of "Airways"], predisl., publ. i primech. G. Glushanok. In: *Periodicheskaia pechat' rossiiskoi emigratsii. 1920–2000* [Russian Émigré Periodical Press. 1920–2000], pod red. Iu.A. Poliakova i O.V. Budnitskogo. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN Publ., 2009. (In Russ.)

Tolstoi I. *Kursiv epokhi: Literaturnye zametki* [The Italics of the Era: Literary notes]. Saint Petersburg: Pushkinskii fond Publ., 1993. (In Russ.)

Valiuzhenich A.V. Riadom s Maiakovskim [At Mayakovsky's Side]. In: *Niva* [Field], Astana, 1999, № 1. (In Russ.)

Vil'danova R., Kudriavtsev V., Lappo-Danilevskii K. Kratkii biograficheskii slovar' russkogo zarubezh'ia [A Shorter Biographical Dictionary of Russian Émigré]. In: Struve G. *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Parizh: YMCA-Press; Moscow, Russkii put' Publ., 1996, pp. 276–386. (In Russ.)

Zagranitsa (Vospominaniia G.V. Alekseeva i ocherk B.A. Pil'niaka) [Foreign Land (G.V. Alekseyev's Memoirs and an essay by B. Pilnyak)], publ. E.I. Gorskoi. In: *Vstrechi s proshlym. 7* [Encounters with the Past. 7]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1990, pp. 157–195. (In Russ.)

Dovid Knout: New materials

Vladimir Khazan

Abstract: The literary and epistolary heritage of the famous émigré poet Dovid Knout (David Mironovich Fixman, 1900–1955) has already become the subject of publications and research studies more than once. However, a relatively recent discovery in Israel, where Knout lived the last years of his life, where he died and is

buried, a significant and still unknown part of his archive (unpublished poems, prose, articles, diary, letters, etc.) gives a new actuality to the study of his life and works. It may be said that partly unknown (or little-known) Knout opens up to specialists and a broad reader. For this publication several letters from the newly-discovered archive – written by Knout himself (to the first and second wives: Sara-Sophia Grabois and Ariadna Skriabin) and to him by different persons (G. Adamovich, D. Glikberg, R. Grinberg and others) – are selected.

Keywords: Dovid Knout, Georgy Adamovich, Roman Grinberg, Russian émigré, correspondence.

Information about the author: Vladimir Khazan, Ph. D. Professor, The Hebrew University of Jerusalem, Israel. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com.

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-167-172
УДК 821.161.1

Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева
(«Смотри Белев словарь, статью Акиба»)

А.А. Костин

Аннотация: В заметке предлагается контекст, объясняющий появление в радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву» антиталмудического фрагмента из «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля, – указывающий на бытование анекдотического рассуждения об испражнении, связывавшегося с именем Бен-Акибы, в школярской среде. Этот контекст позволяет увидеть мотивировку во включении соответствующей цитаты в тетрадке семинариста из главы «Подберезье».

Ключевые слова: А.Н. Радищев, П. Бейль, литературные персонажи

Информация об авторе: Андрей Александрович Костин, к. ф. н.; зав. Отделом библиографии и источниковедения ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; доцент НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. a.al.kostin@gmail.com

«Скандальность» сочинений Радищева; наличие в них эпизодов, нарушающих общепринятые представления о нравственности все еще остается вопросом малоисследованным[1]. При всем разнообразии подходов к его решению представляется важным, что одной из тем, наиболее тесно связанных у Радищева с введением в текст «скандальных» фрагментов, оказывается тема юности – возраста, анализу которого во многом было посвящено радищевское «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789), демонстрирующее неоднозначность юношеского возраста; смешение в поступках юноши возвышенных чувств, наивности и грубости и невозможность их твердой оценки[2].

[1] См. наиболее значимое исследование, посвященное этой проблеме: *Бодэн Р.* Семиотика скандала в жизни и творчестве А. Радищева // Семиотика скандала. Париж; М., 2008. С. 153–175. Ср. также: *Кантор В.* Откуда и куда ехал путешественник («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева) // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 83–138.

[2] *Костин А.А.* «Житие Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева как повесть о юности // Вестник молодых ученых. СПб., 2005. № 4 [Филологические науки. 2005, № 2]. С. 53–60.

Это совмещение обсценного с высоким в образе студента проявилось и в известном фрагменте с переведенным из «Исторического и критического словаря» П. Бейля описанием испражнения в «Путешествии из Петербурга в Москву». Это непристойное описание помещено в конце тетрадки новгородского семинариста из главы «Подберезье», посвященной таким высоким материям, как круговращение идей и циклическая смена темных и просвещенных эпох:[3] «Вещал Акиба: вошед по стезе Равви Иозуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1е: не на восток и не на запад, но на север и юг обращатися довлеет. Познал 2е: не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться. Познал 3е: не десницею, но шуицею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстудил еси чело свое на учителя, да извергающаго присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное, и их познаю». Источник этого перевода указан Радищевым в отдельном следующем за ним абзаце: «Смотри Белев словарь, статью Акиба»[4]. Появление этого отрывка в тетради семинариста, по-видимому, может быть рассмотрено как образец тщательной работы Радищева над созданием своих персонажей.

Соответствующий пассаж из статьи «Акиба» в словаре Бейля (приведенный в нем по-латыни петитом в примечаниях) пользовался в середине XVIII века определенной фольклорной известностью, в том числе и в школярской среде. В 1743 г. переработанный текст фрагмента был включен тремя недавними школярами – П.-Ж. Гроле (1718–1785), А. Лефевром (Le Fèvre; 1717–1768) и Ж.-Б. Давидом в сочинение, принесшее первому из них литературную известность[5] – «Диссертацию об одном старом обычае» (Dissertation sur un ancient usage; под «обычаем» имелся в виду процесс испражнения), помещенную ими в шуточных «Записках Академии наук, надписей, изящной словесности и изящных искусств Труа»[6]. Источником фрагмента

[3] См.: *Костин А.А*. Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» // А.Н. Радищев: русское и европейское просвещение. СПб., 2003. С. 19–35.

[4] *Радищев А.Н*. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 31.

[5] Обсценная слава Гроле была достаточно известна Радищеву, рассуждавшему о ней в одном из писем А.Р. Воронцову из Сибири (см.: *Костин А*. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева в восприятии первых читателей // A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment. Groningen, 2015. P. 29–35).

[6] Впервые: Liege [=Troyes], 1744; текст сверен по: Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions, belles lettres, beaux arts, &c., nouvellement établie à Troyes en Champagne // Nouveautés critiques, litteraires et poetiques. Liege, 1745. P. 73–74. На момент написания «диссертации» самому старшему из ее авторов (Лефевру) было 25 лет; Гроле, отсылая ее рукописную копию неизвестному высокопоставленному лицу, намеренно представил сочинение как юношеское, указав, что\ самому старшему ее автору 22 года (*Babeau A*. Grosley étudiant // Mémoires de la Société d'agriculture, sciences, arts et belles-lettres

об Акибе в сочинении трех молодых людей послужили, по-видимому, «Еврейские письма» Ж.-Б. д'Аржанса, о чем говорит совпадение сокращений относительно текста «Философского словаря»[7].

Несмотря на то, что ни д'Аржанс, ни члены Академии Труа не делают отсылки к словарю Бейля (хотя в точности воспроизводят сделанную им отсылку на его источник: «Barajetha, in Massech. Berachot, folio 62. apud Lent, pag. 10»), впоследствии фрагмент об Акибе прочно связывался именно со «Словарем». Об этом можно судить по направленному против «Словаря» сатирическому роману М.-Ж. Марена (1697–1767) «Барон Ван-Хесден» (1762). Роман начинается беседой в почтовой карете нескольких случайно встретившихся в ней персонажей, один из которых – молодой барон Ван-Хесден – попадает в карету приверженцем Бейля; спутники обсуждают (и главным образом осуждают) его сочинения, и в первую очередь – «Словарь». Говоря о том, как вредно «Словарь» действует на юношество, один из персонажей – Отшельник – рассказывает: «Всего несколько дней назад, войдя в библиотеку, чтобы сверить у одного автора отрывок, в котором я не был уверен, я нашел там трех молодых господ в самом возбужденном состоянии духа, показавшихся мне подлинными петиметрами. Они читали большую книгу и громко смеялись. Несколько опешив, я понял по форме тома, что это словарь Бейля. Я подумал, что так развеселиться их заставил какой-нибудь вольный отрывок в этой книге: встретить их в ней можно множество. Один из них поднял голову, посмотрел на меня и спросил, знаю ли я, что был такой раввин Акиба […] Я уверился по этому вопросу, что они читают статью у Бейля, в конце которой помещено непристойное примечание. Да, ответил я, я знаю этого раввина – он доктор нужника (docteur de chaise percée[8]). Они замолкли и уставились на меня, поскольку поняли, что по одному имени Акибы я угадал, что за место они читают»[9]. Описываемый Мареном эпизод, по-видимому, вполне мог иметь место в действительности. Слух о том, что в обширном многотомном

---

du département de l'Aube. 1887. T. 24. 3e série. P. 121–122; *Socard E.* Quelques mots sur un ouvrage intitulé: Mémoires de l'Académie de Troyes // Mémoires de la Société d'agriculture, sciences, arts et belles-lettres du département de l'Aube. 1854. T. 5. 2e série. P. 251–252, 267; *Pigeotte L.* Fragment inédit de Grosley et un mot encore sur les "Mémoires de l'Académie de Troyes". Troyes, 1874. P. 3–11).

[7] *d'Argens J.-B.* Lettres juives, ou correspondance philosophique, historique & critique... Lausanne; Geneve, 1738. T. 5. P. 103.

[8] Здесь процитирован Бейль: «Вот удивительный доктор, который даже на нужнике, не говоря ни слова, изъясняет таинства закона» (*Bayle P.* Dictionaire historique et critique. Rotterdam, 1702. T. 1. P. 131).

[9] *Marin M.-A.* Le baron Van-Hesden ou La republique des incrédules. Toulouse, 1762. T. 1. P. 74–75.

ученом труде можно найти место вопиюще непристойное[10], по-видимому, распространялся среди ученой молодежи (чтобы прочитать его, нужно было знать латынь) и распространялся едва ли не в той форме, в какой на него сослался Радищев: «смотри Белев словарь, статью Акиба»[11].

В поисках героя, перу которого он мог бы приписать критику мистических разысканий[12], Радищев удачно нашел образ семинариста, стремящегося к новым, преодолевающим схоластическую латинскую школу знаниям. Только такому горою можно было доверить завершить эту критику скатологической цитатой, заимствованной, очевидно, из собственного университетского опыта автора.

[10] Бейль вводит цитату об испражнении следующим замечанием: «О прочих их смехотворных суевериях я могу говорить лишь на латыни». В двух рукописных списках «Путешествия из Петербурга в Москву» конца 1790–1800-х гг. (ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 1751; РГБ. Ф. 233. Карт. 160. Ед. хр. 1) фрагмент об Акибе помечен отчеркиванием на поле – по-видимому, как задевающий своей непристойностью. Страницу, содержащую соответствующий отрывок у Радищева, Екатерина II охарактеризовала: «такова, что об ней упомянуть ничево» (*Бабкин Д.С.* Процесс А.Н. Радищева. М.; Л., 1959. С. 158). По поводу этого отклика его первый комментатор П.И. Бартенев замечает: «Страница эта действительно неудобочитаема. Она содержит в себе выписку из статьи “Акиба”, помещенной известным Бейлем в его Словаре» (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 410). Фрагмент об Акибе традиционно входил в число купюр при выборочных и хрестоматийных изданиях «Путешествия из Петербурга в Москву» до начала 1960-х гг. (см.: *Костин А.А.* А.Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. СПб.; М., 2008. С. 10–25).

[11] Можно не сомневаться, что Радищев переводил фрагмент об Акибе именно по изданию «Словаря» Бейля. Во всяком случае, он приводит фрагмент полностью, в отличие, например, от д’Аржанса и членов Академии Труа.

[12] Попытка В.А. Западова представить радищевский фрагмент об Акибе направленным исключительно против масонов, но не против иудаизма и Талмуда («Используя цитату из Бейля, Радищев насмехается не над Акибой, а над масонами»: *Кулакова Л.И., Западов В.А.* А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974. С. 110; «Используя цитату из Бейля, Радищев имеет в виду сложную масонскую обрядность»: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 653), представляется малооправданной и должна рассматриваться в контексте сложной системы введения еврейской темы в советскую научную печать второй половины XX века. Некритичное введение Радищевым талмудического анекдота (см. в комментариях Я.Л. Барскова: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. М.; Л., 1935. С. 383–384; *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 482), могло использоваться как инструмент в полемике с мартинистами в первую очередь потому, что Радищев был уверен в бесспорности «смехотворных заблуждений» иудаизма.

Литература

Бабкин Д.С. Процесс А.Н. Радищева. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. 362 с.

Бодэн Р. Семиотика скандала в жизни и творчестве А. Радищева // Семиотика скандала. М.; Париж: Европа, 2008. С. 153–175.

Кантор В. Откуда и куда ехал путешественник («Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева) // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 83–138.

Костин А.А. Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» // А.Н. Радищев: русское и европейское просвещение. СПб.: Научный центр РАН, 2003. С. 19–35.

Костин А.А. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева как повесть о юности // Вестник молодых ученых. СПб., 2005. № 4 [Филологические науки. 2005, № 2]. С. 53–60.

Костин А.А. А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. СПб.; М., 2008. С. 10–25

Костин А. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева в восприятии первых читателей // A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment. Groningen, 2015. P. 29-35

Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л.: Просвещение, 1974. 256 с.

Bayle P. Dictionaire historique et critique. Rotterdam, 1702. T. 1. 1096 + 32 p.

Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions, belles lettres, beaux arts, &c., nouvellement établie à Troyes en Champagne // Nouveautés critiques, litteraires et poetiques. Liege, 1745. 148 p.

References

Babkin D.S. *Protsess A.N. Radishcheva*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1959. 362 p. (In Russ)

Bayle P. Dictionaire historique et critique. Rotterdam, 1702. T. 1. 1096 + 32 p.

Boden R. «Semiotika skandala v zhizni i tvorchestve A. Radishcheva.» *Semiotika skandala*. Moscow; Parizh: Evropa publ., 2008. P. 153–175. (In Russ)

Kantor V. «Otkuda i kuda ekhal puteshestvennik ("Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu" A.N. Radishcheva).» *Voprosy literatury*. 2006. № 4. P. 83–138. (In Russ)

Kostin A.A. «Kompozitsiia i problematika glavy "Podberezie" "Puteshestviia iz Peterburga v Moskvu"». *A.N. Radishchev: russkoe i evropeiskoe prosveshchenie*. St.-Petersburg: Nauchnyi tsentr RAN publ., 2003. P. 19–35. (In Russ)

Kostin A. A. «"Zhitie Fedora Vasil'evicha Ushakova" A.N. Radishcheva kak povest' o iunosti.» *Vestnik molodykh uchenykh*. St.-Petersburg, 2005. № 4 (Filologicheskie nauki. 2005, № 2). P. 53–60. (In Russ)

Kostin A.A. «A. N. Radishchev v sovetskoi shkole». *Uchebnyi tekst v sovetskoi shkole*. St.-Petersburg; Moscow, 2008. P. 10–25. (In Russ)

Kostin A. «"Zhitie Fedora Vasil'evicha Ushakova" A. N. Radishcheva v vospriiatii pervykh chitatelei». *A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment.* Groningen, 2015. P. 29-35. (In Russ)

Kulakova L.I., Zapadov V.A. *A.N. Radishchev.* «*Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*». *Kommentarii*. Leningrad: Prosveshchenie, 1974. 256 p. (In Russ)

«Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions, belles lettres, beaux arts, &c., nouvellement établie à Troyes en Champagne». *Nouveautés critiques, litteraires et poetiques*. Liege, 1745. 148 p.

A Commentary to A.N. Radishchev's "Journey from St. Petersburg to Moscow" ("See Bayle's dictionary, entry Akiba")

Andrey A. Kostin

Abstract: The paper offers a context that explains the appearance of an anti-talmudical fragment from Pierre Bayle's "An Historical and Critical Dictionary" in Alexander Radishchev's "Journey from St. Petersburg to Moscow" that refers to the excremental anecdote circulating among students and connected with the name of Ben Akiba. The context reveals the reason for including the citation in the seminary student's notebook (chapter "Podberezie").

Keywords: Alexander Radishchev, Pierre Bayle, literary characters

Information about the author: Andrey A. Kostin, PhD, Head of the Bibliography and Sources Dept., Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the National Research Institute Higher School of Economics, Saint-Petersburg, e-mail: a.al.kostin@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-173-219
УДК 821.161.1

Комментарии к комментариям Дневник и воспоминания А.А. Олениной

Л.В. Тимофеев

Аннотация: В статье содержится масса новых сведений об окружении А.А. Олениной и ее отца А.Н. Оленина, которые смогли организовать вокруг себя и своего дома особую художественную атмосферу, запечатленную в ряде литературных и живописных произведений. В течение 50-ти лет дом Олениных был одним из центров культурной жизни России, поэтому связи хозяев дома помогают раскрыть биографии многих деятелей русской культуры. Статья исправляет ошибки, допущенные публикаторами дневника А.А. Олениной.

Ключевые слова: А.А. Оленина, А.Н. Оленин, Приютино, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов.

Информация об авторе: Тимофеев Лев Валентинович, историк, создатель и первый директор Литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино» (1969–1977), независимый исследователь. E-mail: lev_t36@mail.ru.

Впервые дневник А.А. Олениной, современницы А.С. Пушкина, был опубликован в 1936 г. в Париже ее внучкой О.Н. Оом, сопроводившей издание обстоятельным предисловием и примечаниями. И хотя они иногда несут ошибочную информацию об упомянутых лицах, а в отдельных случаях и неточную идентификацию, эти недостатки нисколько не уменьшают значимость всей проделанной работы О.Н. Оом, желавшей только одного – укрепить в сознании своих внуков и внучек «любовь к России и ее великому прошлому»[1]. И тираж «Дневника» явно предназначался не на продажу – 200 нумерованных экземпляров.

В 1994 г. детище Ольги Николаевны было переиздано в Москве Фондом отечественного книгоиздания имени И.Д. Сытина. В следующем году В.М. Файбисович и Л.Г. Агамалян опубликовали резкую критику на это переиздание, приложив и фрагменты дневника, извлеченные из рукописи (в 1966 г. при содействии И.С. Зильберштейна дневник возвратился на родину). В этой публикации досталось и

[1] Дневник А.А. Олениной / Предисл. и ред. О.Н. Оом. Париж, 1936. С. III. Далее при ссылке на это издание в тексте в скобках дается имя издателя и номер страницы.

председателю Фонда имени И.Д. Сытина В.И. Десятерику (вполне заслуженно), и первому издателю – О.Н. Оом, правда, вперемешку с похвалой, которая по мере продвижения комментаторов по тексту уступила место лишь негативному отношению[2]. Грустно, потому что Ольга Николаевна – не филолог, не историк и не издательский служащий.

Причины нового издания дневника и значение подготовительной работы раскрыты его научным редактором В.М. Файбисовичем: «Ознакомившись с “Журналом” Анны Алексеевны в подлиннике, И.С. Зильберштейн констатировал, что в парижской публикации “текст дневника приведен не полностью, притом со многими неточностями, перестановками, изменениями. Поэтому дневник Аннет Олениной нуждается в новом издании, научно подготовленном”. К сожалению, это указание не было услышано <…> Приступая к работе над настоящим изданием, мы надеемся восполнить научный пробел, на который указал некогда И.С. Зильберштейн»[3].

Новое и полное издание – «с листа», то есть с сохранением даже грубейших грамматических и орфографических ошибок – не произвело переворота в научном понимании тех или иных описываемых Анной Олениной событий и нисколько не усилило общественно-культурное и литературное значение этого документа, носящего сугубо личный характер. О.Н. Оом предупреждала читателей: «Мы печатаем дневник “Annette” почти целиком, сохранив его русский и французский тексты и выпустив лишь то, что не имеет бытового или исторического значения» (О.Н. Оом, с. V).

Это признание не удержало новых издателей от выпадов в ее адрес, которые начинаются уже с первых страниц вступительной статьи: «Ольга Николаевна не только своевольно сокращала текст, но даже внесла в него собственное (и весьма существенное) дополнение, основанное, быть может, на семейных преданиях, но ничем не подтвержденное и никак не оговоренное в парижском издании» (с. 7). Речь идет об отредактированной О.Н. Оом записи Анны об отъезде из Приютина гостя – казачьего хорунжего А.П. Чечурина, видевшего в Читинском остроге декабристов: «Наконец стало поздно. Маменька снова попросила его, чтобы он оставил ей сочинения и письма Рылеева. Он долго на это не соглашался, но наконец отдал их мне» (О. Н. Оом, с. 32). В публикации Л.Г. Агамалян

[2] Дневник Annette // Новый журнал. 1995. № 3. С. 69–104.

[3] *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания / Науч. ред. и автор предисл. В.М. Файбисович; подгот. рус. текста Н.А. Казаковой; подгот. фр. текста, пер. М.В. Арсентьевой; коммент. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича. СПб.: Академический проект, 1999. С. 6, 8. Далее при ссылке на это издание в тексте в скобках будет указана только страница.

и В.М. Файбисовича: «Наконец стало поздно, и Маминька стала просить его, чтоб он оставил ей сочинение Рылеева. Он на то не скоро согласился, но наконец отдал мне его» (с. 7–8). «Сочинение» Рылеева, превратившееся в «сочинения и письма», – причина столь эмоционального взрыва комментаторов.

К сожалению, «полное и научно обоснованное издание» не обошлось без ошибок при комментировании отдельных событий, идентификации некоторых упомянутых в дневнике лиц и в биографических справках.

Предисловие к изданию

Мы узнаём, что праздники 2 мая по случаю дня рождения Елизаветы Марковны Олениной, матери Анны, «традиционно» отмечались в Приютине (с. 13). Подобными свидетельствами мы не располагаем. Не обнаружено ни одного случая столь раннего переезда Олениных из Петербурга на дачу, а потому нет оснований утверждать, что в Приютино Оленины «выезжали ранней весной», а 2 мая 1820 г. именно там была сыграна в честь именинницы пьеса. Это не что иное, как вымысел автора предисловия.

Не стоило в этой связи спекулировать именем Пушкина, отмечая, что в этой пьесе он, «очевидно, не участвовал», потому что «в эти дни решалась его судьба» (с. 14), заведомо зная, что пьеса была сыграна Варварой Олениной, Александрой Бергин и Плещеевым. Их имена комментатор прочел на первом листе самодельной тетради с текстом пьесы[4]. В этой связи спорна высказанная без тени сомнения и каких-либо объяснений датировка стихотворного послания К.Н. Батюшкова к А.И. Тургеневу «Есть дача за Невой…», определенная серединой мая 1813 г. (с. 168). Оба могли вместе побывать в Приютине летом и 1813, и 1814 г., когда Тургенев находился в Петербурге[5].

Излагая биографию Анны, В.М. Файбисович сообщает, что 16 марта 1840 г. девушка обвенчалась «с полковником Л.-гв. Гусарского полка» Федором Александровичем Андро (с. 38). В примечаниях иная дата – 16 февраля (с. 196) и снова 16 марта (с. 299).

Сохранилась переписка, в которую были вовлечены многие высокопоставленные чины, чтобы получить разрешение на этот брак. Началась она 21 ноября 1839 г. с обращения А.Н. Оленина к министру Двора (и своему родственнику) князю П.М. Волконскому с просьбой

[4] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 26. Л. 1.

[5] *Тимофеев Л.В.* «Послание к А.И. Т<ургеневу>» К.Н. Батюшкова // Русская литература. 1981. № 1. С. 136–138.

содействовать в получении разрешения императрицы дозволить ее фрейлине, то есть Анне, вступить в брак с полковником Л.-гв. Гусарского полка Федором Андро. 25 ноября разрешение было получено. Федор Андро получил дозволение на брак от командира Гвардейского корпуса.

Казалось, уже ничто не могло задержать торжества венчания, но неожиданно препятствием стало отсутствие у жениха российского подданства (к тому же римско-католического вероисповедания). Жених предпринимает активные действия со своей стороны. А.Н. Оленин 14 февраля 1840 г. обратился к обер-прокурору Святейшего синода Н.А. Протасову: «Сиятельный граф! Будьте милостивы к невесте, жениху и престарелому отцу семейства, разрешите это дело, ради Бога, буде можно, сего дня или завтра поутру, ибо остается один только день до того дня, как бракосочетания дозволяются в православной греко-российской церкви. Вручая участь двух моих детей в благосклонное внимание ваше! Имею честь быть с истинным почтением и преданностью вашего сиятельства покорнейший слуга Алексей Оленин»[6].

Венчание состоялось через день, что засвидетельствовал П.Д. Дурново, за которого некогда хотели сосватать Анну (с. 106–107): «16 февраля. Собрание в Департаменте. Вечером свадьба м-ль Аннет Олениной с полковником Андро. Греческая церемония состоялась в часовне министерства Юстиции, а католическая в Мальтийской церкви. Великий князь Михаил был посаженным отцом у Андро <…> 23 февраля. Свадебный обед у Олениных»[7].

В.М. Файбисович присвоил мужу Анны графский титул (с. 39, 41), ссылаясь на французского короля Людовика XVIII, который в 1822 г. «подтвердил право А.Ф. Ланжерона и его внебрачного сына на графский титул во Франции» (с. 50–51); называет мужа Анны в числе тех, кто мог ввести в дом Олениных своего однополчанина Лермонтова (с. 330). Отсылка на первоисточник, как и во многих других комментариях, отсутствует.

В департаменте Герольдии хранятся документы, позволяющие более широко и точно узнать о Федоре Андро и его потомстве. О рождении: «В лето Господне 1804, марта 20 дня, преподобным отцом Иоанном Зелинским, Лифляндским каноником, окрещен и на-

[6] РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Ед. хр. 27399. Л. 5–5об.

[7] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. Ед. хр. 273 (1.01.1840–1.09.1841). Л. 11, 12об. (фр.). Мальтийская церковь – церковь Рождества св. Иоанна Предтечи на Каменноостровском пр. у Ушаковского моста. Присяга «на вечное подданство России и Государю императору» состоялась 2 марта в Царском Селе в римско-католической церкви (РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Ед. хр. 1019. Л. 131об.–132).

речен Федором младенец, родившийся 16-го числа сего месяца, по прозванию Ланжерон, незаконнорожденный сын генерал-инспектора Российской армии графа Александра Ланжерона и Ангелы Дзержановской».

О пожаловании французского дворянства свидетельствует другой документ, появившийся 2 февраля 1821 г. и врученный Федору Андро 2 апреля 1822 г.: «Божиею милостию мы, Лудовик король Французский и Наварский, всех, кому сие предъявляется и предъявлено будет, приветствуем. Желая явить доказательство благосклонности нашей к г. Федору Андро, проживающему в Одессе (в России), мы приказом нашим от 2-го февраля 1821 пожаловали его дворянским достоинством. Вследствие сего и в силу такового определения г. Андро, родившийся в Брест Литовском (в Русской Польше) 25 марта (по новому стилю. – *Л.Т.*) 1804, желая воспользоваться таковою дарованною нами ему милостию, обратился к нашему хранителю печатей, министру статс-секретарю по Департаменту юстиции с прошением для исходатайствования нашей грамоты, необходимой для беспрепятственного ему и его потомству пользования сказанным достоинством. По сему мы особенною нашею милостию и королевскою нашею властью возвели в дворянское достоинство и сего собственноручно нами подписанною грамотою возводим помянутого г. Федора Андро в дворянское достоинство <…> Дана в Париже во второй день апреля месяца в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот двадцать второе, царствования же нашего в двадцать седьмое. Лудовик».

В 1850 г. Анна Алексеевна обратилась к Николаю I с прошением о дозволении ее мужу пользоваться в России титулом и фамилией его отца, графа Андро де Ланжерона. Представленные министру юстиции бумаги о том, что Федор Андро – единственный представитель и наследник прав и звания своего отца, признаны были недостаточными. Она отправилась во Францию, нашла необходимые бумаги и 28 июня 1855 г. обратилась к Александру II, отмечая, что права ее мужа и имя и титул отца признаны во Франции «формальными актами», что по правам единственного наследника он владеет и графством Ланжерон[8].

По французским законам Федор Андро имел право носить, подобно законному сыну, титул и полную фамилию отца, а по русским законам, действиям которых обязан подчиниться как присягнувший на подданство России, не может. Поэтому ходатайство о дозволении пользоваться титулом и фамилией графа Александра Ланжерона,

[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Ед. хр. 1019. Л. 131об.–132, 33–33об., 3.

которому именным указом 29 мая 1799 г. пожаловано с потомством графское Российской империи достоинство, не может быть принято.

Учитывая, что усыновление зависит от высочайшего соизволения и что «собственной властью Сенат не мог бы принять к производству ходатайство, на которое просительница не имела от мужа законного уполномочия, Сенат полагает заключение свое повергнуть на воззрение Его Императорского Величества, для чего определение это передать министру юстиции» (февраль 1858). В октябре 1858 г. снова последовал отказ: «Государю императору не благоугодно было изъявить соизволение на означенные просьбы г-жи Андро»[9].

Сын Анны и Федора Андро, Федор Федорович Андро, получив чин полковника и право на потомственное дворянство, указом Правительственного Сената по департаменту Герольдии от 14 декабря 1895 г. за № 4200 был внесен во 2-ю часть родословной книги дворян Волынской губернии «по личным его заслугам в военной службе». После этого он просит департамент Герольдии причислить его к графскому роду Ланжеронов[10], однако и эта попытка оказалась неудачной.

Предположение о том, что Ф.А. Андро ввел в дом Олениных своего «однополчанина» М.Ю. Лермонтова, на наш взгляд, несостоятельно, хотя еще 10 сентября 1829 г. Федор Андро был переведен в Л.-гв. Гусарский полк и пожалован орденом Св. Анны 3-й степени с бантом «за храбрость и особенное усердие, оказанное при обмежевании и осаде крепости Силистрии и при разбитии армии Верховного визиря». Однако служба Андро проходила не в этом полку, а в прежней должности адъютанта главнокомандующего 2-й армией генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского. С 7 июня 1831 г. поручик Андро состоял адъютантом при главнокомандующем действующей армии в Польше генерал-фельдмаршале графе Паскевиче-Эриванском. 29 августа 1838 г. в чине полковника он был прикомандирован и 11 ноября прибыл в Образцовый кавалерийский полк (Петербург) «для совершенствования по фронтовой части». В Л.-гв. Гусарском полку Федор Андро оказался только 12 апреля 1840 г.[11] 3, 4 или 5 мая Лермонтов отправился из Петербурга на Кавказ.

Расплывчато звучит сообщение о том, что первенец Анны «умер в младенчестве» (с. 39). «Младенчество» Михаила, родившегося 19 марта 1841 г., оказалось весьма коротким. «Новорожденный у

[9] Там же. Ед. хр. 1018. Л. 35об., 201–202.
[10] Там же. Оп. 35. Ч. 1. Ед. хр. 446. Л. 18.
[11] Там же. Оп. 46. Ед. хр. 1019. Л. 112об.–126.

Анны через полторы сутки умер. Его добывали инструментом», – писал Алексей Николаевич 31 марта сыну Петру и невестке о кончине внука[12].

Сообщая о приобретении А.Н. Олениным 19 июля 1841 г. дома в Павловске, В.М. Файбисович почему-то дает отсылку на письмо от 6 апреля 1839 г., находящееся в Рязанском областном архиве в «фонде Олениных», не указывая номер дела (с. 51). В этом письме Алексей Николаевич сообщал сыну о том, что отправил в деревню 40 человек своих дворовых[13]. О покупке дома Алексей Николаевич извещал 20 июля 1841 г.: «Я забыл, любезный Петр, сообщить тебе весточку, которая тебя порадует, ибо это ты сам предполагал необходимым. Вчера я купил дом новый г-на полицмейстера города Павловского за 20 т<ысяч> руб. ассигнациями. Менее он никак его не уступал и божился полковнику Кашкулю, капитану Курдюмову и нашему Андро, что он ему стоит 19 т<ысяч> 300 <рублей>. Я этому верю, ибо прошлого года я целое лето смотрел, как его строили и с какой тщательностью в выборах материалов! Итак, я теперь павловский коренной обыватель. Послезавтра приступаем к совершению крепости. Ты несколько раз мимо этого дома ходил в нынешнем году и им любовался»[14].

По мнению В.М. Файбисовича, после смерти Федора Андро (7 июля 1885 г.) Анна Алексеевна «переехала из Варшавы в имение своего сына в местечке Деражни Ровенского уезда Волынской губернии, а оттуда в 1888 г. – в Срединные Деражни Новгород-Волынского уезда, где находилось имение ее младшей дочери А.Ф. Уваровой» (с. 41). Источник этой информации – П.М. Устимович, встречавшийся с Анной Алексеевной и издавший часть ее архива (с. 51). Комментатор пришел к заключению, что О.Н. Оом ошибалась, когда писала, что новым местом жительства ее бабушка выбрала именно имение младшей дочери (О.Н. Оом, с. XXXV).

Купчая на имение при местечке Деражня и деревнях Углищи и Круги, приобретенного Ф.Ф. Андро у германского подданного Вильгельма Элиса Рау, подтверждает правоту О.Н. Оом. Она скреплена подписями 15 февраля 1888 г., а во владение этим имением сын Анны был введен позже[15].

---

[12] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 90.

[13] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 40–41.

[14] Там же. Л. 51–51об. Дом полицмейстера Павловска подполковника Косякова стоял на углу Правленской ул. и Медвежьего пер. (ныне улицы Васенко и К. Либкнехта) и не так давно был разрушен.

[15] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ч. 1. Ед. хр. 446. Л. 17.

Неточны и весьма общи сведения о младшей дочери Анны Алексеевны: «Уварова Антонина Федоровна, рожденная Андро (1847–1920), в первом браке за Аполлоном Аполлоновичем Уваровым; по смерти его (не ранее 1890) за генералом Войде» (с. 51).

Антонина Федоровна (2.XI.1847, Варшава – XII.1917, Киев) воспитывалась в Смольном институте; фрейлина императрицы Марии Федоровны (1870–1880). Ее муж Аполлон Аполлонович Уваров родился 27 июня 1853 г. и приходился родным братом Вере Аполлоновне, которая вышла замуж за сына Петра Алексеевича Оленина, Николая, то есть племянника Анны. Генерал Войде, второй муж Антонины Федоровны, – известный военный историк, генерал от инфантерии Карл (Карл-Август-Фридрих) Маврикиевич Войде (9.VII.1833 – 1905). Именно от Антонины Федоровны несколько портретов Анны Алексеевны впервые попали на юбилейную Пушкинскую выставку, устроенную в Петербурге в 1899 г., причем уже после ее открытия. После революции она оказалась в Киеве, где и скончалась в декабре 1917 г. Несколько лет Академия наук пыталась заполучить оставшиеся после ее смерти портреты Анны Алексеевны, оказавшиеся в частных руках.

Дневник

Первая запись была сделана 20 июня 1828 г. С большими перерывами дневник велся и в 1829 г. (14 записей). Одна запись появилась в 1830-м, две в 1832-м и только помета – 2 февраля 1835 г.

28 июня 1828 г. «…обедала у верного друга Варвары Дмит<риевны> Пол<торацкой>... Там был Пушкин и Миша Полт<орацкий>» (с. 56). Комментаторы традиционно (после Т.Г. Цявловской) указывают на кишиневского знакомого Пушкина Михаила Александровича Полторацкого (с. 163), а не на Михаила Павловича, с братом которого Александром Пушкин также был хорошо знаком.

17 июля 1828 г. Запись о смерти и похоронах талантливого ученого и домочадца Олениных А.И. Ермолаева (с. 63). Комментарий в виде условного послужного списка сообщает, что Александр Иванович участвовал в двух археографических экспедициях по России: в 1802 г. с А.Н. Олениным, а в 1809–1810 г. с К.М. Бороздиным. «Рисунки, исполненные Ермолаевым в этих путешествиях, были изданы в 1849–1853 гг. в сочинении “Древности Российского государства”» (с. 166).

Ермолаев родился не 22, а 20 июня 1780 г. в Астрахани и крещен в церкви Святого Николая в Армянской слободе[16]. В канцелярии Государственного совета он состоял не с 1801 г., а с 5 мая 1805 г. В Императорской Публичной библиотеке был хранителем не только рукописей (с 15 апреля 1812 г.), но также медалей, монет и «разных любопытных как естественных, так и искусственных произведений»[17]. «Археографическая экспедиция 1802 года» – это поездка в качестве секретаря Оленина в Москву и в Рязанскую губернию в связи с наследственными делами последнего. Двухмесячный отпуск «по случаю кончины отца и раздела имения с сестрами» отражен в его формулярном списке[18]. Неизвестны нам и рисунки Ермолаева, будто бы привезенные из этой «экспедиции». Под названием «Древности Российского государства» была издана часть рисунков художника Ф.Г. Солнцева.

11 августа 1828 г. в играх по случаю дня рождения Анны участвовал некий Урусов (с. 95). Комментаторы проявили осведомленность сразу о двух поколениях этого княжеского рода, отметив, что участник игры – один из восьми сынов собственных родителей (с. 191), но нисколько не приблизились к ответу, о ком идет речь.

А хотелось бы, потому что Оленины в итоге породнились с этой фамилией. На дочери Михаила Александровича Урусова Зинаиде женится Дмитрий Оленин (6.X.1835 – 9.III.1884), сын Алексея Алексеевича и племянник Анны[19].

13 августа 1828 г. «В субботу были мои рожденья. Мне минуло 21 год!» (с. 70). Комментарий: «В действительности минул двадцатый. Вероятно, Анна Алексеевна хотела сказать, что начался двадцать первый год ее жизни. В тексте “21” переправлено на “20” рукою О.Н. Оом» (с. 172). Общепринятая дата рождения Анны – 11 августа 1808 г. – выбита на намогильном памятнике.

Комментаторы не обратили внимания на другие записи, где Анна упорно «хотела сказать» то, что уже было сказано. Так, 7 июля 1828 г., за месяц до своего дня рождения, она писала о себе: «Всё в 20 лет ей надоело…» (с. 61). 30 сентября (а может быть и позже) 1828 г., возвращаясь к августовским событиям: «Настал желанный день. Мне минуло, увы, 21 год» (с. 94). 28 февраля 1831 г., после встречи с Альфредом де Дама, вспоминая о встречах с ним в 1826 г.

[16] НИОР РГБ. Ф. 211. Карт. 3623. Ед. хр. 4. Л. 3 об.
[17] РГИА. Ф. 733. Оп. 15 (1826). Ед. хр. 95. Л. 1 об.
[18] НИОР РГБ. Ф. 211. Карт. 3627. Ед. хр. 4.
[19] *Тимофеев Л.В.* От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2003. М.: Наука, 2004. С. 48.

в Москве во время коронации Николая Павловича, Анна писала: «Теперь я смотрела на него, я изучала его уже не как 19-летняя ветреница, избалованная вниманием света <…> Нет, теперь я смотрела на него глазами здравомыслящей 23-летней девушки…» (с. 153). Во второй части «Небылицы, которая может сбыться», написанной Анной от третьего лица 6 октября 1834 г. (в ней описываемые события перенесены в далекое будущее), обратим внимание на следующую реплику: «Анна Алексеевна, переговорив с мужем, которой подшучивал над ней, припоминая 1834 год и 27 лет ее жизни…» (с. 263). Все эти записи свидетельствуют об одном: Анна однозначно считала, что родилась в 1807 г. Запись в метрической книге церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной в Петербурге подтвердила рождение младшей дочери Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны Олениных в 1807 г. Причем с еще одним уточнением, о чем Анна, вероятно, не подозревала: родилась она не 11-го, а 8 августа. Крестили же ее 28 августа[20].

13 августа 1828 г. после встречи в Приютине с казаком А.П. Чечуриным: «Он из Сибири, с границ Китая, был в Чите, видел всех» (с. 71). «Видел всех» – речь идет о находившихся в Читинском остроге декабристах. Комментаторы перечисляют имена узников, которые знакомством и родством были связаны с Олениными, напоминают, что там уже находились жены некоторых осужденных и среди них Мария Николаевна Волконская (с. 174).

Это давно известно широкому кругу читателей, но они не знают, что за несколько месяцев до отъезда в Сибирь М.Н. Волконская общалась с Елизаветой Марковной Олениной. В письме к сестре мужа Софье Григорьевне Волконской, написанном в Александрии 25 июня 1826 г., Мария Николаевна просила передать поклон «мадам Олениной, которая проявила ко мне столько участия»[21].

19 сентября 1828 г. О гостях, приехавших 5 сентября в Приютино. В редакции Л.Г. Агамалян и В.М. Файбисовича возникли расхождения с редакцией О.Н. Оом в прочтении и комментировании небольшого фрагмента дневника. У О.Н. Оом: «Приехали гости: из дам – Бакунины и Хитровы, Васильчиковы» (О.Н. Оом, с. 29). Л.Г. Агамалян и В.М. Файбисович: «Из Дам – Бакунина и Хитровы, Васильчикова» (с. 73).

[20] *Афанасьев С.И.* «Друзья мои…» (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб.: Наука, 2004. С. 156.

[21] РО ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. Ед. хр. 2. Л. 470.

О.Н. Оом полагает, что речь идет о Екатерине Александровне Бакуниной (1777–1846), дочери сенатора А.А. Саблукова и вдове Павла Петровича Бакунина, и ее дочери Екатерине Павловне (1794–1869), фрейлине Двора, в замужестве Полторацкой (О.Н. Оом, с. 98). Л.Г. Агамалян и В.М. Файбисович предположили, что имеется в виду одна из двух (с. 179). Однако не следует исключать и Варвару Ивановну Бакунину, жену сенатора и бывшего гражданского губернатора столицы Михаила Михайловича Бакунина, которые жили на два дома: в Москве и Петербурге. Приезд Е.М. Хитрово, с которой Варвара Ивановна состояла в дружеских отношениях, позволяет думать именно о ее присутствии 5 сентября на именинах Елизаветы Марковны.

Возникли проблемы с Васильчиковой. О.Н. Оом назвала Аделаиду Петровну Васильчикову (1778–1859), урожденную Апраксину и жену Д.В. Васильчикова, с дочерями Софьей и Екатериной (О.Н. Оом, с. 98). В.М. Файбисович, цитируя этот фрагмент во вступительной статье (с. 37), в указателе имен соотносит Васильчикову одновременно с Екатериной, Софьей и графиней Татьяной Васильевной. В сноске к дневниковой записи Анны комментаторы отдали предпочтение Татьяне Васильевне Васильчиковой (1793–1875), урожденной Пашковой, жене графа Иллариона Васильевича Васильчикова. Софья и Е[катерина] Васильчиковы остались без комментария, хотя Екатерина упоминается однажды в майской 1831 г. записи Анны (с. 159), а Софья – трижды (с. 158–160), более того, в связи с намерением Алексея Оленина жениться на ней.

На наш взгляд, следует соотнести некую Васильчикову с родней Олениных и их старым другом Александрой Ивановной, урожденной Архаровой. Устойчивые родственные и дружеские связи этой семьи с Олениными позволяют думать о визите в Приютино по случаю именин хозяйки дачи именно Александры Ивановны Васильчиковой.

24 сентября 1828 г. «Груши моченые – имя, которое Елена Е. дала Львову, и справедливо» (с. 77). Комментаторы: «О.Н. Оом полагает, что речь идет об одном из сыновей Новоторжского уездного предводителя дворянства Сергея Дмитриевича Львова и его жены Татьяны Петровны, рожденной Полторацкой, брате Марии Сергеевны Львовой, будущей жены Петра Алексеевича Оленина. Это предположение косвенно подтверждается тем, что ниже А.А. Оленина называет себя его кузиной. Если это так, то в дневнике А.А. Олениной может фигурировать лишь ее сверстник Иван Сергеевич Львов (1808–1850): его братьям Александру, Петру и Николаю было соответственно 15, 13 и 7 лет от роду» (с. 181).

«Сверстника» она называет «несносным фразером», который несет «какой-то сантиментальный вздор», ленивым (с. 96, 98, 99).

Приведенные комментаторами данные нуждаются в корректировке и дополнениях. Александр родился 27 августа 1813 г., Петр – 1 апреля 1818 г., Николай – 13 февраля 1826 г., Иван – 14 августа 1808 г., наконец, самый старший из братьев – Дмитрий, упущенный комментаторами, родился 2 февраля 1807 г.[22]

Во всех справках о рождении указаны день крещения, церковь, в которой совершался обряд, и имена восприемников от купели, что позволяет полностью довериться этим источникам. Однако по надписям на намогильных плитах погоста в Прутне Александр Сергеевич Львов родился 26 августа, а Иван Сергеевич 8 августа (зарисовка расположения могил Львовых была выполнена нами 1 июля 1979 г.). Так кто же из Львовых посещал – и не раз – Олениных в Приютине?

Александр, Петр и Николай не подходят по возрасту, Иван – по обстоятельствам. 8 марта 1828 г., после окончания Московского университета (скорее, Благородного пансиона при нем), Иван Сергеевич вступил в чине унтер-офицера во Владимирский уланский полк, квартировавший в Торжке. 8 ноября 1828 г. в чине корнета был переведен в Оренбургский уланский полк, квартиры которого также находились в Тверской губернии[23].

Остается Дмитрий Сергеевич, который 10 апреля 1826 г. получил аттестат об отличном окончании учебы в Благородном пансионе Московского университета и удостоен чина 10-го класса, «коим он имеет пользоваться при вступлении в гражданскую службу, а в военную на том основании, как студенты университетские…» Определился он в Департамент внешней торговли[24].

25 сентября 1828 г. Под цитатой из думы К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака» Анна Алексеевна делает приписку: «Романс, положенной мной на музыку» (с. 82). Комментарий: «Возможно, внимание А.А. Олениной к этой думе Рылеева связано с тем интересом, который проявлял к личности Ермака А.Н. Оленин, посвятивший покорителю Сибири специальное исследование, основанное на изучении летописных сведений. Его статья о Ермаке была опубликована в журнале “Сибирский вестник” в 1821 г. (№ XIV, кн. 6); в изданной в том же году “Летописи Сибирской” была помещена гравюра “Ермак Тимофеевич, Завоеватель Сибири в его настоящем

[22] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ч. 2. Ед. хр. 3665. Л. 4, 29, 52, 101, 57.
[23] Там же. Л. 106об.
[24] Там же. Л. 67.

Русском вооружении, следуя рисункам Сибирской летописи по списку Ремезова”». И далее: «Дед Ермака носил фамилию Аленин, и в свое время Оленины увлеклись версией о возможном родстве с этой замечательной личностью. Варвара Алексеевна в своих воспоминаниях писала: “…этакое горе! что не можем считать его нашим родоначальником, подобного великого человека: витязя бескорыстного, героя и благодетеля России. Горько и жаль...”» (с. 184).

Исследование А.Н. Оленина посвящено не личности, а приложенному к летописи «мнимому портрету Ермака». Гравюра же была исполнена, согласно требованию Оленина, для демонстрации возможного одеяния, присущего русским воинам той эпохи. Что касается «увлечения Олениных версией о возможном родстве» с Ермаком, то это вымысел комментаторов.

21 сентября 1828 г. «Он был у Алексея в нашем коридоре <…> Долго смотрела я в мглу ночную, слушала и, наконец, услышала шум его коляски; хотела знать, по какой дороге он ехал: по косой, по той, что я ему советовала. Шум утих, я перекрестилась и заснула. Несколько дней перед тем он был у нас и, когда уехал, то я слышала, что по косой дороге» (с. 76–77).

Эти записи оставлены без внимания. Речь идет о прощании с казаком Чечуриным, который перед отъездом из Приютина пришел проститься с Анной, зашел также и к ее брату Алексею, комната которого находилась там же – в «нашем коридоре». «Наш коридор» – это часть общего коридора на втором этаже, куда выходили двери комнат хозяев усадьбы; всего же комнат на этаже было 14, из них 8 занимали хозяева, а 6 – гости, о чем мы узнаем из акта на продажу Приютина[25]. Они находились в левой части дома, ибо только оттуда – с балкона или из окон, расположенных в торце, – можно было видеть обе дороги, ведущие из Петербурга: прямую и косую. Эти дороги были построены в разное время и соединяли с Петербургом не только Приютино, но и Рябово Всеволожских.

5 декабря 1828 г. «Господи Боже, какие мучения! От одних лишь воспоминаний о них у меня волосы на голове встают дыбом <…> В конце концов, благодаря заботам доктора Вольского, я выздоровела» (с. 103, 104). Комментаторы ограничились публикацией краткого послужного списка почетного лейб-медика (с. 194).

Между тем С.Ф. Вольский был и домашним врачом семейства Олениных, о котором Алексей Николаевич писал 11 мая 1834 г. сыну и невестке: «Давно, милые друзья Петр и Маша, я к вам не писал.

[25] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 613.

Зато я издалека приехал и крайне устал. Одним словом, я опять приехал из той земли, куда было я отправился из гагаринского дома, что на Неве, вечером в самый день праздника светлого Христова воскресения. Я вдруг и сильно занемог. На другой день поутру рано наш добрый и знающий эскулап С.Ф. Вольский пустил мне из руки кровь»[26].

28 июня 1838 г., за несколько дней до кончины Елизаветы Марковны, Алексей Николаевич пишет невестке Марии Сергеевне в Торжок: «Сего дня или, лучше сказать, вчера был девятый день, как наша Елиз<авета> Мар<ковна> занемогла тяжкою болезнию. Но вчера она вдруг почувствовала неожиданное облегчение и промолвила: je crois que cet une crise <я полагаю, что это приступ (*фр.*)>. И в самом деле, сего дня ей стало гораздо легче. К тому ж С.Ф. Вольский придумал горло ей шприцевать теплою водою с вином, и вдруг мокрота, так сказать засушенная, повалила, и она несколько оживилась. Доктора: Вольский и Роджерсон большую надежду имеют к ее выздоровлению»[27].

17 мая 1829 г. Анна пишет о болезни Елизаветы Марковны: «Вот уже неделя, как маменька болеет. Ее болезнь началась с чего-то похожего на апоплексический удар, что вызвало у нас сильное беспокойство, но в действительности удара не было. Она еще хворает, а поскольку она так мнительна, то уверена, что у нее был удар <…> Она цепляется теперъ за всё, чтобы поговорить о своей смерти, которая, уповаю на Господа, еще далека» (с. 113).

Комментарий: «Эти строчки дневника противоречат воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, восхищавшегося стойкостью, с которой Елизавета Марковна переносила свои частые недомогания: “Склонность, о которой сейчас говорил я (к балагурству – пояснение комментаторов. – *Л.Т.*), и любовь к общежитию побеждали в Елизавете Марковне самые телесные страдания, коим так часто была она подвержена. Часто, лежа на широком диване, окруженная посетителями, видимо мучась, умела она улыбаться гостям. Я находил, что тут и мужская твердость воли и ангельское терпение, которое дается одним только женщинам. Ей хотелось, чтобы все у нее были веселы и довольны...”» Далее комментаторы отмечают: «В то же время А.Д. Блудова вспоминала: “Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большого роста, массивною, с правильными чертами, здоровыми нервами, хотя уже

[26] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 17–17об.
[27] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 28–28об.

старою, и ничего не высказывалось в ней нервного, похожего на восприимчивость и раздражительность воображения”» (с. 205).

Непонятно, какова цель противопоставления записи Анны, сделанной в момент болезни матушки, воспоминаниям Вигеля, не имеющим никакого отношения к той теме, которую она затронула. Впрочем, наблюдения дочери и Вигеля вполне совместимы и только свидетельствуют о мужестве, с которым Елизавета Марковна принимала гостей. Подобное двойственное поведение – одно в кругу семьи, иное в светской гостиной – было присуще и Анне, о чем она признавалась в одной из записей: «Я перестаю желать, я перестала делать планы. Беды не минуешь, пусть сердце приучается всё забывать, пусть как камень холодной не чувствует радостей земных, чтоб горе не имело также над ним влияния. Кто подумал бы, прочитав эти строки, что та, которая их пишет, почти всегда весела в гостиной; что улыбка на лице, когда горе в сердце, и что душу теснит и слезы на глазах, когда говорю я вздор и весела как соловей <…> Но не судите по внешнему виду. Вот что значит свет, вот как должно жить в нем» (с. 114).

Ну, а воспоминания А.Д. Блудовой совсем неуместны в контексте дневника Анны Олениной.

2 июня 1829 г. «Петр с герцогом» (с. 119). Комментарий отсутствует.

Петр – это брат, герцог – его шеф по Корпусу инженеров путей сообщения, генерал от кавалерии Александр Вюртембергский. 25–26 мая он выехал «в разные губернии» для обозрения работ ведомства Путей сообщения. Среди покинувших Петербург находился и «Путей сообщения полковник <Петр> Оленин»[28]. Последующие приказы Вюртембергского подписаны в Грюнхофе. О присутствии там Петра свидетельствует подпись «P. Olenin 1829 Fecit. Grünhoff» на акварельном портрете его работы (Литературный музей Института русской литературы. Идентифицирован нами с подполковником Корпуса инженеров путей сообщения А.П. Девятниным).

2 июня 1829 г. Запись Анны после поездки в Ботанический сад: «Во вторник мы заезжали к Фишерам. Какое прекрасное заведение! Как я радовалась тому, что *Интерес* был там тоже. Там были папенька, маменька, Мейендорф, граф Виельгорский, моя кузина Марфа и мадам Адам, урожденная Полторацкая, другая моя кузина» (с. 121).

Комментаторы, вслед за О.Н. Оом, отождествили некоего *Интереса* с Матвеем Юрьевичем Виельгорским, а мадам Адам –

[28] Санкт-Петербургские ведомости. 1829. Прибавление № 126, 28 мая. С. 672.

предположительно с женой инженера Е.А. Адама (с. 207). Если это так, кто такой граф Виельгорский, включенный в эту компанию наряду с *Интересом*, и которая из Полторацких вышла замуж за некоего Адама?

После 7 июля 1829 г. «В воскресенье были у нас 3 черкеса и офицер армейской, тоже черкес. Они были очень милы, и двое из них делали разные штуки на лошадях» (с. 127).

Комментарий: «Этот эпизод запечатлен на рисунке А.Н. Оленина (?), исполненном пером в альбоме, ныне хранящемся в ГРМ: “Военные черкесские упражнения, произведенные родственниками Шу-Карнова в честь П.А. Оленина по прямой приютинской дороге в 7-ой день июля 1829 года”» (с. 208).

Это событие и рисунок никак не привязаны комментаторами к не замеченной ими реплике Анны «Петр с герцогом». Петр в день скачек в его честь всё еще отсутствовал в Приютине, а рисунок предназначался для отправки ему. Это видно из письма отца, написанного в тот же день: «И так посылаю тебе живую грамоту наших занятий в Приютине, где я буду жить 7 дней сряду в первый раз в 35 лет!»[29] «Живой грамотой» и стал этот рисунок. Следы сгибов от отправки в конверте видны на нем и поныне. Само письмо сопровождается рисунком в виде заставки, выполненном пером и чернилами. На нем изображен сидящий на вздыбленной лошади горец с черкесским ружьем и в папахе. Принадлежность надписи под рисунком (соотнесенной с текстом письма) и обоих рисунков Алексею Николаевичу, страстному любителю изображать бегущих лошадей, не вызывает сомнений, а потому знак вопроса после имени Оленина неуместен. И последнее: упомянутый комментаторами альбом с вклеенным, а не нарисованным в нем рисунком принадлежал не Алексею, как утверждает В.М. Файбисович, а его старшему брату Петру[30].

В письме Алексея Николаевича любопытна и реплика об Анне, которая «что-то куксится». В дневниковой записи, следующей как раз за сообщением о джигитовке черкесов, Анна объясняет причину подобного состояния: «Я думаю, что ожидание у врат ада не может быть более невыносимым, чем жизнь, которую мы ведем в Приютине. Боже мой! Какая скука! Целыми днями ворчат, говорят глупости и обиняки, которые делают жизнь еще более тяжелой, но я надеюсь, что всему есть предел» (с. 127). И это пишется о Приютине в 1829 г., который, как и предыдущий, казался нам годом активной и насыщенной событиями жизни.

[29] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1об.

[30] *Тимофеев Л.В.* Старый оленинский альбом // Мир музея. 2000. № 1. С. 57–62.

21 августа 1829 г. Анна неожиданно переходит от своих проблем и переживаний к истории почти двухмесячной давности (с чего бы?). Она связана с побегом графини Ольги Строгановой из родительского дома и тайным венчанием с «поручиком» Кавалергардского полка графом П.К. Ферзеном (с. 130–131; Ферзен на тот момент имел чин штабс-ротмистра).

Одним из наиболее активных участников похищения графини Анна назвала некоего Бреверна. О.Н. Оом подсказала: это офицер Л.-гв. Конного полка (О.Н. Оом, с. 121). Комментаторы уточнили: речь идет об Алексее Ивановиче, ротмистре, дослужившемся до чина полковника и ставшем флигель-адъютантом императорской свиты, а с 1839 г. командиром Финляндского драгунского полка (с. 210).

Однако Бреверн носил имя Александр, а не Алексей. Дослужился он до генеральского чина. После Финляндского драгунского полка стал командиром л.-гв. Гродненского гусарского полка. Но главное всё же не в послужном списке. Комментаторы не подозревали, что Александр Иванович Бреверн (22.VI.1801 – 14.XII.1850) принимал участие не только в «гусарских» проделках, но и в более серьезных делах. Именно он был высочайше утвержден председателем военно-судной комиссии, расследовавшей обстоятельства дуэли между Пушкиным и Дантесом. Его портрет оказался среди портретов «неизвестных военных» в собрании Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом)[31].

9 сентября 1829 г. о прошедших именинах Елизаветы Марковны: «5-е число прошло весело. У нас было много народу. Вот их список…» (с. 134). Комментаторы в числе гостей назвали «писателя, журналиста, историка и гражданского губернатора Вологды» Н.П. Брусилова, пояснив: «О.Н. Оом ошибалась, читая эту фамилию как “Брюллов”, и в комментарии писала о К.П. Брюллове. Оспаривая ее точку зрения, Л.В. Тимофеев доказывал, что речь идет о Федоре Павловиче Брюллове» (с. 211).

Комментаторы не указали, где Тимофеев «оспаривал» и «доказывал». 5 сентября 1829 г. Карл Брюллов, названный О.Н. Оом, не мог оказаться в Приютине, будучи за границей. Там же находился и его брат Александр, который 19 декабря 1829 г. в письме отцу из Парижа сообщал: «Я начинаю уже чувствовать желание возвратиться в Россию...»[32] В Петербурге остался их младший брат

[31] *Тимофеев Л.В.* 1) Портрет, не попавший на Пушкинские выставки // Невское время. 2000, 10 февр.; 2) Портреты двух драгунских офицеров // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2001. М.: Наука, 2002. С. 359–371; 3) Презус военно-судной комиссии // Нева. 2002. № 2. С. 236–240.

[32] Архив Брюлловых / Ред. и примеч. И.А. Кубасова. СПб., 1900. С. 113.

Федор, который и был назван нами в числе гостей[33]. Не оспариваем и предложенное комментаторами прочтение фамилии человека, которого Анна назвала другом своего брата Петра, но полагаем, что речь идет не о Николае Петровиче Брусилове, который, между прочим, был на 12 лет старше Петра, а в 1821–1834 гг. был Вологодским гражданским губернатором и, вероятно, отсутствовал в Петербурге. Обширная биографическая справка о Н. П. Брусилове и цитирование комментаторами отзывов о нем современников не прояснили дружеских связей этого гостя с Петром Олениным, а наоборот, вызвали сомнение: тот ли это человек? Подсказка нашлась в письме Петра Оленина сыну Сергею от 21 мая 1858 г.: «Я получил от Брусилова ругательское письмо, якобы я о тебе не хлопочу, что твоей отставки нет, и что начальник артиллерии на Кавказе сказал, что он ждать более не может и что он обязан о тебе представить. Я писал Брусилову, а мать к начальнику штаба Баранцову. Право, не понимаю, что это за неудачи»[34]. Поскольку Сергей Оленин, будучи артиллеристом, служил на Кавказе, упомянутые в письме лица также должны были иметь отношение к Кавказу и артиллерии и наверняка пребывали в генеральских чинах. «Списки генералам по старшинству» подсказали: «ругательское письмо» (по дружбе, конечно) писал генерал-лейтенант Алексей Николаевич Брусилов, бывший в то время председателем полевого Аудиториата Кавказской армии[35].

Другой участник праздника 5 сентября – Батюшков (с. 134). Комментаторы предполагают, что речь идет о Помпее Николаевиче, брате поэта К.Н. Батюшкова (с. 215). Однако, скорее всего, на празднике присутствовал отставной штабс-капитан Николай Иванович Батюшков (25.II.1801 – 17.III.1843), троюродный брат Анны. Дорогу в Приютино он знал с давних времен. 5 сентября 1819 г. в честь Елизаветы Марковны был пет хор, в котором солистами выступили С.И. Муравьев-Апостол и князь П.А. Голицын, а в числе хористов находился и «Н<иколай> И<ванович> Батюшков»[36], на тот день – юнкер Л.-гв. Саперного батальона. Во многих изданиях, где упомянут этот праздник, ни разу не прозвучала точная расшифровка имени и отчества этого Батюшкова. Между тем его бабка Прасковья Яковлевна была родной сестрой отца Алексея Николаевича. В 1757 г. ее выдали замуж за адъютанта Коломенского полка Семена

[33] *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. С. 205.
[34] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 33об.
[35] Список генералам по старшинству. СПб., 1857. С. 212; СПб., 1859. С. 202.
[36] *Георгиевский Г.П.* А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич: Новые материалы из оленинского архива. СПб., 1914. С. 33–34. (Сб. ОРЯС Имп. АН. Т. 91. № 1).

Андреевича Батюшкова. Последний доводился родным братом Льву Андреевичу, внуками которого были Константин Николаевич и Помпей Николаевич[37].

Упоминается среди участников праздника 5 сентября и один из домочадцев Олениных – Аткинсон (с. 134), а в «Небылице, которая может сбыться» (1834) – Леля Аткинсон, которому «уже было тогда (в 1860 г. – *Л.Т.*) 30 лет» (с. 265). В комментарии об Аткинсонах – Василии Яковлевиче, служившем в Императорской Публичной библиотеке, и Екатерине Францевне – отмечено, что Елизавета Марковна подала прошение на имя императора о выделении им участка из приютинских земель (с. 213).

Добавим: эта просьба была удовлетворена, а свою дачу Аткинсоны назвали Елизаветиным, по-видимому, в память о дарительнице. В 1833 г. Петр Сергеевич Львов, обучавшийся в частном пансионе, изъявил желание заняться во время каникул английским языком, и его «принялась наставлять» Екатерина Францевна с Анной[38]. После кончины Алексея Николаевича Петр Оленин взял на себя обязательство выплатить частные долги отца, в частности по заемному письму на сумму в 571 рубль и сорок две и шесть седьмых копейки серебром, выданному Екатерине Францевне[39]. Что касается мальчика Лели, то это Алексей Аткинсон, имя которого мы находим в числе детей, присутствовавших на обеде в день рождения Алексея Николаевича 21 ноября 1841 г.[40]

9 сентября 1829 г. «5-е число прошло весело <…> Накануне <…> мы поехали в Рябово» (с. 134). Чтобы познакомить читателей с этой усадьбой, принадлежавшей В.А. Всеволожскому, комментаторы цитируют М.И. Пыляева, сообщившего, что господский дом Всеволожских состоял из 160 комнат, а праздничный стол в нем накрывался на 500 кувертов (с. 213–214).

В 1970-х гг. нам довелось полностью расчистить фундамент этого сожженного в 1920-е гг. усадебного дома. По объемам он был немногим более приютинского, в котором насчитывалось 9 комнат в первом этаже и 14 во втором.

* * *

Комментаторы похоронили тетушку и «верного друга» Анны *Варвару Дмитриевну Полторацкую*, урожденную Киселеву, 11 декабря

[37] *Тимофеев Л.В.* От Парфения (Родословная Олениных)… С. 14–15.
[38] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6–6об.
[39] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 163.
[40] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 53.

1843 г. (с. 163). Скончалась же она через 16 лет – 4 ноября 1859 г. (этот год указан и у О.Н. Оом) и была похоронена 6 ноября, о чем Петр Алексеевич Оленин извещал сына Сергея 7 ноября из Твери: «Вчера же я был на похоронах моей тетки Варвары Дмитр<иевны> Полторацкой»[41].

О княжне *Александре Андреевне Долгорукой* комментаторы сообщают, что в 1833 г. она вышла замуж за брата Анны Алексея, а скончалась 18 ноября 1859 г. (с. 164).

Добавим: родилась княжна 29 января 1807 г.[42] Обвенчались же Алексей и Александра 15 мая 1833 г. в Морском Николаевском Богоявленском соборе в Петербурге[43], где некогда венчались и родители Алексея и Анны. 7 ноября 1859 г., незадолго до кончины жены Алексея, Петр Оленин писал сыну Сергею: «Маменька твоя по горестному событию, болезни тетки твоей Александ<ры> Андреевны Ол<ениной> была вынуждена отправиться в Питер, по известиям кажется, ей недолго приходится с нами жить, болезнь ужасная – внутренний рак»[44].

Касаясь трагической судьбы Алексея Алексеевича, комментаторы цитируют опубликованные выдержки из дневников Л.В. Дубельта. В них указано, что попытку неудачного покушения на своего хозяина предпринял его крепостной Лев Васильев. Еще одно покушение, совершенное другими слугами Алексея Алексеевича, привело к его гибели: «Оленин убит топором крепостными своими людьми Тимофеевым и Меркуловым» (с. 165).

Это были не Тимофеев и Меркулов, а Николай Тимофеевич Плашкин 17-ти лет и Прокофий Меркулович Кобцев 19-ти лет[45]. В первом же случае речь шла, видимо, о Льве Васильевиче (без указания фамилии), 18-летнем дворовом, покушавшемся на жизнь А.А. Оленина 5 сентября 1852 г.[46]

В справке о *Петре Алексеевиче Оленине* комментаторы отмечают, что за участие в Бородинском сражении он был награжден орденом Св. Анны 3 степени (с. 216), в то время как к этой награде Петр был представлен М.И. Кутузовым за полученную на Бородинском поле контузию[47]. В противном случае этой награды удостоился бы весь офицерский корпус полка.

---

[41] Там же. Ед. хр. 12. Л. 55об.–56.

[42] *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 473.

[43] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 193.

[44] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 55об.

[45] РГИА. Ф. 1405. Оп. 52. Ед. хр. 4111.

[46] РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Ед. хр. 124.

[47] Отечественная война 1812 года. Исторические материалы Лейб-гвардии Семеновского полка / Собрал С.П. Аглаимов. Полтава, [1912]. С. 507.

Командир Петра Оленина по Л.-гв. Семеновскому полку, друг дома Олениных Максим Иванович Дамас (Анж-Иасент-Максанс, барон де Дама; в комментарии – Анн Ясент-Максанс де Дама; с. 217) родился 30 сентября 1785 г. В чин генерал-лейтенанта произведен по возвращении во Францию 29 августа 1815 г., а не в 1816 г. с назначением командиром 8-го военного дивизиона. Военным министром с получением титула пэра Франции он стал 9 октября 1823 г., а в 1824 г. занял пост министра не внутренних, а иностранных дел (с 4 августа 1824 г. по 4 января 1828 г., то есть до отставки кабинета). Скончался Максим Иванович 6 мая 1862 г.[48] Цитируемое комментаторами письмо Олениным он писал не из Марселя, а из деревеньки Греус.

В воспоминаниях Ф.А. Оом, использованных комментаторами, упоминается «*Лизанька Оленина, впоследствии Мамонова*, дочь Петра Алексеевича», изображавшая амура в одном из театральных представлений в день именин Елизаветы Марковны (с. 178). Комментаторы оказались немногословны: «Е.П. Оленина родилась 26 февраля 1832 г., и упомянутый Ф.А. Оомом “апофеоз” мог состояться, очевидно, в сентябре 1836 или 1837 г.» (с. 178).

Елизавета Петровна Оленина (26.II.1832 – 1919 или 1920) родилась в Петербурге, но ее детство и юность прошли в Новоторжском уезде Тверской губернии, где после отставки в 1833 г. осели ее родители. Несколько раз девочку привозили в Приютино, что прослеживается по письмам Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны, но только однажды она могла участвовать в «апофеозе», о чем узнаем из дневника П.Д. Дурново: «11 августа 1836 г. <…> Был потом в Приютине у Олениных. День рождения Анет. Было много народу. Вопреки обыкновению обед был хорош. Дитя Алексея (Дмитрий. – *Л.Т.*) прелестно, похож на мать. Пьер прибыл со своей женой и своими 4-мя детьми (Елизавета, Алексей, Сергей, Татьяна. – *Л.Т.*)»[49]. К этому дню «6 гениев» сочинили поздравительное послание, которое начал А.Н. Оленин (2 строки), продолжили И.А. Крылов (4), В.А. Савельев (2), М<арья> С<ергеевна Оленина> (2), Александр Иванович <Дмитриев-Мамонов> (6), Л.Д. Блудова (1), И.А. Крылов (7)[50].

Елизавета Петровна вышла замуж за Александра Александровича Дмитриева-Мамонова (30.V.1829 – 1875), сына старого друга ее

[48] *Заборов П.Р.* «Я России и русских не забываю» // Cahiers du Monde russe. 1998. T. 39(3). P. 321–325.

[49] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. Ед. хр. 273. Кн. 2 (1836–1838). Л. 3.

[50] О датировке послания и расшифровки двух участников см.: *Тимофеев Л.В.* Приют, любовью муз согретый. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 356–358.

отца, генерал-майора и талантливого художника А.И. Дмитриева-Мамонова. 13 июля 1875 г. ее вторым мужем стал барон Роман Альфонсович Энгельгардт (род. 20.I.1847), поручик Л.-гв. Гусарского полка (9.VI.1880), адъютант Саратовского губернского жандармского управления (30.XII.1881), на 1898 г. – отставной ротмистр. Закончила свою жизнь баронесса в советской богадельне на набережной Карповки в Петрограде. Незадолго до смерти она написала воспоминания, одну из глав которых посвятила старшему сыну имама Шамиля: «В Торжке, где мы жили довольно часто, с давних пор стоял уланский Владимирский полк. <…> Тогда мне было около шестнадцати лет. В полку этом служил молодой Джамалуддин, сын Шамиля». Невестой этого офицера, в шестилетнем возрасте взятого в заложники и определенного Александром I в Александровский малолетний кадетский корпус, стала Елизавета Оленина, однако свадьба не состоялась[51].

Тетка Анны Варвара Николаевна Оленина родилась не 5 сентября 1771 г. (с. 190), а 9 сентября 1774 г. Крестили ее 30 сентября в церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Невском проспекте[52].

Александр Александрович Полторацкий родился не 7 июля 1792 г. (с. 179), а 7 мая, согласно записи в метрической книге Морского Николаевского Богоявленского собора[53].

Александр Петрович Краевский родился не в 1801 г. (с. 168), а 16 февраля 1803 г., о чем свидетельствует запись в метрической книге церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы Л.-гв. Семеновского полка.

Софья Григорьевна Волконская, двоюродная сестра А.Н. Оленина, родилась не 19 августа 1786 г. (с. 198), а 21 августа 1785 г.

Александра Петровна Волконская родилась не 7 июля (с. 193), а 1 июня 1804 г.

Елизавета Михайловна Фролова-Багреева родилась не 5 сентября (с. 199), а 21 октября 1799 г.[54]

Александр Николаевич Муравьев родился не 10 октября 1792 г. (с. 186), а 1 октября[55].

---

[51] См.: *Тимофеев Л.В.* Джамалуддин – сын имама Шамиля // Нева. 1998. № 9. С. 157–175.

[52] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Ед. хр. 76. 1774. Л. 94об.

[53] Там же. Ед. хр. 112. Л. 30.

[54] *Афанасьев С.И.* «Друзья мои…» С. 160, 158, 159, 164–165.

[55] *Афанасьев С.И.* Православные храмы Петербурга – памятные декабристские места // Мѣра. 1996. № 1 (11). С. 270.

* * *

К истории бытования дневника. «После войн и революций» он оказался в Польше у Софьи Андреевны Гарбинской, внучки Анны Алексеевны. В 1920-х гг. она передала дневник своей двоюродной сестре Ольге Николаевне Оом, урожденной баронессе Сталь фон Гольстейн (3.II.1868 – 17.IX.1938), эмигрировавшей во Францию» (с. 5, 9). Таким образом, дневник наследовала старшая дочь Анны Алексеевны – Александра Федоровна Гарбинская, (13.VIII.1842, СПб. – 1910), по второму мужу Малковская, от которой он перешел к ее дочери Софье Андреевне.

Пушкинисты узнали о существовании дневника в 1904 г. Николай Дмитриевич Романов (род. 30.VI.1883) – его родная тетка Татьяна Дмитриевна Романова (22.XI.1846 – 6.I.1870) вышла замуж за сына Анны Алексеевны – извещал 15 мая Б.Л. Модзалевского: «Между тем я всё ратую о “бумажных” делах. Вчера получил разрешение от кузины Андро взять дневник Анны Алексеевны Олениной (юношеский). Но взять руками придется не раньше июня, июля, т<ак> к<ак> он находится у черта на куличках. Это открытие!»[56]

Не согласимся с комментатором письма, назвавшего кузиной Н.Д. Романова дочь Анны Алексеевны, Антонину Федоровну Войде (в первом браке Уварова), которая доводилась Романову теткой. «Кузина Андро» – это, надо полагать, Софья Николаевна Андро (27.IX.1879 – 1930-е), дочь Николая Петровича Оленина (20.III.1838 – 10.III.1899) и первая жена (с 7.I.1898) Ковельского уездного предводителя дворянства Дмитрия Федоровича Андро (6.I.1870 – 1930-е/1940), внука Анны Алексеевны и двоюродного брата Николая Романова. Софья Николаевна с мужем и в самом деле жили «у черта на куличках», в Ровенском уезде Волынской губернии. Получается, что на 1904 г. дневник находился у внука Анны Алексеевны по линии ее сына?

Весьма ограниченные сведения о потомках и родственниках Анны Алексеевны, сообщенные О.Н. Оом, порой с неточностями, в новом издании повторены, но не расширены. В лучшем случае указан год рождения. Никаких сведений о сестре О.Н. Оом, графине Александре Николаевне и ее муже графе Паоло Руджери-Ладерка, итальянском подданном, у которых было пятеро детей. Не

[56] Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публикация Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1996. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 501.

догадываются комментаторы, что рисунок виньетки для обложки первого издания дневника выполнила дочь О.Н. Оом от первого брака, графиня О.Н. Гендрикова (1892–1980-е), ушедшая из жизни в Калгари (Канада). Комментаторы ограничили свои усилия компиляцией того, что дала им первая издательница, а потому так и осталась нам неизвестной судьба дочерей и внучек Анны Алексеевны. Зато даются подробнейшие сведения – с указанием дня, месяца и года рождения, получения очередного чина или ордена, кончины – о лицах, лишь однажды упомянутых Анной: Е.М. Хитрово (с. 20), Н.Д. Дурново (с. 187), И.И. Дибич (с. 188), И.Ф. Паскевич (с. 189) и многих других.

Воспоминания

Свои воспоминания Анна Алексеевна писала в два приема: в 1881 г. (10 страниц перебеленного текста с примечаниями) и в 1884 г. (несколько страниц второй главы в ученической тетради). Впрочем, менее двух страниц первой главы – воспоминания, остальные – пересказ некогда услышанного о своих родителях и родственниках по линии Волконских[57].

«Начинаю повествование свое с деда моего, Николая Яковлевича Оленина, который умер еще до моего рождения...» (с. 226). Комментарий: «Оленин Николай Яковлевич († 5.03.1802), служил в Л.-гв. Конном полку; полковник, затем статский советник, предводитель дворянства Касимовского уезда Рязанской губернии» (с. 237).

Добавлю: Николай Яковлевич родился 24 апреля 1744 г., а это означает, что он был на семь лет моложе своей жены. На 24 июля 1756 г. он и брат Дмитрий (1743–1762) состояли в учениках Дворянской гимназии при Московском университете[58]. В 1757 г. записан в Л.-гв. Преображенский полк с предоставлением отпуска для учебы[59]. 18 мая 1762 г. «совсем уволился» из университета[60]. На 1762 г. – капрал Л.-гв. Преображенского полка[61]. В этой связи напомним: в том же году в этом полку началась служба Г.Р. Державина. На 2 июля 1763 г. – отставной армейский поручик. 2 июня 1764 г. вновь возвратился на службу с зачислением корнетом в Л.-гв. Конный полк[62].

[57] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 2. Ед. хр. 11.
[58] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 5об.
[59] Там же. Ф. 1374. Оп. 6. Ед. хр. 1048. Л. 2.
[60] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. Т. 1. С. 248–249.
[61] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 990. Л. 10об.
[62] Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886. С. 69.

15 марта 1774 г. произведен в ротмистры[63] и в том же году побывал волонтером в действующей армии против турок[64]. 1 января 1777 г. вышел в отставку по болезни в чине полковника армии; в 1791 г. был избран на трехлетний срок Касимовским уездным предводителем дворянства; 1798 г. – повторное избрание[65]. После ходатайства Рязанского гражданского губернатора, 14 июня 1800 г. Павел I пожаловал Николаю Яковлевичу чин статского советника[66]. В Москве на Сивцевом Вражке имел дом[67].

Анна Алексеевна перечисляет родню Олениных, появившуюся после женитьбы ее деда на одной из дочерей князя С.Ф. Волконского: «Первая из этих княжон была замужем за Римским-Корсаковым, вторая (Анна Семеновна. – *Л.Т.*) за дедом моим Олениным, третья за Мамоновым-Дмитриевым, четвертая за Мухановым, пятая за Хрущовым, а младшая умерла в девах» (с. 227).

Комментарий: Мария («первая княжна») «в начале 1750 года вышла замуж за Александра Васильевича Римского-Корсакова <…> Третья <Александра> за бригадиром Федором Ивановичем Дмитриевым-Мамоновым <…> литератором, известным под псевдонимом “Дворянин-философ”»; Екатерина Семеновна «за неким П.Л. Ермоловым <…> Наталья (“пятая”) за бригадиром Андреем Ивановичем Хрущовым» (с. 238).

Уточним: Мария Семеновна была сговорена на замужество за капитана Астраханского пехотного полка А.В. Римского-Корсакова 21 января 1751 г. в Москве[68]. Александра Семеновна венчалась не позже сентября 1753 г., поскольку ее сын Иван Федорович родился 10 июня 1754 г. Жених Александры в то время был не бригадиром, а либо прапорщиком Л.-гв. Семеновского полка (19 апреля 1753 г. он вышел в этом чине в отставку), либо подпоручиком Нарвского пехотного полка, в который поступил в том же 1753 г.[69] Петр Леонтьевич Ермолов, надворный советник и председатель губернского магистрата в Калужском наместничестве, в первом браке состоял с Н.А. Караваевой, скончавшейся 21 июня 1782 г.[70], следовательно, княжна Екатерина вышла за Ермолова довольно поздно, когда

[63] РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 6.

[64] *Анненков И.В.* История Лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 3. С. 60.

[65] РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Ед. хр. 1048. Л. 2.

[66] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 2.

[67] *Туркестанов Н.Н.* Московский адрес-календарь на 1792 год: Списки домовладельцев. СПб., 1898. С. 39.

[68] РГИА. Ф. 914. Ед. хр. 122. Л. 1.

[69] Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 274.

[70] *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1912. С. 31–32.

ей было уже за сорок. В этой связи сообщение Анны Алексеевны, что мужем Екатерины был Муханов, конечно, первым требует проверки, тем более что в числе свидетелей при подписании сговорной князя Волконского с Николаем Яковлевичем Олениным, ее дедом, присутствовал секунд-ротмистр Конного полка Илья Ипатович Муханов (11.VII.1721 – 22.III.1790). Знакомство Олениных с Ермоловыми прослеживается с 1732 г., когда брат Петра Леонтьевича Василий был принят в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, куда поступил на службу и Яков Ларионович Оленин, отец Николая Яковлевича и дед Алексея Николаевича. Третий брат, Алексей Леонтьевич, приходился дедом Алексею Петровичу Ермолову, герою Отечественной войны 1812 г., а затем правителю Кавказа и генералу от инфантерии, с которым Алексей Николаевич Оленин состоял в дружеских отношениях и называл своего приятеля не иначе как «тезка».

Судя по году рождения, дочери Волконского явились на свет в следующей последовательности: Мария, Александра, Анна, Наталия, Екатерина, Софья. 19 октября 1752 г. кн. Волконский сговорил Наталию – вопреки устоявшимся традициям, наперед Александры и Анны – за прапорщика Тверского драгунского полка Андрея Ивановича Хрущова[71]. Было ей всего 13 лет. С 1767 г. А.И. Хрущов состоял в подполковниках Псковского драгунского полка, в котором позже придется служить отцу Анны Алексеевны. В чине полковника Карабинерного полка он указан как отец девицы Екатерины, которая стала восприемницей сестры Алексея Николаевича, Варвары Николаевны Олениной, при крещении.

О Дмитриевых-Мамоновых. Анна Алексеевна прекрасно знала сына Ивана Федоровича – Александра Ивановича (24.XII.1787 – 9.XII.1836), который вместе с ее братьями Николаем и Петром участвовал в Бородинском сражении, потом помогал отправить раненного Петра в Москву, а оттуда во Владимир, снабдив коляской[72]. За Александра Александровича Дмитриева-Мамонова (1827–1875), сына предыдущего, вышла замуж дочь Петра Оленина Елизавета.

К маю 1761 г. относится сговорная на брак княжны Анны с учеником гимназии Николаем Олениным, представленным в данном документе в более привлекательном, военном чине: «Зговорил я, князь Семен, дочь свою родную девицу имяни Анну в замужество Лейб-гвардии Преображенского полку за капрала Николая Яковлева сына Аленина, а в благословение за нею, дочерью своей, пишу вначале образ Спасителя Нерукотворенного, образ Богоматери Вла-

[71] РГИА. Ф. 914. Ед. хр. 122. Л. 3.
[72] *Тимофеев Л.В.* Приют, любовью муз согретый… С. 470.

димирской, образ Димитрия Чудотворца в окладе серебряном...» Всего же князь дал за дочерью «приданого золота и серебра, платьев и белья и протчева» на 4 тысячи рублей да 6 тысяч на приобретение деревень[73].

Сговорная заставляет обратить внимание на следующие строки воспоминаний Анны Алексеевны о родителях ее отца, оставшиеся без комментария: «У них было 17 человек детей (так водилось в старину), из которых дожили до глубокой старости отец мой и его две сестры Варвара и Софья Николаевны, умершие обе старыми девами. Так как дети умирали один за другим, не достигши возраста, то какая-то старушка и посоветовала окрестить новорожденных в соборе перед ракой св. Алексея Митрополита, который приходился нам родней по Плещеевым. Это выпало на долю отца моего» (с. 228–229).

Получается, что Алексей Николаевич и две его сестры оказались последними среди этих семнадцати, четырнадцать из которых умерли «не достигши возраста». Соответственно, отец Анны оказывался пятнадцатым ребенком. Сопоставив годы рождения Алексея Николаевича (1764) и его отца (1744), мы увидим всю абсурдность написанного Анной Алексеевной. Сговорная на брак Николая Яковлевича с княжной Волконской позволяет думать, что Алексей Николаевич был первым или вторым их ребенком.

Далее о рождении Алексея Николаевича: «Крестил его монах, который находился при мощах, а восприемниками были, за отсутствием княгини Дашковой, тетушка Архарова, урожденная Римская-Корсакова». Чуть ниже Анна Алексеевна называет Е.Р. Дашкову также тетушкой отца и сообщает, что в десятилетнем возрасте он был отправлен к ней в Петербург, где и был замечен императрицей Екатериной II, которая определила мальчика в Пажеский корпус (с. 229).

О родственных связях Дашковой с Олениными в комментарии ни слова, а Анна Алексеевна их не раскрывает, поскольку позаимствовала эти сведения из биографии отца, написанной и опубликованной ее внучатым племянником Николаем Ивановичем Стояновским. Он стал последним держателем архива А.Н. Оленина после кончины своей тещи Варвары Алексеевны Олениной (об этом комментаторы также не обмолвились ни словом). Между тем Оленины были знакомы с четой Дашковых. Муж Екатерины Романовны и подпрапорщик Преображенского полка князь М.И. Дашков оказался в числе свидетелей при подписании сговорной на брак Николая Яковлевича

[73] РГИА. Ф. 914. Ед. хр. 122. Л. 3.

Оленина в мае 1761 г. Княгиня также находилась в Москве[74], а возвратилась в Петербург 28 июня 1761 г.[75] Если Екатерина Романовна доводилась Алексею Николаевичу тетушкой, то его отцу должна была приходиться кузиной, возможно, через Волконских. Екатерина Романовна называет генерал-аншефа Михаила Никитича Волконского (1713–1786) дядей своего мужа[76]. Однако князь Михаил Никитич был довольно далеким родственником жены Николая Яковлевича Оленина, урожденной Волконской: ее дед Федор Михайлович Волконский приходился пятиюродным братом Михаилу Никитичу. Естественно, для Алексея Николаевича эта родственная связь стала еще более далекой и условной.

Комментарии об Екатерине Александровне Архаровой, урожденной Римской-Корсаковой, восприемнице Алексея Николаевича от купели, и ее дочери Александре Ивановне ограничены сведениями о рождении и кончине, причем о первой – дважды (с. 239 и 243). Об Иване Петровиче Архарове комментаторы сообщают, что в 1797 г. он, будучи Московским генерал-губернатором, был сослан в тамбовские имения, поставив тем самым точку в его биографии, однако он всё же возвратился и жил в Петербурге и Москве, где его застала война 1812 г. Об участии Архаровых в судьбе тяжело контуженного в Бородинском сражении Петра Оленина сохранилось немало свидетельств. Во Владимире, куда отправилась большая часть жителей Москвы после Бородинского сражения, Архаровы поселили Петра Оленина на своей квартире и приставили к нему доктора Кибальчича[77]. «Он здесь под присмотром Архаровых, которые его с своим домашним лекарем проводят до Нижняго <Новгорода>», – писал К.Н. Батюшков Н.И. Гнедичу[78]. И в Нижнем Новгороде эта семья покровительствовала сыну Олениных. «Архаровы его не покидают. Сегодня он катался в нашей карете; еще очень слаб и от слабости распух, но это пройдет, конечно», – извещал Батюшков приятеля[79]. «В Нижнем пробыл я трои сутки и время провел с большим удовольствием, пользуясь по милости вашего превосходительства особенною благосклонностью Ивана Петровича и Катерины Александровны, которые нанимают дом за 5000 руб. на год»[80], – сообщал посланный в Нижний Новгород И.А. Неведомский, служивший в Монетном дворе еще

[74] *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1985. С. 9.
[75] Там же. С. 15.
[76] Там же. С. 36.
[77] Письмо к издателю // Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 3. С. 117.
[78] *Батюшков К.Н.* Сочинения. СПб., 1886. Т. 3. С. 203.
[79] Там же. С. 204.
[80] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 622. Л. 2.

со времен начальства там Алексея Николаевича. Напоминанием о Нижнем Новгороде и семье Архаровых стал рисунок их 17-летней дочери Александры «Цыганский табор», подаренный Петру (ГРМ).

В числе восприемников при крещении Алексея Николаевича был и кто-то из Волконских. Комментаторы предполагают, что речь идет о Григории Семеновиче (с. 239), хотя почему именно он, а не его отец, Семен Федорович, что более вероятно? Именно ему пришлось с большим трудом пристроить свою засидевшуюся в девицах дочь за юного Николая Яковлевича Оленина. Кто из Волконских отсутствовал или присутствовал в Москве на момент крещения Алексея Николаевича, комментаторы не выявили, а потому предполагать, что в воспоминаниях речь идет о князе Григории Семеновиче, нет оснований.

Анна Алексеевна: «До десяти лет батюшка оставался при родных под надзором гувернера-француза, который только и знал свою французскую литературу и правописание» (с. 229).

Комментарий отсутствует, а речь идет о Лестраде. Чтобы подчеркнуть свое дворянское происхождение, подписывался он непременно de Lestrade. Кроме него юного Алексея Николаевича опекал дядька Иосиф (Осип) Шерпинский[81]. О нем сохранилась любопытная запись в дневнике Д.И. Языкова от 22 апреля 1843 г. после похорон А.Н. Оленина, автор которой уделил несколько строк этому поляку, имевшему к концу жизни чин статского советника: «На выносе был Осип Степанович Шерпинский, статский советник. Сколько ему от роду лет? Можно вычислить из... Оленин умер 79 лет. Когда ему было лет 5 или 6, тогда Шерпинский, родом поляк, был уже в военной службе Пруссии в 7-летнюю войну и сражался; в одном из сражений он был взят в плен дядею Оленина князем Григорием Семеновичем Волконским, который привез его в СПб, подарил его сестре своей, матери Оленина, а она приставила его к своему сыну дядькою (в Семилетней войне участвовал Семен Федорович, дед Алексея Николаевича. – *Л.Т.*). Разница... между ними может быть 20; следовательно, Шерпинскому около ста лет. Но он уже был (!) слеп»[82].

Обучаясь в Пажеском корпусе, Алексей Николаевич, как пишет Анна Алексеевна, мечтал получить военное образование за границей, и «государыня похвалила его за такое желание и на свой счет отправила его обучаться в Дрезден, где и пробыл он семь (пять. – *Л.Т.*) лет» (с. 230). Комментарий отсутствует.

[81] Там же. Л. 3–4.
[82] ОР РНБ. Ф. 595. Ед. хр. 126. Л. 81.

1 апреля 1782 г. императрица распорядилась оплатить купцу Сутерланду из своих «комнатных» денег «за вексель на две тысячи талеров, отправленной в Дрезден к здешнему министру князю Белосельскому на содержание и учение пажа Аленина за прошлой и нынешней год девять сот семьдесят пять рублей пятьдесят копеек»[83].

31 января 1785 г. Сутерланду был оплачен вексель на тысячу талеров «на содержание и обучение бывшего пажом капитана Аленина, за последней пребывания его в чужих краях, на 1784-й год, девятьсот девяносто девять рублей двадцать копеек»[84]. Однако в бумагах Олениных также сохранилось письмо кн. А.М. Белосельского, русского посланника в Дрездене, к матери Алексея Николаевича с просьбой оплатить за учебу сына вексель на 4787 голландских гульденов и 12 штиверов, что соответствовало 2851 рублю и 18 копейкам. Этот документ датирован 11 мая 1785 г., но только 20 апреля 1787 г. поверенный Ричарда Сутерланда получил эту сумму[85].

Анна Алексеевна: «В Дрездене жизнь его была самая приятная. Он ходил учиться в артиллерийскую школу и жил в семье одного профессора, у которого помещалось на квартире еще несколько учеников-русских. Между ними был некто Львов, с которым батюшка очень подружился» (с. 230–231). Комментарий: «По-видимому, Анна Алексеевна имеет в виду известного Николая Александровича Львова (1751–1803), архитектора, художника, поэта и музыканта, к кружку которого принадлежал А.Н. Оленин; однако Н.А. Львов был тринадцатью годами старше А.Н. Оленина и в числе дрезденских “учеников русских” не состоял. Знакомство А.Н. Оленина с Н.А. Львовым относится к более позднему периоду» (с. 241).

Н.А. Львов родился в 1753 г. (как установлено сравнительно недавно), а потому был старше Оленина на 11 лет. Знакомство с ним состоялось очень скоро по возвращении Алексея Николаевича из-за границы. «Некто Львов» однозначно свидетельствует: Анна Алексеевна не имела понятия, с каким Львовым подружился ее отец. Скорее всего, это Федор Петрович (1766–1836), который, правда, в учениках Артиллерийской школы не состоял, однако в 1783–1784 гг. находился тоже в Дрездене в команде князя А.М. Белосельского, будучи членом русской дипломатической миссии. О давней дружбе Оленина и Федора Львова свидетельствует послание к Алексею Николаевичу, написанное 24 января 1800 г. при посылке микроскопа:

[83] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3897. Л. 100.
[84] Там же. Ед. хр. 3900. Л. 69.
[85] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 602. Л. 7.

Ты увидишь крупным слогом,
Что старинной дружбы связь
Мы не втаптываем в грязь,
Что в числе людей немногом,
Где быть можно без затей,
Дружество всего милей...[86]

Анна Алексеевна: «Приходят мне также на память наши приютинские праздники, павловские театры у Блудовых, Плещеевых, и звон колоколов, производимый соединением разных голосов и слов – всё это так нас забавляло, что сам отец мой и граф Блудов приходили иногда в такой восторг от удачного исполнения, что сами присоединялись к нам, принимали участие во всех играх и даже сами звонили в колокола» (с. 232).

В качестве комментария дана выдержка из воспоминаний сестры Варвары Алексеевны с перечислением игр, устраиваемых в Приютине, хотя речь идет больше о забавах в Павловске, куда с 1839 г. на лето выезжали Оленины и где на дачах в то время также жили упомянутые Блудовы и Плещеевы. Один из вечеров с «колоколами» должен был состояться у Олениных 25 июля 1839 г. О том писала С.Н. Карамзина, наблюдавшая Антонину Блудову и Анну Оленину на обеде у княгини М.А. Щербатовой. На нем присутствовал и М.Ю. Лермонтов. «Они были очень увлечены разговорами о вечере, который давала в тот же день Аннет Оленина и который назывался “вечером шалуний”; каждая из них должна была изображать на нем один из московских колоколов...»[87]

Анна Алексеевна об отце: «В его разговорах, выборе для меня книг и в кругу незабвенных наших великих современников: Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Пушкина, Вяземского, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Уткина, Брюллова, Щедрина и прочих, почерпала я всё, что было в то время лучшего» (с. 232). В комментариях: Брюллов – это Карл Павлович, Щедрин – Сильвестр Феодосиевич.

В первом (спорном) случае можно назвать и Александра Павловича; во втором (однозначно) нужно говорить лишь об Аполлоне Феодосиевиче, поскольку Сильвестр, покинув Россию в 1818 г., когда Анне не исполнилось 11 лет, обратно уже не возвратился. Аполлон же Щедрин был довольно близок к Олениным и играл роль посред-

[86] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 758. Это стихотворение ошибочно оказалось среди стихотворений и писем Н.А. Львова к Оленину.

[87] М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 363.

ника между членами этой семьи и братом, которому посылал заказы на рисунки для альбомов сестер[88].

Литературные шалости

7 ноября 1834 г. молодежная компания, окружение Анны того времени, заключила шуточный договор съехаться в Приютино 15 мая 1854 г.: «Мы нижепоименованные обещались и клялись Г-же статской советнице Александре Княж-Андреевой дочери жене Олениной и ея супругу Алексею Алексееву сыну Оленину, что буде мы еще будем обретаться в живых, то непременно и неизменно чрез 19 лет 6 месяцев и 8 дней <...> приедем или придем» в Приютино (с. 294). Комментарий: «Этому намерению не суждено было сбыться: в марте 1841 г. Приютино было продано...» (с. 295). Объяснения – почему «обещались и клялись» именно Алексею с Александриной – отсутствуют.

Именно Алексею была определена в наследство эта дача под Петербургом, но: «Так как Приютино будет после меня тебе, другу моему, тяжело видеть и напоминать меня, а между тем при последних минутах жизни моей винится в грехах моих, то должна признаться, что Приютино по состоянию нашему нам в тягость, и потому Алексею Алексеичу еще более его будет содержать в тягость, и потому желаю после смерти моей, чтоб его продали»[89]. Такова была воля Елизаветы Марковны, умершей 3 июля 1838 г.

Продано же было Приютино после длительных торгов с многочисленными покупателями. В письме от 11 мая 1841 г. Алексей Николаевич напоминал сыну Петру: «Ты знаешь, любезный друг, что по воле покойной вашей родительницы и с согласия вашего я решился продать для уплаты некоторой части наших долгов и обязательств оставшееся недвижимое имение после покойной и в Бозе несомненно почивающей бесценной матери вашей – Елизаветы Марковны – мызу ее Приютино»[90].

* * *

В материалах, включенных в Приложение I, не раз встречается имя Валериана Савельева, перу которого принадлежит здесь же опубликованный «Беглый взгляд или быстрый взор на Приютино в воен-

[88] *Щедрин А.Ф.* Письма в Италию к брату Сильвестру. 1825–1830. СПб.: Бельведер, 1999.

[89] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 943. Л. 10.

[90] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 46.

ном отношении». Он – активный участник игр и забав, устраиваемых Анной и ее подругами в Приютине в 1834 г.; присутствует и на акварели Ф.Г. Солнцева, запечатлевшей Олениных и их гостей 26 мая (совпало с днем рождения А.С. Пушкина) 1834 г. в приютинской гостиной. Анна отмечает, что в 1854 г. Савельеву исполнится 40 лет. Комментаторы: артиллерийский офицер, член «приютинского кружка» 1834 г. (с. 273). В 1854 г., будучи полковником, служил инспектором в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже (с. 277). «По сходству почерка можно утверждать, что очерк написан В.А. Савельевым (род. ок. 1814), произведенным в артиллерийские офицеры в 1833 или 1834 г.» (с. 298).

Личность Савельева не вызвала особого любопытства. Согласно свидетельству Воронежской консистории, родился Валериан Савельев 15 августа 1813 г. Со 2 февраля 1831 г. исчисляется его военная служба в чине фейерверкера 4-го класса в Артиллерийском училище в Петербурге. К моменту появления акварели Ф.Г. Солнцева он был уже поручиком, произведенный в этот чин 8 февраля 1834 г.[91] Остается загадкой, кто и с чем идентифицировал почерк автора (рукопись имеет подпись: *Артиллерист*). Более ста лет назад, публикуя «Беглый взгляд...», П.М. Устимович написал в примечаниях нечто очень похожее: «По сходству почерка можно предположить, что написан он Савельевым»[92].

Время написания «Беглого взгляда...» комментаторы «предположительно» и без разъяснений относят к концу 1836 – началу 1837 г. (с. 248), в другом месте, на основании данных текста, – предположительно к 1839 г. (с. 298). Путем сложнейших сопоставлений появились иные сроки возможного появления этого сочинения. Зацепкой, послужившей началом этих сопоставлений, стали несколько реплик Савельева, на которые комментаторы обратили внимание. В одной упомянут покойный хозяин соседнего с Приютиным Рябова (Всеволод Андреевич Всеволожский) и «новый претендент» (на усадьбу) Gard-Chasse (егермейстер), имя которого Савельевым также не названо (с. 296). В другой реплике говорится о белом флаге с шифром «А.А.О.», под которым плавал приютинский «флот» (с. 297). Комментаторы проводят исследование, в котором непосвященному читателю трудно разобраться.

«Новый претендент» на Рябово – это Никита Всеволодович Всеволожский, «состоявший с 25 марта 1839 г. в должности егермейстера, а с 15 апреля 1841 г. заведовавший придворной охотой» (с. 299),

[91] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Ч. 1. Ед. хр. 95.
[92] *Устимович П.М.* Анна Алексеевна Андро // Русская старина. 1890. Т. 67. С. 404.

а это надо понимать однозначно: Савельев не мог написать свой шуточный очерк о Приютине ранее этих событий в жизни соседа по имению, то есть до апреля 1841 г., коль скоро приведена эта дата. Правда, по Б.Л. Модзалевскому, последнее назначение состоялось 22 августа 1844 г.[93]

Читаем далее: «Поскольку в упоминающиеся ниже инициалы Анны Алексеевны (“А.А.О.”) входит еще ее девичья фамилия, “Беглый взгляд...” был сочинен до ее замужества, т. е. до 16 марта 1840 г.» (с. 299). Наконец, последняя выкладка: «Вероятнее всего, “Беглый взгляд...” был составлен в Приютине; если под “новым претендентом” на роль “властелина” “земель Рябовских” подразумевается действительно Н.В. Всеволожский, то датировка “Беглого взгляда...” определяется дачным сезоном 1839 г.» (с. 299).

Итак, каждый может выбрать то, что ему больше подойдет в его научной работе, коль скоро придется использовать сочинение Валериана Савельева и комментарии к нему Л. Г. Агамалян и В.М. Файбисовича.

Отметим явные ошибки: Анна Алексеевна сменила девичью фамилию на Андро 16 февраля 1840 г. (см. выше); Никита Всеволожский родился не 17, а 22 февраля 1799 г.[94] Отнесем комментарий к упомянутому флагу (у Савельева: «Сей флот плавает под белым флагом, в среднем щите коего из незабудок шифр А.А.О.») на счет казуса, который выглядит весьма любопытно: «По-видимому, таким флагом служит носовой платок Анны Алексеевны Олениной» (с. 300).

А теперь зададим только один вопрос: если под «новым претендентом» на роль «властелина», то есть владельца Рябова, подразумевается кто-то другой, как же быть? Ведь Рябово унаследовал не Никита, а его брат Александр. Наконец, грустно, коль скоро комментаторы забыли, что на следующий после смерти Елизаветы Марковны летний сезон Алексей Николаевич нанял дачу в Павловске, а позже там же приобрел дом. И там же принимал гостей, а 5 сентября, в Елизаветин день, сообщал сыну, что «вместо приготовлений разных потех в Приютине мы были и плакали на могиле верной супруги, нежной матери и доброго друга»[95].

В очерке Савельев несколько раз упоминает конкретные события, которые привязывает к конкретным датам. Говоря о «боеспособности» и готовности приютинского «сухопутного войска», автор отмечает, что все обитатели усадьбы «могут дать сильный отпор

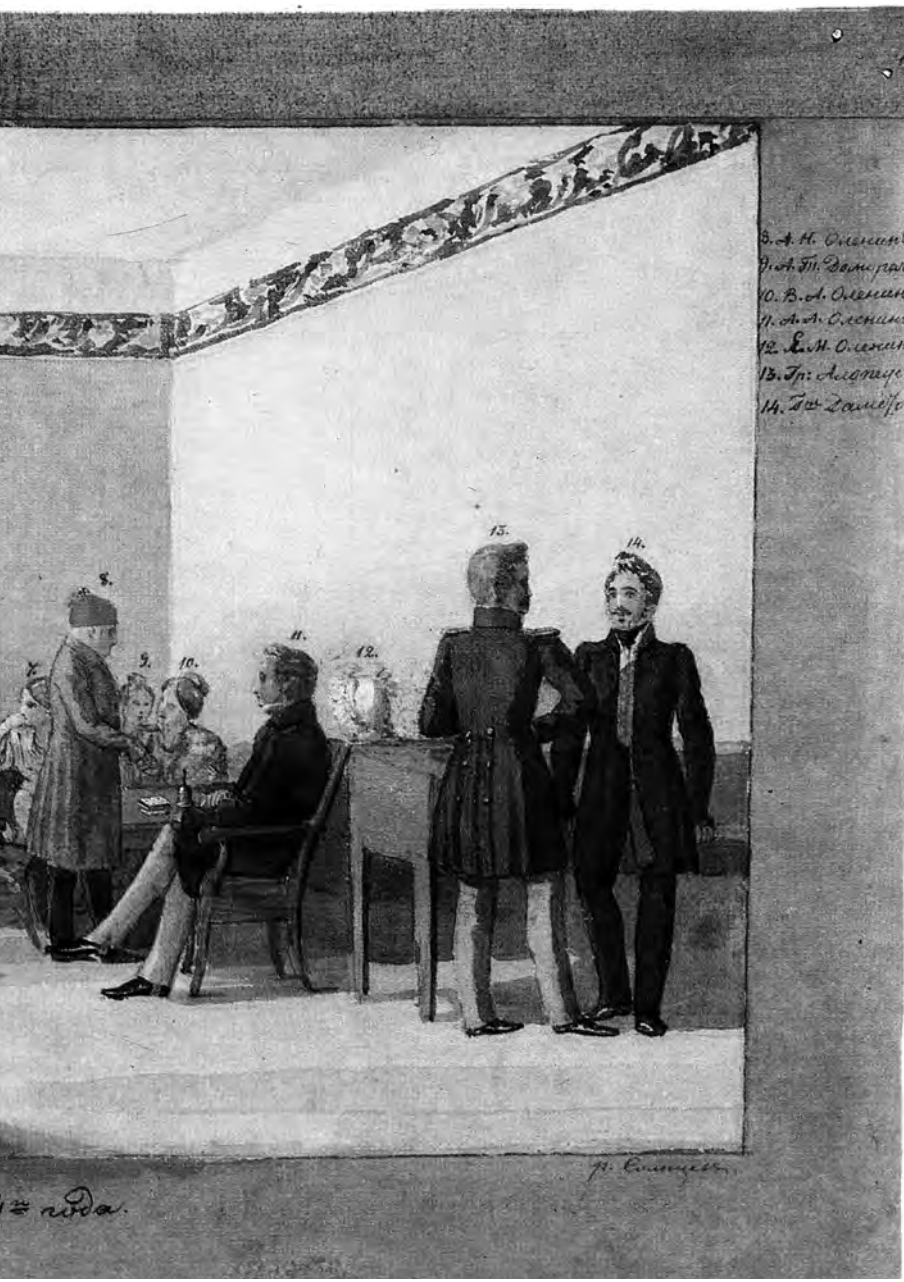
[93] Архив Раевских. СПб., 1909. Т. 2. С. 98.
[94] *Афанасьев С.И.* Православные храмы Петербурга… С. 273.
[95] РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 68–68об.

П.Н. Орлов. Анна Алексеевна Оленина. 1839. Холст, масло. Пензенская картинная галерея.

дерзкому, если он осмелится выстрелами пугать соловьев (как это случилось в 1835 г.) или похищать колеса от кузницы (как это случилось в 1834 г.)». Говоря о приютинском флоте, состоявшем из одного ялика, Савельев поясняет: «в минуту опасности <...> он может выдержать морскую битву (чему и был пример в 1834 году...)». По-

5
4.
6.
Пятигорск 26 Мая 1834

Ф.Г. Солнцев. Гостиная в приютинском доме. 26 мая 1834.
Акварель, белила, тушь, перо. Всероссийский музей А.С. Пушкина.

И.А. Макаров. Анна Алексеевна Андро, рожд. Оленина. 1851. Холст, масло. Гос. литературный музей.

хвально отозвавшись об артиллерии, Савельев, однако, делает оговорку: «Хотя должно признаться, что в прошедшем 1835 году при осмотре сих орудий оказалось...» и т. д. (с. 297). Трудно поверить, что автору запомнились события давно ушедших лет, если бы он писал свой очерк в 1841, 1840 или в летний сезон 1839 г. И «прошедший 1835 год» в данном случае следует понимать однозначно, а отправной точкой для датировки должно считать 1836 год. Именно тогда скончался Рябовский «властелин», то есть Всеволод Андреевич Всеволожский, но не в конце года, а по весне, 28 апреля[96]. Сам же Савельев с 30 августа 1836 г. по 1 мая 1837 г. находился на Нижне-Туринском чугунно-плавильном заводе. С 11 февраля 1839 г. новая командировка – для покупки и привода в бригаду ремонтных артиллерийских лошадей. В том году, как уже было отмечено, Олениных не жили в Приютине, а лето 1838 г. началось с майской поездки Алексея Николаевича с Анной к Петру Алексеевичу в Новоторжский уезд. Го-

[96] Санкт-Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 501.

стили они там до конца месяца[97]. Из писем того времени узнаем, что в середине июня обострилась болезнь Елизаветы Марковны и пришлось даже срочно вызывать сына в Петербург. А 3 июля – кончина хозяйки усадьбы, похороны, траур, еще одни похороны – сестры Алексея Николаевича, Софьи, которая ушла из жизни 5 июля; наследственные дела. Не до забав и развлечений, которые могли побудить Савельева взяться за перо и создать шуточный очерк. Так что сочинение Савельева мы однозначно отнесем к 1836 г.

Однако вернемся в 1834 г., когда появилось несколько опубликованных поделок Анны Алексеевны и ее друзей. 4 октября А.Д. Блудова сочинила «Небылицу, которая может сбыться». Она начинается так: «Я воображаю всех нас собравшимися у вас дома через 20 лет; мы в изящной гостиной; вы с Лидией (сестра Антонины. – *Л.Т.*) на диване; муж Лидии расположился за столом напротив вас и читает газету (ибо ее муж будет непременно во фраке)...» (с. 256).

Комментарий: «Предсказание сбылось: муж гр. Л.Д. Блудовой (с января 1837) Егор Иванович Шевич (р. 1808) был офицером Л.-гв. Гусарского полка, но вышел в отставку в 1842 г. в чине полковника» (с. 276).

Увы, Е.И. Шевич не дожил до 1854 г. 18 января 1842 г. он вышел в отставку, но 13 января 1843 г. снова надел военный мундир (подполковника по кавалерии) и состоял по особым поручениям при Главноуправляющем путями сообщения. 6 декабря 1844 г. произведен в полковники, а 10 февраля 1847 г. прикомандирован к Образцовому кавалерийскому полку «для испытания по службе». С 18 мая 1848 г. – командир Гусарского Ее Императорского Высочества Ольги Николаевны полка. 9 июня 1849 г. исключен из списков умершим. Согласно метрической справке, родился Егор Иванович 14 сентября 1808 г.[98] Всё это должно быть интересно лермонтоведам.

Описав других участников предполагавшейся встречи в 1854 г., Антонина Блудова перешла и к «полковнику артиллерии»: «Что же до других персонажей, то среди них – полковник артиллерии (фи, уже давно генерал, поправляет Аннет), вернувшийся с Кавказа, где он провел более восемнадцати лет» (с. 257).

Комментарий: «Гр. А.Д. Блудова оказалась прозорливее, чем А.А. Оленина: в 1854 г. В.А. Савельев служил инспектором в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже в чине полковника» (с. 277).

---

[97] ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 7.

[98] *Акиньшин А.Н.* Генеалогические материалы о семье Шевичей в Воронеже // Генеалогический вестник. Вып. 12. СПб.: Изд-во ВИРД, 2002. С. 30.

Обложка и форзац дневника А.А. Олениной с надписью: «Милому племяннику Николаю Андро де Ланжерон, прося его полюбить Анну Алексеевну и ее достойных родителей, на добрую память. Ольга Оом. 27 Декабря 1936. Париж». Музей-усадьба «Приютино». Дар Д. Н. Андро, 2014.

Анна ошиблась только во времени присвоения Савельеву следующего звания. 6 октября 1859 г. высочайшим приказом В.А. Савельев был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы[99]. Служить на Кавказе ему не пришлось. А теперь о самом главном. Родная сестра его отца Екатерина Петровна, урожденная Савельева, была матерью Григория Никаноровича Оленина, женившегося на сестре Анны. Таким образом, Валериан приходился двоюродным братом Григорию Никаноровичу, его жене Варваре Алексеевне и ее сестре Анне Алексеевне. После кончины отца Валериан находился на воспитании у матери Григория Никаноровича (сообщил А.Н. Акиньшин, Воронеж). Женился Валериан Савельев на Зинаиде Ивановне Сонцовой, брат которой, Петр Иванович Сонцов (1794?—1871), первым браком был женат на Екатерине Никаноровне Олениной. 30 сентября 1838 г. Валериан Савельев был

[99] *Зверев С.Е.* Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845–1895. Воронеж, 1898. С. 212.

Могила Анны Олениной-Андро
на кладбище Троицко-Корицкого монастыря.

избран в почетные вольные общники Академии художеств по любви к искусству[100].

Родственные и дружеские связи с Олениными Савельев поддерживал и после кончины А.Н. Оленина и переезда Анны Алексеевны в Варшаву. Так, в кратком счете о приходах и расходах по дому Варвары Алексеевны Олениной с 17 августа 1843 г. по 1 февраля 1844 г. отмечено, что от него получено на страховку

[100] Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1865. Ч. 2. С. 372.

(«застрахование») дома 200 р. и квартирных 920 р. и 97 ½ копейки[101]. Вот так неожиданно соединились родственными узами разбросанные по страницам сочинений Анны Олениной и ее друзей отдельные участники тех или иных событий.

7 декабря 1865 г. Московская сохранная казна объявила о продаже с аукционного торга «заложенного и просроченного имения генерал-майора Валериана Алексеевича Савельева Тверской губернии Вышневолоцкого уезда в деревнях Василькове и Хмелеве и Новоторжского в деревне Литвинове, в коих поселено временнообязанных крестьян 57. Имение это будет продаваться со всею принадлежащею к нему землею и всяким на оной строением и с переводом долга…»[102]

Архивные источники

Примечания В.М. Файбисовича пестрят отсылками к архивным первоисточникам, которые уже были использованы другими авторами. Так, например, описание наводнения 1824 г. из письма Г.Н. Оленина (с. 15–16) полностью опубликовано еще в 1984 г.[103]

Письмо П.А. Вяземского к жене о поездке 20 мая 1828 г. с А. Мицкевичем в Приютино (с. 24) позаимствовано из статьи Т.Г. Цявловской, которая в примечаниях сообщила о месте нахождения оригинала, не указав при этом номер использованного листа. С такой же сноской дается этот документ и В.М. Файбисовичем, который не подозревал, что в его публикации имеются разночтения с оригиналом[104].

Сведения об устроении и освящении в Приютине домовой церкви (с. 178) также опубликованы. То же с фрагментом письма А.Н. Оленина к дочери Варваре о знакомстве с поэтом-слепцом И.И. Козловым (с. 180), которое опубликовано полностью нами[105].

И совершенной загадкой выглядят отсылки на фонд Олениных в Рязанском областном архиве, когда номера единиц хранения либо не указываются, либо не соответствуют фондовой описи; сами письма цитируются с многочисленными неточностями, например описание Приютина и Марьина (с. 176–177).

---

[101] ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 11об.

[102] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. 1865. 18 сентября. № 243. С. 660.

[103] *Осповат А.Л.* Вокруг «Медного всадника» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3. С. 242–243.

[104] См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3267. Л. 234.

[105] *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз… С. 13, 255; 158–159.

Иллюстрации

Небезупречной оказалась и работа по иллюстрированию книги. В качестве многих иллюстраций использованы художественные произведения, находящиеся в залах приютинского музея, о чем свидетельствует их окантовка, но в подписях указываются иные места их нахождения. На самом деле в книге воспроизведены копии с оригиналов, исполненные художниками-копиистами.

Портрет Анны Олениной работы О. Кипренского (бумага, итальянский карандаш; 1828) хранится не в Русском музее, а в Третьяковской галерее. В книге воспроизведен не литографированный портрет Е.М. Олениной, а карандашная копия с литографии А.А. Васильевского, выполненная нашим современником, художником-копиистом П.И. Страховым для приютинской экспозиции. Так что это не «литография с рисунка», а рисунок с литографии. Принадлежность портрета музею в Приютине выдает окантовка, в которой он находится в экспозиции, как и окантовка копии с акварельного портрета Г.Н. и В.А. Олениных работы К.П. Брюллова (1827), который в подписи указан собственностью Третьяковской галереи.

Портрет двух молодых женщин работы П. Соколова (1843. ГМП, Москва) после приобретения был со знаком вопроса атрибутирован в музее А.С. Пушкина как изображение сестер Антонины и Лидии Блудовых и причислен к работам П.П. Соколова. Но позже, как, к сожалению, зачастую водится, знак вопроса был снят. В подписи под иллюстрацией в книге указано, что это работа П.Ф. Соколова, исполненная в 1830-е гг.

В подписи под копией с акварели Ф.Г. Солнцева «Гостиная в Приютине» (1834) в окантовке приютинского музея местом хранения указан Всероссийский музей А.С. Пушкина. Перечисление имен в подписи не соответствует номерам, под которыми они воспроизведены художником, а имя Г.Н. Оленина не называется вовсе.

Живописный портрет Анны Олениной кисти И.В. Шевцова (1835. ГРМ) написан не на холсте, а на дереве.

Под живописным портретом Анны Алексеевны из собрания Музея А.С. Пушкина в Москве дана подпись: «А. Попов с оригинала К.П. Брюллова. Портрет Анны Алексеевны Олениной. 1835». Портрет написан в 1842 г., следовательно, позировала художнику А.А. Андро,

урожденная Оленина. А. Попов не мог копировать работу Карла Павловича в 1835 г. хотя бы потому, что сам живописец, находясь в Италии, не мог в том году писать портрет Анны Алексеевны.

Живописный портрет Г.С. Волконского в белом мундире кисти В.Л. Боровиковского почему-то оказался в Тульском областном художественном музее, хотя его место в Киевском музее русского искусства. В Туле Г.С. Волконский изображен в зеленом мундире.

Под женским и мужским миниатюрными портретами (местонахождение неизвестно) дана подпись: «Портрет Александры Петровны Волконской, в замужестве Дурново…».

Живописный портрет Анны Алексеевны кисти И.К. Макарова (1851. ГЛМ) превратился в фотографию 1860-х гг.

Вид Приютина, упомянутый в примечаниях, приписан неизвестному художнику (с. 300), но подпись на лицевой стороне указывает, что это акварель работы Л.Х. Фрикке, исполненная в 1833 г. (ГЛМ).

Живописный «Пейзаж с пастухами и стадом» из Русского музея, некогда идентифицированный нами как приютинский пейзаж (экспонируется в Музее-усадьбе Приютино), считался работой Семена, а не Сильвестра Щедрина (с. 300, 366). После атрибуции полотно было выведено искусствоведами Русского музея из круга работ этого художника, но даже предположительно не приписано Сильвестру Щедрину.

И последнее: акварель И.А. Иванова «Вид на господский дом в Приютине» (1825. ГМП) воспроизведена на суперобложке в зеркальном отражении.

«Приступая к работе над настоящим изданием, мы надеемся восполнить научный пробел, на который указал некогда И. С. Зильберштейн», – заявляли В.М. Файбисович и Л.Г. Агамалян (с. 8).

Вместо заключения

Парадоксально, но почти все ошибки, за редким исключением, спустя 10 лет перекочевали в объемный труд, главным составителем и комментатором которого, а также автором вступительной статьи является Л.Г. Агамалян[106].

[106] Приютино: Антология русской усадьбы / Сост. и коммент. Л.Г. Агамалян и И.С. Ефимовой; Вступ. ст. и подгот. текстов Л.Г. Агамалян. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 784 с.

Литература

Акиньшин А.Н. Генеалогические материалы о семье Шевичей в Воронеже // Генеалогический вестник. Вып. 12. СПб.: ВИРД, 2002. С. 29–31.

Афанасьев С.И. «Друзья мои…» (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб.: Наука, 2004. С. 152–169.

Афанасьев С.И. Православные храмы Петербурга – памятные декабристские места // Мѣра: Литературный, историко-художественный, религиозно-философский журнал. СПб.: Глагол, 1996. Вып. 1 (11): Декабристский вып. С. 268–283.

Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810 / Подгот. текста, ст. и коммент. Г.Н. Моисеевой. Л.: Наука, 1985. 286 с.

Дневник Annette // Новый журнал. 1995. № 3. С. 69–104.

Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисл. и ред. О.Н. Оом. Париж, 1936. XLI, 137 с.

Заборов П.Р. «Я России и русских не забываю» // Cahiers du Monde Russe. 1998. Т. 39 (3). P. 321–325.

Кочеткова Н.Д. Дмитриев-Мамонов Федор Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л.: Наука, 1988. С. 274–276.

Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Науч. ред. и авт. предисл. В.М. Файбисович; подгот. рус. текста Н.А. Казаковой; подгот. фр. текста, пер. М.В. Арсентьевой; коммент. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича. СПб.: Академический проект, 1999. 368 с.

Осповат А.П. Вокруг «Медного всадника». 1. Легенда о «сне майора Батурина»: Источниковедческая заметка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 3. С. 238–242.

Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1996. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 479–532.

Письма С.Н. Карамзиной к Е.Н. Мещерской о Лермонтове / Публ. Э.В. Даниловой, В.А. Мануйлова, Л.Н. Назаровой // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 343–369.

Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. 287 с.

Тимофеев Л.В. Джамалуддин – сын имама Шамиля // Нева. 1998. № 9. С. 157–175.

Тимофеев Л.В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2003. М.: Наука, 2004. С. 7–63.

Тимофеев Л.В. Портрет, не попавший на Пушкинские выставки // Невское время. 2000, 10 февр.

Тимофеев Л.В. Портреты двух драгунских офицеров // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2001. М.: Наука, 2002. С. 359–371.

Тимофеев Л.В. «Послание к А.И. Т<ургеневу>» К.Н. Батюшкова // Русская литература. 1981. № 1. С. 136–138.

Тимофеев Л.В. Презус военно-судной комиссии // Нева. 2002. № 2. С. 236–240.

Тимофеев Л.В. Приют, любовью муз согретый. СПб.: Нестор-История, 2007. 582 с.

Тимофеев Л.В. Старый оленинский альбом // Мир музея. 2000. № 1. С. 57–62.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 832 с.

Щедрин А. Письма в Италию к брату Сильвестру: 1825–1830 / Сост., авт. редакции текстов, вступ. статьи и коммент. М.Ю. Евсевьев. СПб.: Бельведер, 1999. 76 с.

References

Afanas'ev S.I. «Druz'ia moi…» (Novye biograficheskie svedeniia o litsakh pushkinskogo okruzheniia iz metricheskikh knig peterburgskikh pravoslavnykh khramov kontsa XVIII – nachala XIX v.) [“My friends...” (New biographical information on Pushkin’s inner circle persons from metric books of the St. Petersburg Orthodox churches, end of the XVIII – beginning of the XIX century)]. In: *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Vyp. 29. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 152–169. (In Russ.)

Afanas'ev S.I. Pravoslavnye khramy Peterburga – pamiatnye dekabristskie mesta [St. Petersburg Orthodox churches as the Decembrist memorable places]. In: *Mera: Literaturnyi, istoriko-khudozhestvennyi, religiozno-filosofskii zhurnal*. Saint Petersburg, Glagol Publ, 1996. Vyp. 1 (11), Dekabristskii vyp., pp. 268–283. (In Russ.)

Akin'shin A.N. Genealogicheskie materialy o sem'e Shevichei v Voronezhe [Genealogical materials on the Shevich family in Voronezh]. In: *Genealogicheskii vestnik*. Vyp. 12. Saint Petersburg, VIRD Publ., 2002, pp. 29–31. (In Russ.)

Dashkova E.R. *Zapiski* [Notes]. 1743–1810, podgot. teksta, st. i komment. G.N. Moiseevoi. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 286 p. (In Russ.)

Dnevnik Annette [The diary of Annette]. In: *Novyi zhurnal*, 1995, № 3, pp. 69–104. (In Russ.)

Dnevnik Anny Alekseevny Oleninoi [The diary of Anna Olenina] (1828–1829), predisl. i red. O.N. Oom. Parizh, 1936. XLI, 137 p. (In Russ.)

Kochetkova N.D. Dmitriev-Mamonov Fedor Ivanovich. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*. Vyp. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 274–276. (In Russ.)

Olenina A.A. *Dnevnik. Vospominaniia* [The diary. Memoirs], nauch. red. i avt. predisl. V.M. Faibisovich, podgot. rus. teksta N.A. Kazakovoi, podgot. fr. teksta, per. M.V. Arsent'evoi, komment. L.G. Agamalian, V.M. Faibisovicha. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 368 p. (In Russ.)

Ospovat A.P. Vokrug «Mednogo vsadnika». 1. Legenda o «sne maiora Baturina»: Istochnikovedcheskaia zametka [On “The Bronze Horseman”. 1. The legend of “Major Baturin’s dream”: a note on source studies]. In: *Izvestiia AN SSSR. Ser. lit. i iaz*., 1984. t. 43, № 3, pp. 238–242. (In Russ.)

Pis'ma N.D. Romanova k B.L. Modzalevskomu [N.D. Romanov’ letters to B.L. Modzalevsky], publ. L.K. Khitrovo. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. 1996*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, pp. 479–532. (In Russ.)

Pis'ma S.N. Karamzinoi k E.N. Meshcherskoi o Lermontove [S.N. Karamzina’s letters about Lermontov to E.N. Meshcherskaya], publ. E.V. Danilovoi, V.A. Manuilova, L.N. Nazarovoi. In: *M. Iu. Lermontov. Issledovaniia i materialy*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 343–369. (In Russ.)

Shchedrin A. *Pis'ma v Italiiu k bratu Sil'vestru: 1825–1830* [Letters to Italy to brother Sylvester: 1825–1830], sost., avt. redaktsii tekstov, vstup. stat'i i komment. M.Iu. Evsev'ev. Saint Petersburg, Bel'veder Publ., 1999. 76 p. (In Russ.)

Shilov D.N. *Gosudarstvennye deiateli Rossiiskoi imperii. Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii. 1802–1917: Biobibliograficheskii spravochnik* [Statesmen of the Russian Empire. Heads of higher and central institutions. 1802–1917: Bio-bibliographical reference book]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 832 p. (In Russ.)

Timofeev L.V. Dzhamaluddin – syn imama Shamilia [Jamaluddin, Imam Shamil's son]. In: *Neva*, 1998, № 9, pp. 157–175. (In Russ.)

Timofeev L.V. Ot Parfeniia (Rodoslovnaia Oleninykh) [From Parfeny (Olenins' Genealogy)]. In: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Ezhegodnik. 2003*. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 7–63. (In Russ.)

Timofeev L.V. Portret, ne popavshii na Pushkinskie vystavki [The portrait which did not find the way to Pushkin exhibitions]. In: *Nevskoe vremia*. 2000, 10 fevr. (In Russ.)

Timofeev L.V. Portrety dvukh dragunskikh ofitserov [Portraits of two dragoon officers]. In: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Ezhegodnik. 2001*. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 359–371. (In Russ.)

Timofeev L.V. «Poslanie k A.I. T<urgenevu>» K.N. Batiushkova [K.N. Batyushkov's "Epistle to A.I. T<urgenev>"]. In: *Russkaia literatura*, 1981, № 1, pp. 136–138. (In Russ.)

Timofeev L.V. Prezus voenno-sudnoi komissii [The court martial commander]. In: *Neva*, 2002, № 2, pp. 236–240. (In Russ.)

Timofeev L.V. *Priiut, liubov'iu muz sogretyi* [The shelter warmed by Muses' love]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007. 582 p. (In Russ.)

Timofeev L.V. Staryi oleninskii al'bom [The old Olenin's album]. In: *Mir muzeia*, 2000, № 1, pp. 57–62. (In Russ.)

Timofeev L.V. *V krugu druzei i muz: Dom A.N. Olenina* [In the circle of friends and muses: A.N. Olenin's house]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983. 287 p. (In Russ.)

Zaborov P.R. «Ia Rossii i russkikh ne zabyvaiu» ["I do not forget Russia and the Russians"]. In: *Cahiers du Monde Russe*, 1998, vol. 39 (3), pp. 321–325. (In Russ.)

Comments on comments
Diary and memoirs of A.A. Olenina

Lev V. Timofeev

Abstract: The article contains a lot of new information on the inner circle of A.A. Olenina and her father, A.N. Olenin, who managed to surround themselves and their house with special artistic atmosphere, depicted in a number of literary and pictorial works. For 50 years, the Olenins' house was one of the centers of Russian cultural life, therefore its owners' connections help to disclose the biographies of many Russian cultural figures. In the article the mistakes made by the publishers of Olenina's diary are corrected.

Keywords: A.A. Olenina, A.N. Olenin, Priyutino, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov.

Information about the author: Lev Valentinovich Timofeev, historian, the founder and first director of Priyutino Literary and Art Museum (1969–1977), independent researcher. E-mail: lev_t36@mail.ru.

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-220-228
УДК 821.161.1

О первой книге А.С. Пушкина

П.А. Дружинин

Аннотация: Описание обнаруженного в British Library уникального экземпляра первой книги А.С. Пушкина – поэмы «Руслан и Людмила» 1820 г. Благодаря этому необрезанному экземпляру в издательской обложке мы можем судить о том, в каком виде поэма вышла из типографии 10 августа 1820 года.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила», библиография, книговедение, пушкиниана.

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, кандидат истор. наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия. E-mail: petr@druzhinin.ru

«Первая книга великого Пушкина внешне не очень красива. Даже менее красива и менее изящна, чем другие прижизненные издания поэта. Печатавшая ее типография Николая Греча, издателя журнала “Сын Отечества”, была далеко не лучшей типографией своего времени. Шрифт, которым набрана книга, слишком обыкновенен и чуть-чуть “усталый”. Это шрифт “работяга”. Не очень продуман и формат книги. Он мал для издания, претендующего на парадность, и великоват для книги, единственным украшением которой является скромность и простота…»[1]

Этой характеристикой открывается описание первого издания «Руслана и Людмилы» в «Рассказах о прижизненных изданиях Пушкина» Н.П. Смирнова-Сокольского. Мы считаем эти слова ничуть не справедливыми: книга и изящна, и хорошо набрана, а ее формат в действительности был не столь куцым, как принято думать по переплетенным экземплярам. Однако предметом настоящей заметки ни в коем случае не является критика этого справочника, в значительной степени замечательного и важного для библиографии Пушкина. До сих пор этот справочник остается по сути единственным аннотированным перечнем книг, составляющих прижизненную пушкиниану.

Рад выразить благодарность Т.И. Краснобородько и А.Л. Соболеву за их советы в процессе написания этой заметки.

[1] *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Всесоюзная книжная палата, 1962. С. 40.

Мы коснемся лишь фрагмента истории «первого Руслана» – его действительной внешности, а точнее говоря – печатной обложки. Заранее просим прощения у тех читателей, которые сочтут этот предмет не заслуживающим внимания.

Первая книга А.С. Пушкина вышла в свет летом 1820 г. Долгое время точная дата не была известна: у Н.П. Смирнова-Сокольского, который следует по стопам Н.А. Синявского и М.А. Цявловского, выход книги в свет определен «после 23 июля – первые числа августа, до 10». Но еще в 1956 г. А.П. Могилянский на основании цензурных материалов обнародовал точную дату, когда цензурный комитет выдал билет на выход отпечатанной книги: 10 августа 1820 г. (в цензуру рукопись была представлена В.А. Жуковским 14 мая 1820 г., одобрена И.О. Тимковским на следующий же день)[2].

В тот же день, 10 августа 1820 г., было дано разрешение на печать в той же типографии Н.И. Греча 33-й книжки «Сына Отечества», в которой в разделе новых книг было набрано первое известие об издании: «Руслан и Людмила. Поэма в 6 песнях. Сочинение А. Пушкина. С. П. б. 1820, в тип. Н. Греча, в 8, 113 стр. (Мы ограничиваемся в нынешней книжке известием о выходе в свет сего прекрасного произведения: в будущей напечатается подробный разбор ее. Поэму сию можно получать в типографии Издателя Сына Отечества и в книжных лавках гг. Плавильщикова и Сленина. Цена ей на белой бумаге, в цветной обертке 10 р. Принадлежащая к ней виньетка, на которой изображены все лица и главнейшие явления Поэмы, еще не кончена. Она нарисована весьма удачно, гравируется искусным Художником, и купившим Поэму раздаваться будет безденежно)»[3].

Действительно, гравированный фронтиспис не поспел к выходу. Это, собственно, не единая композиция, а грифонаж по мотивам поэмы. Эскиз был создан И.А. Ивановым (1779–1848), но не по собственному разумению, а по «программе», как это тогда называлось, то есть по замыслу, который принадлежал директору Публичной библиотеки и президенту Академии Художеств А.Н. Оленину (1763–1843), отсюда и лигатура АО под изображением; гравировал этот эскиз М.А. Иванов (1781?–1839). При таком серьезном подходе немудрено, что картинка задержалась, поскольку ничего не было технологически трудного, что могло бы существенно задержать выход гравюры. (По всем правилам фронтиспис, особенно если он опазды-

[2] *Могилянский А.П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 388–395.

[3] Сын Отечества. СПб., 1820. № XXXIII. С. 326–327.

вал, должен был бы пройти цензуру отдельно, но никаких сведений по этому поводу пока не разыскано.)

Как можно видеть по журнальному объявлению, книга вышла «в цветной обертке». Н.П. Смирнов-Сокольский пишет по этому поводу следующее: «Первое издание “Руслана и Людмилы” 1820 года было выпущено без печатной обложки, в так называемой “немой” цветной обертке. Это подтверждается тем обстоятельством, что мне (а до меня М.А. Цявловскому и другим), несмотря на тщательные поиски, не удалось обнаружить экземпляра в печатной обложке ни в одном из книгохранилищ Москвы и Ленинграда. Везде имеются экземпляры либо в однотипных переплетах, либо именно в цветной “немой” обертке. Из последних экземпляров особенно важен хранящийся в Государственном литературном музее в Москве. Экземпляр этот в “немой” обертке, на обороте передней стороны которой имеется рукописный экслибрис Н.И. Тургенева. Здесь, так сказать, налицо уже неоспоримое свидетельство современника»[4].

Думается, вопрос наличия печатной обложки на этой книге был для Смирнова-Сокольского гамлетовским: в книжном собирательстве, в особенности если речь идет о прижизненных изданиях Пушкина – вершине книжного коллекционирования в России, – наличие у экземпляра обложки является настолько принципиальным, что даже таким маститым собирателям приходилось десятилетиями дожидаться экземпляра в первозданном виде, правдами и неправдами добывать безупречный экземпляр очередной книги. Смирнов-Сокольский, как можно понять из приведенной цитаты, экземпляра в обложке так и не дождался; даже больше: он убедил и себя, и остальных в том, что подобных экземпляров никогда не существовало. Впрочем, его аргументация вполне разумна, хотя само определение «в цветной обертке», которое употребил «Сын Отечества», не полностью аналогично «немой цветной обертке». Обратившись же к издательской терминологии, мы увидим, что слово «в обертке» для пушкинской эпохи чаще синонимично тому, что мы ныне называем наборной обложкой, но никакой точности в этих определениях не было и в то время. Наиболее распространенная тогда формулировка «в бумажке» преимущественно обозначает не пустую цветную бумажку, а наборную (по крайней мере, к такому выводу мы приходим, сравнив несколько газетных объявлений с сохранившимися экземплярами). Наборные обложки пришли на смену пустым оберткам по понятной причине: издатели и книгопродавцы были заинтересованы в продаже товара и старались делать его привлекательным, а к тому

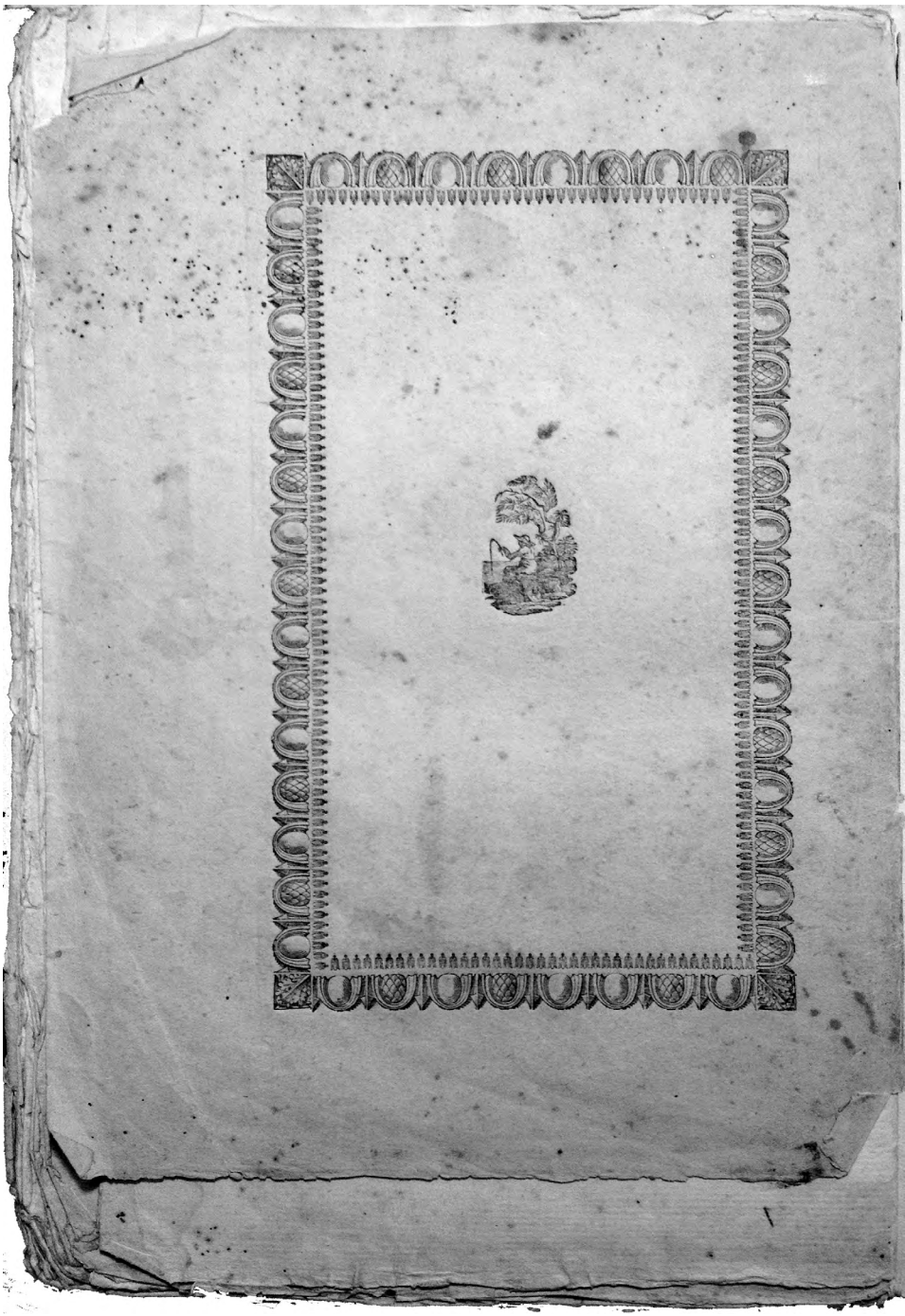
[4] *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина… С. 51.

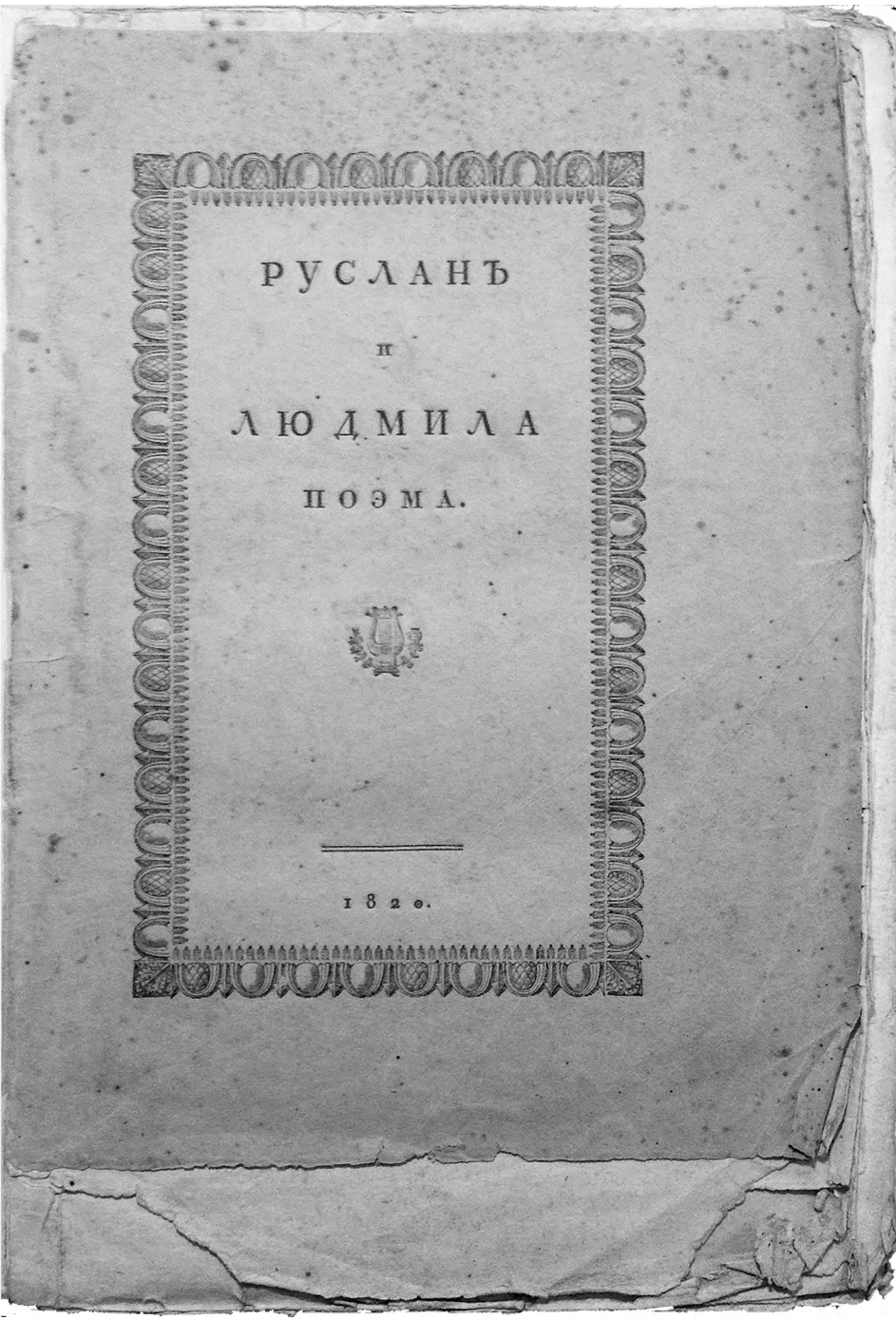
появился простой и действенный способ, не требующий трат на переплет. Однако все эти наши рассуждения не делают обязательным наличие наборной обложки у книги.

В Пушкинском кабинете ИРЛИ сохранился экземпляр в обложке с датой «1822», которая была напечатана для неразошедшейся части тиража, но и она сохранилась в единственном экземпляре (обложки наклеены на переплет). При этом встречаются намеки на то, что у первопечатного «Руслана» обложка все-таки могла быть, потому как наличие экземпляров в наборной обложке было обыденностью для книгоиздания пушкинской поры. Например, в 2007 г. вышел в свет каталог собрания С.Л. Маркова, в составе которого имеется экземпляр «первого Руслана» в переплете без обложек, с владельческой записью К.Ф. Рылеева. Важна запись маститого ленинградского собирателя на этом экземпляре: «Купил 10. 01. 1947 г. в ленинградской Книжной лавке писателей за 600 руб. Вероятно, не было обращено должного внимания на то, что книга с автографом К. Рылеева. Нет необходимости говорить об особом интересе к такому экземпляру, тем более что первое издание “Руслана и Людмилы” в хорошем виде всегда было редким и ценным. Попадались экземпляры, где “Руслан и Людмила” был переплетен вместе с первым изданием “Кавказского пленника”. Прекрасный фронтиспис, вышедший в свет позднее книги, – первая из отпечатанных иллюстраций к пушкинским произведениям. Я видел экземпляр этого издания на одной из выставок в Эрмитаже в сильно поврежденной обложке. Больше мне нигде не приходилось видеть обложки»[5]. Если даже собиратель говорит об экземпляре ИРЛИ в обложке 1822 г., в его словах показательно то, насколько вожделенным является само наличие печатной обложки.

В случае с «первым Русланом» налицо еще одно обстоятельство: абсолютное большинство экземпляров дошло до нас в переплетенном виде, притом однотипность этих переплетов уже обращала на себя внимание. После просмотра значительного числа экземпляров можно выделить два основных типа переплетов: 1) простой полукожаный переплет, при котором книга сильно обрезана, в среднем формат 20 х 13 см (по крышкам), можно предположить, что книга обрезалась из соображений экономии переплетных материалов; 2) кожаный переплет, при котором формат книги несколько больше предыдущего «дешевого» (до 24 х 14,5 см), иногда даже с золотым обрезом. Ни одного экземпляра с дарительной надписью Пушкина не сохранилось (кроме подаренного И.И. Дмитриеву, но «надпись

[5] Собрание С.Л. Маркова / Всероссийский музей А.С. Пушкина; Сост. М.В. Бокариус, Н.Г. Захаренко. СПб.: Глобус, 2007. С. 33.

РУСЛАНЪ
И
ЛЮДМИЛА
ПОЭМА.
1820.

сделана неизвестною рукою, вероятно по поручению Пушкина, на обороте шмуц-титула книги»[6]).

Считается, со слов Смирнова-Сокольского, что «на позднейшем антикварном рынке экземпляры “Руслана и Людмилы”, крайне редкие и высоко ценимые вообще, особенно редки с приложением гравюрки»[7]. Но мы не можем с этим согласиться: просмотрев множество экземпляров первой книги Пушкина, нетрудно сделать вывод, что если и встречаются экземпляры без фронтисписа, то в пределах обычного для сохранности книг той поры числа неполных экземпляров, и это не носит какого-то исключительного характера; фронтисписа зачастую лишены лишь заведомо дефектные, сильно зачитанные экземпляры, в которых порой также нет страниц и т.д. По-видимому, к моменту выхода книг из переплета картинка уже была оттиснута и вполне поспела к большинству экземпляров. И уж абсолютно точно, что фронтиспис в «первом Руслане» встречается много чаще, чем портрет А.С. Пушкина во втором издании «Руслана и Людмилы» (1828), хотя он и вышел одновременно с книгой.

Также нужно отметить еще одну особенность «первого Руслана», о которой со временем сообщил «Сын Отечества». Согласно эдиционной практике эпохи, в числе тиража были и особые экземпляры; вот фрагмент объявления: «Прибавим к тому, что экземпляры на веленевой бумаге продаются по 13 р.»[8]. По-видимому, таких веленевых было совсем немного: все виденные нами, как подносные с золотым обрезом, так и обычные, отпечатаны на традиционной тряпичной вержированной бумаге конца 1810-х гг. с датирующими филигранями. Ни одного экземпляра на веленевой бумаге мы не смогли разыскать.

Собственно, в процессе просмотра экземпляров первого издания «Руслана и Людмилы» и был обнаружен тот самый экземпляр, который стал предметом настоящей заметки. Он хранится в лондонской British Library (шифр: Cup.410g.649, инв. R7407863; происхождение его требует отдельного экскурса, однако большинство пушкинианы собрано там стараниями антикварной фирмы Bernard Quaritch) и помещен в библиофильский футляр середины XX в. с золотым тиснением. Получив его на кафедре выдачи зала редких книг, мы были сбиты с толку размером выданного футляра, и нас посетила мысль, что по ошибке нам выдано что-то другое. Тем не менее, раскрыв фут-

[6] Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia. С. 710.

[7] *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина… С. 48.

[8] Сын Отечества. СПб., 1820. № XXXIV [ошибочно напеч. XXXIII]. С. 12.

ляр, мы увидели необрезанный, «лохматый» экземпляр «Руслана и Людмилы» 1820 г. в наборной желтой обложке. Обложка вполне типична для изданий типографии Н.И. Греча: на обеих сторонах декоративная рамка, причем ровно такая же рамка с 1821 г. употреблялась для обложек «Сына Отечества», который печатался у Н.И. Греча. На верхней сторонке обложки, внутри рамки, набрано название, ниже виньетка в виде лиры, две линейки и дата «1820»; на нижней сторонке в декоративной рамке в центре виньетка, изображающая рыбака; корешок чистый, без всякого набора.

Экземпляр этот на тряпичной вержированной бумаге, дивной сохранности. Обложка лишь немного засижена мухами в верхней части, поскольку форматом книга превосходит привычную осьмушку и явно выбивалась из ряда книг на книжной полке. Причем, в силу такого большого формата книги (grand in-octavo), обложка оказывается сильно меньше блока, также высотою меньше блока оказывается и гравированный фронтиспис. Именно последнее обстоятельство объясняет, почему эта книга даже без нужд экономии материалов потребовала при переплете значительного уменьшения формата: это было нужно, чтобы привести фронтиспис к размеру блока. Формат же необрезанного блока в этом экземпляре – 26 х 17,5 см, обложка высотою 22,5 см, фронтиспис – 23 см. И немудрено, что футляр для такого экземпляра практически приходится впору книге in-quarto.

Воспроизводя здесь обложку первой книги А.С. Пушкина, единственный экземпляр которой был обнаружен так далеко от нашего отечества, мы искренне надеемся, что со временем будут отысканы еще экземпляры, сохранившие наборную обложку.

Литература

Могилянский А.П. К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 388–395.

Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935. 926 с.

Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Всесоюзная книжная палата, 1962. 632 с.

Собрание С.Л. Маркова / Всероссийский музей А.С. Пушкина / Сост. М.В. Бокариус, Н.Г. Захаренко. СПб.: Глобус, 2007. 286 с.

References

Mogilianskii A.P. K utochneniiu nekotorykh dannykh pervogo toma “Letopisi zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina” [Clarifying some data in the first volume of “A.S. Pushkin’s Life and Work”]. In: *Pushkin: Issledovaniia i* materialy. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, pp. 388–395. (In Russ.)

Rukoiu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty [In Pushkin’s handwriting: Uncollected and unpublished texts], podgot. k pech. M.A. Tsiavlovskii, L.B. Modzalevskii, T.G. Zenger. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 926 p. (In Russ.)

Smirnov-Sokol'skii N.P. *Rasskazy o prizhiznennykh izdaniiakh Pushkina* [Stories about Pushkin’s lifetime editions]. Moscow, Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ., 1962. 632 p. (In Russ.)

Sobranie S.L. Markova [S.L. Markov’s Collection], Vserossiiskii muzei A.S. Pushkina, sost. M.V. Bokarius, N.G. Zakharenko. Saint-Petersburg, Globus Publ., 2007. 286 p. (In Russ.)

On the First book by A.S. Pushkin

Petr A. Druzhinin

Abstract: The note describes the unique copy of the first book by A.S. Pushkin – the edition of his poem “Ruslan and Ludmila” (1820) held by the British Library. By this untrimmed copy in the original printed wrapper one can judge on the appearance of the book, when the poem was out of the press on August 10, 1820.

Keywords: A.S. Pushkin, ”Ruslan and Ludmila”,bibliography, bibliology

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD (history). The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: petr@ druzhinin.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-229-249
УДК 821.161.1

БУЛГАРИН И ВОКРУГ

4. Неудавшийся Булгарин (М.А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф.В. Булгариным)

А.И. Рейтблат

Аннотация: Поэт М.А. Бестужев-Рюмин, печатавшийся в качестве рецензента в «Северной пчеле», перенял многие критические и полемические приемы Ф.В. Булгарина и пытался их реализовать в собственных журналах – «Северный Меркурий» и «Гирланда» (1830–1832). В статье прослежена эволюция его литературных ориентаций: от почтительного отношения к Булгарину к резко критическому и, соответственно, от резко враждебного к вполне лояльному – по отношению к «литературным аристократам». Публикуемые в Приложении его письма к меценату П.Н. Демидову содержат как ряд биографических сведений о Бестужеве-Рюмине и данных о степени финансовой и читательской успешности его изданий, так и материал для понимания его авторского самосознания, его идеологических и издательских установок.

Ключевые слова: русская литература XIX в., М.А. Бестужев-Рюмин, Ф.В. Булгарин, журналистика, литературные и издательские стратегии, критика, переписка

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

В пестрой картине русского литературного быта 1820-х гг. выделяется колоритная фигура поэта, критика и журналиста Михаила Алексеевича Бестужева-Рюмина (ок. 1800–1832). Однако биография и творчество его почти не изучены. Помимо весьма содержательной статьи В.Э. Вацуро в 1-м томе словаря «Русские писатели» (М., 1989), ему посвящены лишь несколько работ (они будут упомянуты далее), а произведения его никогда не переиздавались, если не считать статей о Пушкине, включенных в подборки прижизненной пушкинианы[1]. В подобном забвении сыграли роль пренебрежительные отзывы о нем Пушкина и литераторов его круга (например, для Дельвига Бестужев-Рюмин как журналист – это «нищий, желающий наглостию выиграть несколько копеек»[2]). Думается, что пора

[1] См.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001; Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003; Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина / Сост. В. Зелинский. М., 1888. Ч. 3. С. 115–116, 120.

[2] Цит. по: *Дельвиг А.А.* Сочинения. Л., 1986. С. 349.

понять, что это не «мелкая букашка», как назвал его Пушкин в стихотворении «Собрание насекомых» (1829), а оригинальный (хотя и не крупный) литератор, которого можно назвать «маленьким Булгариным» или «неудавшимся Булгариным». С Булгариным его сближало многое.

Он тоже начинал свой жизненный путь со службы в армии. Но, как писал анонимный автор некролога, «с ранних лет начал он заниматься ею [литературой] и долго жертвовал ей досугами, остававшимися ему от исполнения обязанностей по службе, прежде военной, в которой он был бригадным и дивизионным адъютантом, а потом гражданской, пока склонность его к музам не совлекла его с служебного поприща, для определения, по собственному его выражению, исключительно на службу Аполлона»[3].

Начинал он с архаичных подносных стихов и стихов на случай (Стихи ее величеству государыне императрице Марии Феодоровне на обручение ее высочества великой княжны Анны Павловны с его королевским высочеством кронпринцем Нидерландским Вильгельмом 28 января 1816. М., 1816; Приношение новому, 1816 году. М., 1816), потом выпустил пособие для офицеров (Краткий памятник для полевых офицеров, содержащий в себе рассуждение о правилах, коими должен руководствоваться офицер, как напоминающими ему важнейшие обязанности его звания; с присовокуплением некоторых предметов также о гарнизонной службе. СПб., 1818). Но во время военной службы он познакомился с Баратынским, что существенно повлияло на его литературные вкусы. Сначала он писал о Жуковском и подражал ему (Рассуждение о Певце в стане русских воинов. СПб., 1822; Певец, среди русских воинов, возвратившихся в отечество в 1816 году. СПб., 1823), в 1824 и 1826 гг. помещал стихи в «Благонамеренном». В 1823 г. Бестужев-Рюмин подал прошение о разрешении издавать со следующего года литературный журнал под названием «С.-Петербургский журнал», но был сочтен недостаточно компетентным и получил отказ[4], поэтому стал выпускать альманахи, включающие его прозу и стихи (Майский листок. СПб., 1824; Сириус. Кн. 1. СПб., 1826), позднее он печатался в «Славянине» А.Ф. Воейкова (1828–1830). Н.Н. Альтварг в свое время сделала остроумную, но малоубедительную попытку продемонстрировать, что Бестужев-Рюмин был оппозиционно настроен и «выбрал для альманаха [“Сириус”] такие свои произведения, которые несли на себе

[3] Гирланда. 1832. Ч. 3. № 7. С. 153.

[4] См.: Попытки братьев А.А. и М.А. Бестужевых издавать журнал // Русская старина. 1900. № 7. С. 395–405.

след главным образом декабристского воздействия и способны были связываться в сознании читателей с аналогичными произведениями предшествующих лет»[5]. Судя по его публикациям, Бестужев-Рюмин действительно испытал влияние литераторов-декабристов, и в его лирике присутствуют вольнолюбивые мотивы, но в целом он был вполне лоялен власти. Гораздо вернее, на наш взгляд, интерпретировал литературные интенции Бестужева-Рюмина В.Э. Вацуро, который характеризовал его как эпигона поэтов-элегиков и эклектика, выступавшего против современных поэтов (прежде всего – «литературных аристократов») с устаревших эстетических позиций: «Ценностные ориентации в подражаниях Бестужева-Рюмина предопределены просветительскими, доромантическими представлениями о дидактической функции поэзии». По мнению исследователя, с этих же позиций и Булгарин вел «борьбу против “вакхической поэзии” Пушкина, Дельвига, Баратынского, обвиняя их в безнравственности, этическом релятивизме»[6]. Бестужев-Рюмин, как и Булгарин, стал в итоге критиком и сатириком, причем довольно остроумным. Одновременно с лирическими стихами он писал сатирические и юмористические произведения – как стихи, так и прозу, и они заслуживают большего внимания.

Особый интерес представляет его «анекдотическая сцена» в стихах «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828). В ней богатая вдова, «охотница до чтения», делится с приятелем ее покойного мужа своими мнениями о современной поэзии (в частности, о «Евгении Онегине» и «Диве и Пери» А.И. Подолинского), репертуаре книгоиздания, ценах на книги и подписке на них, причем обсуждение начинается с книги самого Бестужева-Рюмина «Оракул в новом роде, или Предсказания на 1828 год, относящиеся к прекрасному полу, должностным людям, пожилым холостякам, молодым волокитам, охотникам до займов, романтическим поэтам, издателям журналов и альманахов, книгопродавцам и проч. и проч.» (СПб., 1828). По мнению Фрола Савича,

Сатира это на мужей,
Жен, матушек и дочерей,
Всегда мечтающих о модах;
На сплетниц, ложных вестовщиц,

[5] *Альтварг Н.Н.* Забытый альманах «Сириус» // Проблемы жанра в истории русской литературы. Л., 1969. (Уч. зап. ЛГПИ. Т. 320). С. 81.

[6] *Вацуро В.Э.* Из литературных отношений Баратынского // Русская литература. 1988. № 3. С. 159–160.

На засидевшихся девиц,
Румянчик прячущих в комодах;
На грезы в утреннем их сне;
На их *иные* рукоделья,
Чем занимаются оне
В часы невинного безделья […] (с. 7).

«Мавра Власьевна Томская…» написана в игровом ключе: Фрол Савич оказывается знакомым Бестужева-Рюмина; текст снабжен примечаниями корректора, библиографа, книгопродавца, критика, знакомого автора и т.п. В «анекдотической сцене» высмеяны нравы женщин: девушек, которые всеми силами стремятся замуж (для чего молодятся, скрывают незнание французского языка и т.п.), и замужних дам, вмешивающихся в служебные дела мужей.

Для поэтики Бестужева-Рюмина, предусматривающей «дробление» авторского Я на несколько виртуальных «авторов», характерно, что в дальнейшем в газете Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий» Мавра Власьевна опубликовала свое «Письмо издателю» (Северный Меркурий. 1830. № 62, 63), а затем стала вести рубрику «Смотр журналов» (см.: 1830. № 87, 92, 93, 96, 97 и др.).

По-видимому, благодаря этой книге Бестужев-Рюмин стал сотрудником булгаринской «Северной пчелы». В первом номере газеты за 1829 г. появилась анонимная рецензия на «Мавру Власьевну…»[7], автор которой писал: «…должно признаться, что в разговорах сих пожилых мужей чрезвычайно много остроты и истинного сатирического духа. Язык свободен, и повествовательный слог вообще хорош. […] Сатирическое изображение общества также отменно живо, хотя иногда слишком резко. […] Мавра Власьевна и Фрол Савич своею остроумною и забавною болтливостью выхлопочут ему [автору] укромное местечко на Парнасе, на который он смотрел до сих пор только издали». Через несколько дней в рецензии на поэму В.С. Филимонова «Дурацкий колпак» автор (судя по всему, тоже Булгарин) процитировал отзыв на эту книгу из «Мавры Власьевны…», назвав «сцену» Бестужева-Рюмина «забавным и остроумным сочинением» (№ 3). То ли это были похвалы новому сотруднику, то ли ободренный Бестужев-Рюмин сам предложил свои услуги, но с февраля этого года он стал регулярно выступать в «Северной пчеле» в качестве литературного критика (наряду с О.М. Сомовым, который вел в

[7] Бестужев-Рюмин позднее утверждал, что автор ее – Булгарин; см. приводимое ниже его стихотворение. Книгу хвалил и А.Ф. Воейков (см. его отзыв в «Русском инвалиде» № 13 за 1829 г.).

газете рецензионный отдел), поместив около десятка подписанных рецензий (можно предположить, что был еще ряд анонимных, поскольку значительная часть откликов печаталась без подписи). Среди его публикаций – панегирический отзыв о первом томе Сочинений Д.В. Веневитинова, содержащем стихотворения (№ 22-24), одобрительные отклики на поэму Ф. Алексеева «Чека» (№ 46) и комедию Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Дворянские выборы» (№ 42, 43) и резко отрицательные на коммерческие альманахи с участием безвестных поэтов (№ 16, 35) и на перевод байроновской «Паризины» (№ 47). 13 апреля в «Северной пчеле» (№ 45) появилось сообщение (написанное, по-видимому, им самим), что к 1 мая выйдет альманах Бестужева-Рюмина «Северная звезда» и что «некоторые литераторы, видевшие в рукописи статьи, предназначенные для напечатания в сем альманахе, отзываются о нем с похвалою». Последняя рецензия Бестужева-Рюмина в газете была помещена 25 апреля (№ 50), а 11 июля (№ 83) появилась отрицательная рецензия на его альманах. Анонимный ее автор[8] называл «сию звезду *падающею*, ибо едва ли она надолго удержится на литературном горизонте», и отмечал, что «сам издатель, г. Бестужев-Рюмин, не отличился ни в прозе, ни в стихах своего альманаха», поскольку они слабы. Альманах включал статью «Мысли и замечания литературного наблюдателя», содержавшую выпады против Пушкина и Дельвига, и ряд стихотворений Пушкина и Вяземского, напечатанных без согласия авторов[9].

В 1830 г. Бестужев-Рюмин стал издателем и редактором литературной газеты «Северный Меркурий». 5 декабря 1829 г. в «Северной пчеле» (№ 146) появилось его сообщение об этом. В частности, он писал: «В трудах издания будут участвовать многие известные отечественные писатели. Издатель, убежденный в том, что журнальные распри весьма утомляют благомыслящую публику, находит должным предварительно уверить читателей, что в сей газете никаких литературных перебранок помещаться не будет; но как “Меркурий” во многих случаях будет слишком искренно высказывать правду, то весьма естественно, что он наживет многих недоброжелателей; почему, для отражения нападков сих последних, все полемические статьи будут издаваться особыми прибавлениями к “Северному Меркурию”, не входящими в число номеров, составляющих годовое издание сей газеты и предназначенных собственно для произведений

[8] Сам Бестужев-Рюмин утверждал, что она написана Сомовым, см.: Смесь // Северный Меркурий. 1830. № 75.

[9] О реакции на это Пушкина см.: *Левкович Я.Л.* К истории статьи Пушкина «Альманашник» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 268–277.

изящной словесности. Сии прибавления будут издаваться под названием “Бескровный бой”». Обещание это издатель не сдержал: прибавлений не было, а полемические и памфлетные статьи в газете в 1830 г. появлялись регулярно.

«Северный Меркурий» быстро привлек к себе внимание читающей публики. А.Ф. Воейков писал Ю.Н. Бартеневу 1 ноября 1830 г., что он «издается молодым, весьма остроумным писателем Бестужевым-Рюминым […]. Вышедшие три нумера обещают два рода статей, в коих Меркурий будет сталкиваться с Пчелою – оба на Севере! Одна библиография и критика, другая сатирические выходки, или говоря новомодным языком: нравы. В обеих Сев[ерный] Меркурий взял уже решительное первенство»[10]. Однако Воейков ошибочно оценил ситуацию. «Северный Меркурий» позиционировал себя не как соперник, а как союзник «Северной пчелы», которой подражал названием, форматом и типом верстки, а вот нападки на «Литературную газету» и Воейкова появлялись там регулярно.

Выбор подобной линии поведения со стороны Бестужева-Рюмина понятен. С одной стороны, «Северная пчела» как газета политическая, в которой литература являлась важным, но не главным элементом, не была конкурентом «Северного Меркурия», в то время как «Литературная газета», орган «литературных аристократов», являлась прямым соперником в борьбе за подписчиков. С другой стороны, «Северный Меркурий» был близок газете Булгарина и Греча и литературной идеологией: Бестужев-Рюмин выступал против претендующих на доминирование в литературе «литературных аристократов» (в частности, Пушкина и Дельвига; играли роль и их отрицательные отзывы о его литературной деятельности) и проявлял интерес к сатирическому бытописанию, в частности, к изображению жизни мелкого чиновничества и купечества. Бестужев-Рюмин осознавал себя литератором-профессионалом и в своих изданиях так же часто, как Булгарин, обращался к темам книгоиздания и выпуска журналов, обсуждая нравы книгопродавцев и журналистов, их взаимоотношения с литераторами, цены на книги и т.д.[11]

[10] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 266.

[11] Например, по поводу выписки книг из книжных лавок по почте Бестужев-Рюмин сообщал, что цены на романы Вальтера Скотта там составляют 10, 15 и даже 20 рублей, что втрое и вчетверо больше тех, по которым они обычно продаются. Более того, у букинистов те же романы можно купить по рублю за часть (т.е. по 3-5 рублей за роман) ([Рецензия на: *Скотт В.* Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская. СПб., 1830] // Северный Меркурий. 1830. № 86). В газетах и журналах первой половины XIX века печатались материалы, у которых не был указан автор и имелась лишь подпись: «Сообщено». В журнале Бесстужева-Рюмина «Гирланда» можно найти разъяснение, что «журналисты подписывают communiqué (*сообщено*) большею частию под теми статьями, которые они печатают в своих изданиях *неохотно* или с сочинителями которых они не согласны в образе мыслей» (Смесь // Гирланда. 1831. Ч. I. № 4. С. 113. Без подписи).

В.П. Бурнашев, отмечая, что Бестужев-Рюмин «был необыкновенно добрый и весьма честный малый, к своему несчастью, однако, удрученный отвратительною слабостию к горячим напиткам», вспоминал, что «Северный Меркурий» «отличался чрезмерною резкостью мнений, неправильным выходом своих нумеров и часто пребойкими, злыми и остроумными статейками в стихах и прозе, где преимущественно доставалось Гречу, Булгарину, Полевому и Воейкову. Все эти господа журналисты вслух и открыто отзывались об этом листке с презрением, уподобляя его моське Крылова; но со всем тем едкие эпиграммы этого листка частенько очень сердили аристократов нашей журналистики, и они охотно изыскали бы верное средство выбить перо из руки издателя-редактора, отставного армейского поручика Михаила Алексеевича Бестужева-Рюмина, который почти постоянно был пьян, почему за мало-мальски исправным выходом этого остроумного листка наблюдали другие лица […]. Публика […] довольно охотно подписывалась на этот листок, в каждом нумере которого так или иначе являлись в злой карикатуре корифеи тогдашней нашей журналистики. Это, по-видимому, нравилось петербургской публике […]»[12]. По-видимому, тираж «Северного Меркурия» был выше, чем у «Литературной газеты».

Интерпретируемый как задворки литературы, «Северный Меркурий» отнюдь не был таковым. Он отражал «средние» литературные вкусы и «средний» уровень литературного письма: там печатались некоторые довольно известные поэты (А.Е. Измайлов, Ф.Н. Глинка, А.И. Подолинский, Д.И. Хвостов), а также литераторы второго ряда, которые попадали не только в альманахи, но и на страницы вполне респектабельных периодических изданий (А.Д. Илличевский, Э.И. Губер, Трилунный (Д.Ю. Струйский), В.И. Карлгоф, Н.М. Коншин, В.П. Бурнашев, П.Г. Волков, А.Н. Глебов, сам Бестужев-Рюмин и др.).

С самого начала издания «Северный Меркурий» стал выступать против «Литературной газеты», обвиняя ее сотрудников в корыстолюбии, стремлении получить известность за счет принижения и охаивания талантливых литераторов. Бестужев-Рюмин писал: «Некоторое число писателей, которыми и для которых издается Лит[ературная] Газета, ввело в употребление злейший род журнальной брани, брани аллегорической, […] сии писатели не менее других причастны общему греху, т.е. говорят хорошее только о самих себе, а дурное вообще о людях, не принадлежащих к их приходу […]» (1830. № 112; см. также его памфлет «Два нумера Литературной газеты» (1830. № 136, 137)).

[12] *Бурнашов В.П.* Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9. С. 256, 252.

Особенно выразительно эти мотивы прозвучали в направленном против «Литературной газеты» фельетоне Бестужева-Рюмина «Сплетница» (1830. № 49, 50. Подп.: VI. XI.), где под видом описания отношений хозяек магазинов обсуждались литературные полемики (Мавра Ивановна Крупина и Эмилия Венедиктовна Критиковская – это Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин, Матрена Алексеевна Лесная – Н.А. Полевой, Аделаида Антоновна Габенихтсина – А.А. Дельвиг; Василиса Михайловна Китова – О.М. Сомов), утверждалось, что приятельница Габенихтсиной Александра Сергеевна (читай – Пушкин) «действительно *была прежде* из лучших мастериц в своем роде, но, начав лениться, стала рукодельничать плохо, думая, что покупатели не разглядят истинного достоинства новой ее работы, которая, по-прежнему, будет сходить с рук удачно. Но вышло совсем иначе. Между тем, в последствие времени, появились новые молодые художницы, которые и первыми опытами своего искусства поселили во всех приятную и несомненную надежду, что они, в скором времени, если не перещеголяют Алек[сандру] Сергеев[ну], то по крайней мере войдут в счастливое с нею соперничество» (№ 50). В качестве такого соперника Бестужев выдвигал Подолинского, который часто печатался в «Северном Меркурии». Через неделю в памфлете «О самолюбии» (№ 52) Бестужев-Рюмин, на сей раз открыто обозначив свое авторство, опять высмеивал Дельвига и его сотрудников Мортирина (то есть Пушкина), Емельяна Емельяновича Корюшкина (то есть Сомова) и др. О Дельвиге, не называя его, автор говорил, что гекзаметры его «нелепые, нескладные и крайне усыпляющие», друзья исправляют у него грамматические ошибки, заменяют стихи в элегиях, что он не знает не только древнегреческого и латыни, но и немецкого, что статьи за него пишет Сомов и т.п.[13]

К Булгарину же Бестужев-Рюмин относился с почтением. Сказывалась, по-видимому, помимо близости идейных и эстетических позиций, и благодарность за одобрительный отклик на его книгу. Вот любопытное юмористическое стихотворение (содержащее и немалую долю самоиронии), характеризующее его самосознание и отражающее как его уважительное отношение к Булгарину, так и зависть к Пушкину.

[13] О выступлениях «Северного Меркурия» против «Литературной газеты» см.: *Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин – оппонент Пушкина // Современные проблемы пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 137–149, а также в примечаниях к изданиям, указанным в сноске 1.

A Madame de N.N., просившей меня прислать ей роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Хоть не с охотою, но я,
Своей досады не тая,
Желанье Ваше исполняю,
И, вот, Онегина шесть глав Вам доставляю.
Однако же (прошу покорно извинить!)
Я должен Вам свою досаду объяснить:
Ведь Вы Онегина читали...
А Мавру Власьевну едва ли, –
И не хотите сделать честь
Мне, сочинителю, хоть раз ее прочесть.
Меж тем злой критик, сам Булгарин,
(Которому за то я очень благодарен)
Сказал в своей Пчеле, что для меня теперь
Не заперта Парнасса дверь;
И что на нем (вот так и прыгает сердечко!)
Я должен получить укромное местечко;
Что в Мавре Власьевне моей
Есть много остроты у пожилых судей.
(И Фрола Савича он также хвалит с ней!)
Вы мне не верите – не хвастаю, ей, ей.
Два нумера Пчелы возьмите сами;
Там напечатано все этими словами:
Что Мавры Власьевны едва ли кто умней,
Что Мавра Власьевна пребойкая старуха,
Что у нее язык свободен[14], что у ней
Тьма сатирического духа.
Стихи же… музыка для слуха!
Вы, невзирая на Пчелу
И на других журналов похвалу,
Предпочитаете все Пушкина злодея.
Помилуйте! да чем же он славнее?..
Мне кажется, что я ничуть
Его не ниже на Парнассе:
Я также славен чем-нибудь,

[14] Уж подлинно свободен: любит поговорить. – Бог с ней. *Прим. корректора.* [*Примечание М. Бестужева-Рюмина*].

И также состою поэтов в первом классе,
Твердит одно и тоже целый свет:
Все Пушкин, Александр Сергеич!
Помилуйте! да чем же не поэт
Б.....в-Р...н-то, М….. А....ич?
Я так же мил в стихах, как он:
Пою *Эраты нежный стон*
И так же, следуя влиянью тяжкой моды,
Пишу гекзаметрами оды.
А что всего важней?.. Теперь моих сатир
Боится целый мир.
Чего ж вам более? Однако ж, как хотите,
А Мавру Власьевну с вниманием прочтите[15].

Бестужев-Рюмин неоднократно солидаризировался с Булгариным в оценках книг, ссылался на него, а если и критиковал, то по частным поводам. Так, он утверждал, что с Булгариным «очень еще долго не стать наряду и А. Пушкину, одному из лучших наших поэтов» (1830. № 98); сообщая о выходе немецкого перевода булгаринского романа «Иван Выжигин», желал «Выжигину получить такой же благосклонный прием от германской публики, каким он воспользовался от отечественной» (1830. № 69); хвалил булгаринские «Письма провинциалки из столицы» (1830. № 87); рецензируя воспоминания Булгарина о Грибоедове, писал: «Все уважающие память незабвенного поэта должны благодарить Булгарина, познакомившего их в этой статье со многими относящимися к Грибоедову примечательными обстоятельствами, которые были до сего времени неизвестны. […] Говорить ли что о слоге этой книжки?.. Булгарин почти во всех мелких своих статьях недоступен для критики». Лишь эмоциональные вступление и заключение к этим воспоминаниям вызвали его замечание: «Многие невольно могут подумать, что начало и конец сей статьи переделаны автором в прозу из элегии какого-нибудь слезливого романтика» (1830. № 62).

Пытался, по-видимому, Бестужев-Рюмин подражать булгаринской прозе. По крайней мере, помещенный в «Северном Меркурии» «отрывок из сатирического романа» «Именины» (1830. № 42-44. Подп.: Э.) принадлежит, по-видимому, ему и написан под сильным влиянием «Ивана Выжигина» (он хорошо знал этот роман и ссылался на второстепенного его персонажа – 1830. № 41), нравоописатель-

[15] Северный Меркурий. 1830. № 27. Стихотворение перепечатано в кн.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 315–316.

ный характер носят рассказ Бестужева-Рюмина «Сумбурщица-жена» (1830. № 24-28. Подп.: Ф.) и ряд печатавшихся в газете рассказов и очерков, принадлежащих другим авторам или опубликованных анонимно.

Материалы, предназначенные для «Северного Меркурия», постоянно вызывали недовольство цензуры своей резкостью и «личностями», то есть намеками на конкретных людей[16]. В конце 1830 г. на глаза императору попала помещенная в газете Бестужева-Рюмина статья «Общий статистический взгляд на Петербург» (№ 120, 121), содержавшая критическую характеристику петербургских чиновников, и он повелел сделать замечание как цензору, так и издателю газеты, предупредив последнего, что при повторении подобного случая издание будет прекращено[17]. 30 декабря Бестужев-Рюмин был вызван к Бенкендорфу, чтобы выслушать «замечание»[18], после чего литературная полемика и публикация социально-критических статей в «Северном Меркурии» прекратились, возобновившись лишь в начале марта 1831 г.

При этом Бестужев-Рюмин резко сменил мишени своей критики. Возможно, сказалось внушение Бенкендорфа, возможно – смерть Дельвига в начале 1831 г., на которую он 12 января откликнулся прочувствованным некрологом (№ 5), но теперь он стал вполне лояльно отзываться о «Литературной газете» и критически – о Булгарине и «Северной пчеле».

С этого года Бестужев стал издавать еще журнал «Гирланда», адресованный «прекрасному полу». Там не только печатались литературные материалы (стихи, проза и рецензии), но и обсуждались вопросы вкуса и моды, помещались модные картинки и сведения, интересные женщинам. Историк моды Р.М. Кирсанова отмечает, что «“Гирлянда”, так мало ценимая современниками, неожиданным образом организовала отдел моды так, что читая его, дамы […] узнавали не столько о фасонах, сколько об ином стиле поведения, новых занятиях и образе жизни, ориентированном на простоту, естественность и удобство жизни»[19].

Теперь Бестужев-Рюмин располагал двумя площадками для критических выступлений и пользовался обеими. Так, в № 4 «Гирланды»

[16] См.: *Егоркин А.И., Шляпкин И.А.* Литературные дела архива Цензурного комитета [1830 г.] // Пушкин и его современники. СПб., 1918. Вып. 29. С. 100, 107–110, 112–114, 117–120.

[17] См.: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901. № 9. С. 663–665.

[18] См.: *Егоркин А.И., Шляпкин И.А.* Литературные дела… С. 128.

[19] *Кирсанова Р.* Вкус и мода на страницах «Гирлянды» // Пинакотека. 1998. № 4. С. 34.

за 1831 г. в «Смеси» появилась издевательская заметка, демонстрирующая самохвальство Булгарина, а в № 9 была помещена анонимная рецензия на роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин». Находя в книге «несвязность частей и незанимательность целого» (с. 224), отмечая, что Булгарин «обладает даром писать гладко, правильно, но разнообразие, гибкость и убедительность слога не в его власти» (с. 225), автор (по-видимому, сам Бестужев-Рюмин) давал и общую оценку его творчества: «Когда он сочинял мелкие статьи о нравах; когда он описывал Знакомства с Наполеоном и Карамзиным, Осады Трембовли, Ужасные ночи, Военные жизни, Ходатаев по делам, Чувствительные путешествия по передним и др., – тогда публика любила его и читала с удовольствием. И теперь никто не отнимет у г. Булгарина достоинства, что он великий писатель на маленькие статейки. Когда же он пустился писать романы, тогда публика начала к нему холодеть, а литераторы стали говорить правду» (с. 220–221). В «Северном Меркурии» в конце года (в сильно опоздавшем № 48 с цензурным разрешением 22 декабря), рецензируя очередную книгу А.А. Орлова, Бестужев-Рюмин (подобно Н.И. Надеждину и Пушкину[20], впоследствии этому приему будет следовать Белинский) уравнял его с Булгариным, утверждая, что он «вместе с другим знаменитым писателем, не менее примечательным в русской словесности, г. Булгариным, развел в ней плотоядное племя *Выжигиных*, из которых совершенно нечего ни выжечь, ни выжать для пользы русской литературы», а также, в том же номере газеты, поместил анонимный, но явно написанный им самим «Отрывок из письма к приятелю в Москву», в котором издевательски спародировал булгаринские восхваления Греча.

Булгарин же (как и его газета в целом) в 1830–1831 гг. игнорировал «Северный Меркурий», поскольку оценки и даже похвалы Бестужева-Рюмина, скандалиста и пьяницы, только компрометировали его в среде уважаемых литераторов; лишь в 1832 г. там впервые (если не считать объявлений о подписке) было упомянуто о нем (за игровым псевдонимом скрылся, скорее всего, сам Булгарин): «“Северный Меркурий”, сей рыцарь печального образа, просыпающийся урывками от лунатического сна, не выдал *восемнадцати* нумеров за 1830 год. А в прошлом 1831 году вывалил 29 декабря последний нумер *только* за апрель месяц, оставшись в долгу ровнехонько за восемь месяцев!!! “Гирлянда”, нежная дщерь сладкого папы

[20] См.: [*Надеждин Н.И.*] [Рецензия на новые книги Ф.В. Булгарина и А.А. Орлова] // Телескоп. 1831. № 9. Без подписи; [*Пушкин А.С.*] Торжество дружбы, или Оправданный А.А. Орлов // Телескоп. 1831. № 13. Подп.: Феофилакт Косичкин.

Меркурия, в декабре же явилась только за июль и осталась в долгу за *полгода*!! У меня пробежала дрожь по всем карманам, когда я прочитал объявление, что достопочтенный издатель “Меркурия” и “Гирлянды” открыл подписку на будущий год еще на два журнала: “Гирлянду”, музыкальный журнал, и на “Детский журнал”, и уже будет издавать вдруг *четыре* журнала! Нечего сказать, по таким правилам политической экономии можно издавать и двадцать журналов вдруг, выпустив каждого по нескольку листов – а на остальные нумера *сыграться на мелок* с публикой»[21]. Бестужев-Рюмин пытался оправдываться и, обыгрывая булгаринскую метафору, в заметке «Нечто о летаргическом сне, в который погрузился Северный Меркурий» писал, в частности: «…высокоименитая госпожа Северная Пчела! Я имею полное право упрекать вас в неблагодарности к моему издателю, который, за несколько времени до моего рождения, снабжал ваш улей достаточным количеством порядочного меду и два года запрещал мне говорить о вас правду, – а вы в благодарность за все это дозволили какому-то достопочтенному г. Фа–ею Б–ну обнести его несправедливо перед публикою, говоря, будто бы я остался в долгу у публики за восемь месяцев, между тем как я – хотя впрочем по милости этой кокетки (примолвил Меркурий, сурово взглядывая на Гирланду) – даже с хорошими процентами рассчитался с своими подписчиками» (Гирланда. 1832. № 3/4. С. 84).

Трудно судить, смог бы Бестужев-Рюмин компенсировать свои долги по отношению к подписчикам или нет, поскольку он простудился и вскоре после процитированной публикации умер. Так неожиданно завершилась журналистская карьера этого скандального, но небесталанного журналиста.

[21] Письмо к издателям // Северная пчела. 1832. № 3. Подп.: Фалалей Бецален, подписчик на все журналы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА М.А. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА К П.Н. ДЕМИДОВУ

При той бедности информации о жизни и журналистской деятельности М. Бестужева-Рюмина, с которой сталкиваются исследователи, значительный интерес представляют, с нашей точки зрения, его письма к Павлу Николаевичу Демидову (1798–1840). Унаследовав в 1828 г. после смерти отца громадное состояние, Демидов сразу же привлек внимание современников активной благотворительностью. В 1829 г. он пожертвовал 500 тысяч рублей на помощь вдовам и сиротам офицеров и солдат, погибших в сражениях Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а в 1830 г. обратился к императору с просьбой учредить в Петербургской Академии наук премии, призванные содействовать «преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем Отечестве», обязавшись ежегодно вносить для этой цели 20 тысяч рублей. Николай I оценил этот поступок, пожаловал ему чин статского советника и назначил в марте 1831 г. гражданским губернатором Курской губернии. Там Демидов продолжил свою благотворительную деятельность, пожертвовав 20 тысяч рублей для раздачи процентов с них беднейшим семействам Курска. Кроме того, на его деньги был благоустроен общественный Лазаретный сад.

Узнав о назначении Демидова губернатором и его благотворительной деятельности, некоторые литераторы (например, А.Ф. Воейков) обратились к нему с просьбами поддержать их издания. Среди них был и Бестужев-Рюмин. Печатаемые ниже его письма содержат как ряд биографических сведений и данных о степени финансовой и читательской успешности его изданий, так и материал для понимания его авторского самосознания, его идеологических и издательских установок. Они ярко демонстрируют трезвое понимание масштабов распространения чтения в России и целесообразности использования «административного ресурса» для распространения журнала (впоследствии этим способом успешно воспользовался издатель «Отечественных записок» А.А. Краевский) и, в то же время, степень его наивности, позволявшей надеяться, что Демидов одолжит огромную по тому времени сумму малоизвестному журналисту.

1.

Милостивый государь Павел Николаевич!

Россия с гордостию видит в Вас того человека, которого единственное до сего времени стремление к общей пользе и редкие свойства сердца известны всей просвещенной Европе.

Мысль сия одушевила меня обратиться к Вам, Милостивый Государь! Извините великодушно, что я этим письмом отвлеку на несколько минут Ваше внимание от важных занятий, которыми Вы обременены.

По ограниченному состоянию родителей моих, потерпевших ощутительное расстройство от общего бедствия, которое постигло в последние два года некоторые наши губернии, – я не мог получить от них такого пособия, которое было бы достаточно для меня по нынешним моим обстоятельствам. И в последнее время я содержание свое преимущественно имел от литературных моих занятий. Но с марта нынешнего года, начав издавать дамский журнал («Гирланду»), по образцу парижского «La Mode»[1], я на сей первый год остался в убытке; и что имел в выгоде от другого своего журнала («Северный Меркурий»), тем должен был пополнить не вырученные мною издержки на «Гирланду», которые, по красоте издания, довольно велики.

Случай же, побуждающий меня обратиться к Вам, Милостивый Государь, есть следующий: по сердечной склонности я женюсь. Родители невесты моей, обремененные большим семейством и обязанные поддержать существование свое в свете, не могут удовлетворить меня всем надлежащим. Случай сей столь для меня важен, что я, не имея никого в виду, к кому мог бы прибегнуть в настоящих обстоятельствах, решился обратиться к Вам, Милостивый Государь, хотя, не имея чести лично быть Вам известным, не имею никакого к тому права, кроме того, что знаю по уверениям некоторых особ, имеющих честь знать Вас лично, что Вы одарены благодетельными свойствами сердца.

Я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, снабдить меня суммою, *шесть тысяч рублей*. Так как я с Петербургским почтамтом и книгопродавцами рассчитываюсь по третям года, то обязываюсь сумму сию внести *в четыре трети*, в каждую по 1500 рублей: в пер-

[1] Журнал «La Mode» Эмиля де Жирардена выходил в Париже с 1829 по 1854 г. В нем был литературный раздел, в котором печатался, в частности, Оноре де Бальзак, а иллюстрировал журнал известный художник Поль Гаварни.

вые три трети будущего 1832 года и в четвертую, январскую, треть 1833 года.

Если Вы, Милостивый Государь, найдете просьбу мою заслуживающею Вашего внимания и удостоите оказать мне благодетельное содействие (с тем, чтобы платеж просимой суммы был рассрочен на означенное время), то я покорнейше прошу Вас поручить кому-нибудь в Петербурге, при выдаче мне просимой суммы, взять от меня на предполагаемом условии надлежащее обязательство.

Может быть нашлись бы и другие особы, к которым мог бы я обратиться в теперешнем случае, если б… не воспрещало мне собственное мое самолюбие. Но к Вам, Милостивый Государь, я обращаюсь как к своему соотечественнику, которым, повторяю, справедливо гордится Россия.

Вы, оказав мне просимое содействие, облагодетельствуете этим человека, который может быть сам когда-нибудь принесет пользу наукам и который умеет чувствовать делаемые ему одолжения. На испрашиваемое мною содействие я получу возможность основать, так сказать, свое счастие – счастие, которому знает цену *сердце*. Излишне говорить, какою признательностию я буду Вам обязан за такое одолжение Ваше!

Смею надеяться, что Вы, Милостивый Государь, благоволите удостоить меня благосклонным Вашим ответом по прилагаемому адресу. С совершенным высокопочитанием и особенною преданностию честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугой Михаил Бестужев-Рюмин.

17 октября 1831 года. Санктпетербург.

Адрес: против Таврического Сада, в доме Обуховой.

P.S. Желая иметь честь познакомить Вас с некоторыми из литературных моих произведений, я препровождаю вместе с сим несколько из оных. Покорнейше прошу оказать благосклонное снисхождение к их недостаткам.

[На отдельном листе:]

Если Вашему Превосходительству благоугодно будет обратить на меня снисходительное внимание, то от Вашей же благородной любви к покровительству русской словесности зависеть будет: сделать мне и другое чувствительное одолжение. Сие последнее состоит в следующем. Не можно ли будет Вам, Милостивый Государь, оказать мне благосклонное содействие, чтобы г-н курский губернский предводитель дворянства[2] отнесся циркулярно ко всем гг. уездным предводителям дворянства Курской губернии с просьбою, чтоб каждый из них в своем уезде, если найдутся в числе помещиков и других особ, там жительствующих, любительницы и любители отечественной словесности, равно и музыки, – пригласил бы их принять участие в подписке на имеющие издаваться мною журналы в будущем году. При сем циркуляре не лишнее было бы приложить по одной копии с прилагаемой у сего ведомости журналам на будущий код, равно и по одному экземпляру объявлений с пренумерационными списками[3], кои при сем же прилагаются[4].

Если бы Вашему Превосходительству благоугодно было оказать испрашиваемое мною по сему предмету благосклонное содействие Ваше, то можно было бы надеяться, что в 15-ти городах и уездах (полагая в сем числе и губернский), Курскую губернию составляющих, нашлось бы в каждом из оных, полагая примерно, хотя по одному любителю словесности, который изъявил бы свое согласие на получение какого-нибудь из издаваемых мною журналов. Следственно, можно было бы полагать, что каждого из моих журналов потребовалось бы в Курскую губернию по 15 экземпляров, что составило бы в общей сложности пренумерационную сумму до 2500 рублей. Поддержка, весьма для меня значительная!

Конечно, некоторым образом совестно употреблять подобные средства для сбыта своих изданий, ибо значит – *навязываться с ними*, что несколько унижает и авторское самолюбие, но… почти нельзя без этого обойтиться. В Англии, Франции и Германии этого не делается, потому именно, что там чтение сделалось *необходимою потребностию* во всех классах общества; у нас же круг читающей публики, составленной изо *всех* классов общества, едва ли не будет

---

[2] Этот пост занимал в то время статский советник Петр Абрамович Анненков (1784 – ?).

[3] То есть списками подписчиков. От пренумерант (ново-лат., от prae – прежде, и numerus – число) – лицо, подписавшееся на какое-либо печатное издание; подписчик.

[4] Они находятся вместе с книгами, при сем препровождаемыми. (*Примеч. М. Бестужева-Рюмина.*)

менее, в сравнении с *одним* каким-нибудь классом, в каждом из упомянутых государств. У нас с достаточным успехом могут еще идти *политические* периодические издания; собственно же посвященные литературе большею частию имеют успех скудный. Впрочем, нельзя еще определительно решить, кого более винить в этом: публику или литературу? На кого менее имеет влияние просвещение: на публику или на самую литературу?.. А кажется, если говорить откровенно, обе неправы. Круг читающей публики в России невелик – это правда; но правда и то, что у нас и круг хороших литераторов скуден, в сравнении с иностранцами. С сокрушенным сердцем должно признаться, что у нас и литература обратилась с некоторого времени, преимущественно по милости гг. журналистов, в торговую площадь, где всякий из торговцев, стараясь сбыть с рук свой товар, закликивает в свою лавку, всячески стараясь унизить изделие своего товарища. Зависть и злоба, возникшая между сими гг., дошла теперь до возможной степени унижения; и жаль, что они, стараясь повредить друг другу, не чувствуют, что вредят более своему искусству, распространению в России чтения и вообще успешному ходу литературы, непосредственно имеющему влияние и на совершенное развитие возникающих дарований.

Покорнейше прошу извинить меня, Милостивый Государь, что я, коснувшись до предмета, в коем принимаю живое участие, несколько увлекся в посторонние рассуждения, отступив от своего предмета.

Если Ваше Превосходительство заблагорассудите удовлетворить покорнейшей просьбе моей, касательно испрашиваемого мною содействия, которое Вы, Милостивый Государь, имеете возможность оказать мне чрез г-на курского губернского предводителя дворянства, – и если посредством сего способа произойдет какой-нибудь успех, то есть если найдутся из числа любителей отечественной словесности, жительствующих в Курской губернии, желающие подписаться на какие-либо из моих журналов, – то о всех таковых особах нужно будет доставить ко мне общий список, с пояснением в оном их чинов, имен и фамилий, равно и местопребывания, дабы я по оному мог распорядиться о пересылке к ним, посредством С.Петербургской газетной экспедиции, журналов. – Деньги же, сколько причитаться будет, смотря по количеству требуемых экземпляров, доставлять ко мне не нужно: оные, при сборе их с подписавшихся особ, могут быть обращены в уплату просимой мною у Вашего Превосходительства суммы.

	Журналы на 1832 год	**Цена с пересылкою из С.П[етер]-бурга во все места Рос[сийской] империи**
1	*ГИРЛАНДА*, журнал словесности, музыки, мод и театров. В год 52 книжки. Выходит еженедельно, по *воскресеньям*. С картинками мод, нотами (*романсы для пения и танцы*), образчиками модных материй, рисунками новейших экипажей и мебелей, узорами для вышивания и проч. *Издание, по образцу лучшего парижского журнала «La Mode», на веленевой бумаге; гравировка модных картинок, рисунков и нот лучших художников*	55 р.
2	*СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ*, литературная, критическая и сатирическая газета, составляемая из повестей, анекдотов, статей о нравах, разных литературных отрывков, библиографических и театральных статей и других произведений изящной словесности, в стихах и прозе. 156 нумеров и два тома[1]. Выходит еженедельно по три раза: по *понедельникам*, *средам* и *пятницам*. Формат большими полулистами. *Издание на веленевой бумаге*	45 р.
3	*ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ*, издаваемый в пользу и удовольствие юного возраста и посвященный всем благомыслящим родителям и наставникам, поставляющим тщательный выбор чтения для детей в числе важнейших предметов воспитания. 104 книжки. Выходит еженедельно по два раза: по *вторникам* и *пятницам*. По 16 страниц в №	35 р.
4	*ГИРЛАНДА*, музыкальный журнал (*для фортепиано*), содержащий в себе ноты новейших романсов русских, французских и италиянских (со словами для пения) и танцы. 6 книжек. *Издание на веленевой бумаге*	30 р.

[1] Поелику неудобно *собирать* газету, издающуюся листками, кои в продолжение года теряются и приходят в ветхость; а потому подписавшиеся особы, по миновании *каждого полугодия*, получают *том*, состоящий из 78 №№, особо переплетенный. (*Примеч. М. Бестужева-Рюмина.*)

NB. Если найдутся особы, которые пожелают подписаться на сии оба журнала вместе, т.е. на музыкальную «Гирланду» и на «Гирланду», модный журнал (смотри выше), то они предваряются, что в числе нот, из коих составляется сей музыкальный журнал, будут находиться многие из тех, которые будут прилагаться к «Гирланде», модному журналу.

2.

Милостивый государь Павел Николаевич!

Один из моих сотрудников доставил мне 225 рублей, с тем, чтобы за сию сумму было высылаемо Вашему Превосходительству *пять* экземпляров издаваемого мною журнала «Гирланда».

Вследствие сего я поручил конторе своей доставлять Вам, Милостивый Государь, чрез С.Петербургскую газетную экспедицию, означенное число экземпляров «Гирланды», по настоящему местопребыванию Вашему, в г. Курск.

С совершенным почтением и особенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга Михаил Бестужев-Рюмин.

20 октября 1831 года

С[анк]т Петербург.

[РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 8.]

Литература

1. *Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин – оппонент Пушкина // Современные проблемы пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 137–149.

2. *Альтварг Н.Н.* Забытый альманах «Сириус» // Проблемы жанра в истории русской литературы. Л., 1969. С. 68–86. (Уч. зап. ЛГПИ. Т. 320).

3. *Вацуро В.Э.* Из литературных отношений Баратынского // Русская литература. 1988. № 3. С. 153–163.

4. *Дельвиг А.А.* Сочинения / Под ред. В.Э. Вацуро. Л.: Худ. лит., 1986. – 472 с.

5. *Егоркин А.И., Шляпкин И.А.* Литературные дела архива Цензурного комитета [1830 г.] // Пушкин и его современники. СПб., 1918. Вып. 29. С. 98–130.

6. *Левкович Я.Л.* К истории статьи Пушкина «Альманашник» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 268–277.

7. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. / Под ред. Е.О. Ларионовой. СПб.: ГПТЦ, 2001. – 546 с.

8. Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833 / Под ред. Е.О. Ларионовой.. СПб.: ГПТЦ, 2003. – 544 с.

9. [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901. № 9. С. 663–665.

References

1. Aleshkevich A.A. “M.A. Bestuzhev-Riumin – opponent Pushkina.” *Sovremennye problemy pushkinovedeniia: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Pskov, 1991, pp. 137–149. (In Russ.)

2. Al'tvarg N.N. “Zabytyi al'manakh ‘Sirius’.” *Problemy zhanra v istorii russkoi literatury*. Leningrad, 1969, pp. 68–86. (Uch. zap. LGPI. T. 320). (In Russ.)

3. Del'vig A.A. *Sochineniia*, ed. V.E. Vatsuro. Leningrad, Khud. lit. publ., 1986. – 472 p. (In Russ.)

4. Egorkin A.I., Shliapkin I.A. “Literaturnye dela arkhiva Tsenzurnogo komiteta [1830 g.].” *Pushkin i ego sovremenniki*. St.-Petersburg, 1918. Issue 29, pp. 98–130. (In Russ.)

5. Levkovich Ia.L. “K istorii stat'i Pushkina ‘Al'manashnik’.” *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1956. Vol. 1, pp. 268–277. (In Russ.)

6. *Pushkin v prizhiznennoi kritike*, *1828–1830*, ed. E.O. Larionova. St.-Petersburg, GPTTs publ., 2001. – 546 p. (In Russ.)

7. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1831–1833*, ed. E.O. Larionova. St.-Petersburg, GPTTs publ., 2003. – 544 p. (In Russ.)

8. [Stasov V.V.] “Tsenzura v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I.” R*usskaia starina*, 1901, № 9, pp. 663–665. (In Russ.)

9. Vatsuro V.E. “Iz literaturnykh otnoshenii Baratynskogo.” *Russkaia literatura*, 1988, № 3, pp. 153–163. (In Russ.)

Bulgarin and others
4. Unsuccessful Bulgarin
(M.A. Bestuzhev-Ryumin and His Relations with F.V. Bulgarin)

Abram I. Reitblat

Abstract: The poet Mikhail Bestuzhev-Ryumin that used to publish his critical reviews in the journal *Severnaya pchela* on many ways followed Bulgarin in his criticism and polemic in his own journals – *Severny Mercury* and *Guirlanda* (1830-1832). The article traces the evolution of Bestuzhev-Ryumin’s literary orientation, the changes in his attitude to Bulgarin – from respectful to highly critical – and to the “literary aristocrats” – from hostile to quite tolerant. Bestuzhev-Ryumin’s letters to the patron of art P.N.Demidov published herewith, contain some biographical details, information on the financial side of his editions, the recognition among the readers; the letters also help to better understand the poet’s mentality, ideological position and his publishing strategies.

Keywords: Russian literature of the XIXth century, M.A. Bestuahev-Ryumin, F.V. Bulgarin, journalism, correspondence, literary and publishing strategies, criticism

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, “Novoe Literaturnoe Obozrenie” / Russian State Art Library, Moscow, Russia: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-250-257
УДК 821.161.1

«Все испортили “обои”» (сборник Н. Гумилева, представленный на пушкинскую премию)*

В.В. Филичева

Аннотация*:* В статье рассказывается о книге Н. Гумилева «Романтические цветы», находящейся в библиотеке Пушкинского Дома. Книга была прислана на конкурс на соискание премии имени А.С. Пушкина Российской Академии наук 1909 года. Рецензия, которую должен был дать книге А.Ф. Кони, не обнаружена, однако, в самом экземпляре сохранились маргиналии читателя, которые, предположительно, принадлежат рецензенту. В статье рассмотрены причины, по которым Гумилев не мог получить премию. Пометы и записи на полях книги отражают восприятие модернистской книги читателем-современником.

Ключевые слова*:* Н. Гумилев, Пушкинская премия, «Романтические цветы», А.Ф. Кони, маргиналии

Информация об авторе: Вера Владимировна Филичева, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lntfmd@rambler.ru.

Премия имени А.С. Пушкина вручалась с 1881 по 1917 г. Императорской Санкт-Петербургской Академией наук[1]. На премию представлялись как оригинальные прозаические и стихотворные произведения, так и переводы в стихах, а также работы по истории русской литературы. Книги, поступавшие на соискание, отправлялись на рецензирование действительным и почетным членам Академии наук. Главным критерием в оценке произведений было следование «пушкинской традиции» – использование языка и формы пушкинской поэзии[2].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)» № 15-34-11047.

[1] Подробнее см.: *Рейтблат А., Дубин Б.* Литературные премии как социальный институт: Пример дореволюционной России // Критическая масса. 2006. № 2. С. 8–16; *Басаргина Е.Ю.* Вячеслав Иванов – соискатель пушкинской премии // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. I. С. 430–447; *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук // Русская литература. 2014. № 3. С. 185–196.

[2] Так, Рейтблат и Дубин иллюстрируют это такими примерами характеристик: «О.Ф. Миллер в отзыве отмечал как достоинство Я.П. Полонского, что он ”является

За всю историю премии среди поэтов ею были поощрены (без учета почетных отзывов и премий за перевод) А.Н. Майков (рец. Я.К. Грота), Я.П. Полонский (рец. Грота), С.Я. Надсон (рец. Грота/А.А. Голенищева-Кутузова), А.А. Голенищев-Кутузов (рец. Н.Н. Страхова), И.А. Бунин (1903 – рец. Голенищева-Кутузова; 1909 – К.Р.), М.А. Лохвицкая (рец. – К.Р.)[3].

Отчеты с рецензиями на произведения победителей печатались в Сборниках ОРЯС. В отчетах не указывались те, кто представлял свои произведения, полный список участников остался доступен только в архиве. В случае с Вячеславом Ивановым, участвовавшим в шестнадцатом присуждении Пушкинской премии 1905 г., мы имеем сохранившийся отрицательный отзыв, который недавно был опубликован как «важный документ в контексте других откликов на первый сборник поэта»[4]. Что именно было отклонено, в отчетах также не сообщалось. Участники конкурса, присылавшие свои сочинения на соискание и не снискавшие премии, зачастую остаются неизвестны, хотя это имеет важное биографическое значение для каждого отдельного автора-соискателя.

В составе фонда библиотеки Пушкинского Дома нам удалось обнаружить несколько книг, сопроводительные надписи на которых свидетельствуют о том, что они представлялись на конкурс[5]. В отличие от этих книг, на экземпляре «Романтических цветов» Н.С. Гу-

---

одним из немногих в наши дни служителей чистого искусства, т. е. того, которое само по себе цель”, а в 1894 г. Н.Н. Страхов, рецензируя для очередного присуждения премии книгу А.А. Голенищева-Кутузова, писал, что автор – ”истинный питомец русской школы. Он может быть даже прямо назван подражателем Пушкина”, поскольку “подражает Пушкину в стихосложении, в языке, во вкусе, простоте...”» (*Рейтблат А., Дубин Б.* Литературные премии как социальный институт… С. 13).

[3] Полный список лауреатов премий и почетных отзывов см. Там же. С. 15–16.

[4] См.: *Басаргина Е.Ю.* Вячеслав Иванов – соискатель пушкинской премии. С. 439–447. См. также публикацию отзыва на книгу А.М. Ремизова: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук. С. 191–192.

[5] *Бунин И.А.* Стихотворения. 1903–1906 г. СПб., 1906 (*Бунин И.А.* Соч. Т. 3): «В Академию Наук. В Комиссию по присуждению Пушкинских Премий. От И.А. Бунина, Москва, Столовый, д. Муромцева» (Шифр: 1953к/4584); *Голенищев-Кутузов А.* Соч. СПб., 1894. Т. 1: «Представлена была на X[ый] Пушкинский конкурс 1894 г.» (Шифр: 8.7/23); *Данилевский М.Г.* Рассвет. СПб., 1908: «В Императорскую Академию Наук имени А.С. Пушкина. 25 января 1908 г. Харьков М.Г. Данилевский» (Шифр: 8.1/14); *Закревская М.* Стихотворения. Казань, 1895: «На соискание премии А.С. Пушкина. Из Казани. Петропавловский пер., меблированные комнаты Соболевых, № 23» (Шифр: 1953и/1167); *Муравей В.А.* Повести. Т. 2. Казань, 1903: «В Императорскую Академию Наук на соискание Пушкинской премии. Муравей. (Адрес автора на 502 стр.)» (Шифр: 13.9/19); *Навроцкий А.А.* (Н.А. Вроцкий) Одноактные драмы. СПб., 1909: «На конкурс премии А.С. Пушкина. Представлена 11 ноября 1909 г.» (Шифр: Бр.163/16); *Поляков В.* Стихотворения. СПб., 1909: «Стихотворения моего покойного брата В. Полякова представляю на конкурс на соискание премии имени Пушкина 1911 года. Дмитрий Лазаревич Поляков. Моховая, 8. С.-Петербург» (шифр: 1938л/497); *Федоров А.М.* Стихотворения. 2-е изд. СПб., 1909: «В Императорскую Академию Наук. 2-е отд. На соискание премии имени А.С. Пушкина» (Шифр:

милева из библиотеки Пушкинского Дома нет надписи о том, что она была представлена на Пушкинскую премию, об этом свидетельствует только запись на библиографической карточке каталога: «подарен II отделением [имп. Академии наук] из книг, представленных на Пушкинскую премию». Возможно, сопроводительная запись размещалась на переднем форзаце, рядом с посвящением «Анне Андреевне Горенко», который в этом экземпляре вырезан.

Впервые информация о том, что Гумилев подавал книгу на соискание премии, появилась в статье Басаргиной в 2010 г. Как пишет исследовательница, «поэты-модернисты, по-видимому, были хорошо осведомлены о литературных вкусах и пристрастиях судей и не участвовали в конкурсе»[6]. Однако свои произведения на конкурс подавали Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Алексей Ремизов и Николай Гумилев[7].

По документам Архива Академии наук удалось установить, что поступившая во II отделение АН книга «Романтические цветы» была отослана на рецензию А.Ф. Кони 22 февраля 1908 г.[8] Однако мы не располагаем ни сопроводительным письмом автора, ни отзывом рецензента. Отзыв также не обнаружен и среди документов в фонде А.Ф. Кони (ИРЛИ). По правилам премии, на конкурс присылалось два экземпляра книги, один из которых, видимо, мог остаться у рецензента, а затем вместе с архивом и книжной коллекцией поступить в Пушкинский Дом[9].

В 1909 г. вручалась XVIII Пушкинская премия; представленные 57 сочинений от 36 авторов составляли «двадцать сборников стихотворений, один исторический роман, три эпических поэмы, двадцать повестей и рассказов, один роман, одна комедия в стихах, одна трагедия, шесть переводных трагедий и поэм и историко-литературные монографии»[10]. По числу представленных сочинений и, в частности, стихотворных сборников этот конкурс был самым насыщенным. Переводчиков поощряли чаще, однако росло количество присылаемых стихотворных сочинений, например, на XIII – 12 стихотворных; на XV – 4 стихотворных, на XVII – 16, а на XVIII – 20, среди которых были книги С. Аничковой, И. Бунина, М. Гербановского, Т. Ардова,

11.2/13); *Федоров А.* Рассказы. 1908: «В Императорскую Академию Наук. 2-е отд. Для соискания Пушкинской Премии» (Шифр: 9.1/13).

[6] *Басаргина Е.Ю.* Вячеслав Иванов – соискатель пушкинской премии. С. 434.

[7] Там же.

[8] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 1 об., дата указана: Там же. Л. 3 об.

[9] О поступлении архива А.Ф. Кони в Пушкинский Дом см.: *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 144–145.

[10] Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года. Отчет и рецензии I–VIII. СПб., 1911. С. 1.

А.Ф. Мейснера, П.М. Первушина, А.Ф. Ратгауза, И. Тхоржевского, М. Цейнера, О.Н. Чюминой.

В 1909 г. премий были удостоены: И.А. Бунин (половинная премия), а почетных отзывов – В. Рудич (обе рецензии – К.Р.) и О.Н. Чюмина (рецензия Ф.Д. Батюшкова).

В письме к А.А. Шахматову Кони сообщал о готовности рецензии: «Посылаю Вам первый из моих отзывов на 28 февраля», в комментарии на это указано, что «Кони был рецензентом сочинений трех авторов, из которых одному (Г.Т. Полилову-Северцеву) был присужден почетный отзыв им. А.С. Пушкина…» Две другие книги в комментариях не названы[11].

В 1908 г. стихи рецензировали: П.И. Вейнберг, К.Р., Н.А. Котляревский, Ф.Д. Батюшков, А.А. Голенищев-Кутузов. Обращает на себя внимание, что Кони не в первый раз рецензировал стихи для Пушкинской премии. В 1907 г. (вручение семнадцатой пушкинской премии) Кони были поручены пять книг[12], среди которых две стихотворные и одна – стихотворные переводы И.И. Тхоржевского «из новейшей французской лирики». В рецензии, где он рекомендовал удостоить эту книгу почетного отзыва, отмечено: «Выбор произведений – сделан со вкусом; стих перевода сжат и гармоничен и почти везде соблюдены, несмотря на всю трудность, *тот же размер и расположение строф*, как в подлиннике […] Трудность передачи философской мысли усугубляется трудностью воспроизведения сжатой и *тонкоразработанной формы*»[13].

Рецензии Кони по сравнению с рецензиями других академиков (особенно К.Р.) отличаются лаконичностью. Нет ничего удивительного в том, что Кони придерживается в своих пристрастиях классического подхода, что проявляется в том, что прежде всего он отмечает в книгах стилистику, а в стихотворных книгах – обращает

[11] *Кони А.Ф.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 257 (письмо А.А. Шахматову от 11 февраля 1909 г.) и примечания: Там же. С. 428. Кони были отправлены: *Никонов Б.П.* В стенах гимназии. СПб., 1907; *Полилов-Северцев Г.Т.* Наши деды-купцы. СПб., [б. г.] и «Романтические цветы» Н. Гумилева. Еще одна книга – Исторический роман М.Г. Данилевского «Рассвет » (СПб., 1908) – была возвращена Кони в канцелярию и отослана другому рецензенту – Н.П. Кондакову 18 апреля 1908 г. (СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 162). Скорее всего это была рецензия на книгу «В стенах гимназии» (датирована 11 февраля 1909 г.: СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 119–120 об.). Рецензию на книгу Полилова-Северцева, которая была удостоена почетного отзыва, см.: Восемнадцатое присуждение премий имени А.С. Пушкина 1909 года. С. 82–84.

[12] *Лазаревский Б.* Повести и рассказы М., 1906. Т. 2; *Чехов М.П.* Очерки и рассказы СПб., 1904; Тхоржевский И.И. Tristia: Из новейшей французской лирики. Переводы. 1906; *Смородинский Ф.А.* Песни человека. СПб., 1904; *Конаржевский К.К.* Книга песен песней Соломона. СПб., 1905.

[13] Семнадцатое присуждение премий имени А.С. Пушкина 1907 года. СПб., 1908. С. 16–17 (Сборник ОРЯС. 1908. Т. 84. № 5); курсив мой. – *В.Ф.*

внимание именно на выдержанность формальных сторон. Рекомендуя поощрить Полилова-Северцева почетным отзывом, Кони писал: «Вся книга, за исключением двух-трех маленьких погрешностей, написана прекрасным русским языком, чуждым *модных кривляний и бездарной изобретательности*»[14].

Этим Кони не отличался от других рецензентов, например, от Голенищева-Кутузова, которому еще чаще, чем Кони доверяли стихотворные книги. В одной из рецензий сразу на пять стихотворных сборников («Лепестки» М. Гербановского, «Omnia vincit amor» С. Касаткина, «Забытая тетрадь» Вл. Гиляровского, «Стихотворения» А.Ф. Мейснера и «Стихотворения» М. Цейнера) он отмечает: «ни один из представленных сборников даже не заслуживает серьезного и обстоятельного разбора в отдельности […] Полное отсутствие природного дарования в их авторах, искусственность творческого настроения, бледность или преувеличенная яркость придуманных, а не вдохновленных жизнью и не вылившихся непосредственно из души образов, картин, очертаний, красок и эпитетов, наконец, грубое несовершенство внешней формы; сплошные нарушения внешних правил не только стихосложения, но и синтаксиса и грамматики»[15].

На экземпляре книги «Романтические цветы», который мог читать Кони, сохранились маргиналии, отчасти позволяющие судить о причинах отрицательного отзыва рецензента, если тот вообще удостоил книгу рецензии. Что же отметил читатель в книге молодого поэта? То же, что отметил бы и всякий читатель «буренинского» типа (по определению О. Лекманова[16]).

Прежде всего, множество отчеркиваний на полях и подчеркиваний текста свидетельствуют о недовольстве обращением с русским языком и образностью: «Расточал рубины волшебства», «Аромат сжигаемых растений / Открывал…», «Радостно играла крутизной», «Говорил, как мертвый, не дыша»; «Носили смерть изогнутые брови», «…руки […] точно сны улетая к нему», «Если точно золото на черни / Видны ноги стройных танцовщиц», «*водители* безумных кораблей»

Эпитеты также привлекли внимание рецензента: «железных сновидений», «гордо-розовеющих дворцов», «в золотом, невинном горе» (у этой строчки поставлен вопросительный знак), «ты казалась золотисто-пьяной», «в несказанном блуде».

[14] Восемнадцатое присуждение премий. С. 84. Курсив мой. – *В.Ф.*

[15] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 87.

[16] *Лекманов О. А.* Пометы неизвестного на книге К. Бальмонта «Будем как солнце» (К построению читательской истории литературы) // Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 494–498.

В одном месте суждение было более развернутым: «Размер неверен»: «Подожди, погаснет скучный день, / В мире будет тихо как во храме, / Люцифер прокрадется как тень / С тихими вечерними тенями». К тому же стихотворению подписано нетерпеливое «Опять!» у строк: «Скрытые, незримые для всех, / Сохраним мы нежное молчанье, / Будем слушать серебристый смех / И бессильно громкое рыданье».

«Размер» привлек к себе внимание в строках стихотворения «Ужас»: «И бледный ужас повторяли / Бесчисленные зеркала», но настоящий «ужас» читателя был вызван стихотворением «Измена», а суждения «возмутительно бездарно» была удостоена «Влюбленная в Дьявола».

Но не все стихи были одинаково неприятны читателю. Одни удостоены оценки «Недурно» – «Мой старый друг, мой верный Дьявол…», «Ахилл и Одиссей», «Помпей у пиратов», «Я долго шел по коридорам…», «В темных покрывалах летней ночи…». В другом случае – запись: «Мысль недурна» (у стихотворения «Любовникам»).

И наконец, совет по «улучшению» текста дан к стихотворению «Самоубийство». У строк «Улыбнулась и вздохнула, / Догадавшись о покое, / И последний раз взглянула / На ковры и на обои» подписано: «Все испортили “обои”».

Справедливости ради, нужно отметить, что эти маргиналии не сильно отличаются от рецензий на «Романтические цветы» в периодической печати. Хотя В. Брюсов поддерживает автора, говоря, что тот «много и упорно работал над своим стихом», и от прежней «небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов» не осталось и следа[17]. В. Гофман объясняет «мертворожденность» стихов Гумилева тем, что «его размеры, ритм его стиха – нечто совсем постороннее, не связанное с содержанием, с внутренней сущностью стихотворения»[18].

Анонимный рецензент пишет: «Есть места слепые, есть запутанные, есть и прямо грубые. Неловко читать, как: “Задыхаясь в несказанном (!) блуде (?) <…> Однако, рядом с этими вульгарностями встречаются строки большой красоты»[19]. Другой же критик, отмечая отягощенность красками, эпитетами, словами, говоря о вульгарностях некоторых строф (те же «Задыхаясь в несказанном (?) блуде (?!)») высказывает еще одно важное суждение: Гумилев «очень не-

[17] Цит. по: *Брюсов В.Я.* «Романтические цветы» // Н.С. Гумилев: Pro et contra. 2-е изд. СПб., 2000. С. 345.
[18] Цит. по: *Гофман В.В.* «Романтические цветы» // Н.С. Гумилев: Pro et contra. С. 350.
[19] *N. N.* [Рец.] // Весна. 1908. № 1. С. 15.

ровен и часто умеет хорошее целое ловко испортить *двумя-тремя мелочами*»[20].

Как видим, и более новаторски настроенные рецензенты, не связанные с премией, заметили в книге молодого автора много несовершенств. В требованиях к произведениям претендентов на соискание говорится, что они должны отличаться «*высшим* художественным достоинством» «при довольно *значительном объеме*»[21]. Малый объем книги в совокупности с неизвестностью автора и отсутствием переводов привели к тому, что у «Романтических цветов» не было шансов не только по своей модернистской направленности.

Но что заставило Гумилева послать книгу на соискание? Тем более, что после получения своих 300 экземпляров из типографии в январе 1908 г. он писал Брюсову: «Я недоволен этой новой книгой, но очень доволен, что издал ее…»[22] (Гумилев находился в Париже, жаловался на одиночество и безденежье). Может и вообще не он ее отправил?

Литература

Басаргина Е.Ю. Вячеслав Иванов – соискатель пушкинской премии // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. Вып. I. С. 430–447.

Грачева А.М. Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук // Русская литература. 2014. № 3. С. 185–196.

Н.С. Гумилев: Pro et contra / Сост. Ю. Зобнин. 2-е изд. СПб.: РХГИ, 2000. 672 с.

Иванова Т.Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

Лекманов О.А. Пометы неизвестного на книге К. Бальмонта «Будем как солнце» (К построению читательской истории литературы) // Пермяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 494–498.

Рейтблат А., Дубин Б. Литературные премии как социальный институт: Пример дореволюционной России // Критическая масса. 2006. № 2. С. 8–16.

References

Basargina E.Iu. Viacheslav Ivanov – soiskatel’ pushkinskoi premii [Vyacheslav Ivanov as a candidate for the Pushkin Prize]. In: *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy.* Saint Petersburg, Izdatel’stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, issue I, pp. 430–447. (In Russ.)

[20] Цит. по: *Л.Ф.* [Пильский П.М.] [Рец.] // Н.С. Гумилев: Pro et contra. С. 356. Курсив мой. – *В. Ф.*

[21] Курсив мой. – *В.Ф.*

[22] *Гумилев Н.С.* Полн. собр. соч: В 10 т. М., 2007. Т. 8. С. 94 (письмо от 26 января 1908 г.).

Gracheva A.M. Aleksei Remizov i Pushkinskaia premiia Imperatorskoi Akademii nauk [Aleksey Remizov and the Pushkin Prize of the Imperial Academy of Sciences]. In: *Russkaia literatura*, 2014, № 3, pp. 185–196. (In Russ.)

N.S. Gumilev: Pro et contra, sost. Iu. Zobnin. 2-e izd. Saint Petersburg, RKhGI Publ., 2000. 672 p. (In Russ.)

Ivanova T.G. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk* [Pushkin House Manuscript Department: A historical sketch]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 472 p. (In Russ.)

Lekmanov O.A. Pomety neizvestnogo na knige K. Bal’monta «Budem kak solntse» (K postroeniiu chitatel’skoi istorii literatury) [Notes made by an unidentified person on K. Balmont’s book “Let’s Be Like the Sun” (On the construction of reader’s literary history)]. In: *Permiakovskii sbornik*. Moscow, Novoe izdatel’stvo Publ., 2010, part 2, pp. 494–498. (In Russ.)

Reitblat A., Dubin B. Literaturnye premii kak sotsial’nyi institut: Primer dorevoliutsionnoi Rossii [Literary prizes as a social institute: an example of pre-revolutionary Russia]. In: *Kriticheskaia massa*, 2006, № 2, pp. 8–16. (In Russ.)

«Wallpaper ruined it all»
(Nikolay Gumilev’s Book of Poems Submitted for the Pushkin Prize)

Vera V. Filicheva

Abstract: The article tells about the book “Romantic flowers” by N. Gumilev housed in the library of the Pushkin House. The book was submitted for the Pushkin prize competition of the Russian Academy of Sciences in 1909. The book review, which was to be written by A.F. Koni, hasn’t been found; however, the copy contains marginalia, probably made by the reviewer, showing the attitude of a contemporary reader to the Modernist book. The article considers the reasons why Gumilev failed to win the prize.

Keywords*:* N. Gumilev, “Romantic flowers”, A.F. Koni, marginalia

Information about the author: Vera V. Filicheva, PhD Candidate at the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: lntfmd@rambler.ru.

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-258-266
УДК 821.161.1

«Заметки к Гондле» Н. Гумилева

В.Б. Зусева-Озкан

Аннотация: Публикация заметок Н.С. Гумилева к его драматической поэме «Гондла» позволяет исследователям творчества писателя значительно уточнить господствующие представления об этой пьесе и ее заглавном герое. Речь идет о ее источниках, образах, конфликте, сюжете и мотивах, принципах постановки на сцене. Сопоставление замысла поэта, каким он предстает согласно заметкам, и завершенного произведения выявляет существенный зазор между ними (а порой и прямые противоречия) и дает материал для любопытных умозаключений. Заметки эти также являются одним из свидетельств участия Гумилева в проекте «исторических картин» издательства «Всемирная литература».

Ключевые слова: Николай Гумилев, Гондла, драма, «исторические картины», русская литература начала XX в.

Информация об авторе: Вероника Борисовна Зусева-Озкан, д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

«Заметки к Гондле» были написаны в качестве пояснений автора для постановки пьесы в ее поздней редакции, созданной специально для просветительского проекта «исторических картин», в мае–июне 1920 г. Задуманное А.М. Горьким, это начинание подразумевало серию театрализованных «картин» для народа, которые бы демонстрировали – в художественной и потому доступной форме – основные этапы истории человечества. Задачи проекта Горький описал в докладе «История культуры в картинах»[1] и в статье «Инсценировка истории культуры»[2]. При издательстве «Всемирная литература» была организована Комиссия по подготовке исторических картин (под председательством Горького), а при ТЕО Наркомпроса – Секция исторических картин. С момента ее основания Гумилев принимал активное участие в работе Секции. Ему был заказан целый ряд текстов: «Охота на носорога» (доисторический

Публикация подготовлена по гранту Российского научного фонда (проект №14-18-02709) в ИМЛИ РАН.

[1] Жизнь искусства. 1919. № 92, 6 марта.

[2] Жизнь искусства. 1919. № 251–254, 25–28 сент.

период), «Крещение варваров» (т. е. как раз переработанная пьеса «Гондла»), «Друиды» (незавершенная «Красота Морни»), «Фальстаф» (эпоха Возрождения), «Завоевание Мексики» (автограф неизвестен) и киносценарии «Гарун-аль-Рашид» и «Жизнь Будды».

Поэт очень надеялся увидеть «Гондлу» на сцене, ради чего даже переработал ранее публиковавшуюся пьесу[3], впрочем, не очень существенно, в основном добавив «исторические сцены» с христианскими пленниками. Пьеса упоминается в отчетах и планах Секции исторических картин: «А. Блок 7 октября 1919 года сделал в записной книжке короткую пометку: “Гондла”. А через три дня – “О Гондле” <…> Очевидно, Н. Гумилев представил незадолго до этого в Секцию исторических картин свою пьесу, и она обсуждалась членами редакционной коллегии, куда входил и А. Блок. Заявка была принята[4], но, как следует из протокола от 18 мая 1920 года, автору было предложено переработать пьесу, а также предпослать ей два предисловия. Одно должен был написать сам Гумилев, другое, научное, предложили написать Сыромятникову. Последний, по всей видимости, свою часть работы не выполнил, так как протокол от 21 июня 1921 года предписывает ему срочно закончить вступительную статью»[5]. Еще 16 апреля 1920 г., как следует из протокола заседания Секции исторических картин, «Н. Гумилев читал вставки, сделанные им для пьесы “Гондла”. – Он прибавил описания заклинаний и обрядов той эпохи. Решили: Добавление к пьесе “Гондла” – принять»[6]. 25 мая 1920 г. – очередное препятствие: «Мнение заведующего Б<ольшим> Драм<атическим> театром Гришина, что <…> “Гондлу” Гумилева желательно поставить не в первую очередь, а уже после нескольких показательных постановок»[7]. Это отсутствие энтузиазма можно отнести не только к тому, что проект «исторических картин» как целое, в общем, не состоялся, но и к распространенному мнению о несценичности пьесы, выраженному, в частности, М. Кузминым: «…это поэтическое произведение совершенно неприменимо для сцены.

[3] Русская мысль. 1917. № 1. С. 67–97.

[4] В дневнике К.И. Чуковского находим запись от 11 ноября 1919 г., отражающую один из этапов этой эпопеи: «“Гондлу” Гумилева провалили» (*Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1921 / Предисл. В. Каверина; Коммент. Е. Чуковской // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ Лтд, 2013. С. 264–265).

[5] *Щербаков Р.Л.* [Комментарий] // *Гумилев Н.С.* Сочинения: В 3 т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 2: Драмы. Рассказы / Сост., подгот. текста, примеч. Р.Л. Щербакова. С. 408.

[6] *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. С. 534.

[7] Там же. С. 538.

Слова Гумилева <…> не влекут за собою никакого жеста, никакого действия и нисколько не одушевлены театральной психологией и логикой. Из ограниченного количества неожиданных, необоснованных *поступков*, стихотворных *описаний* и лирических *сентенций*, неубедительных и часто друг другу противоречащих – никак не создать театрального впечатления»[8].

В записи от 27 июля 1920 г. в записной книжке А. Блока фигурирует «Статья Гумилева о “Гондле”»[9]: ее часто называют утерянной, но, по всей видимости, речь идет как раз о публикуемых «Заметках». В протоколе заседания Секции исторических картин находим: «Слушают вступительную статью Гумилева к “Гондле”. Статью решено принять, прося Гумилева написать пояснение ко 2-й главе и находя ее вообще немного отвлеченной»[10].

В рамках проекта исторических картин пьеса так и не была поставлена, так что указания Гумилева в «Заметках к Гондле» пропали втуне. Постановка пьесы была, правда, осуществлена неожиданно для самого писателя Театральной Мастерской из Ростова-на-Дону в 1920 г., но ее авторы, естественно, с заметками Гумилева знакомы не были.

Полный текст «Заметок» публикуется впервые. Автограф: Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 568. 4 лл. (приложение к машинописи поздней редакции «Гондлы», созданной для проекта «исторических картин»). Текст с незначительной правкой написан фиолетовыми чернилами на двух сложенных в виде тетради листах большого формата (на оборотных сторонах текст отсутствует, таким образом, полностью исписаны четыре страницы). Датировка отсутствует. Выдержки публиковались Р.Л. Щербаковым[11].

---

[8] *Кузмин М.* «Гондла» // Кузмин М. Условности: Статьи об искусстве. Пг.: Полярная звезда, 1923. С. 107–108.

[9] *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова. М.: Худ. лит, 1965. С. 497.

[10] *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни… С. 546.

[11] *Щербаков Р.Л.* [Комментарий]… С. 408.

Заметки к Гондле

Пьеса «Гондла» задумана и написана мною в первой половине 1916 года. В основание ее положен цикл легенд, приводимых Арбуа де Жубанвилем в его Истории Кельтской Литературы[1], где говорится о горбатом принце Гондле, или Кондле, жившем во втором веке по Р.Х. в Ирландии, о его несчастьях и отъезде на Mag Melt (Острова Блаженства) в таинственной стеклянной ладье. И образ, и история мною очень изменены. Мотив духовных превращений девушки, кроткой ночью и жестокой днем, взят мною из Андерсена[2], а очень распространенный мотив насильника, проникающего в спальню невесты под видом жениха, – из народной шведской песни «Лаге и Йо»[3]. Замечу еще, что изобретенное мною тайное имя героини Лаик, по указанию профессора А.А. Смирнова[4], крайне близко к кельтскому слову Лаих, что значит герой, богатырь[5]. Жара в Исландии и описанья Ирландии как южной страны не должны смущать никого, потому что в описываемые мною времена гольфштрем[6] подходил к

[1] Речь идет о т.н. «Лейнстерском цикле» ирландских саг (известен также как цикл Финна или Ойсина), а точнее, о саге «Путешествие Кондлы Горбатого, сына Конда Ста-Битв» (Voyage de Condlé le Bossu, Fils de Cond Egal-À-Cent-Guerriers // *Jubainville H. D'Arbois de*. Cours de littérature celtique. T. 5: L'épopée celtique en Irlande; t. 1. Paris: Ernest Thorin. 1892. P. 385–390).

[2] Из сказки «Дочь болотного царя».

[3] Точнее, из норвежской народной песни. Гумилев был знаком с ней по изданию: Лаге и Йо // Древне-северные саги и песни скальдов в переводах русских писателей. СПб.: Глазунов, 1903. (Русская классная библиотека. Сер. 2. Вып. 25). С. 198–202.

[4] Александр Александрович Смирнов (1883–1962) – литературовед-медиевист, ученик Анри д'Арбуа де Жюбенвиля. Под его редакцией в издательстве Academia вышло издание: Ирландские саги / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А.А. Смирнова. Л., 1929. (2-е изд., испр. – М.; Л., 1933).

[5] Имя Лера имеет сходную «богатырскую» семантику, если возводить его к полной форме «Валерия» (от лат. valere – «быть сильным, здоровым»), что указывает на достаточно внешний характер «двуипостасности» героини (о чем сам Гумилев пишет далее). Оно, возможно, восходит к заглавной героине стихотворной сказки некоего Николая Кронидова «Принцесса Лера», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1911 г. с иллюстрациями известного художника Николая Калмакова, который позднее оформлял и книги самого Гумилева: «Шатер» (Ревель, 1921) и «Дитя Аллаха» (Берлин, 1922). Постоянный мотив оформления сказки – узоры из кельтской плетенки и элементов скандинавского звериного орнамента, т.е. сочетающие признаки тех двух культур, которые занимают Гумилева в «Гондле». Что касается собственно текста сказки, то и в нем можно усмотреть моменты сходства, пусть и достаточно отдаленного: завязкой в обоих случаях служит женитьба принца, который представлен не как воин и правитель, а как мечтатель и визионер; героиня блуждает по лесу и стремится скрыться от враждебных сил, нечисти, среди которой и «злые волки»; при этом – к вопросу о «двуприродности» героини – и она сама отчетливо принадлежит иному миру: трон ее «во мху», в лесу, а дальнейшее развитие действия связано с ее особым отношением к пауку.

[6] Гольфстрим.

этим странам много ближе, чем теперь, и это, конечно, отражалось на их климате.

В теме Гондлы меня прежде всего заняло сопоставленье [пр<отивупоставленье>] не только двух цивилизаций, языческой и христианской, но двух рас, германской и кельтской[7], и, чтобы особенно выявить их различье, я счел возможным ввести в пьесу момент тотемизма[8], в общем мало наблюдаемый у европейских народов. Однако сопоставленье это в постановке не должно переходить в противупоставленье. Ирландцы славились как воинственная нация, и у них христианство никогда не ослабляло воли к победе, или воли к борьбе. Гондла смел, решителен, но мало приспособлен к практической деятельности, потому что соразмеряет свои поступки не с данностью, а с отвлеченными идеями. Пока он убежден, что он королевский сын, он считает, что всякая непокорность ему лишь недоразуменье, отказывается от поединка, как от дела, несовместного с величьем королевской задачи (вспомним отказ Иоанна Грозного от поединка со Стефаном Баторием), угрожает врагам самоубийством, веря, что для них страшнее смерти участие в гибели короля. Его страх перед волчьим воем объясняется чисто физическим отвращеньем человека, считающего своим тотемом лебедя, к тотему врагов. Зато, узнав в третьем действии истину о своем происхожденьи, он теряет почву под ногами и настолько ошеломлен, что без слова возраженья выполняет самые унизительные требования врагов; только в четвертом действии им овладевает пророческий экстаз, заставляющий его утверждать свою ценность несмотря ни на что, только во имя своего мученичества. По отношенью к герою пьеса является крестным путем Гондлы и заканчивается его апофеозом. Режиссеру следует иметь в виду, что хотя Гондлу и называют горбатым, но он только сутуловат[9], подобно Ричарду Третьему.

[7] Та же проблематика отразилась в пьесе Г. Ибсена «Богатырский курган», ее герой даже имеет сходное имя – Гандальф. Подробное сопоставление двух пьес, позволяющее с уверенностью говорить о «Богатырском кургане» как об одном из источников «Гондлы», осуществлено в статье: *Rusinko E.* Rewriting Ibsen in Russia: Gumilyov's dramatic poem "Gondla" // The European Foundations of Russian Modernism. Studies in Slavic Language and Literature. Vol. 7. Studies in Russian and German. Vol. 4. 1991. P. 189–218. Об ибсеновском влиянии Гумилев в заметках умалчивает, как и о ряде других источников.

[8] Речь идет о лейтмотивном противопоставлении «волков»-исландцев и «лебедей»-ирландцев.

[9] Это авторское пояснение противоречит мотивировке отказа Гондлы от поединка, данной в тексте пьесы: «Я горбат, вы забыли про то. / По закону калеку не может / К поединку принудить никто» (*Гумилев Н.С.* Собрание сочинений. Т. 5: Драматургия (1911–1921). М.: Воскресенье, 2004. С. 120). Вообще мотив горбатости Гондлы Гумилев позаимствовал из названия ирландской саги о королевиче Кондле во французском переводе Арбуа де Жюбенвиля (хотя в самой саге о горбе ничего не говорится и королевича даже называют прекрасным): «Voyage de Condlé le Bossu, fils de Cond Egal-À-Cent-Guerriers». В опублико-

Характер героини проще, хотя и усложнен внешне разделеньем дневной Леры и ночной Лаик. На самом деле мы видим только превращенье девушки в женщину, нежную во втором действии, могучую и страстную в третьем и величественную в четвертом. Из-за нее-то пьеса и делится на четыре части – ночь, утро, день и вечер Леры. Для Гондлы она благословенье и проклятье, высшая боль и высшая радость, рок, ведущий к гибели и славе одновременно[10], и прообразом ее служит волшебная лютня, полная сладких звуков, но скликающая волков. Это роль для артистки с сильным темпераментом и обширным репертуаром. Страшнее всего здесь была бы наклонность к декламации, потому что Лера не изрекает сентенций и каждое ее слово воля, пронизанная чувством.

ванном в 1929 г. русском переводе А. Смирнова сага уже называется «Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста-Битв». Полемический экскурс Арбуа де Жюбенвиля на тему правильного перевода прозвища королевича Кондлы можно найти в журнале Revue Celtique за 1909 г.: «В Revue de philologie française et de littérature г-на Леона Кледа, т. XXI, с. 277–284, г-н Фердинанд Лот сближает *Эхтру о Кондле* (или “Приключения Кондлы”) с рассказом о похищении Генгальха в *Vita sancti Tutguali episcopi* (*Жизнь св. епископа Тудуала*), гл. 33. Эти две легенды, одна ирландская, другая бретонская, повествуют о том, как фея, явившаяся из моря, забрала с собой молодого человека. Г-н Фердинанд Лот предлагает исправить на *cain* (“красивый”, “прекрасный”) эпитет *caim*, родительный падеж, единственное число от *camm* (“неправильный”, “кривой”), поставленный вслед за именем Кондлы в издании г-на Виндиша. Это очень соблазнительно, но в поддержку этого исправления <…> невозможно привести ни одной рукописи. Кондла имел, как представляется, два прозвища: *Rúad* (“Красный”), которое появляется во всех манускриптах, и *cam*, правильнее *camm* (“неправильный”, “кривой”), которое <…> стоит в родительном падеже в заглавии, данном двумя рукописями: 1) Книга Бурой Коровы, с. 120, стлб. 1., стр. 3; 2) манускрипт Британской библиотеки 5280, фолио 65 версо (Британский музей). Первая из этих рукописей, самая древняя из всех, датируется примерно 1100 г., вторая XV в. Исправление, предложенное г-ном Ф. Лотом, не опирается ни на один из известных <…> манускриптов. Невозможно оспаривать, что оно крайне изобретательно. Г-н Фердинанд Лот, высокий, молодой и красивый, без удивления увидел бы юную прекрасную фею влюбленной в него и притязающей его похитить; он полагал, что старички вроде г-на Виндиша и особенно редактора Revue Celtique были бы безумны, если бы надеялись на такую же удачу, и он не может видеть без негодования, как эти два автора допускают, чтобы так повезло горбуну. Он не обращает внимания на то, что фея, о которой говорится в ирландской саге, – это божество смерти; что смерть похищает горбунов точно так же, как и остальных, иногда даже раньше, чем остальных, и, возможно, что именно потому, что он был горбуном, из двух наиболее известных сыновей Конда Ста-Битв Кондла умер первым, оставив одиноким своего брата Арта» (Revue Celtique. 1909. Vol. XXX. P. 114). А.А. Смирнов в противоположность Жюбенвилю утверждал, что «все герои, попадающие в “блаженную страну”, – Бран, Кондла, Майльдуйн, Кухулин, Кормак, – достигают ее *при жизни*; и нет никаких указаний на то, чтобы они встретили там своих родичей. Вообще она – обиталище не душ умерших, а богов или сидов, которые в этом отношении, как и во многих других, подверглись взаимному смешению» (Ирландские саги… С. 36–37). У Гумилева «Острова Блаженства» однозначно ассоциируются со смертью (см. также стихотворение «Я не буду тебя проклинать…»).

[10] Традиционный для Гумилева комплекс мотивов, связанный с героиней, спроецированной на образ валькирии, воительницы (см. также стихотворения «Поединок» и «Ольга»). Она неизменно оказывается вестницей смерти для героя, который при этом связан с ней отношениями любви или влечения, а отнюдь не вражды. Главное же, во всех случаях такая героиня как бы способствует проявлению «я» героя, которое оказывается для него смертельным и в то же время им ожидаемым и благословляемым.

На остальных действующих лицах нет надобности задерживаться слишком долго. Режиссер, я думаю, и сам заметит, что в Снорре преобладает тип придворного, осторожного и порой благожелательного, тогда как в Груббе виден нерассуждающий и жестокий северный воин. Лаге в душе такой же подданный, как Гондла властитель; он повинуется старшим, Снорре и Груббе, и узнав, что Гондла все-таки королевский сын, решительнее других переходит на его сторону. Черты грубого благородства то там, то сям мелькают в его репликах. Имя Ахти заимствовано мною из Калевалы, где оно является прозвищем хитреца Леминкайнена. И [его] лютня, принесенная «из финской страны», и наклонность к колдовству, которым славились среди северных народов финны, намекают на то, что это действующее лицо является выходцем из Финляндии. Конунг лишен индивидуальных черт, это просто властитель, который с обычными приемами пытается подойти к неожиданным событьям. Может быть, в нем следовало бы подчеркнуть известную долю старческой болтливости.

Завязкой пьесы является только последняя сцена первого акта [действия]. Всё предыдущее только установка положенья и характеров. Во втором и третьем акте развивается действие, сперва усложненное двойной перипетией – передачей Гондле волшебной лютни и превращеньем норвежцев в волков, – затем узнаваньем в рассказе Груббе. Это судьба всех не пятиактных пьес, что приходится перипетию и узнаванье вплетать в действие[11]. Развязке посвящен четвертый акт, конец которого (сцена после смерти Гондлы) переходит в мистерию. В сценическом отношении симметрия намеренно иная. В первом и втором акте мы видим главным образом выходы, постепенное обезлюживанье сцены, тогда как в третьем и четвертом, наоборот, появленья, постепенное наполненье сцены. Некоторые явленья как бы перекликаются между собой, напр. сцена ненависти норвежцев к Гондле, тотчас после суда, и сцена их покорности в четвертом акте [действии], или же Гондла и Лера в первом акте и Лера и Лаге в третьем. Я уверен, что режиссер аналогичным расположеньем фигур сумеет выявить эту черту пьесы.

[11] Гумилев пользуется здесь аристотелевскими терминами, но понимает их довольно своеобразно. Аристотель перипетией называет «перемену происходящего к противоположному, и притом <…> по вероятности или необходимости. <…> …самые лучшие узнавания те, которые соединены с перипетиями, как, например, в “Эдипе”» (*Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1079–1080). Т.е. правильнее было бы называть перипетией перемену положения Гондлы от изгнанника, почитающегося безродным калекой, к наследнику ирландского престола. Между тем передача Гондле лютни и превращенье норвежцев в волков настоящего влияния на ход действия не оказывают.

Теперь о стихотворном размере пьесы. Насколько мне известно, «Гондла» первая и единственная пьеса, написанная анапестом. Я совершенно сознательно выбрал именно этот размер [его], потому что, хотя он и лишен многообразия и подвижности двусложных размеров, он стремителен, крепок, певуч, в нем слышатся то грохоты моря, то колокольные звоны, две музыкальные темы пьесы. Для культурных актеров он не может представить затрудненья, хоть, может быть, им придется отказаться от вычерчиванья общего психологического рисунка фразы и перенести центр тяжести на отдельные слова. Но, так как это придаст лишь своеобразье их игре, не ослабив ее качества, я верю, что они будут мне за это благодарны.

Если тон актеров и должен быть повышенным, то это ни в какой мере не относится к художнику. Необходимо помнить, что время мирное и норвежцы у себя дома, поэтому никаких доспехов им не полагается и вооружены они самое большее короткими мечами. Замок в первом и втором действии бревенчатый, потемневший от времени, без всяких украшений. Гондла и Лера, как новобрачные, в светлых праздничных одеждах, и ирландцы залиты золотом, как подобает воинам, выступающим в роли послов. Если технические средства позволят, надо показать в конце пьесы ладью[12], так чтобы последние слова Леры звучали уже с нее. Музыкальный аккомпанемент во втором и третьем актах представляется мне сложным и богатым, но несколько заглушенным, точно доносящимся издалека, чтобы не заглушать голоса говорящих.

Н. Гумилев

[12] Образ восходит к ирландской саге об исчезновении королевича Кондлы, ср. также в незаконченной пьесе Гумилева «Красота Морни» по мотивам ирландских саг, где «юноша-прозорливец» и поэт Дайра утверждает свою принадлежность к посвященным в монологе, перечисляющем прочитанные им книги поэзии: «Какие книги назвать вам из тех, что я прочитал? <…>… я назову Песнь Стеклянной Ладьи и Солнце Страны Блаженных» (*Гумилев Н.С.* Собрание сочинений. Т. 5… С. 304). Учитывая «викингский» колорит пьесы и смерть героя, образ ладьи отсылает еще и к погребальному обряду сожжения в ладье и к образу воительницы Брюнхильд (один из прототипов Леры), взошедшей на костер вместе с телом Сигурда, а также к другому источнику пьесы Гумилева – роману Р. Хаггарда «Эрик Светлоокий».

Литература

Иванова Е.В. Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 604 с.

Ирландские саги / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А.А. Смирнова. 2-е изд., испр. М.; Л.: Academia, 1933. 368 с.

Чуковский К.И. Дневник. 1901–1921 / Предисл. В. Каверина; Коммент. Е. Чуковской // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ Лтд, 2013. С. 14–374.

Щербаков Р.Л. [Комментарий] // *Гумилев Н.С.* Сочинения: В 3 т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 2: Драмы. Рассказы / Сост., подгот. текста, примеч. Р.Л. Щербакова. С. 393–477.

Rusinko E. Rewriting Ibsen in Russia: Gumilyov's dramatic poem "Gondla" // The European Foundations of Russian Modernism. Studies in Slavic Language and Literature. Vol. 7. Studies in Russian and German. Vol. 4. 1991. P. 189–218.

References

Chukovskii K.I. Dnevnik. 1901–1921 [Journal. 1901–1921], predisl. V. Kaverina, komment. E. Chukovsko. In: Chukovskii K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vol.] Vol. 11. 2-e izd. Moscow, Agentstvo FTM Ltd Publ., 2013. pp. 14–374. (In Russ.)

Ivanova E.V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni* [Aleksandr Blok: Last Years]. Saint Petersburg, Moscow, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)

Irlandskie sagi [Irish Sagas], per., pred, vstup. st. i komment. A.A. Smirnova. 2-e izd., ispr. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1933. 368 p. (In Russ.)

Shcherbakov R.L. *Kommentarii* [Commentaries]. In: Gumilev N.S. *Sochineniia: v 3 t.* [Works: in 3 vol.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991. Vol. 2: Dramy. Rasskazy, sost., podgot. teksta, primech. R.L. Shcherbakova. pp. 393–477. (In Russ.)

Rusinko E. Rewriting Ibsen in Russia: Gumilyov's dramatic poem "Gondla". In: *The European Foundations of Russian Modernism.* Studies in Slavic Language and Literature, vol. 7. Studies in Russian and German, vol. 4, 1991, pp. 189–218.

"Notes on Gondla" by Nikolay Gumilyov

Veronika B. Zuseva-Özkan

Abstract: Publication of Gumilyov's notes on his dramatic poem "Gondla" allows Gumilyov scholars to significantly refine dominant assumptions about this play and its hero. The notes concern the play's sources, characters and images, conflict, plot and motifs, principles of its theatrical production. Comparing the original conception of the play as it occurs in the notes and the completed work demonstrates a considerable gap between them (and, in some points, even direct contradictions) which provides material for interesting conclusions. These notes are also one of the manifestations of Gumilyov' participation in the project of "historical pictures" of "World Literature" ("Vsemirnaya Literatura") publishing house.

Keywords: Nikolay Gumilyov, Gondla, drama, "historical pictures", Russian literature of the beginning of the 20th century.

Information about the author: Veronika B. Zuseva-Özkan, Doctor Hab. in Philology, leading researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-267-280
УДК 821.161.1

И.А. Бунин и М.А. Волошин: К истории взаимоотношений[1]

А.С. Аристова (Тинникова)

Аннотация: В статье предпринята попытка проследить историю взаимоотношений И.А. Бунина и М.А. Волошина от начала их знакомства в 1900-х гг. до времен Гражданской войны. В работе представлена взаимная оценка творчества обоих поэтов, разногласия в отношении к новой власти, отразившиеся в записных книжках Веры Николаевны и воспоминаниях Бунина. Также приводятся возможные причины резкого тона Бунина, в целом не столь плохо относившегося к Волошину, в некрологе поэту. Статья не только проливает свет на историю взаимоотношений двух поэтов, но и иллюстрирует противоречивость и неоднозначность оценок революции, Гражданской войны и французских интервентов в кругу русской интеллигенции.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.А. Волошин, Гражданская война, Одесса, творческие замыслы, переписка, разногласия, записные книжки, оценка творчества, некролог

Информация об авторе: Анастасия Станиславовна Аристова (Тинникова), аспирант, научный сотрудник ИМЛИ РАН. Москва. E-mail: atinnikova@bk.ru

В своей работе мы попытаемся проследить историю взаимоотношений Бунина и Волошина с начала их знакомства в 1900-х гг. до времен Гражданской войны. Эта тема кратко освещалась во вступительной статье Жоржа Шерона к переписке Волошина с Буниными в 1919 г.[2] Однако в статье затрагиваются лишь события 1919 г., в то время как знакомство двух поэтов началось много раньше. События, оставшиеся за рамками той статьи, мы и попытаемся изложить в настоящей работе.

История взаимоотношений Бунина и Волошина берет начало в середине 1900-х гг. Встречи этого времени носили случайный, редкий и мимолетный характер[3]. О близком общении между двумя поэтами в этот период говорить не приходится. Будучи столь непохожими друг на друга, они не могли сблизиться добровольно по идейным и творческим интересам: религиозно-мистическое, историософское

[1] Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410).

[2] *Шерон Ж.* Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2010. Вып. II. С. 501–503.

[3] *Волошин М.А*. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906–1916. М.: Эллис Лак, 2007. С. 628.

восприятие Волошина было чуждо критично-ироничному, реалистическому восприятию Бунина. Однако судьба сведет их вместе в Одессе в период Гражданской войны, действительно ставшей для них, выражаясь словами Волошина, «спайкой душ». В мирное же время в отношении друг к другу они были скорее сторонними наблюдателями. Как вспоминал позже Бунин в некрологе, посвященном Волошину: «я лично знал Волошина не близко, – особенно до наших последних встреч в Одессе зимой и весной девятнадцатого года, – но со времен довольно давних». Первые стихи Волошина Бунин оценил невысоко и в некрологе признавался: «Судя по ним, трудно было предположить, что с годами так окрепнет его талант, так разовьется внешне и внутренне»[4]. Из первых московских встреч Бунину особенно запомнилась внешность Волошина и его манера декламировать стихи. И то, и другое он оценил далеко не лестно. Бунин не оставил в тот период последовательную и обоснованную оценку творчества Волошина, в то время как Волошин посвятил большую статью тому стихов Бунина, выпущенному издательством «Знание» в составе собрания его сочинений[5]. Эту статью следует признать самым значимым из ранних соприкосновений двух поэтов.

Здесь Волошин в качестве основной тенденции современной ему поэзии выделяет стремление к музыкальности стиха, достигающее таких пределов, что звучание порой доминирует над смыслом. Особняком на этом фоне, по мнению Волошина, стоит Бунин, которому, по его словам, оказалась совершенно чужда «вся громадная работа музыкальных завоеваний в области русского стиха». В отличие от современников у него «нет ритма, нет струящейся влаги стиха», «его мысль никогда не обволакивается в законченную и стройную строфу». Однако отсутствие музыкальности и отточенности формы в стихотворениях Бунина не мешает Волошину признать в нем «истинного и крупного поэта», потому что ему удалось «достичь конечных точек совершенства» в другой области – «чистой живописи», в пластичности и красочности образов, в живописном, «близком левитановскому», изображении русского пейзажа. Поэтому корни бунинского стихотворного дара, по мнению Волошина, лежат не в русской поэзии, а в русской прозе: в пейзажах Тургенева и описаниях Чехова, «точно эта школа интимного пейзажа захотела сжаться, отчеканиться, закристаллизоваться в стихе Бунина»[6]. Такое восприятие Бунина как поэта реалистической школы в целом было характерно для

[4] *Бунин И.А.* О Волошине // Последние новости. 1932. № 4187, 8 сент. С. 3.
[5] *Бунин И.А.* Стихотворения 1903–1906 г. СПб.: Знание, 1906.
[6] *Волошин М.А.* «Стихотворения» Ивана Бунина // Русь. 1907. № 5, 5 янв. С. 3.

его современников[7]. Волошин заметил и такие особенности прозы Бунина, как краткость письма, тяготение к сжатому, лапидарному оформлению художественных произведений, предпочтение малых прозаических форм большим. В этих чертах Волошин видел общую тенденцию времени, последние достижения литературного процесса. Об этом он пишет к С.Г. Кожевниковой в письме от 4 марта 1923 г.: «Стремление к краткости и сжатости лежит в основе каждого литературного прогресса. В русской беллетристике работа над сжатостью началась с Чехова и через Ремизова, Бунина, Толстого (А.Н.)»[8].

Гораздо теснее судьба свела двух поэтов во время Гражданской войны, когда в 1919 г. оба оказались в Одессе. Волошин жил здесь некоторое время на квартире Цетлиных и не раз встречался с Буниными, даже принимал участие в спасении от реквизиции особняка, в котором они жили, придумав повесить на него вывеску: «Художественная неореалистическая школа». По возвращении Волошина в Коктебель между ними завязалась переписка, однако вскоре Буниы покинули Россию, и общение между поэтами было прервано навсегда.

Отношения Бунина и Волошина в одесский период складывались негладко. В Одессе они поняли, что принадлежат одному кругу интеллигенции, которая собралась в Одессе, бежав от ужасов Гражданской войны, поэтому они старались держаться вместе. Волошин не раз ночевал у Буниных, вместе они проводили вечера, на которых обсуждали злободневные вопросы современности, пытаясь угадать дальнейший поворот истории, развязку текущих событий. Тем не менее между двумя поэтами часто возникали разногласия и споры. Принципиально различным было мнение о том, как относиться к большевикам. Волошин пытался взаимодействовать с новой властью, искать компромиссы. Когда в апреле 1919 г. Одессу заняла Красная армия, в городе была создана комиссия по подготовке празднования Первого мая. Пребывавшим в Одессе художникам было предложено принять участие в украшении города. Волошин с готовностью откликнулся на эту просьбу, считая, что искусство лежит вне политики. Однако это вызвало резкое осуждение Бунина, принципиально не желавшего сотрудничать с новой властью, которая была ему чужда и ненавистна. Вера Николаевна приводит в записных книжках столь характерный для Волошина довод, которым

[7] *Брюсов В.Я.* Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 71; *Абрамович Н.Я.* [Рец.:] Стихотворения 1903–1906 гг. // Образование. 1906. № 12. Отд. II. С. 113–114.

[8] *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924. М.: Эллис Лак, 2013. С. 629.

он ответил на резкое возражение Бунина: «…не нужно ни от кого отвертываться. Нужно всё принимать. В мире всё есть, кроме любви. Любовь несет человек»[9]. На это Бунин, «едва сдерживаясь», ответил, что принимать участие в украшении города – это «значит помогать врагу». Волошин был исключен из комиссии по украшению города, а его предложение своих услуг было расценено как попытка втереться в доверие. Узнав о том, что помощь Волошина грубо отвергли, Бунин скажет: «Я рад, что Волошину попало»[10]. Таким образом, идеи Волошина, которыми он столь охотно делился, в глазах Бунина потерпели крах. Однако справедливости ради стоит заметить, что, несмотря на не всегда удачные попытки Волошина лавировать меж двух огней, не примыкая ни к одному, или, как ответил бы сам Волошин, летать на двух крыльях – красном и белом, за время Гражданской войны ему многих удалось спасти от смерти. Среди спасенных были, в частности, историк-археолог генерал Маркс и поэт Осип Мандельштам. Спасая красных от белых и белых от красных, Волошин проявлял редкую изобретательность. Например, всем, кто бывал в доме Волошина, наверняка запомнилась его картина-триптих, которая служила входом в маленькое темное помещение под самой крышей, – именно там поэт укрывал преследуемых.

В корне отличалось отношение Бунина и Волошина к союзникам. С ноября-декабря 1918 по апрель 1919 г. французские и английские корабли контролировали морское пространство у пределов одесского порта. Судна союзников воспринимались Буниным как последняя надежда, как возможность спасения и защиты от произвола красных. Прибытию английского миноносца посвящено стихотворение Бунина «22 декабря 1918 года», передающее чаяния, с ним связанные:

И боль, и стыд, и радость. Он идет,
Великий день, – опять, опять варягу
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.

Да будет так. Привет тебе, варяг.
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой бойни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.

[9] Запись В.Н. Буниной от 2/15 апреля 1919 г. // Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1. С. 233.

[10] Запись В.Н. Буниной от 25 апреля 1919 г. // Устами Буниных… Т. 1. С. 241.

Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно площадных вождей
И мнимого народовластья!

Однако в мае 1919 г. французские суда, стоявшие в море в течение нескольких месяцев и подававшие надежду на спасение сторонникам белого движения, скрылись. Это отразилось в «Окаянных днях» И.А. Бунина, в записях конца мая 1919 г. Писатель отмечает, что, ожидая чуда, они каждый день ходили на берег проверять, не ушел ли миноносец союзников, при котором «как будто легче»: «Всё кажется, что есть хоть какая-то защита, что, в случае каких-нибудь уж слишком чрезмерных зверств над нами, миноносец может начать стрелять… что если он уйдет, уж всему конец, полный ужас, полная пустота мира…»[11] Но то, что было «ужасом» для Бунина, Волошин воспринимал иначе. После ухода союзнической эскадры он написал стихотворение «Неопалимая Купина» с подзаголовком «В эпоху бегства французов из Одессы», где то же событие получает в корне отличное осмысление:

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть[12].

Волошин воспринимал французскую интервенцию, бывшую для Бунина надеждой и спасением, как вмешательство в личные дела России, интервентов не касающиеся.

События революции и Гражданской войны глубоко отразились в творчестве Волошина, которое теперь обрело историософское измерение, а его поэтический талант набрал полную силу. Эволюцию творчества Волошина видел и Бунин, который, несмотря на идейные разногласия и критику отдельных стихов, не мог не признать того, что его творческий дар расцвел и развился: «Читал он тут много новых стихов о всяких страшных делах и людях как древней России, так и современной, большевицкой. Я даже дивился на него – так далеко шагнул он вперед в писании стихов, и в чтении их, так силен и ловок стал и в том, и в другом»[13]. Сам же Бу-

[11] *Бунин И.А.* Окаянные дни / Под ред. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. С. 109.
[12] Здесь и далее цит. по: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Под ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2003. С. 293.
[13] *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 190.

нин не пропускал события революции и Гражданской войны в свои стихи. Трагические события русской истории если и отразились в поэзии Бунина, то ушли глубоко в подтекст. Например, в 1919 г. он написал стихотворение «Потерянный рай», в котором Адам и Ева скорбят об утерянном райском блаженстве, утраченной «обители отчей», прося о помиловании и возвращении потерянного: «Иисусе Христе, миленький! / Прости душу непотребную! Вороти в обитель отчую!» Установка на отгораживание поэзии от страшных событий современности была принципиальна для Бунина. Потому он не мог простить Волошину того, из какого материала и при каких обстоятельствах писались его стихи, казавшиеся ему «самоупоенным», «кощунственным словоизвержением»: «…был у него и другой грех: слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции»; «Кем надо было быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи?»[14] Чуждо было Бунину и религиозно-мистическое осмысление событий. У него была однозначная и резкая оценка происходящего. Поэтому стихотворения Волошина, в которых он осмысливал события в философско-религиозном, мистическом ключе, казались ему подчеркнуто громкими, театральными, искусственными. Судя по всему, Волошину были известны вкусовые предпочтения Бунина. Наверняка критику определенных произведений он слышал от него при личных встречах в Одессе. Об этом можно судить по тому, какие стихотворения отправлял Волошин Бунину, уже вернувшись в Коктебель. Например, в письме от 7/20 ноября 1919 г. Волошин просит Бунина прочесть его новые стихи, которые он отправил Л. Гроссману, снабжая просьбу следующим комментарием: «Я в них сделал попытку подойти *более реалистически* (курсив мой. – *А.А.*) к современности (в цикле “Личины”: стихотворения “Матрос”, “Красногвардеец”, “Спекулянт” и т. д.), и мне бы очень хотелось знать Ваше мнение»[15]. Судя по этому, Волошин считал, что хотя его историософская и религиозно-мистическая концепция чужда Бунину, но стихотворения, в которых он изобразил типы революции, носителей жестокости времени, Бунин сможет оценить адекватно. И действительно, именно эти стихи Бунин опубликовал в газете «Южное Слово», издававшейся в Одессе с 27 августа/9 сентября 1919 по 12/25 января 1920 г. Таким образом, несмотря на не всегда благосклонную оценку произведений Волошина, Бунин в какой-то мере способство-

[14] Там же. С. 190, 126, 135
[15] *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 12… С. 274.

вал публикации его произведений и сам попросил его о «немедленном сотрудничестве» в добровольческой газете[16].

Высоко оценил Бунин и поэму Волошина «Протопоп Аввакум». После чтения Волошиным поэмы 5 (18) апреля 1919 г. Бунин записал: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна»[17].

Таким образом, в творчестве Волошина Бунин чувствовал рост и развитие. И не принимая многие его стихи времен Гражданской войны, признавал их лучшим из написанного им. Более того, он ценил его поэтический дар и видел в Волошине одного из крупных поэтов своего времени. Знаменательно, что именно с этого признания начинается мемуарный, в целом довольно ироничный, очерк Бунина «Волошин»: «Максимилиан Волошин был одним из наиболее видных поэтов предреволюционных и революционных лет»[18]. О том же свидетельствует случай, зафиксированный в записных книжках В.Н. Буниной 6 сентября 1919 г. Когда пришедший к Бунину тогда еще начинающий писатель Валентин Катаев начал критиковать Волошина, Бунин не стерпел и вступился за него: «Вчера был Валя Катаев. […] Валя ругал Волошина. Он почему-то не переносит его. Ян [= И. Бунин] защищал, говорил, что у Волошина через всю словесность вдруг проникает свое и настоящее. Да и Волошиных не так много, чтобы строить свое отношение к нему на его отрицательных сторонах. Как хорошо он сумел воспеть свою страну. Удаются ему и портреты»[19]. Нужно заметить, что такую оценку могли заслужить далеко не многие современники Бунина, известного своими резкими суждениями.

Дневники Веры Николаевны, переписка Волошина с Буниными и воспоминания Бунина об одесских встречах с Волошиным являются важным источником сведений о том, какие идеи и творческие замыслы волновали Волошина в то время. Особенно ярко запомнилась Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне «теория», как ее называли Бунины, о «распятых серафимах». Судя по записям Веры Николаевны, Бунин не переносил этой «теории», в частности, узнав о том, как закончились попытки Волошина участвовать в первомайской комиссии, сказал: «Я рад, что Волошину попало, а то какие-то серафимы…» Но Вера Николаевна заинтересовалась этой теорией, о чем можно судить по дневниковой записи, сделанной после беседы с Волошиным: «Пользуясь отсутствием Яна, расспрашиваю о распятых

[16] Там же. С. 275.
[17] Устами Буниных… Т. 1. С. 234.
[18] *Бунин И.А.* Воспоминания… С. 184.
[19] Запись В.Н. Буниной от 6 сентября 1919 г. // Устами Буниных… Т. 1. С. 311.

серафимах». Бунин вспомнит эту «теорию» даже в некрологе Волошину 1932 г. Пересказывает он ее, конечно, с иронией. Но и через эти ироничные воспоминания можно реконструировать обстановку, в которой рождались столь значимые для творчества Волошина идеи. Вот что запомнилось Бунину: «Он антропософ, уверяет, будто люди “суть ангелы десятого круга”, которые приняли на себя облик людей вместе со всеми их грехами, так что всегда надо помнить, что в каждом самом худшем человеке сокрыт ангел»; «Он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, в кретине сокрыт страждущий Серафим, что есть девять серафимов, которые сходят на землю и входят в людей, дабы принять распятие, горение, из коего возникают какие-то прокаленные, просветленные лики»[20]. Из приведенных цитат видно, что, несмотря на откровенно ироничное отношение Бунина к теории Волошина и категорическое ее неприятие, основные идеи он понял и запомнил, к удивлению, верно и точно. Бунин излагает здесь столь важные для Волошина идеи, отразившиеся в его поэме «Святой Серафим», в стихотворениях «Потомкам», «Из бездны» и других произведениях о войне и революции: идею ангелической природы человека, скрытой под «искаженными обличьями тленного», и идею явления под искаженной личиной ангельского лика через распятие и горение.

В письмах к Буниным Волошин делится волнующими его творческими планами, новыми замыслами. Например, в письме от 7/20 ноября 1919 г. из Коктебеля он замечает, что весь погружен в работу над поэмой о Святом Серафиме. Из письма можно узнать, что поэма изначально задумывалась как диптих с поэмой «Протопоп Аввакум». Однако этот замысел не был осуществлен: так как работа над поэмой «Святой Серафим» затянулась, Волошин не включил ее в рукописную книгу «Неопалимая Купина». Таким образом, письма к Буниным могут послужить и источником реконструкции творческих замыслов Волошина.

Записи Веры Николаевны показывают также, что в то время Волошина очень волновала тема возвращения Смутного времени, повторяемости истории. 23 апреля 1919 г. она отмечает, что беседовала с Волошиным о самозванцах. И он уверял, что как после убиения царевича Димитрия на Руси появилось много самозванцев – Лжедмитриев, так и теперь появится много тех, кто будет выдавать себя за сына последнего императора – Лже-Алексеев, а напоследок спросил Веру Николаевну: «Заметили ли вы, как много мальчиков, похожих на наследника?»

[20] *Бунин И.А.* Воспоминания… С. 192, 193.

Если воспоминания Бунина и Веры Николаевны могут послужить источником сведений о том, какие идеи, мысли, творческие замыслы волновали Волошина в период Гражданской войны, то в письмах Бунина к Волошину и воспоминаниях самого Волошина не отразились идеи и творческие замыслы Бунина тех лет. Здесь, конечно, можно вспомнить то, как оценивала личность Волошина Вера Николаевна: «Он никем не интересуется глубоко»[21], «людьми он интересуется поверхностно, они ему нужны как декорация для себя самого»[22]. Однако, думается, дело тут вовсе не в равнодушии Волошина к другим, а в том, что Бунину тогда было вовсе не до творчества. Из происходящих в стране событий он принципиально не делал литературы.

В Одессе Волошин провел не один вечер в беседах с Буниными. На этих вечерах они читали друг другу стихи, обсуждали произведения как свои, так и современников. Взгляды на литературу не всегда совпадали. Например, в записях Веры Николаевны зафиксирован спор на вечере у Цетлиных о поэме Блока «Двенадцать». Волошин вопреки мнению большинства заявил, что поэма ему нравится. И Христос, идущий впереди красногвардейцев, не оправдывает их, потому что не возглавляет их шествие, не ведет их, а, наоборот, ведом ими на распятие, на заклание. Красный же флаг, несомый Христом в руках, – это Его новая Голгофа, символ Его «нынешних распятий». Такая трактовка поэмы вызвала возражения присутствующих, но Волошин ответил, что берется доказать свое прочтение поэмы «с книгой в руках». Бунин, не переносивший поэмы «Двенадцать», не соглашался с таким толкованием и нападал на «пошлый язык поэмы», говоря, что не может простить этого Блоку и «ненавидит его за это»[23]. Судя по записи Веры Николаевны, с резким мнением Бунина о поэме были согласны все участники вечера, кроме Волошина, горячо отстаивавшего свою точку зрения на произведение Блока. Таким образом, толкование Волошиным поэмы «Двенадцать» разительно отличалось от большинства его современников, считавших, что Блок, поместив фигуру Христа в конец поэмы, в начале шествия красногвардейцев, сделал Его предводителем двенадцати и тем самым оправдал их. Мысли Волошина о поэме, высказанные в тот вечер, были изложены в статье «Стихи о революции: Александр Блок и Илья Эренбург»[24].

[21] Запись В.Н. Буниной от 14 апреля 1919 г. // Устами Буниных… Т. 1. С. 232.
[22] Запись В.Н. Буниной от 18 апреля 1919 г. РАЛ. MS 1067/364.
[23] Запись В.Н. Буниной от 2 марта 1919 г. // Устами Буниных… Т. 1. С. 210.
[24] *Волошин М.А.* Стихи о революции: Александр Блок и Илья Эренбург // Камена (Харьков). 1919. № 2. С. 10–28.

Вечера у Буниных были одним из самых приятных воспоминаний о трудном времени, проведенном в Одессе, о чем пишет Волошин в письме И.А. и В.Н. Буниным от 3/16 мая 1919 г.: «Очень приятно вспоминать последний вечер у Вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период»[25]. В письме к М.С. и М.О. Цетлиным от 5/18 апреля 1920 г. Волошин замечает, что за время пребывания в Одессе очень подружился с Буниным[26]. Бунины же оценивали Волошина неровно: дружеское расположение подчас сменялось иронией. В записных книжках Веры Николаевны встречаются критические замечания: «Сам Волошин очень мне кажется тугодумом, какая-то у него очень толстая черепная кость», «много стихов у него высокопарных, риторичных, пустых», «отношение к жизни у него не живое»[27]. Но встречаются и выражения дружеского расположения и привязанности: «Он, по-видимому, очень легкий и приятно-простой человек […] было жаль, что пришлось ему уйти в 9 ч. Я даже пожалела, что не предложила ему остаться ночевать у нас»[28]; «Вероятно, Волошин с Татидой уже у себя. […] Мне жаль, что они уехали. Мне очень жаль всё же, что Максимилиан Александрович далеко. Он вносил какую-то простоту и давал мне некоторое ощущение Москвы, того, чего нет у одесситов»[29].

Описывая прощание с Волошиным перед его отплытием в Коктебель (после они уже никогда не увидятся), Бунин замечает, что в тот вечер они беседовали «почти во всем согласно, мирно», а прощаясь, «взволновались и обнялись», правда, потом Бунин добавляет, что Волошину и это событие удалось превратить в фарс: на прощание он «очень хорошо стал изображать медвежонка», чем всех развеселил[30].

Сотрудничество Волошина с Буниным в газете «Южное Слово» уже после его отъезда в Коктебель, а также случай с Валентином Катаевым, когда Бунин признал, что Волошину удалось воспеть свою родную страну, свидетельствуют о том, что изначально отношение Бунина к Волошину не было столь насмешливым и ироничным, как во время написания некролога, где умершего поэта он представил как «толстого кудрявого эстета, любезного и неутомимого говоруна, большого любителя покушать»[31]. Думается, такая оценка сложилась у Бунина уже в эмиграции. Обвиняя Волошина в слишком литера-

[25] *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 12… С. 213.
[26] Там же. С. 303.
[27] Устами Буниных… Т. 1. С. 206, 232, 225.
[28] Там же. С. 229.
[29] Запись В.Н. Буниной от 15 мая 1919 г. РАЛ. MS 1067/360.
[30] *Бунин И.А.* Воспоминания… С. 190.
[31] Там же. С. 196.

турном воспевании «самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции», в качестве примера Бунин приводит строки из стихотворения «Бойня», написанного в июле 1921 г., т. е. уже после того, как Бунины покинули Россию (январь 1920 г.). Следовательно, с этим стихотворением Волошина Бунин по каким-то источникам ознакомился уже в эмиграции, что отчасти и повлияло на изменение отношения к Волошину не в лучшую сторону. И, что еще удивительнее (этот факт отмечен в комментариях в собрании сочинений Волошина[32]), не принимая стихов Волошина о зверских и страшных событиях Гражданской войны, Бунин, чтобы вспомнить ужасы 1919 г., использует стихотворение Волошина «Террор» (1921), почти дословно пересказывая его, но этот пересказ подает как свое, авторское слово:

М. Волошин
«Террор»

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам *мужчин, женщин.*
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались
к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

И. Бунин
Некролог «Волошин»

…Вот девятнадцатый год: этот год был одним из самых ужасных в смысле большевицких злодеяний. Тюрьмы Че-ка были по всей России переполнены, – хватали кого попало, во всех подозревая контрреволюционеров, – *каждую ночь выгоняли из тюрем мужчин, женщин, юношей на темные улицы, стаскивали с них обувь, платья, кольца, кресты, делили меж собою. Гнали разутых, раздетых по ледяной земле, под зимним ветром, за город, на пустыри, освещали ручным фонарем... Минуту работал пулемет, потом валили, часто недобитых, в яму, кое-как заваливали землей...*
Кем надо было быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи?
А ведь Волошин бряцал:

Носят ведрами спелые гроздья,
Валят ягоды в глубокий ров...
Ах, не гроздья носят, юношей гонят
К черному точилу, давят вино!

[32] *Волошин М.А.* Собр.соч. Т. 1… С. 550.

Стихотворение Волошина «Террор» представляет собой фиксацию самых страшных событий того времени, передает ничем не прикрашенный ужас тех дней. Стиль стихотворения протокольный, скупой, никаких художественно-выразительных средств в нем нет. Ни о какой излишней литературности здесь не может быть и речи. Бунин же эти зафиксированные Волошиным события почти дословно пересказывает, с той же целью, что и Волошин: изобразить ужасы и злодеяния того времени. Но пересказ этого протокольного по стилю стихотворения он использует для обвинения Волошина в излишней литературности, приводя далее в пример отрывки из совсем другого стихотворения – «Бойня», о стихотворении же «Террор», которое он явно использовал, умалчивает. Бунин проявил непоследовательность и неискренность в отношении к Волошину: прекрасно зная, что у поэта есть стихотворения совсем иного рода, в доказательство своих слов он приводит в пример то стихотворение, которое получило некоторую литературную обработку. Таким образом, обвинение, выставляемое Волошину, – всего лишь поза, которую Бунин принимает в статье, но сам он в это обвинение не верит.

Некролог Бунина «Волошин» в печати появился не в числе первых. Читая уже опубликованные некрологи, Бунин с иронией отнесся к таким именованиям Волошина, как «пророк», «провидец грядущего русского катаклизма», заметив, что такие громкие слова пишутся чуть ли не поголовно обо всех, кто в стихах и прозе касался русской революции. По всей видимости, у Бунина как человека тщеславного такие высказывания вызывали настоящее раздражение. Вспомним, что хвалебных отзывов о Блоке он тоже не переносил. Поэтому неудивительно, что среди всего написанного наиболее близкой ему показалась статья А. Бенуа[33], в которой тот замечает, что стихи Волошина никогда не вызывали у него доверия и в отношении к нему он навсегда сохранил некоторую иронию. Основной же мыслью Бенуа является то, что Волошин сумел остаться в Советском Союзе и даже читать свои самые страшные стихи о революции перед лицом советских идеологов только потому, что его никто не принимал всерьез, везде относились к нему как к «шуту гороховому». В этом-то направлении, заданном Бенуа, Бунин и пишет о Волошине. Ссылаясь на статью Бенуа, он уже имеет единомышленника в печати. На обе статьи, написанные в издевательском тоне, что нетипично для некрологов, откликнется Дмитрий Философов своей работой «Дело

[33] *Бенуа А.* О Максимилиане Волошине // Последние новости. 1932. № 4176, 28 авг. С. 4.

Волошина»[34], где появившиеся в печати разногласия относительно личности Волошина представит как судебный процесс над умершим поэтом, в котором Бунин и Бенуа займут позиции обвинителей. Однако суд над Волошиным в статье Философова превращается в суд над самими обвинителями. Бенуа он обвинит в предательстве Милюкова и заискивании перед Горьким, а затем в повторном возвращении к Милюкову, Бунина же – в том, что он, как и Бенуа, опубликовал свою статью в газете Милюкова, как бы выполняя его «социальный заказ». В заключение Философов приходит к выводу, что если Волошин и исполнял роль «шута горохового» при советском правительстве, не скрывая своих мыслей от проконсулов, то эта роль была гораздо благороднее тех ролей, которые играли Бенуа и Бунин.

Религиозно-мистические искания времени, увлечение оккультными течениями: теософией и антропософией, осмысление происходящих событий в религиозно-мистическом ключе не были близки Бунину. Однако когда судьба свела его с Волошиным в Одессе во время Гражданской войны, он не относился к Волошину издевательски. Издевательский же тон некролога, думается, во многом был навеян статьей Бенуа и хвалебными дифирамбами Волошину, которые вызвали у Бунина раздражение и обратную реакцию.

Литература

Бенуа А. О Максимилиане Волошине // Последние новости. 1932. № 4176, 28 авг. С. 4.

Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 69–73.

Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.

Бунин И.А. Окаянные дни / Под ред. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1990. 414 с.

Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926. М.: Эллис Лак, 2003. 608 с.

Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1: Проза 1906–1916. М.: Эллис Лак, 2007. 896 с.

Волошин М.А. Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924. М.: Эллис Лак, 2013. 992 с.

Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. Т. 1. 367 с.

Шерон Ж. Бунины и М.А. Волошин: письма 1919 года // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. С. 501–509.

References

Benua A. O Maksimiliane Voloshine [About Maximilian Voloshin]. In: *Poslednie novosti*, 1932, № 4176, 28 avg., p. 4. (In Russ.)

Bryusov V.Ya. Novye sborniki stihov [New collections of poems]. In: *Vesy*, 1907, № 1, pp. 69–73. (In Russ.)

[34] *Философов Д.В.* «Дело Волошина» // Молва. 1932. № 137, 18 сент. С. 3.

Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Vozrozdenie Publ., 1950. 272 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Okayannye dni* [Cursed days], pod red. A.K. Baboreko. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1990. 414p. (In Russ.)

Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 1: Stikhotvoreniia i poemy 1899–1926* [Collected works. Vol. 1: Poetry 1899–1926]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)

Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 6. Kn. 1: Proza 1906–1916* [Collected works. Vol. 6. Part 1: Prose 1906–1916]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 896 p. (In Russ.)

Voloshin M.A. *Sobr. soch. T. 12: Pis'ma 1918–1924* [Collected works. Vol. 12: Letters 1918–1924]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2013. 992 p. (In Russ.)

Ustami Buninyh [According to Bunins' testimony]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977. Vol. 1. 367 p. (In Russ.)

Sheron Zh. Buniny i M.A. Voloshin: pis'ma 1919 goda [Bunins and M.A. Voloshin: Letters of 1919]. In: *I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II*. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 501–509. (In Russ.)

I.A. Bunin and M.A. Voloshin: On the history of relationships

Anastasia S. Aristova (Tinnikova)

Abstract: In the article it is attempted to trace the history of relationships of I.A. Bunin and M.A. Voloshin from the beginning of their acquaintance in the 1900s to the times of the Civil War. The work presents a mutual evaluation of the creativity of both poets, disagreement over the new government, that are reflected in Vera Nikolaevna's notebooks and Bunin's memories. Also there are possible reasons for the sharp tone of Bunin, who didn't have such a bad opinion of Voloshin, in his necrologue to the poet. The article not only sheds light on the history of the relationship between the two poets, but it illustrates contradictory and ambiguous assessments of the revolution, the Civil War and the French interventionists among the Russian intelligentsia.

Keywords: I.A. Bunin, M.A. Voloshin, Civil War, Odessa, creative ideas, correspondence, disagreements, notebooks, creativity assessment, necrologue

Information about the author: Anastasia S. Aristova (Tinnikova), post-graduate student andresearch fellow of A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow. E-mail: atinnikova@bk.ru

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-281-337
УДК 821.161.1

Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе

Вступительная статья *Н.А. Дровалевой, К.И. Плотникова*
Подготовка текста и комментарии *Е.В. Безмен*

Аннотация: Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души» в постановке К.С. Станиславского, состоявшаяся 28 ноября 1932 г., стала началом дискуссии в нескольких институциях, в том числе и во Всероскомдраме. Публикация стенограмм выступления Андрея Белого о «Мертвых душах» в постановке Художественного театра и обсуждения его доклада во Всероскомдраме вскрывает специфические особенности взаимоотношений внутри литературного сообщества эпохи. Представленные материалы служат иллюстрацией работы Всероскомдрама, мотивов и оснований его деятельности.

Ключевые слова: Андрей Белый, Гоголь, МХАТ, Всероскомдрам, доклад, стенограмма, статья.

Информация об авторах: Наталия Алексеевна Дровалева, аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, н.с. ИМЛИ РАН, Москва. E-mail: n.drovaleva@mail.ru.

Константин Иванович Плотников, к.ф.н., независимый исследователь, Москва. E-mail: k.i.plotnikov@gmail.com

Екатерина Владимировна Безмен, к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва. E-mail: ebezmen@yandex.ru.

Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души» в постановке К.С. Станиславского, ставшая началом широкой дискуссии в нескольких институциях, состоялась 28 ноября 1932 г. Первое обсуждение во МХАТе под председательством Вс.В. Вишневского прошло по свежим следам – всего через неделю после премьеры (6 декабря 1932 г.). В «беседе» принимали участие М.А. Булгаков, В.Г. Сахновский (как авторы первоначального плана постановки), К.С. Станиславский, В.О. Топорков (исполнитель роли Чичикова), О.С. Литовский (новый председатель Главреперткома, входивший в секцию критиков Всероскомдрама)

и др[1]. Обсуждались особенности воплощения К.С. Станиславским «актерского» спектакля и работа режиссера с актерами[2], возможности инсценировки «Мертвых душ». Андрей Белый на встрече не присутствовал, однако разговор о книге «Мастерство Гоголя», которую писатель закончил в первой половине 1932 г., был. В начале «беседы» Вишневский записал: «Мы знаем все о Гоголе, не решаясь прочесть только А. Белого, – м. б. стоило бы»[3].

Начало следующему обсуждению положил доклад «Гоголь и “Мертвые души” в постановке Художественного театра», сделанный А. Белым, долгое время работавшим над выявлением особенностей социальной психологии Гоголя на разных уровнях поэтики произведения, 15 января 1933 г. во Всероскомдраме[4]. Заседание было многолюдным. На нем присутствовал, в частности, писатель Юрий Львович Слезкин (1885–1947), оставивший следующую запись в дневнике: «Вечером доклад Андрея Белого о “Мертвых душах” Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков (играющий Чичикова в МХАТе) […]

– Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка “Мертвых душ” в МХАТе, – резюмировал Белый, – так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию *его* глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов […] гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям… Позор! […]

Ушел с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути… Вокруг свиные рыла – хрюкающие, жующие, торжествующие…»[5]. Через несколько дней после доклада Г.А. Санников писал Ф.В. Гладкову: «Доклад был потрясающий, ничего подобного за все последние годы на литературных собраниях не бывало…»[6].

На слушателей произвело впечатление не только содержание речи Белого, но и его манера говорить и двигаться во время доклада. А.К. Гладков писал: «Сразу поразили его плавный, грациозный жест и необычайная манера говорить, все время двигаясь и как бы танцуя, то отходя назад, то наступая, ни секунды не оставаясь неподвижным, кроме нечастых, сознательно выбранных и полных подчеркнутого значения пауз. Сначала это показалось почти комичным, потом стало гипнотизировать, а вскоре уже чувствовалось, что это можно говорить только так… Иногда он низко приседал и, выпрямляясь по мере развертывания аргументации, как-то очень убедительно физически вырастал выше

[1] РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 672.

[2] Документ представляет собой черновой автограф Вс. Вишневского, отражающий основные положения дискуссии. Многое, вероятно, не отражено или опущено.

[3] РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 1.

[4] 27 декабря 1932 г. Андрей Белый написал для газеты «Вечерняя Москва» статью-рецензию «“Мертвые души” в постановке театра им. Горького», которая не была напечатана.

[5] Цит. по: *Булгаков М.А.* Письма: Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 241–242.

[6] *Гладкова С.* Счастье общения // Воспоминания о Ф. Гладкове. Сб. М., 1978. С. 175.

своего роста. Он кружился, отступал, наступал, приподнимался, вспархивал, опускался, припадал, наклонялся: иногда чудилось, что он сейчас отделится от пола»[7].

20 января 1933 г. в газете «Советское искусство» вышла статья Андрея Белого, носившая заглавие «Непонятый Гоголь» и представлявшая собой отредактированную стенограмму его доклада.

26 января 1933 г. во Всероскомдраме состоялись прения по докладу Белого. Они прошли в кругу критиков и драматургов – членов Всероскомдрама. В дискуссии приняли участие: Михаил Россовский[8], Михаил Паушкин[9], Михаил Пустынин[10], Владимир Ермилов[11], Михаил Левидов[12], Сергей Третьяков[13], Всеволод Вишневский[14]. Примечательно, что ни в день доклада во Всероскомдраме, ни в день прений по нему, не присутствовал ни режиссер МХАТа, ни автор инсценировки – М.А. Булгаков. Не было в день прений и артистов, задействованных в постановке[15] (хотя известно, что В.О. Топорков слушал доклад Белого). Наибольшее внимание участники дискуссии уделили трем темам: мистике у Гоголя и у Андрея Белого, социальному вопросу – крестьянским волнениям 30-х гг. XIX века и, наконец, образу Костанжогло как предвестника новой формации.

По свидетельству участника, чей анонимный репортаж был опубликован в «Советском искусстве» 2 февраля 1933 г., дискуссия длилась долго: «Во

[7] *Гладков А.К.* О Белом // Гладков А.К. Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986. С. 279.

[8] Михаил Андреевич Россовский (род. 1899–1971) – член президиума и ответственный секретарь Всероскомдрама, драматург.

[9] Михаил Михайлович Паушкин (1881–?) – рядовой член Всероскомдрама.

[10] Михаил Яковлевич Пустынин (наст. фамилия Розенблат; 1884–1966) – член Всероскомдрама (секция малых форм), поэт, сатирик. Личные фонды М.Я. Пустынина: ИМЛИ РАН. Ф. 488. 5 д., 1930–1932. РГАЛИ. Ф. 2184. 59 ед. хр., 1916–1955.

[11] Владимир Владимирович Ермилов (1904-1965) – литературовед, критик, редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная новь». Ермилов с 1928 г. был одним из секретарей правления РАПП, но в 1932 г., после выхода Постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации литературных группировок раскаялся и стал активно проводить в жизнь новую политику партии. По инициативе Горького Ермилов, как и его соратник по РАППу Л.Л. Авербах, вошел в Оргкомитет ССП, начал занимать влиятельные посты в писательских организациях. См.: *Ермилов В.* Театр и правда: Дополненная стенограмма речи на втором пленуме Оргкомитета Союза советских писателей // Красная новь. 1933. № 2. С. 183-184.

[12] Михаил Юльевич Левидов (1891–1942) – писатель, публицист. В конце 1920-х гг. Левидов неоднократно подвергался критике со стороны РАППа. Участие Левидова (современники высоко ценили его остроумие и ораторские способности) в дискуссии по докладу Андрея Белого вызывало раздражение со стороны так называемого «правого сектора» от литературы (Вишневский, Ермилов).

[13] Сергей Михайлович Третьяков (1892–1939) – член Всероскомдрама, входил в группу московских эгофутуристов. Работал как драматург и сценарист, сотрудничал с С. Эйзенштейном в Театре Пролеткульта (1923–1926) и с Вс. Мейерхольдом в его театре (1922–1926).

[14] Всеволод Витальевич Вишневский (1900-1951) – член Всероскомдрама, ССП, драматург, прозаик. На первом съезде советских писателей в августе 1934 г. предложил лозунг «наступательной культуры» См.: Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М., 1934. С. 282, 284.

[15] ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 42.

Всероскомдраме состоялись прения по докладу Андрея Белого о постановке "Мертвых душ" в МХАТ им. Горького. Докладчику были брошены обвинения в эстетствующем формализме (Паушкин), нереальности его преувеличенных требований, предъявленных Художественному театру (Левидов), и слишком субъективном толковании Гоголя. С полуторачасовой речью о "Мертвых душах" выступил т. В.В. Ермилов. […] Тов. Ермилов целым рядом аргументов от гоголевского текста и научных исследований о Гоголе оспаривал попытку т. Андрея Белого утверждать, что Гоголь является исключительно родоначальником русского литературного символизма. Он доказал, что Гоголь является не только реалистом, но и основоположником той литературной школы, из которой впоследствии вышли Салтыков-Щедрин, Некрасов и др. В заключительном слове Андрей Белый весьма остроумно отпарировал обвинения своих оппонентов, указав, что упреки, брошенные ему, в мистицизме и субъективном толковании гоголевского текста ни на чем не основаны»[16]. Восторженный отзыв о докладе Белого оставил в своем дневнике Вишневский: «Ночь на 27/1 [19]33. Был на дискуссии по докладу Белого. – Перед мастерством, манерой и обликом Белого ужасны эти [1 слово нрзб] Левидовы… – Ермилов был очень корректен, но непоправимо "политграмотен". Метод не тот! Сухо… Белый разбил и покорил аудиторию сиянием, умом, возбужденностью…». Очевидно, что Андрей Белый находит «молчаливую» поддержку в лице Всеволода Вишневского. Благодаря членству во Всероскомдраме перед Белым открылась (хоть и небольшая) возможность участия в литературном процессе, за которую он с радостью ухватился.

***

Датой основания Всероскомдрама[17] считается 1 апреля 1930 г., т.е. после того, как «Московское Общество Драматических Писателей и Композиторов – МОДПиК и Ленинградское Драматическое Общество – Драмсоюз в соответствии с директивами руководящих органов 31-го марта прекратили свое раздельное существование, объединившись […] в единое Всероссийское Общество Драматургов и Композиторов – Всероскомдрам»[18]. Общество было реорганизовано[19], т. е. ликвидировано 23 мая 1933 г. и позднее преобразовано в Автономную секцию драматургов при ССП. Осуществлял свою деятельность Всероскомдрам под руководством Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР.

[16] Советское искусство. 1933. № 6. С. 4. Цит. по: Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х гг. М., 2016. С. 750.

[17] Основным источником по истории Всероскомдрама, его уставу, структуре, личному составу и функционированию является фонд № 52 ОР ИМЛИ, которые дополняют ряд материалов из фондов РГАЛИ.

[18] РГАЛИ. Ф.645. Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 61.

[19] Официальной причиной роспуска Всероскомдрама была его засоренность слабыми писателями и халтурщиками, его неспособностью отойти от фискально-финансовой деятельности к содержательной, идейно-творческой.

Главной целью работы Всероскомдрама было собирание всех литературных (драматургических) сил в крупную организацию, которая бы авторитетно представляла отечественную драматургию[20]. Кроме того, Всероскомдрам должен был стимулировать писателей и композиторов к созданию новых произведений.

Общество принимало и рассматривало драматургические произведения молодых авторов, в т. ч. консультировало начинающих драматургов из среды рабочих и крестьян, т. к. одной из целей Всероскомдрама являлось вовлечение широких трудовых масс в круг деятельности общества, установление контактов с клубами и красными уголками фабрично-заводских предприятий, организация кружков и ячеек по своей специальности.

Всероскомдрам защищал авторские права членов Общества (охрана авторских прав осуществлялась путем заключения Обществом соответствующих постановочных и иных договоров с театральными и иными зрелищными учреждениями) и объединял авторов отдельных видов творчества (по «производственным признакам») в следующие секции: секция драматургии, секция кино, секция малых форм, секция критики, секция композиторов. Во Всероскомдрам также входили методцентр, штаб по контракции, финансово-агентурный отдел. В качестве печатного органа выступала газета «Советское искусство»[21].

Высшим руководящим органом Общества являлась Всероссийская конференция, а его исполнительным органом – Совет Общества. Совет состоял из избранных членов Общества (45 человек), а уже из Совета избирался президиум (15 человек). В Президиум входили, в частности, такие известные писатели поэты, как П.А. Арский, Ю.К. Олеша, Вс.В. Вишневский[22]. Секретариат состоял из семи человек: А.Н. Афиногенов, М.А. Россовский, П.А. Арский, А.М. Файко, Ю.К. Олеша, А.П. Штейн, С.И. Амаглобели[23]. Полную ответственность за деятельность Общества нес именно Совет.

В 1931 г. на совещании Секретариата Всероскомдрама был сформулирован ряд тем, которые стали частью идеологических задач, на которые должны были ориентироваться драматурги[24] (Общество, в частности, занималось ежегодной подготовкой репертуара на театральный сезон): стремление к новому облику, психике и взаимоотношениям людей на основе социалистического труда в его различных формах; интернациональное воспитание трудящихся масс на основе показа органической связи успехов нашего социалистического строительства с международным революционным рабочим движением, показа борьбы международного пролетариата и угнетенных ко-

[20] В документах фонда № 52 находится устав общества, где определены цели и задачи, состав общества, структура, руководящие органы и прочие структурные основания существования организации.

[21] В газете «Советское искусство» вышла статья А. Белого «Непонятый Гоголь».

[22] ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л.3.

[23] Там же.

[24] ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 13–17.

лоний с эксплуататорами и империалистами; культурный и хозяйственный политический рост народов СССР на основе Ленинской национальной политики; историко-революционная тематика, имеющая большое культурное и политико-воспитательное значение и т. д.

Подготовка произведений молодых авторов, как и обсуждение результатов, должны были проходить не в узком кругу, а на основном месте работы пролетариата (колхозе, индустриальном предприятии), т. к. активное взаимодействие с общественным окружением оказывает решающее влияние на миросозерцание и идеологические принципы автора: «Необходимо всячески развивать этот метод работы, обратив внимание на то, что этот метод создает автору общественное окружение, осуществляющее не только идеологический контроль над его продукцией, но и дающий ему общественную опору во всей его творческой деятельности. Общественное окружение авторского труда приобретает исключительное значение»[25].

Контроль и консультационная работа осуществлялись с помощью вынесения той или иной работы на обсуждение. Дискуссии носили как официальный (общие собрания, конференции, пленумы, заседания секций и т.д.), так и событийный характер (авторский вечер, доклад на тему, разбор постановки, читка пьесы с автором и другие формы)[26]. Особое место в работе Общества занимали творческие дискуссии по различным вопросам текущей театральной практики. Все постановки, представляющие интерес, выносились на обсуждения, которые, как правило, проходили внутри организации с привлечением авторского коллектива и актеров, занятых в спектакле[27].

За период 1932–1933 гг. дискуссии прошли по следующим спектаклям: «Страх» А.Н. Афиногенова в1-м МХАТе; «Улица радости» Н.А Зархи в театре Революции (сценарист – член Всероскомдрама по секции кино); «Разбег» в театре Красной Пресни (инсценировка кинодраматурга Г.И. Павлюченко[28] по повести В.П. Ставского «Разбег»); «Неизвестные солдаты» Л.С. Первомайского в Камерном театре; «Гамлет» в театре им. Вахтангов (реж. Н.П. Акимов); «Неблагодарная роль» А.М. Файко во 2-м МХАТе; «Армия мира» Ю.В. Никулина в театре Завадского (драматург и сценарист, член Всероскомдрам по секции драматургии и кино); «Матросы из Катарро» Ф. Вольфа в театре МОСПС (немецкий писатель, драматург); «Мертвые души» в 1-м МХАТе (инсценировка М.А. Булгакова одноименной поэмы Н.В. Гоголя) и многим другим[29].

---

[25] ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5–6.

[26] Кроме конкретных дискуссионных проблемных зон, возникали и, абсолютно насущные цели, которые требовали решения конкретных задач. Одной из таких целей стало создание учебника по истории советской драматургии.

[27] Во время обсуждения постановки «Мертвых душ» не было ни режиссера, ни актеров.

[28] Г.И. Павлюченко – сценарист, драматург, член секции кино Всероскомдрама

[29] ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 4. Ед. хр. 800. Л. 1–2.

***

Публикуемые архивные материалы представляют собой машинописные стенограммы, сохранившиеся в архиве ОР ИМЛИ РАН в фонде Всероссийского общества композиторов и драматургов (Всероскомдрам), выявленные в ходе первичной обработки фонда с. н. с. ОР ИМЛИ РАН Н.В. Петровой. Первая из них – это стенограмма доклада Андрея Белого «Гоголь и “Мертвые души” в постановке Художественного театра», прочитанного им 15 января 1933 г. Она представлена в двух экземплярах (Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. №. 1. Л. 27 л.; № 2. 21 л.). Первый из них первоначально датирован 26 января 1933 г., однако затем дата исправлена чернилами на 15 января. Второй датирован 26 января и носит следы трех типов правки (простым карандашом, черным и синим), принадлежащей разным лицам. Поскольку установить доподлинно, кто именно вносил правку во второй вариант стенограммы (далее МБ), едва ли возможно, а также учитывая обилие в нем ошибок и опечаток, в качестве основного текста выбран первый экземпляр стенограммы (далее МА). К стенограмме доклада Белого прилагался список выступавших, представляющий собой машинопись и выполненный в двух экземплярах, с подписью «Л. К.», сделанной чернилами:

СПИСОК
выступавших на диспуте о постановке в Художественном театре спектакля
«Мертвые души»
1933 г. 15 января

1) Председатель – РОССОВСКИЙ, Михаил Андреевич……..лл. 1, 27
2) Белый, Андрей (БУГАЕВ, Борис Николаевич) – доклад...……...лл. 1–27.

Вторая стенограмма – запись дискуссии по поводу доклада Белого, проходившей на совещании во Всероскомдраме 26 января 1933 г. (Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. №. 3. 43 л.). Она носит следы двух типов правки (простым карандашом и чернилами), выполненной неустановленными лицами.

До настоящего времени обе эти стенограммы не были опубликованы. Копия стенограммы доклада легла в основу статьи Андрея Белого «Непонятый Гоголь», вышедшей в газете «Советское искусство» в январе 1933 г. Стоит отметить, однако, что текст статьи существенно отличается от стенограммы.

Текст стенограмм печатается по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением, по возможности, стилистических особенностей обоих документов. Явные опечатки, а также орфографические ошибки исправляются без оговорок. Основной проблемой при подготовке материалов к публикации стали многочисленные пропуски в речи Белого и других выступавших.

Пропущенные стенографистами места обозначаются многоточием.

ДИСПУТ О ПОСТАНОВКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА «МЕРТВЫЕ ДУШИ» 15. I. [19]33 г.

РОССОВСКИЙ. – Товарищи, без всяких предисловий переходим к докладу. Слово для доклада имеет т. Андрей Белый. (*Продолжительные аплодисменты.*)

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. – Товарищи, после столь приязненной встречи мне, собственно говоря, может быть следовало бы заранее, не разочаровывая надежд, свернуться и исчезнуть. Не думайте, что это каламбур. Я поднимаю принципиальный вопрос. Я не критик и не драматург. Когда в кои веки делаешься критиком, то это бывает тогда, когда виденное тебя берет, когда ты чувствуешь какую-то потребность, пусть по-мужицки, по-дурацки, не как спец высказаться. Между тем половина темы моей, ибо я все-таки не могу говорить о постановке «Мертвые души» Художественного театра, и по некоторым ниже высказанным мотивам придется главным образом сосредоточиться на Гоголе. Тем не менее, другая половина моего введения в беседе совершенно не вдохновительна и столь уныла, столь мало подает повод мне для оживленных дум, что я, когда товарищи драматурги предложили мне поделиться мыслями, об этой постановке, я хотел снырнуть, потому что делиться мне нечем было. Не мое задание разбирать, как театр им. Горького должен был бы ставить «Мертвые души», не мое задание, а задание режиссера – как выявить одно из мировых произведений литературы на сцене, которого смысл не в каламбуре же авансцен, в каламбуре, рассказанном Пушкиным Гоголю, в каламбуре, в эпоху Гоголя не оригинальном. И Булгаков подавал тему для «Мертвых душ». Гоголь в своих лучших произведениях в позднейший период не разрабатывал фабулы. Это обычный носологический[30] анекдот своего времени, но вся суть заключалась в том, чтобы какую бы то ни было тему, как бы она ни была ничтожна, и, может быть, чем она ничтожнее, тем больше Гоголь сосредотачивал свое внимание на ней, вся суть заключалась в том, чтобы каждую мелочь немаловажного сюжета прошпиговать содержанием, настолько превышающим авансценную форму фабулы, что над небольшим каламбуром, не оригинальным в свое время, Гоголь работал для первого тома не менее 7-ми лет и в итоге мы имеем произведение, в котором ни одно слово, ни одна деталь не стоят зря.

В этом смысле Гоголь подал всякому постановщику такой гигантский материал по жесту, по костюму, по фону, ибо он был не только огромный писатель, он был огромный писатель-художник, имевший совершенно определенный взгляд на жизнь, сам учившийся живописи. Он был удивительно музыкальной натурой, ибо в его мелких указаниях, например, о версификации малороссийского стиха, мы видим в маленькой заметке стиховедческие тонкости. Гоголь был изумительным режиссером, ибо вся работа авторская над его сюжетом заключалась в удивительной инсценировке. Мне пришлось около года работать

[30] *В МБ исправлено на* гносологический.

над Гоголем, и думаю, что мне на основании фактического материала в моей книге о Гоголе удалось просто эмпирически, на основании материала всего показать, как Гоголь владел жестом и как Гоголь, для того чтобы понять первый период его творчества, как он великолепно играл как актер, перегримируясь в казака и выступая действующим лицом в таких, например, темах, как «Страшная месть», как он умел своим актерским писательским талантом втирать глаза, заставляя[31] думать, что данное произведение, как «Страшная месть», рисует какое-то страшное фантастическое произведение, в то время как под этой фантастикой скрывается[32] глубочайшая социальная идея о первобытном казакском коллективе.

Так что этот примитивный быт казакский оказывается таким невероятным гротеском, что делается жуть не от того, что на авансцене гуляет страшный колдун, а жутко от того, что иностранец, пришедший из Польши в Венгрию[33], стоящий на высшей ступени жизни, уже вкусивший западной культуры, что этот человек так ужасно разыгрывается, как он показан в «Страшной мести». В этом смысле Гоголь-актер, Гоголь-режиссер, Гоголь-художник соединяется в «Мертвых душах» в одно, и все данные для постановки, все имплициты лежат в тексте…

…В этом смысле когда ставят на сцене произведения мировой значимости и тем более произведение, автором не подготовленное к сцене, т.е. без сценического текста, то или приводят собственные разговоры – грамотно читают автора, а не глядят в книгу и видят фигу, ибо такого материала по жесту, по описанию, какой дает Гоголь в «Мертвых душах», – где же, в каком произведении вы встретите.

Если в «Ревизоре» подан текст, то в нем нет ремарок… и очень трудно конкретизировать поданные автором указания. В этом смысле постановщики «Мертвых душ» обладали таким материалом, каким постановщики «Ревизора» не могли обладать. В этом смысле театр связан текстом Гоголя, но в другом отношении. Театр безгранично свободен, ибо помните негодование Москвы, когда некоторые смелые и удивительно беспомощные в целом ряде своих действий довели Мейерхольда к «Ревизору», вызвали взрыв бессмысленного негодования. Между тем как все добавочные краски Мейерхольда шли на то, чтобы показать «Ревизор» на фоне всего Гоголя. Я должен сказать, что после… скрупулезного[34] литературноведческого материала Гоголя (что если «Мертвые души» в смысле приемов литературного образа как-нибудь выступали в зрительных образах), то я видел «Мертвые души» сквозь «Ревизора» в постановке Мейерхольда и больше нигде. Но, с другой стороны, Мейерхольд, чтобы извлечь из Гоголя гоголин, чтобы напрячь силы, чтобы знать, как показать негодование, которое все уже изменяет. Гоголь отличается тем, что Пушкин придает форме и

[31] *В МБ*: заставлял.
[32] *В МБ*: открывается.
[33] *В МБ исправлено на* и Венгрии.
[34] *В МБ*: круполезного.

содержанию вид фарфоровой статуэтки, совершенно замкнутой и законченной, Гоголь – наоборот. Изучая материал Гоголя в образе (я сравнил бы его с ногтями организма, которые можно срезать, но, однако, пока они не срезаны, они все время растут на живом теле…). У меня десять ногтей и эти десять ногтей могут расти, пока[35] их не срезают… Гоголь постоянно менял вариант, возможно, дописывал новые, вслушиваясь в постановки и т.д. и т.д. В этом смысле искать зрителя для выявления того электрического потрясения, которое Гоголь на сцене давал, – он вызывал именно так, чтобы постановка давала электрическое потрясение. Мы видим, что Гоголь дает свою форму в виде обрыва, пауза, максимальный взрыв и как бы отменение. Это происходит в «Ревизоре»… Но Гоголь не знал, как дать этот образ, и, когда Мейерхольд давал в виде крещендо, когда это дано набатным колоколом, это производит впечатление. Замена одного эпизода другим – может, получилось некоторое отклонение от текста, но получилось именно то, к чему взывал Гоголь, – электрическое потрясение. Между тем как это именно вызывало негодование. Художественный театр был совершенно свободен в выборе текста, в композиции сцен, ибо такого академического текста не существовало, ибо именно такой художественный театр мог совершенно свободно распоряжаться композицией сцен, выводить лучших лиц, а он слепо прилепился к фабуле, начал показывать именно академическую сторону объезда помещиков, начинается случайный разговор в четырех стенах и неизвестно почему вырисовывается какая-то сцена, где играют в чехарду, не обрисована совершенно Коробочка как одна из центральных фигур, несмотря на то что вся подлинная, так сказать, саженная высота – в четырех стенах придушена, ибо подана академически. Весь фон, весь Гоголь, все лирические отступления даны в постановке «Мертвых душ» – без тока, без соли, а ведь вся сила, вся суть в этом. А лирические отступления автора, куда они девались. Мне скажут, что все сводится к постановке. Тогда не надо было бы налаживать такую постановку лишь только потому, что по традициям театра надо ставить трехкартинный каркас, – тогда не надо трогать это великое произведение.

Мне невольно приходится отметить, что ни одна из основных тем «Мертвых душ» не показана и [это] превращает их не в первое мировое литературное произведение. И вот ввиду этого – показан вообще не Гоголь. Между показом на сцене и произведением Николая Васильевича Гоголя нет ни одной пересекающейся плоскости. Просто это две совершенно разные вещи, которые совершенно не увязаны, это нелепый и глупо скомпонованный каламбур, как-то, но придется говорить, по-дурацки минует все существенное во второй части, минует все мучения, которые были пережиты за десять лет автором. Как изображена фигура генерал-губернатора, которая катастрофически входит в действие и говорит, что нам страшно. Потом рукопись обрывается. Но как не подать отрыв «Мертвых душ», идущий в адеквате с отрывом всей эпохи переписки, если[36], так сказать, конец «Мертвых душ». Если Художественному театру понадоби-

[35] *В МБ фраза*, *начиная с* У меня, *подчеркнута простым карандашом*.
[36] *В МБ*: есть.

лось, чтобы свести концы с концами… если нужно Гоголя показать балаганно – зачем это было делать.

…зачем поручать этот текст и принимать этот текст в таком виде, в каком он показан на сцене. Вот в чем мы заинтересованы. Я не критик. Мне чрезвычайно тягостно выступать со своим суждением о нашем славном театре, имеющем огромные традиции, гигантские заслуги, но для меня было совершенно ясно и до постановки, что лучший театр им. Горького к Гоголю не подходит. Его репертуар – Чехов, Островский, Гауптман, и он дал единственные в своем роде шедевры. Я сам полжизни состоял в поклонниках этого театра, но когда подходишь к «Мертвым душам» – вырывается горький крик. В прошлом году исполнилось столетие со времени появления первой книги Гоголя «Вечера на хуторе близь Диканьки». Неужели это столетие должно было ознаменоваться издевательством. После такого показа невольно хочется кинуться, чтобы реабилитировать Гоголя. Я постараюсь в двух словах познакомить с вытяжкой из очень моей скрупулезной работы, в которой я старался ничего не сочинять, а только давать естественно оформленный материал цитат, к нему подыскивать индукции временных гипотез, не кинуть философское заключение. Надо же иметь догадку, почему этот материал лег так и не иначе. Так вот я в двух словах в первой половине моего доклада пройдусь по некоторым основным положениям в связи с Гоголем и, исходя из этих положений, мне придется сказать несколько слов о нескольких деталях в постановке «Мертвых душ» в Художественном театре.

Прежде всего, вот это основное свойство творчества Гоголя, именно то, что в его произведениях нет пушкинской гармонии между формой и содержанием, а эта статическая гармония всегда является неким диалектическим процессом, где форма данного произведения является просто у[37] Гоголя его появлением на свет, а содержанием является процесс творчества. При этом Гоголь ни одного произведения не заканчивает до конца. Уже отработанное произведение какими-то нитями связано, как младенец с утробой матери или как ноготь с пальцем, и продолжает существовать в Гоголе. Отсюда этот переход из одного типа в другой, это удивительное соответствие между всем материалом образа и данными ресурсами идеологии Гоголя. В том-то и дело. Чтобы понять эту идеологию, следует лишь вскользь сказать, что Гоголь был, так сказать, двояко оторван от среды своего времени: во-первых, этот академический взгляд, что Гоголь – выразитель мелкого дворянства, все это очень хорошо и все мы хорошо знаем. Но должен сказать, что Гоголи не были типичными дворянами[38], и дед Гоголя, и отец были чиновниками, отец был служащим в почтамте, и отец матери был чиновником, словом, Гоголь был, скорее, мещанин во дворянстве, я упрощаю здесь, в то время, когда этот дворянский слой, уже вымерший, выветренный, оседал [?][39] в свое будущее, как в мелкобуржуазную стихию. Так что Гоголь

[37] *Фраза после слова* «процессом» *вставлена в текст из МБ*, *в МА она отсутствует* (*случайно обрезана снизу*, *когда сшивались листы стенограммы*?).

[38] *В МБ*: типичным дворянством.

[39] *Последние два слова вставлены в текст из МБ* (*второе подчеркнуто простым карандашом*), *в МА не дописано*: вы[…].

был мещанином во дворянстве, ставшим дворянином в мещанстве. Само мещанство, третье сословие, пережило такие расслоения, что, с одной стороны, в этой же стихии образовались как оторванцы от классов, те кадры, которые позднее слагали и нашу революционную интеллигенцию и до расслоения давали уже тот тип, который Гоголь мог видеть и на Западе – тип мирового мещанина, тип, который в России также был уже в наличии. Гоголь не имел в действительности своего класса, и поэтому его реализм не есть реализм – зарисовка чего-то, чему оно адекватно, у него это есть изыскания тех коллективов, тех слоев, куда бы он как оторванец и от рода, и от класса мог бы причислить себя, приплыть.

Я думаю, что вот это ощущение оторванности, протянутости[40], постоянное мучительное искание действительности, которое лежит в основе внутреннего реализма как реализм-правда, искание, а не самодовлеющий натурализм, – это ощущается[41] и на всей стилистике Гоголя. Эта вытянутость, это мучительное желание уцепиться за какой-нибудь предмет, чтобы увидеть его в приятном виде, обусловливая[42], что одна из черт этой разновидности Гоголя есть постоянная гиперболическая тенденция. Он все время нащупывает какую-то действительность, которую преувеличивает, и когда в ней разочаровывается – умаляет, то он пытается описывать в тонах превосходной степени, то он кидается вперед и видит какой-то туман – утопию. Мы видим, что Гоголь – действительно гиперболист, и нечего на этом останавливаться. Но вот возьмем, любопытно, что сквозь все произведения Гоголя от первого до последнего, как две грани цепи, протягиваются два гиперболических кряжа, один со знаком плюс, другой со знаком минус. Один вытягивает всякий предмет и рассматривает и проверяет все, что есть на свете. Это особый ход Гоголя: у него все груши валились, все село хваталось за шапки, едали галушки, каких нет на свете…

…это стиль казачества, это стиль описания Украины. Возьмите эту преувеличенную переписку об украинском сословии[43], и параллельно с этим идет другая гиперболическая линия, и по мере того, как гипербола дифирамбы все более и более превращается, переходит в гиперболу осмеяния, напр[имер], если кто-нибудь у него засмеялся… как будто бы два быка, стоящие рядом, если раздирает рот, то этот рот не меньше, по крайней мере, арсенала генерального штаба. С рисовкой лиц – есть острые изучения основных черт и потом попытка дать гиперболическую связь, превращающую форму… то редькой вверх, то редькой вниз… Вы увидите лицо Гоголя очень изученное, изученный лицевой очерк, который дан в штампе, прочеркнут, перечеркнут в типических чертах. Что это так, что я не преувеличиваю, стоит дать хотя бы несколько примеров. Ну вот: спал весь день от обеда до вечера, очки – с комиссарову бричку, штаны заняли собой половину двора, в карман можно положить целого быка и т.д. и т.д. – я мог бы без конца от первой фразы до конечной читать и читать этот стиль изображе-

[40] *В МБ первоначально*: и потянутости, *затем исправлено*.
[41] *В МБ*: ощупыв[а]ется.
[42] *В МБ исправлено на* обусловливает.
[43] *В МБ*: соловье; *речь, по-видимому, идет об украинских казаках*.

ний. Но как я сказал раньше, это преувеличение у Гоголя разделяется отчетливо и правильно, так что кряж гиперболический деформирует в первой творческой фазе… Во второй творческой фразе, где перемена гиперболического ландшафта, – я покажу хотя бы для примера, как в целом видоизменяется женский образ. Если взять женский образ первого периода Гоголя, то, так сказать, выдержка прекрасных дам этого ряда рассказов дает приблизительно такое проявление (*читает*)… светится сквозь стеклянную рубашку… бледна, как блеск месяца, …шумит, как прибрежный тростник, просвечивает по краям… как рубин… и т.д. и т.д. И вот что остается во втором периоде, в последующих фазах, в этом многообразии. Гипербола гиперболическая переходит в гиперболу осмеяния. Я беру женский образ, очарование. Но кончается воспевание, и вот как, например, он дифирамбизирует… (*читает*)… посмотрите на эту скамеечку, на которую она ставит свою ножку… как нанизывается на эту ножку чулок… раздается невиданный амбра… (*смех*)… совершенный амбра… показываются в платьях прекрасные дамы, больше похожие на воздух, чем на платья, носятся в этих платьях, сотканных, как воздух… подняться на воздух так же легко, как легко поднять бокал шампанского… тут и невиданный чепец, и трен, который занимает половину церкви[44], и мосье Поль[45] и т.д. и т.д. …и вот так обсудив образы, легкая, как бы непроницаемая ирония все более углубляется… (*читает*) …из кармана падают два арбуза… у нее обнаруживаются две таких мягких груди… Вот стиль подношения образов от первого периода ко второму. Я выбрал один образ, но по любому образу, по любому типу можно произвести такую неизменную эволюцию. Вот дама – если вы помните, в «Мертвых душах» описана – какие глаза, какое выражение, какое сердце, а что мы видели в постановке…

В Художественном театре этого нет. Где вы видели эту даму из бала «Мертвых душ»? В «Ревизоре» Мейерхольда. Там была показана дама в этом разрезе. И вот эту гиперболическую даму[46], как и вообще нормально гиперболическое, так как весь Гоголь – сплошная нормальная гипербола, мы этого не[47] видим. Вот надо сказать об этой особенности гоголевского творчества, что все дано им в превосходной степени, для того чтобы понять[48] этот прием, вернее[49] два приема: дифирамбическая гипербола – первая стадия, вторая стадия – бред. Мы знаем этот Новинский проспект[50], этот «Нос». Тут уже не одна внешняя сторона, тут уже гротеск перерастает все пределы смеха. «Дайте мне коней, чтоб умчаться с этого света». Гоголь в [18]36 году после постановки «Ревизора» ходил сам

[44] Имеется в виду фраза из гл. VIII т. I «Мертвых душ»: «Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви…».

[45] Вероятно, имеется в виду мсьё Ноль из «Портрета».

[46] *В МБ первоначально в именительном падеже* (эта гиперболическая дама), *затем исправлено на винительный падеж*.

[47] *Последние два слова вставлены в текст по смыслу из МБ, в МА они отсутствуют*: мы видим.

[48] *В МБ далее вычеркнуто*: как.

[49] *Вставлено в текст по смыслу из МБ, в МА это слово отсутствует.*

[50] *Вероятно, речь идет о повести* «*Невский проспект*».

в положении Попрыщина [так!]. Он хотел умчаться из этого города, которому нельзя верить ни в чем.

Так два основных приема стоят, когда он начинает писать «Мертвые души». Тут он применяет совершенно изумительный прием, которого вы не встретите описанным ни в одном из учебников. Гоголь в некоторых моментах, оставаясь реалистом таким, каких до него не было, употребляя этот реалистический прием там, где это нужно, т.е. он зарисовывает, я скажу не[51] с фотографической точностью, а почти с микроскопической точностью, и опять предмет получается не таким, каким мы его видим обыкновенно, а таким, как если бы мы его рассматривали через лупу. Но таких предметов всегда несколько, и эти предметы в «Мертвых душах» имеют отношение к центральному ходу действия. Таков Чичиков, таково все, что окружает Чичикова, таков ларчик из карельской[52] березы, таковы всякие мелочи фабулы.

Для того чтобы понять это, нужно, читая «Мертвые души», прощупывать каждую фразу и рассмотреть, почему он это увидел[53]. Так вот, если ларчик из карельской березы, какой же он, несмотря на этот реализм, берет прием для «Мертвых душ»? Основной прием для «Мертвых душ» – я называю его фигурой фикции. Он описывает то, что не лежит в фокусе его внимания, весь антураж, все так, как если бы положить два предела: положительной бесконечности и отрицательной бесконечности. Этот прием заключается в том, что, скажем, положительная величина – 1 : 2 = ½, на самом деле это не так. Гоголь берет так: 1 : 0 = бесконечности, т.е. он берет прием неопределенного ограничения: не слишком толст, не слишком тонок, не светлый, не темный. Словом, из ряда этих определений получается впечатление, что становится понятно и ясно. А ведь эта фикция сделана для того, чтобы втереть вам очки и потом незаметно вложить какой-то штришок, нужный Гоголю, из которого он потом будет вытягивать свою фигуру. Таков Чичиков.

Как начинаются «Мертвые души». Я мог бы, если бы было время, показать в каждой главке, как из определенной фикции вылезает Чичиков. Для того чтобы долго не говорить об этом приеме, я прочту, как начинаются «Мертвые души». Я повторяю, что я ручаюсь всем своим опытом, что я мог бы этот семинарий провести в ряде лекций – из главки в главку.

Итак, как он начинает «Мертвые души». Я прочту те слова, которые подчеркивают этот прием Гоголя, и вам станет ясно, что, не зная этого приема Гоголя, совершенно нельзя подходить к постановке «Мертвых душ», ибо как же не знать основного приема гиперболизма, приема, который он так единственно применяет в «Мертвых душах».

Так ведется показ, и первое, что вы узнаете о человеке, человеке, о котором Гоголь говорит, что в его существовании есть нечто знаменательное, что он повергает в прах – потому что Чичиков повергает в прах человека… не-

[51] *В МА далее забито на машинке*: прием там, где.
[52] *В МБ* корельской *впечатано сверху над* красной березы.
[53] *В МБ далее зачеркнуто*: и все [*1 нрзб*].

даром говорят, что у него лицо… это человек, которого будут выращивать… плечи с фигурой – это фикция. Почему Чичиков был так показан? Да потому, что он был выразителем того поколения, которое было преддверием эпохи начала капитализма. Весь полет этого растворившегося сверхисторического образа – также безродного, ибо Чичиков вышел не в мать, не в отца, а в прохожего молодца… это есть перевоплощение в пыль… Но если вы вспомните вторую часть «Мертвых душ» – когда Чичиков почти впервые появляется – какую идеологию выдвигает Костанжонгло, если бы напечатать слова Костанжонгло, можно было бы подумать, что Гоголь знаком с делом мирового капитализма, рассказывает, что, у кого много денег, может пережить… Лицо Константина Федоровича сияло как мак, раскраска лица – это говорит Гоголь… Гоголь считает его положительным типом – до такой степени менялась вся идеология Гоголя, тенденция воспитания в самом образе пережила, появилась тенденция, которую включал Аксаков. Появилось то, что тенденция спроса натолкнулась на тенденцию заказа, который показывает, что спрос и социальный заказ – две вещи разные. Гоголь показывал заказ «вынь да положь»… Между тем как социальный спрос шел от совершенно других групп, шел навстречу спроса других групп, представителем которых был Белинский, и сделалась доступной художникам… Самый спрос двузначен – ибо то заказ, а то – спрос. Гоголь дал самое понимание… я беру это в скобки, чтобы не отвлечься от основной темы. Чичиков не показан так, фиктивно. Я мог бы показать, как позднее из этой фикции Гоголь вырисовывает портрет Чичикова. Ведь ставя «Мертвые души», надо пользоваться самым близким делу портретом. Я взял все о Чичикове – лицо, жесты, поскольку есть портрет как главка… У меня нет времени отдаться перечислениям. Но эта круглота Чичикова – постепенно вырисовываются округлые свойства – какие щеки, необычайные движения – Чичиков не просто подхалим, Чичиков будет спорить. Для чего же театру нужно было вывести его на сцену, заставить на протяжении сцены сгибаться в три погибели. Ведь это наслоение ф[…][54] где очаровательные его свойства. Нарисовав букет этих очаровательных свойств, Гоголь вырисовывает четко образ Чичикова – ходит наискось садится так, что выявляет профиль носа…

Я советую написать «Испания», а видеть Китай… ведь это бредище. Если идти крещендо… которое кончается…[55] прибежал какой-то англичанин в классических штанах… мы увидали, что приехал Макдональд Карлович… и вообще все добротно.

Товарищи, куда девались страдания Гоголя? Между первым периодом Гоголя и тем, что мы видели на сцене театра им. Горького, – нет ничего общего. Это не моя задача. Вторая часть моего доклада[56] не будет заключаться в критическом разборе, а деталях сюжета «Мертвые души», и об этих деталях в Художествен-

[54] *Не дописано*.
[55] *В МБ в середине пропуска впечатано*: а не.
[56] *В МБ* моего доклада *впечатано сверху над* часть не будет заключаться.

ном театре, т.е. вернее об отсутствии их – о том, что это основное чрезвычайно важно для сюжетного действия – эти детали не были совершенно поняты – их просто не было в постановке театра, а вместе с ними не было и «Мертвых душ», а просто был балаган.

(*Перерыв – 5 минут*…)

Товарищи, я начну с места в карьер, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Я не просто прочел несколько слов, открывающих первых том «Мертвые души» – так как в них лежит один из основных приемов. Описание этого приема нарисовало Чичикова как довольно значительную для Гоголя фигуру. Недаром второй и предполагаемый третий том и определение Чичиковым провинции превратилось для Гоголя в идею фикс… С вопросом «Мертвые души» для Гоголя разрешался вопрос – быть или не быть в литературе. Флобер мог разрешить эту задачу… Этим описанием для Гоголя вопрос заострился с вопросом «Мертвых душ», потому что тут выразилось для него личное самоопределение и вся идеология была мобилизована. Но нет времени нарисовать по книгам Гоголя реалистический портрет Чичикова. Чичиков, будучи этой центральной фигурой, вместе с тем является как бы фокусом, действующим в противовес фигуре фикции, всем тем мелочам, которые входят в соприкосновение с ним, и понятен типичный прием Гоголя из этого маленького отрывка. Это контраст… Ничего не сказано о Чичикове. А почему-то выявлена деталь – разговор о колесе. Что это: спроста или неспроста? Вслед за колесом ларчик со штучными выкладками, шарф Сем[…][57] характеристика правого и левого пристяжного, разговоры – доедет или не доедет в Казань или не в Казань… может быть, это удастся – или не удастся. Этот прямой – а то нет… Дело не в Казани тут, а в наказании. Это пресловутое колесо вырисовано Гоголем в связи с очень крупным происшествием, когда Коробочка накрывает с поличным… Это совсем не было показано в Художественном театре и поэтому придает «Мертвым душам» какую-то неясность. Символика… Где детали? – когда приказывают Селифану закладывать лошадей, а он говорит, что не доедет… Все «Мертвые души» построены на таких столбах… Возьмем чубар…[58] Разговоры… высказываются свойства относительно барина – экий ты Бонапарт – да ведь барин то голоштанник… и т.д.

(*РЕПЛИКА. – Мистически*)

Нет, не мистически и не реалистически. Мистика Гоголя заключается в умении читать детали через микроскоп. Деталь в художественном произведении никогда не бывает случайна. Вопрос в том, чтобы читатель действительно ощупал текст и поставил произведение сообразно с этими деталями. Это совершенно не случайно, а в плане организованной постановки великолепным режиссером Гоголем, когда Чичиков обнаружил впервые свое кривое свойство у Манилова. (До сих пор мы ничего не знаем о Чичикове.) Сейчас надвигается гроза. Тройка сбивается с дороги, темно, боковой ход лошади… при этом все время Чичиков едет боковым ходом и попадает, когда едет к Собакевичу, попа-

[57] *Не дописано*.

[58] *В МБ далее забито на машинке*: [*2*? *нрзб*] с лошадью.

дает к Коробочке, едет к Коробочке, попадает к Ноздреву и т.д. На первом же перегоне от Манилова разражается гром. Бричка опрокидывается, у Чичикова перемазан бок в грязи. Тройка упирается в ворота. Наконец он входит в неизвестный покой. Появляется Коробочка, и первый испуг: «да у тебя, батюшка мой, весь бок в грязи». Вот этот боковой жест Чичикова, этот огляд вбок, из-под величия он подскочил козлом… то, как Гоголь великолепнейшим образом дает этот жест, разрисовывая в противоположность фасовому величию… далее он входит в комнату, и вся обстановка этой разваливающейся комнаты… первое, что ему показалось жутким – вдруг раздалось шипение, точно комната наполнилась змеями, и тогда великолепно, с изумительным реализмом описано тикание часов, появление кукушки. Кукушка появляется два раза, два раза она шипит, и всякий раз этот шип сопровождается очень неприятными разговорами с Чичиковым.

Коробочка его увидела разбойником. Весь каламбур на этом построен. Но, так сказать, внутренняя сущность червя, грызущего Чичикова, он начался у Костанжогло. При большом радиусе разбой стал бы мировым разбоем. Она совершенно реально видела в нем разбойника.

Далее Чичиков ночует. На другое утро просыпается, открывает глаза, открывается дверь, и показывается какая-то старуха и спряталась. Он не узнал ее. Потом он соображает, что это хозяйка. Потом он открывает занавеску, перед ним садик и свинья, разрывающая хворост, чучело с чепцом хозяйки. Далее он вынимает один ящик, ларчик из карельской березы, и описано с чрезвычайной подробностью, с подчерком первое отделение ящика, где находятся все туалетные принадлежности – мыло, мыльница, всякие парфюмерные принадлежности, соответствующие фасовому прикрытию Чичикова. Но ящик имел двойное дно. Под первым дном находились судебные акты, там же и потайной ящик с золотом, и в ту минуту, когда он открывает это второе дно, входит Коробочка и ловит его. Просто это или непросто? Непросто. Она сейчас же начинает выпрашивать у Чичикова бумагу. Бумага судебная… Чичиков не желает ее давать и наконец дает и от нее же получает адрес сына протопопши. Вспомните, что с сыном протопопши пришел и протопоп…

Стало быть, от Коробочки к прекрасной даме и пошла писать губерния. Откуда вся воронка слухов взметнулась? Коробочка взяла у Чичикова эту судебную бумагу, на которой, идейно говоря, и был настрочен донос на Чичикова, не в буквальном смысле, а в том смысле, что все предприятие было на волоске. Какова роль Коробочки? Это очень страшная фигура для Чичикова. Она сейчас же пускается за ним в город.

«Пиковая дама» была написана в [18]34 году, но когда читаешь некоторые фразы, как «проклятая старуха», тема Германна и старухи проходит совершенно ясно, как тема Чичикова и Коробочки. Ведь Коробочка – рок Чичикова. Ведь от Коробочки он пускается в бегство. Ведь даже в некоторых фразах виден этот перепев. Далее. На балу, когда он показан во всем величии, когда Ноздрев сказал вслух о мертвых душах Чичикова, Чичикову это было очень неприятно.

Тут все и пошло, пошло, как кривое колесо. Все эти чрезвычайно неприятные переживания. А кругом дамы шушукают, и наконец он удаляется со сцены. В довершение он играет в карты и видит, что его пиковый король бит. Кто знает тематику «Пиковой дамы», тот увидит, что здесь перефразировка темы «Пиковой дамы». Карта бита. Только там[59] в «Пиковой даме» Германн[60] громогласно кричит «проклятая старуха», а здесь дама приятная во всех отношениях. Она интригует Чичикова. Ему неприятно. Он весь под перекрестным огнем дам, в глазах у которых не очень приятный огонь. Гоголевские приятные дамы во всех отношениях ехидны. (*Аплодисменты.*) Вот он сидит перед оплывающей свечкой… автор обрывает, делает паузу и начинает «в это время начинается въезд в город»[61]. Будочник вскрикнул… но экипаж повернул и, проехав между церковью, останавливается у дома протопопши…[62] (*читает*)… вот одна из деталей, которая стоит у Гоголя.

Разве Коробочка зловещая фигура… Генерал-губернатор, вышивающий по тюлю, вся сцена Коробочки использована так драматургически и так пунктуально разрисована Гоголем. Ведь эти образы надо уметь разработать. Что бы из этих образов сделал Мейерхольд? (*Аплодисменты*). Какие взрывания тематического творчества Гоголь дает? Товарищи, я мог бы без конца ощупывать те детали, из которых скроена фабула Гоголя. Ведь почему-то Гоголь восемь лет продумывал и вынашивал художественный каламбур. Было много времени, чтобы каждую сцену, каждый эпизод выписывать… Как же театр показывает – не зная текста. Он показывает, что Художественный театр, ставя Гоголя, вычеркнул все, установил собственные детали, чтобы, отдавая драгоценное время, показать старика, вышивающего по тюлю… Почему не показать крупную фигуру Копейкина, фигуру символизации каких-то явлений, социальная фигура, крупнейшая фигура. Генерал-губернатор, вышивающий по тюлю. Как он у Гоголя показан? С одной стороны, прекрасный человек, с другой – развратник…

Развратник плюс прекрасный человек – деленное на два… мы знаем выражение ни стар, ни молод – как Чичиков. Смотрим – появляется Чичиков… и в этой сцене ничего адекватного нет. Самое ужасное, что меня ушибло в театре. Я думал, что увижу какой-то сюжетный показ в скрупулезном чередовании весьма академических сцен. Мы видим Манилова… правда, артист Лихачев – очень почтенный артист, но что за образ он дал? …Какой же это Плюшкин? Ведь это только присасывающийся и страшный по своей искаженности образ. Ведь это мракобес… Ведь это совершенно искаженный образ… У Гоголя есть это заострение тления и пыли… Но ведь Плюшкин как-то выше умом, ум колоссальный и гениален. Плюшкин – это Фра-диаволо, грабящий на дороге, ду-

---

[59] *В МБ далее забито на машинке*: имеется.

[60] *В МБ* Герман [*так!*] *впечатано сверху над забитым на машинке*: король и он.

[61] *У Гоголя данная фраза отсутствует, вероятно, речь идет о последнем абзаце гл. VIII т. 1 «Мертвых душ», где после слов «…в это время на другом конце города происходило событие, которое готовилось увеличить неприятность положения нашего героя» дается подробное описание въезда Коробочки в город N.*

[62] *В МБ*: протоиерейши.

шой страшный – это сухой реликвий. Посмотрите сцену с Плюшкиным. Зачем эта сцена – бессмыслие, все, что можно себе представить. Так описать десять лет творческих томлений Гоголя над вторым томом, два сожжения, всю муку работы, чтобы факт заключения в тюрьму Чичикова так механически, так балаганно насадить? Ведь, если вы вспомните, как происходит, так сказать, падение Чичикова, как он направляет[63] свои похождения в отношении помещика. Возьмите случай, когда Костанжогло дает ему 10 тысяч рублей – говорит, вы великий человек. Гоголь раскрывает всевозможную сеть его нутра неслучайно, как он едет, с каким жаром описан фрак, как описан разговор этой важной птицы… и потом сразу падение. А сцена, когда губернатор, фигура, которая[64] выдвинута как оперная фигура, которая видит, что вся Россия гибнет – Гоголь вкладывает ту жаркую идеологию, которую он развивает в настоящий период…

Эта речь губернатора, который говорит, что ни в ком нет честности, сегодня честный, завтра станет бесчестным, не на кого положиться. Становится страшно за нашу страну. Здесь все недоумение. В конце концов, недоумение отчего? Оттого, что[65] новый непонятный тип пошел. Чичиков пошел. Помните конец первого тома, когда Чичиков едет и Гоголь рассуждает над ним, а кругом говорят, что Чичиков пошел. Да новый тип пошел. Чичиков представлен во всем этом величии. Я, если бы ставил этот конец, то… вспомните, как он пал в ноги губернатору и как он произносит речь, как этот Чичиков в своем фраке вцепился в губернатора, как он его ногой волочит, как он вытирает пол своим фраком. Ведь это предел возвышения и сразу предел падения. А тут что? Влетают шуты гороховые городовые. Это что ли социальная тенденция «Мертвых душ». Потом, бессмысленно пускает его в тюрьму, и выпускают его, неизвестно для чего он дает взятку, они делятся взяткой…[66]

Стало быть, конец совершенно не нужен, и если уже включать конец первого тома с концом второго тома, то только с персонажами второго тома. Ведь Художественный театр имел полный простор. Почему он в первом томе не ввел вместо трагического Плюшкина, который совершенно утомляет, ведь не для того же, чтобы ознакомить нас с Плюшкиным, к черту его, если он не удался, а вместо него, вместо совершенно ненужной сцены со стулом можно было бы ввести и Муразова, и Костанжогло. Я не знаю, как это сделать, но нужно спаивать[67] первый том со вторым. В этом отношении так же, как поступлено бессмысленно с текстом, так же поступлено с цветами, жестом и костюмами Гоголя. До такой степени любопытно, что, ощупывая произведение Гоголя первой, второй, третьей фазы, видишь все время совершенно отчетливо три слоя: почву, подпочву и подподпочву. Эти слои – звуковой, изобразительный и смысловой. При этом то, что сперва, в первой фазе, у Гоголя главным образом выступает

[63] *В МБ* направляет *напечатано сверху над забитым на машинке*: пускает [?].
[64] *В МБ далее забито на машинке*: Гоголем.
[65] *В МБ далее забито на машинке*: в конце концов.
[66] *В МБ далее вычеркнуто предложение*: Ведь по второй части [*4*? *нрзб*] Чичикову в том [?].
[67] *В МБ первоначально*: спевать, *затем исправлено на* спаивать.

релятивно музыкальный смысл, потом во второй фазе чрезвычайно развертывается изобразительность и, наконец, третья фаза. В «Мертвых душах» мучительно прорезываются эти тенденции. Но особенность гоголевского творчества такова, что тенденция звука и краски имманентны друг другу, так что красочность так относится к звуку… как этот последний к известному моменту в данном сюжете. Двадцать две главы моей книги заключаются в том, чтобы идти за Гоголем в связи с фазой его творчества, с его идеологическим состоянием. Ни у одного художника, как у Гоголя, краски так неслучайны. И в красочном отношении многое не так поставлено Художественным театром. Я, например, знаю роль краски глаз у Гоголя. Я неспроста вел статистику световых особенностей Гоголя. Какие краски он употребляет в «Вечерах на хуторе близь Диканьки», в «Страшной мести», в «Вий». Краски ясные, чистые, ядреные с резкими перебоями. Если составить себе процентное отношение между этими красками и представить себе график, рисующий распределение красок при 100%, то в «Вечерах на хуторе близь Диканьки» получится следующее (*показывает и объясняет график*. *Продолжительные аплодисменты*). Все красочное представление Гоголя из 14 основных цветов показано в их процентном взаимоотношении. Стало быть, в «Вечерах на хуторе близь Диканьки» господствует четырехцветка: красный, золотой, черный и синий. Так что и в этом отношении, если нужно ставить «Страшную месть», то совершенно ясно, в каких бы красках я ставил бы, так что эти четыре цвета давали бы… (*аплодисменты*), но изменяется идеология Гоголя. Гипербола дифирамбическая сменяется гиперболой осмеяния, постепенно изменена тематика слоговых ходов. Изменяется красочно спектакль. Красный и синий падают и сменяются неопределенными сложными цветами. В первом периоде если красный, то красный как кровь, как солнце, как жар, потом появляются сложные, муругие с рыжими пятнами. Словом, ясные цвета сменяются сложносоставными, и переменяются основные цвета. Падает красный, растет желтый. Вот четырехцветка «Мертвых душ».

Я должен сказать, что так же, как есть изменение тут цветов, так относится изменение друг к другу каких-то драматических явлений и жестов. Вот основные четыре цвета «Мертвых душ»: белый, черный, серый, желтый… это приблизительное сравнение. Тут доминирующий цвет белый и черный, т.е. красочность сравнивается светотенью…

Есть яркая колоритная раскраска, выявляется колоритная определенность, и вот этой колоритной определенностью и надо было и подать «Мертвые души» – отразить таким ярким рефлектором, как у Гоголя. Я уже не знаю, в какой мере это надо протащить, но уверен, что Мейерхольд эту же фигуру Чичикова изобразил бы иначе. Как описан вечер у губернатора… Совершенно не затронуты интересные места. Сам Гоголь описывает белый рафинад, по которому двигаются мухи. Вот театру и следовало бы показать этих самых мух… Ведь недаром Гоголь описывал бал… дается характеристика толстых и тонких… дается характеристика дам… Гоголь так разработал фигуры… рефрен и в такой степени развернул и сделал нечто подобное, как если бы трехструнную гитару раз-

вернули в клавиатуру рояля… У Гоголя есть места, где не только слова, а даже фразы повторяются. Напр[имер], Ив[ан] Ив[анович] сидел… Ив[ан] Ив[анович] поклонился и сел. Судья предлагает чаю… благодарствуйте, Ив[ан] Ив[анович] поклонился и сел… опять Ив[ан] Ив[анович] встает и предлагает чай… Ив[ан] Ив[анович] встал… опять судья предлагает чай. Если бы повторные фразы поставить, как они академически строились, то составится формула, где есть фраза – а-б-в-г. Мы имеем формулу – а х б, а х в, а х б минус… (*рефрен*).

Интересная вещь, чтобы при изучении особенностей образов приходилось прибегать к классическим формулам. Вот маленький кусочек Гоголя (*показывает*)… Только в таких графических изображениях можно показать чудо гоголевского построения фраз. Мало того, что такая кривая, – посмотрите, как построены эти фразы (*объясняет*)…

Повтор – основная фигура, как же не мобилизовать фигуры повтора на сцене. Мейерхольд грешит на сцене. Возможно, повтор он вводит в «Ревизоре» – пусть даже Гоголь не дает этого… но у него видно движение Хлестакова вперед, назад, фигуры отчеканены. У Гоголя гиперболистское раскрывание… Шпонька… сидит жена…[68]

…снял шляпу жены, пошел в лавочку, приказчик предлагает материал жене[69]. В «Портрете» сходящий с ума Чертков [так!], там много портретов, и все глаза портретов глядят на него. Комната увеличивается до бесконечности, и опять скажу: отчего производит впечатление размножение офицеров в местах у Городничего, почему это так хорошо в «Ревизоре» у Мейерхольда. Говорят: где это у Гоголя? Да именно у Гоголя. Как же городничиха мечтает о С[…][70] У нее романтическая головка, воспитанная на альманахах, хотели стреляться, и оттуда выскакивают офицеры. Это инсценирована слоговая фигура Гоголя. Теперь, как же можно было представить бал у Гоголя? Изобразить на дальнем плане нечто белое и по нем муховидные движения, недифференцированные[71] группы толстых и группы тонких, поставьте карточный столик и возьмите опять краски Гоголя. Далее, мы узнаём на первых же днях, полицеймейстер нашел, что Чичиков такой-то человек, прокурор – что Чичиков такой-то человек. Покажите это. Если бы я с моими убогими постановочными средствами попытался показать Гоголя. Я бы все это принял во внимание и тогда бы совершенно были не нужны эти тяжелые грубые фальшивые цвета. Это обилие красных, розовых, сиреневых тонов. Их нет у Гоголя. Все это может быть верно в Николаевскую эпоху, но они совершенно неверны у Гоголя. Потом, совершенно не надо показывать по-

[68] *В МБ далее дублируется Л. 17* (*со слов* Я должен сказать *по слова* сидит жена).

[69] Вероятно, речь идет о сне, описываемом в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «На стуле сидит жена. […] Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена. […] То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя; что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. “Какой прикажете материи?” говорит купец. “Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! из нее все теперь шьют себе сюртуки”».

[70] *Не дописано*, *вероятно*, *речь идет о Санкт-Петербурге*.

[71] *В МБ первоначально*: диф[ф]еринцированные, *сверху впечатано* не.

мещичью усадьбу и представление Гоголя о ней. Надо знать, что Гоголь в эпоху писания «Мертвых душ» ни разу не был в помещичьей усадьбе, он потом был. Это мы знаем. Специалисты по Гоголю исследовали все, и оказалось, что к моменту написания «Мертвых душ» Гоголь видел все это из брички. Он только десять дней задержался в Курске в номере и никуда не выходил и [провел] день в Подольске. Ни в какой усадьбе он не был. Поэтому нечего в поисках за Гоголем восстанавливать быт и эпоху в целом.

У меня было впечатление, когда я смотрел эту постановку в Художественном театре, некоего тяжелого и ненужного великолепия, каждый раз безвкусного и фальшивого, ибо подана эпоха, но музыкально сфальшивлена сцена. Например, обои у Манилова: почему они сиреневого цвета? Сиреневого у Гоголя нет. Манилов есть сахар плюс зола, деленное на два. А что же было показано? Какой-то дамский кабинет. Надо было дать прозоленность[72]. Тут вся усадьба Манилова, чубуки, все сложно, как какой-то дамский будуарик, и во всем так… Это как если бы для реалиста, потрясающего реалиста, мы стали бы отыскивать то, что, например, картина написаны на двух плоскостях, или если бы для Джоконды заказали столяру из резного дерева балдахин, или сковать[73] в трехмерные раки, в которые была скована[74] икона… Итак, заклепали в эти великолепные ризы. Это натуралистический каркас, в котором вся динамика утрачена. И, наконец, я не постановщик, я не знаю, как ставить произведение, в котором вся усадьба подана, как… тройка под звук колокольчиков, под аккомпанемент унылой русской[75] песни и глазами унывающего и жуткого глядящего на Россию Гоголя. Здесь показан первый кабинет, второй кабинет, третий кабинет. Да ведь это не «Мертвые души». Я бы дал динамику. Это Ибсена можно ставить так, что в кабинете сидят герои на кресле и медленно рассуждают. Гоголя так не ставят. Гоголь весь должен быть поставлен на фоне авторских лирических рассуждений. Надо ставить так, что или дать автору всю атмосферу постановок, или отчего бы не сделать так: отчего бы автора не ввести на сцену? Как это могло бы быть интересно? Ведь, в сущности говоря, рассматривая все произведения Гоголя от первого до последнего, мы видим, что сперва автор[76] присутствует в своих произведениях как загримированный герой, который в «Вечерах на хуторе близь Диканьки» ловко подказачивает и ведет свою линию так, что в конце концов получается этакое компрометирование казацкого уклада. Автор все время воспевает Украину, загримированный казаком, потом все больше и больше разоблачается…

В постановке Художественного театра Гоголь становится беспомощным – Чичиков не стал Чичиковым. Театр не остановился на том, что думал Никол[ай] Вас[ильевич]. Как же не вместить Гоголя. Если в «Ревизоре» представлен

[72] *В МБ*: прозеленность.
[73] *В МБ*: оковать.
[74] *В МБ*: окована.
[75] *В МБ* унылой *впечатано сверху над* русской.
[76] *В МБ* сперва *впечатано сверху над* что автор.

К[…][77], ведь представил Андреев «Некто в Сером» – деталь, где стояла эта дылда со свечей… Это важно. Вдруг сцена замирает в музыкальной паузе, и тут Н[иколай] В[асильевич] может как-то высунуться. Какой бы был интересный спектакль, если бы был дан контрапункт – с другой стороны, дать было необходимо не то, что Гоголь видит, а как видит.

Начну с того, с чего начал. Материал, который надо было ощупать. Ведь то, что я рассказывал, не моя выдумка. Как же не использовать Коробочку. А как ругают рецензии Коробочку. Ни прока, ни толка от этой постановки. Весь сюжет, тема исчезла… Точно также в жестах – во всем. О постановке можно было бы много говорить, но это не тема доклада – тут должна быть лекция. Мне чрезвычайно трудно говорить о постановке Худ[ожественного] театра, потому что мне [не] по пути, не по дороге с театром, мне нечего там делать – меня все время вытягивают за уши, чтобы говорить об этом – о художественном театре – я все же сворачиваю на Гоголя, поскольку многие годы провожу исключительно над Гоголем.

Но эта постановка живет в моей душе как нечто досадное и заменяющее, невольно стоишь и задумываешься: неужели столетняя память еще стоила живого, если подходить к нему без шор, а по-новому, содрать с него ризы и постараться разглядеть… Вместо столетнего юбилея поставили нечто такое, после чего нужно со всем жаром кричать о постановке Академического классического театра и о том, что впредь надо идти в сравнении с[78] произведениями гоголевского каламбура… с другими произведениями и постараться вывести основные методы постановки. Если ставить нашего классика, то ставить не в поругании, а с любовью, а всякая любовь вызывает изучение и сравнение. Сравнения получено не было.

Я кончаю не критикой, а беспощадным недоумением – я действительно пережил постановку Художественного театра как некоторую пощечину Н[иколаю] В[асильевичу] Гоголю (*бурные аплодисменты*).

РОССОВСКИЙ. – Товарищи, сегодняшний доклад[79] Б[ориса] Ник[олаевича] требует какого-то обсуждения. Но совершенно понятно, что после такого доклада трудно выступать в прениях, поэтому мы переносим их на 19/I. Кто захочет выступить в прениях – прошу записываться. А сейчас докладчика и будущих докладчиков прошу наверх.

[77] *Не дописано*.
[78] *В МБ далее забито на машинке*: другими.
[79] *В МБ далее*: тов[арища].

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О ПОСТАНОВКЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА (АНДРЕЙ БЕЛЫЙ) 26/I-1933 г.

РОССОВСКИЙ. – Слово предоставляется тов. Паушкину.

ПАУШКИН. – Я не думал, что мне придется говорить первым, но раз так уж вышло – я возьму себе слово.

Я считаю нужным говорить по докладу Андрея Белого потому, что он ставит ряд больших, глубоких, принципиальных вопросов, вопросов, которые у нас ставятся сейчас в связи с постановкой классиков и с проблемой сценического[80] раскрытия классиков. Вот с этой точки зрения, я хочу касаться этой точки зрения, потому что всех тех частей доклада, которые касаются характеристики творчества Гоголя как художника, его приемов я касаться не буду. Вот с этой точки зрения принципов установки раскрытия содержания классиков, я хочу сказать несколько слов.

Когда мы ставим в данный момент задачу нашей критике, мы говорим, что эта критика должна отвечать на два вопроса: с одной стороны, эта критика рассчитана на миллионы массового зрителя и должна давать ему художественно-идеологическое воспитание, раскрытие и понимание классика; с другой стороны, эта критика должна помогать театру на путях его перестройки, на конкретном материале, давая конкретное определение, указание. Вот, если с этих точек зрения, как будто бы никем не оспариваемых, подойти к тому, что здесь говорил тов. Андрей Белый, то является принципиальным, очень крупным, серьезным и важным вопрос, особенно важным, потому что выступление Андрея Белого подымает целый ряд принципиальных вопросов у режиссеров по вопросу об установках и трактовке классиков. Очень важно ответить на следующий вопрос: с точки зрения вот этих установок, то, что тут давал постановочно Андрей Белый, есть ли здесь классово-прогрессивные элементы, элементы, ведущие наш театр, нашу критику вперед, или независимо от объективных и личных желаний, автора тут есть классово-реакционные элементы, ведущие в постановке и трактовке классика нас назад. Вот основной, принципиальный, самый крупный вопрос.

Я возьму на себя смелость доказать, что, с точки зрения такой установки, те основные положения, которые выставлены Белым, они, с точки зрения классовой их квалификации, – типично мелкобуржуазной установки, с точки зрения их социальных последствий. Если последовательно по ним идти, они могут привести к социально-реакционным, отрицательным элементам. В этих установках, в отдельных замечаниях есть очень много элементов формально-эстетического порядка. Вот эти три элемента: элемент мелкобуржуазный, с точки зрения классовой квалификации установок; элементы социально-реакционные

[80] *В оригинале первоначально*: социалистического, *вычеркнуто и сверху написано*: сценического.

и, наконец, формально-эстетические. Эти элементы составляли основные установки доклада. За недостатком времени я беру две-три иллюстрации. Вот основной принцип установок. Я слышал доклад, вчитывался в то, что было напечатано по этому докладу и беру иллюстрацию постановки «Мертвые души» как пример этих положений, что основная задача, которую надо было поставить в Художественном театре, трактуя «Мертвые души» – это сценическое раскрытие Гоголя, причем это сценическое раскрытие Гоголя может быть проведено через использование лирических отступлений из первой части через трактовку, использование ряда образов второй части и переписку с друзьями. Вот установки, которые не новы, поскольку мы знаем, что режиссеры целого ряда крупных театров, с точки зрения театральной культуры, хотя бы такие, как Мейерхольд и Комиссаржевский, ставили эти установки как первую заповедь раскрытия классиков. Комиссаржевский так и говорил, что задача раскрытия классика заключается в том, чтобы выявить индивидуальность классика через индивидуальность режиссера. Если мы возьмем эту установку, беря материал, рекомендованный здесь, – к чему мы придем, если мы даем такой рецепт Художественному театру. Что представляет собой постановка «Мертвые души»? Андрей Белый говорил, что в «Мертвых душах» есть два элемента: агрессивный и прогрессивный, социально-революционный элемент, т.е. социальный фон, который передовая интеллигенция того времени видела, и субъективно-реакционный элемент. Эти лирические отступления, раз они будут продолжаться, могут привести к печальным результатам, которые как раз и заключались во второй части «Мертвых душ». Теперь. Если вы возьмете Гоголя, вы увидите это лирическое отступление в первой части «Мертвых душ», идущее по линии морально-политической. Если взять вторую часть, образ Костанжогло, которого Белый трактовал как предшественника американских и английских миллионеров, то вы придете объективно к реакционному выявлению личности Гоголя, который был колоссален, гениален как художник, но с точки зрения социальной, был очень ограниченным, слабым, типичным представителем правого славянофильского крыла. Если вы возьмете образ Костанжогло для раскрытия его на сцене, что он из себя представляет? Его философия не философия предшественника капиталистов. В нем таятся элементы, которые развивал Толстой, – сознание того, что здоровый труд – это только земледельческий и т.д.

Я считаю, что самая установка, я не беру такие элементы, как колесо, ларчик, как сценический, режиссерский прием, это элементы формально-эстетического порядка, которые могут придать спектаклю большую красочность, но которые не способствуют выявлению основного социального замысла, в силу чего в конце концов получается спектакль такой же красочный, как «Ревизор» Мейерхольда, но убиваются социальные элементы, которые есть в «Ревизоре» у Мейерхольда. Такой путь критики, такой прогноз для постановки, который был у Белого, – есть прогноз социально-реакционный, который ведет к формально-эстетическим элементам, прогноз, который по существу носит не характер

социального раскрытия автора, а характер его индивидуальный, ограниченный, а по существу содержания – реакционного порядка.

Я думаю, что надо поставить другую точку зрения, которая не была в трактовке «Мертвых душ» Художественного театра. Если мы берем такого классика, как Гоголь, который в потенции заключает очень много социальных элементов, конечно, они не таятся в таких местах, как капитан Копейкин, было бы наивно в капитане Копейкине обрисовать аграрное движение [18]30-х годов. (*Шум…*)

Социальные волнения в [18]30-х годах, в эпоху Гоголя были, но мы знаем, что к этим социальным волнениям интеллигенция [18]30-х годов, представляющая из себя различные классовые прослойки, относилась иначе. И в том числе, с позволения сказать, Гоголь. Если вы прочтете вторую часть «Мертвых душ» или переписку с друзьями, Вы узнает, что он относился к ним как реакционер. Он полагал, что в этом социальном строе помещик есть благородный хозяин по отношению к черномазому крестьянину, который должен ему подчиняться. Такое мракобесие было.

А. БЕЛЫЙ. – Это можно доказать, какое было мракобесие. Вы читаете книгу, а видите фигу.

ПАУШКИН. – Это аргумент очень красочный, но несерьезный. Прочтите Переписку с друзьями и там Вы увидите. Каждый из нас читает с точки зрения различных методических установок и видит разное. Поэтому я считаю, что Ваш аргумент несерьезен и недостоин Вашей эрудиции.

А. БЕЛЫЙ. – У меня нет никакой эрудиции.

ПАУШКИН. – Эрудиция у Вас, конечно, громадна. Я считаю, что проблема и установка, которая может быть указана Художественному театру, заключается не в этом раскрытии Гоголя, а совершенно в иной трактовке Гоголя. Эта смелая трактовка должна заключаться в том, что мы должны использовать тот социальный материал, который в потенции скрывается в Гоголе, по возможности аннулировать, сгладить все реакционные элементы, которые убивают громадную значимость вещи. Мы не должны делать так, как делал Художественный театр, а мы должны, если мы ставим такого писателя, идти на больший социальный эксперимент, на смелое отбрасывание всего того, что реакционно, например, лирические места и вступления Гоголя как ведущего автора, а дать более социально плотное, может быть, с добавочным элементом, на котором эти фигуры Гоголем в значительной степени обрисованы с моральной, дидактической и психологической точки зрения, получать большую силу, насыщенность спектакля, который действительно нашему массовому зрителю может дать ценное, нужное сценическое воплощение и трактовку.

ЛЕВИДОВ. – Товарищи, атмосфера в этом зале имеет тенденцию стать очень горячей, как я вижу. Я не против этого. Товарищи, за последний месяц мы имели две постановки поэмы Гоголя «Мертвые души». Одна постановка – во МХАТе, другая постановка была в этом зале. Автором одной постановки являлся Сахновский и Булгаков, автором второй постановки – Мейерхольд и Белый. Я считаю, что постановка Белого несравненно интереснее хотя бы по одному

тому, что она страшно спорная, что она очень парадоксальна и очень ошибочна. О постановке МХАТа нельзя сказать, что она ошибочна, ибо разве пустое место бывает ошибочным? С МХАТом нельзя спорить, можно только пойти за похоронными дрогами, в которых МХАТ вез Гоголя в небытие. Но вот с постановкой Белого спорить можно и спорить нужно. Постановка Белого – это довольно интересная вещь. Из чего она состояла, товарищи? Я проделал маленький опыт с Белым, приблизительно такой же, как Белый проделал с Гоголем. И постарался проанализировать эту постановку со всех сторон. Вот вы видите, в прошлом номере газеты «Советское искусство» есть статья «Непонятый Гоголь» А. Белого, являющаяся тем его докладом, который мы слышали [в] прошлый раз, не полная стенограмма доклада, но, во всяком случае, все существенное, что в этом докладе было. Если взять эту самую статью или стенограмму и прочесть ее вслух, она займет приблизительно полчаса. Борис Николаевич свой доклад держал в продолжение двух с половиной часов. Не хватает двух часов. Между тем здесь есть абсолютно все важное, что было в докладе Белого. Что же было еще эти два часа? Была постановка, было то, что в докладе на бумаге выразить нельзя, была мимика, были лирические выступления, была модуляция голоса, были песни, была режиссерская работа и наигрыш. Товарищи, можно полагать и можно считать, что, если откинуть всю эту режиссерскую работу, модуляцию, и остается все-таки от доклада то, что нужно прочесть в течение полчаса, то это значит, что доклад очень интересен, это значит, что постановка возбуждает очень много споров. В постановке МХАТа этого не было, ибо, если от постановки МХАТа откинуть весь наигрыш, модуляцию, то там останется серьезного разговора не больше, чем на 10 минут. В докладе Белого очистилось полчаса. Честь и слава тов. Белому.

ВИШНЕВСКИЙ. – А у вас сколько очистится?

ЛЕВИДОВ. – Я напрашивался на эту реплику, Вы ее дали. Что же существенного в докладе Белого? Его ошибка состояла в том, что он конкурировал со МХАТом, что он хотел ставить «Мертвые души», что он не пришел к единственно нужному, единственно возможному, единственно правильному, заключению, что когда МХАТ предпринял эту свою работу, то уже сразу было видно, что из этого ничего не может выйти. Не потому, что МХАТ не талантливый театр, он лучший театр в мире по талантливости и т.д. и т.д., но из этого ничего не могло выйти по той простой основной причине, что нельзя «Мертвые души» инсценировать, нельзя «Мертвые души» ставить на сцене. Это приблизительно то же самое, как если бы Вы хотели передать Джоконду[81] по радио. Теоретически это можно, со станции говорят: вот картина, она столько-то метров в длину, столько-то в ширину, написана такими-то красками, изображает женщину, которая улыбается, но ведь это же ничего не говорит. То же самое было в спектакле. Об этом даже говорить не приходится театральной публике. Вообще, всякая инсценировка – есть гибрид, ублюдок, о котором не стоит говорить.

[81] *В оригинале*: Джиаконду.

…Об этом Белый не говорил потому, что ему казалось, что это можно сделать, и он рассказал, как можно сделать. МХАТ плохо прочитал. Почему? Неужели это так трудно? При всем моем уважении к Андрею Белому, то, что он говорил о Гоголе, не так чтобы уж очень ново. Ведь об этом более или менее писалось, более или менее всем известно. Правда, Белый дал особый индивидуальный блеск, но так или иначе это было известно и МХАТу, стало быть, теоретически он не[82] мог бы открыть ничего нового[83], потому что открывать было нечего. Да, этого на сцене дать нельзя.

Несколько слов о МХАТе вообще. Я здесь выступаю в защиту МХАТа. Белый говорит, что Художественный театр испортил постановку потому, что был связан с системой Станиславского, метод подачи материала, приемы и т.д. Но не в этом дело. Эта так называемая система МХАТа никакой роли не играет. Что такое система Станиславского? Этого никто не знает. Хотя об этом очень много говорят. Есть афоризм: «Ищи в злом[84] доброе и в добром злое». Что такое афоризм?[85] Афоризм – это острый угол, и нельзя от острого угла требовать качеств квадрата. Этим хотели поставить фундамент на здание. Этот афоризм неплохой, но на этом афоризме строить систему Станиславского и, исходя из этого, говорить о том, что эта система была осуществлена в постановке «Мертвые души», – этого абсолютно нет. Систему Станиславского как таковую трудно было найти в этом спектакле, я думаю, что эта система, равно как и всякая прочая система[86] театральной игры, никогда не может быть взята в рамки, но может быть скована в форму, теорию. Пытались это сделать. Дидро писал об этом неплохо. И все-таки за все время развития актерского искусства мы знаем систему игры актера, но мы не знаем систему актерской игры, потому что если вынести за скобки все, что есть у всех актеров, то – ничего. Есть нечто индивидуальное у каждого актера, что нельзя ввести в систему. Я знал одного режиссера, который мог творить, только когда перед ним были орхидеи, но нельзя говорить о системе орхидей. Я знал другого режиссера, который чинит карандаш, когда он творит, но это опять-таки не система. Если разобрать систему Станиславского, то, за исключением ряда эмпирических наблюдений, никакой системы не будет. Поэтому я говорю, что напрасно было бы искать в постановке МХАТа, как и во всех других постановках, это замечательное заблуждение, что у МХАТа была система, никогда этого не было. Тем более нельзя[87] говорить о «Мертвых душах» как о спектакле мхатовской системы. Этот спектакль мог идти в любом театре. Его ставил не МХАТ, а Москвин, Леонидов, Сахновский и актеры. Что же ставил МХАТ, Гоголя, и что есть Гоголь? И вот тут мы слышали от Бе-

[82] *В оригинале* не *впечатано сверху над* он мог.

[83] *В оригинале слова* ничего нового *впечатаны над строкой и под ними сделан простым карандашом знак вставки* (*галочка*).

[84] *В оригинале первоначально*: взлом, *исправлено простым карандашом* (*вертикальной чертой*).

[85] *В оригинале предложение заканчивается точкой*.

[86] *В оригинале далее забито на машинке*: той или.

[87] *В оригинале далее забито на машинке*: это.

лого очень много интересных вещей.[88] Вообще, было две постановки – постановка МХАТа и Белого. Перехожу к постановке Белого. Как вам сказать? При всем моем уважении к Белому, при всем том удовольствии, с которым я слушал его доклад, я считаю, что этот доклад был[89] порочен. И вот в чем. Белый обвинял МХАТ в неуважении к Гоголю, а я обвиняю Белого в неуважении к Гоголю, которое явилось следствием слишком большого уважения. Бывает недостаток в избытке добродетели. У Белого это заключается в том, что он слишком уважает Гоголя и не хочет подойти к Гоголю критически. В течение 2½ часов Белый не указал специфики Гоголя, которую можно было бы указать, если подойти критически. Белый отдален от Гоголя 80-ю годами, и он имеет право подойти к великому человеку прошлого как человек настоящего, немного со скепсисом, немного с юмором. У Белого было много восторга, но не было мудрости, ни грана скепсиса, ни грана юмора, и поэтому очень мало мудрости. Разве о Гоголе шла речь? Речь шла о небожителе, о писателе, подобно которому не было в мире и не будет. Говорить о писателе столько времени и не сказать ничего, а что же было плохого в этом писателе. Это значит ничего не сказать. Дальше. Я попытаюсь, это будет, может быть, встречено в штыки, но я попытаюсь сказать, что мне не нравится в Гоголе, почему я его считаю во многом очень гениальным и во многом очень плохим писателем. Самый метод постановки Белого. Ему здесь бросили слово – мистика. Это нелепое обвинение, но есть мистика, которая происходит от английского слова «мистейк» [«mistake»], что означает[90] [ошибка]. Тогда получается совершенно правильно: у него было столько словесной мистики, столько эквилибристики, что стало невмоготу. Говорить о том, что Казань – это наказание, что чубары имеют ведущее значение, что колесо[91]… почему-то в самом начале колесо не дойдет до Казани… можно было проще сказать. Я читал в одной книжке, что «роман»[92], если читать наоборот, получится «амор», тут что-то есть, писал об этом очень талантливый человек Мережковский. Тут что-то есть. По-русски это значит яма, по-японски – гора. Может быть, он сказал это в порядке режиссерского эффекта – тогда другое дело. Но вот это самое «наказание», чубары, попал или не попал, – это типичное свойство гиперболы…

Тов. Белый говорил так: Чичиков никогда не попадает. Ехал к Ноздреву, попал к Коробочке. И перечислил эти случаи. С книгой в руках мы увидим, если нанес он 6 визитов, то три раза попал, а три раза не попал. Тов. Белый говорит торжествующе: «Вот видите, три раза попал». Я тоже могу сказать: «Вот видите, три раза попал». Это есть эквилибристика. Конечно, не это важно. Об этом я буду говорить потом, когда я буду анализировать ту точку зрения, что у Гоголя все неспроста. По-моему, у Гоголя, все спроста. Если мы откинем эту мистику

[88] *В оригинале после точки забито на машинке*: Я перехожу к постановке Белого.

[89] *В оригинале далее забито на машинке*: порван [?].

[90] *В оригинале слова* что означает *впечатаны сверху над* мистейк *и за ними следует знак пропуска*.

[91] *В оригинале перед многоточием забито на машинке*: почему тов[арищи ?].

[92] *В оригинале*: Роман (*при этом последняя буква в слове перечеркнута косой чертой*).

и эквилибристику, если мы откинем соображение, что Гоголь, прочтя «Пиковую даму», вспомнил о ней, когда писал Коробочку, что привело к тому, что он мог написать именно такую Коробочку, но одно то, что Гоголь относился ревниво к своему творчеству и не любил Пушкина как раз за «Пиковую даму», говорит за то, что он не мог этого сделать. Я знаю, это немного фрейдистский подход, но в этом подходе есть очень важный момент.

А. БЕЛЫЙ. – У Пушкина в «Пиковой даме» у Германна профиль Наполеона.

ЛЕВИДОВ. – Хорошо, поговорим о Наполеоне. Но я считаю, что если можно считать, что Коробочка написана с «Пиковой дамы», то не в этих соображениях дело. Когда Борис Николаевич подходит к Гоголю с точки зрения настоящего анализа, блестящий образец которого он показал в своем докладе, то о чем он очень много говорит? В чем он видит специфику Гоголя, ибо дать анализ писателя – это значит найти специфику этого писателя. Он говорил о повторах. Мы все знаем, что такое повторы. А почему бы не взять эти повторы у Диккенса? Знаете ли Вы, например, что система диккенсовских повторов очень близка к гоголевским повторам? Значит, не в этом специфика Гоголя, ибо, поскольку это общее у обоих писателей, специфику надо искать в чем-то другом. И вот эти повторы. В этом смысле совершенно неубедительны в постановке Белого. С книгой в руках я могу показать параллелизм в повторах Диккенса и Гоголя. Повторы почти всегда при жанре сатирическом являются необходимыми ингредиентами[93]. Посмотрим, что было кроме повторов и кроме этих красок, которые на самом деле – замечательный момент у Белого. Был социологический анализ. Насчет социологического анализа у Белого – не хочется говорить много, чтобы не говорить резко, потому что все-таки видеть в Копейкине эсера можно, но не нужно. Не нужно искать эти самые крестьянские волнения. Были там крестьянские волнения, но Паушкин, при всей внешней серости того, что он сказал, совершенно правильно сказал, что сознательно Гоголь никак не мог вводить в качестве социального фона эти самые крестьянские восстания, но если вводил – как фон не социальный, а чисто литературный прием. Чтобы показать полное освещение всего и всех, для него эти самые крестьянские восстания играли такую же роль, как Макдональд Карлович, не больше и не меньше. И делать из этого вывод, что здесь Гоголь явился как бы судьей и показал, что крестьяне восстают из-за мертвых душ, делать такой анализ, так этого не делал даже Шелитков[94], в [18]90-х годах был такой вульгарный марксист, и если бы был такой анализ, то Белый обрушился бы на него со всей своей эрудицией, со всем своим сарказмом. Конечно, брать мелкопоместное дворянство – этого мало, но это не значит, что надо идти по линии наименьшего сопротивления и брать эти крестьянские восстания. Очень трудная задача – дать социологический анализ Гоголя, но нельзя же браться за первую попавшуюся соломинку. В чем же специфика Гоголя? Белый говорит, что у Гоголя два горных кряжа: один идет со знаком минус, другой идет со знаком плюс. Но неправ-

[93] *В оригинале*: гридиентами.
[94] *Возможно, имеется в виду Н.В. Шелгунов.*

да и это, ибо нет двух кряжей, потому что есть только кряж со знаком минус, потому что если вы проследите формы этих кряжей, то вы увидите, насколько это художественно бездарно. Все время, когда Гоголь хочет давать гиперболу со знаком плюса, это выходит ужасно мертво, сколочено из слов. Белый восхищался тем, что Гоголь называл галушки, о которых нельзя написать. Это говорит о том, что у Гоголя не хватило для этого слов, он не мог этого сделать. Но Гоголь иногда хотел и по-настоящему дать гиперболу со знаком плюса, и мы имеем единственное в мировой литературе произведение по бездарности – «Рим» и «Аннунциата»[95], потому что Гоголь хотел дать знак плюса, а когда Гоголь хотел дать знак плюса, взятый не сатирически, у него выходило ужасно. Таким образом, мы видим, что у Гоголя была гипербола только со знаком минуса, и не в этом его специфика. Я вам скажу больше. Это – законное неумение, ибо всякий настоящий писатель может позволить себе роскошь быть очень плохим писателем в таких-то и таких-то сторонах. Ни у кого вы не встретите такой халтуры, как у Бальзака, как у Диккенса. В том-то и дело, что у Гоголя сильные стороны были настолько сильны, что о его слабых сторонах трудно было сказать.

…Так как Белый смазал Гоголя одной краской, краской некритического восхищения, то Гоголь не получился.

В чем же специфика Гоголя? Очень много интересного говорил Белый о Чичикове. Чичиков и на самом деле в некотором роде ключ и к «Мертвым душам», и ко всему творчеству Гоголя, потому что Чичиков – единственный персонаж «Мертвых душ», абсолютно Гоголю не удавшийся, потому что это единственный персонаж, которого Гоголь хотел сделать живым человеком, это была попытка у Гоголя очень болезненная, очень страстная, насильственная – сделать его живым человеком. Вы помните, как он приводил и детство Чичикова, и двух учителей его, и эту слащавую историю, как он обидел учителя. Никого другого он не хотел делать живыми людьми. Он ограничивался тем, что писал фигуры фикции. Чичикова он не хотел сделать фикцией, и на этом Гоголь провалился. Чичиков не имеет значения фигуры фикции. Ни Ноздрев, ни Манилов и др[угие] – не живые люди. Когда Белый говорит «не тонкий и не толстый», когда он ведет такое деление, – это неспроста, это не зря. Я говорю, когда Гоголь писал «не тонкий и не толстый», он писал так, потому что не знал, как написать, как определить. Чичикова он не понимал, не чувствовал. Он его выдумывал. Все начало «Мертвых душ» – это стилистический разбег и больше ничего, а не сознательная шутка. Эта теория Белого, что у Гоголя все неспроста, это ужасно. Единственная опора его в том, что Гоголь писал «Мертвые души» семь лет, как будто бы чисто цифровой подход может играть роль показателя, как будто бы нужно писать семь лет, чтобы вещь была неспроста. Писатель это может сделать и в три месяца, и в семь лет. Это нужно откинуть. Гоголь писал семь лет, потому что он не знал, о чем он пишет, потому что «Мертвые души» – это есть экспонирование, кари-

[95] *В оригинале*: «Рим и Ан[н]унциата». *Ирония ситуации заключается в том, что* «*Аннунциатой*» *назывался первоначальный набросок ранней редакции повести* «*Рим*»*, о чем Левидов, по-видимому, не знал.*

катура, маска мертвых фигур. Гоголь все время давал маску, он думал, как будто бы это экран. Он не мог сделать так, чтобы все было неспроста. Когда читаешь «Мертвые души» – чувствуешь, что Гоголь постоянно был уверен с фигурой Чичикова… Кого он трактовал как маску, как фигуру фикции – единственно фигуру Чичикова. Во всех остальных произведениях Гоголя нет ни одного живого человека. Он писатель неживых людей, неживых вещей. Он изумительно хорошо описывал природу, он в этом отношении единственный в мире мастер, а людей он умел описывать, только когда он брал их заранее мертвыми людьми. Переходя к «Мертвым душам», как они сделаны, уже говорилось здесь. Из всего этого ясно, что самое слабое место – это диалоги, потому что мертвец не разговаривает или если разговаривает – то мертвыми словами. Возьмите книгу и почитайте диалоги. Как будто два человека писали, настолько диалоги слабее всего остального. Что же делает МХАТ? МХАТ ставит диалоги. И попадает в точку, куда не следовало попадать. Что мы имели в этом спектакле? Бал генерал-губернатора, классический бал, который существовал и до этой постановки, который мог бы не существовать в советском театре. До того скучно, что не хочется об этом говорить. Мы видели замечательную сцену, когда они… сбрасывают Ноздрева, и публика смеялась, но ведь это может сделать каждый районный театр. Вызвать смех у публики – не такое большое искусство. Были мертвые кабинеты. Довольно хорошо сделана, хронологически, правда, неправильно. Но хорошо, что хоть можно смотреть. Но это не событие. Меня все-таки удивляет эта абсолютно роковая ошибка МХАТа. МХАТ не понимает, что Гоголя так нельзя ставить и вообще нельзя инсценировать «Мертвые души». Мейерхольд это понял. Кстати, насчет Мейерхольда. Я очень рад, что имею возможность покаяться и признать свою ошибку. Пять лет назад я жестко ошибся, когда выступил против «Ревизора» Мейерхольда. Сейчас, когда я увидел постановку МХАТа, я понял Мейерхольда. Когда хочешь ставить Гоголя, нужно страшно воевать, нужно относиться к нему без всякого уважения так называемого. Булгаков отнесся с уважением, ни одного слова не выкинул, и что же… получились мертвые кабинеты и средняя игра актеров. Что еще было, кроме Москвина? Все остальное серенько. Как было не понять, что этого не нужно делать? Тут глубокая ошибка МХАТа, и роковая ошибка заключается в том, что МХАТ когда-нибудь, если будет написана история МХАТа, будет написано все что угодно: гениальный театр, прекрасный и т.д., но мне кажется, что только одного эпитета не приведут, не скажут, что МХАТ был умным театром. Это особая тема, я готов об этом говорить без конца. Я прочел сегодняшнюю передовицу в «Советском искусстве», там сказано, что мы пришли к такому моменту, когда мы требуем умную пьесу. Правильно, давно пора, чтобы в театре были умные пьесы, но не только умные пьесы, нужны умные спектакли. Это значит, чтобы в[96] основе всей постановки лежало умное начало, умная мысль. В основе всей постановки Гоголя МХАТом лежало очень мало умной мысли. Посмотрим, что выйдет, давайте три года работать, бросим все наши силы, может быть, что-нибудь и выйдет. Пока ничего не вышло. Это

[96] *В оригинале далее забито на машинке четыре символа*.

была малоумная мысль. Я хотел бы, чтобы она была последней, чтобы МХАТ твердо знал не только, как делать, но и что делать. Что делать, он пока не знает.

[ПУСТЫНИН.][97] – В одном из бесчисленных коридоров дома Герцена, на полу, в пыли я нашел истрепанную тетрадь.

В ней были отклики на доклад Андрея Белого о Гоголе. Страницы были густо исписаны нервным неровным почерком. Обильные помарки и бесконечные вставки затрудняли чтение, но, заинтересовавшись, я преодолел все препятствия и дочитал рукопись до конца.

Она называется «Записки сумасшедшего читателя». Правда, слово «сумасшедшего» зачеркнуто.

Я процитирую из этой тетради только те умозаключения, которые являются наиболее здравыми среди мыслей, имеющих определенно бредовый характер.

[1.]

Слушал доклад Андрея Белого о Гоголе. Перед тем как пойти на доклад, перечитывал книгу Андрея Белого «На перевале».

Вот отрывки из нее (станица 108-ая):

«Мистика… не путь, а скелет пути жизни, и, как всякий скелет, отвлечена она от действительных мускулов организма пути; между тем в теоретической мистике разоблачается марево всякого окончания пути; он здесь – КОЛЕСО перевоплощений… Процесс созидания мистических ценностей, взлетающих, как феникс из сожженного пепла, кончается… пеплом (и новая ценность сгорает, как старая), и – "вечное возвращение" (КОЛЕСО) настигает повсюду».

Книга датирована [19]18-м годом, и я подумал:

– Вишь ты, вон какое колесо. Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, до диспута о «Мертвых душах» в Художественном театре, организованного Всероскомдрамом и «Литературной газетой» января 26-го дня [19]33 года, или не доедет?

Оказалось, доехало.

Андрей Белый говорил о символике деталей в гоголевском тексте: «"Мертвые души" начинаются с описания брички Чичикова. Мужики обмениваются замечаниями насчет КОЛЕСА этой брички. Среди душ, запроданных Чичикову Коробочкой, сыгравшей такую роковую роль в разоблачении этого героя, имеется один мужик под фамилией Иван КОЛЕСО. В миг бегства Чичикова из губернского города обнаруживается: КОЛЕСО брички испорчено».

И дальше Андрей Белый договорился даже до того, что у Алжирского бея… нет – это не то… и Андрей Белый утверждает, что вместо лица у Чичикова – КОЛЕСО.

Не понимаю, как только это самое КОЛЕСО, которое еле держалось еще в 1918-м году, когда писалась книга Андрея Белого «На перевале», могло докатиться до сегодняшнего дня?

Молчание… Молчание.

2.

[97] *В оригинале вверху страницы* (*л. 12*), *в левом углу написано простым карандашом*: Шу[…] (*перечеркнуто*) *и далее*: Пустынин.

Цитируя диалог двух мужиков из первой главы «Мертвых душ»:

– А в Казань то, я думаю, не доедет?

– В Казань не доедет, –

Андрей Белый незаметным образом переделал ее так:

– А до Казани-то, я думаю, не доедет?

– До Казани не доедет.

И присовокупил многозначительно:

– До Казани… До Казани… Наказаний?

Опять не понимаю, какими путями обыкновенное колесо чичиковской брички докатилось до сверхмистического наказания?

Я шел на доклад Андрея Белого с хорошими чувствами.

За что такое наказание?

3.

Андрей Белый в продолжение доклада несколько раз показывал диаграммы и таблицы.

Особенно мне понравилась одна таблица.

Вот она:

Аб, Аб, Аб, Аб, Аб

Г.

Аб, Аб, Аб, Аб, Аб, Аб, Аб

Г.

Не помню уже, как расшифровал ее Андрей Белый, но когда, придя домой, я еще раз представил себе характеристику творчества Гоголя в сопровождении контрапунктов Андрея Белого – причем Николай Васильевич Гоголь лишился гоголина, взамен которого публике преподносился белоин, – означенная таблица предстала передо мной в таком толковании:

Андрей Белый, Андрей Белый, Андрей Белый, Андрей Белый

и – маленький Гоголь.

Андрей Белый, Андрей Белый, Андрей Белый, Андрей Белый, Андрей Белый

и – малюсенький Гоголь

4.

Еще раз вспоминая характеристику Гоголя, сделанную Андреем Белым, я не скажу, что Гоголь Андрея Белого – это «сапоги всмятку».

Я выражусь несколько осторожнее:

Гоголь Андрея Белого – это не «сапоги всмятку», а более удобоваримое блюдо, а именно: гоголь-моголь.

5.

В статье «Учебная книга словесности» Гоголь говорит: «Терминов нужно держатся только тех, которые принадлежат миру той науки, о которой дело, а не общих философских, в которых ум блуждает, как в лабиринте…»

Андрей Белый наделяет Гоголя неприсущими ему чисто философскими качествами.

Не Гоголь, а Гегель.

6.

Андрей Белый даже часам с кукушкой у Коробочки придает архисимволическое значение.

У Гоголя сказано просто: «Часы с кукушкой пробили один раз».

Андрей Белый «контрапунктирует» это так:

«КУ. КУ. КУ. КУ., деленное на два»

7.

Гоголь как бы предчувствовал, что «Мертвые души» будут сконтрапунктированы Андреем Белым.

В одном из «Четырех писем по поводу “Мертвых душ”» Гоголь писал: «Ни в коем случае не следовало выдавать сочинения, которое, хотя выкроено было недурно, но сшито кое-как БЕЛЫМИ нитками, подобно платью, приносимому портным только для примерки».

«Выкроено недурно, но сшито БЕЛЫМИ нитками».

Спроста это или неспроста?

Не намекает ли Гоголь на БЕЛОГО?

8.

Предчувствия Гоголя распространяются и дальше. Он как бы предвидел, что его «Мертвые души» будут сконтрапунктированы.

Одному из своих лучших рассказов Гоголь дал странное название: «НОС».

Но… «НОС» ли это? Не правильно ли читать Н.О.С.?

То есть: «Не Отдавайте Станиславскому».

Конечно, здесь речь идет о том, чтобы «Мертвые души» Гоголя не отдавать Станиславскому.

Но, вопреки желанию Гоголя, его «Мертвые души» были отданы Станиславскому, о чем я сокрушаюсь вместе с Андреем Белым.

9.

Нет. Я больше не имею сил терпеть. Боже, что Андрей Белый делает со мною?

Чичиков – Наполеон, конь чубарый – Бонапарт, шкатулка – не шкатулка, а фигура фикции, Казань – не Казань, а наказание… Матушка, спаси твоего бедного сына. Посмотри, как мучат его символические детали.

А знаете ли, что у Натальи Петровны Коробочки под самым носом – Пиковая дама?

Михаил Пустынин[98]

[98] *В оригинале имя Пустынина помещено в нижнем правом углу л. 14 как подпись*; *возможно текст его выступления на прениях* (*начиная со слов* В одном из бесчисленных коридоров дома Герцена) *был напечатан им самим*, *предоставлен во Всероскомдрам и затем включен в стенограмму*.

ЕРМИЛОВ. – И состав аудитории, в которой очень мало театральных работников, и само построение доклада Андрея Белого, который очень акцентировал тот момент, что он говорит, главным образом, о «Мертвых душах» Гоголя, а не о постановке МХАТа, вынуждает и всех выступающих по докладу Белого в прениях уделить значительную часть «Мертвым душам» и Гоголю.

Доклад Андрея Белого представляется, с моей точки зрения, очень значительным явлением нашей критики. Несомненно, что доклад блестящий по содержанию и по форме и содержит в себе ряд исключительно интересных мыслей о Гоголе, несомненно также, что Белым как очень крупным художником прочувствовано очень верно нечто основное для Гоголя и для «Мертвых душ». Доклад Белого сам по себе является очень значительным явлением, которое к нашей марксистской критике предъявляет требования очень реальные, основанные на большой талантливой работе, требования к повышению глубины и серьезности всей нашей работы.

Мне кажется, что вот это – самое основное, правильное ядро, которое почувствовано Белым в «Мертвых душах» и у Гоголя. Это несомненно чувствование Гоголя. У Гоголя было чувство новой общественной формации, чувство поступательного хода, новой общественной формации, которой Гоголь боялся. Гоголь чувствовал, что именно эта новая общественная формация не принесет человечеству и ему, Гоголю, измученному, не принесет облегчения. Он чувствовал антагонистичность этой новой формации. Он чувствовал целый ряд новых страданий, который несет эта новая общественная формация человечеству. И это очень верно прочувствовано Белым. Это основное, что есть в «Мертвых душах» и у Гоголя, что делает фигуру Гоголя не только гениальной, но одной из самых трагических фигур мировой литературы. Вот эта очень правильная локализация Белого в фигуре Чичикова[99]. Страх перед этой фигурой, именно в этой фигуре локализуется это ощущение новой общественной формации. Я прочитал в связи с докладом Белого всю критически-исследовательскую литературу о Гоголе и должен сказать, что во всей этой литературе, а также, по-моему, и в докладе Белого продолжает оставаться непонятым и недооцененным такое гениальное произведение Гоголя, каким является шедевр драматургии – пьеса «Игроки». В этой недооцененной, непонятой пьесе «Игроки», дающей огромные возможности для проявления подлинного актерского мастерства, в ней содержится мотив, переходящий в «Мертвые души» вместе с фигурой Чичикова. Это пьеса мистификации, в которой все действующие лица мистифицируют друг друга, которая в своем узле содержит фигуру человека с громадным упорством и волей, артист, художник, авантюры и при[…][100] Так же, как Чичиков, он много раз после катастроф и крахов начинает все сначала. Вспомним Чичикова, который после краха принимается за свое изобретательство. Это изумительно. Ад… Иван…[101], колода крапленых карт…

[99] *В оригинале далее забито на машинке*: в том, что фигура Чичикова.
[100] *Не дописано*.
[101] *Не дописано*; *по-видимому*, *имеется в виду Аделаида Ивановна*.

Его авантюра терпит крах. Но какой гордый номер в этой пьесе, какую твердую тираду дает Гоголь. Я прочту эту тираду. (*Читает*.) Разве это говорит шулер? Это говорит артист, протестующий против тупой обывательщины, это гений авантюры, это говорит, конечно, не полно крапа[102]. Как прямо непосредственно перекликается приведенная мною финальная тирада Ихарева и Чичикова. (*Читает*: «*Разве и без того жизнь моя…*»)

Ихарев так прямо себе и представляет. Он развивает совершенно ту же мотивацию, та же жизнь, та же философия, как у Чичикова. Чичиков может быть выше по своему философскому значению. Скажем, легенда, фигура этой самой притчи, фигура капитана Копейкина, Наполеона Бонапарта и Чичикова совершенно неслучайны, и здесь Белый, разумеется, совершенно прав…

…У Гоголя это обостренное чувство тревожности, как у гения, было особенно обострено всю жизнь. Он физически ощущал давление этой тревожности в связи с новой общественной формацией.

Это все то, что является чрезвычайно глубоким и исключительно интересным у Белого. Те соображения, которые он здесь привел, они идут в очень большой мере по линии этой же основной мысли, т.е. по линии того, что Гоголю в величайшей мере присуще было это чувство новой общественной формации и если не понимание, то, во всяком случае, ощущение всей этой громадной тревожности.

Образ Костанжогло неправильно трактуется, с этой точки зрения, и Переверзевым и Бел[ым]… (*читает*). С одной стороны, неверно трактовать Костанжогло как капиталиста. Это просто капитализирующийся русский помещик… (*читает*).

…Все-таки чувствуется, что Чичиков и Костанжогло это не одно и то же, какая-то грань остается между этими двумя образами. Костанжогло боится Чичикова. Это его предостережение.

В чем замечательность фигуры Ихарева? Он сам себя рассматривает как предостережение. А Чичиков есть предостережение всем: и Манилову, и Тентетникову, и Костанжогло и т.д. Это живое предостережение[103]. Но Костанжогло идет правильным путем. Он опасен для Чичикова. Чичиков понимает, что это тот, для кого это предостережение пришло. Близость этих образов Белый правильно ощущает. Это свидетельство прихода новой формации. Прав Белый, когда он переходит к критике МХАТовской постановки, что невозможно понять Чичикова и «Мертвые души» без фигуры Костанжогло. Это такое урезывание «Мертвых душ», что действительно тут мы совершенно морально правы в самой резкой форме выражать протест против такого обеднения Гоголя. Гоголь видит неизбежность… (*Читает*.)

---

[102] *В оригинале первоначально*: говорит Крапа *затем сверху впечатано*: конечно$_{[?]}$ не полно *и карандашом сделан знак вставки* (*галочка*).

[103] *На левом поле страницы*, *напротив последних двух предложений*, *простым карандашом поставлен знак вопроса*.

Гениальность Гоголя и трагизм состоят в том, что Гоголь видит антагонистичность внутри этой новой общественной формации. Эта формация не избавит человечество, не облегчит тех страданий, которые так давили на Гоголя. Несомненно, когда Гоголь говорит, что вся Русь уставилась на него и ждет чего-то. Какая-то непостижимая связь таится между Русью и Гоголем. Гоголь – это аппарат, конденсирующий русские страдания эпохи этого перелома – прихода новой общественной формации. Здесь есть какие-то мотивы, которые были характерны и для трагедии Бальзака. Бальзак всю жизнь считал себя де Бальзаком, а по существу это писатель буржуазной общественной формации. Он всю жизнь цеплялся за старую форму, он был легитимистом. В «18 брюмере» у Маркса есть гениальное разъяснение сущности этого – почему Бальзак и подобные ему цеплялись за старую формацию, за какую угодно династию, легитимизм и т.д. Маркс писал, что представители этой интеллигенции ощущали, что новая буржуазная формация, которая идет на смену, которую[104] они ненавидели, не является охранительной формой человеческого общества. Как пишет Маркс об этом? Маркс пишет, что июньское восстание… (*Читает*.)

Даже для этих стран Северо-Американских Соединенных Штатов, даже и для них и в России, и где бы то ни было в другом месте была разгадана эта антагонистичность, не несущая счастье, устранение[105] страданий. Существо буржуазной республики… я процитирую совершенно изумительную в этом отношении статью Пушкина, посвященную Северо-Американским Соединенным Штатам… (*Читает*.)

Такова картина буржуазного общества, которое в 1831 [так!] г. в своей статье в «Современнике» чувствует Пушкин. И разве не ясно, что в этом-то и был чрезвычайный трагизм такого художника, как Гоголь. Пушкин нашел исход через «Медного Всадника», через Петра I пришел он к примирению с Николаем I. А ведь Гоголь этого не нашел, ведь в том-то и различие между прозрачностью эпического объективизма у Пушкина и смятением Гоголя, и отсюда безмерное страдание Гоголя. Идеалы России потом отменяются Пушкиным, потому что он увидел, что это – революционизирующая, антагонистическая форма, и поэтому Пушкин идет с Николаем. Буржуазная демократия не несет смятения чувств, это не его выход, а Гоголь мечется и идет к богу, идет в мистику и при всей своей гениальности он более или менее игрушка в руках социальных стихий. У Пушкина есть какая-то прозрачная ясность, есть понимание, есть решение своего варианта, а у Гоголя этого варианта нет. Гоголь идет к богу, идет в мистику, Гоголь сходит с ума. Здесь я не согласен с теми товарищами, которые отрицают важность для Гоголя момента крестьянских восстаний, это неверно. Я уже упоминал относительно потрясающего по политическому уму и такой классовой ясности – это письмо Пушкина к князю Вяземскому, в кото-

[104] *В оригинале первоначально*: что, *затем исправлено простым карандашом на* которую.

[105] *В оригинале первоначально в родительном падеже*, *затем исправлено простым карандашом на винительный*.

ром он пишет о холерном восстании в аракчеевских военных поселениях, сопровождавшихся убийством офицеров и т.д. Пушкин пишет: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и дальше он развивает свою мысль, что основное, что он увидел в этом Аракчеевском бунте, – это благородство души Николая I, который сам лично руководил подавлением этого бунта. Он пишет Вяземскому, что все говорят о величии и мощи Николая, но, говорит, не следует царю заниматься такой политической грязью, как подавление бунта, потому что он на этом может потерять авторитет царя. У Пушкина все это яснее, Пушкин знает и чувствует, что к чему, и поэтому Пушкин больше субъект истории, чем Гоголь, а у Гоголя ощущение бессмысленного, безысходного трагизма русской жизни, которую Гоголь чувствовал, когда вольнодумец из дворян пошел лизать сапог Николая, когда дворянство выделяет таких идеологов, как Булгарин и Брамбеус. Отсюда и есть, что ни назад нельзя идти с Коробочкой, ни вперед – с Чичиковым, потому что если у него нет такой кристальной ясности, то есть чувство этой общественной формации и есть безысходность, есть трагизм, и этот трагизм и выражается в «Мертвых душах» с величайшей гениальной ясностью. Выход, конечно, Гоголь видит в Костанжогло. В приспособлении к действительности своего класса. Здесь Борис Николаевич неправ, когда говорит, что Костанжогло есть образ русского капитализма. Костанжогло устоял против того живого предостережения, разъезжающего в бричке, каким являлся Чичиков, и вот, товарищи, вы видите, как бьется мысль писателя в «Мертвых душах» над своей страной, и автор все время здесь. И это различие между стилем Пушкина и Гоголя, Белинский замечательно понял, когда он писал: «Мы в Гоголе видим большее политически важное значение, чем в Пушкине»…[106]

Различие Пушкина и Гоголя, которое дает здесь Белинский и которое совершенно не было почувствовано МХАТом, свидетельствует хотя бы в статье Сахновского о работе над постановкой, о вариантах постановки. Вначале они хотели дать «Мертвые души» как плавное спокойное течение русской жизни, как некоей спокойной реки, но, товарищи, это значит как раз потеряться в созидаемых Гоголем процессах. Это значит не понять специфики Гоголя, потому что Гоголь, как это ни странно применять к такому гению, как Гоголь, но он являлся игрушкой мощных социальных стихий, и не понимать того, что Гоголь мучительнейшим образом думает о своей стране и ощущает страдания своей страны, не понимать того, что Гоголь все время тут. И замыслить спектакль как плавное течение спокойной русской реки – это значит совершенно не понять Гоголя здесь. С МХАТом и случилось то, что потеряли Гоголя в разнообразии

[106] Имеется в виду следующее высказывание В.Г. Белинского из рецензии на первый том «Мертвых душ», вышедшей в «Отечественных записках» в 1842 г.: «И, однако ж, мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее теряется в разнообразии создаваемых им объектов и более дает чувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим сознания поэта нашего времени» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 259).

созданных им объектов, вследствие чего оказались потерянными и сами объекты. Таков был и один из вариантов замыслов постановки, который оказал очень большое давление на весь спектакль. И, товарищи, нет никакого сомнения в том, что это упирается в натурализм. Напрасно Левидов говорил чепуху, что нет системы художественного творчества, что нет системы режиссуры, актерской игры и т.д. Это какое-то стремление перепарадоксить, как это свойственно тов. Левидову. Разумеется, есть система МХАТа, система Станиславского, над которой работает он, но которой присущ, конечно, натурализм, и он является слабым местом этой системы. Это настоящая Ахиллесова пята всего МХАТа, и именно от натурализма это основное, это отсутствие стремления к передаче идеи художника, которое мы видели в МХАТовской постановке.

…Не случайно, что МХАТ ухватился за это разнообразие объектов, за натуралистическую поверхность Гоголя и «Мертвых душ» и не смог передать всю атмосферу субъективных страданий Гоголя. Если бы Пушкин не отдал сюжета Гоголю, а написал бы сам, тогда МХАТ имел бы право так поставить «Мертвые души», т.е. мог бы дать такое величавое плавное течение русской реки, и это было бы правильно. Но по отношению к Гоголю это неправильно. МХАТ, не заметив этой атмосферы «Мертвых душ», проявил небрежность к Гоголю. Здесь элементы простой небрежности и неуважения к Гоголю. Сам Гоголь обобщает свои образы. В тексте Гоголя мы имеем прямые указания. Ведь он же прямо говорит: «одеть бы тебя в другой костюм, послать бы тебя в Петербург, как бы ты все душил» и т.д. Это чрезвычайно характерная черта гоголевского стиля. Он все время обобщает свои образы и указывает на их величайшее потенциальное звучание.

Совершенно правильно сказал Паушкин, что мы обязаны у крупного художника находить, как это умело делали Белинский, Чернышевский, для которых Гоголь был лозунгом, программой, обязан[ы] находить основное в художнике. Ведь Белинский более правильно понимал Гоголя, чем Гоголь сам себя. Мы совершенно оставляем в стороне вопрос о размерах дарования людей, подходящих к Гоголю. Ведь наш метод познания литературы и жизни более высокий, чем у Белинского и Чернышевского. Этот метод обогащен Марксом и Лениным, так неужели мы не можем более правильно понять Гоголя, чем сам Гоголь или Белинский и Чернышевский? Не нужно рабски идти за Гоголем. Вот этот самый гоголин, и мы имеем куда более мощные возможности извлечения этого гоголина, которого сам Гоголь не понимал. Белый выражает неудовольствие – куда делась переписка с друзьями? Ведь игнорировать то обстоятельство, что как раз здесь не Гоголь и не гоголин в этой переписке, нельзя. Существо вопроса состоит в этой связи, в том, что этот самый гоголин нельзя извлекать, идя рабски по тексту Гоголя и принимая этот текст как данность. Нужно пытаться брать то, что в Гоголе является существенным и основным, иначе гоголина не извлечешь. Но для этого нужна высокая идейность постановщиков, настоящее и очень большое, основанное на грамотном аппарате, постижение Гоголя, т.е. то, чего не было в МХАТе.

Товарищи, я сначала закончу вопрос об оценке по существу самого развертывания темы о Гоголе, которую дал Белый, чтобы затем сказать о самой МХАТовской постановке.

Все эти правильные моменты, которые правильно почувствовал Белый у Гоголя, я слышал только доклад, но уже здесь для меня ясно, что у него неблагополучно по части самой философской проблемы необходимости и случайности. У него все детали настолько необходимо пригнаны, необходимо существующие, что это упирается в механизм[107]. Здесь есть опасность мерзкого[108] апокалипсиса, когда до такой степени каждая деталь пригнана. Я говорю не о художественной случайности, а о той, которая неизбежно имеется у крупного художника, особенно у гения. Поэтому такое ощущение и получается – не художественный образ, а символ, и Гоголь превращается в символиста, что совершенно неверно. Отсюда есть опасность такой символической трактовки Гоголя. Это основное. Для этого нам нужно разобрать всю работу Белого. Следующая ошибка доклада Белого, который[109] в известной мере воспроизводит ошибки РАППа… Наша ошибка состояла в моментах догматизма. Мы подходили к Вс. Иванову и, грубо говоря, требовали: будь как Фадеев. У нас был образ идеального писателя, догматический образ писателя, которым нужно было быть. Отсюда правильная критика партии ошибок РАППа[110].

У Белого получается то же самое. Он говорит МХАТу: будь Мейерхольдом, – и отсюда этот рефрен: «а как бы сделал Мейерхольд?». Ни к одному крупному художественному организму нельзя подходить с такой критикой. Надо уметь взять, основываясь на совершенно замечательных мыслях Ленина о том, что каждый приходит к коммунизму своими путями, мы обязаны уметь находить эту специфическую зацепку, которая только данного человека может привести к коммунизму. Особенно мы обязаны это сделать по отношению к художнику. Поэтому-то не получилась у Белого критика МХАТа. Надо было взять МХАТ, именно ту систему МХАТа, которую игнорировал Левидов, и показать, как МХАТ своими средствами мог бы более или менее правильно показать «Мертвые души», а это означало, что нужно было сказать МХАТу, что в спектакле «Мертвые души» мы показали Гиппократову маску…

Но надо уметь показать МХАТу, какая зацепка у него есть, и я прямо скажу о том же Леонидове, о котором неправильно и левацки-вульгаризаторско говорил Белый (о том, что Леонидова надо было гнать со сцены), что можно было разобрать Леонидова и поставить вопрос: почему получилось так, что исключительно талантливый актер сделал такой образ Ноздрева, почему Леонидов, исходящий из системы Станиславского, не мог сделать никакого Фра-Диаволо, чего хотел Борис Николаевич? Конечно, мы не должны говорить МХАТу, чтобы

---

[107] *В оригинале первоначально*: м…изм, *затем недостающие буквы дописаны простым карандашом на месте пропуска*.

[108] *В оригинале* мерзкого *впечатано сверху над забитым на машинке*: мрака.

[109] *В оригинале первоначально в женском роде* (которая), *затем исправлено простым карандашом на мужской*.

[110] *Название литорганизации приписано простым карандашом после точки*.

он стал Мейерхольдом. И разумеется, такой подход мы обязаны будем предъявить к режиссуре Мейерхольда, т.е. не требовать, чтобы Мейерхольд стал МХАТом, и указать на правильные пути. Леонидов в «Страхе» делает замечательный реалистический образ, уходящий от реализма, и надо сказать МХАТу, что ту линию, которую они наметили в «Страхе», они противопоставляют линии «Мертвых душ», показывая в них Гиппократову[111] маску, показывая грустный для МХАТа опыт отойти от искусства, если они отойдут от потенциальных реалистических возможностей, если они остаются одни, когда они не используют тех внутренних имманентных зацепок, чтобы провести в жизнь настоящее искусство. Вот чего мы должны требовать от МХАТа.

ТРЕТЬЯКОВ. – Товарищи, я не буду говорить о МХАТе, потому что я в нем на «Мертвых душах» не был, это очень плохо, я отнюдь не хвастаюсь. Я не позволю себе говорить о «Мертвых душах» – это было бы большое нахальство, ибо книгу я сумел купить у Китайской стены два дня тому назад под непосредственным влиянием доклада т. Белого, но то, что можно сказать об этом докладе, даже не ознакомившись по свежим следам с этим произведением, это по вопросу относительно правильного и настоящего освоения литературного наследства. Существуют островные дикари, которые имеют обыкновение поедать своих стариков, достигающих преклонного и инвалидного возраста, но делают они это в какой-то мере благородно. А именно: представляют своим старика залезть на дерево и затем это дерево трясут. Если старик сваливается, его кушают, и он прекращает свое существование. Или же старик на дереве удерживается, и ему дают жить дальше. В частности, то, что происходит сейчас с «Мертвыми душами» и Гоголем, это людоед А. Белый загнал литературного дедушку на дерево и его трясет.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. – И он упал?

ТРЕТЬЯКОВ. – Нет, и в этом вся шутка. Нужно сказать, что мы только сейчас приходим к правильному освоению этих литературных предков. Я перечислю просто факты, в которых выражается их переосмысливание, а не простое повторение старых азбучных истин, а не гимназическое расшаркивание с ударом задом о стену, а именно: прорезывание тканей этих стариков совершенно новыми ходами. Так пытается переосмысливать Шкловский Льва Толстого, когда пишет о его «Войне и мире», так старается переосмысливать в романах о Петре Алексей Толстой. Так сейчас переосмысливает Акимов «Гамлета», но что он уже поставил на голову и что ему за это спасибо – это факт. К чему сводится мой вопрос? Он сводится к тому, что произведение, будь оно самого распропочтенного дедушки, может иметь паспорт только в том случае, если оно в какой-то мере отвечает самым злободневным вопросам. Это не всегда бывает с этими произведениями. Они имеют тенденцию умирать, оставаться в качестве музейно-хрестоматийной выставки, в частности, Гоголь у нас стоит как музейная хрестоматийная выставка, и Гоголя очень многие помнят только по школьному своему чтению.

[111] *В оригинале*: Гиппокритову.

…Вот почему каждый такой старик должен быть пересмотрен, и в нем должна быть или отыскана его злободневность для сегодняшнего дня, или он должен быть выброшен, или, если его будут употреблять, – это будет трупоедство. Именно такие трупоеды суть те, которые употребляют классика в его непереосмысленном плане. С этой точки зрения, та работа, которая проводится здесь, может быть, это даже не Гоголь, но то, что человек сегодняшнего дня – Белый – его переосмысливает и пытается усмотреть в Гоголе какие-то социальные предчувствия, предвидения, то, что Белый подымает этот анекдот с уровня анекдота или паноптика, который Гоголь изготовил на употребление дядей и тетей… В картине, где Чичиков выступает в качестве предпринимателя, какого-то Гриндлера, идущего на смену дворянам, – в этом огромное достоинство того анализа, который здесь производится, хотя, быть может, этот анализ больше говорит о качествах Белого, чем о качествах Гоголя. Поэтому трясение этого дяденьки приветствую и думаю, что этого трясения как раз в МХАТе не было…

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Андрея БЕЛОГО.

[А. БЕЛЫЙ.] – Товарищи, тут столько было предъявлено мне обвинений, и о стольком нужно хотя бы в двух словах отчитаться, что я буду поневоле опять-таки весьма лапидарен и иногда в целях большей лапидарности буду вынужден говорить углами, как характеризовал себя Левидов, и из того, что я буду говорить, может быть, и о колесах, и о многом другом, да не выведет какой-нибудь читатель записок сумасшедшего, заранее говорю, нахожусь в трезвом уме и твердой памяти, готов преподавать логику и, если говорю вещи несусветные, – для лапидарности.

Прежде всего, часть возражений мне, правильно методологические, – не будучи во многом правильными субстанционально, – они правильны вот в каком отношении. Одни говорили, что я не вскрыл социальной природы Гоголя, другие говорили, что я должен был бы показать, как Художественный театр в пределах его средств должен был бы поставить «Мертвые души», т.е. вполне иммантироваться с Художественным театром. Но в этом роковая моя ошибка, что я не мог этого сделать, потому что Гоголю я посвятил большую книгу, и если я говорил углами и кондачками… я апробировал все жалкие труды, которые имеются по Гоголю, потому что я не хотел сосредотачиваться на том впечатлении, которое я получил от Художественного театра, мне хотелось показать в приемах – вот как у Гоголя, и вот чего там нет. Следовательно, стояли – либо Гоголь, либо Художественный театр. Если Художественный театр, стало быть, Гоголя я привлекаю не как Гоголя, а как автора таких-то и таких-то приемов письма, в которых отражены такие-то и такие-то тенденции, которых я даже не[112] поднимаю. Мое задание показать, что Художественный театр не так поставил Гоголя, либо, забывши о Художественном театре, отдаться расплетению

[112] *В оригинале далее забито на машинке*: понимаю.

очень сложных, в истории литературы не расплетенных углов. Когда я писал о Гоголе, когда я читал литературу о Гоголе, то все[113] устарело…

Очень талантлива книга Переверзева, но неясно, хотя я не социолог-специалист, что он дает, – нужна стилистическая проблема ощупи Гоголя. Старинная книга Мандельштама успела за 30 лет устареть, в наши дни с ней нечего делать. Упражнения эротические Розанова – они во многом неверны, а разные кондачки фрейдистов, которые в «Носе» видят чуть ли не половой орган, – это дрызготня, что очень интересно, но не идущее к делу. Наконец, скрупулезные трактаты об отдельных произведениях Гоголя, Виноградова и друг[их] – они не подымают вопроса о Гоголе. Как же я, говоря о Художественном театре, мог мобилизировать эти сложные явления и разрешить этот вопрос, не разрешенный историками литературы.

Ошибка моя заключалась в том, что я уступил товарищам из Всеросскомдрама и соединил эти две темы – Гоголь в «Мертвых душах» и «Мертвые души» в Художественном театре. Это доказало одно, что Художественный театр пошел по ложной дороге. В этом смысле это моя ошибка. С другой стороны, я заранее буду воевать против слов Ермилова: я не чувствую себя театральным критиком и бесконечно ценю и Художественный театр, и его прошлое, и его достижения, но я знал заранее, что Гоголь у них не удастся, и это случилось, и мне, следовательно, с ними было не по дороге. Моя ошибка была в том, что, вместо того чтобы отдаться вопросу о Гоголе, я связал себя с Художественным театром. Поэтому, если бы я хотел сыммантироваться с их методами – у меня бы, вероятно, ничего не вышло. Я хотел легкомысленно отчитаться, и, разумеется, я должен взять целый ряд грубых слов, сказанных в пылу полемики, назад. Конечно, совсем дело не в том, чтобы гнать или не гнать того или иного артиста. В этом смысле я по линии Художественного театра отвечать не буду, а придется мне сосредоточиться на тех существенных возражениях о Гоголе, которые здесь были высказаны…

И вот начну с первого оппонента, тов. Паушкина. Я опять беру назад те сорвавшиеся несколько очень резких и острых слов полемических, которые вырвались у меня, но скажу в оправдание – вырвались потому, что мне было вложено то, о чем я и не подозревал. Тов. Паушкин указывает, что мой доклад поднимает принципиальные вопросы в связи с Гоголем. Я этого не думал. Я как раз поднимал случайные вопросы в связи с той постановкой Художественного театра и в связи с тем, как в данном случае обстоит дело с Гоголем. Я все время чувствовал, что по кардинальному вопросу Гоголя мне не приходится останавливаться, и вот тов. Паушкин отмечает, что мой доклад принципиален. Тов. Паушкин ставит вопрос так, что критики должны воспитывать массы и, во-вторых, учить театр. Начну с этого положения, как воспитывать массы и какая критика должна быть для того, чтобы воспитывать массы. Надо много учиться, разумеется, социально и, кроме того, учиться одной маленькой вещи, без которой не произойдет надлежащего контакта.

[113] *В оригинале далее вычеркнут простым карандашом союз* либо.

Ленин сказал когда-то, что социализм – это советская власть плюс электрификация. В известный период, представьте себе, что, если бы мы исходили из идейных революционных лозунгов, не углублялись в те вопросы строительства и в тех деталях, о которых пишут газеты, мы не только бы… Я читал фельетон тов. Гарри о литдеталях, где именно говорится, что мы будем поднимать пусто мировые вопросы до тех пор, пока мы не сосредоточимся на какой-нибудь определенной детали. Это относится к каждому критику. Ему для того, чтобы двинуть литературоведение, мало быть стопроцентным и глубоким социологом, ему нужно еще овладеть искусством чтения, и опять этого слишком мало. У нас очень часто поднимаются критики, которых социальный экзамен на умение читать не произведен. Мы должны чаще и чаще поднимать вопрос о том, что критик здесь, во-первых, тот, который, владея в совершенстве социологическим методом, владеет также и тем методом, который представляет собой искусство чтения, потому что культура критики есть культура чтения. Перефразируя замечание – искусство медленно читать и видеть, что читаешь. Я бы сказал, что этому искусству пора учиться не столько массам, сколько критикам – читать и ощупывать. И, во-вторых, критик на основании ощупи этого чтения и может высказывать очень полезные истины, которые помогают массам разбираться и театру. Но как же критик может учить массы? Что же он, критик с острова Крита, что же он, самодержец? Масса – это ткань, организованная в кружки, в литературные кружки, а масса не такого рода, не тонкая, нервная ткань – есть масса мещанства, есть статика. Масса, если она энергетична, и критик является передовым выдвиженцем этой массы, не механистическим выдвиженцем, а тем, кто по чуткости обладает совершенно исключительным талантом. Вот почему у нас критиков было меньше, чем художников, и, если появлялся такой критик, как Белинский, он играл роль в десятилетиях. У тов. Паушкина для того, чтобы учить массы, нужно попросить критический мандат. Я этого не имею. Я просто художник и обладаю как художник некоторой идеологией. Надо проверить этот мандат и потом уже тому, у кого мандат окажется правильным, разрешить проявлять критическое величие. Теперь я перейду к тов. Паушкину. Я, конечно, не принадлежу к числу тех, кто бежит петушком и развивает двухпроцентное «и я тоже, и я тоже». Но поскольку я пережил действительность еще до революции, еще до того, как тов. Паушкин был, так сказать (по-видимому, он моложе меня), были у меня и революционные моменты, но это не значит, что я не хочу углублять свои социологические понятия. Тов. Паушкин указывает, что мои положения, а я не знаю, какие у меня положения, их не было, я был отрезан от идеологии тем, что я сосредоточился на деталях Художественного театра и Гоголя. Во-первых – мелкобуржуазность. Это понятие чрезвычайно широкое, если бы я не был мелкобуржуазным (поскольку я выходец не из пролетариата), но, т. Паушкин, гарантируете ли Вы, что предрассудки мелкобуржуазного сознания окончательно выброшены у каждого из нас. Достаточно ли т. Паушкин работал над уничтожением этих пережитков? Если бы

я был всей жизнью политический революционер, то, разумеется, многое тут не было бы сказано. У меня, разумеется, много наивности, но что у меня мелкобуржуазно, я не знаю. Это голословное заявление.

…Они могут привести к опасности мои неизвестные невскрытые положения. Для того и существует критика, чтобы человека учить. Я готов учиться.

Итак, мои положения реакционны, и там есть элементы эстетства. Надо раскрыть Гоголя, а средства раскрытия мои через переписку. Вот если бы Паушкин прочел эту книгу (*показывает на книгу на столе*), то он увидел бы ряд страниц, где мне приходится подавать на подносе такие ужасные черносотенные положения Гоголя, они настолько открыты и, где нужно, страстно показывают, до какой абракадабры и не только контрреволюционной, но и человеческой, договаривался Гоголь, он бы понял, что, когда я выдвигаю мысль, что надо брать Гоголя, а не фон Гоголя, и, между прочим, и переписку с друзьями и вообще его переписку, тут я отвечаю отчасти и тов. Ермилову на его также отчасти очень мягко сформулированный мне упрек. – Как я беру «Переписку с друзьями»? В [19]33 году обсуждать, революционна или контрреволюционна «Переписка с друзьями», – это все равно, что ломиться в открытую дверь. Кто же из читателей Гоголя не знает, я сам не испытывал этого опыта – прочесть ряд абракадабры… Речь не о том. Я поворачиваю на Паушкина. Ермилов заострил в связи с Гоголем эту проблему необычайного трагизма. Я подымаю этот вопрос в книге в нескольких местах и говорю, как осторожно надо взять Гоголя при понимании тех раздвоений, которые существовали между его личностью как творца и Никошей Гоголем, потому что наряду с Николаем Гоголем жил и Никоша Гоголь, свойства которого он протащил сквозь жизнь. Я мог бы показать, какие были страшные схватки этих двух частей и как Гоголь, попав в обстановку славянофилов, был искусственно отделен от своих подлинных читателей и от Белинского, с которым, боясь Аксакова, он свидания назначал тайком. Ему «друзья» не позволяли слишком отдаваться этим опасным дружбам, которые повели бы Гоголя к иным путям. Белинский-критик видел в Гоголе то, чего Гоголь сам не видел, потому что пресловутый гоголевский смех сквозь слезы весь просто подсказан Гоголю. Еще в статье Белинского появляется эта мысль, а потом уже у Гоголя. Гоголь в иных случаях осознает себя Белинским.

Стало быть, попав в эту обстановку и видя всю опасность той новой формации, о которой говорил Ермилов, с которой я совершенно солидарен… Гоголь действительно предвидел эту новую формацию, чувствовал все беспокойство, которое она принесет, может быть, он чувствовал как художник, сильнее, что в сущности будущий капиталист в его хищническом диапазоне… Несколько лет тому назад тов. Луначарский давал характеристику двух хищников, он говорил, что тот старый хищник имел видимость красивых жестов, идущий ему на смену хищник был иной, звериной формации. Если того хищника можно было сравнить с леопардом, то, несомненно, идущего на смену хищника можно сравнить с гиеной, против которого не обнажишь меча. Я думаю, что Гоголь не только слышал дух этого хищника, именно Никоша, совер-

шенно неграмотный социально, до такой степени перепугался этого хищника, что многое становится понятным в мистике прошлого, в этих безумных идеях, как они вместе с художником Ивановым… собирались подавать царю проект о переустройстве России… Движение направо не знает обратной стороны.[114] Гоголь был живой. Именно поэтому он так перепугался духа этого растущего капитализма, что готов был даже пойти на генерал-губернатора. Это была трагедия. И конечно, будучи совершенно не свой в аристократическом кругу, не свой оторванец от народа, не имея никакого классового фундамента и как писатель, понимаемый так мало, что даже Пушкин далеко не все видел и понимал в Гоголе. Характерно, что лучшее произведение по Пушкину Гоголя – «Невский проспект», в то время как Гоголем были написаны более значительные произведения. Из этого ясно, что Пушкин во многом не мог понять Гоголя. Гоголь был абсолютно одинок. Во всех своих проявлениях, обращениях он носит какую-то личину гадкого утенка, страдая[115] еще с детства золотухой, к нему чувствовали гадливость в гимназии, он это всюду чувствовал. В высшем свете он не умел танцевать. Там, где Пушкин был свой человек – Гоголь был парвеню. Вместе с тем он уже оторвался от того провинциального быта, в котором он рос.

Все эти черты Гоголя к концу жизни, оказавшись сначала в непроизвольном застенке, потом в добровольном, он ударился в мистику, в теорию самоусовершенствования[116]. Эта теория работы над собой доходит до чудовищности, он предлагает деньги разделить на горсточки и одну горсточку отдать… Это, конечно, чепуха, но за этой чепухой была идея о каком-то пластичном живом человеке, о человеке, который может себя видоизменить. В социальных условиях, в которых он рос, эта идея вела неизбежно к мистике, в которую уперся Гоголь, но чисто по-гоголевски.

Я прочел роман Гладкова «Энергия». Основная идея романа «Энергия» в том, что человек и машина должны срастись, что машина раскрывает в человеке те способности, которых в нем до сих пор не было, и что человек должен перелицевать саму машину, он должен наложить свой штамп. Весь громадный роман призывает и к социальной работе перетирания классов на почве громадной работы, и показывает скрупулезность того, что эта работа только тогда есть работа, когда и индивидуальная психология, и социальная психология вовлечены в эту работу. Опять мы упираемся в «человек, работай над собой», но в наше время «работай над собой» звучит иначе, ибо система великой эпохи, ибо социализм – это расцвет индивидуализма не биологического, а социального. И в этом смысле вы поймете, что даже некоторые мысли Гоголя о какой-то работе над собой имели совершенно беспочвенное, безнадежное основание, мечту о каком-то новом человеке. И вот на смену этому новому человеку из будущего встает химерище, не осознанный Гого-

[114] *В оригинале после точки вычеркнуто простым карандашом*: Это то, что.
[115] *В оригинале далее забито на машинке*: от этого.
[116] *В оригинале после точки забито на машинке*: Если бы даже.

лем капитализм. Так что я должен сказать, что, конечно, «Переписку с друзьями» я читал, очень много о ней у меня в книге, и по прямому проводу видеть контрреволюционность моих намерений ставить Гоголя лишь потому, что я рекомендую брать Гоголя из «Переписки с друзьями», нельзя. Я беру переписку как симптоматику смятения Гоголя, той чуткой души, которая не имела выхода, которая сделалась жертвой стихий, но в то же время этот человек оседлан человеком, которого я называю Никошей. Никоша его оседлал и сжег его «Мертвые души», а Гоголь умер. Здесь можно найти мистику, в моем заявлении можно понять и в физическом смысле, что через несколько дней он умер. Но это, конечно, не так. Он никогда не мог окончить «Мертвые души». «Мертвые души» покрыты мертвенным штампом, но когда с них сдерешь печать, то встает нечто другое. Вот по вопросу о Костанжогло. Разумеется, мне известно, что Костанжогло Гоголь считал положительным типом, и когда я говорил, что Костанжогло Гоголю в высшей степени удался, то у меня не было времени вскрыть, в каком смысле удался. Человек пишет великолепную картину льва и подписывает: «Се собака, а не лев». Некоторые наивные критики ему верят. Костанжогло не удался, не удалась подпись, но сам портрет Костанжогло изумительно разработан. Хотя бы такая вещь, что развивает Костанжогло, нарисованный ростовщиком? Помните сцену, когда он говорит, что за эти деньги он сгонит с мужика несколько шкур? Когда он говорит: «Я назначил бы министром финансов Муразова», а Чичиков интересуется, неужели он будет без кривизны, тот отвечает: «без всякой. Да ведь это тот кривит, у кого маленькие возможности, кто вращает миллионами – тот кривить не может». Помните то рассуждение о радиусе большого диапозона? Следовательно, если ты сделаешь маленькую гадость – ты судим, а когда ты делаешь гадость мирового масштаба, как капитализм делается тем делом, с которым мы все боремся, потому что это гадость крупного масштаба, то как раз эту гадость крупного масштаба он считает святостью. Для человека нашего поколения это звучит блистательной великолепной психологией того капитализма, которого Гоголь не знал и не видел. С другой стороны, тип этого Костанжогло замечателен тем, что художник Гоголь, рисуя положительный тип и приписывая: «се есть не лев, не тигр, а ангел», какими наделяет его чертами? У меня в книге есть два типа, которые предшествуют Костанжогло и в смысле внешнего лица, и в смысле тех выражений, о которых было так талантливо написано стихотворение. Я утверждаю, что Костанжогло есть третье воплощение колдуна из «Страшной мести», и это могу доказать. Если вы возьмете тип, глаза, особенности жеста, то увидите, что ему предшествует ростовщик, а потом колдун. Гоголь увидел хищника, вырастил такого монстрища. Это третье явление оказалось фатальным для Гоголя, оно показало, что это несчастное стремление к абстрактному резонерству закрыло ему глаза, и, еще видя ростовщика и рисуя его в демонических красках, он на этот раз антихриста не узнал и подписал положительный тип. У меня нет времени, я бы мог просто прочесть эти черточки.

…Я говорю к тому, что с Гоголем, когда упоминаешь о переписке «Мертвых душ», нужно быть очень осторожным, потому что везде приходится производить химический анализ – какие элементы плавимы и могут идти в перевар, какие элементы абсолютно недоброкачественные, и с ними ничего не сделаешь, они явление действительного омертвения.

Я беру три рубрики: в первом – Гоголь не социолог, он просто художник-портретист. Ведь у Гоголя портретность всегда неслучайна. Иногда там, где пробирается абстракция, резонер, не пробирается рука рисующего мастера… Как это в книге? Колдун… Но добрый гость из Венгрии якшается с иноземцами, никто не знал, откуда он… Петромихали[117] – индеец, грек, персианин, нам этого никто не мог сказать… Костанжогло – очевидно, грек пылкого южного происхождения, не знаем, откуда вышел…

Может быть, вы правы, в основном, но ведь это единственно положительный человек, это такой же оторванец. В книге – это проходимец-иностранец…

Петромихали – необыкновенные, страшные, огненные, живые глаза, сундуки полны денег, купил душу Черткова за 10000 рубл[ей]. Костанжогло поразил живым выражением глаз, получает 200000 годового дохода, дал взаймы Чичикову 10000 рубл[ей]. Колдун угрюм, на все брюзжит, мрачный, черный Петромихали – угрюм, темен, краски лица указывают на южное происхождение, смуглый, опаленное лицо, черные краски, нависшие черные, густые брови…

Костанжогло… тень мрачного ипохондрика… поразил смуглостью лица, жесткостью черных волос. У колдуна восточный тип, шаровары… Петромихали ходил в халате также, как и колдун… Костанжогло – единственный, который ходит в платье. Крестьяне его называют колдуном. В аллегорическом смысле он колдун. …И опять чудным светом осветилась светлица, и опять стоит колдун, чудными лучами блестит месяц, блестят звезды… [118]

Петромихали – золотой блестел, звенел свет месяца, озарял его комнату сверхъестественной силой…

Костанжогло – сиял весь, и, казалось, как будто лучи исходили от его лица…

О Чичикове говорят: от тебя, как от мага, сыплется изобилие… И, как пения райской птички, заслушался Чичиков…

…В тот вечер ночь была осыпана звездами, пели соловьи… На столе травы от лихорадки… Словом, стоял колдун с чудным челом… Но вот колдун заключен в подземелье… Ростовщик заключен навеки в рамки портрета… Но вечное ускользает… Костанжогло ускользает, за него посажен Чичиков…

И пошла история…

Думать, что здесь опять колесо. Нет. Это одна из тех деталей, без которой, читая книгу, увидишь фигу. Не надо строить на пустой детали основное, но, перечитывая классического автора, надо его знать и в смысле стиля, особенно, когда его ставят, для того, чтобы его переварить.

---

[117] *В оригинале*: Петрамский.

[118] *Ср. в* «*Страшной мести*»: «… и опять с чудным звоном осветилась вся светлица розовым светом, и опять стоит колдун неподвижно в чудной чалме своей».

Вот моя установка. Какая же тут контрреволюционность? Мое намерение было литературоведческое, основанное на выводах, ощупи[119]. Если и были заблуждения, я не скрываю, вероятно, были, как и у всякого из нас, живущего на пороге царства будущего. Мы можем видеть проблески этого царства… Должен сказать, что от эстетства я бежал за границу. В 1909 г. я написал, что нам ближе Чехов, что с этим нежитем Метерлинком нам нечего делать. Стало быть, с этими элементами Мережковского, если и нужно о ком говорить, то рекомендую вам… Есть некоторые вещи, от которых я не отрекусь. Борясь с эстетизмом, мне пришлось захватным правом писать статьи о Гегеле, Каутском. Есть эстетизм, с которым я начал бороться раньше вас. Есть другой эстетизм, который вытекает из бесконечности, конкретности человеческой силы и мощи, тот эстетизм, который покончит с этими формами искусства и выльется в эстетизм, концерт машин, человеческих отношений… За этот эстетизм, за творчество жизни, за безграничные возможности я буду бороться и драться до последних пядей и ничего не отдам.

Наша задача в оценке классиков, тут я совершенно согласен с тов. Третьяковым. Всех их в тигель, всех их в расплав, все они лишь постольку, поскольку они нам нужны для нашего сегодняшнего дня, и в этом смысле изучить классика на сцене важно. Во-первых, изучить, чем он был. Да и Гоголь говорил: «Дайте хорошего постановщика Мольера, изучите Мольера». И в этом смысле я скажу, что у меня нет догматизма. Мне Мейерхольд в очень многих постановках не нравится, но, когда я увидел «Ревизора», я сказал, что это шедевр. Мне даже неважно, было ли в Гоголе то, что он вынул из Гоголя, а важно то, что он мог из Гоголя сделать. Я хочу развить такую мысль – когда художественная энергия и то, что мы когда-то называли красотой, это, конечно, не та красота в статическом смысле, которую многие сейчас защищают, что вот эта красота заключается в известной электризационной энергии, электризирующей не только наш рассудок и чувство, но и волю, претворяющей нас с головы до ног. В этом смысле, поскольку основное в жизни заключается в социально-волевом начале, постольку в жизни не очень важно бывает абстрактно и рассудочно понять до конца. Если бы провели какие-нибудь анкеты между писателями, то они часто бы отвечали: «я тут не знаю, что сказать». Когда я сел писать «Серебряного голубя», я увидел «Зимнюю канавку» из «Пиковой дамы». Я увидел нечто, напоминающее краски, и нечто, напоминающее звук, но не звук. Я мучительно хотел как бы краску уплотнить до цвета, ибо это было краскоподобное переживание, и услышать звук, и вдруг это связалось во мне с арией Чайковского из «Зимней канавки», и тогда мне представилась совершенно ясно Зимняя канавка, представилась черная карета с красным пятном, можете себе представить, что я бросился догонять ее, и вот мое переживание, как будто она остановилась перед желтым домом, и оттуда выскочил Аполлон Аполлонович Аблеухов, которого я написал в «Петербурге». Я гонялся за ним и вытянул весь «Петербург», и за то, что я вытащил «Петербург», Струве швырнул мне мой журнал

[119] *В оригинале первоначально*: ощупью.

и сказал, что я не только не буду печататься с «…», но и вообще не буду печататься. Потому что под флагом 1905 года говорилось о чем-то большем. Это не мистика, это просто известный процесс в изложении образа, в концентрации волевой энергии. Гоголь, получая социальный заказ, получал его так, как я получал свой социальный заказ или, вернее, спрос. В свое время спрос шел от тех слоев моих читателей, которых я очень редко видел. Ко мне забегали студенты, курсистки. А вместе с тем я надевал сюртук и шел в общество свободной эстетики. Гоголь был человек, выражаясь словами т. Ермилова, действительно под властью стихии. Это вовсе не мистика. Правая рука его не знала, что делает левая. Мне был заказан роман «Серебряный голубь». Приказано: завивай, гофрируй, стреляй афоризмами. Я импровизировал о Бебеле, Гегеле, а я в это время сидел в чайных, разговаривая с извозчиками. Я только тогда понял, что сидение с извозчиками – есть собирание материалов для писания «Петербурга», который я написал через пять лет. Вот то, что я переживал, это я пытаюсь осознать как конфликт между спросом и заказом. Заказ, несомненно, есть и не есть. В том смысле, что художник выполняет какой-то заказ, он есть, но он не есть в том смысле, что вынь да положь к завтрашнему дню. Пусть издатель знает, что не всякий момент расскажешь, что рассказанный даже самому близкому другу момент есть убитое место. Напишешь всегда не то, что рассказал. И вот в Гоголе борьба между спросом и заказом шла всю жизнь. Спрос шел от Белинского и тех, кто позднее явился левым крылом в русской жизни, а заказ внушался шепотком в ухо друзьям, которые хотели опекать и опекали Гоголя, а кто не опекал его? Даже Жуковский, который спал, в то время как Гоголь читал. Гоголь даже сжег одну вещь, потому что при чтении этой вещи Жуковскому тот заснул. В результате судьба загнала Гоголя. Я говорю о том несчастном человеке, который в силу всесильной судьбы, попал в […][120]

…в этом смысле и «Переписка с друзьями», процесс ужасных мучений Гоголя. Например, Гоголь до такой степени чувствовал неблагополучие будущего, что в одном из писем он заявляет: «если бы я рассказал все то, что я знаю, ты бы убежал». Его давило какое-то предчувствие неблагополучия, того неблагополучия, которое принесет с собой буржуазия. Гоголь совершенно не понимал ни политической революции, ни социальной. Это было для Гоголя разрушением. Ему мерещился на краю горизонта новый человек. И в этом отношении Гоголь всегда был или холодным, или горячим – теплым он никогда не был. Поэтому, если мы не видим живого Гоголя в идеологии, ищи его в линии…. Что же мы видим в произведениях Гоголя? Мы видим заряженность эффектом каким-то, ощупь мелочей, красок, цветов и всего того, за что меня упрекали. Вся моя книга не есть идеология, а показ какой-то громадной зарядки. Я знаю, что то, что заряжает, что электрическая энергия не может быть нереволюционной. Нет контрреволюционной энергии. Гоголя в наши дни мы обязаны прощупать. И вот в этой переощупи открывается вторая линия, которую, по-моему, не увидел Художественный театр. У Художественного театра не было даже проблемы этой

[120] *Не дописано*.

переощупи, не было никакой проблемы боя за Гоголя. Потому что оттого, что Гоголь с нами или против нас… его можно сделать совсем другим. Тут второй вопрос, которого я не мог коснуться, это то, что творческая энергия есть энергия волевого тока высокого напряжения и не только мозгового – абстрактного. Только те произведения вечны, которые неперерассудочны, в которых авторский субъект нерассудочен. Сознание всегда одинаково индивидуалистически формальное, замкнутое в себе, не питающееся соками коллектива, в этом смысле то произведение, которое слишком ясно, – всегда умирает. У меня есть такая, как бы сказать, теория, в которой в каком-то смысле произведение автор не должен закончить идейно до конца, ибо автор, закончивший свое произведение, – это законченный человек. Никоша Гоголь, который сказал: «это мое, это я знаю», – маленький мещанчик. Очень часто плохие критики требуют, чтобы писатель сделался маленьким мещанчиком. Тот заряд энергии, который имеется у художника, он превышает[121] мозговое сознание. Кто-то сказал, кажется, Луначарский, что поэт – есть рупор коллектива. Эта власть какого-то коллектива в прошлом периоде выражается в мистическом культе, в музе, Аполлоне. Гоголь ощущал эту власть. Тот коллектив, который сделал Гоголя, ощущал гипертрофию… В этом смысле Гоголь, когда он замудрил, когда он был рассудочен, все разлезалось. Он боролся с этим. Он шел наперекор и сорвался. Он умер. И поэтому он не мог закончить Чичикова. Собакевич – тип, обобщающий круг Чичикова. Он обещал, что появятся такие лица, о которых вы не подозреваете. Он хотел оправдать как-то Чичикова в третьем томе, но эта фигура не оправдываема. Он хотел создать положительный, громадный тип, но в поле его зрения был генерал-губернатор…

Так вот я думаю, что я ответил тов. Паушкину на вопрос о мелкобуржуазности, от которой я не отказываюсь – из кожи не вылезешь, но лезть надо. Что касается реакционности и эстетики, – я уже указал, за какую эстетику я буду драться. Теперь о Костанжогло, что у него реакционная философия. Тут придется еще сказать несколько слов. Тов. Ермилов правильно указал. Если бы я теперь имел возможность, я внес бы эти поправки. Тут не капитализм по прямому проводу. Но Костанжогло все-таки новая фигура в землевладении. Неизвестно опять-таки его прошлое. Он ведь революционизирует хозяйство. Суть даже не в Костанжогло, а в отдельных причинах. Когда я над этим задумался, я взял историю Ленина…

У меня был спор с одним народником, который меня упрекал: «Как Вы можете называть Костанжогло капиталистом, ведь это не что иное, как землевладелец», только там звучали еще какие-то народнические нотки. И я прочел Ленина об истории капитализма. Ленин великолепно вскрывает процесс капитализации, который не определяется внешними признаками, он происходит задолго. Не было бы борьбы с кулаком, если бы мы стояли в том примитивном общении, о котором мечтали народы. Стало быть, я беру не самого Костанжогло, но он продукт каких-то сил, и он может быть и Щукиным в стадии разви-

[121] *В оригинале далее забито на машинке*: тот заряд.

тия и дальнейшего пути. Но у Гоголя, который не знает социальной значимости Костанжогло, Костанжогло говорит, что есть человек, которого он сделал бы министром финансов, у него в руках вся Россия. И он называет Муразова. Но тот Муразов, который превышает Костанжогло, насколько Костанжогло превышает Чичикова, имел такой отказ в красках, что Гоголь начинает функцию Муразова – министра финансов тем, что посылает его золотить колокола. Он описывает круг, и появляется великий мертвец из «Страшной мести», и ультра-красное делается ультра-фиолетовым. Это очень интересная вещь, что за пределами гоголевского горизонта, вот тут-то бы и встал Левиафан, а на занавеси сусальным золотом нарисован министр финансов – золотильщик колоколов. Мы должны сорвать с Гоголя эту муразовщину, оттереть его и сотворить его таким, каким он нам нужен. Нам нужно, чтобы были некоторые динамические образы, в которых можно, в этом смысле я при всем моем почтении к классикам, тов. Паушкин, очень большой революционер. Мне до классиков наплевать, но я хочу стоять читателем-классиком, стоять с творцом, ибо они живут, до себя они жили в создающем их коллективе и будут жить в читателях. В читателе заключено максимальное творческое начало, надо расколдовать эти читательские силы. Борьба за читателя – есть борьба нас, которые хотят писать для масс, для тех масс, которые бы нас в максимальной степени поставляли через головы абстрактных критиков. Я говорю не против критиков, а против той манеры, которая установилась в критиках, которая заранее все измерит и взвесит, и начинают учить. Разумеется, от этой науки, как от «демьяновой ухи». Тебя из революционера делают контрреволюционером. Мне хочется, чтобы Гоголь был одним из динамических рычагов к жизни, но Гоголь перефразированный, перетворенный, а не Гоголь «Переписки». Разумеется, я не хотел вложить «Переписку» в смысле тенденции Гоголю. Что касается т. Левидова, то мне трудно ему возражать, ибо он наделал мне целый ряд комплиментов, и вместе с тем за него не ухватишься. Он наговорил много блестящих вещей, но или я на все это уже ответил, или никак не ответил, ибо все это двусмысленно, трехсмысленно. По-моему, Чичиков незаконченный портрет, но и врубелевский портрет Брюсова не закончен, однако это – лучший портрет Брюсова. И незаконченный портрет Чичикова удался, как ничто не удалось Гоголю. Что же касается того, что я обладаю каким-то пиететом к Гоголю, то я должен сказать, что Гоголь мне был даже далековат, но по мере того, как я проводил эту большую работу, противление против Гоголя переходило у меня в пафос восторга, но это есть итог ощупи материалов. Поэтому все упреки в легкомысленности и необоснованности, которые я слышал от тов. Левидова, я отвожу только тем, что все это я осветил десятью-пятнадцатью страницами моей книги.

…Поэтому я был обречен, не от полноты цитатного материала, а от того, что я утверждал в смысле не основной идеологии Гоголя, а в смысле отдельных штрихов. Например, почему я говорю о фигуре повтора. Я мог бы 40 страниц прочесть об этом и о гиперболе. Я говорил об этой фигуре повтора, поскольку это один из признаков, который не был в Художественном театре, как и многие

другие. Не потому что повтор – основная стилистическая фигура Гоголя. Почему я отметил, что для Гоголя этот повтор – есть отличительная черта. Я знаю, что и у Диккенса это есть. Но Гоголь делает из трехструнной балалайки рояль[122]. Когда говоришь о повторе Гоголя, приходится создавать новую науку, а в некоторых науках обойтись без определенных методологических приемов нельзя. О повторах звуковых писал Брик. Пользуясь тем, что о повторах звуковых не было сказано никем, я беру эту статью и показываю, что вся ткань Гоголя не только это, но и очень многое другое. Ведь ученые не ограничиваются тем, что аморфная материя – это…

Известно, что у Гоголя непочатый угол повторов. О них надо писать, я их описываю, поскольку они никем не описаны. Мне приходится вводить новое схематизирующее начало. Я беру слова, буквы и больше ничего. Растолкуйте вашей сумасшедшей слушательнице[123] это. И вот если бы вы взглянули на ткань Гоголя и увидели, что Гоголь строит здесь, ни Диккенс, никто другой не выделывает таких чудес; он доводит это до такой утонченности… Если вскрыть звуковую ткань Гоголя – то тут непочатый угол. Вы знаете, что нет аллитер[ационного ?] слога.

Что касается вашего указания на то, что Гоголь риторичен, что все со знаком минус… А это описание природы.

ЛЕВИДОВ. – Чисто механическое описание, лишенное всякого чувства…

[А. БЕЛЫЙ.] – Хотите, я прочту вам «Страшную месть»? Здесь нет, конечно, ширины и длины. Гоголь берет середину. Что переживает колдун, он только что совершил убийство, он в ужасе… Он изучал астрологию в Венгрии… «Только звезды глядят в глубине»… А ведь по звездам читают судьбу. Тут изумительный склик мелочей. Одно дело брать «Чуден Днепр при тихой погоде…» как образец риторики, другое дело брать в коллизии с другими сценами. Что такое колдун, что такое пан Данило? Надо знать, что цвета Днепра и пана Данила одинаковы, синий цвет противостоит черному. Когда он умирает, он седеет, как Днепр. Днепр сердится, это угроза колдуну, колдун боится… А эта потрясающая встреча, когда он прибежал к схимнику… Или почему сравнение, помните, у казака кончается так, что, когда разметаются тучи, волны плещут и переходят в образ казака, за которым прибегает мать и плачет. Дело не в мистике. Ткань образов у Гоголя, построение, как лейтмотив «Страшной мести» в пани Катерине, ее плач, подобный дереву, который в тихий час вечера… Цвета розовые и голубые… Ведь этот лейтмотив, в этом гениальная сила Гоголя. Эта система лейтмотива – одно из величайших музыкальных произведений. В этом произведении «Чуден Днепр при тихой погоде…», он из композиции не выключаем. Если взять на фоне цветов, то в этом месте есть оскаленность. Это подано сквозь призму «Днепр серебрится, как волчья шерсть». Ведь это Днепр сквозь психологию будущего убийства младенца. Когда говорят о колдуне, пани Кате-

[122] *В оригинале предложение вписано чернилами сверху над*: что и у Диккенса это есть. Когда говоришь о повторе.

[123] *В оригинале впечатано над забитым на машинке*: читательнице.

рина вынимает ручник и вытирает… Пан Данило курит люльку, и ребенок лежит в люльке. Тут каламбур: люлька и люлька… Ребенок тянется за красной люлькой… Через два часа ребенок зарезан… Вот какой Днепр! Когда его разглядишь, то увидишь, что сделан он первосортно.

Гоголь в первый период творчества работал на другом материале. Этим определяется то, что мы называем риторикой. Когда работаешь на стекле, получается иной реализм. Тут не стекло, а мысль… Я мог бы много говорить, как надо переоценить «Вечера на хуторе близь Диканьки». Это основная мысль всей моей книги. Книга не понята. Какая громадная социальная идея вложена в «Вечерах на хуторе близь Диканьки». Гоголь это сознает лишь в процессе работы[124]. Тут надо понимать, что такое социальный заказ, где иноземец разрастается в чудовище. Ведь он убивает наповал все то, что он воспевает. Он как бандурист ходит по вечерам, как бандурист-актер, имеющий миссию дискредитировать то, что звучит в песне. Но там, где он отдается природе, краске, там настоящее художество[125]. Моя основная стихия, почему я принялся за Гоголя, заключается в том, чтобы показать, в чем мой восторг. Пока я работал, от одних писателей, когда их читаешь, претит, а Гоголь, он как-то радиоактивен. Вместе с тем стыдно как-то. Ведь я обокрал Гоголя. Ведь весь «Петербург» написан из двух приемов «Шинели». Все приемы «Петербурга», я соединил высокого чиновника, весь стиль «Петербурга» – это «Шинель». В разрезе обывателя он останется Акакием Акакиевичем. Кроме того, я увидел Блока и бесконечно много этой темы просто вынул, и жест блоковский, и эротика, и «высосать кровь хочу». Эти болезни эротические, это тоже наследство Гоголя и Сологуба. Много Гоголя у Маяковского. Если вы мне разрешите для окончания прений и подтверждения моей мысли и мыслей Третьякова, с которым я совершенно согласен… В основном те указания, которые сделал тов. Ермилов, в основном мы перекликаемся, потому что то, что у него четко, трезво, социально звучит, у меня – надстройка, надстройка над сырьем. У меня, может быть, нет такой четкой социологии, потому что я строю индуктивно. Мне очень много мешает сырье, потому что мои выводы – надстройка над этой главой. Но в основном то, что говорил Ермилов, в этом и моя была тенденция – открепостить сознание Гоголя от черносотенности и перейти к независимому отношению к Гоголю, поскольку он высказывал благонамеренные мысли и поскольку его сырье идет на потребу нам.

Так вот, я позволю себе в завершение прочесть маленький отрывок из моей книги. Я беру Маяковского, можно было бы кого-нибудь другого взять, но я показываю, что нам есть над чем работать. Кончаю я книгу о Гоголе главой о Мейерхольде. (*Читает*.)

Вот мой итог, к чему я пришел. Если в моем реферате чувствовалось нечто подобное восторгу, то это не академический восторг, а невольная испарина. На

[124] *В оригинале предложение впечатано сверху над* идея вложена в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

[125] *В оригинале далее забито на машинке*: настоящие стихи.

этом я заканчиваю. Повторяю, моей ошибкой было то, что я пришел с рефератом о «Мертвых душах», а следовало бы вскрыть социальные мотивы Гоголя. Прошу извинения у аудитории, и, в конце концов, сейчас, с указаниями, сделанными здесь, может быть, я вас впредь не введу в заблуждение.

РОССОВСКИЙ. – На пленуме оргкомитета тов. Белый, обращаясь к марксистской критике, сказал: «Давайте выяснять спорные вопросы, давайте творчески драться».

Мне думается, что в своем очень глубоком, интересном, хотя в известной части и спорном докладе Бор[ис] Ник[олаевич] начал «драку», отойдя, в общем, от тех творческих позиций, которые он раньше занимал.

В докладе и заключительном слове имеются спорные моменты. Они идут, как правильно указал тов. Ермилов, главным образом, по линии неверного решения им проблемы необходимости и случайности.

Бор[ис] Никол[аевич] дал чрезвычайно интересный и поучительный анализ гоголевского стиля и его деталей, но «детали» в толковании Бор[иса] Никол[аевича] приобретают подчас самодовлеющий, насквозь рационалистический, а то и символический характер. Благодаря этому в ряде случаев получается снижение гениального реалиста Гоголя до символизма.

При всем этом, повторяю, Бор[ис] Ник[олаевич] начал решительный отход от старых позиций, он не только вступил в «творческую драку», но и протянул руку марксистским критикам. Мы отвечаем ему крепким товарищеским рукопожатием и ждем дальнейших его шагов к марксистскому пониманию явлений.

Наша дискуссия проходила без театра. Мы можем выразить по этому поводу лишь сожаление и удивление. Резкая критика постановки «Мертвых душ» (я уже не говорю о чрезмерных резкостях, от которых отказался и Бор[ис] Николаевич) никак не может рассматриваться как нападение на театр. МХТ-1 – наша гордость, мы прекрасно учитываем огромную культурность и значение театра. Кто-то бросил в прениях фразу о немощности театров. Это ерунда. Мы великолепно учитываем огромные творческие силы МХАТ. Мы уверены, что МХТ под руководством К.С. Станиславского даст блестящие образы советского театрального мастерства.

Именно потому что МХТ-1 велик, именно поэтому важно разобраться в его постановке и в его ошибках. Мы вообще должны основательно разобраться в классическом наследстве, и в этом отношении определенное значение имеет наш диспут.

Нет сомнения, что участие мхатовцев в дискуссии углубило бы, обогатило бы и диспут, тем самым всех нас и, несомненно, самих мхатовцев.

Наш диспут – не обычный всероскомдрамовский диспут. Он является как бы предисловием к той дискуссии, которая, несомненно, возникает на пленуме оргкомитета по докладу о драматургии.

Разрешите от имени всех собравшихся поблагодарить Бор[иса] Николаевича за доклад.

Литература

1. *Булгаков М.А.* Письма: Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. 575 с.
2. *Гладкова С.* Счастье общения // Воспоминания о Ф. Гладкове. Сб. М: Сов. писатель, 1978. С. 164–186.
3. *Гладков А.К.* О Белом // Гладков А.К. Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М: Сов. писатель, 1986. С. 278–282.
4. Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х гг.. М.: Наука, 2016. 1120 с.

References

1. Bulgakov M.A. *Pis'ma: Zhizneopisanie v dokumentah* [Letters: A Documented Life Story]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 575 p. (In Russ.)
2. Gladkova S. Schast'e obshhenija [The Happiness of Communication]. *Vospominanija o F. Gladkove. Sbornik* [Memories of F. Gladkov. Collection]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 164–186. (In Russ.)
3. Gladkov A.K. O Belom [About Bely]. Gladkov A.K. *Pozdnie vechera. Vospominanija, stat'i, zametki* [Late Evenings. Memories, articles, notes]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 278–282. (In Russ.)
4. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrej Belyj: Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registracionnye zapisi. Dnevniki 1930-h godov* [The Literary Heritage. Volume 105: Andrey Bely. Autobiographical corpora: A Biographical Material. An Aspect to the Diary. Registered Notes. Diaries of the 1930s]. Moscow. Nauka Publ., 2016, 1120 p. (In Russ.)

Discussion on Andrei Bely's lecture about the play «Dead souls» staged by the Art Theatre

Introduction by Natalia A. Drovaleva, Konstantin I. Plotnikov
Editing by Ekaterina V. Bezmen

Abstract: The opening night of the play «Dead Souls» in the Art Theater, staged by K.S. Stanislavsky, happened on the 28th November of 1932 and became a starting point for discussions in several institutions, including Vserosskomdram. The publication of the transcripts of Andrei Bely's lecture on «Dead Souls» (staged by the Art Theater) and the debate on this report brings to light the peculiarities of relationships within the literary community of the time. The materials presented serve to illustrate the work of the Vserosskomdram, its motives and reasonings.

Keywords: Andrei Bely, Gogol, the Moscow Art Theatre, Vserosskomdram, lecture, transcript, article.

Information about the authors:

Natalia A. Drovaleva, PhD student of Lomonosov Moscow State University, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: n.drovaleva@mail.ru.

Konstantin I. Plotnikov, PhD, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: k.i.plotnikov@gmail.com.

Ekaterina V. Bezmen, PhD, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: ebezmen@yandex.ru.

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-338-359
УДК 821.161.1

Авторские экземпляры сборника И.А. Бунина «Избранные стихи» (1929) в контексте источников научного издания[1]

Т.М. Двинятина

Аннотация: Статья посвящена анализу новонайденных в РАЛ (Русский архив в Лидсе, Великобритания) экземпляров сборника И.А. Бунина «Избранные стихи» (1929), в свое время задуманного автором как подведение итогов своего поэтического пути. Характерной особенностью работы Бунина со своими уже вышедшими изданиями было многократное, в разные годы и этапы жизни, обращение к текстам, уже известным современникам по прежним публикациям. Для задач научного издания первостепенное значение имеет вопрос, насколько точно можно определить последнюю волю, по которой Бунин хотел предстать перед будущими поколениями читателей. Анализ пяти экземпляров «Избранных стихов», впервые вводимых в научный оборот, говорит о том, что исправления вносились Буниным в несколько этапов: в середине 1930-х, второй половине 1940-х годов, затем в 1951-м и 1953-м годах. Начиная со второго этапа, обращение к «Избранным стихам» во многом совпадало с работой над томами собрания сочинений, выпущенного в 1934–1936 гг. в берлинском издательстве «Петрополис». Однако позднейшая работа Бунина со своими изданиями не была доведена до конца: с учетом новонайденных экземпляров стихотворного сборника каждое седьмое стихотворение Бунина не имеет итогового авторского варианта. Это подтверждает ранее высказанный и проведенный в издании «Стихотворений» Бунина в «Новой библиотеке поэта» (2014) принцип: в качестве основного текста научного издания лирики Бунина необходимо выбрать текст главной / последней прижизненной публикации, отнеся все вариации его более поздней правки в сопроводительные разделы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, архивные материалы, текстология, выбор основного текста, собрание сочинений

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе Ричарда Д. Дэвиса.

В последнем издании лирики И.А. Бунина (*БП*) вывод основного текста базируется на анализе всех известных публикаций бунинских стихотворений и авторских экземпляров его изданий, – прежде всего, двух этапных собраний его сочинений: *ПСС–1915* и *Петрополис* (1934–1936). В авторских экземплярах этих изданий содержится правка Бунина, оставленная им в разные этапы обращения к своим уже опубликованным, и, казалось бы, в окончательной версии зафиксированным стихотворениям.

Вспомогательными источниками *БП* явились авторские экземпляры сборников Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1916 и 1920) и «Чаша жизни» (1922), третьего тома Собрания сочинений Бунина, выходившего в 1900-е годы в издательстве «Знание» (1906), а также один неполный авторский экземпляр книги «Избранные стихи» (1929). Не скрепленные завещательной надписью Бунина, они тем не менее должны учитываться при определении его работы со своими текстами после их выхода в свет.

Разночтения, оставшиеся в авторских экземплярах Бунина, завизированных им для последующих изданий, и близким им по времени обращения, касаются 118-ти стихотворений[2] из включенных в *БП* 965-ти[3]. Уже одно это могло бы привести к тому, что основным текстом научного издания стал, как правило, текст главной / последней прижизненной публикации, а правка, которой этот текст подвергался в авторских (рабочих) экземплярах бунинских изданий, была отнесена в дополнительный раздел. Сочетание означенной особенности работы поэта с неуверенностью в отборе десятков текстов для будущих (посмертных) изданий[4] и колебаниями в датировках (эта

[2] Это 80 стихотворений, отличающихся в правке по авторским экземплярам *Петрополис* и *ПСС–1915* (одинаково визированным для будущих изданий), и 38 текстов, отличающихся в правке по авторским экземплярам названных собраний (прежде всего, *ПСС-1915*) и стихотворного тома «Знание» (*СС–1906–РАЛ*), который Бунин хоть и не снабдил завещательной надписью, но интенсивно правил в ноябре 1952 г., почти через 20 лет после работы над *ПСС-1915* и за год до смерти.

[3] За пределами *БП* остались неопубликованные Буниным ранние опыты и ряд «домашних» стихотворений поздних лет, не предназначавшихся Буниным для публикации. Если учитывать и их, то последнего авторского варианта оказывается лишена, по приблизительным подсчетам, десятая часть бунинского поэтического наследия. Подробнее см. в текстологической преамбуле: *БП*. Т. 1. С. 387, 407–409.

[4] Здесь надо иметь в виду не только стихотворения, сначала вычеркнутые Буниным из авторских экземпляров своих изданий, а потом снабженные пометой вроде «Нет, это можно оставить», и не только изначально как будто отобранные для будущих собраний, а после решительно выброшенные из них с репликами «вон!» или «вон навсегда!», но и те, рядом с которыми остался «?», означающий сомнение автора относительно возможной судьбы данного текста. Причем весь этот набор авторских решений мог – в разных экземплярах одного и того же собрания / издания – касаться одного и того же текста, так что учесть их в основной части научного издания решительно невозможно; в дополнительной же части – обязательно.

проблема затрагивает уже каждое пятое стихотворение[5]) еще более утвердили нас в верности этого решения. При всей жесткости завещательных надписей Бунина на его рабочих экземплярах вариативность утвержденных им же самим а) состава будущего издания, б) редакций основного текста и в) относящихся к одному и тому же стихотворению дат иного решения не оставляет.

Авторские экземпляры изданий Бунина рассеяны между разными архивами: ИМЛИ, РГАЛИ, РГБ, ОГЛМТ и РАЛ. Именно в РАЛ – точнее, в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе – находится основной массив творческих материалов поэта. В последнее время среди них удалось обнаружить еще несколько экземпляров «Избранных стихов», вышедших в парижском издательстве «Современные записки» в 1929 году. К этому времени Бунин уже отошел от стихов, о появившейся после Нобелевской премии возможности вновь издать свои сочинения в более полном объеме (*Петрополис*) не знал и рассматривал этот сборник как определенный итог поэтического пути.

В «Избранные стихи» было включено 205 текстов, практически все они (кроме двух стихотворений – «Как много звезд на тусклой синеве!..» и «Волны») перешли затем в *Петрополис*. Анализ позднейшей работы Бунина с этими текстами в найденных недавно авторских экземплярах «Избранных стихов» должен подтвердить или скорректировать избранный в *БП* принцип выбора основного текста научного издания лирики Бунина.[6]

Упомянутый выше, учтенный в *БП* неполный экземпляр [7] «Избранных стихов» (РАЛ. MS 1066/897) содержит несколько слоев правки. Первый слой по смыслу совпадает с правкой в авторских экземплярах *ПСС–1915, 1* и *ПСС–1915, 3* и сделан теми же красным, простым и синим карандашами, что при работе с *ПСС–1915*. Таким образом, можно полагать, что на первом этапе работа с этим экземпляром «Избранных стихов» велась примерно в то же время, что и над *ПСС–1915* при подготовке *Петрополис*, а именно в

[5] См.: *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: Датировки (Проблемы текстологии. IV) // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 215–240.

[6] На сегодняшний день известно еще о двух авторских экземплярах «Избранных стихов». Один из них, присланный вдовой Бунина А.К. Бабореко и содержащий пометы Бунина, упоминается, в частности, в текстологической преамбуле к комментариям: *Бунин–9, 1*. С. 521; *Бунин–6, 1*. С. 577. В *ЛН, 1* (с. 201) указан ее шифр: ИМЛИ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 67. Однако в российских архивах книга не обнаружена и была, по всей видимости, утеряна. Второй, также утраченный, экземпляр сборника был прислан В.Н. Буниной О.Н. Михайлову и погиб во время пожара в его доме (сообщение С.Н. Морозова).

[7] Возможно, точнее было бы назвать его собранием листов, вырванных из других экземпляров (некоторые листы представлены дважды).

1934–1935 годах. Второй слой включает в себя правку Бунина черными чернилами, синей и красной шариковыми ручками, что позволяет датировать их <1947–1953 гг.> (по аналогии с датированными надписями на томах *Петрополис*). Третий слой образуют поправки, внесенные уже В.Н. Буниной (вероятно, в 1951–1953 годах).

Теперь рассмотрим новонайденные экземпляры «Избранных стихов».

РАЛ. MS 1066/10201. Вклеена фотография Бунина с его надписью от руки «Париж, апрель 1929 г.». Правка внесена В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). <1951–1953 гг.>[8]

РАЛ. MS 1066/10202. С дарств. надписью И.А. Бунина: «Милому Леониду Федоровичу Зурову с самыми лучшими пожеланиями. Ив. Бунин». Правки нет. <1930-е гг.>

РАЛ. MS 1066/10203. С дарств. надписью Л. Ф. Зурова: «Дорогой Милице Эдуардовне <Грин> на добрую память. Л. З. 1955 г. Paris». Правки нет. 1955 г.

РАЛ. MS 1066/10204. Правки нет. Б. д.

РАЛ. MS 1066/10205. На обл. рукой И.А. Бунина: «Ив. Бунин. Декабрь 1936 г. Париж». Правка <И.А. Бунина> (синий и простой карандаши) и В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Неполный экз. Декабрь 1936 г.; <1951–1953 гг.>

РАЛ. MS 1066/10206. На обл. рукой И.А. Бунина (синяя шариковая ручка): «[Исправленный экз.] Испорченный»; «Стр. 143. NB. 132» <на этих страницах напечатаны стих. «Райское древо» и «Малайская песня»>. Правка И.А. Бунина (синяя и красная шариковые ручки), в стих. «Долина Иосафата» – В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Неполный экз. <1951–1953 гг.>

РАЛ. MS 1066/10207. На обл. рукой И.А. Бунина: «NB Стр. 105, 132, 160» <на этих страницах напечатаны стих. «Мушкет», «Малайская песня», «Аленушка»>. Правка И.А. Бунина (синие чернила, синяя и красная шариковые ручки) и В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Между стр. 22 и 23 (стих. «Багряная печальная луна…» и «Обрыв Яйлы. Как руки фурий…») вложен лист, на котором рукой И.А. Бунина написано: «1903 г. Сюда “Одиночество” – И ветер и дождик и мгла… Заглавие зачеркнуть»[9]. Между стр. 26 и 27 вложен лист, на котором ру-

[8] Здесь и далее датировка правки в авторских экземплярах основана на использовании И.А. и В.Н. Буниными чернил и шариковых ручек при сопоставлении с авторскими экземплярами *Петрополис* (в частности, с датированными надписями на обложках томов *Петрополис*): синей шариковой ручкой Бунин пользовался, начиная с 1951 г., красной шариковой ручкой – начиная с августа 1952 г.

[9] Эта помета впредь должна войти в текстологическую легенду стихотворения, которое в разных источниках датировалось Буниным то 1903-м, то 1905-м годом, и в одном

кой И.А. Бунина написано: «И меж пальцев течет не вода, а несметные / Искры синего пламени – Жизнь» (см. стих. «Жизнь»), и вырезки из издания *ПСС–1915, 3* с фрагментами стих. «Жизнь», «Канун Купалы», «Горе», «Голуби», «Огонь». Неполный экз. <1947–1953 гг.>

РАЛ. MS 1066/10208 [10]. В верхней части обл. рукой И.А. Бунина: «Для нового издания» (синяя шариковая ручка); далее рукой В.Н. Буниной под заглавием «Избранные стихи»: «Издание исправленное и дополненное»; выходные данные «Издательство “Современные записки” Париж 1929» зачеркнуты (то и другое – красной шариковой ручкой); ниже: «Проверенный В.Б.» (синие чернила). На титульном листе выходные данные также перечеркнуты. Правка рукой И.А. Бунина (синяя шариковая ручка) и В.Н. Буниной (синие чернила, синяя и красная шариковая ручка). Неполный экз. <1947–1953 гг.>

Из этого описания следует, что релевантными для дальнейшего анализа оказываются пять экземпляров: MS 1066/10201[11], MS 1066/10205, MS 1066/10206, MS 1066/10207, MS 1066/10208, имеющие ясные приметы работы с ними автора.

Попытаемся восстановить ход работы Бунина, включив в рассмотрение ранее известный экземпляр MS 1066/897.

Видимо, этот экземпляр является наиболее ранним: как уже сказано, Бунин работал с ним еще при подготовке *Петрополис*. Следующим по времени оказывается MS 1066/10205, – об этом свидетельствует дата на обложке «Декабрь 1936 г.» и правка, сделанная карандашами (как это было и при работе Бунина с другими своими изданиями в 1930-е гг.). Три других экземпляра Бунин правил примерно в одно и то же время: сначала во второй половине 1940-х годов (если соотносить работу над «Избранными стихами» с работой над *Петрополис*, то это август 1947 г.), затем в 1951–1953 годы. Часть исправлений во всех экземплярах сделаны В.Н. Буниной в 1951–1953 годах. Надпись на MS 1066/10208 «Для нового издания», на первый взгляд, склоняет отдать этому экземпляру предпочтение перед остальными. Но она не содержит даты, что не характерно для работы Бунина со своими изданиями [12], и в целом должна восприниматься в контексте аналогичных надписей на авторских экземплярах томов *Петрополис*.

из авторских экземпляров (*ПСС–1915, 3 – РАЛ*) уже осталось с вычеркнутым заглавием. См.: *БП*. Т. 1. С. 506–507.

[10] Далее при указании на тот или иной экземпляр «Избранных стихов» из РАЛ, прямо приводится шифр единицы хранения: MS 1066/…, при перечислении нескольких начиная со второй – только номер.

[11] Хотя все поправки в этот экземпляр вносились только В.Н. Буниной, они не всегда имеют источник в правке самого Бунина и должны учитываться в истории текста.

[12] Так, некоторые тома *Петрополис*, с которыми работал Бунин, имеют по две-три последовательно сменявшие друг друга даты, последовательно обозначавшие время обращения к ним автора, см.: *БП*. Т. 1. С. 421-425.

Как показывает опыт сличения авторских экземпляров *Петрополис*, даже при наличии на томах одновременно сделанных завещательных надписей версии текстов могут отличаться друг от друга. Примерами могут служить по-разному исправленные в синхронных экземплярах томов *Петрополис* стих. «Два голоса», «Ночная змея», «Летняя ночь», «Ночь зимняя мутна и холодна…» (*Петрополис, 3*); стих. «Венеция» («Восемь лет в Венеции я не был…»), «Теплой ночью, горною тропинкой…» (*Петрополис, 4*); «Кончина», «Зимой», «Глупая ссора» (*Петрополис, 5*); «Прокаженный», «Гора Алагалла», «Райское древо» (*Петрополис, 6*); «Шепнуть заклятие при блеске…», «Уж нет, не может быть возврата…», «Москва» (*Петрополис, 8*) и др.[13] В 1951–1953 годах, и особенно интенсивно в апреле–июне 1953 года Бунин работал параллельно с *несколькими* экземплярами *Петрополис*. Последняя его правка (по датирующей надписи на *Петрополис, 2 – РГБ*) внесена 20 октября 1953 года: меньше, чем через месяц, Бунина не стало. Разночтения в правке особенно ясно проступают, начиная с третьего тома – *Петрополис, 3* (хотя для будущих изданий визированы все тома). Несомненно, что колебания Бунина в выборе того или иного варианта текста были остановлены самим временем, а не завершением работы и окончательно выраженной личной волей.

Таким образом, даже строгая и датированная визирующая надпись еще не означала окончания работы Бунина над текстом, и, даже если бы на MS 1066/10208 она была таковой, то только на ее основании с уверенностью предпочесть этот экземпляр остальным было бы опрометчиво. Правка «скачет» из экземпляра в экземпляр, и «условно визированный» MS 1066/10208 может содержать нетронутый текст, и другой – очевидно, параллельный экземпляр – может сохранить тот же текст с правкой. В этой ситуации первостепенное значение приобретает сопоставление правки и ее анализ в каждом конкретном случае.

По всем ныне известным авторским экземплярам «Избранных стихов» те или иные поправки и/ или отметки, сделанные И.А. Буниным или его женой, В.Н. Буниной, имеют 37 текста (из 205 включенных в издание).[14] Рассмотрим их, разделив по группам и дополнив описание каждой из них ответом на сопутствующий вопрос.

[13] Подробнее см. в текстологической преамбуле в: *БП*. Т. 1. С. 382-386.

[14] В это число не входят стихотворения, перечеркнутые в авторских экземплярах Бунина. (Как показывает опыт работы с авторскими экземплярами бунинских собраний (прежде всего, *ПСС–1915*), перечеркивание могло означать, что стихотворение вовсе изымается из будущего поэтического наследия автора, либо, напротив, отбирается для следующего издания, либо вообще не рассматривается в данном конкретном экземпляре издания.) Кроме того, мы не описываем здесь замену римских цифр в обозначении месяцев на арабские (характерная черта всей поздней работы Бунина со своими изданиями)

Правка согласована по экземплярам «Избранных стихов» [15] ***и в целом соответствует правке в (поздних) экземплярах Петрополис. Когда Бунин работал с «Избранными стихами»?***

В данном случае речь идет о таком варианте текста, который не вошел в его печатную историю, но уже был известен нам по текстологической «легенде» и в ее составе отражен в *БП*. Анализ того, с какими авторскими экземплярами *Петрополис* этот вариант совпадает, а с какими нет, позволяет косвенно судить о времени работы с авторскими экземплярами «Избранных стихов».

Так, изменение заглавия в стих. **«Невестка»** (1913) на «*Отрава*», отсутствующее в *Петрополис, 4 – РАЛ (1)*, – Бунин датировал его 1947-м годом, появляется в трех экземплярах берлинского собрания, с которыми автор работал в 1951–1953 годах (*Петрополис, 4 – РГБ (1, 2), РАЛ (2)*), и в двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/897, 10206). Так возникает «нижняя граница» правки – не ранее 1947 г.

Правка стих. **«В дачном кресле, ночью, на балконе…»** (1918)[16] совпадает с правкой его во всех авторских экземплярах *Петрополис, 8*, один из которых (*Петрополис, 8 – РГБ*) датирован мартом 1951-го, а два других (*Петрополис, 8 – РАЛ (1, 2)*) – маем 1953 года. Значит, следующие коррективы были внесены Буниным в 1951 году (между <1947> и 1951 гг. Бунин с томами, судя по всему, не работал).[17]

Единичные поправки в стих. **«Луна»** (1917)[18] и **«Дочь»** (1916, 1923)[19] совпадают с поправками в *Петрополис, 8 – РАЛ (1, 2)*, сделанными в мае 1953 года, и отсутствуют в *Петрополис, 8 – РГБ*, который Бунин держал в руках раньше, в марте 1951 года. Соответственно, часть правки сделана в мае 1953 года и, может быть, чуть позже.

и сугубо пунктуационные исправления, сделанные Буниным в том или ином экземпляре «Избранных стихов», – их можно будет учесть в полном собрании.

[15] Так как рассматриваемые ниже стихотворения присутствуют не во всех авторских экземплярах «Избранных стихов», мы считаем согласованной такую правку, которая совпадает, будучи внесена в два и более экземпляра. Случаи правки текста только в одном экземпляре «Избранных стихов», при неизменности в других экземплярах издания, оговариваются.

[16] Ст. 2: [Океана] *Моря* колыбельный шум… (MS 1066/897, 10201, 10207, 10208).

[17] К этому же времени, очевидно, относится и единственный случай «возведения» текста «Избранных стихов» к тексту *Петрополис, 6*: в три экземпляра (MS 1066/10201, 10207, 10208) в стих. **«Малайская песня»** рукой В.Н. Буниной вписан эпиграф: «L'éclair vibre sa flêche… *L. de Lisle*». Запись сделана одной и той же синей шариковой ручкой (то есть не раньше 1951 г.), с одним и тем же наклоном букв и в одном и том же (верхнем правом) углу страницы, – вероятно, она была перенесена из *Петрополис* сразу в три экземпляра издания.

[18] Ст. 1: Настанет Ночь моя, Ночь [долгая] *вечная*, немая, (MS 1066/10207).

[19] Ст. 9: [Мне почему-то] *Не по себе мне*, тяжело, (MS 1066/10201, 10208).

Правка **«Гробницы Рахили»** (1907 или 1908)[20] и **«Цирцеи»** (1916)[21] полностью совпадает с правкой этих текстов во всех авторских экземплярах *Петрополис, 1* и *Петрополис, 6*, с которыми Бунин работал летом 1953 года. В совокупности с другими особенностями (обилием исправлений красной шариковой ручкой, постепенно «заглушавшей» синюю, твердостью почерка и характерным наклоном букв) мы склонны считать это время основным периодом работы Бунина с экземплярами «Избранных стихов».

Стих. **«Караван»**, не тронутое в *Петрополис, 2 – РАЛ (1, 2)*, которые Бунин перечитывал соответственно в ноябре 1952-го и апреле 1953-го, тем не менее правится в трех экземплярах «Избранных стихов» [22], и это исправление отражается также в *Петрополис, 2 – РГБ* (последняя дата на нем – 20 октября 1953 г.). Следовательно, время работы Бунина с «Избранными стихами» можно продлить до второй половины октября 1953 года, то есть до последних недель его жизни.

Таким образом, работа над «Избранными стихами» шла в самый последний период жизни Бунина, не раньше 1951-го, и вероятнее всего – в конце весны – начале осени 1953 года.

К этой же группе отнесем другие тексты, согласованная правка которых в экземплярах «Избранных стихов» не полностью совпадает с правкой в экземплярах *Петрополис*.

Например, во всех авторских экземплярах *Петрополис, 6* и в четырех экземплярах «Избранных стихов» в стих. **«Просыпаюсь в полумраке…»** (1915) Бунин зачеркивает строфу III («Счастлив этим финским утром…») и вносит правку в ст. 14[23], но ремарку «Петербург», которую можно расценивать и как заглавие, и как место написания стихотворения, он в рабочие экземпляры «Избранных стихов» не заносит.

Во всех авторских экземплярах *Петрополис, 5* и в трех экземплярах «Избранных стихов» единообразно исправлены две строки в стих. **«Зимой»** («Покрывало море свитками…», 1916)[24], но в экземплярах «Избранных стихов» без изменения оставлено

[20] Ст. 8–9: И с трепетом целую [прах] *мел* и пыль
На этом камне, [женственном] *выпуклом* и белом… (MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

[21] Ст. 3: Зелень глаз и [трепещущий] *аттический* нос – (MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

[22] Ст. 11: [Прильнув] *Склонясь* лицом к верблюжьей теплой шее! (MS 1066/10201, 10206, 10208).

[23] Ст. 14: Запах кофе, [яркий] *люстры* свет, (MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

[24] Ст. 3: Берег с [глупыми] *пестрыми* кибитками
Ст. 5: [Слава Богу –] *Вот зима – и* за туманами (MS 1066/10201, 10207, 10208).

его заглавие, которое в *Петрополис, 5 – РГБ* просто зачеркнуто, а в *Петрополис, 5 – РАЛ (2)* заменено на «Атлантик» (при том, что работал Бунин с этими экземплярами в апреле 1953 г. одновременно и на обоих оставил надписи о том, что тексты исправлены для нового издания).

Просматривая стих. **«Летняя ночь»** (1912), Бунин в четырех экземплярах «Избранных стихов» последовательно исправляет ст. 9[25], но только в двух из четырех авторских экземплярах (*Петрополис, 3 – РГБ (2)*, *РАЛ (2)*) мы встречаем тот же вариант замены, – в двух других, с которыми Бунин тоже работал весной 1953 года, их нет.

Наконец, стих. **«И цветы, и шмели, и трава, и колосья…»** (1918), заключительная строчка которого переправлена в трех авторских экземплярах «Избранных стихов»[26], совпадает только с вариантом *Петрополис, 8 – РАЛ (2)*; в синхронном с ним (май 1953 г.) *Петрополис, 8 – РАЛ (1)* правка иная[27], а в более раннем *Петрополис, 8 – РГБ* (март 1951 г.) ее вообще нет.

Четыре последних стихотворения – примеры нередкой у Бунина несогласованной правки в одновременных и равноправных источниках, о которых мы уже говорили и о которой придется говорить еще.

Правка согласована, но не соответствует правке в экземплярах Петрополис. Как меняется история текста?

Конечно, до сих пор не известные варианты стихотворений, возникшие при пересмотре Буниным «Избранных стихов» в последние месяцы жизни, продлевают историю текста и дают представление о том, какими видел их автор, оглядываясь назад[28]. Здесь мы можем только перечислить те изменения, которым Бунин подверг свои произведения.

В стих. **«Багряная печальная луна…»** (1902) в двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201 и 10208, который обозначен на обложке как «Проверенный»), рукой В.Н. Буниной исправлена – и так, что получился новый образ –

---

[25] Ст. 9: [Берет] *Глядит в* худое личико: – «Что милый?» (MS 1066/897, 10201, 10206, 10207, 10208).

[26] Ст. 8: К милосердным [коленям] *Коленам* припав. (В MS 1066/10208 правка внесена Буниным, в MS 1066/10201 и 10207 В. Н. Буниной.)

[27] К *М*илосердным *К*оленям припав.

[28] До сих пор на примере экземпляра «Избранных стихов» (MS 1066/897) нам было известно только два таких случая – поправка, внесенная Буниным в текст стих. **«Москва»** («Темень, холод, предрассветный…»), и вычеркивание двух строк из стих. **«Петух на церковном кресте»**, см. *БП*. Т. 2. С. 451-452, 465-466.

ст. 8: И допотопной [лилией] *розою* краснеет[29].

В тех же экземплярах «Избранных стихов» меняется (и тоже рукой В.Н. Буниной) один эпитет в стих. **«Морская краса»** (в *Петрополис* без загл.; «Уж как нà море, нà море…»; 1923):

ст. 11: Моя [белая] *нагая* краса,

В заглавие стих. **«После землетрясения»** (1909) в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10206) Бунин вписывает дополнение: «После землетрясения *в Мессине*». Это новый вариант на фоне других попыток исправить заглавие: на «После *Мессины*» в *Петрополис, 2 – РАЛ (1)* и на «После *Мессинского* землетрясения» в *Петрополис, 2 – РГБ*, *РАЛ (2)*.

Минимальная поправка коснулась и заглавия стих. **«Бегство в Египет»** (1916). В двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10208) оно рукой В.Н. Буниной переправлено на «Бегство *во* Египет». При том, что один из этих экземпляров снабжен завещательной надписью автора (MS 1066/10208), вставка «о» его собственной рукой до нас не дошла.

Вместе с тем в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10206), и тоже, вероятно, рукой В.Н. Буниной оказалось вычеркнуто заглавие стих. **«Ритм»** (1912). Ни в одном из авторских экземпляров *Петрополис, 3*, куда оно было включено, эта правка не подтверждается.

Точно так же только по правке В.Н. Буниной в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10201) известна поправка в стих. **«Святогор и Илья»** (1916):

ст. 10: Лег, [накрылся] *надвинул* и шутит: «А впору!

– и это оказывается новым штрихом в и без того богатой истории правки этого стихотворения, которую можно проследить по авторским экземплярам *Петрополис* [30].

Еще в одном экземпляре (MS 1066/10207) В.Н. Бунина внесла сразу несколько поправок в стих. **«Канун Купалы»** (1903), и только одна из них находится в двух (из трех) авторских экземпляров *Петрополис, 1*:

ст. 2: Ходит в темной роще Богоматерь[,] *:* <пункт замена>

ст. 11: Пахнет под росою медуница[,] ... <пункт. замена>

ст. 12: Золотой [венец] *Венец* по роще светит.[31]

ст. 25: Но Христос Ей молвит: «Мать! [не] *Не* солнце,

---

[29] <…> Мне кажется, луна оцепенеет:
Она как будто выросла со дна
И допотопной лилией краснеет. <…>

[30] См.: *БП*. Т. 2. С. 421.

[31] Из всех приводимых поправок только эта присутствует в двух из трех авторских экземплярах *Петрополис, 1 – РАЛ (1, 2)*.

Уже анализ приведенных поправок показывает, что далеко не всегда правка вносилась в «условно визированный» экземпляр «Избранных стихов» (MS 1066/10208), – ни в качестве единственного, вбирающего в себя правку других экземпляров, ни даже в качестве ведущего, «первого среди равных» рассматривать его нельзя.

Пересмотр Буниным стих. **«Помпея»** (1916) в разных экземплярах «Избранных стихов» не только дает новый эпитет, но и позволяет судить о порядке и особенностях работы автора со своим изданием. Так, в определении «грубые следы» сначала сам Бунин (в MS 1066/10207) меняет эпитет на *римские*. Затем В. Н. Бунина (со слов Бунина или перенося эту правку из недошедшего до нас источника) зачеркивает «римские» и вписывает «древние». Тем самым прочерчивается путь от вещественной ощутимости (*грубые*) – к давно-прошедшему и конкретно-историческому (*римские*) – и наконец, к обобщенному (*древние*). Получается:

ст. 9: Я помню только [грубые] [римские] древние следы

Итоговый вариант вписывается В.Н. Буниной в MS 1066/10201 и MS 1066/10208. При этом в двух из трех авторских экземплярах берлинского издания (*Петрополис, 5 – РГБ*, *РАЛ (2)*) зафиксирован первый переход, и ни в одном – второй. Но «пропустивший» эту поправку *Петрополис, 5 – РАЛ (1)* хотя и является самым ранним из всех трех экземпляров, но только по восстанавливаемой «нижней границе» – 1951-му году; по «верхней границе» он приближается к двум другим экземплярам тома, на которых рукой Бунина проставлен апрель 1953 года. Все это дает еще один аргумент в пользу датировки основной бунинской работы с «Избранными стихами» не ранее поздней весны 1953 года.[32]

Особый случай, попытку возвращения текста *Петрополис* к более раннему варианту представляет собой правка стих. **«Сириус»** (1922). В трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10207, 10208) строфа II («Где вы, скитания полночные…») вычеркнута, а вместо нее вписана другая, минимально расходящаяся с той, которая была *после строфы II* в первых публикациях [33]:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу [привычном] любимом и родном,

[32] Последним, приводимым для исчерпывающей полноты, примером и одновременно еще одним подкреплением высказанного тут предположения является «история одной запятой» в стих. **«Настанет день – исчезну я…»** (1916). В *Петрополис, 5 – РАЛ (2)*, который Бунин визировал для будущего издания в апреле 1953 г., запятая зачеркнута, новый вариант отсутствует, и правка, видимо, не завершена, так как какой бы то ни было знак препинания на этом месте грамматически необходим. В MS 1066/10208 и 10201 в ст. 6 запятая исправлена на тире: Цветная бабочка в шелку [,] –

[33] Окно: Альм. Кн. 1. Париж, 1923; Б*унин И.А*. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924.

И старый дом, и ель смолистая
В сугробах белых под окном?[34]

В итоге и здесь получился текст, отличающийся от всех его прижизненных публикаций.

Правка не согласована. В чем авторская воля?

Почти для трети текстов в «Избранных стихах», затронутых поздними авторскими вторжениями, выделить непротиворечивую правку невозможно. И хотя эти варианты не вошли в печатную историю текста и не находят согласованного соответствия в авторских экземплярах *Петрополис*, знание их служит обогащению текстологической «легенды» и заостряет вопрос о статусе последней воли автора. То, что эта правка уже не была отражена в рабочих экземплярах *Петрополис* (скорее всего, не была перенесена в них), означает, что она делалась в самые последние месяцы и недели жизни Бунина и была прервана с ее концом. Продлись жизнь – и нет никакой уверенности, что Бунин сам не отказался бы от только что сделанных изменений, как это не раз бывало с ним при работе с другими его изданиями, начиная с 1930-х годов. Но в случае правки «Избранных стихов» это становится особенно наглядно, и пределы воплощения авторской воли оказываются наиболее проницаемы и уязвимы.

Если начинать с названий стихотворений, то в наиболее подготовленном экземпляре «Избранных стихов» (MS 1066/10208) заглавие стих. **«Цикады»** (1909) вычеркнуто, а в другом (MS 1066/10201) сначала вычеркнуто – затем восстановлено. То же заглавие в одном, более раннем, экземпляре собрания сочинений было зачеркнуто без какой-либо замены (*Петрополис, 2 – РАЛ (1)*; ноябрь 1952 г.), а в двух других экземплярах того же тома – с которыми Бунин работал в то же самое время, что и с «Избранными стихами», – исправлено на «*Ночные* цикады» (*Петрополис, 2 – РАЛ (2)*, *РГБ*; апрель и 20 октября 1953 г.). Таким образом, вместо одного авторского решения перед нами, в последнем синхронном срезе, минимум два (восстановленное «Цикады» и дополненное «Ночные цикады»).

Заглавие исправлено и в стих. **«Мать»** («На пути из Назарета…», 1912): во всех авторских экземплярах *Петрополис, 3* и в четырех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/897, 10201, 10207, 10208) вместо него вписано «*На пути из Назарета*», и, кроме того,

[34] Так выглядит эта строфа в MS 1066/10208. Первоначально она была записана Буниным, затем рукой В.Н. Буниной «привычном» было исправлено на «любимом», дописано недостававшее «под окном?» и вся строфа перенесена в MS 1066/10201 и 10207. В первых публикациях (см. предыд. примеч.) строфа печаталась без втяжек четных строк (как и все стихотворение), перечисления в ст. «И старый дом и ель смолистая» не отделялись запятой, а вместо «В сугробах» было «Среди сугробов».

вычеркнута последняя строфа XIII («Содрогался я от счастья…»). Правку можно было бы счесть согласованной, но есть еще один экземпляр сборника (MS 1066/10205), где строфа вычеркнута, а заглавие (то ли по недосмотру, то ли умышленно) оставлено.[35]

Точно так же и совпадающая в трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) правка в стих. **«На Невском»** (1916) – и «дотягивающая» текст «Избранных стихов» до текста в *Петрополис, 5*

ст. 20: [*Я* долго] *Всю жизнь я* позабыть не мог

и обновляющая текст *Петрополис, 5* в двух из трех авторских экземплярах собрания сочинений (*Петрополис, 5 – РГБ*, *РАЛ (2)*)

ст. 1: Колеса [острый] *мелкий* снег взрывали и скрипели,

ст. 4: [Блеснув уютом] *Блеснувши глянцем* стекол [неза]мерзлых,

ст. 10: Все пронеслось и скрылось за [дворцом] *мостом*,

– нарушается правкой заглавия. В одном из экземпляров (MS 1066/10206) Бунин меняет заглавие на «*Петербург*», а В. Н. Бунина при переносе правки в два других (MS 1066/10201 и 10208) по неизвестным причинам его опускает.[36]

Еще один пример сознательности / небрежности / недоведенности правки до конца представляет собой стих. **«Дурман»** (1916). В трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) из него вычеркнута строфа II («Звон дивный – слышный и не слышный…») – как и во всех авторских экземплярах *Петрополис, 6*[37], но при этом в одном из экземпляров сборника (MS 1066/10206) нетронутыми остались строки, исправленные во всех других.[38]

В двух случаях несогласованная правка касается текстов, ни цельность, ни само наличие которых в поэтическом наследии Бунина не было для него безусловным: автор то убирал их из своего будущего собрания, то возвращался к ним вновь.

Первое из них – стих. **«В лесу, в горе родник, живой и звонкий…»** (1905), вторую часть которого составляет признание

---

[35] Разнообразная правка этого стихотворения в авторских экземплярах *Петрополис, 3* описана в: *БП*. Т. 2. С. 399–400.

[36] Под заглавием «Петербург» Бунин включил это стихотворение в цикл «Далекое», опубликованный в газ. «Руль» (1920. 25 декабря, № 34). Подробнее варианты правки см.: *БП*. Т. 2. С. 447–448.

[37] Пользуемся случаем, чтобы исправить опечатку в *БП*. Т. 2. С. 426, где она обозначена как «строфа III».

[38] Ст. 19–22: На утро [губки почернели] *гробик сколотили*,
[Лоб посинел… Ее одели,
Принарядили – и отец]
Над ним попели, покадили,
Мать порыдала… И отец
Прикрыл [ее сосновой] *его тесовой* крышкой

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты,
Но этот крест, но этот ковшик белый…
Смиренные, родимые черты!

Это стихотворение уже было вычеркнуто Буниным из всех авторских экземпляров последнего собрания: из *Петрополис, 1 – РАЛ (1, 2)* построчно, из *Петрополис, 1 – РГБ* еще и с ремаркой «вон, навсегда!» (и это было сделано, судя по авторским пометам, в июле 1953 г.). Тем не менее, просматривая «Избранные стихи», Бунин не вычеркивает, а в трех экземплярах (MS 1066/10201, 10207, 10208) правит

ст. 7: [Но] *О,* этот крест [, но] *и* этот ковшик белый…

– и кроме того, в двух (MS 1066/10207, 10208) дополнительно зачеркивает ст. 5-6. Один из этих экземпляров (MS 1066/10208) скреплен завещательной надписью, но как отнестись к получившемуся тексту, лишенному двух строк: закончен он или оставлен для будущей – уже несостоявшейся – правки?[39]

Второе – стих. **«Райское древо»** (1916; в последней редакции «Искушение», 1952). В трех экземплярах (*Петрополис, 6 – РАЛ (1, 2, 3)*) Бунин его пробовал править, но в итоге перечеркнул весь текст; в наиболее позднем *Петрополис, 6 – РГБ* (июнь 1953 г.) оно было вычеркнуто построчно. В трех авторских экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) текст тоже перечеркнут, но в MS 1066/897 он переработан и в таком виде (с иным заглавием и небольшими коррективами в тексте) напечатан в «Новом журнале» (1952, кн. 28) и в последней книге Бунина *Весной, в Иудее* (1953).[40] В итоге, правка воедино не сведена, решения о будущем текста не принято, и значение невизированного MS 1066/897 (текст которого, единственный, продолжает жить в творческом сознании Бунина) на фоне «утвержденных для будущего» экземпляров *Петрополис, 6* (откуда он изгнан)[41] явно возрастает.

Как уже ясно из приведенных выше примеров, ситуация еще более запутывается, когда в дело вступает **правка, внесенная В.Н. Буниной**.

Наиболее простой в этом ряду пример – стих. **«Аленушка»** (1915), в котором сам Бунин правит (в MS 1066/10206)

ст. 7–8: [Желалося любовь понять,]
Ресницами в дружка стрелять,
Да юбочкой в кустах вилять,
[Да кто] *Но кто ж* в лесу встречается?

[39] Те же изменения видим в *СС–1906–РАЛ*, на котором Бунин написал: «С мукой перечитал многое, многое в этой книжке! Ужели это *я так* писал? Ночь с 18 на 19 ноября 1952 г. Париж».

[40] Подробно историю текста см.: *БП*. Т. 2. С. 131, 309-310, 427-428.

[41] Таковы *Петрополис, 6 – РГБ, РАЛ (1)*.

и вычеркивает последние

ст. 17–18: [И где сама девалася –
Доныне не узналося!

В.Н. Бунина в двух других экземплярах (MS 1066/10201, 10208) правит ст. 7–8 иначе – так, как они исправлены в авторских экземплярах *Петрополис, 5 – РГБ* (апрель 1953 г.)[42], а правка Бунина в MS 1066/10206, вполне законченная и художественно самодостаточная, продолжения не имеет.

Однако если здесь мы еще можем предположить, что послужило источником правки, внесенной В.Н. Буниной, то относительно следующих текстов ответ может быть только гадательным.

В стих. **«Русская весна»** (1905) сначала Бунин (в MS 1066/10207), потом В.Н. Бунина (в MS 1066/10208) исправляют

ст. 8: [С мешками к деревне] *По деревушке* бредут

– и эта правка совпадает с той, которая была внесена во все авторские экземпляры *Петрополис, 1*, *ПСС–1915, 3* и *СС–1906–РАЛ*. Однако есть еще один вариант: в MS 1066/10201 В.Н. Бунина вписывает «*По деревушкам*», и оснований такой правке рукой Бунина мы не знаем.

Пестрое разнообразие встречаем в вариантах стих. **«Долина Иосафата»** (1908), исправленного в трех экземплярах «Избранных стихов» рукой В.Н. Буниной. В MS 1066/10201 и MS 1066/10208 совпадает правка

ст. 11–12: Всех, [что в плену и что мечом] *что врагом в чужбине не* убиты,
Сбирает милосердный Судия.

В MS 1066/10206 дана иная версия:

ст. 11–12: Всех, [что в плену и что мечом] *что врагами были не* убиты,
Сбирает милосерд[н]ый Судия.

Параллельная правка в *Петрополис, 2* фиксирует еще два других варианта[43], – значит, из четырех редакций правки Бунин так и не выбрал, какая должна остаться на будущее.

Почти то же происходит в стих. **«В мелколесье пело глухо, строго…»** (1909). В.Н. Бунина в MS 1066/10201 и MS 1066/10208 исправляет

ст. 10: Дед-[колдун] *лесник*, как мертвый, спал в избушке.

– а в MS 1066/10206, не тронув эту строчку, меняет

ст. 20: И в [стекло угрюмо] *окошке мрачно* муха билась.

[42] Вместе с ними правится ст. 12, исправленная и рукой Бунина в «Избранных стихах» (MS 1066/10206), и в *Петрополис, 5 – РГБ*: [Лесной жарой] *Безделием* измучилась,

[43] Итоговые варианты ст. 11-12 в *Петрополис, 2 – РАЛ (1)*: Всех верных, всех, что не убиты, Сзывает милосердый Судия; *Петрополис, 2 – РГБ, РАЛ (2)*: Всех, что в чужбине не были убиты, Сбирает милосердый Судия.

При этом авторские экземпляры *Петрополис, 2*, как и в предыдущем примере, предлагают два других варианта ст. 10 и ни одного – ст. 20.[44]

В стих. **«Мушкет»** (1913) сначала Бунин (в MS 1066/897) правит

ст. 23–24: И Господь [ответил] *сказал ей*: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, – попы тебя отпели».

– а затем В. Н. Бунина в двух экземплярах (MS 1066/10201 и 10208) вписывает другой вариант:

ст. 23–24: И Господь [ответил] *утешил*: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, – *попы* тебя отпели».

Стихотворение разнообразно правилось в авторских экземплярах *Петрополис, 4*[45], но если первый из приведенных вариантов (наряду с другой правкой, которой в экземплярах «Избранных стихах» нет) мы еще встречаем в одном из них (*Петрополис, 4 – РГБ, 1*), то источник для того варианта, который вписывает В.Н. Бунина, нам не известен.

Такое же недоумение вызывает правка стих. **«Проносились над островом зимние шквалы и бури…»** (1916). Сначала Бунин в MS 1066/10206 вписывает заглавие «*Капри*» и правит

ст. 2: То во мгле и дожде, то в [сиянье небесной] *сиянии яркой* лазури

– что соответствует правке в *Петрополис, 5 – РГБ*, *РАЛ (2)*. Затем это заглавие вписывается в MS 1066/10201 и MS 1066/10208 (в первом случае это делает В.Н. Бунина, во втором сам Бунин), а ст. 2 в обоих случаях правится В.Н. Буниной, но иначе:

ст. 2: То во мгле и дожде, то в [сиянье небесной] *сиянии влажной* лазури

– и определить происхождение этого дважды внесенного в текст эпитета, по меньшей мере, затруднительно. Во всяком случае, такая правка рукой самого Бунина до нас не дошла, – как не дошел и его собственный вариант «яркой» рукой В. Н. Буниной.[46]

И наконец, полный разлад в правке демонстрирует стих. **«Этой краткой жизни вечным измененьем…»** (1917). В уже вошедшем в *Петрополис, 8* тексте Бунин меняет в MS 1066/10206

ст. 4: В [свежем] *тихом* парке листьев [медленным] *розовым* паденьем

– затем в MS 1066/10207:

ст. 4: В [свежем] *алом* парке листьев медленным паденьем

Эти колебания отражаются в MS 1066/10208, где В. Н. Бунина последовательно правит первый эпитет и зачеркивает оба варианта второго, не вписывая замены:

---

[44] *Петрополис, 2 – РГБ, РАЛ (1)*: Дед-лесник мертвецки спал в избушке; *Петрополис, 2 – РАЛ (2)*: Дед-колдун мертвецки спал в избушке.

[45] См.: *БП*. Т. 2. С. 407.

[46] Возможно, в данном случае «промежуточными звеньями» были те самые экземпляры «Избранных стихов», которые считаются ныне потерянными (см. прим. 6).

ст. 4: В [свежем] [*тихом*] *алом* парке листьев [медленным] [*розовых* <так!>] паденьем[47]

В MS 1066/10201 утверждается (рукой В.Н. Буниной)

ст. 4: В [свежем] *алом* парке листьев медленным паденьем

и, кроме того, не известная в правке Бунина, но последовательно вписанная его женой во все названные экземпляры

ст. 10: В этом парке [розовом] *алом*, в этой тишине.

Таким образом, правку «В *алом* парке» можно считать согласованной, замену второго эпитета – незавершенной, источник коррективы в ст. 10 – достоверно не известным[48], и ни одной из этих поправок нет ни в одном из авторских экземпляров *Петрополис, 8*, завизированных Буниным для будущих изданий.

Обилие изменений, внесенных рукой В.Н. Буниной без документированного источника, в котором они были бы зафиксированы рукой И.А. Бунина, говорит не только о том, что у самого Бунина уже не было сил сводить воедино правку во всех экземплярах самому, но и заставляет предполагать наличие «утраченного звена» – одного или обоих пропавших экземпляров «Избранных стихов», в которые эта правка была внесена автором[49]. Но в любом случае анализ сохранившихся экземпляров «Избранных стихов» подтверждает, что все авторские экземпляры «Избранных стихов» должны *в их совокупности* восприниматься по отношению к самому сборнику, как, собственно, и рабочие экземпляры других прижизненных изданий Бунина должны учитываться в поле всей поэтической работы Бунина.

Если при сравнении всех авторских экземпляров *Петрополис* и *ПСС–1915* различие в правке касалось 80 текстов, а при включении в рассмотрение незавизированного, но тоже позднего экземпляра третьего, стихотворного тома из собрания «Знания» (*СС–1906–РАЛ*, ноябрь 1952 г.) их число увеличивалось еще на 38, то, добавив к ним 22 текста, правка которых в «Избранных стихах» либо отличается от итоговой правки в *Петрополис*, либо не сведена в целое даже в экземплярах этого стихотворного сборника, мы получим 140 стихотворений, не имеющих итогового авторского варианта и составляющих одну седьмую от всех текстов, включенных в *БП*.

[47] Под зачеркнутым вариантом «розовых» В.Н. Буниной вписано «алом», но размер не позволяет считать этот вариант ни рабочим, ни окончательным: скорее, это погрешность или дубль исправления для ст. 10 (см. ниже).

[48] См., однако, предположение в: *БП*. Т. 2. С. 459.

[49] См. прим. 6. Или же можно представить себе, что эти исправления были сделаны В.Н. Буниной со слуха, под диктовку Бунина; но трудно представить себе, чтобы Бунин затем не проверил внесенную правку сам.

В этой ситуации стержнем научного издания лирики Бунина неизбежно становится последняя и, как правило, главная прижизненная публикация, зафиксированная в наиболее ответственном и тиражированном издании (в большинстве случаев это *Петрополис* или *ПСС–1915*), которое было отредактировано автором перед его выходом в свет и прочитано бунинскими современниками, а вся позднейшая правка отражается в необходимом сопровождении соответствующих томов. Именно таким образом научное издание может представить читателю творческий путь и все разнообразие работы Бунина со своими текстами.

Литература

Издания И. А. Бунина и их авторские экземпляры: [50]

Бунин–9 (с указанием тома) – Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. Вступ. ст. А.Т. Твардовского; Примеч. О.Н. Михайлова и А.К. Бабореко, В.Г. Титовой, А.С. Мясникова, П.Л. Вячеславова, О.В. Сливицкой, Л.В. Котляр, В.С. Гречаниновой, Н.М. Любимова. М.: Худож. литература, 1965–1967.

Бунин–6 (с указанием тома) – Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 тт. / Ред. коллегия Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худож. литература, 1987–1988.

БП – Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. – (Новая Библиотека поэта.)

Весной, в Иудее – Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Избранные стихи – Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.[51]

ЛН (с указанием книги) – Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. М.: Наука, 1973. – (Лит. наследство; Т. 84.)

Петрополис (с указанием тома) – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.

Петрополис, 1 – РГБ – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 11. Июль 1953 г.[52]

Петрополис, 1 – РАЛ (1) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/10157. Июль 1953 г. Неполный экз.

Петрополис, 1 – РАЛ (2) – То же. РАЛ. MS 1066/10156. Июль 1953 г.

Петрополис, 2 – РГБ – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 2. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 12. 20 октября 1953 г.

Петрополис, 2 – РАЛ (1) – То же. РАЛ. MS 1066/10158. Ноябрь 1952 г.

Петрополис, 2 – РАЛ (2) – То же. РАЛ. MS 1066/10159. Апрель 1953 г.

Петрополис, 3 – РГБ (1) – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 3. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 13. <После апреля 1953 г.>.

[50] Полное описание архивных источников, в том числе использованных в этой работе, см.: *БП*. Т. 1. С. 421–425.

[51] Описание авторских экземпляров этого издания см. в тексте статьи.

[52] Здесь и далее указываются даты обращения (для томов *Петрополис* – последнего обращения) к авторским экземплярам томов, зафиксированные в визирующих надписях Бунина (в угловых скобках – даты, восстанавливаемые по характеру и смыслу правки).

Петрополис, 3 – РГБ (2) – То же. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 14. <После апреля 1953 г.>.

Петрополис, 3 – РАЛ (1) – То же. РАЛ. MS 1066/10161. Апрель 1953 г.

Петрополис, 3 – РАЛ (2) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/914. <После апреля 1953 г.>

Петрополис, 4 – РГБ (1) – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 3, ед. хр. 26. Март 1951 г.

Петрополис, 4 – РГБ (2) – То же. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 15. Апрель 1953 г.

Петрополис, 4 – РАЛ (1) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/915. 28 августа 1947 г.

Петрополис, 4 – РАЛ (2) – РАЛ. MS 1066/10163. Апрель 1953 г.

Петрополис, 5 – РГБ – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 1, ед. хр. 16. Апрель 1953 г.

Петрополис, 5 – РАЛ (1) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/916. <1951–1953 гг.>.

Петрополис, 5 – РАЛ (2) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/10165. Апрель 1953 г.

Петрополис, 6 – РГБ – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 6. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 2, ед. хр. 1. Июнь 1953 г.

Петрополис, 6 – РАЛ (1) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/917. Август 1952 г.

Петрополис, 6 – РАЛ (2) – То же. РАЛ. MS 1066/10166. <Июнь 1953 г.>.

Петрополис, 6 – РАЛ (3) – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/10167. <Июнь 1953 г.>.

Петрополис, 8 – РГБ – Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429, карт. 2, ед. хр. 3. Март 1951 г.

Петрополис, 8 – РАЛ (1) – То же. РАЛ. MS 1066/10171. Май 1953 г.

Петрополис, 8 – РАЛ (2) – То же. РАЛ. MS 1066/10172. Май 1953 г.

ПСС–1915 (с указанием тома) – Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. «Нива»).

ПСС–1915, 1 – РГАЛИ – Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т 1. Пг., 1915. С авт. правкой. РГАЛИ. Ф. 44, оп. 1, ед. хр. 20. 2 неполных экз. <1934 г.>

ПСС–1915, 1 – РАЛ – То же. РАЛ. MS 1066/905. <1934–1952 гг.> Неполный экземпляр (стр. 109-111 отсутствуют).

ПСС–1915, 1 – ИМЛИ – То же. ИМЛИ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 64. <1934–1952>; 16 декабря 1952 г.

ПСС–1915, 3 – ИМЛИ + РАЛ – Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пг., 1915. С авт. правкой. ИМЛИ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 65. Стр. 1–16; РАЛ. MS. 1066/909. Стр. 17–248. <1934 г.>

ПСС–1915, 3 – РАЛ – То же. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/908. <1934–1953 гг.>.

ПСС–1915, 3 – ОГЛМТ – То же. ОГЛМТ. № 749/2 оф. / РК ф. 14, оп. 1.2. <1917–1918 гг.>.

СС–1906 – Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906 (Собр. соч. Т. 3).

СС–1906 – РАЛ – Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906 (Собр. соч. Т. 3). С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/903. 18–19 ноября 1952 г.

Архивы:

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей. Москва.

ОГЛМТ – Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева. Орел.

РАЛ – Русский архив в Лидсе. Leeds Russian Archive. University of Leeds. Великобритания.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Москва.

References

Editions of Ivan Bunin's works and his authorial copies of them:[53]

Bunin–9 (with volume number indicated) – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 9 t. [Collected Works in 9 vols.] / Pod obshch. red. A.S. Miasnikova, B.S. Riurikova, A.T. Tvardovskogo. Vstup. st. A.T. Tvardovskogo; Primech. O.N. Mikhailova i A.K. Baboreko, V.G. Titovoi, A.S. Miasnikova, P.L. Viacheslavova, O.V. Slivitskoi, L.V. Kotliar, V.S. Grechaninovoi, N.M. Liubimova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1965–1967. (In Russ.)

Bunin–6 (with volume number indicated) – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 t. [Collected Works in 6 vols.] / Red. kollegiia Iu.V. Bondarev, O.N. Mikhailov, V.P. Pynkevich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1987–1988. (In Russ.)

BP – Bunin I.A. Stikhotvoreniia: V 2 t. [Poems in 2 vols.] / Vstup. st., sost., podgot. teksta, primech. T.M. Dviniatinoi. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, 2014 – (Novaia Biblioteka poeta.) (In Russ.)

Vesnoi, v Iudee – Bunin I.A. Vesnoi, v Iudee. Roza Ierikhona. [In Spring, in Judaea. The Rose of Jericho]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953. (In Russ.)

Izbrannye stikhi – Bunin I.A. Izbrannye stikhi [Selected Poems]. Paris, Sovremennye zapiski, 1929.[54] (In Russ.)

LN (with book number indicated) – Ivan Bunin: [Sb. materialov]: V 2 kn. [Ivan Bunin: [Materials]: In 2 books]. Moscow, Nauka, 1973. – (Lit. nasledstvo; T. 84) (In Russ.)

Petropolis (with volume number indicated) – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1934–1936. (In Russ.)

Petropolis, 1 – RGB – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1936. T. 1. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 11. July 1953.[55] (In Russ.)

Petropolis, 1 – RAL (1) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/10157. July 1953. (In Russ.)

Petropolis, 1 – RAL (2) – Idem. LRA MS 1066/10156. July 1953. (In Russ.)

Petropolis, 2 – RGB – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1936. T. 2. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 12. 20 October 1953. (In Russ.)

Petropolis, 2 – RAL (1) – Idem. LRA MS 1066/10158. November 1952. (In Russ.)

Petropolis, 2 – RAL (2) – Idem. LRA MS 1066/10159. April 1953. (In Russ.)

Petropolis, 3 – RGB (1) – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1934. T. 3. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 13. <After April 1953>. (In Russ.)

Petropolis, 3 – RGB (2) – Idem. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 14. <After April 1953>. (In Russ.)

Petropolis, 3 – RAL (1) – Idem. LRA MS 1066/10161. April 1953. (In Russ.)

Petropolis, 3 – RAL (2) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/914. <After April 1953>. (In Russ.)

Petropolis, 4 – RGB (1) – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1935. T. 4. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 3, ed. khr. 26. March 1951. (In Russ.)

Petropolis, 4 – RGB (2) – Idem. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 15. April 1953. (In Russ.)

[53] For a complete list of archive sources, including those examined in this article, see *BP*, vol 1, pp 421–425.

[54] See this article for a description of Bunin's copies of this edition.

[55] Here and henceforth the dates given are when Bunin worked on his copies of volumes (for the last time, in the case of *Petropolis* volumes) and inscribed them with instructions to future editors. (Dates in angle brackets are estmated on the basis of the nature and content of Bunin's amendments

Petropolis, 4 – RAL (1) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/915. 28 August 1947. (In Russ.)

Petropolis, 4 – RAL (2) – Idem. LRA MS 1066/10163. April 1953. (In Russ.)

Petropolis, 5 – RGB – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1935. T. 5. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 1, ed. khr. 16. April 1953. (In Russ.)

Petropolis, 5 – RAL (1) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/916. <1951–1953>. (In Russ.)

Petropolis, 5 – RAL (2) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/10165. April 1953. (In Russ.)

Petropolis, 6 – RGB – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1935. T. 6. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 2, ed. khr. 1. June 1953. (In Russ.)

Petropolis, 6 – RAL (1) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/917. August 1952. (In Russ.)

Petropolis, 6 – RAL (2) – Idem. LRA MS 1066/10166. <June 1953>. (In Russ.)

Petropolis, 6 – RAL (3) – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/10167. <June 1953>. (In Russ.)

Petropolis, 8 – RGB – Bunin I.A. Sobr. soch.: V 11 t. [Collected Works in 11 vols.]. Berlin, Petropolis, 1935. T. 8. With Bunin's amendments. RGB. F. 429, kart. 2, ed. khr. 3. March 1951. (In Russ.)

Petropolis, 8 – RAL (1) – Idem. LRA MS 1066/10171. May 1953. (In Russ.)

Petropolis, 8 – RAL (2) – Idem. LRA MS 1066/10172. May 1953. (In Russ.)

PSS–1915 (with volume number indicated) – Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii: V 6 t. [Complete Collected Works in 6 vols.]. Petrograd, Izd. t-va A.F. Marks, 1915. (Prilozh. k zh. "Niva").

PSS–1915, 1 – RGALI – Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii. [Complete Collected Works]. Tom 1. Petrograd, 1915. With Bunin's amendments. RGALI. F. 44, op. 1, ed. khr. 20. 2 incomplete copies. <1934>. (In Russ.)

PSS–1915, 1 – RAL – Idem. LRA MS 1066/905. <1934–1952>. Incomplete copy (missing pp. 109-111). (In Russ.)

PSS–1915, 1 – IMLI – Idem. IMLI. F. 3, op. 1, ed. khr. 64. <1934–1952>; 16 December 1952. (In Russ.)

PSS–1915, 3 – IMLI + RAL – Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii. [Complete Collected Works]. T. 3. Petrograd, 1915. With Bunin's amendments. IMLI. F. 3, op. 1, ed. khr. 65. Pp. 1–16; LRA. MS 1066/909. Pp. 17–248. <1934>. (In Russ.)

PSS–1915, 3 – RAL – Idem. Incomplete copy. LRA MS 1066/908. <1934–1953>. (In Russ.)

PSS–1915, 3 – OGLMT – Idem. OGLMT. № 749/2 of. / RK f. 14, op. 1.2. <1917–1918>. (In Russ.)

SS–1906 – Bunin I.A. Stikhotvoreniia 1903–1906. [Poems 1903–1906]. St. Petersburg: Izd-e t-va "Znanie", 1906 (Sobr. soch. T. 3).

SS–1906 – RAL – Bunin I.A. Stikhotvoreniia 1903–1906. [Poems 1903–1906]. St. Petersburg: Izd-e t-va "Znanie", 1906 (Sobr. soch. T. 3). With Bunin's amendments. Incomplete copy. LRA. MS 1066/903. 18–19 November 1952.

Archives:

IMLI – Russian Academy of Sciences A.M. Gor'kii Institute of World Literature. Manuscript Department. Moscow.

OGLMT – Orel State I.S. Turgenev Literary Museum. Orel.

RAL – Leeds Russian Archive (LRA). University of Leeds. Great Britain.

RGALI – Russian State Archive of Literature and Art. Moscow.

RGB – Russian State Library. Manuscript Department. Moscow.

Ivan Bunin's copies of his poetry collection "Selected Poems" (1929) as sources for a critical edition of his works

Tatiana M. Dvinyatina

Abstract: This article analyses copies of Ivan Bunin's "Selected Poems" (1929) recently discovered in the Leeds Russian Archive (University of Leeds, Great Britain). Bunin regarded this collection as a summing up of his achievements in poetry. A characteristic feature of Bunin's approach to the texts of his published works, known to his contemporaries from earlier editions, was to revisit them repeatedly in different periods and stages of his life. For the purposes of a critical edition it is crucially important to establish as precisely as possible Bunin's final wishes for the form in which future generations would read his works. Analysis of five copies of "Selected Poems", not previously the subject of scholarly attention, shows that Bunin made alterations to them at several stages: in the mid-1930s, the second half of the 1940s and again in 1951 and 1953. From the second stage onwards, Bunin's work on "Selected Poems" repeated in many respects the work he had done for the volumes of his "Collected Works" issued by the Berlin publishing house "Petropolis" in 1934–1936. However, Bunin's subsequent editing of copies of "Selected Poems" did not reach a definite conclusion: taking the recently discovered copies of the collection into consideration, it can be seen that one in seven poems does not have a final authorial version. This confirms the principle established by the author previously and put into effect in her edition of Bunin's "Poems" in "The New Poet's Library" (2014): it is essential to select as the canonical text for a critical edition of Bunin's poetry the main or last text to be published in his lifetime and to reflect all the variations of his subsequent editing in the accompanying scholarly apparatus.

Keywords: Ivan Bunin, archive materials, text criticism, "Selected Poems", canonical text, collected works

Information about the author: Tatiana M. Dvinyatina, Doctor of Philology, Senior Research Associate, Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House). E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-360-386
УДК 821.161.1

М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники
Материалы энциклопедии

Составление и вступительная заметка Е.Н. Строгановой

Аннотация: В публикации представлены материалы проекта по созданию энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники». Словник включает имена русских и зарубежных писателей, политических деятелей, военачальников, священнослужителей, деятелей культуры, цензоров, книгоиздателей и др. Учтены также имена авторов публичных и приватных отзывов, которые остались неизвестны Салтыкову. В публикуемую подборку вошла лишь небольшая часть статей, посвященных русским литераторам.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, персональная энциклопедия, связь с эпохой, история культуры, комментарий к текстам, обобщение исследовательского опыта, современный уровень осмысления.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова, д.ф.н., профессор кафедры общего и славянского искусствознания Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. Москва. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Создание персональных писательских энциклопедий, имеющее давнюю традицию, в настоящее время стало одним из приоритетных направлений филологической науки. Первыми трудами такого рода были словари, обращенные к лексическому составу произведений того или иного автора, среди которых «особую группу <…> составляют всякого рода издания типа энциклопедий – путеводителей к произведениям писателя или (более широко) к писателю как “творческой личности”»[1]. На западе подобные книги появились в XIX в. как результат работы отдельных ученых[2]. В отечественной традиции это направление развивалось со второй половины XX в., причем создание писательских лексикографических словарей и персональных энциклопедий становилось результатом деятельности больших коллективов и осуществлялось академическими структурами[3]. Одним из образцов универсальных справочных изданий

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389).

[1] *Гельгардт Р.Р.* Словарь языка писателя: К истории становления жанра // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 24.

[2] Там же. С. 24–27.

[3] Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: ГИИНС, 1956–1961; Шевченківський словник: В 2 т. Киев: АН УССР, 1976–1978; Франциск Скорина и его время: Энциклопедический справочник / Гл. ред. И.П. Шамякин. Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1990.

признана «Лермонтовская энциклопедия», которая содержит разностороннюю информацию, включая сведения о формах мемориализации[4]. Начиная с 1990-х гг. составление писательских энциклопедий заметно активизировалось: появились авторские и коллективные труды, посвященные А.С. Грибоедову, А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, А.Н. Островскому, А.П. Чехову, В.В. Розанову, М.А. Булгакову, М.А. Шолохову. В зависимости от тех задач, которые ставят перед собой составители, энциклопедии разделяются на три типа: одни из них ориентированы на репрезентацию жизненного пути и творческой деятельности писателя[5], другие концентрируются на особенностях литературного творчества[6], третьи показывают писателя в кругу его современников[7]. Наиболее разносторонне и полно, разумеется, представлен Пушкин, к жизни и творчеству которого обращена серия изданий под общим названием «Пушкинская энциклопедия»[8]. Такой энциклопедический бум двух последних десятилетий обусловлен не только тенденциями времени – стремлением представить в максимально сжатом виде обширные потоки информации, но и прогрессирующей социокультурной дистанцированностью современного человека от реалий XIX и даже XX в. Жанр энциклопедического справочника, аккумулирующий всеобъемлющую и разноплановую информацию и ориентированный на обобщение большого исследовательского опыта, позволяет с максимальной полнотой решить задачу сохранения культурной преемственности.

В числе обойденных вниманием писателей оказался М.Е. Салтыков-Щедрин, интерес к которому в советское время был достаточно высок. Однако ныне ситуация изменилась. В академических структурах не существует специальных научных проектов, связанных с Салтыковым. Он оказался одним из немногих классиков, чье полное собрание сочи-

---

[4] Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981.

[5] Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008; Л.Н. Толстой: Энциклопедия / Сост. и науч. ред. Н.И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009; А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011; А.Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.

[6] Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г.К. Щенников и А.А. Алексеев; Науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997; Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.

[7] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л.: Наука, 1989; *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001; Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бурнашевой. 2-е изд. М.: Парад, 2010.

[8] Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: В 2 т. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003–2005; Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература: Материалы к Пушкинской энциклопедии. СПб.: Наука, 2004; Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д / Ред. И. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2009; Вып. 2. Е–К / Ред. И. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2012.

нений до настоящего времени не издано. Не опубликованы служебные документы, которые не только важны с точки зрения деятельности Салтыкова как администратора, но дают материалы для понимания его общественного поведения; несомненный интерес они представляют и как оригинальные писательские образцы официального делопроизводства. Недостаточен уровень издания мемуарной и эпистолярной литературы о Салтыкове: весьма избирательно опубликованы воспоминания, не собраны письма современников, раскрывающие разные грани его личности. Чрезвычайно мало специальных работ, в которых бы освещалось взаимодействие Салтыкова с его современниками. Осталось нереализованным намерение составить Летопись жизни и творчества Салтыкова (при наличии летописей других русских классиков), прекратилось издание библиографии работ о его творчестве. Неудовлетворителен также уровень мемориализации относящихся к Салтыкову мест: нет музея в Санкт-Петербурге, с которым была неразрывно связана его жизнь как писателя и редактора «Отечественных записок», одного из ведущих журналов второй половины XIX в. Не существует и фундаментальных энциклопедических справочников, которые бы масштабно и полно представляли творческую личность писателя. Единственным справочным изданием о Салтыкове до сих пор остается «Щедринский словарь» М.С. Ольминского, который был составлен в 1897 г. «с целью лучше уяснить себе политическую физиономию Щедрина»[9]. Словарь базировался на лексическом составе произведений, опубликованных в 12-томном собрании сочинений 1891–1893 гг., которое с тех пор уже дополнено и откорректировано изданиями 1933–1941 и 1965–1977 гг.

В немалой степени такое отсутствие исследовательского внимания порождено идеологемами, которые были навязаны писателю советским литературоведением. Историософия Салтыкова не предполагала радикального вмешательства в ход исторических событий. Он считал, что в истории действует закон «последовательного развития одних явлений из других» (Убежище Монрепо, 1878–1879)[10], – эта формула означает, что исторические изменения происходят эволюционным путем, история совершается не по воле человека, но его деятельность является необходимым элементом ее развития. В главе V цикла «Итоги» (1871) Салтыков писал: «…история человеческих обществ есть не что иное, как история разложения масс под влиянием сознающей себя мысли…»[11] Из этого очевидно следует, что история развивается циклически: рост общественного самосознания ведет к разложению существующих форм жизни, и этот процесс продолжается на следующем этапе, в следующем

[9] *Ольминский М.С.* Щедринский словарь / Под ред. М.М. Эссен и П.Н. Лепешинского. М.: ГИХЛ, 1937. С. 11.

[10] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худ. лит., 1972. Т. 13. С. 389.

[11] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений… Т. 7. С. 473.

цикле. Однако в результате идеологических спекуляций за Салтыковым утвердилась репутация революционного демократа, что не только искажает смысл произведений, но и снижает истинный масштаб его творческой деятельности.

Идея энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» подсказана самим творчеством писателя и его прижизненной репутацией. На протяжении многих лет Салтыков был одной из центральных фигур литературной и общественной жизни России. Его административная, писательская и редакторская деятельность предполагала чрезвычайно широкий круг человеческих, творческих и деловых контактов. Что касается творчества, то художественные и публицистические тексты Салтыкова, который называл себя «летописцем минуты», поражают обилием имен современников: русских и зарубежных государственных, общественных, военных, церковных деятелей, литературных собратьев и недругов, представителей актерской среды, музыкантов, художников и т.д. Этот щедринский прием обыгрывания реальных имен сродни «оживлению» писателем чужих литературных персонажей – Молчалиных, Чацких, Репетиловых, Печориных, Глумовых, Базаровых, которые символизировали определенные социальные или эстетические тенденции. Но если щедринское использование имен литературных героев давно уже обратило на себя внимание исследователей, то имена реальных лиц в текстах Салтыкова не вызывали интереса. Между тем их назначение и смысл не всегда понятны, поскольку с течением времени теряется представление о роли той или иной личности в общественной и культурной жизни своего времени. Более того, многие имена давно забыты, и их комментирование требует особых разысканий. В словник энциклопедии включены также имена родственников Салтыкова, его бытовых знакомых, сослуживцев, губернских деятелей, книгоиздателей, цензоров, фотографов, художников, скульпторов, создавших его портреты, критиков, отзывавшихся о его произведениях. Кроме тото, учтены имена авторов публичных и приватных отзывов, которые остались неизвестны самому писателю. При этом должен быть существенно уточнен список персон, упомянутых в указателях к собранию сочинений Салтыкова, в частности это касается отдельных однофамильцев, сведения о которых в настоящее время достаточно скудны.

По замыслу авторов проекта, Салтыков должен быть представлен как литератор, мыслитель, общественный деятель, государственный чиновник, наконец, как частный человек, что позволит показать многообразие и широту его связей с эпохой, откорректировать утвердившиеся трактовки идейных позиций, расширить и уточнить комментарий к произведениям и дать наиболее полное представление о нем как о человеке своей эпохи, деятельность которого стала неотъемлемой частью русской культуры. По сравнению с другими изданиями о писателях в кругу их со-

временников, Щедринская энциклопедия отличается установкой на репрезентацию мировоззренческих позиций и литературного творчества писателя через многообразие его социально-культурных взаимосвязей и диалогических отношений с современниками, а также на уточнение и расширение комментариев к его текстам. Работу над энциклопедией «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» авторы рассматривают как одну из важных составляющих в подготовке к 200-летию со дня рождения писателя.

В предлагаемую подборку вошло несколько статей, посвященных русским литераторам, современникам Салтыкова. Каждая статья содержит краткую биографическую справку о персонаже и характеристику упоминаний о нем или косвенных отсылок к его имени в текстах Салтыкова, а также сведения об отношениях с писателем / к писателю и оценках его творчества. Имя персонажа обозначается первой буквой фамилии, имя Салтыкова – буквой **С**. (полужирным шрифтом). Все даты приводятся по старому стилю. Тексты Салтыкова цитируются по изданию: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977, с указанием тома и страницы в круглых скобках (в тех случаях, когда в статьях цитируются примечания, указание на страницу дается курсивом).

В пристатейный список литературы включены по преимуществу работы, имеющие непосредственное отношение к теме «Салтыков-Щедрин и ….»; остальные упоминаемые в статье исследования даны в основном тексте. Пристатейный список состоит из нескольких разделов, в каждом из которых использован хронологический принцип расположения материала:

тексты, принадлежащие персонажу;
мемуарная литература;
критическая литература;
биографическая, научная, краеведческая литература;
справочная литература;
архивы.

Литература

Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. 576 с.; 544 с.

Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г.К. Щенников и А.А. Алексеев; Науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. 272 с.

Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 468 с.

Л.Н. Толстой: энциклопедия / Сост. и науч. ред. Н.И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. 848 с.

Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / Под общ. ред. Н.И. Бурнашевой. 2-е изд. М.: Парад, 2010. 652 с.

А.Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 660 с.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д / Ред. И. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2009. 520 с.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Е–К / Ред. И. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2012. 600 с.

Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. 2422 стб.

А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011. 696 с.

References

Belov S.V. F.M. *Dostoevskii i ego okruzhenie. Entsiklopedicheskii slovar': V 2 t.* [Fyodor Dostoevsky and his entourage. Encyclopaedical dictionary, in 2 vol.]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 576 p.; 544 p. (In Russ.)

Dostoevskii: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik [Dostoevsky's aesthetics and poetics. Thesaurus], sost. G.K. Shchennikov i A.A. Alekseev; Nauch. red. G.K. Shchennikov. Cheliabinsk: Metall Publ., 1997. 272 p. (In Russ.)

Dostoevskii: sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik [Dostoevsky's works, letters, documents. Thesaurus], nauch. red. G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008. 468 p. (In Russ.)

L.N. Tolstoi: entsiklopediia [Leo Tolstoy. Encyclopedia], sost. i nauch. red. N.I. Burnasheva. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)

Lev Tolstoi i ego sovremenniki. Entsiklopediia [Leo Tolstoy and his contemporaries. Encyclopedia], pod obshch. red. N.I. Burnashevoi. 2-e izd. Moscow, Parad Publ., 2010. 652 p. (In Russ.)

A.N. Ostrovskii. Entsiklopediia [Alexander Ostrovsky. Encyclopedia], gl. red. i sost. I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuia: FGBOU VPO «ShGPU» Publ., 2012. 660 p. (In Russ.)

Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Vyp. 1. A–D [Pushkin Encyclopedia. Works. Issue. 1], red. I. Chistova. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009. 520 p. (In Russ.)

Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Vyp. 2. E–K [Pushkin Encyclopedia: Works. Issue. 2], red. I. Chistova. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2012. 600 p. (In Russ.)

Rozanovskaia entsiklopediia [Rozanov Encyclopedia], sost. i gl. red. A.N. Nikoliukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 2422 stb. (In Russ.)

A.P. Chekhov. Entsiklopediia [Anton Chekhov. Encyclopedia], sost. i nauch. red. V.B. Kataev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2011. 696 p. (In Russ.)

Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries Encyclopedia materials

Compilation and introductory note by Evgenija N. Stroganova

Annotation: The publication presents materials for the encyclopedia “Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries”. The dictionary includes Russian and foreign writers, politicians, military leaders, clergymen, cultural figures, censors, book publishers, etc. The authors of public and private reviews whose names were unknown to Saltykov are also taken into account. The present selection includes only a small part of the articles devoted to Russian writers.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, personal encyclopedia, connection with the epoch, history of culture, commentary on the texts, generalization of the research experience, modern level of comprehension.

Information about the author: Evgenija N. Stroganova, Doctor Hab. in Philology, Professor, General and Slavic Art Studies Department of the Kosygin Russian State University. Moscow. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Условные сокращения

Периодические, серийные и справочные издания

БдЧ – Библиотека для чтения, журнал, 1834–1865.

Брокгауз – Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 1–41А (кн. 1–82). СПб., 1890–1904 [доп. т. 1–2 (кн. 1–4). 1905–1907].

ВЕ – Вестник Европы, журнал: 1) 1802–1830; 2) 1866–1918.

ЖенД – Женское дело, литературный журнал, 1899–1900.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения, 1834–1917.

ИВ – Исторический вестник, журнал, 1880–1917.

Илл. газета – Иллюстрированная газета, 1863–1873.

Илл. – Иллюстрация, журнал, 1858–1863.

Кр. архив – Красный архив, научно-исторический журнал, 1922–1941.

ЛН – Литературное наследство, сборник. М., с 1931.

ЛН, т. 11–12 – Литературное наследство. Т. 11–12: Щедрин. Кн. 1. М., 1933.

ЛН, т. 13–14 – Литературное наследство. Т. 13–14: Щедрин. Кн. 2. М., 1934.

Масанов – *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.

Михневич – *Михневич Вл.* Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб., 1884.

Набл. – Наблюдатель, журнал литературный, политический и ученый, 1882–1904.

ОЗ – Отечественные записки, журнал: 1) 1820–1830; 2) 1839–1884.

РБС – Русский биографический словарь / Под наблюдением А.А. Половцева, т. 1–25. М., 1896–1918.

РВ – Русский вестник, журнал, 1856–1906.

РО – Русское обозрение, литературно-политический и научный журнал, 1890–1898, 1901, 1903.

РСл – Русское слово: 1) журнал, 1859–1866; 2) газета, 1895–1917.

Рус. писатели – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007.

С. в восп. – М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975.

СВ – Северный вестник, журнал литературно-научный и политический, 1885–1898.

СИ – Современные известия, газета, 1867–1887.

СЛ – Современная летопись, газета, 1861–1871.

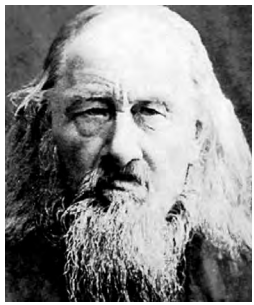
Совр. – Современник, журнал: 1836–1846; 2) 1847–1866.

ТвГВ – Тверские губернские ведомости, газета, 1839–1917.

Щедринский сборник, вып. 5 – Щедринский сборник: Вып. 5: М.Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / Ред.-сост. Е.Н. Строганова. М., 2016.

Архивы

ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГМЗЕ – Государственный музей-заповедник С.А. Есенина
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

Белю́стин (Беллюстин) Иоанн Стефанович (10.I.1819, Старица – 2.VI.1890, Калязин) – священник Тверской епархии, автор работ по вопросам церковно-общественной жизни. Из рода священно- и церковнослужителей Тверской епархии. Окончил Тверскую духовную семинарию (1839), священник села Васюсина Калязинского уезда (1839–43), Николаевского собора в Калязине (1843–87). Б. был очень популярен в Калязине, избирался гласным уездного земства. Писал о тяжелом материальном быте приходского (особенно сельского) духовенства, притеснениях и оскорблениях его духовными и светскими властями. Он требовал отделения церкви от государства и демократизации ее устройства, критиковал современное монашество и выступал за устройство монастырей в соответствии с идеалами раннего христианства. За это в 1861, 1866 и 1875, вопреки просьбе прихожан, духовное начальство не утверждало Б. настоятелем калязинского собора; в 1879–80 ему было запрещено священнослужение. В 1868 Б. открыл при соборе приходскую школу, но не получил разрешения Училищного совета и закрыл ее в следующем году. **С**. мог знать об этих перипетиях, хотя неизвестно, был ли он знаком с Б. и посещал ли его службы. В 1887 Б. уволен за штат.

Круг впечатлений Б. и **С**. в 1830–40-е был общим. В «Пошехонской старине» **С**. рассказывает о помещике-«проказнике» Урванцове, который назвал своих сыновей-близнецов Захарами и разделил между ними имение так, что превратил братьев в смертельных врагов, а их поместья – в застенок для крепостных людей. Аналогичная история есть и в «Дневнике провинциала в Петербурге» (10, *с. 378–379*). В ней отразилась подлинная история семьи ближайшего соседа Салтыковых, майора В.Я. Баранова, который назвал своих сыновей-близнецов Яковами, оба были помещиками-извергами. Б. писал о Я. Баранове 2-м: «Он был весел и доволен, когда слышал стоны истязаемых им, самое высокое наслаждение его было вымучивать и долго и томительно жизнь крестьян своих. Распутство его не знало ни меры, ни пределов» (цит. по: 17, *с. 526*).

В 1846 Баранов был убит на конюшне своими конюхами и поваром. 9 декабря 1846 Е.В. Салтыков сообщил об этом **С**.: «У нас в соседстве совершились неприятности. Баранова, меньшова брата, убили свои люди…» (цит. по: 17, *с. 526*).

Б. отрицательно относился к демократической журналистике. В дневниковой записи 16 июня 1849 он назвал направление Совр. и ОЗ «прямо антихристианским, направлением злым и разрушительным», это «зло», «ужасное и погибельное», «готовили для России адские выходцы – Белинский, Краевский, Некрасов, m-me Панаева и др.» (цит. по: *Леонтьева* 2012, с. 209–210). Существуют сведения, что Б. положительно отозвался о «Губернских очерках» (2, *с. 505*). За книгу «Описание сельского духовенства» (вышла без согласия автора в серии «Русский заграничный сборник», 1858) обер-прокурор Синода граф А.П. Толстой назвал Б. «духовным Щедриным» (цит. по: ЛН, т. 63, кн. 2, с. 197), но мнение **С**. о ней неизвестно.

Единственный раз, и крайне негативно, **С**. упомянул Б. в статье «Несколько серьезных слов по случаю новейших событий в С.-Петербурге» (1863): «…все помнят, какие в прошлом году изрекал “Русский вестник” предики мальчишкам устами г. Белюстина» (5, *с. 347*). Речь идет о корреспонденции Б. «Из Петербурга» по поводу летних пожаров 1862: «На кого указывает народ как на главную причину своих бедствий? Горько и тяжело, а нельзя скрыть – на учащуюся и ученую молодежь. <…> Ради чести науки, ради стольких надежд, которые возлагались было на молодое поколение, не хотелось бы верить подозрениям народа. Но что, если и тут есть своя доля правды? Чтó, если и в самом деле эта молодежь, увлеченная погибельными возгласами проповедников анархии и всеобщего погрома, посредственно или непосредственно принимает в этом участие? – О, какую страшную судьбу готовит она себе!» (*Белюстин И.* Из Петербурга // СЛ, 1862, № 23, с. 6). Это гипотетическое допущение объективно звучало как политический донос. Б. не был ни доносчиком, ни ангажированным автором, но действительно считал студентов поджигателями. 10 июня 1862 он записал в дневнике: «Заподозренных в поджогах – бездна, а виноватых, говорят, не оказывается. Еще бы, в виду виселицы сказать: “он есть”!» (цит. по: *Леонтьева* 2012, с. 334). Иначе сказать, опасаясь казней, Б. считал недопустимым прямое обвинение в поджигательстве.

В связи с этой историей **С**. еще дважды упоминает Б., говоря о другом публицисте: «Подобно Белюстину проносится он по рядам “мальчишек” и поражает их бестрепетно, ибо знает, что “трогает умеючи”. Это волнение спокойное, это гнев, так сказать, сладкий, уверенный в будущей похвале. Это идеал неподозрительного гражданского слога, посредством коего всякий благонадежный человек может выражать свои чувства со всею откровенностью». **С**. пишет о намерении Б. «обвинять

так называемых прогрессистов, нигилистов и мальчишек в измене и революционных стремлениях. <...> Публицист “Русского вестника” менее деликатен, потому что более уверен в своей прозорливости. Кроме положительных указаний г. Белюстина по этому предмету, он имеет еще и некоторые врожденные идеи, которые не оставляют в нем никакого сомнения, что виновники всех бедствий – именно “прогрессисты”» (5, с. 348). **С**. разоблачал Б. как охранительного публициста: не будучи политически ангажированным, Б. занимал антидемократическую позицию.

Литература

Белюстин И. О божественной литургии. Из писем к православному: В 2 ч. СПб., 1862; 6-е изд. 1886; *Белюстин И*. Еще о движениях в расколе // РВ, 1865, т. 57, июнь, с. 761–776; *Белюстин И*. О церковном богослужении. Письма к православному: В 2 ч. СПб., 1862; 6-е изд. 1897; *Белюстин И*. Вечерние беседы с крестьянами: В 2 кн. СПб., 1865–1867; *Белюстин И*. Сельское духовенство во Франции. СПб., 1871; *Белюстин И*. Государство и церковь. Белое духовенство и его интересы. СПб., 1881; *Белюстин И*. Из заметок о пережитом // Церковно-общественный вестник, 1882, № 18, 33, 36, 39, 43, 47, 54, 59;

Леонтьева Т.Г. Из истории провинциального духовенства: И.С. Белюстин. Заметки. М.; Тверь, 2001; *Леонтьева Т.Г*. Священник Иоанн Белюстин: Биография в документах. М.; Тверь, 2012; *Строганов М.В*. Неангажированность как маргинальность: Случай И.С. Белюстина // Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn, 2015, с. 361–367.

Строганов М.В. Белюстин // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII—XIX вв.: В 5 т. СПб., 2016, т. 1, с. 295–302 (при участии Т.А. Ильиной).

М.В. Строганов

Гаéвский Виктор Павлович (22.I.1826, СПб. – 2.III.1888, СПб.) – литературный критик, историк литературы, библиограф, адвокат, общественный деятель (псевд.: *В.Г*.; *В.П.Г*.; *Г-евский В*. и др.). Лицейский товарищ **С.**, который вспоминал, что в каждом курсе был предполагаемый «продолжатель Пушкина»: в 13-м курсе он сам, в 14-м – Г. (17, с. 469). После лицея служил в Министерстве финансов, Министерстве народного просвещения, в Комиссии прошений (с 1855). Поддерживал отношения со многими писателями: был одним из ближайших друзей Н.А. Некрасова, тесно общался с А.В. Дружининым, И.С. Тургеневым, Я.П. Полонским, Д.В. Григоровичем и др. В 1850-х Г. активно сотрудничал в журнале Совр., где публиковал статьи о литературе и живописи. Четы-

ре его статьи о сочинениях А.А. Дельвига (Совр. 1853. № 2, № 5; 1854. № 1, № 9) стали «первой научной биографией» поэта, «не утратившей актуальности и в настоящее время». С 1860-х историко-литературные занятия Г. были посвящены А.С. Пушкину, его работы до сих пор считаются «ценным источником сведений о жизни пушкинского Лицея и раннем периоде творчества поэта» (http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8751). Под редакцией Г. вышло Первое собрание писем Тургенева (1884); в 1885–86 принимал участие в издании собрания сочинений Пушкина.

Социально активный и энергичный человек, Г. состоял членом различных обществ: Общества посещения больных (1850–55), Российского географического общества (с 1850), корреспондентом Вольного экономического общества (с 1851). Он был одним из организаторов Литературного фонда и в течение 17 лет принимал активное участие в его деятельности: член Комитета Литературного фонда, председатель Комитета (1875, 1876, 1879, 1880, 1884), дважды избирался помощником председателя, трижды – секретарем (*Скабичевский А.М.* Летопись общества для помощи нуждающимся литераторам и ученым. 1858–1884 // XXV лет. 1859–1884. СПб., 1884, с. 198–199). Участвовал в деятельности Императорского Русского музыкального общества (1879–83) и Общества поощрения художеств (*Ельницкий*, с. 109). Дневник Г. насыщен информацией о разнообразной деятельности и многочисленных встречах: открытие здания Высших женских курсов, заседание русского отделения Академии наук по поводу присуждения Пушкинской премии, празднование юбилея И.К. Айвазовского, посещение Я.П. Грота и А.Д. Галахова (*Гаевский*, с. 238–242) и др. Он играл ведущую роль в организации похорон Тургенева и установке памятника на его могиле. В.О. Михневич язвительно писал: «Ловкий человек, Виктор Павлович всюду поспевает и на все руки мастер…» (*Михневич*, с. 48).

В 1862 Г. оказался одним из фигурантов «Дела о 32-х» – «о сношениях с лондонскими пропагандистами» (1862–65). По словам современника, он «увлекался» деятельностью Герцена, «веря в возможность быстрого перерождения России при помощи пересаженных на русскую почву западных учреждений и общественного устройства» (В.П. Гаевский. Некролог, с. II). Г. переписывался с Герценом, в 1857 и 1862 встречался с ним за границей (*Герцен А.И.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1962, т. XXVI, с. 119, *389*; Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1859–1864. М., 1983, <кн. III>, с. 364). На допросе и в объяснительной записке Сенату отрицал свою связи с заграничной эмиграцией (Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1859–1864, с. 408, 476), не был привлечен к суду, но в 1863 оставил службу и начал занимался «хождением по судебным делам» (*Ельницкий*, с. 107). В 1866 был принят в число присяжных поверенных округа СПб судебной палаты. Выступал в

политических процессах, в частности был защитником И.А. Худякова на процессе Каракозова. Прослужив более 20 лет, Г. «сумел составить себе известность человека, который ни за что не покривит душою и ни за какие деньги не примет на себя защиту грязного дела» (В.П. Гаевский. Некролог, с. III). До конца жизни Г. оставался верен либеральным убеждениям. См. запись в дневнике от 2 октября 1887: заходил в клуб, чтобы «посмотреть два первых номера “Гражданина”, которого у себя дома заводить не хочу. В этих двух номерах вполне выражен характер газеты ретроградно-клерикально-доносный» (*Гаевский*, с. 241).

Г. был одним из немногих лицеистов, с кем **С.** дружески общался на протяжении жизни, и едва ли не единственным, к кому он обращался на «ты» (правда, по имени-отчеству). Отношения **С**. и Г. после выпуска из Лицея не документированы. В середине 1840-х оба служили в Пб, где их пути могли пересекаться; во второй половине 1850-х, по возвращении из ссылки, **С**. общался с Дружининым, у которого также мог встречаться с Г., но эти встречи носили, скорее всего, случайный характер.

Отношения по-настоящему возобновились только с отставкой **С**. в 1868 и его окончательным переездом в Пб. Сохранилось около 70 писем и записок **С**. к Г., в основном записок, свидетельствующих, что общение было постоянным и тесным. Целый ряд записок **С**. связан с его желанием участвовать или невозможностью участия в товарищеских обедах (2 февраля 1881: 19–1, с. 202; 2 октября 1883: 19–2, с. 236; 23 апреля 1884: 20, с. 8 и др.). Многие записки имеют отношение к деятельности Литературного фонда: ходатайства о выделении денег конкретным лицам (А.Н. Казиной, И.И. Ясинскому, Л.Н. Кривенко), обсуждение вопросов, связанных с деятельностью фонда, в том числе участие в литературных чтениях; извещения о невозможности присутствовать на заседании Комитета из-за болезни (2 февраля 1871: 18–2, с. 65; 25 февраля 1880: 19–1, с. 136; 27 декабря 1880: 19–1, с. 191; 24 мая 1883: 19–2, с. 206 и др.). В ряде писем **С**. обращался к Г. с просьбами личного характера, касавшимися не только его самого, но и других лиц (10 мая 1872: 18–2, с. 106; 17 апреля 1872–74: 18–2, с. 169; 26 июня 1876: 19–2, с. 7–8; 8 июля 1884: 20, с. 52–53 и др.), которые свидетельствуют о многообразии деловых контактов Г. Неоднократность этих обращений говорит о том, что просьбы **С**. выполнялись. В 1870–80-х Г. входил в круг приятелей **С.** – «компанию мушкетеров», ему адресованы и некоторые «мушкетерские» письма **С**. (см.: *Строганова* 2013).

В 1874 в альбоме М.И. Семевского «Знакомые» Г. оставил запись на той же странице, видимо, в то же время, что и **С**., где шутливо репрезентировал себя через аналогию с ним: «…родился почти тогда же, когда и М.Е. Салтыков, а именно 22-го января 1826 года, учился там же, т.е. в лицее; напечатал первое плохое стихотворение в “Библиотеке для чтения”, кажется, в 1843 году; писал мало и плохо» (*Семевский*, с. 73).

С. иронически оценивал литературные занятия Г., что было связано с его общим скептическим отношением к библиографической и историко-литературной деятельности, которую он называл «археологией», не придавая ей серьезного значения (см.: *Равинский Д.К.* М.Е. Салтыков-Щедрин и Императорская публичная библиотека // Щедринский сборник, вып. 5, с. 249–258). Вполне вероятно, что Г. стал одним из прототипов «библиографов» в романе «Современная идиллия» (*Строганова* 2017, с. 185–187). Отвечая Суворину на предложение участвовать в НВ, **С**. писал: «Издайте-ка хрестоматию: отрывки из Краевского, Стасюлевича, Николая Тютчева, Григория Репинского, Баймакова, Виктора Гаевского – расхватают разом. И шельмование будет полное» (26 февраля / 9 марта 1876: 18–2, с. 267). Здесь Г. фигурирует в ряду тех литераторов, чью деятельность **С**. не воспринимал всерьез. Есть основания предполагать, что особенности жизни Г., в частности широта его общения и многообразие культурных контактов, воплотились в романе «Дневник провинциала в Петербурге». Г. являл собой тип столичного культурного деятеля либеральных убеждений, чьи интересы и занятия не касались острых социальных проблем. Такой образ «культурного человека» в произведениях **С**. 1870-х изображен как тип героя времени. Разумеется, Г. не был прямым прототипом щедринских персонажей, но особенности его жизни и деятельности питали творческую фантазию писателя.

Отношения **С**. и Г. не всегда складывались ровно, о чем свидетельствует извинительное письмо **С**. от 24 июня 1887: «Я слишком дорожу твоей дружбой и прошу сердечно простить меня. Ты пишешь, что возмущен моим письмом; а твой ответ произвел на меня еще более горькое впечатление. Я положительно впадаю в смертельную тоску после таких писем. Мучительно умираю, так мучительно, как никто» (20, с. 353). Поводом для конфликта стал слух о том, что Г. назвал прототипом героя очерка «Счастливец» их общего лицейского товарища А.П. Бобринского. Г. негативно воспринял недовольство **С.**, но в действительности основания для упрека существовали. 6 июня 1887 Г. записал в дневнике, что читал в ВЕ рассказ **С**. «Счастливец»: «Вещь довольно слабая. Это воспоминания о каком-то лицейском товарище, в лице которого соединено несколько типов, притом довольно бледных, вследствие чего очерк не удался. Узнать в нем кого-либо нельзя, хотя последние страницы, где описано увлечение спиритизмом, редстокизмом и толкование Евангелия, напоминают гр. А.П. Бобринского» (*Гаевский*, с. 239).

Письма Г. к **С**. неизвестны, но в дневнике неоднократны упоминания о писателе, нередко констатируются моменты его недовольства и раздражительности, но Г. сочувственно пишет о состоянии его здоровья (*Гаевский*, с. 237–238).

Болезненное состояние и мучительное умирание – неизменный лейтмотив записок и писем **С**. к Г., которому он намеревался доверить

заботу о своем погребении: «Посматривай иногда ко мне в квартиру, не умер ли я. В случае чего, я вручу тебе пакет на счет погребения и укажу средства, как это выполнить» (23 мая 1885: 20, с. 184). Но Г. умер раньше, и в соболезнующем письме к его вдове **С**. подвел итог своим отношениям с покойным: «Я глубоко сочувствую понесенной Вами дорогой утрате. Лично я всегда видел в покойном дружески расположенного ко мне человека, который неоднократно приходил ко мне на помощь. Да почиет прах его в мире, а Вам и маленькому Коле от всей души желаю, чтоб горе Ваше загладилось, и в то же время, чтоб память о дорогом человеке долго жила в сердцах Ваших» (20, с. 408).

Литература

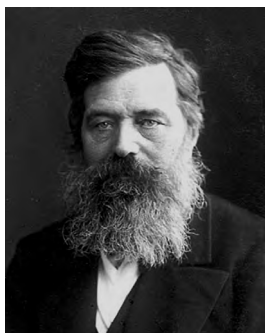
Гаевский В.П. Из дневника В.П. Гаевского (1883–1887) // Красный архив, 1940, № 3 (100), с. 229–243; *Семевский М.И.* Знакомые: альбом М.И. Семевского. СПб., 1888, с. 73; Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 9: Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). М., 1948;

В.П. Гаевский. Некролог // ИВ, 1888, т. 32, № 4, с. I–IV; *С<тасюлевич М.М.>*. Некролог. В.П. Гаевский // ВЕ, 1888, № 4, с. 914–916; *Вейнберг П.И.* Литературные обеды (Из моего литературного архива) // ИВ, 1908, т. 111, № 1, с. 183; *Плещеев А.А.* Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914, т. 3, с. 1–2; *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986;

Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 35–39; *Смирнов В.А.* В.П. Гаевский – современник Некрасова // Некрасовский сборник. VIII. Л., 1983, с. 67–73; В.П. Гаевский. – http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8751; *Строганова Е.Н.* «Мушкетерские» письма М.Е. Салтыкова // М.Е. Салтыков-Щедрин: Pro et contra. Антология, кн. I. СПб., 2013, с. 28–52; *ее же*. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками: Монография. М., 2017, с. 185–188;

Селезнев И. Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицей за первое его 50-летие. С 1811 по 1861 г. СПб., 1861; *Ельницкий А.* Гаевский Виктор Павлович // РБС, т. 4, с. 106–110; *Масанов*, т. 4, с. 119; *Краснов Г.В.* Гаевский // Рус. писатели, т. 1, с. 510–511.

Е.Н. Строганова

Гиля́ров-Плато́нов Никита Петрович (23.V.1824, Коломна Московской губ. – 13.X.1887, СПб.) – философ, богослов, публицист. Родился в семье приходского священника П.М. Никитского, фамилию *Гиляров* (от *лат*. hilaris – веселый) получил в Коломенском духовном училище, приставки *Платонов* удостоен в Московской духовной академии при получении стипендии митрополита Платона (Левшина). Проявил себя как выдающийся преподаватель, читая лекции по герменевтике

Св. Писания и истории русского старообрядчества. В звании профессора вынужден был подать прошение об отставке и увольнении из духовного звания за интерпретацию раскола, расходившуюся с официальной точкой зрения. С 1856 цензор в московском духовно-цензурном комитете, чиновник особых поручений при министре народного просвещения (1862–63), управляющий Московской синодальной типографией (1863–67), издатель и редактор газеты СИ (1867–87) и еженедельника «Радуга» (1883–84). Свое предназначение видел в служении «долгу добросовестной печати» (*Гиляров-Платонов* 2008, с. 664) и стремился толковать с «простым людом о том, что ему знать желательно» (*Разумевающие верой*, с. 61). Считая православие наиболее чистым выражением идеи Христа, Г.-П. обличал тех, кто использовал евангельское учение для защиты корыстных интересов. Не принимая догматику и нравственные идеалы раскола, выступал за дарование самых широких прав старообрядцам. СИ были «единственной газетой, не стеснявшейся пробирать вовсю духовенство и даже полицию» (*Гиляровский*, с. 66), за что подвергались цензурным гонениям.

Факт личного знакомства **С.** с Г.-П. не установлен. В 1856, работая над статьей о «Сказании…» инока Парфения, **С.** обращался к рецензии Г.-П. на эту книгу. Он разделял его оценку, что подтверждается некоторой перекличкой в их текстах, возможно, объяснимой близостью **С.** во второй пол. 1850-х к славянофильскому кругу.

В эпистолярии **С**. 1870–80-х встречаются упоминания о газете Г.-П. В письме к А.Ф. Каблукову от 14 января 1871 **С.** просит по прочтении газеты передавать ее витеневскому священнику (18–2, 62). Адресуясь к В.М. Соболевскому 8 апреля 1885, **С.** упоминает о «довольно своеобразном» поступке с СИ, когда выпуск газеты был на месяц приостановлен (20, с. 170).

В СИ регулярно публиковался «Указатель журналов», где упоминались в том числе и произведения **С.**, печатавшиеся в ОЗ. Газета не раз обращалась и непосредственно к сочинениям **С.** Рецензенты писали о его «удивительном искусстве употреблять преувеличения», его блестящем владении языком сатиры: «В Щедрине юморист сливается с мыслителем и это и составляет его силу <...> его саркастический смех есть не что иное, как форма, принятая им для протестов, серьезных по своей сущности и зачастую настолько справедливых, что невольно соглашаешься с ними». Говоря об очерке «Привет», рецензент указывал на особенность сатирической манеры **С**.: читатель «чувствует себя в присутствии человека, который, не показывая виду, страдает от разных аномалий, встречающихся в жизни» (СИ, 1876, № 204, 19 июля, с. 1). Очерку **С.** «Тряпичкины-очевидцы» была посвящена статья Г.А. Лароша. Называя юмор писателя «неумолимым», а самого **С**. «истым сатириком», он замечает, что сатира его лишена «всякого характера пасквиля или личных

нападок», а «эскизы вызывают такой искренний смех <...> невозможные призраки так забавляют читателя, что он никогда не забывает шуток блестящего юмориста и при первой встрече с человеком, который напоминает какой-либо чертой своего характера последний эксцентрический тип, созданный Щедриным, он немедленно приводит себе на память этот тип» (СИ, 1877, № 255, 16 сентября, с. 1). По поводу очерка «Finis Монрепо» критик *Домино* писал: «Что за едкая, глубокая и высоко художественная сатира! <...> С беспощадной иронией наш сатирик срывает маску с наших “дельцов”, которые мнят, что представляют основы общественного строя и в состоянии управлять судьбою страны. Нет для них приличнее названия, как граждане ретирадных мест». Особое внимание критик уделил типу щедринского «культурного человека», который «не способен сделаться Разуваевым, но жизнью и воспитанием только и приготовлен к ничегонеделанию», так что ему остается «лишь мирно сойти со сцены» (СИ, 1879, № 279, 10 октября, с. 1). Газета откликнулась и на роман «Господа Головлевы», утверждая, что «Арина Петровна и Иудушка останутся в нашей литературе замечательными типами, художественно обработанными автором до малейших деталей» (СИ, 1881, № 13, 14 января, с. 2).

Литература

[Гиляров-Платонов Н.П.] «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения…» М., 1855 // РБ, 1856, кн. 3, с. 1–45; *Гиляров-Платонов Н.П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение…». М., 2008; *Разумевающие верой*: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887). СПб., 2011;

[*Б. п.*] Внутренние известия // СИ, 1868, № 69, 11 марта с. 2–3; *Гиляровский В.А*. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994, т. 2. с. 63–66;

Осьмакова Н.И. Гиляров-Платонов // Рус. писатели, т. 1, с. 561–563.

Е.А. Бузько

Коропче́вский (Карап(б)чевский) Дмитрий Андреевич (5.VII.1842, Москва – 18.XII.1903, СПб.) – этнограф, антрополог, публицист, переводчик, беллетрист, литературный и театральный критик (псевд.: *Д. К.; К.; К-ский Д.; К-ский Д.А.; Таранский Г.; Этнограф*). В 1859–63 учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета; в студенческие годы занялся этнографией и антропологией, а «за отсутствием кафедры антропологии в тогдашних университетах, он избрал журнальную литературу как путь распространения антропологических знаний» (*Ивановский*, с. 195). В 1863–67 служил в канцелярии московского генерал-губернатора, в 1868–71 – при канцелярии Петербургского совета детских приютов и в Департаменте торговли и мануфактуры. В 1870–77 К. принимал деятельное уча-

стие в издании журнала «Знание», который наряду с ОЗ был «главным органом социологии», «прежде нежели идея о новой науке и основные положения ее позитивного понимания стали утверждаться в академической среде» (*Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 2007, с. 556). В издательстве журнала вышли его переводы сочинений Ч. Дарвина, Э.Б. Тайлора, Дж. Леббока и др. В 1878–80 редактировал журнал «Слово», в 1881 – «Новое обозрение». Печатался в «Деле», «Нови», СВ, Набл. и др.

С. был знаком с К., по всей вероятности, с конца 1870-х благодаря Г.И. Успенскому. В 1881 они общались в Париже. В письме к Н.К. Михайловскому от 11 сентября 1881, обсуждая содержание ближайших номеров ОЗ, **С.** упоминает К. в связи с возможностью привлечения в журнал М.Н. Альбова: «Говорят, что Альбов хорошо пишет. Я ничего не читал, но хвалят. Нельзя ли его привлечь в “Отеч<ественные> зап<иски>”. Коропчевский говорил мне (здесь), что он готовит большую повесть» (19–2, с. 38). В воспоминаниях Ив. Щеглова (И.Л. Леонтьева) приведены слова К. о **С**.: «Бог знает с чего он напускает на себя такую свирепость <…> в сущности, это предобрейший человек» (*Щеглов*, с. 304).

В критических статьях К. отзывался о творчестве **С.** с особым пиететом. Как крупнейшую его заслугу перед современным обществом он воспринял очерк «Первое апреля. – Первое мая» («Круглый год», 1879): «Г. Щедрин совершенно справедлив, сознаваясь, что современная русская литература “стоит не особенно высоко”, что она “робка, неустойчива и совсем-совсем невлиятельна”. Всё это можно говорить, однако, – как делает наш автор, – лишь в виде сожаления и с болью в сердце, но никак не с презрением и не в виде упрека» (*Д.К.*, с. 118). К. заявлял: «Если б не Щедрин, будущий историк далеко не мог бы воссоздать настоящей картины современного нам общества по нынешней беллетристике. Только этот необыкновенно чуткий и замечательно талантливый сатирик умеет уловить веяния времени, как только они становятся чувствительными, и умеет фиксировать на своих страницах наиболее типичные черты движущейся перед ним картины современной действительности» (*Д.К.*, с. 140). Полемизируя с А.М. Скабичевским по поводу значения **С.**, К. утверждал, что писатель занимает совершенно особое положение и стоит «во главе всей публицистической беллетристики, в настоящем смысле этого слова, потому что он был ее творцом. Под его пером все крупные и мелкие метаморфозы общественной жизни, все подвижные формы общественной мысли превращались в отвлечения <…> и эти отвлечения находили для себя характерные, хотя часто и гиперболические, олицетворения. <…> Салтыков хорошо знал и понимал народ, как об этом можно судить по его рассказам из народного быта и сказкам, но он лучше знал жизнь культурных классов, потому что он жил и болел этою

жизнью» (*Коропчевский Д.*, с. 899). К. писал о влиянии **С.** на современную литературу, которое отразилось «в особенности на многих писателях, работавших в его журнале» (*Коропчевский Д.*, с. 900).

Литература

Д.К<оропчевский>. Роль критики в современной литературе. IV // Слово, 1879, № 12, отд. II, с. 118–149; *Коропчевский Д.* Роковая ошибка. История новейшей русской литературы (1848–1890) А.М. Скабичевского. Изд. Ф. Павленкова. С.-Пб., 1891 // РО, 1891, № 8, с. 876–908; *Коропчевский Д.А.* Значение «географических провинций» в этногеническом процессе. СПб., 1905;

Ивановский Ал. Д.А. Коропчевский // Русский антропологический журнал, 1903, № 3–4, с. 195–198; *Могилянский Н.* Д.А. Коропчевский (Некролог) // ЖМНП, 1904, № 3, отд. «Современная летопись», с. 108–123;

Щеглов Ив. Суровый добряк (Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове-Щедрине) // С. в восп., т. 1, с. 300–304; *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М., 2010, т. 1, с. 228–234, 363–367; т. 2, с. 30–33, 58–61;

Рогалина Е.А. Коропчевский // Рус. писатели, т. 3, с. 85–86.

И.А. Книгин

Крестóвский Всеволод Владимирович (11.II.1840, с. Малая Березянка, Киевской губ. – 18.I.1895, Варшава) – писатель. Учился в 1-й Петербургской гимназии (1850–57), на юридическом факультете Петербургского университета (1857–61). Член комиссии по исследованию подземелий Варшавы (1865–66). С 1868 служил унтер-офицером в 14-м уланском Ямбургском полку, написал историю полка (1873). Переведен в гвардию (1874), по предложению Александра II написал «Историю лейб-гвардейского Уланского его величества полка» (1876). Как журналист участвовал в русско-турецкой войне 1877–78, редактор газеты «Военно-летучий листок». В 1880–81 секретарь при начальнике Тихоокеанской эскадры, с 1882 чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Туркестана М.Г. Черняеве; в 1884 причислен к Министерству внутренних дел. С 1892 до конца жизни редактор газеты «Варшавский дневник». Печатался с 1857.

С. в своем отзыве на первую книгу К. «Стихи» (1862) близко сошелся с Д.Д. Минаевым, который писал: «*На всё отозвался, ни до чего не договорился*» (РС, 1863, № 1, отд. II, с. 45–53). Независимо от Минаева **С**., признавая К. «писателем не без таланта» (5, с. 331), подчеркивал, что его подражания обнажают слабые стороны автора, которому он подражает, и оборачиваются пародией. Эту мысль он повторяет в

«Нашей общественной жизни» (1863): «Неловкий подражатель всегда или не доскажет, или перескажет что-нибудь – ну, и сразит! Вспомните г. Вс. Крестовского: мог ли А.Н. Майков предчувствовать, что ему придется погибнуть от руки его в цвете лет?» (6, с. 48).

К. стал для **С**. символом характерных черт массовой культуры: «раздражение чужою мыслью» (5, с. 327) и эротизм как форма скандалезности. **С**. противопоставляет К. настоящей литературе (в частности Н.Д. Хвощинской): «Есть настоящий Крестовский (к сожалению, псевдоним) и есть псевдо-Крестовский (Всеволод, к сожалению, не псевдоним)» (6, с. 482). Предостерегая от приобретения одной псевдонаучной книги, **С**. рекомендовал сэкономить деньги «на покупку нового романа г. Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”, в котором, судя по отрывку, помещенному в журнале “Эпоха”, скандалов и ужастей будет даже больше, нежели сколько было прошлой зимой ухабов на петербургских улицах» (5, с. 443). Отрывок «Ерши» из «Петербургских трущоб», помещенный в журнале «Эпоха», **С**. упоминает в памфлете о стрижах (6, с. 491). Принадлежность «Петербургских трущоб» к массовой культуре сказывается и в логических противоречиях повествования: «…вы встречаетесь с обилием происшествий, одно другого чуднее, одно другого невероятнее. Убийца оказывается спасителем, прелюбодей – евнухом, нищий – миллионером, беременная женщина – невинною, вот как, например, у г. Крестовского. На людей простосердечных это действует без промаха» (9, с. 238). По мысли **С**., К. не имеет своего лица и служит на посылках у издателей и журналистов: «…известный издатель Стелловский подсылает поэта Вс. Крестовского, чтобы узнать, не позволит ли блестящий оратор напечатать свою речь отдельными экземплярами и разослать при афишах» (6, с. 216).

О К. как авторе антинигилистического романа «Панургово стадо» (1869; отд. изд. 1870) **С**. упоминает в связи с тем, что молодых деятелей революционного движения сравнивали с бессмысленными животными, идущими за вожаком: «…кажется, чего-чего не говорили и не писали о панурговом стаде» (9, с. 219). Образ Панургова стада из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» был общим местом в европейской культуре, именно так использовал его К., и **С**. возвращается к оценке К. как неоригинального переносчика общих мест. Псевдолиберализм автора **С**. разоблачил в сатире «Похвала легкомыслию», говоря о дворянине, который во имя единства с народом «подружился с Вс. Крестовским, в Вяземский дом ночевать ходил» (7, с. 409–410). Речь идет о доходном доме, который К. описал в романе «Петербургские трущобы»: одно из самых нищих и криминальных мест Петербурга называли Вяземской лаврой и Вяземскими трущобами.

К. ни разу публично не высказывался о **С**., и они едва ли были лично знакомы, но их тексты нередко перекликаются. Оба писателя упоминают

романс «Не уезжай, не уезжай, голубчик мой!» У К. в «Петербургских трущобах» описывается пошлый офицер, исполняющий «сиплый романс под аккомпанемент гитары» (*Крестовский* 1990, т. 1, с. 384); то же и в «Очерках кавалерийской жизни» при изображении лихого гусара Буянова (*Крестовский* 1892, с. 346–347). **С**. упоминает этот романс в незавершенном произведении «В больнице для умалишенных» (10, с. 593). У К. романс характеризует вкусы армейской среды, у **С**. – современное состояние культуры в целом. В «Дневнике провинциала» критик Неуважай-Корыто доказывает, что «Чижик-пыжик» должен показать «неподлинность романса» «Не уезжай, не уезжай, голубчик мой». По мнению **С**., бессмысленные занятия «культурных людей» отвечают низким вкусам толпы, которые он описывает не прямо, а через подобные труды историков культуры. В «Очерках кавалерийской жизни» К. упоминает французский романс «A Provins», который исполняет актриса провинциального театра (*Крестовский* 1892, с. 14). У **С.** этот романс по любым поводам напевают представители «чистой» публики, таким образом, он репрезентирует ее вкусы и нравы (Письма о провинции: 6, с. 229; Господа ташкентцы: 10, с. 91; В больнице для умалишенных: 10, с. 596–597; В дружеском кругу: 11, с. 416; День прошел – и слава Богу: 12, с. 147–148). К. идет вслед за **С**. или даже рядом с ним, но явно не дотягивает до предмета его сатиры.

Литература

Крестовский Вс.Вл. Очерки кавалерийской жизни. СПб., 1892; *Крестовский В.В*. Петербургские трущобы. Л., 1990;

Строганов М.В. Вс. Крестовский, М. Салтыков и два романса // Культура и текст: Сетевой научный журнал. Барнаул: АлтГПА, 2017, № 2 (29), с. 82–107;

Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 г. СПб., 1893, с. 367; *Викторович В.А*. Крестовский // Рус. писатели, т. 3, с. 146–149.

М.В. Строганов

Лажéчников (настоящая фамилия Ло́жечников) Иван Иванович (14.IX.1792, Коломна – 26.VI.1869, Москва) – писатель. С 12 лет служил в Московском архиве иностранной коллегии, потом в канцелярии московского генерал-губернатора; брал приватные уроки у профессоров П.В. Победоносцева и А.Ф. Мерзлякова. В 1812 против воли родителей поступил в ополчение, участвовал в бою под Бриенном и взятии Парижа, позже был адъютантом при графе А.И. Остермане-Толстом. После отставки Л. был назначен дирек-

тором училищ Пензенской губернии и Пензенской мужской гимназии (1819), в 1823 переведен на ту же должность в Казанскую губернию, в 1831–37 – в Тверскую. В 1843–53 тверской вице-губернатор. По халатности или доверчивости Л. был замешан в денежные махинации местных чиновников, вследствие чего в 1853 был переведен на должность вице-губернатора в Витебск; в 1854 вышел в отставку. В 1856 служил в Петербургском цензурном комитете.

Печатался с 1807. Мемуары «Походные записки русского офицера» (1820) посвящены событиям 1812 года и заграничным походам. Автор исторических романов («Последний Новик», 1831–33; «Ледяной дом», 1835; «Басурман», 1838; «Колдун на Сухаревой башне», 1840: не завершен), исторических и бытовых драм («Христиан II и Густав Ваза», 1841; «Опричник», 1842; «Горбун», 1858 и др.), автобиографической повести «Беленькие, черненькие, серенькие» (1856). Романы «Немного лет назад» (1862) и «Внучка панцирного боярина» (1868) не имели успеха. Написал воспоминания о А.С. Пушкине, В.Г. Белинском, А.П. Ермолове, М.Л. Магницком.

С. не испытывал интереса к Л., хотя по роду своей службы в Твери был достаточно осведомлен о перипетиях его жизни. В рецензии на роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» (1863), иронизируя над устарелыми приемами, **С**. писал: «…вы воскресили для меня мою юность, напомнили мне появление “Юрия Милославского”, “Рославлева”, напомнили первые попытки робкого еще тогда Ло́жечникова» (5, с. 353). Первоначально Л. подписывался своей подлинной фамилией, которая выдавала его купеческое происхождение. В Твери знали об этом и в период отставки стремились уколоть напоминанием: в ТвГВ фамилия Л. писалась через ***о*** в извещениях о прибытии и убытии его из губернии (ТвГВ, 1839, № 42. Прибавление, с. 211; 1840, № 3, Прибавление, с. 6 и др.).

С. признавал искренность позиции автора, выраженной в произведениях Л., и в рецензии на роман «Немного лет назад» (1863) писал: «…современная русская критика, приступая к оценке произведений известного писателя, никак не может оставаться равнодушною к его личности или, лучше сказать, к тому живому нравственному образу, которого присутствие слышится в его произведениях» (5, с. 308). Но в целом литературную деятельность Л. он оценивал иронически: «Пылкий и восприимчивый юноша двадцатых годов, восторженными красками изображавший любовь пламенного старца Волынского к цыганке Мариорице, он сделался пылким и восприимчивым старцем, восторженными красками изображающим радость по поводу разных предпринимаемых правительством мер для блага отечества» (5, с. 307). **С**. считал, что политически конкретный идеал ограничивает художника в изображении жизни, что и отмечает в романе Л.: «Например, г. Лажеч-

ников вполне уверен, что в настоящее время Россия представляет собой земной рай, – и я верю, что он искренно верит этому. Для него задачею всей его жизни, раем всех его помыслов было уничтожение крепостного права; как скоро событие это совершилось, то вместе с ним совершилась вся задача его жизни, вместе с ним опустился на землю рай его помыслов» (5, с. 309–310). Манера Л. была спародирована в миниатюре **С**. «Маша – дырявое рубище» (Наша общественная жизнь, 1863. – 6, с. 32), в названии которой отзывается имя героини романа «Немного лет назад» – «Дуня Изумрудный Крестик».

Не устраивал **С**. и устарелый прием изображения человека как носителя положительных и отрицательных свойств, что с наибольшей силой сказалось в рецензии на роман «Внучка панцирного боярина» (1868): «Помимо воли почтенного автора, добродетель является в его произведении не в виде скромной и почтенной личности, которая действует честно и справедливо, потому что для нее это самая естественная и согласная с указаниями здравого рассудка форма действия, но в виде надоедливой старухи-салопницы, которая никак не действует и не поступает, а только выпрашивает грош в вознаграждение за свою бессодержательную болтовню» (9, с. 292). Резкая оценка этого романа объясняется тем, что Л. выступил против демократических начал русской жизни 1860-х.

Противопоставляя «прежнего Лажечникова» «новому» (9, с. 292), **С**. вспоминает свое мнение 1863: «Пиши г. Лажечников свои мемуары <…> он имел бы дело с одною искренностью и, конечно, доставил бы читателям чтение занимательное, а не обременительное» (5, с. 311). В 1868 он также пишет: «Когда-то г. Лажечникову был высказан совет оставить область творчества и заняться, буде он находит для себя литературный труд небесполезным, изданием мемуаров, которые, во всяком случае, должны быть небезынтересны. Совет этот мы и с своей стороны находим весьма разумным и охотно присоединяем к нему наш слабый голос» (9, с. 296–297).

Отзывы Л. о **С**. неизвестны.

Литература

Лажечников И.И. Немного лет назад: Роман в 4 ч. М., 1863; *Лажечников И.И.* Внучка панцирного боярина: Роман из времен последнего польского мятежа: В 3 ч. СПб., 1868;

Строганов М.В. Биографические и творческие документы И.И. Лажечникова в Тверском архиве // Дом Лажечникова: Историко-литературный сб., вып. I. Коломна, 2004, с. 143–154; *его же.* Лажечников и Тверь (по материалам Тверского архива) // Лажечников и Тверской край. Тверь, 2005, с. 9–34; *Иванов П.* Лажечников, Салтыков-Щедрин, Петропавловский… Редакторы и чиновники «Тверских губернских ведомостей». – [http://www.vedtver.ru/issue/14554] [24.10.2017].

Викторович В.А. Лажечников // Рус. писатели, т. 3, с. 273–277.

М.В. Строганов

Хво́щи́нская Софья Дмитриевна (20.V.1824/1825, с. Воронки Рязанской округи – 5.VIII.1865, Рязань) – писательница (псевд.: *И. Весеньев*, *Ив. Весеньев*). Первоначальное образование получила дома; в 1836–43 воспитывалась в московском Екатерининском институте, где преподаватель словесности А.Д. Галахов отметил ее «особенную» способность к «свободному литературному изложению» (*Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999, с. 131–132). После окончания учебы жила в Рязани, изредка выезжая в Москву и Петербург. К литературной деятельности обратилась в 1857, печаталась в ОЗ, «Иллюстрации», БдЧ, РВ. В своих произведениях Х. создавала образ современного общества, показывая быт, нравы и психологию провинциального дворянства. Ее стиль отличается аналитизмом, эмоциональной сдержанностью и ироничностью, что ярко проявилось в жанре нравоописательного очерка («Простые смертные», «Биография одного семейства», «Плач провинциала» и др.); была также автором трех романов (см.: *Строганова* 2011, с. 225–241; *Строганова* 2014, с. 67–77). Гражданские идеалы Х. выразились в анонимном очерке «Александр Николаевич Радищев» (авторство было установлено в XX в.: *Могилянский А.П.* Анонимная статья о Радищеве 1861 г. // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950, с. 287–289). Она писала об актуальности идей Радищева: «Кажется, что его голос раздается между нами, когда после целого полустолетия, многие из его мыслей обратились в животрепещущие, деятельно разрабатываемые вопросы настоящего времени» *([Б. п.]* Александр Николаевич Радищев // Илл., 1861, 2 марта, № 159, с. 130).

У **С**. не встречается упоминаний о Х., и факт личного общения устанавливается предположительно, на основании косвенных данных. В 1858–60 **С**. служил в Рязани и, вполне возможно, встречался с Х., посещая ее старшую сестру – известную писательницу Н.Д. Хвощинскую, чья семья, по рассказам рязанских старожилов, «занимала первое место» среди знакомых **С**. (*Дризен Н.В.* М.Е. Салтыков в Рязани. 1858–1860; 1867–1868 // ИВ, 1900, № 2, с. 613).

В текстах Х. нет прямых упоминаний о **С**., но названия некоторых ее очерков, где автор объединяет себя с провинциалами местоимением «мы», образованы по модели щедринских: у **С**. – «Наш дружеский хлам» (Совр., 1860, № 8), «Наши глуповские дела» (Совр., 1861, № 11), «Наш губернский день» (гл. I–II: Время, 1862, № 9; гл. III: Совр. 1863, № 3); у Х. – «Земные радости и горести нашего переулка» (ОЗ, 1862, № 6), «Кое-что из наших нравов» (ОЗ, 1862, № 9), «Наша городская

жизнь» (БдЧ, 1864, № 3). Сближают писателей и некоторые особенности творчества. Х., подобно **С**., показывает не только внешнюю обстановку, но и внутреннюю атмосферу провинциальной жизни. Их тексты роднит критический анализ подробностей провинциального существования, но Х. более склонна к нравоописанию. Есть различия и между фигурами рассказчика-провинциала: в произведениях Х. этому персонажу в большей степени свойствен взгляд изнутри, у **С**. же, в силу сатирического заострения, рассказчик дистанцирован от коллективного «мы».

Литература

«Я живу от почты до почты…»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской. Fichtenwalde, 2001, с. 58–63, 239–245;

Некролог // Илл. газета, 1865, 19 авг., № 32, с. 111–112; *[Б. п.]* <Биография> / П.Д. Хвощинская // Крестовский В. (псевдоним). Собрание сочинений. СПб., 1892, т. I, с. I–XVIII; *Каррик А*. Из воспоминаний о Н.Д. Хвощинской-Заионч-ковской (В. Крестовский-псевдоним) // ЖенД. 1899, № 9, с. 3–19; № 11, с. 36–53;

Цебрикова М. Русские женщины-писательницы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь, 2006, с. 259–307;

Строганова Е.Н. Русские как «новые немцы» в произведениях С.Д. Хвощинской // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: Вторая половина XIX столетия – Серебряный век. М., 2011, с. 225–241; *ее же*. Роман С. Хвощинской «Мудреный человек» в общественно-литературном контексте // Славянские чтения. X. Daugavpils, 2014, с. 67–77;

Кульман Е. Хвощинская Софья Дмитриевна // РБС, т. 21, с. 303–304; [*Коробка Н.*] Хвощинская Софья Дмитриевна // *Брокгауз*, т. XXXVII, с. 147.

Архивные материалы

Аттестат С.Д. Хвощинской об окончании Московского ордена святой Екатерины училища // ГМЗЕ, ф. Хвощинских, ОНФ 6165. Р-528.

Письмо А.Г. Маркеловой от 2 января 1859 г. // РИАМЗ, КП 6413/2.

Письмо Н.Д. и С.Д. Хвощинских к матери от 12 февраля 1858 г. // РИАМЗ, КП 6413/16.

Письмо Н.Д. Хвощинской к О.А. Новиковой от 13 апреля 1863 г. // РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 850.

Прошение Д.К. Хвощинского от января 1830 г // ГАРО, ф. 98, оп. 15, д. 31, св. 110б.

Свидетельство из Рязанской духовной консистории // ГАРО, ф. 98, оп. 11, св. 98, д. 46.

Е.Н. Строганова

Чеши́хин Всеволод Евграфович (6.II.1865, Рига – 14.XII.1934, Нижний Новгород) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, публицист, музыкальный критик (псевд.: *Вс. Ч.*, *Всев. Ч.*, *Чеш-ин*, *Всеволод*, *Дилетант* и др.). Окончил юридический факультет СПб университета (1887), служил в Рижском окружном суде (с перерывом до 1906). Печатался в «Рижском вестнике», «Прибалтийском листке» (с 1910 – «Прибалтийский край»), «Рижской мысли», в журналах «Артист», «Наблюдатель» «Жизнь искусства»; издатель журнала «Всемирный почтовый союз» (1904–1907, с 1906 – «Всемирный союз»); написал «Историю русской оперы» (2-е изд. – 1905).

Автор «Венка сонетов на могилу М.Е. Салтыкова» (1890) – первого оригинального венка сонетов на русском языке. В цикле содержательно выделяются две части: в первой преобладают мотивы прославления и оплакивания (сонеты 1–8), во второй – мотивы забвения и преодоления его (9–14), которые соединяются в магистрале (15). В первой части последовательно выдержана система оппозиций, характеризующих деятельность **С.**: *лавры/терн колючий* (1), *ты/мы*, *гигант/пигмей* (2), *зеленый дуб/лоза гнилая* (3), *мудрец/невежды* (4) и т. д. С помощью оппозиций создается представление об уникальности фигуры **С**. и его отличии от современников: мощный *богатырь*, *гигант* и вместе с тем *мудрец* одиноко противостоит толпе *пигмеев* и *невежд*. Такая героизация, обусловленная спецификой жанра, выделяет произведение Ч. в общем корпусе стихотворных некрологических откликов на смерть **С**. Отличается оно и общей возвышенностью лексико-синтаксического строя: нанизывание риторических восклицаний и вопросов, множество восклицаний, использование книжной лексики (*светоч*, *глава*, *вежды*, *песнь*), обилие метафор (*пустыня жизни*, *вдохновенья ключ*), использование сентиментальных формул (*милая гробница*) и природных уподоблений.

Подобно своим современникам, Ч. акцентирует значение сатирического творчества **С**., «певца негодованья» (6), и уподобляет его Ювеналу (7), но, в отличие от других, вербализует семантику битвы, сражения: «гиганта меч» (2), «был твой меч остер», «врагов ты поражал» (3), «боец» (5), «неравная борьба», «бесстрашный герой-исполин» (9, 10). Несколько иные очертания, чем в других некрологических стихах, приобретает и тема родины: говорится не столько о любви **С**. к родной земле («доблестный сын», «гражданин»), сколько о любви к нему Отчизны: «Утешится ль в потере неминучей / Отчизна-мать, о гражданин могучий?» (2), и смерть писателя осознается как «народное горе» (13). Зна-

чение деятельности **С**. представлено так же, как и в других стихах, но доминирует понятие *пророк*, лишь один раз встречается слово *учитель*: «“забытых слов” учитель» (9). Как и остальные авторы, Ч. упоминает только это произведение **С**., т.е. наиболее репрезентативным оказывается последний незавершенный замысел писателя.

Отчетливо выраженная в цикле установка на прославление писателя-гражданина, «пророка, мыслителя и бойца», поддержана жанровой формой венка сонетов. Однако эта «традиция гражданской тематики» в венке сонетов не имела продолжения (*Подковырова В.Г.* Русский венок сонетов), так что произведение Ч. оказалось не только первым оригинальным, но и единственным в своем роде образцом жанра.

Литература

Чешихин Всеволод. Стихи (1887–1893). – Рига, 1894, с. 211–219;

Круминя И. Всеволод Евграфович Чешихин // Даугава. 1996. № 4, с. 128–145; *Подковырова В.Г.* Первый русский венок сонетов и его автор Вс.Ев. Чешихин // От Ермолая Еразма до Михаила Булгакова. СПб., 1997, с. 73–87; *ее же*. Русский венок сонетов: Ранняя история. 1889–1909 гг. [http://rudocs.exdat.com/docs/index-296968.html] [12.09.2017].

Подковырова В.Г., Тюкин В.П. Некоторые замечания по поводу «Венка сонетов на могилу М.Е. Салтыкова» Вс.Е. Чешихина [http://studydoc.ru/doc/3727007/v.g.-podkovyrova--kandidat-filologicheskih-nauk--nauchnyj-s...] [12.09.2017].

Строганова Е.Н. «Венок сонетов на могилу М. Е. Салтыкова» Вс. Е. Чешихина в контексте стихотворных откликов на смерть писателя // Поэзия филологии. Филология поэзии: Сб. конференции, посвященной А.А. Илюшину. Тверь, 2018, с. 70–76.

Е.Н. Строганова

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-387-415
УДК 882-054.72 (092) Ремизов

«Ни в одном русском писателе не было такого слияния человека с писателем…»

Художественно-эстетический феномен А.М. Ремизова в рецепции современных исследователей

Е.Е. Вахненко

Аннотация: Работа посвящена обзору научных исследований личности и художественного наследия А.М. Ремизова, опубликованных на русском языке отдельными проектами, а также в повременной печати, сериальных трудах, сборниках научных статей. Дается краткая история развития ремизоведения в отечественном литературоведении 1970–2017 гг., обозначаются новые ракурсы в осмыслении учеными художественно-эстетического феномена Ремизова. В Приложении приводится библиографическая роспись русскоязычных работ современных исследователей, не зарегистрированных в академическом указателе 2016 г.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, периодическая печать, рецепция, ремизоведение, литературная репутация, библиография, художественно-эстетический феномен.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Вахненко, к.ф.н., доцент Иркутского государственного университета, докторант ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Россия. E-mail: katy250579@mail.ru

В истории русской словесности имя Алексея Михайловича Ремизова в течение долгого времени оставалось загадкой: стереотип, выработанный в Советской России по отношению к писателям-эмигрантам, не позволял отечественному читателю познать художественный мир этого оригинального и самобытного писателя, оценить силу его таланта и необыкновенно глубокий творческий потенциал. Только к началу 1970-х гг. исследователи начали проявлять внимание к личности Ремизова и его художественному наследию: впервые в 1971 г. в краткой энциклопедии была помещена небольшая статья, в которой о Ремизове говорилось в контексте его идеологической позиции, но вместе с тем отмечалось и значение писателя для отечественного литературного процесса[1]. Научный интерес к лич-

[1] *Григорьянц С., Михайлов О.* Ремизов // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Стб. 253–254.

ности и творчеству Ремизова обозначается в конце 1970-х – начале 1980-х гг.[2], и постепенно на протяжении двух десятилетий в литературоведении формируется направление, называемое ремизоведением[3].

К концу 1990-х гг. благодаря публикации отдельных текстов Ремизова[4] и устойчивой научной традиции их изучения читатель в России мог составить представление о специфике художественного мышления, неординарной литературной позиции писателя, оценить особенности поэтического мира его произведений, созданных как в период петербургской жизни 1900–1910-х гг., так и во время эмиграции 1921–1957 гг.

Знаковым событием в отечественном литературном процессе является издание учеными ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Собрания сочинений писателя[5]. Этот многолетний труд способствовал не только популяризации его наследия в России, но и позволил читателю открыть Ремизова как художественно-эстетический феномен: глубокого мыслителя, великолепного стилиста-сказочника, истинного мастера слова с индивидуальной, неповторимой манерой письма и самовыражения. С этого времени наметился настоящий исследовательский бум в ремизоведении: в период с 2000 г. по 2013 г. копилка отечественной литературоведческой науки существенно пополнилась, на страницах русскоязычной печати как в России, так и за рубежом появилось более тысячи работ различного характера и тематики, посвященных Ремизову. Этот поток исследовательского внимания к наследию писателя можно с полным правом сравнить с неиссякаемым научным интересом к творчеству классиков русской литературы – Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова.

Современники Ремизова, впрочем, как и сам писатель, были уверены в том, что его читатель – человек избранный, обладающий тонким литературным вкусом и любовью к художественному слову. Например, Г. Адамович писал: «Не спорят о Ремизове лишь в том смысле, что человек, сколько-нибудь в литературе сведущий, человек с чутьем и со слухом, знает Ремизову цену, знает, какой это мастер и порою какой волшебник. По душе ли он каждому из отдельных читателей или не по душе – вопрос третьестепенный: писатель, на-

[2] В этом плане следует учесть ранее обозначенный интерес к фундаментальному описанию феномена Ремизова американскими славистами, для которых уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. творчество писателя стало одним из приоритетных направлений научных исследований.

[3] Подробнее см.: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 540–565.

[4] Там же. С. 275–321.

[5] *Ремизов А.М.* Собрание сочинений: В 10 т. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). М.: Рус. книга, 2000–2003.

столько своеобразный, и в своеобразии своем всё чаще склоняющийся к диковинности и чудачеству, не может быть каждому по душе»[6]. Несомненно, Ремизов – писатель для избранных ценителей русской литературы, но даже в этом контексте читательский и исследовательский интерес к его литературной личности и художественному наследию нисколько не умаляется, а с каждым годом только растет.

Активному развитию ремизоведения способствует и возобновившееся в 2015 г. издание сочинений писателя[7], где представлен ряд важных художественных произведений, не вошедших в Собрание сочинений 2000–2003 гг. Для отечественного читателя это событие знаковое, поскольку произведения, при жизни Ремизова опубликованные частями только в периодической печати, преимущественно за рубежом, в данном своде выверены по первоисточникам (печатному тексту, корректуре, рукописи) и воспроизводятся в полном объеме с примечаниями и комментариями[8]. Именно комментарии становятся информационной и аналитической основой для адекватного прочтения текстов Ремизова, базой для корректной научной интерпретации, а также дают современному читателю и исследователю достаточно полную творческую историю создания, редактуры и публикации произведений писателя. Сведения, содержащиеся в комментариях, позволяют читателю ориентироваться в сложном смысловом целом художественного мира Ремизова, понимать ассоциативные связи, творческие интенции автора, верно истолковывать предметно-событийный и образно-тематический строй его произведений.

Над изданием, ориентированным как на широкую читательскую аудиторию, так и на исследователей, работает коллектив высококвалифицированных специалистов ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) по

[6] Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1949. № 191, 28 янв. С. 4.

[7] На данный момент вышло три тома: *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. 790 с. (в том вошли произведения: «Неуемный бубен», «Зга. Волшебные рассказы», «Странница», «Золотое подорожие. Электрумовые пластинки», «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского», «Электрон», «Шумы города», «Корявка», «По карнизам»); *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 12: Русалия. СПб.: Росток, 2016. 991 с. (в том вошли драматический произведения: «Бесовское действо», «Трагедия о Иуде принце Искариотском», «Действо о Георгии Храбром», «Царь Максимилиан», «Русалия»; драматические переводы; статьи о театре и рецензии, впервые опубликованные в своде 1922 г. «Крашенные рыла́»; отзывы на пьесы; приложения: «Стенька Разин», «Храброй витязь Бова Королевич», «Соломон и Китоврас»); *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017. 928 с. (книгу составили произведения: «Россия в письменах» (Т. I и II), «Три серпа» (Т. I и II), «Пляшущий демон. Танец и слово», «Северные Афины – история с географией»). Готовится к изданию 14 том, в который войдет автобиографическое повествование «В розовом блеске», впервые частично опубликованное в американском журнале «Новоселье» в 1948 г.

[8] Следует при этом учесть, что данное Собрание сочинений не является академическим: за редким исключением, произведения воспроизводятся в одной редакции, без вариативных авторских решений.

творчеству А.М. Ремизова: А.М. Грачева, Е.Р. Обатнина, О.А. Линдеберг, В.Н. Быстров. Каждый том сопровождается пространной научной статьей, которая вводит читателя в творческую лабораторию Ремизова и раскрывает специфику художественного мышления писателя, способы его самовыражения. Для исследователей такие концептуальные научные изыскания являются существенным подспорьем, так как позволяют не только определить тематический ракурс прочтения произведений, но и осмыслить сочинения Ремизова в контексте его эстетических, философских, политических исканий. Так, в статье Е.Р. Обатниной «“Я душа человечья…” (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929)» [2015][9], заключающей 11-й том Собрания сочинений, анализируется специфика индивидуального восприятия писателем событий истории, его рефлексия, способы передачи авторского «Я», изменения творческой позиции и художественного мышления, отразившиеся как в идейно-тематической, сюжетно-композиционной и жанровой структуре произведений, так и в глубоком метасмысловом контексте. Новые формы выражения авторского сознания, оригинальный способ восприятия и отображения действительности, не только отступление от литературных канонов в области жанра, но и переосмысление законов линейного повествования, стирание внутренней смысловой границы, традиционно отделяющей бытовое, личное, биографическое от художественного, – всё это дает читателю представление об особом акте жизнетворения Ремизова, в котором миф, сон и реальность, вымышленное, прочувствованное и непосредственно пережитое становятся отражением единого процесса воссоздания непрерывного творческого бытия писателя.

Новаторские интенции Ремизова распространялись не только на прозу, эксперименты с формой и смыслом определяют его ранние драматургические опыты и художественные искания зрелого периода творчества. В статье А.М. Грачевой «“Охваченный жаждой новых форм для выражения вечных тайн”. (Алексей Ремизов и метаморфозы русского театра первой четверти XX века)» [2016] представлена история становления мастерства писателя-драматурга, его роль в формировании новых форм театрального действа и репертуара современной сцены, обозначена роль классических традиций античного и народного театров в определении художественных приемов авторского отражения действительности в контексте историософских

[9] Здесь и далее в квадратных скобках указывается год выхода работы – отсылка к полному описанию, представленному в росписи библиографических материалов (см. Приложение).

взглядов писателя на судьбу России. Эксперименты Ремизова в области жанра, сюжетно-композиционной структуры драмы основаны на многолетнем опыте театральной деятельности, подкрепленном разносторонней теоретической практикой (работа критиком и рецензентом), на его теологических, философских исканиях. Открытие писателем законов поэтики драмы в контексте развития новых течений в русском театральном искусстве первой четверти XX в. позволило современникам осознать необходимость модернизации театра, который должен не только отражать дух и настроения эпохи, откликаться на события истории, но и качественно измениться в своей художественно-эстетической основе.

В русле обозначенного новаторского подхода Ремизова к отображению действительности представляется необходимым глубокий анализ экспериментальной работы писателя над структурой художественного текста, представленный в статье, сопровождающей тринадцатый том Собрания сочинений. А.М. Грачева подробно рассматривает произведения художника, созданные в годы эмиграции, в русле его историософских взглядов. Отмечается отход Ремизова от классических жанровых форм, создание текстов на основе монтажа авторского слова с разнообразными источниками (документами различных эпох), которые позволяют читателю увидеть «на основе этой “мозаики” внутреннюю логику развития русской истории»[10] и авторский прожектор восприятия событий современности («Россия в письменах»). В последующем творчестве писателя, в частности в книге «Пляшущий демон», которая стала первым произведением на русском языке, опубликованным в эмигрантской печати после 18 лет вынужденного молчания писателя, Ремизов аккумулировал основные темы, мотивы и лейтмотивы, «остался верен тому направлению эстетических поисков, которое было начато им в “России в письменах”»[11], представив своеобразный итог размышлений над судьбой России и смыслом истории.

Существенным вкладом в развитие ремизоведения можно считать выход указателя «Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013)» (авторы-составители Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко) [2016], в котором представлен как свод печатных публикаций произведений писателя за 1902–1957 гг., так и первый в истории изучения творчества Ремизова свод критической и научной литературы о личности и художественном наследии писателя на русском и иностранных языках с 1905 по 2013 г. Этот научный «задел» образует

[10] *Грачёва А.М.* «Я, последний книгописец…»: Россия сквозь грани письмен Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 13: Россия в письменах… С. 723.

[11] Там же. С. 738.

пространство для монографических исследований критических рефлексий феномена Ремизова как единства творческих и личностных проявлений.

Новый библиографический указатель охватывает временной отрезок в 111 лет. Впервые объединены две задачи: научная репрезентация уникального творческого наследия Ремизова и роспись многожанровой литературы, посвященной его личности и творческой деятельности. Данный указатель в сравнении с опытом предшественников[12] имеет ряд существенных отличий содержательного порядка. Первая часть справочника представлена внушительным корпусом зафиксированных к настоящему времени печатных публикаций на русском и иностранных языках, который структурирован по жанровому принципу и включает не только художественные произведения и их переводы на другие языки, выступления писателя в повременной печати, но и переводы с иностранных языков, переложения художественных текстов писателя на музыку, издания, отредактированные Ремизовым, а также переписку писателя с современниками.

В отличие от предыдущих библиографий современный свод значительно пополнился списком прижизненных публикаций Ремизова в периодической печати, сборниках и альманахах. Впервые представлен особо значимый для персональной библиографии писателя корпус материалов, отразивший критическую и научную рецепцию творчества и личности писателя с 1905 по 2013 г. Здесь собраны воспоминания и художественные произведения современников Ремизова, критическая литература (статьи, рецензии, журналистские заметки) и научные исследования на русском и иных языках, посвященные творческому наследию Ремизова-писателя и Ремизова-графика.

Новая библиография Ремизова богато иллюстрирована, снабжена тремя указателями. В приложении «Ремизов и его книга» воспроизведены и прокомментированы инскрипты писателя (из собрания Рукописного отдела и Библиотеки Пушкинского Дома) на личных экземплярах его книг, раскрывающие историю создания и публикации отдельных произведений в контексте творческой биографии писателя, а также историю бытования книг в его личной библиотеке.

---

[12] См.: Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; sous la dir. de T. Ossorguine. Paris: Institut d'Études Slaves, 1978. 255 c. (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Études Slaves; T. 44. Série: Écrivains russes en France); *Lampl H.* Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M. Remizovs (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov, établie par Hélène Sinany, Paris 1978) // Wiener slawistischer Almanach. 1979. Bd. 2. S. 301–326; *Livak L.* Russian émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: a Bibliographical essay. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010. VIII + 544 p.

В целом этот многолетний коллективный труд станет не только информационной матрицей для отечественных и зарубежных разысканий в области ремизоведения, но и послужит определенным ориентиром для дальнейших научных поисков в области изучения литературного процесса первой половины XX в.

В последние годы отмечается особенно активный интерес современных исследователей к личности и творчеству писателя. Многочисленные публикации в периодической печати, в сборниках научных трудов, в сериальных изданиях содержательно и тематически разнообразны; учеными проводится работа в русле отдельных направлений ремизоведения, актуальных на протяжении нескольких лет, открываются горизонты и контексты в изучении писательских практик, особенностей авторского сознания, обозначаются новые темы и ракурсы осмысления неисчерпаемого наследия художника. Еще в 1925 г. М. Цветаева заявила о феномене творческой личности писателя: «Для сохранения России, в вечном ее смысле, им сделано больше, чем всеми политиками вместе. Равен труду Ремизова только подвиг солдата на посту»[13]. Действительно, масштаб авторского сознания и неизмеримо глубокий творческий потенциал отражен в богатейшем художественном опыте писателя, в сочинениях, которые до сих пор полностью не известны читателю, соответственно, и не изучены. Это делает научный поиск в области ремизоведения актуальным и востребованным. Сфера исследовательских интересов современных ученых достаточно широка и многообразна: более 140 работ, посвященных Ремизову, опубликовано на русском языке в отечественной и зарубежной печати за 2014–2017 гг.[14] В этом обилии материала, в разнообразии подходов можно наметить несколько тематических векторов, которые формировались в ремизоведении на протяжении сорока лет его развития и являются до сих пор открытыми, а также обозначить новые аспекты осмысления стратегий изучения творческого пути Ремизова.

До настоящего времени учеными проводились серьезные исследования, связанные преимущественно с попытками рассмотреть особенности неординарной для своего времени личности писателя, художественных методов его работы со словом и образом, исследовать поэтику произведений и описать творческий путь Ремизова в контексте эпохи (работы А.М. Грачевой, Е.Р. Обатниной, С.Н. Доценко,

[13] Цит. по: *Федякин С.Р.* Особенности авторского сознания в литературе и критике Русского зарубежья // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов / Отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 455.

[14] См. Приложение.

А.А. Данилевского, Ю.В. Розанова, И.Ф. Даниловой, Ф.Б. Полякова и др.). В этом контексте можно выделить несколько устойчивых тематических линий. Во-первых, это обращение исследователей к особенностям восприятия современниками авторского сознания Ремизова, способов его выражения в художественном, публицистическом, изобразительно-выразительном и биографическом планах. Во-вторых, это неиссякаемый интерес к личности Ремизова-писателя и Ремизова-человека, предоставляющий возможность наиболее полно и точно воспринять феномен творческой индивидуальности художника, его значения и роли в литературном процессе. И, наконец, исследование особенностей поэтики произведений: языкового и образного строя, сюжетного, композиционного и жанрового своеобразия. Спектр научных интересов современных исследователей составляют вполне обозначенные тематические «узлы» и «закруты»[15]: отмечается связь творческого наследия писателя с русской традицией – Пушкиным, Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Достоевским, Лесковым, уровни восприятия авторским сознанием художественного мира классиков; исследуется художественная антропология Ремизова (осмысляется тема детских и женских страданий, анализируется психологический взгляд писателя на женщину, способы мифологизации женского образа, предпринимаются попытки типологизации образов); формируются представления о специфике восприятия Ремизовым христианской и фольклорной традиций, создании «личной» мифологии писателя, интерпретируются образы фольклорной демонологии в художественном пространстве авторского текста; исследуется онейрическая поэтика произведений в мотивно-образном, пространственно-временном, биографическом аспектах. Данная тема неоднократно становилась предметом научного дискурса: еще современники писателя обращались к вопросу о роли снов в жизни и творчестве Ремизова (Д. Философов, А. Амфитеатров, М. Осоргин), в литературоведении 1990–2000-х гг. усиливается интерес исследователей к данной тематической линии (работы А.И. Михайлова, Н.А. Нагорной, П.Ф. Маркина, Е.Е. Вахненко, В.В. Савельевой и др.). В этом ракурсе представляется рубежной знаковая работа А.М. Грачевой «”Творчество как сновидение” (по материалам “Дневника мыслей” Алексея Ремизова)» [2016]. В ней раскрывается специфика «сновидческого творчества» художника, анализируются состав и принципы сюжетно-композиционной и

[15] Терминология А.М. Ремизова. См. авторское предисловие к автобиографическому повествованию «Подстриженными глазами»: *Ремизов А.М.* Собрание сочинений / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). М.: Рус. книга, 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень / Подгот. текста, коммент., послесл. А.М. Грачевой, О.П. Раевской-Хьюз. С. 5–16.

жанровой организации «Дневника мыслей», двухтомного сочинения военного и послевоенного периодов жизни писателя[16] в автобиографическом, историко-культурном, литературном контекстах; рассматривается связь дневниковых записей с художественными произведениями писателя на тематическом, формально-смысловом уровнях.

Одним из новых направлений исследовательской мысли в ремизоведении можно назвать обращение к так называемой литературной регионалистике: исследуется интерес Ремизова к северной фольклорной и литературной традиции. В работах О.В. Сергеева, А.А. Дементьевой, О.А. Ефремовой, К.А. Кордас, Ю.В. Розанова описывается роль и значение образа Вологды в произведениях писателя в контексте биографического материала, особенности мировидения и художественного сознания автора, созвучного эпохальным философским и культурным исканиям. Например, профессор Вологодского университета Ю.В. Розанов в работе «Вологодские реки в текстах Алексея Ремизова» [2015] рассматривает отдельные речные мотивы, которые проявляются в произведениях Ремизова и связаны с его воспоминаниями о проживании на русском севере в качестве политического ссыльного в 1900–1903 гг.

К сожалению, жанровые рамки статьи не позволяют подробно осветить многообразие научных поисков исследователей, однако наиболее существенным тематическим ракурсом представляется интерес ремизоведов к личности Ремизова-писателя и художника, отразившего эпоху в своем творчестве, его значению и роли в литературном процессе. Остановимся на обзоре отдельных наиболее концептуальных и содержательных работ современных ученых.

Облик писателя, его восприятие современниками, человеческое и вещное окружение Ремизова – всё это неоднократно становилось предметом описания и интерпретации ремизоведов. Ю.В. Розанов продолжает данную тематическую линию: в статье «“Лик творчества” писателя А.М. Ремизова» [2017] он рассматривает историю двух известных портретов писателя – графического и словесного, созданных супругами Волошиными. Исследователь отмечает смысловую и композиционную тождественность работ, выполненных в русле идей «младших символистов» о синтезе искусств и коллективном («соборном») творчестве, что, несомненно, отражает специфику восприятия и понимания мира Ремизовым, его ощущение себя в эпохе и эпохи в себе. Созвучной данному тематическому аспекту

[16] *Ремизов А.М.* Дневник мыслей: 1943–1957 гг. Сост., подгот. текста, коммент. А.М. Грачевой, Н.М. Конычевой, Л.В. Хачатурян, О.А. Линдеберг. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. Т. 1: Май 1943 – январь 1946. 374 с.; Т. 2: Январь 1946 – март 1947. 380 с.

интерпретации личности писателя в контексте эпохи, его отношения к историческим событиям является работа А.М. Грачевой «Алексей Ремизов и первая мировая война» [2014], в которой раскрывается мировоззренческая позиция писателя, влияние событий войны на реальные обстоятельства его жизни, проводится анализ произведений, их художественно-эстетической основы в условиях трансформации обозначенных парадигм литературного процесса 1914–1917 гг., рассматривается эволюция историософских взглядов писателя, их связь с авторской концепцией октябрьской революции 1917 г.

Одним из актуальных тематических аспектов в современном ремизоведении можно назвать интерес исследователей к сущности личного и творческого общения писателя с современниками. Так, Е.Р. Обатнина в статье «Замятин pendant Ремизов: игра в шутку и всерьез» раскрывает грани отношений Ремизова с Евгением Замятиным в контексте литературной игры в Великую и Вольную Обезьянью Палату в период их петербургской жизни, взаимный интерес друг к другу после отъезда Ремизова за границу 5 августа 1921 г., влияние писателя-эмигранта на формирование стиля письма советского мэтра[17], отмечает особый тип творческого диалога, который состоялся в их эпистолярном общении, отразился в репортерской практике Ремизова, а также в художественных и публицистических опытах Замятина.

В абсолютно неожиданном ракурсе раскрывается образ писателя в его отношениях с представителями русского авангарда. Е.Р. Обатнина утверждает закономерность возникновения контактов, обусловленных творческими интенциями Ремизова, его практиками в стиле авангардного искусства (например, графические альбомы, коррелирующие с приемами футуристической рукописной книги, похожие на знаменитые литографические книги футуристов). Однако новаторские искания Ремизова, как показывает исследовательница, достаточно самобытны, отличны от художественных экспериментов футуристов; дружеское общение писателя с многими выразителя-

[17] Интерес к этой теме был обозначен ранее: *Осипова Н.О.* К проблеме условных форм в русской реалистической прозе 1910-х гг.: Традиции и новаторство: (А. Ремизов, Е. Замятин) // Общечеловеческое и вечное в литературе XX в.: (Русская и советская литература): Тезисы докладов Всесоюзной науч. конференции 11–14 сент. 1989 г. Грозный, 1989. С. 108–110; *Харчевников А.В.* Е.И. Замятин и «школа А.М. Ремизова» // Творчество Евгения Замятина: Проблемы изучения и преподавания: материалы Первых Рос. Замятинских чтений 21–23 сент. 1992 г. Тамбов: Тамбовский гос. пед. ин-т, 1992. С. 14–17; *Грачева А.М.* К вопросу о литературном контексте романа «Мы» и статьи «Рай» Е.И. Замятина: («Конспекты» апокрифов А. Ремизова: Топография ада и рая) // Евгений Замятин и культура XX в.: Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова. СПб.: РНБ, 2002. С. 141–155; *Хатямова М.А.* Концепция синтетизма Е.И. Замятина // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2005. № 6. С. 38–45.

ми эстетики авангарда как в России, так и в эмиграции «не обеспечивало полного взаимопонимания <…> Сама идея утилитаризма в искусстве обозначила практически непреодолимый барьер восприятия Ремизовым авангардизма как искусства социалистического строительства»[18].

Влияние писателя на представителей культурной элиты начала XX в. неоднократно рассматривалось в ремизоведении, однако многие исследователи вновь обращаются к данной тематической линии, по-новому освещая тип отношений Ремизова с соотечественниками, уровень творческого взаимодействия. Так, предметом научного интереса становятся личные и профессиональные контакты писателя с Вс. Мейерхольдом, продолжавшиеся более 14 лет, также обозначается и влияние современников на творчество Ремизова (например, Ф. Сологуба)[19]. Личные и литературные отношения писателя с эсером, революционером и террористом И.П. Каляевым вновь представляются в контексте биографической «ярославской темы» в статье Н.Н. Иванова и С.Г. Макеева [2015], исследователи анализируют меж- и внутритекстовые переклички, ассоциации, аллюзии, осмысление писателем судеб своих друзей-реакционеров И. Каляева и Б. Савинкова. Образ Ремизова в творческой интерпретации В.В. Набокова в литературоведении уже рассматривался белорусской исследовательницей Н.Л. Блищ[20], однако С.Н. Доценко в статье

[18] *Обатнина Е.* «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов – на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno 2014. P. 187. Как дополнение к работе Е. Обатниной (а также во многом повторение отдельных ее положений) можно рассматривать статью Н. Нагорной «Графика А.М. Ремизова и художественный авангард» [2016], в которой автор анализирует изобразительное творчество писателя в контексте сновидческого пространства и онейрической поэтики, акцентирует внимание на композиционных и оптических особенностях художественного пространства рисунков и специфике авторского осмысления графического материала в создаваемых текстах. Также см. работу Е.Р. Обатниной «Об одной “теневой фигуре” русского Берлина (К истории журнала “Вещь”)», в которой автор приводит историю участия Ремизова, неравнодушного к авангардному искусству, в судьбе берлинского журнала «Вещь», издававшегося в 1922 г. издательством «Скифы», И. Эренбургом и Э. Лисицким.

[19] См. работы А.Ю. Васильевой [2015] и Х.Ш. Табатадзе [2016]. Следует отметить раннюю работу, которая освещает личные и творческие контакты Ремизова с прозаиком и поэтом Ф. Сологубом и его супругой, переводчицей и драматургом А.Н. Чеботаревской: *Грачева А.М.* К истории отношений Алексея Ремизова и Федора Сологуба: (Введение к теме) // Блоковский сборник XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. / Ред. Л. Пильд. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000. С. 171–181. О сотрудничестве писателя с Вс. Мейерхольдом см.: *Фельдман О.М.* Предисловие // В.Э. Мейерхольд. Наследие. М.: Новое издательство, 2006. Т. 2: Товарищество новой драмы: Создание студии на Поварской: Лето 1903–1905 / Сост., предисл. и коммент. О.М. Фельдмана. С. 5–28.

[20] *Блищ Н.Л.* Образ А. Ремизова в творчестве В. Набокова-Сирина // Ярославский пед. вестник. 2013. Т. 1, № 2. С. 195–200; Поэтика отражений: А. Ремизов в творчестве В. Набокова // Веснік Беларус. дзяржаўнага ун-та імя У. І. Леніна. 2013. № 1. С. 6–12.

«“Несвоевременная рокировка”: А. Ремизов глазами В. Набокова» [2015] открывает новые грани художественного восприятия личности Ремизова автором романов «Смотри на арлекинов», «Пнин» (герой произведений как карикатура на творческую личность писателя), отмечает соперничество двух художников, неизменно неприязненное в течение всей жизни отношение Набокова к автору «Взвихренной Руси» и проведенную им «несвоевременную рокировку» в границах сознания – вытеснение на второй план Ремизова как писателя, собственное утверждение на литературном Олимпе[21].

Восприятие личности и творчества художника современниками – одна из наиболее актуальных и популярных тем в современном ремизоведении, которая позволяет раскрыть определенные аспекты формирования литературной репутации писателя в историко-культурном контексте эпохи и определить, насколько значимым был художественный опыт Ремизова в литературном процессе первой половины XX века. Поэтому обращение к архивным материалам, в частности, к эпистолярному наследию Ремизова представляется категорически необходимым[22]. В 2012 г. российские коллекции архивных собраний, пополнились существенным дополнением: в Государственный Литературный музей был передан личный архив А.М. Ремизова[23], хранителем которого на протяжении 50 лет после смерти писателя оставался Егор Данилович Резников, сын Натальи

[21] В этом контексте стоит отметить устойчивый интерес ремизоведов к отношениям Ремизова с другим писателем-антагонистом – И.А. Буниным. Подробнее см. в работах: *Кодрянская Н.* Встречи с Буниным // Литературное наследство / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького. Т. 84: Иван Бунин, кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 342–348; *Доценко С.Н.* А. Ремизов и И. Бунин: Что скрывается за антагонизмом двух писателей? // Зарубежная Россия 1917–1939 = Russian Abroad 1917–1939: Сб. ст. Материалы Международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1939 гг.» (СПб., 4–6 сент. 2002 г.). СПб.: Лики России, 2003. Кн. 2. С. 342–345; *Блищ Н.Л.* И.А. Бунин в жизнетворческом пространстве А.М. Ремизова // Русский язык и литература. 2011. № 6. С. 51–55.

[22] В этом контексте следует оговорить достаточно принципиальный момент – культуру публикации архивных материалов, которая, к сожалению, всё чаще не соблюдается: не указываются выходные данные источников (место хранения и фонды), где и кем из специалистов они воспроизводились ранее или вовсе не были опубликованы до настоящего времени.

[23] На сегодняшний день личный архив Ремизова раздроблен и частями хранится в Москве (Государственный архив Российской Федерации, Государственный литературный музей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Российский государственный архив литературы и искусства, Российская государственная библиотека) и Санкт-Петербурге (Государственный Русский музей, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Литературный музей, Российская национальная библиотека, Санкт-петербургская государственная театральная библиотека). За пределами Российской Федерации рукописное наследие Ремизова и его супруги С.П. Ремизовой-Довгелло хранится в именных фондах Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета г. Нью-Йорка и в Центре Русской культуры Амхерст-Колледжа (США).

Викторовны Резниковой, близкого друга и помощника четы Ремизовых. Материалы этого редчайшего собрания (личные документы, рукописи, автографы, письма, рисунки дореволюционного периода жизни писателя и последнего ее десятилетия) начинают постепенно входить в научный оборот ремизоведов. Так, в статьях А.С. Урюпиной [2015, 2016], хранителя рукописного отдела Государственного литературного музея, личность писателя, его литературные взгляды и социальная позиция раскрываются на фактографической основе: читатель узнает о сближении Ремизова с представителями советской культурной элиты, его независимой точке зрения на литературный процесс метрополии и диаспоры, аполитичности и исключительной увлеченности писателя развитием русской литературы по обе стороны баррикад, влиянии отдельных сочинений, например книги «Огонь вещей», на творческую интеллигенцию середины 1950-х гг.

Публикация документов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах Ремизова, а также в смежных собраниях личных материалов его современников, представляется особенно ценным источником изучения художественного мира и биографии писателя, позволяет заполнить существующие лакуны и прояснить спорные моменты творческого пути художника. Так, в знаковой статье «Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство “Библиофил”» [2016] профессор Стэнфордского университета Лазарь Флейшман пересматривает одно чрезвычайно важное рубежное событие в жизни Ремизова и его супруги – отъезд из Советской России в августе 1921 г. в Эстонию и первые месяцы жизни в эмиграции. Исследование ученого основывается на ранее неизвестных архивных источниках, свидетельствах современников писателя (редких и до сих пор не введенных в научный оборот воспоминаниях поэта, юриста, журналиста М.Л. Кантора[24]), рассматривается роль издательства «Библиофил», с которым писатель сотрудничал после отъезда за границу, его редактора Альберта Орга в ревельской и берлинской жизни Ремизова. Автор статьи проясняет вопрос о «законности» отъезда писателя и его супруги за границу, воспринятого в Советской России как «бегство», а также раскрывает суть истории с пропажей рукописей Ремизова на таможне в Ямбурге при пересечении границы с Эстонией.

Серия работ Е.Р. Обатниной «На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло…» [2014–2017] воспроиз-

[24] Пространные записи-комментарии Кантора приводятся из его Дневника 1936–1960 гг., хранящегося в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

водит по архивным материалам[25] эпистолярный корпус свидетельств личного общения писателя с женой в период с 1903 по 1939 г., складывавшийся в те дни и недели, когда супруги вынуждены были жить раздельно. Этот внушительный свод личных документов четы Ремизовых, собранный и литературно обработанный писателем в 1948 г., через пять лет после смерти С.П. Ремизовой-Довгелло, информационно насыщен, позволяет детально, вплоть до мелочей, пополнить биографическую составляющую отдельных периодов жизни автора, раскрыть внутренний мир, познать его творческие искания, сомнения и решения с позиции предельного личного откровения Ремизова-человека и Ремизова-писателя перед самым близким ему человеком.

Вопрос о литературной репутации Ремизова за рубежом раскрывает в своих работах профессор венского Института славистики Ф.Б. Поляков. В статье «“Взаимное тяготение культур”. Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы» [2014] ученый подробно освещает, основываясь на статистических данных, уровни восприятия творчества писателя представителями чужой культуры, отмечает интенсивность и завидную периодичность появления его произведений на книжном рынке Германии, интерес многих переводчиков к художественному наследию писателя (Йоханнеса фон Гюнтера, Александра Элиасберга, Артура Лютера, Феги Фриш, Кэте Ронеберг, Ганса Руоффа, Рейнгольда фон Вальтера, Вильгельма Рутенберга), исследует историю контактов Ремизова с реципиентами и отмечает определенные профессиональные круги (например, антропософский), заинтересованные в художественных практиках Ремизова в контексте собственных духовных исканий. Работа Ф.Б. Полякова является одним из первых шагов к изучению контактов писателя с представителями зарубежной культурной традиции. В статье «Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I)» [2014] ученый представляет широкий спектр источников, в частности, документы из собрания Amherst Center for Russian Culture, позволяющие дать объективную оценку уровню общения немецких переводчиков с русским писателем, раскрыть его масштабные творческие замыслы, которые во многом остались нереализованными, следовательно, неизвестны ни русскому, ни европейскому читателю. Освещая

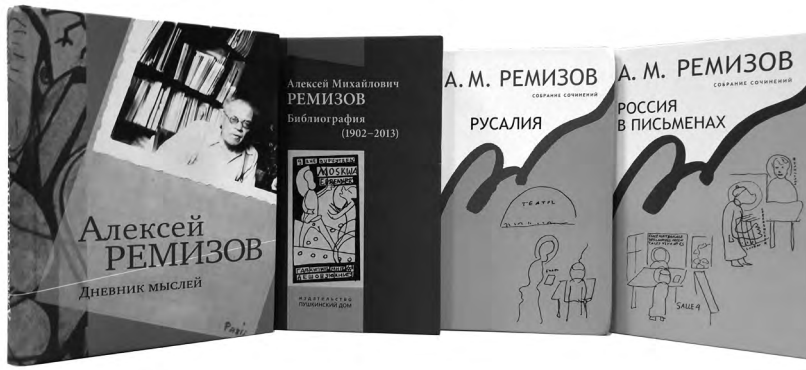
[25] Несколько начальных глав воспроизводятся по печатному тексту книги «На вечерней заре», подготовленной профессором А. д’Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 149–190; 1987. № VI. С. 237–310; 1990. № IX. С. 443–498.

югославянские контакты Ремизова этих же лет, Ф.Б. Поляков, привлекая материалы эпистолярного архива писателя, реконструирует историю его общения с представителями литературного мира Королевства Югославии, преимущественно Белграда[26] (переводчиками, издателями), описывает творческие интенции Ремизова, осуществленные и неосуществленные проекты. Статьи ученого открывают очень важный тематический пласт в современном ремизоведении, позволяя оценить не только значение фигуры Ремизова для отечественного литературного процесса, но и восприятие его творчества в контексте иных культурных традиций.

Немаловажной составляющей в данном ракурсе изучения художественного феномена Ремизова является проблема формирования репутации писателя, основанной на специфике его литературного поведения, тактике и стратегии художественного самовыражения. Уровни формирования литературной репутации писателя, несомненно, определяются не только границами авторского «Я», но прежде всего историко-культурной и социальной реальностью. Предметом научного интереса современных исследователей становится сотрудничество писателя с отечественными повременными изданиями дореволюционного периода и русскоязычной периодической печатью первой волны эмиграции. Творческий потенциал Ремизова раскрывается в контексте редакционной политики изданий (художественных, эстетических стратегий рецензентов и критиков, целей и задач выпускаемых газет и журналов, мировоззренческих установок редакторов). Ю.В. Розанов рассматривает многолетнее сотрудничество писателя с модернистским журналом «Золотое руно» [2017], Е.Е. Вахненко, привлекая эпистолярный корпус материалов из личных архивов писателя, освещает десятилетнюю историю сотрудничества Ремизова с изданиями С.М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонек» в русле неоднократно изменявшихся профессиональных и личных взаимоотношений с редактором А.А. Измайловым [2016, 2017][27]. Е.В. Малышева обращается к вопросу об участии писателя

[26] См. также статью о сотрудничестве Ремизова с белградским журналом «Руски архив»: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и Руски архив: Эпизоды взаимоотношений // Часопис Руски Архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији / Весна Матовић / Станислава Бараћ (уред.). Београд 2015. С. 249–265. (Серија: Историја српске књижевне периодике 27).

[27] В работе воспроизводится лишь небольшая часть переписки Ремизова с критиком и редактором Измайловым, полный эпистолярный свод опубликован в масштабном проекте, выполненном специалистами ИРЛИ РАН: Измайлов А.А.: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с., [8] л. ил.

в евразийском журнале русской диаспоры «Версты» в 1926–1928 гг. [2015]. Одной из редких работ в данном тематическом ракурсе представляется статья рижского слависта Людмилы Спроге, которая обратилась к рецептивному анализу сотрудничества Ремизова с русскоязычными повременными изданиями Латвии 1920-х – 1940-х гг. Исследовательница акцентирует внимание на достаточно сложном восприятии современниками писателя (литературными критиками, собратьями по перу, представителями редакционных коллегий) авторской игры в Обезьянью Великую и Вольную Палату и ее отражения в своеобразных по форме и содержанию сочинениях Ремизова, регулярно появляющихся на страницах газет «Сегодня», «Слово», «Вечернее время», «Рижский курьер», в журналах «Перезвоны», «Для Вас» и т.д. Работа, проведенная Л.В. Спроге, открывает для российской читательской аудитории и, конечно же, для исследователей новые ракурсы восприятия художественно-эстетического феномена Ремизова. Автором статьи привлекаются материалы, до сих пор не введенные в научный оборот (критические отклики на сочинения Ремизова, переписка писателя с редакторами рижских изданий), они не только «значительно восполняют палитру непростых отношений к личности и творчеству писателя»[28], но и сами по себе являются фактографическим материалом, документально подтверждающим неоднозначное восприятие Ремизова как оригинального и самобытного писателя, творческой личности, уникальной для своего времени. Обращение Л. Спроге к фонду зарубежной периодики становится особенно актуальным в условиях т.н. информационного дефицита. Работа с эмигрантской периодической печатью является

[28] *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1922) // Slavica – 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, 2015. С. 49.

наиболее трудоемкой ввиду того, что архивы печатных изданий не сохранены должным образом и повременная печать Русского Зарубежья представлена очень выборочно; исчерпывающими коллекциями эмигрантской периодики на сегодняшний день не располагает ни одно книгохранилище ни в России, ни за ее пределами[29].

В этом направлении следует отметить достаточно активную публикацию эпистолярного наследия Ремизова. Воспроизведение такого рода биографических материалов предполагает раскрытие историко-культурного контекста взаимоотношений писателя с корреспондентами, отражает личные и профессиональные контакты Ремизова с представителями литературного мира. Вступительные статьи, предваряющие публикации этого архивного контента (вместе с научным комментарием), представляют собою концептуальные фундаментальные исследования, посвященные творческой биографии писателя. В истории ремизоведения сформировался достаточно объемный массив такого рода работ[30], однако обширный свод документальных свидетельств литературного быта писателя до сих пор полностью не введен в научный оборот. Поэтому ценнейшим фактографическим материалом являются работы последних лет, выполненные как специалистами по изучению художественного наследия Ремизова, так и исследователями литературы русского Зарубежья[31].

Как видно из представленного обзора научных разысканий в области ремизоведения, основной интерес исследователей направлен на рассмотрение поэтики произведений писателя, а также на изучение особенностей проявления его творческой личности в эпохе в различных проекциях: традиционализм, новаторство, литературное поведение, авторские стратегии, проблемы писательской репутации.

26 ноября 2017 г. исполнилось 60 лет со дня смерти Алексея Михайловича Ремизова, творческий путь которого составил ровно 55 лет (1902–1957). Можно заключить, что литературное наследие, оставленное нам мастером слова, оригинальным и самобытным ху-

---

[29] Этот вопрос подробно освещался в работе: *Коростелев О.А.* Проблемы библиографирования и оцифровки эмигрантской периодики // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: Сб. статей / Под ред. Ю.А. Полякова, О.В. Будницкого. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 258–268.

[30] См. перечень исследований, опубликованных в российских и зарубежных изданиях: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013)… С. 381–400.

[31] См.: «Не поспособствуете ли советом?»: Письма Г.В. Адамовича, Н.А. Оцупа, А.М. Ремизова из архива Б.Ф. Шлёцера [2014]; Вокруг повести Владимира Варшавского «Семь лет». Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова, Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской, М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой [2015]; «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А.М. Ремизов [2014]; *Викторова Т.В.* «Я не оставляю надежды, что YMCA наберется мужества издать…»: Алексей Ремизов и YMCA-Press [2014].

дожником первой половины XX в., нашло своего читателя и исследователя не только в России, но и за рубежом.

“There was no such a merging of a writer and a man in any other Russian writer…” Modern Scholars on the Artistic and Aesthetic Phenomenon of Alexey Remizov

Ekaterina E. Vakhnenko

Abstract: The paper offers a survey of Remizov studies published in Russian (books, publications in periodicals, scholarly series, collections of critical essays) and a brief history of Soviet/Russian Remizov studies in 1970–2017 with a special emphasis on new perspectives in the interpretation of Remizov’s artistic and aesthetic phenomenon. The Appendix contains a bibliography of modern studies written in Russian, non-registered in the 2016 academic bibliographical index.

Keywords: A.M. Remizov, periodicals, reception, Remizov studies, literary reputation, bibliography, artistic aesthetic phenomenon.

Information about the author: Ekaterina E. Vakhnenko, PhD, Associate Professor at Irkutsk State University, Doctor Hab. Candidate at the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russia Academy of Sciences. E-mail: katy250579@mail.ru

Приложение

Библиография работ о А.М. Ремизове на русском языке: 2014–2017 гг. [1]

2014

1. *Аверин Б.В., Данилова И.Ф.* Автобиографическая проза Ремизова // Аверин Б.В. От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, Издат. Дом «Галина скрипсит», 2014. С. 177–206.

2. *Алексеева Н.В.* Цикл «Жерлица дружинная» А.М. Ремизова: Поэтика малых форм // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2014. № 4. С. 107–119.

3. *Д'Амелия Антонелла.* Письмо и рисунок. Альбомы А.М. Ремизова // Культура и текст. Часть 3: Диалог культур. Литература и живопись. Электронная хрестоматия / Сост. Г.П. Козубовская. Барнаул, 2014. С. 239–249. С публикацией 6 рисунков А.М. Ремизова.

4. *Апоненко И.Н.* Особенности наименования персонажей в цикле сказок «Посолонь» А.М. Ремизова // Вісник Дніпропетровського університету. Сер.: Мовознавство. 2014. 22. Вип. 20 (1). С. 9–17.

5. *Барковская Н.В.* Трансформация образа царя Соломона в русской литературе XX–XXI вв. (А. Куприн, А. Ремизов, Л. Горалик) // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2014. № 1 (7). С. 148–153.

6. *Белова Н.С.* Взрослый ребёнок и ребёнок-взрослый (А.М. Ремизов и его произведения) // Филология и литературоведение. 2014. № 2 (29). [Электронный ресурс]. URL: http://philology.snauka.ru/2014/02/685 (дата обращения: 5.11.2017).

7. *Белова Н.С.* Гоголь и А.М. Ремизов: Женщины, кикиморы и кошки // Слово и образ в культуре Русского Севера: Сборник научных статей / Гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда: ВоГУ, 2014. С. 115–119.

8. *Белова Н.С.* Образ женщины в произведениях А.М. Ремизова: К проблеме типологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11–2. Материалы II научно-практической конференции «Общество, наука, инновации» 29–30 октября 2014 г. С. 109–112.

9. *Белова Н.С.* Прототипы женских персонажей произведений А.М. Ремизова // Будущее науки – 2014: Сборник научных статей Международной молодежной научной конференции (23–25 апреля 2014 года). В 3 т. Т. 2 / Ред. А.А. Горохов. Курск, 2014. С. 254–257.

10. *Белова Н.С.* «Русские женщины» А.М. Ремизова (Попытка анализа) // Апробация. 2014. № 11. С. 143–144.

---

[1] Этот перечень материалов, отражающих научную рецепцию творчества Ремизова за последние несколько лет, нужно рассматривать как продолжение второй части масштабного проекта: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 [2] с.: ил.

11. *Блищ Н.Л.* Образы птиц как способ самовыражения в творчестве русских писателей: Гоголь – Ремизов – Сирин – Соколов // Русский язык и литература: научно-методический журнал. Минск, 2014. № 3. С. 59–63.

12. *Блищ Н.Л.* Ремизовские водяные знаки: явленное и подразумеваемое // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 2. С. 17–18.

13. *Буевич О.В.* Стихия огня в книге А.М. Ремизова «Посолонь»: Семантика, структура, функции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2014. № 4. С. 70–77.

14. *Васильева А.* Обезьян Великий // Вопросы театра. 2014. № 4. С. 269–292.

15. *Вахненко Е.Е.* Бурятские традиции в сказках А.М. Ремизова. К вопросу об этнографической и мифологической основе сюжетов // Традиции в русской литературе: международный сборник научных трудов / отв. ред. В.Т. Захарова, Е.М. Дзюба. Нижний Новгород: НГПУ имени Козьмы Минина, 2014. С. 143–149.

16. «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А.М. Ремизов / Публ., вступит. ст. и прим. А.А. Данилевского и С.Н. Доценко // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из арх. ред. / Под ред. О. Коростелёва и М. Шрубы. М., 2014. Т. 4. С. 431–523.

17. *Викторова Т.В.* «Я не оставляю надежды, что YMCA наберётся мужества издать…»: Алексей Ремизов и YMCA-Press // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 563–576.

В тексте статьи воспроизводятся рисунки Ремизова, обложки книг, документы.

18. *Голубков М.М.* Сквозь ремизовские очки: Об одной знаковой монографии // Веснік БДУ. Науковы часопис Беларускага дзяржаунага універсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 2. С. 13–16.

Рецензия на книгу: Блищ Н.Л. А.М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия. Минск, 2013.

19. *Грачёва А.М.* Алексей Ремизов и первая мировая война. Введение к теме // Русская литература. 2014. № 2. С. 23–29.

20. *Грачёва А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской академии наук // Русская литература. 2014. № 3. С. 185–196.

21. *Грачёва А.* Дневник мыслей Алексея Ремизова и русская эмиграция 1940-х годов // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков = Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku: сборник статей в честь профессора Халины Вашкелевич / под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2014. С. 241–250. (Rosja: Myśl. Słowo. Obraz / Inst. filologii wschodniosłowiańskiej Uniw. Jagiellońskiego; t. 17).

22. *Дворяшина Н.А.* А.М. Ремизов о трагизме вхождения детей в земное бытие // От текста к контексту. 2014. № 1. С. 36–46.

23. *Дементьева А.А.* «Родословие» писательского таланта в книгах А.М. Ремизова «Подстриженными глазами», «Иверень» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 76–79.

24. *Доценко С.* Каламбуры русского писателя А. Ремизова // Экология родного языка и культуры: сб. статей / Отв. ред. И. Белобровцева. М.: Флинта, Наука, 2014. С. 66–71.

25. *Доценко С.* «Кто, откуда пришел он?» (Ф. Достоевский в эссе А. Ремизова Огненная Россия) // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI

веков = Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku: сборник статей в честь профессора Халины Вашкелевич / под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2014. С. 235–240. (Rosja: Myśl. Słowo. Obraz / Inst. filologii wschodniosłowiańskiej Uniw. Jagiellońskiego; t. 17).

26. *Доценко С.* Могут ли имена лгать? (Еще раз об одной загадке А. Ремизова) // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками: Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллиннском ун-те (8–10 июня 2012 г.) / Ред.-сост. Т.Д. Кузовкина. (182−193). Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus. С. 182–193. (ACTA Universitatis Tallinnensis. Humaniora).

27. *Доценко С.* От Набережной Фонтанки к Rue Boileau: Об одном петербургском мотиве в «Мышкиной дудочке» А.М. Ремизова // Семиотика города: Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллиннском университете (3–5 июня 2011 г.) / Ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллин: Изд-во ТЛУ, 2014. С. 224–240.

28. *Ефремова О.А.* Пространство повестей А.М. Ремизова 1910-х годов в онейрическом аспекте // Омский научный вестник. 2014. № 1 (125). С. 130–133.

29. *Ефремова О.А.* «Столицы–провинции» как реализация оппозиции «своё-чужое» в произведениях А.М. Ремизова 1900-х годов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 48–52.

30. *Ефремова О.А.* Художественное пространство как условная модель в романе А.М. Ремизова «Пруд» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 36–38.

31. *Жегалова О.А.* Символика цвета в романе А. Ремизова «Пруд» // Актуальные проблемы лингвистики – 2014: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (6 марта 2014 г.) / [отв. ред. Х. С. Шагбанова]. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. С. 53–58.

32. *Калимуллина Е.В.* Интерпретация образов фольклорной демонологии в творчестве А.М. Ремизова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): В 3-х ч. Ч. II. С. 65–70.

33. *Кашуба А.В.* Херсонскими следами Алексея Ремизова // Научный поиск. 2014. № 2 (6). С. 19–21.

34. *Кибальник С.А.* Велимир Хлебников в «Козлиной песне» Константина Вагинова (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 19–31.

Повесть Ремизова «Крестовые сёстры» как литературный прообраз романа «Козлиная песнь» К. Вагинова.

35. *Кибальник С.А.* Пушкин у Ремизова // Кибальник С.А. Пушкин: Лики и «отраженья». Статьи, заметки, эссе. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. С. 436–441.

36. *Кривошея Н.А.* Повесть А.М. Ремизова «Крестовые сёстры» в аспекте идейно-художественного своеобразия творчества писателя и литературных традиций // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 49–56.

37. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.Р. Обатниной) // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178.

38. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.Р. Обатниной) // Русская литература. 2014. № 3. С. 142–185.

39. «Не поспособствуете ли советом?»: Письма Г.В. Адамовича, Н.А. Оцупа, А.М. Ремизова из архива Б.Ф. Шлёцера (Вступительная статья, подготовка текста

и комментарии М.В. Ефимова и О.А. Коростелёва) // Русская литература. 2014. № 3. С. 200–212.

40. *Обатнина Е.* «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов – на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno 2014. P. 181–204. (Europa Orientalis, 22).

В тексте статьи публикуются письма Д.Д. и М.Н. Бурлюк А.М. и С.П. Ремизовым 1922, 1951 гг. с комментариями.

41. *Обатнина Е.* Замятин pendant Ремизов: игра в шутку и всерьез // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I. / Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman (eds.). Stanford. 2014. P. 310–324 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

42. *Обатнина Е.* Об одной «теневой фигуре» русского Берлина (К истории журнала «Вещь») // 1913. «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма: материалы международной научной конференции (Женева, 10–12 апреля 2013 г.) / сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара и А. Морар. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 421–432.

43. *Обатнина Е.* Подруги: Один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков = Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku: сборник статей в честь профессора Халины Вашкелевич / под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2014. С. 251–262. (Rosja: Myśl. Słowo. Obraz / Inst. filologii wschodniosłowiańskiej Uniw. Jagiellońskiego; t. 17).

44. *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I). // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I. / Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman (eds.). Stanford, 2014. P. 325–338 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

45. *Поляков Ф.* «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А.М. Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per Antonella D'Amelia, a cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno 2014. P. 347–360 (Europa Orientalis, 22).

46. *Розанов Ю.В.* Древнерусский апокриф в «декадентской» версии // Слово и образ в культуре Русского Севера: сборник научных статей / Ред. Г.В. Судаков. Вологда: ВоГУ, 2014. С. 156–166.

47. *Сидор М.* Женские образы в прозе А.М. Ремизова и А.И. Солженицына: Актуализация древнерусской житийной традиции // Традиции в русской литературе: международный сборник научных трудов / отв. ред. В.Т. Захарова, Е.М. Дзюба. Нижний Новгород: НГПУ имени Козьмы Минина, 2014. С. 124–132.

48. *Созина Е.К.* Северные нарративы в литературе путешествий начала XX в. // Нарративные традиции славянских литератур: от средневековья к новому времени: сб. ст. / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 206–216.

В частности, о произведении Ремизова «В царстве полуночного солнца».

49. *Сорокина Г.А.* Тибетская тема в произведениях А. Ремизова // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 2 (70). С. 48–54.

50. *Шелаева А.А.* Н.С. Лесков – трансцендентальный друг и наставник А.М. Ремизова // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков = Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku: сборник статей в честь профессора Халины Вашкелевич / под редакцией Анны Скотницкой

и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2014. С. 223-234. (Rosja: Myśl. Słowo. Obraz / Inst. filologii wschodniosłowiańskiej Uniw. Jagiellońskiego; t. 17).

2015

1. *Алексеева Н.В.* «Ункрада» А. Ремизова – Н. Рериха: Автономность и взаимопроникновение слова и краски // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9. С. 100–107.

2. *Белова Н.С.* «Вечная женственность ныне в теле нетленном на землю сойдёт» (Женские образы в творчестве А. Ремизова) // Вечность как сюжет: Статьи и материалы. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 297–303. (Время как сюжет; Вып. 4).

3. *Белова Н.С.* «Плач девушки перед замужеством»: Зыряне и А. Ремизов // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 460–462.

4. *Бойко О.А.* Актуализация белого цвета в романе А.М. Ремизова «Пруд» // Актуальные проблемы лингвистики – 2015: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, 15 апреля / отв. ред. Х.С. Шагбанова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. С. 93–98.

5. *Васильева А.Ю.* Действующие лица и исполнители: А.М. Ремизов и Вс.Э. Мейерхольд // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 3. С. 9–27.

6. Вокруг повести Владимира Варшавского «Семь лет». Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова, Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской, М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой / Публ., подгот. текста и примеч. М.А. Васильевой и О.А. Коростелёва // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 218–242.

7. *Грачева А.М.* «Дневник мыслей»: слои бытия Алексея Ремизова 1940-х годов // Ремизов, А.М. Дневник мыслей 1943 – 1957 гг. / отв. ред., автор вступ. ст. А.М. Грачева; [подгот. текста О.А. Линдеберг; коммент. А.М. Грачевой и Л.В. Хачатурян]. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. 2 т. Январь 1946 – март 1947. С. 7–32.

8. *Дементьева А.А.* «Женский миф» в романе А.М. Ремизова «Иверень» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3–1 (148). С. 92–95.

9. *Дементьева А.А.* Женщина в «мужском» мире: мотив компенсации женской обездоленности в романе А.М. Ремизова «В розовом блеске» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 52–55.

10. *Дементьева А.А.* Зырянский край в автомифологии А.М. Ремизова // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 476–477.

11. *Доценко С.Н.* Демифологизация образа Ф. Достоевского в книге А. Ремизова «Учитель музыки» // Rivista quadrimestrale di culture dei paesi slavi. eSamizdat. 2014–2015 (X). P. 95–101.

12. *Доценко С.Н.* «Несвоевременная рокировка»: А. Ремизов глазами В. Набокова // Культура русской диаспоры: Знаки и символы эмиграции: сб. ст. / ред. А.А. Данилевский, С. Н. Доценко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 193–205.

13. *Доценко С.Н.* // Откуда в повести А. Ремизова «Крестовые сестры» пожарный в медной каске? // Проблемы поэтики и стиховедения. Материалы VII Международной научно-теоретической конференции (4–6 мая 2015 г.). Алматы: Улагат, 2015. С. 131–133.

14. *Желтова Н.Ю., Орлова Е.В.* Письма А.М. Ремизова Дону Аминадо (А.П. Шполянскому) // Филологическая регионалистика. 2016. № 1 (17). С. 58–62.

15. *Жернова Н.С.* Образ Вологды в ранних произведениях А.М. Ремизова // Вологодский текст в русской культуре: Сборник статей по материалам конференции. Вологда: Легия, 2015. С. 271–275.

16. *Иванов Н.Н., Макеева С.Г.* Иван Каляев и Алексей Ремизов: Ярославские встречи // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 114–118.

17. *Ивинский А.Д.* Ремизов Алексей Михайлович // Новая Российская Энциклопедия. В 18 томах. Т. 14. Ч.1. М.: Энциклопедия, 2015. С. 92–93.

18. *Кордас К.А.* Поэтика снов в романе «Часы» Алексея Ремизова // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (98). С. 72–75.

19. *Кордас К.А.* Сны и сновидения в романе «Крестовые сёстры» Алексея Ремизова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое изд-во, 2015. С. 39–43.

20. *Кривошея Н.А.* Идейно-художественное своеобразие романа-коллажа А.М. Ремизова «Взвихрённая Русь» // Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных дисциплин и методик их преподавания: Материалы очно-заочного семинара (г. Нижневартовск, 26 декабря 2015 г.) / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 149–152.

21. *Малышева Е.В.* А.М. Ремизов в журнале «Вёрсты» // Вологодский текст в русской культуре: Сборник статей по материалам конференции. Вологда: Легия, 2015. С. 296–301.

22. *Мийе-Жерар Д.* Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Золотая трость» / Перевод с французского Л.В. Слуцкой // Новейшая история России. 2015. 1 (12). С. 191–202.

В частности, об участии в журнале А.М. Ремизова.

23. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.Р. Обатниной) // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203.

24. *Обатнина Е.* «Я душа человечья…» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. С. 574–611.

25. *Огура Хикару*. «Японский журнал» и карикатуры на Алексея Ремизова // Зборник Матице српске за славистику = Славистический сборник = Review of Slavic Studies. 87. 2015. S. 149–162.

26. *Поляков Ф.* Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 2015. N.F. 3. P. 248–262.

27. *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и Руски архив: Эпизоды взаимоотношений // Часопис Руски Архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији / Весна Матовић / Станислава Бараћ (уред.). Београд 2015. С. 249–265. (Серија: Историја српске књижевне периодике 27).

28. *Розанов Ю.В.* Вологодские реки в текстах Алексея Ремизова // Водные пути: пути жизни, пути культуры: Материалы международной научной конференции (Тверь, 15–19 сентября 2015 года) / Ред.: Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Тверь: ООО «СФК-офис», 2015. С. 313–321.

29. *Розанов Ю.В.* Плагиат из фольклора: Случай А.М. Ремизова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3 (64). С. 82–86.

30. *Розанов Ю.В.* «Старосветские помещики» в комментариях А.М. Ремизова // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г.) / Под общ. ред., предисл. В.П. Викуловой. М.–Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2015. С. 190–195.

31. *Седова И.Н.* Пластическое и вербальное в русском символизме. Творческие параллели Анны Голубкиной, Алексея Ремизова и Митрофана Руковишникова // Третьяковские чтения. 2014: материалы отчетной научной конференции / ред. кол. Л.И. Иовлева, Т.В. Юденкова. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2015. С. 216–235.

32. *Сетько О.* Образы поляков в книге А.М. Ремизова «Иверень» // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3. С. 292–302.

33. *Сироткина И.Е.* Кто придумал «Весну»? // Научный вестник Московской консерватории. 2015. № 1 (20). С. 58–69.
О роли А.М. Ремизова в создании балетов «Весна священная» и «Алалей и Лейла».

34. *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1922) // Slavica – 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, 2015. С. 49–61. (Rusistica Latviensis 5).

35. *Топорков А.Л.* Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // Русская литература. 2015. №1. С. 5–29.
В частности, о произведениях А.М. Ремизова.

36. *Топорков А.Л.* Повесть А.М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / Отв. ред. член-корр. РАН А.Л. Топорков. М.: «Индрик», 2015. С. 170–191. (Серия «“Вечные” сюжеты и образы». Вып. 1.).

37. *Урюпина А.С.* «Жили одиноко и скрытно». О репутации и литературном окружении А.М. Ремизова в Париже 1920–1930-х годов (по материалам архива писателя в Государственном литературном музее) // Октябрь. 2015. № 7. С. 186–192.

38. *Фалалеева О.В.* Особенности изображения юродивых в произведении А.М. Ремизова «Крестовые сёстры» // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, ГосИРЯ им. Пушкина, 18–22 мая 2015 года). М.-Ярославль: Ремдер, 2015. С. 36–43.

39. *Чубракова З.А.* Тема покаяния в «Слове о погибели земли русской» и «Заповедном слове русскому народу» А.М. Ремизова // Православные духовно-нравственные идеалы и традиции – опора российского общества и государственности: Материалы XXIV Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (700-летию Преподобного Сергия Радонежского посвящается). Томск, 2015. С. 51–57.

2016

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 [2] с.: ил.

2. *Апоненко И.Н.* Аутентичные номинации мифических персонажей в цикле сказок «К Морю-Океану» А.М. Ремизова // In Nōminum Spatio: Материалы I Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (16–18 октября 2015 г.) // Отв. Ред. В.М. Калинкин. Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. С. 150–159.

3. *Бабаскина Т.Л.* Проблема подлинной коммуникации и воспоминание (На основе анализа одного воспоминания А. Ремизова) // Барулинские чтения: Россия в эпоху социальных трансформаций: к 75-летию Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. С. 87–91.

4. *Брук П.С.* Алексей Ремизов в Вологде: Дом Сегаля – Ружже // Клио. 2016. № 12 (120). С. 176–186.

5. *Буянкина А.С.* Образ Иуды в произведениях Леонида Андреева и Алексея Ремизова: Общее и различное // Теория и практика современной науки. 2016. № 5 (11). С. 136–139.

6. *Буянкина А.С.* Традиции Алексея Ремизова в сценическом искусстве второй половины XX в. // Теория и практика современной науки. 2016. № 5 (11). С. 139–145.

7. *Вахненко Е.Е.* А.М. Ремизов в изданиях С.М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонёк»: К истории сотрудничества (1907–1911) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 79–92.

8. *Герра Р.* Моя ремизовиана // Literatūra. 2016. Т. 58. № 2. Р. 134–143.
В тексте приводятся автографы Ремизова из коллекции Р. Герра.
Первую публикацию статьи без автографов Ремизова см.: Новый журнал. Нью-Йорк. 2015. № 280. С. 240–246.

9. *Грачёва А.М.* «Творчество как сновидение» (По материалам «Дневника мыслей» Алексея Ремизова) // Текст и традиция: альманах, 4 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». СПб.: Росток, 2016. С. 130–144.

10. *Грачёва А.М.* «Охваченный жаждой новых форм для выражения вечных тайн…» (Алексей Ремизов и метаморфозы русского театра первой четверти XX века) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 12: Русалия. СПб.: Росток, 2016. С. 676–727.

11. *Дворникова Л.Я.* Заграничная печать о смерти Блока (К неосуществленному замыслу А.М. Ремизова) // Александр Блок: исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 307–332.

12. *Доценко С.* «Фламандская школа» Питера Брейгеля в апокрифе А.М. Ремизова «Рождество Христово» // Услышать ось земную. Festschrift for Thomas Langerak: Pegasus Oost-Europese Studies / Edited by Ben Dhooge, Michel De Dobbeleer. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2016. С. 91–104.

13. *Доценко С.Н.* Об источниках сказки А.М. Ремизова «Султанский финик» // Slavica Revalensia. 2016. №. 3. С. 95–112.

14. *Жернова Н.С.* Борец или лишний человек? (Мужской образ в прозе А.М. Ремизова 1903–1910 гг.) // Universum: филология и искусствоведение. 2016. № 11 (33). С. 22–23.

15. *Жернова Н.С.* Символика женских образов в повести Алексея Ремизова «Крестовые сёстры» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 5 (74). С. 74–77.

16. *Жернова Н.С.* Тема женской любви в книгах А.М. Ремизова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое изд-во, 2016. С. 19–21.

17. *Калафатич Ж.* Образ Уникрады в различных интерпретациях (анализ интермедиальных процессов в творчестве А. Ремизова и Н. Рериха) // Studia Slavica Savariensia. 2016. № 1–2. 244–251.

18. *Кривошея Н.А.* Судьба «Святой Руси» в представлении А.М. Ремизова (По произведениям зрелого периода творчества) // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4 (73). С. 159–161.

19. *Кривошея Н.А., Култышева О.М.* Образ обезьян из «Обезвелволпала» в романе-коллаже «Взвихрённая Русь» А.М. Ремизова // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 09–10 февраля 2016 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. Ч. I. С. 265–267.

20. *Линдеберг О.А.* Международная конференция «Наследие А.М. Ремизова и XXI век» // Русская литература. 2016. № 3. С. 279–283.

Обзор конференции, состоявшейся 19–20 октября 2015 г. в «Пушкинском Доме» ИРЛИ РАН.

21. *Матевосян Е.*Р. Следы А.М. Ремизова в архиве А.М. Горького // Горький, Шмелев, Тэффи и другие: Юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2015. С. 111–120.

22. *Молчанова Н.А.* «Человек одно, а строй его жизни другое». А.М. Ремизов // Русская литература XX века: учебное пособие. Воронеж, 2016. С. 213–225.

23. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.Р. Обатниной) (Окончание) // Русская литература. 2016. № 2. С. 162–211.

24. *Нагорная Н.* Графика А.М. Ремизова и художественный авангард // Awangarda, awangardyzm, awangardowość w teorii i praktyce: zbiór studiów / pod redakcją Sławomira Sobieraja i Romana Bobryka. Siedlce: Pracownia Wydawnicza Wydziału Humanistycznego, 2016. S. 63–88.

В тексте статьи воспроизводятся рисунки Ремизова преимущественно из частных коллекций Н.В. Резниковой, А.Я. Полонского, Г.В. Чижова, Д.А. Соложева.

25. *Розанов Ю.В.* Алексей Ремизов и «Слово о полку Игореве» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6 (75). С. 104–109.

26. *Розанов Ю.В.* Курортный текст А.М. Ремизова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 1 (1). С. 46–49.

27. *Розанов Ю.В.* Море-океан и северные реки: Водная символика Алексея Ремизова // Беловский сборник. Вып. 1. Вологда: Легия, 2016. С. 81–87.

28. *Розанов Ю.В.* Очерк А.М. Ремизова «К пятидесятилетию “Пошехонской старины”»: Текст и контекст // Щедринский сборник. Выпуск 5: М.Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / ред.-сост. Е.Н. Строганова. М.: РИО МГУДТ, 2016. С. 294–300.

29. *Розанов Ю.В.* Очерк А.М. Ремизова «Центурион»: Текст и контекст // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 2 (2). С. 65–69.

30. *Сергеев О.В.* История и личность в рассказах-миниатюрах Алексея Ремизова. Цикл «Бедовая доля». Рационально-иррациональный аспект художественного мира писателя // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 4. С. 109–119.

31. *Сурмачёв О.Г.* К вопросу о первом прочтении романа «Пруд» А.М. Ремизовым. // Бюллетень Адвокатской Палаты Вологодской области. Вологда, 2016. № 1 (34). С. 84–87.

32. *Табатадзе Х.Ш.* Нарративно-рецептивное сопряжение прозаического наследия Ф. Сологуба с творчеством А. Ремизова // Художественная литература как культурный ансамбль: Сборник статей II Международной конференции, посвященной Году Литературы в России. М.: ИД «МИТРО», Изд-во «Перо», 2016. С. 82–85.

33. *Урюпина А.С.* «Огонь бывает только настоящим...». Современники о книге А. Ремизова «Огонь вещей» // Новый журнал. Нью-Йорк. 2016. № 284. С. 138–151.

34. Флейшман Л. Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. Bd. 4. 2016. С. 42–74.

2017

1. *Бойко О.А.* Круг как элемент пространства в романе А.М. Ремизова Пруд» // Young Scientist. 2017. № 5 (45). С. 139–142.

2. *Бредихина В.Н.* Детская литература серебряного века: А.М. Ремизов. Сборник сказок «Посолонь» // Традиции и новации в системе дошкольного образования: Материалы Международной научно-методической конференции / Под редакцией С.О. Домбек. Псков, 2017. С. 29–32.

3. *Букотина-Исупова Е.Н.* Мифопоэтический образ Москвы в рассказе «Петушок» Алексея Ремизова // Аксиологический диапазон художественной литературы: сборник научных статей / сост.: В.Ю. Боровко [и др.]. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017 С. 125-128.

4. *Бунчук Т.Н.* Лингвостилистические свойства имён персонажей в повести А.М. Ремизова «Крестовые сёстры» // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: сборник трудов к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 8–16. (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 1).

5. *Вахненко Е.Е.* А.М. Ремизов в изданиях С.М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонёк»: К истории сотрудничества (1912–1914) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 43–58.

6. *Грачёва А.М.* «Я, последний книгописец…»: Россия сквозь грани письмен Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017. С. 716–738.

7. *Енишерлов В.* «Он рисовал замечательно и диковинно» // Наше наследие. 2017. № 120. [Электронный ресурс]. Дата доступа: 12.11.2017 г. http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12009.php

В тексте статьи опубликованы рисунки, фотографии, страницы рукописей А.М. Ремизова.

8. *Жернова Н.С.* Идеальная мученица или грешница (Образ девочки в произведениях А.М. Ремизова) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 191–194.

9. *Карпенко И.Е.* Алексей Ремизов и русское слово // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. / Отв. ред.: В.И. Аннушкин. М., 2017. С. 214–219.

10. *Керимова Д.Ф.* Концепт «Петербург» в творчестве А.М. Ремизова и Т.Н. Толстой: Опыт интертекстуального прочтения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–2 (73). С. 25–27.

11. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год (вступительная статья и комментарии Е.Р. Обатниной, подготовка текста А.С. Урюпиной) // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–95.

12. Переписка А.А. Измайлова и А.М. Ремизова (1911–1918) // А.А. Измайлов: Переписка с современниками / Преамбулы, подготовка текстов и коммент. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 315–384.

13. *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и берлинские автографы Андрея Белого // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика / Ред.-сост.: Корнелия Ичин и Моника Спивак. Белград-М., 2017. С. 294–303.

14. *Поспелова О.В.* Образ «Полунощного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 131–136.

15. *Розанов Ю.В.* Алексей Ремизов в журнале «Золотое Руно» // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Вып. 7 (13). Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 37–44.

16. *Розанов Ю.В.* «Лик творчества» писателя А.М. Ремизова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1 (4). С. 58–63.

С публикацией портрета Ремизова работы М. Сабашниковой.

17. *Розанов Ю.В.* Феномен русского стиля А.М. Ремизова // Родная речь: сборник научных статей. Вологда: Изд-во ВоГУ, 2017. С. 310–320.

18. *Сердечная В.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and the Hell»: загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). [Электронный ресурс]. http://www.nlobooks.ru/node/8800 Дата доступа: 12.11.2017 г.

19. *Солнцева Н.М.* А.М. Ремизов // История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов). Реализм. Т. 1. М.: Юрайт, 2017. С. 248–257.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2017 № 6

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 28.04.2018

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 000
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №